

ISSN 0132—3776

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

BYZANTINA ХРОНИКА

64(89)

2005

НАУКА

*К 80-летию действительного члена
Российской академии наук
Геннадия Григорьевича Литаврина*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

BYZANTINA CHRONIKA

Том 64 (89)

Ответственный редактор тома
И. С. ЧИЧУРОВ

МОСКВА НАУКА 2005

Редакционная коллегия:

академик РАН Г.Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор),
 доктор исторических наук М.В. БИБИКОВ,
 доктор искусствоведения В.Н. ЗАЛЕССКАЯ,
 член-корреспондент РАН С.П. КАРПОВ,
 А.М. КРЮКОВ (отв. секретарь),
 доктор исторических наук Г.Е. ЛЕБЕДЕВА,
 член-корреспондент РАН И.П. МЕДВЕДЕВ (зам. отв. редактора),
 доктор исторических наук М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
 доктор искусствоведения О.С. ПОПОВА,
 доктор исторических наук И.С. ЧИЧУРОВ (зам. отв. редактора)

Редакционный совет:

академик НАН Республики Армения Р.М. БАРТИКЯН (Ереван),
 доктор исторических наук О.Р. БОРОДИН,
 доктор исторических наук В.П. ДАРКЕВИЧ,
 доктор исторических наук Н.Ю. ЛОМОУРИ (Тбилиси),
 академик НАН Украины П.П. ТОЛОЧКО (Киев),
 доктор исторических наук К.В. ХВОСТОВА,
 доктор исторических наук А.А. ЧЕКАЛОВА,
 профессор И.И. ШЕВЧЕНКО (Бостон), член-корреспондент РАН Я.Н. ЩАПОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.П. МАРИНОВИЧ,
 доктор исторических наук Л.Е. СЕМЕНОВА

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ в 1894 году

Византийский временник-BYZANTINA XRONIKA / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1894–.

Т. 64 (89) / отв. ред. И.С. Чичуров. – М. : Наука, 2005. – 343 с. : ил. ISBN 5-02-010301-2.

Тематически и хронологически очередной том ежегодника отражает широкий спектр проблематики современного византиноведения. Спорные вопросы связаны с изучением земельной собственности; этносоциальная тематика представлена материалами о египетском монашестве; значителен комплекс работ по источниковедению и истории византийской литературы. Не оставлена без внимания и история связей Византии с другими странами средневековья: Грузией, Россией, скандинавским регионом. Традиционно представлена искусствоведческая тематика статьями по истории архитектуры, иконописи и фресковой живописи. Впервые публикуется полный текст автобиографии выдающегося российского византиста В.Н. Бенешевича.

Для специалистов-византиноведов и широкого круга читателей, интересующихся историей Византии и ее многовековых связей с окружающим миром.

Темплан 2005-II-243

ISBN 5-02-010301-2

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Византийский временник”, 1894 (год основания). Редакционно-издательское оформление, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К.В. Хвостова (Москва) Спорные вопросы византийской земельной собственности	5
А.А. Войтенко (Москва) Этнический и социальный состав египетского монашества по данным “Лавсаика”	23
П.В. Шувалов (Санкт-Петербург) Урбийкий и “Стратегикон” Псевдо-Маврикия	34
О.В. Смирнова (Москва) Евнапий и Зосим в Excerpta de sententiis и Excerpta de legationibus Константина Багрянородного	61
Д.А. Коробейников (Оксфорд) Михаил VIII Палеолог в Румском султанате	77
Я.Н. Любарский (Санкт-Петербург) Мануил I глазами Киннама и Хониата	99
И.В. Нарусевич (Санкт-Петербург) Драма и эпос у Анны Комниной (роль цитаты в “Алексиаде”)	110
Т.В. Куц (Екатеринбург) Образ отечества в корреспонденции Мануила II Палеолога	136
К.И. Лобовикова (Екатеринбург) Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель	141
А.В. Занемонец (Москва) Был ли Иоанн Евгений свидетелем падения Константинополя?	156
Е.А. Мельникова (Москва) Византия в свете скандинавских рунических надписей	160
М.М. Никитенко (Киев) Пещеры Киевской Лавры: их истоки и миссия	181
К.А. Максимович (Москва) “Закон Судный людям” в Печатной кормчей 1653 г. (К изучению рецепции мефодиевского наследия в Древней Руси)	189
Ю.Л. Шапова (Москва) Стеклянные потиры: археологический аспект истории священных сосудов	198
А.М. Высоцкий (Москва) Церковь Богоматери Влахернской в Константинополе, ее отражения на Руси и византийско-русские архитектурные связи в домонгольскую эпоху	211
Н.Ю. Ломоури (Тбилиси) Некоторые аспекты грузино-византийских культурных связей	225
Н.У. Чичинадзе (Тбилиси) К изучению икон средневековой Грузии (по материалам письменных источников)	232
Н.В. Герасименко (Москва) Декорация алтарной части кафоликона монастыря Осииос Лукас	245
С.Н. Гукова (Санкт-Петербург) Богоматерь с символами евангелистов	256

Рецензии и аннотации

Л.Г. Хрушкова (Москва) Раннехристианская и византийская археология: новые книги	271
И.А. Орецкая (Москва) Iacobiri A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio. Un manoscritto bizantino da Costantinopoli a Messina. Roma: Agros, 1998 (“Milion. Studi e ricerche d’arte bizantina”, 4). 187 p.	280

В. Чистякова (Москва)	
Kaldellis A. The Argument of Psellos' <i>Chronographia</i> . Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 223 p.	283
С.В. Близнюк (Москва)	
Otten-Froux C. (publ.) Une enquête à Chypre au XVe siècle. Le syndicamentum de Napoleone Lomellini, capitaine génois de Famagouste (1459). Nicosia, 2000. 305 p.	285
М.С. Меньшикова (Москва)	
Ceran W. Historia i bibliografia rozumowana bizantynologii polskiej (1800–1998). T. 1–2. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2001 (Byzantina Lodziensia, VI)	289
Д.И. Макаров (Екатеринбург)	
Поляковская М.А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003 (Серия "Античная древность и средние века". Т. 2). 432 с.	290
Р.М. Шукуров (Москва)	
Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: "Прогресс-Традиция", 2003. 656 с., 238 ил.	297

Хроника

А.А. Чекалова (Москва)	
К 70-летию Ксении Владимировны Хвостовой	302
Л.А. Герд, Е.Н. Мещерская, Е.К. Пиотровская (Санкт-Петербург)	
К 70-летию Игоря Павловича Медведева	304
Т.А. Шамгунова (Екатеринбург)	
XI Научные чтения памяти М.Я. Сюзюмова	307
А.А. Войтенко, А.М. Крюков, М.А. Курьшева, И.С. Чичуров (Москва)	
Византия и Запад (950-летие схизмы христианской Церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). XVII Всероссийская научная сессия византистов. Москва 26–27 мая 2004 года	313

Публикации

И.П. Медведев (Санкт-Петербург)	
Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры	316
Я.Н. Шапов (Москва)	
Полный текст "Автобиографии" В.Н. Бенешевича	335
Автобиография В.Н. Бенешевича	338
Список сокращений	343

К.В. Хвостова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ*

Структура и особенности византийской земельной собственности, как и многие другие проблемы социально-экономического развития Византии, в настоящее время слабо дискутируются в византиноведческой литературе. Это объясняется, вероятно, тем особым вниманием к человеку, которое характерно для современной исторической науки. Интерес к событийной истории явно превалирует над интересом к истории социальных институтов, тенденций, традиций. Но ведь человек функционирует в обществе, и этот факт предполагает рассмотрение многих внешних детерминирующих по отношению к поведению отдельных личностей факторов, в том числе поземельных отношений и института собственности. Существует и эпистемологическое обоснование необходимости изучения названной проблематики. Акцентирование внешних детерминирующих факторов социального поведения человека отвечает современным стремлениям к целостному (холистскому) подходу к истории, с одной стороны, и к междисциплинарным исследованиям – с другой. Поэтому следует приветствовать то пока еще слабое, но все же заметное оживление когда-то одной из ведущих в историографии тенденций к изучению византийских социальных структур и институтов, которые, будучи созданными в результате деятельности человека, в любую эпоху отчуждаются от него и противостоят ему в его частной и социальной жизни. Исходя из сказанного, обращаемся к рассмотрению некоторых недостаточно изученных и, на наш взгляд, спорных вопросов византийской земельной собственности¹.

Известно, что в классическом римском праве собственность юридически отличалась от владения. Однако собственник, как правило, являлся одно-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ. Проект 04-01-00210а.

¹ Целесообразно отметить следующие работы последних лет, посвященные проблемам как византийской земельной собственности, так и проблемам других проявлений византийских социально-экономических отношений: *Литаврин Г.Г.* К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии X–XI вв. // ВВ. 2000. Т. 59; *Хвостова К.В.* Сакральный смысл наименований некоторых византийских социально-экономических институтов. К вопросу о роли богословия в формировании социума в Византии // ВВ. 2000. Т. 59; *Papagianni E.* Legal Institutions and Practice in Matter of Ecclesiastical Property // DOS. XXXIX. Washington, 2001; *Pallagean E.* Γοιχόν. Note sur la propriété allodiale à Byzance // Byzantium State and Society. In Memory of Nicos Oikonomidès / Ed. A. Avraeva, A. Laiou, E. Chrysos. Athèn, 2003. Примечательно, что на Парижском международном византиноведческом конгрессе 2001 г. говорилось о необходимости обратить специальное внимание на проблему византийской собственности.

временно и владельцем земли, которая находилась у него в собственности². Если же он оказывался лишенным владения, то сохранял только право собственности, “голую собственность”³. Достаточно распространено мнение, согласно которому в Византии доминировала полная безусловная собственность на землю⁴. Действительно, такая собственность, являющаяся юридически полным господством над вещью⁵, но имевшая на практике ряд ограничений⁶, видимо, играла решающую роль в Византии.

В разные периоды византийской истории изменялась та роль, которую в общественных отношениях играла земельная собственность и другие вещные права, в первую очередь владение. Менялись также понятийный аппарат и терминология, соответствующие собственности и владению. Новое понимание собственности и владения в период между Диоклетианом и Юстинианом позволило назвать соответствующий период эпохой вульгарного права⁷. Естественно, данное наименование является условным и недостаточным точным.

В период вульгарного права, как отмечают специалисты, содержание понятий “собственность” (*dominium*) и “владение” (*possessio*) меняется, они употребляются в расширенном значении, нередко имея один и тот же смысл фактического контроля над землей⁸. При этом термин *possessio* получает значительно большее распространение, он постоянно употребляется не только в значении “собственность”, но означает и некоторые *ius in re aliena* классического римского права, а именно: *узуфрукт* (*хресис*), *эмфитевсис*, *суперфиций* и *сервитуты*. Сближение содержания понятий “собственность” и “владение”, смешение соответствующих терминов⁹ свидетельствует об известном уменьшении различия между понятиями “*ius*” и “*facto*”¹⁰.

² Levy E. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1950. P. 62.

³ Хвостов В.М. История римского права. М., 1911. С. 409; Levy E. *Op. cit.* P. 62, 75; Липшиц Е.Э. Законодательство и юрисдикция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. Приложение: “Рассуждения о голых договорах”. Текст, перевод с греческого и комментарий. С. 195–228. Ср. данные кодекса Арменопула, согласно которым: «Если кто-либо располагает собственностью, находящейся в юридическом владении у другого лица, то он имеет лишь “голую собственность”». *Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμον ἢ Εξάβιβλος / К.Г. Πισσάκης. Αθήνα, 1971. Кн. II. 2. Σ. 99.* (Далее: Арменопул).

⁴ Levy E. *West Roman Vulgar Law...* P. 19; М.Я. Сюзюмов утверждает доминирование полной собственности в Византии, ссылаясь на 114 новеллу Юстиниана (Экономические воззрения Льва VI // ВВ. 1959. Т. 15. С. 35). Полная собственность зафиксирована в праве Юстиниана (C.J. 8, 55 (1) pr (249).

⁵ Собственность в классическом римском праве определялась достаточно кратко через перечень ее основных качеств: прерогативы права пользования, получения плодов, права владеть, распоряжаться. Levy E. *Op. cit.* P. 71; Хвостов В.М. Система римского права. Ч. II. Вещное право. М., 1901. С. 2–3.

⁶ Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 54, 98; Смирин В.М. Римская familia и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. М., 1988. С. 29. Собственность ограничивалась также правами на чужую землю. Хвостов В.М. Система римского права. С. 8 сл.; Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 49; Смирин В.М. Указ. соч. С. 28.

⁷ Levy E. *Op. cit.* P. 2, 21, 27.

⁸ Ibid. P. 61.

⁹ Ibid. О расширении значений указанных терминов писал еще Фюстель де Кулланж. См.: История общественного строя древней Франции. Т. IV. СПб., 1907. С. 4; Ср.: Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 57.

¹⁰ Levy E. *Op. cit.* P. 62.

Изменившаяся система употребления названной терминологии и, следовательно, понимания соответствующих правовых проблем, на наш взгляд, во многом связана с реформой Диоклетиана, который, как известно, распространил существовавшее ранее только на италийских землях право собственности на землю в провинциях, в том числе и земли будущей Византии. До этой реформы провинциальные земли рассматривались как владения тех лиц, которым они принадлежали, тогда как собственность на эти земли была достоянием вначале римского народа, а позднее – императора. В последующую эпоху вульгарного права, особенно в эпоху Константина, италийские и провинциальные земли все более и более уравнивались в правовом отношении, о чем свидетельствует постепенное распространение налогообложения на италийские владения. Соответственно и те, и другие земли могли обозначаться или “владение”, или “собственность”, демонстрируя сближение и даже смешение названных и понятий, и терминов¹¹.

В рассматриваемую эпоху, как полагают некоторые специалисты, мы сталкиваемся с предпосылками формирования на Западе будущей феодальной собственности, характеризующейся сочетанием *dominium directum* и *dominium utile*, собственностью “*dominium duorum in solidum*”¹². Черты, отличающие подобного рода собственность, в III–V вв. были характерны как для Западной, так и Восточной Римской империи.

В задачи данной работы входит рассмотрение дальнейших судеб реального фактического и юридического статуса и понятий “собственность” и “владение”, а также прав на чужую землю в Византии. Последующее после эпохи вульгарного права развитие правовых отношений в Византии и на средневековом Западе происходило разными путями. В Византии римское право претерпело ряд изменений, происходивших в результате переработки информации, относящейся к праву как классического, так и вульгарного периодов. Эта переработка состояла в интерпретации смыслового содержания понятий, создании их нового смысла, акцентировании некоторых новых аспектов смыслового содержания этих понятий. На Западе происходил сложный правовой синтез местных обычаев, варварского права и римских правовых традиций, относящихся преимущественно к периоду вульгарного права. Некоторые проявления местного западного права оказались по своему содержанию близкими к нормам римского права (например, аллод), однако до периода рецепции римского права на Западе там господствовал смешанный, постоянно формирующийся и изменяющийся правовой порядок. Другое дело Византия. Переработка информации римского права, равно как и использование готовых норм этого права, происходили на протяжении всей византийской истории, сочетаясь с правотворчеством императоров. В итоге этих процессов создавались кодификации римского права, издавались императорские новеллы, возникло зафиксированное в актах право прецедентов.

Особенно нас будет интересовать юридический и фактический статус собственности в поздней Византии, обеспеченной значительным массивом актового материала. Мы не согласны с мнением Е. Леви, который полагал, что именно восточное влияние явилось одной из причин смешения в рамках

¹¹ Ibid. P. 71.

¹² Ibid. P. 67 sq.

вульгарного права понятий, а также соответствующих терминов, обозначающих собственность и владение¹³. Далее исследователь, вопреки данному своему утверждению, отмечает противопоставление в папирусах терминов “собственность” и “владение”¹⁴.

Однако, учитывая историческую перспективу, а именно судьбы римского права в Византии, в частности достаточно четкое различие понятий “собственность” и “владение” в актовом материале поздней Византии, о чем подробно речь пойдет впереди, вряд ли можно утверждать восточный характер тенденции к смешению названных понятий и терминов. Видимо, смешение понятий “собственность” и “владение” в эпоху вульгарного права, в период бурных политических событий определялось в значительной мере тем, что в юриспруденцию и правовые отношения вторгся деловой язык повседневности. На территории Византии, кроме того, было заметно влияние греческих нотариальных документов с их подробными характеристиками. На Западе первенствующим доминирующим фактором в смешении названных понятий и терминов являлась начавшаяся ломка доминировавших ранее структур и влияние варваризации.

Что же касается эпохи Юстиниана в Византии, то она связана со значительными изменениями в трактовке названных понятий по сравнению с эпохой вульгарного права. При Юстиниане мы сталкиваемся с образцами новых форм переработки правовой информации, отражающих механизм формирования правовых отношений и правового аппарата в новую христианскую эпоху византийской истории.

При Юстиниане преобладала тенденция различения собственности и владения. В Дигестах, например, а затем в Василиках мы встречаемся с таким утверждением: “владение полем отличается от права собственности”¹⁵. Право Юстиниана, как правило, в духе классического права рассматривало владение как характерный признак собственности, а также одну из причин возникновения собственности¹⁶. Подобные определения встречаем затем в Василиках и у Арменопула, где утверждается, что владение – это обладание вещью со стороны того, кто намерен господствовать над ней¹⁷. Речь идет, таким образом, об *animus possidendi*, *animus domini* классического права¹⁸. Как видно, право юридического контроля над землей, как и в классическую эпоху, ассоциировалось с правом собственности. Источником собственности, по Арменопулу, являлся также наем земли¹⁹. Этот юридический казус свидетельствует об известных отличиях от классического римского права, в рамках которого наем не рассматривался как вещное право и не порождал собственности. Далее, по Арменопулу, право давности порождало собствен-

ность²⁰. Физическое владение, опять же, как и в классический период, отличалось от юридического²¹. Последующий период и особенно эпоха поздней Византии (XIII–XV вв.) демонстрируют дальнейшее укрепление тенденций, характерных для периода Юстиниана и свидетельствующих о различении собственности и владения. Визуальная оценка актового материала позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой собственность и владение в поздней Византии строго различались, при этом владение являлось признаком собственности. Анализ терминологии, осуществленный с целью аргументации данной гипотезы, позволил сделать следующие выводы. Имеющиеся акты, рассматриваемые с точки зрения употребленной в них терминологии, обозначающей собственность и владение, могут быть подразделены на следующие группы. Прежде всего следует выделить императорские пожалованные грамоты (простагмы и хрисовулы), изданные с целью пожалования крупным афонским монастырям собственнических прав на земельные владения. В этих актах содержатся наименования собственности (*δεσποτεία*, *χιρίότης*), а также говорится о праве собственника на владение землей (*νομή*, *κατοχή*). Иными словами, владение классифицируется как признак собственности²². Поскольку владение – это фактический контроль над землей, то в императорских актах, посвященных освобождению монастырских владений от налогов, обычно использовались только термины, обозначающие владение²³.

Факт, что обозначение “собственность” обычно присутствует в императорских документах, свидетельствует о том, что императорские земельные пожалования становятся важнейшим источником собственности. В некоторых случаях в значении “собственность” употребляется выражение “гоникон”, не имевшее точного юридического смысла, а обозначающее наследственное владение. Используются и некоторые другие выражения, такие, как пожалование “навечно”, “на века”, “прочно, неотчуждаемо”, также лишённые четкого юридического смысла, свидетельствующие о проникновении в акты обывденного языка²⁴. В частности, “гоникон” употребляется и для обозначения наследственной прониции²⁵. В некоторых случаях форма собственности является расширенной, т.е. в расшифровке права собственности упоминаются и такие ее признаки, как узуфрукт или хресис, а также право производить на земле различные улучшения²⁶. Термин “хресис” редко встречается в актах, вместо него говорится о праве извлекать весь и всякий доход²⁷. Тот же принцип упоминания в одном и том же акте собственности и владения, и прав на доход содержится в актах дарения и купчих, оформляющих акт покупки-продажи земли²⁸. В этих документах термины, обозначающие

¹³ Ibid. P. 69.

¹⁴ Ibid. P. 69. Not. 294.

¹⁵ Digesta // Corpus Juris Civilis. Vol. I. Berolini, 1954. 16, 115. (Далее: D.); Basilicorum Libri LX / Ed. H.E. Scheltema, Wal N. van der, Holwerda D. Groningen. 1953 sq. II, 112. (Далее: Bas). Cp. D. 6. 2. 7.6.

¹⁶ Codex Justinianus // Corpus Juris civilis / Ed. P. Küger, R. Schoell, G. Kroll. Vol. II. Berolini, 1959. 7. 16.5.2; C.J. 8. 22. 3; C.J. 8. 55. 1 pr. (249); C.J. 3. 39. 3; 4. 21. 8 (287). (Далее: C.J.); *proprietas possessionis; jus possessoris* – C.J. 2, 50, 3; D. 6. 2. 76; D. 16. 35: “διὰ τῆς χρήσεως δεσποτείας ἀλοχτασθήση”.

¹⁷ Bas. II. 2, 33; Арменопул. II. 1. C. 98.2.

¹⁸ Levy E. Op. cit. P. 48.

¹⁹ Арменопул. II. 1. 2. C. 98.

²⁰ Ibid. 6, 7.

²¹ Ibid. 1. 2. C. 98.

²² Actes de Lavra. Vol. II / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. N 71. P. 9, 31, 36, 39; P. 10, 46, 49, 62, 74, 99; N 72. P. 14, 26, 34; P. 15. N 89. P. 76, 203; P. 73, 71, 74; P. 74, 76, 78, 122; N 103. P. 161, 24.

²³ Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. P., 1968. N 6. P. 63, 9; N 26. P. 154, 3, 15.

²⁴ Ibid. N 11. P. 85, 2; Actes de Lavra. Vol. II. N 71. P. 9, 27, 32; N 94. P. 128, 31; N 92. P. 119, 8, 11.

²⁵ Actes de Xénophon / Ed. D. Papachryssanthou. N 6. P. 97, 7; Actes de Dionysiou. N 11. P. 85, 2.

²⁶ Actes de Lavra. Vol. II. N 79. P. 48, 7; N 116. P. 298, 11, 19.

²⁷ Ibid. N 76. P. 35, 13–14; N 77. P. 42, 113.

²⁸ Ibid. P. 158, 7, 16–17; N 98. P. 139, 27; Actes de Xénophon. N 20. P. 165, 35; N 8. P. 207, 27.

владение, как и в императорских актах, изданных по поводу пожалования земли в собственность, уточняли и разъясняли обозначения собственности. Иная терминология, как правило, распространена в практиках, в которых преобладают выражения, относящиеся к владению, и упоминания собственности обычно отсутствуют²⁹. Это объясняется тем, что целью составления практика являлось отведение получателю тех земель, которые были ему пожалованы властями и пожалование которых оформлено императорскими жалованными грамотами. Иными словами, практик составлялся с целью введения собственника во владение пожалованной ему собственности. Другое назначение практика – подтверждение границ имеющихся владений. В любом случае практик составлялся с целью фиксации факта реального владения землей со стороны конкретного юридического лица.

Анализ как законодательных памятников, так и актового материала показывает возрастающую во времени роль понятия “собственность” и его производных. Об этом говорят также выражения, имеющиеся в Василиках и у Арменопула, где обозначения собственности сочетаются с наименованием других прав на землю³⁰, а также расширенная характеристика собственности в жалованных императорских грамотах.

Далее мы специально обращаемся к рассмотрению роли собственности в поздневизантийском обществе, а также анализу ее структуры, понимания собственности современниками и ее обозначений.

В некоторых византийских практиках мы находим сведения о различных видах земельной собственности, существовавших в поздней Византии. А именно, имела распространение собственность архонтов (аристократии), государственные земли фиска, императорские домены, а также собственность церквей и монастырей³¹. Сохранившийся актовый материал относится в основном к двум последним категориям собственности. Не только в поздневизантийский период, но и ранее эти виды собственности развивались по восходящей линии, но их структура претерпевала изменения. Обратимся к источникам. Специфической чертой положения церковной и монастырской собственности было правило, по которому возведение храма или создание монастыря должно было всегда происходить на земле, собственность на которую принадлежала соответствующему религиозному учреждению. Среди дополнительных 17 правил (канонов) Константинопольского собора 861 г. первые шесть относятся к монашеской жизни, и первое из них содержит запрещение лицу, пожертвовавшему свое имение для устройства монастыря, сохранять свои собственнические и владельческие права на соответствующие земли и сам монастырь³².

Как видно, подобная правовая ситуация означает отход от принципа *superficies solo cedit* классического римского права, который продолжал сохраняться в отношении иных построек не религиозного, а гражданского и хозяйственного назначения. Иногда земля, на которой ктитором возводился храм или создавался монастырь, передавалась государством ктитору в дар, а

затем переходит религиозному учреждению. В 104-й новелле Льва VI утверждается названное юридическое правило. Сообщается, что земля, бывшая ранее государственной, в случае, если на ней построено религиозное учреждение, уже не рассматривается как таковая, а является переданной без всяких ограничений соответствующему учреждению в дар, т.е. в собственность³³. В этой связи характерны и другие документы. Хрисовул императора Алексея I Комнина монаху Христодулу от 1088 г. предоставлял монаху остров Патмос в вечную собственность, однако при условии, что получатель дара построит на острове монастырь³⁴. Этот документ свидетельствует о двух правовых явлениях, характерных для монастырской и церковной собственности и создающих новые правовые прецеденты по сравнению с классическим и вульгарным правом. То обстоятельство, что остров в целях возведения монастыря даруется императором именованному монаху в полную собственность, показывает еще раз отсутствие правила *superficies solo cedit* для монастырей и церквей. Однако несмотря на то что собственность называется полной, по существу, она являлась условной, т.е. земля передавалась Христодулу на условиях создания на ней монастыря.

Сведения относительно возведения церкви на земле, принадлежавшей на правах собственности ктитору, содержатся в новелле Василия II от 996 г.³⁵, из которой узнаем, что свободные крестьяне создавали церкви на земле, принадлежавшей им на правах собственности. Затем крестьянин-ктитор приписывал с согласия односельчан свой участок этой церкви, становился монахом и поселялся у церкви до конца своей жизни. Также поступали и другие крестьяне. Таким образом, как говорится в новелле, появляются несколько монахов и возникает монастырь. Однако после смерти монахов случалось так, что епископ или митрополит присваивали себе церковь и объявляли все поселение монастырским. Новелла предписывает возвращение подобных церквей и монастырей под власть сельской общины. Нас интересует, как отмечалось, то, что в этой новелле имеется свидетельство о существовании церкви и монастыря на земле, переданной в их собственность. В целом же новелла отражает известную, неоднократно рассматриваемую в литературе практику борьбы государства за сохранение сельской общины – источника налоговых поступлений в казну. Помимо многих других выводов, которые были сделаны на основании данного документа, отметим также, что он, возможно, говорит о некоторых из путей возникновения церковных приходов. Сведения о том, что земля, на которой было сооружено религиозное учреждение, его собственность, находим и в кодексе Арменопула, где говорится, что участки земли (τόλοι), занятые храмами, являются святыми и неподчиняемыми (ἱεροί καὶ ἀδέσλοτοι). Это их состояние вечно и не подлежит изменениям³⁶.

Отмеченное отличие церковной и монастырской собственности от светских земельных владений, заключающееся в неприменимости к ним принципа *superficio solo cedit*, отнюдь не единственная их специфическая

²⁹ Actes de Lavra. Vol. II. N 76. P. 35.13–16; N 17. P. 42.109; N 93. P. 121.22–23; N 95. P. 125.11; N 99. P. 143.8; N 105. P. 173.26; N 109. P. 277.995; N 110. P. 279.12–13; N 111. P. 294.46.

³⁰ Vas. II. 2, 33; Арменопул. II. 1. С. 98. 2: “νομὴ ἐστὶ ψυχῆ δεσποζόντος κατοχῆ”.

³¹ Actes de Lavra. Vol. II. N 71. P. 11.91–92; Actes de Xénophon. N 15. P. 139.2–4.

³² Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1903. С. 43; Полный православный энциклопедический словарь. Т. II. Репринт. М., 1992. С. 1193.

³³ Noailles P., Dain A. Les nouvelles du Léon VI le Sage. P., 1944. Nov. CIV.

³⁴ Βυζαντινὰ Ἐγγράφα τῆς μονῆς Πατμοῦ. Α΄ Αυτοκρατορικά / Ε.Α. Βρανούση. Αθήνα, 1980. Σ. 58.

³⁵ Jus Graeco-Romanum / Ed. I. Zepos. Aalen, 1962. Vol. I. Nov. XXVI. P. 262–272; Papagianni E. Legal Institutions and Practice in Matters of Ecclesiastical Property. P. 1058. Not. 42.

³⁶ Арменопул. II. 61. С. 106.

черта. Об этом говорит тот факт, что крупные монастыри, как правило, освобождались от уплаты такого налога, как коммеркий³⁷, от внесения которого были свободны еще только находившиеся в империи на особом положении итальянские купцы. Привилегированный статус церквей и монастырей не спасал их, однако, от частой конфискации земельных владений, осуществляемой государством. В периоды обострения внешней обстановки императоры в интересах "общего блага" и, пользуясь своими исключительными политическими прерогативами, нередко передавали некоторые монастырские земли прониарам³⁸.

Подобные акции были нарушением постановлений церковных соборов. Действительно, 24-е правило IV Халкидонского собора 451 г. гласит, что освященные по воле епископа монастыри должны навсегда сохранять свой статус и не могут обращаться в помещения светского характера. Кроме того, за монастырями должно сохраняться все их имущество³⁹. Седьмой Вселенский собор 787 г. в своих 12-е и 13-е правилах также запрещает отчуждение имущества, принадлежащего епископиям и монастырям. В случае же, если названное имущество не приносит никакой выгоды, то позволительно уступить его в пользование клирикам и земледельцам, но не местным динамам⁴⁰. Вероятно, в таких случаях использовался эмфитевсис. На поместном Карфагенском соборе 419 г., занимавшимся устройством дел Африканской церкви, было принято 11-е аналогичное правило о неотчуждаемости церковных земель. В случае, если земли не приносят дохода, то решение об их судьбе должен был принимать совет епископов⁴¹. Можно обнаружить истоки этих канонов-постановлений в сакральном римском праве, запрещавшем отчуждение храмовых имуществ⁴².

В принципе по юридической силе каноны и законы со времен Юстиниана приравнивались в Византии друг к другу⁴³. Выбор же диктовался практическими соображениями (подробно ниже). Постановления, содержащиеся в императорских жалованных грамотах, касающиеся временного отобрания монастырских земель, приравнивались к законам, но с точки зрения современного знания, могут быть расценены как право прецедентов, игравшее в Византии огромную роль. Кроме того, подобная практика восходит к римской государственной практике. Фиск в Риме не только мог конфисковать частные земли, но и продавать их⁴⁴. В данном случае обнаруживаются сильные как политические, так и законодательские прерогативы императоров, их манипулирование законами и постановлениями. Об этом говорит уже то, что подобные факты конфискации в актах расценивались как вызванные

³⁷ *Хвостова К.В.* Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. М., 1992. С. 45.

³⁸ Там же.

³⁹ *Бердников И.С.* Указ. соч. С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 30. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. С. 1191.

⁴¹ *Бердников И.С.* Указ. соч. С. 42. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. С. 1193.

⁴² *Voelkl L.* Die Kirchenstiftungen des Kaisers Konstantin im Lichte des römischen Sakralrechts. Köln, 1964. S. 11.

⁴³ *Actes d'Iviron.* Vol. III / J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, V. Kravari. P., 1994. N 66. P. 129.33; P. 79. 11. Cod. Just. I. 3. 44. I; 1, 2. 12.1.

⁴⁴ *Хвостов В.М.* Система римского права. С. 4–7.

экстремальными ситуациями. Обычно отобранные и пожалованные прониарам монастырские земли заменялись императором на другие равноценные⁴⁵. Еще И. Шевченко полагал, что подобные мероприятия властей отражали борьбу прониаров и монастырей⁴⁶. Мы считаем, что этот вывод не достаточно убедителен. По отношению к Византии, если сравнить ситуацию с Западом, где в средние века велась борьба сословий за свои права и за создание гражданского общества, вряд ли целесообразно говорить о таком социальном факторе, как политическая борьба каких-либо социальных группировок между собой или за ограничение императорской власти. Среди монахов, как известно, были многие бывшие крупные прониары. Из монашеской среды выходили видные дипломаты, монахами становились бывшие политические деятели. Государство с помощью подвластной ему бюрократии и в целом режима, восходящего к эпохе домината, более или менее успешно манипулировало социальными группами общества. Государство, основанное на сакральных идеях политической ортодоксии и переосмысленной с христианских позиций античной правовой и политической доктрине, определяло лицо Византийской империи и цивилизации. Богословие составляло фундамент различных идеологических, в том числе социально-экономических течений. Отдельные конфликты между императорами и церковными иерархами носили характер, отличный от борьбы церкви и государства на Западе, в основе которой лежал принцип оспаривания первенства. Структурные особенности Византийского государства, его восходящий к античности сакральный характер показывают, что можно констатировать лишь внешнее, но не сущностное сходство с известными фактами конфискации церковных земель на средневековом Западе. В целом в XIV–XV вв. монастыри оказались все же более защищенными. Что же касается проний, то, несмотря на распространенное мнение, согласно которому прония приобретала все большее значение в общественной структуре поздней Византии, она претерпевала кризис. Об этом свидетельствуют факты сдачи проний монастырям в аренду⁴⁷ или даже их продажа⁴⁸. Права монастыря на арендованные пронии описывались терминами, обозначающими владение⁴⁹.

В литературе, как известно, широко распространено мнение, согласно которому прония не являлась собственностью. Это лишь пожалование налоговой квоты за службу. Однако, думается, что было бы точнее характеризовать пронию как земельное обеспечение соответствующей налоговой квоты. Вне всякого сомнения, в ряде случаев прониар приобретал фактический контроль над землей. Основываясь на этих фактах, ученые середины XX в. рассматривали пронию как собственность⁵⁰. Нам представляется, что подобная точка зрения имеет под собой основание. Действительно, прония не может рассматриваться как собственность с позиции римского классического права. Но, как отмечалось, в условиях Византии классическое римское право со времен Юстиниана, хотя и занимало вновь главенствующие позиции,

⁴⁵ *Хвостова К.В.* Социально-экономические процессы в Византии. С. 45.

⁴⁶ *Ševčenco J.* Anti-Zealot // DOP. 1957. Vol. 11. P. 153–157.

⁴⁷ *Actes de Xénophon.* No 6. P. 97.17.

⁴⁸ *Ibid.* N 6. P. 97. 17, 19.

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Острогорски Г.* Пронија. Прилог историји феудализма у Византије и у јужно-словенским земљама. Београд, 1951.

однако сочеталось с вульгарным римским правом. Наряду с этим, как уже также отмечалось, развивалось собственное византийское право, функционировавшее в основном в виде права прецедентов. Согласно вульгарному праву с его смешением собственности и прав на чужую землю, равно как и соответствующей терминологии, прония вполне может быть названа собственностью. Эта собственность являлась новым видом собственности, существовавшей в рамках вульгарного римского права и византийского права прецедентов. Ее наследственный характер обозначается выражением *κατὰ λόγον ὑποκρίτης*⁵¹. Для характеристики прав прониара на соответствующую землю употребляются выражения, обозначающие владение, что подтверждает наличие реального контроля над землей. Статус пронии, являвшейся результатом действия права прецедентов, но одновременно восходящей к вульгарному римскому праву – одна из специфических особенностей поземельной собственности в Византии.

Некоторые специфические черты характеризовали и монастырскую собственность. В одном из актов афонского прота, адресованном трем именитым монахам, содержатся сведения о передаче им на срок их жизни ряда земельных владений и келий в Карее. После смерти последнего монаха из трех, получивших совместный дар, все владения, составлявшие этот дар, должны вернуться вновь под власть протата. Для характеристики прав протата как юридического лица, представителем которого являлся прот, равно как и прав временного распоряжения названным имуществом со стороны монахов-получателей временного дара, употребляются одинаковые термины, обозначающие собственность (*δεσπόζω*, *δεσποτέ(α)*)⁵². Как видно, протат сохранял верховные собственнические права по отношению к уступленному во временную собственность имуществу. Мы встречаемся с правовым прецедентом временной иерархической собственности, существовавшей в рамках собственнических прав религиозных учреждений.

В некоторых случаях прот передает крупному монастырю в дар определенные владения. Условием передачи является восстановление разрушенных построек или улучшение состояния построек, находящихся в плохом состоянии. Для характеристики прав получателя употребляются выражения, обозначающие владение⁵³. Эти же выражения часто используются для характеристик других ситуаций, а именно, для фиксации земельной зависимости небольших келий от крупных монастырей⁵⁴. В некоторых актах права протата на землю обозначаются как собственность, а права монахов, в руках которых реально находятся эти земли как владение⁵⁵. Иногда не прот, а частное лицо – ктитор передает клирикам, монахам или крупному монастырю келии или небольшие монастыри. Нередко при таком пожаловании жалователь сохраняет за собой право на получение в течение всей жизни определенных доходов с соответствующего имущества. После же смерти жалователя получатель приобретает право полной собственности и владения на

⁵¹ Actes de Xénophon. No 6. P. 97.7; Actes de Dionysiou. N 11. P. 85.2.

⁵² Actes de Dionysiou. N 7. P. 72. 10–12.

⁵³ Ibid. N 18. P. 153. 6, 10; P. 154.28.

⁵⁴ Ibid. N 18. P. 153. 6, 10; P. 154.28.

⁵⁵ Actes de Dionysiou. N 7. P. 72.10; N 9. P. 79.3, 4, 24; N 23. P. 130.5, 29; N 24. P. 133.19, 22, 26; P. 135.5, 31.

данный объект. Эти его права обозначаются и как собственность, и как владение⁵⁶.

Все эти факты свидетельствуют о путях формирования усложненной структуры монастырского землевладения, регламентируемого, по-видимому, не столько канонами, сколько гражданским правом. Перед нами вновь результаты дозволенного в кодексе Юстиниана выбора между канонами и законами. В данных случаях, как и во многих других, предпочтение было отдано гражданскому праву, т.е. его постановлениям, имеющим силу формирующегося права прецедентов. Что же касается канонов, то их постановления по данному сюжету расходятся с выбранными в практических целях правилами права прецедентов. Действительно, 6-е правило из 17-ти дополнений к постановлениям Константинопольского собора 861 г. гласит: “Монахи не должны иметь никакой собственности, но им принадлежащее утверждается за монастырем”⁵⁷. Вступающий в монастырь передает монастырю власть над своим имуществом. Правда, до момента вступления будущий монах мог свободно распорядиться своей собственностью: продать, подарить и т.д. Это правило собора по смыслу совпадает с 123-й новеллой Юстиниана⁵⁸. Однако в 5-й новелле Льва VI данное правило изменилось. Монах получает право иметь свое хозяйство и передавать его по наследству и по завещанию⁵⁹. Именно эта новелла, видимо, и определила дальнейшее развитие соответствующего византийского права прецедентов, отраженного в актовом материале и связанного с усложнением структуры монастырской собственности.

Эта структура, повторяем, характеризует неполную иерархическую, иногда условную собственность монастыря, клириков, монахов, келий. В системе подобных прецедентов встречаются и такие, когда получатель дара, в частности крупный монастырь в лице своего игумена, мог не только передать полученный на срок жизни дар другому лицу, но и оставить его наследникам. Для характеристики прав монастыря употребляется термин “собственность”⁶⁰. Известны случаи, когда дар частного лица монастырю оказывался частичным. Часть имущества, например дома, продавались этому монастырю. При этом использовалась стандартная терминология, относящаяся как к владению, так и собственности⁶¹. Обозначения владения, как всегда, расшифровывают обозначения “собственности”. Об этом свидетельствует акт продажи частным лицом клирику церкви Ассоматов в Фессалонике принадлежавшего этому лицу на правах собственности дома, построенного на церковной земле⁶². Земля, на которой стоял дома, была арендована продавцом у церкви, т.е. мы встречаемся с действием правила *superficio solo cedit* в отношении гражданских и хозяйственных построек.

Данные о других чертах условного, специфического характера некоторых видов монастырской собственности содержатся в серии императорских

⁵⁶ Actes de Xénophon, N 20. P. 164.9; P. 165. 31–33, 35.

⁵⁷ Бердников И.С. Указ. соч. С. 43. Полный православный богословский энциклопедический словарь. С. 1193.

⁵⁸ Nov. Just. 123.38.

⁵⁹ Noailles P., Dain A. Les nouvelles du Léon VI le Sage. Nov. V.

⁶⁰ Actes de Dionysiou. N 12. P. 87.8; P. 89.33.

⁶¹ Actes de Xénophon. N 10. P. 114.24–25. Понятие “хресис” в этих ситуациях, как и в других, встречается редко. Оно скрывается под выражениями “иметь, владеть”.

⁶² Ibid. N 9. P. 109.22.

пожалований начала XV в., касающихся передачи монастырю Дионисия бывшей пронии в деревне Марискин на Кассандре⁶³. В первом документе этой серии в хрисовуле Иоанна VIII от 1408 г. говорится о пожаловании деревни монастырю в полную собственность⁶⁴. Однако в последующих документах сообщается о том, что пожалование сопровождается рядом условий. Монахи на свои средства должны были построить в Марискине укрепление (пирг) для защиты населения от внешних нападений⁶⁵. В отдельных документах относительно данного поселения отсутствует обозначение “собственность”, но говорится о владении⁶⁶. Монахи так и не построили пирг. Эту миссию взял на себя деспот Андроник Палеолог, который взимал определенные подати с людей, поселенных на данных землях, но после смерти деспота эти доходы должны были поступать монастырю⁶⁷.

В последнем из рассмотренных документов также отсутствует обозначение “собственность”, но оно имеется, вопреки распространенной на этот счет тенденции, в акте передачи земель на Кассандре, осуществленном четырьмя апографевсами в 1421 г.⁶⁸ Уже эти немногие, рассмотренные выборочно сведения еще раз подтверждают тезис о том, что собственность и владение в поздней Византии не совпадали. Эти акты показывают также отсутствие предельной четкости в употреблении терминологии, но одновременно и наличие определенных тенденций в использовании понятий “собственность” и “владение”. Владение – это проявление собственности, характеризующее ее в духе классического римского права как фактический контроль над землей.

Сложные формы землепользования, которые существовали в Византии преимущественно на монастырских землях, обнаруживают несводимость всех отношений собственности к наиболее распространенной в империи полной и безусловной собственности. Эти формы земельных отношений в монастырских владениях, вероятно, складывались в Византии задолго до XIV в., к которому относится большая часть сохранившегося актового материала. В то же время, по всей вероятности, в поздней Византии, когда монастырское землевладение увеличивалось в размерах, а роль монастырей возрастала, этот процесс ускорился. Кроме того, в период возрастания внешней опасности экономика приходила в упадок, сельское население постоянно мигрировало, распространялась временная аренда, условные владения.

В целом специфика византийских земельных отношений с преобладанием полной собственности и наличием условных временных владений к поздневизантийскому периоду обнаруживалась в полном объеме. Это явление имело место (в отличие от средневекового Запада, где подобного рода земельные отношения, внешне похожие на византийские, также существовали) в условиях сильной авторитарной власти, отсутствия феодальной вассальной иерархии западного типа, четкого разграничения в правовой теории Византии частного и публичного права и власти.

Последний фактор имел особенное значение. На Западе, как известно, происходило не только смешение понятий “собственность” и “владение”, но

⁶³ Этот документ показателен как свидетельство пожалования монастырю бывших проний.

⁶⁴ Actes de Dionysiou. N 10. P. 83.7, 10–13.

⁶⁵ Ibid. N 13. P. 91.

⁶⁶ Ibid. N 16. P. 103. 7–8.

⁶⁷ Ibid. N 17. P. 106.

⁶⁸ Actes de Dionysiou. N 20. P. 120.6; P. 121.33.

и в значительной мере смешение частных и публичных прерогатив. В условиях византийской автократии, сохранения разветвленной налоговой системы, не слившейся с рентными отношениями, как на Западе, государство было заинтересовано в сохранении свободного крестьянского землевладения – источника уплаты налогов – и на протяжении длительного времени принимало энергичные меры по разграничению частного и публичного права. Например, динатам запрещалось внедряться в свободную крестьянскую общину⁶⁹. В поздней Византии, однако, внешняя угроза и экономический кризис заставили власть прибегнуть к мерам, направленным на поддержание крупного землевладения, благодаря чему четкая грань между публичным и частным правом оказалась менее ощутимой. В результате пожалования крупным собственникам податного иммунитета, налоги, от уплаты которых собственник освобождался, не упразднялись, а взимались им в свою пользу, выполняя функцию земельной частнопубличной ренты.

Это, естественно, означало возникновение элементов слияния частного и публичного права. Однако и в поздней Византии в теории публичное право противопоставлялось частному. Об этом свидетельствуют, например, известные слова Никифора Григоры, противопоставившего управление государством по законам ромеев, при котором правитель является императором, а не господином, управлению по обычаям латинян, при котором правитель уподобляется господину⁷⁰.

Итак, византийская земельная собственность до конца существования империи сохраняла свои специфические черты, отличавшие ее от собственности, как на средневековом Западе, так и в эпоху античности. Содержание римского права перерабатывалось в Византии с учетом новых христианских ценностей. Идеи римского права инкорпорировались в восточнохристианские представления. В результате возникал новый менталитет, новые социально-правовые концепции и соответствующие реалии, характеризующие византийскую цивилизацию. Одной из определяющих черт этой цивилизации было непосредственное влияние богословия на осмысление современниками социально-экономической реальности и на саму реальность. Это влияние, обусловившее сакрализацию общества, детерминировалось тесной связью государства и церкви, так называемой византийской политической ортодоксией.

В данном случае речь идет о следующем. Понимание социальной роли и характера земельной собственности с позиций восточного византийского христианства нашло свое отражение во вводной части императорских хрисовул и постановлений афонского протата. Например, согласно акту прота Павла от 1089 г., реставрированный протом афонский монастырь Ксенофон вместе с его владениями, находившимися как вне, так и в пределах Афона, передается игумену Симеону. Во вводной части постановления говорится, что императоры должны в подражание Богу проявлять в отношении подданных благожелательность и щедрость, человеколюбие и прощение. Именно так, сообщается далее, поступал император Никифор III Вотаниат,

⁶⁹ Lemerle P. The Agrarian History of the Byzantium from the Origin to the Twelfth Century. The Sources and Problems. Galway, 1981. P. 11.

⁷⁰ Nicephorus Gregoras. Byzantina historia graece et latine / Ed. L. Schopeni. Vol. I. Bonnae, 1822. P. 233.18.

который покровительствовал монахам, монастырям и их учреждениям. Он подтвердил старинные хрисовулы, издал новые, согласно старым преданиям и по примеру предшественников⁷¹.

Как видно, используется античная идея общего блага, с помощью которой обосновывается в частности пожалование юридическим и физическим лицам земли. Однако эта идея переосмыслена с позиций христианства и выражена с помощью христианских понятий. Что же касается христианских идей нестяжательства и бедности, то, как свидетельствует в частности выше приведенная новелла Никифора Фоки, они акцентировались в значительной мере тогда, когда обстоятельства заставляли представителей светской власти прибегать к таким непопулярным мерам, как ограничение и даже конфискация монастырских земель. Переосмысление с христианских позиций идеи общего блага в такой ситуации означает иную трактовку этой идеи, отличающуюся непосредственной связью с христианскими ценностями. Интерпретация античной идеи общего блага с христианских позиций, сопровождающаяся акцентированием разных ее аспектов, в частности заботы о подданных, содержится и в других византийских актах. Так, в хрисовуле Андроника II Палеолога афонскому монастырю Лавры св. Афанасия от 1298 г. имеется обширная преамбула (проимий), которая обнаруживает понимание византийцами соотношения мирских институтов и божественности, говорится о роли синергии, т.е. способности человека к восприятию ниспосылаемой в мир божественной энергии и приобщению к божественной благодати. Говорится о роли божественности в земном управлении⁷². Очевидны влияние восточного богословия и идея сакральности земной жизни. В хрисовуле Андроника II Палеолога афонскому монастырю Лавры св. Афанасия от 1329 г., содержащем подтверждение собственнических прав монастыря на ряд его владений, в проимии находим развернутое обоснование собственнических прав монастыря на большие владения в Южной Македонии, пожалованные монастырю императором в прежние годы. Монахи, говорится в проимии, достойны получить со стороны того, кто желает их вознаградить, не деньги, поля и что-либо материальное, присущее земному, преходящему, но что-либо неизменное, не подверженное изменениям и уничтожению. Но делать подобные дары недоступно для земного и смертного. Но ведь Бог, милостивый и благосклонный, который не претерпевает ни разрушений, ни изменений, в состоянии использовать и те, и другие средства по отношению к тем из людей, которых он пожелал облагодетельствовать, так как он демиург и вечного, и преходящего. Необходимо, чтобы намеревающийся воздать должное таким людям, совершил бы это в соответствии с теми возможностями, которые ему доступны. Речь идет не о том, чтобы заплатить этим людям жалованье или дать в долг, но о том, чтобы с помощью материальных благ оказать им помощь на их пути, достойном восхищения. Ведь тот, во имя которого они подвигли себя на великую битву, является непознаваемым и невыразимым. Неуловимы и невыразимы и его благодеяния в отношении подобных людей⁷³.

⁷¹ Actes de Xénophon. N 1. P. 70.1–3.

⁷² Actes de Lavra. Vol. II. No 89. P. 73.26.

⁷³ Actes de Lavra. Vol. III / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. N 118. P. 4.1–18.

В рамках политической ортодоксии перед нами – имплицитно существовавшая, т.е., не будучи осознанной на уровне интеллектуальной рефлексии, ведущая идея византийской политэкономии, обнаруживающая несомненное влияние восточного христианства. Об этом же с определенностью свидетельствует еще один документ – акт патриарха Антония от 1389 г., в котором говорится, что обеспечение религиозных учреждений материальными средствами происходит по божественной милости, но через посредство императора⁷⁴.

Итак, результаты анализа рассматриваемых документов могут быть резюмированы следующим образом. В духе восточного христианства, византийского исихазма и в рамках политической ортодоксии, предполагающей единство церкви и государства, богословие выполняет роль основной государственной идеологии, обеспечивая при этом сакрализацию общества. При единстве, а не разъединении (как на Западе) мировоззренческого и практического уровней мирозерцания идея политэкономии божественной и забота с ее стороны о всяком, в том числе имущественном, благоденствии подданных. Такое поведение императора соответствует его божественному предопределению, при котором император благодаря синергии воспринимает божественную энергию. Руководствуясь подобной концепцией, императоры создавали путем земельных пожалований значительные земельные богатства крупных монастырей. В то же время такая политэкономическая идея отличалась от евангельской, согласно которой собственность и материальные блага рассматривались как порождение земного суетного мира. Они осуждаются с точки зрения высшей справедливости и дозволяются только в интересах благотворительности. Евангельские идеи нашли свое отражение у многих византийских авторов, принадлежащих в целом к разным мировоззренческим направлениям: у Григория Паламы, Николая Кавасилы, у радикальной оппозиции время гражданской войны XIV в.

Евангельские идеи на протяжении всего средневековья, как известно, имели широкое распространение на Западе. С этих позиций в XII в. Арнольд Брешианский отрицал церковную собственность, Фома Аквинский в XIII в. рассматривал собственность как мирское явление, не соответствующее божественному закону, отражающее несовершенство грешных людей. Однако развитие социально-политических отношений и идей на средневековом Западе характеризовалось нарастающей тенденцией к секуляризации общественной жизни, постепенному разъединению светского мирского и богословского уровней мирозерцания, приведшего в Новое время к их полному разделению, вершиной которого много позднее стал европейский позитивизм. В общественной жизни секуляризация проявлялась в постепенном отходе от церковного ригоризма, в нарастающей борьбе императоров и папства за первенство в земном мире. Все это отражалось в изменении земных ценностей в XII в.⁷⁵ Выразителем этих идей, направленных на ограничение как могущества пап, так и императоров, явились Марселий Падуанский, конциларизм, легисты.

⁷⁴ Actes de Dionisiou. N 6. P. 67.18.

⁷⁵ *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностной ориентации на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. М., 1991. С. 29.

В Византии в совершенно иной социально-политической обстановке взаимоотношения церкви и государства и государственной, в том числе политической и экономической, идеологии, сохраняли свою относительную стабильность. Их можно поэтому рассматривать как признак византийской цивилизации, обозначаемый как сакрализация общественной жизни и мирозерцания. Ярким выражением этого, как отмечалось выше, было приравнивание в официальных документах государственных законов и канонов. При этом законы назывались святыми и божественными⁷⁶. Именно в силу приравнивания канонов и законов, а шире – двух уровней мирозерцания – пожалование со стороны императоров земли крупным монастырям, как и в целом любое земельное пожалование, аргументируется не только идеей благотворительности, но и свободным волеизъявлением императора (в отличие от представления о жестком предопределении Августина), подражанием Богу, понятиями энергии и синергии исихазма.

Однако несмотря на более сакральное понимание закона, в Византии по сравнению с его пониманием на средневековом Западе, во многих других проявлениях трактовка закона (в целом, а не только касающихся отношений собственности) в Византии и на Западе совпадала. Понятие закона, переосмысленное с позиций христианства, подразделялось на закон божественный, воплощающий абсолютную справедливость, естественный, означающий божественное устройство мира, данное свыше человеку в ощущение, и, наконец, закон человеческий, политический, как установление земных правителей, которые в своей деятельности следуют или не следуют естественному праву⁷⁷. Именно в интерпретации соотношения закона естественного и политического, как видим, существовало различие между Византией и Западом, и это проявлялось в некоторых рассмотренных выше особенностях собственности на землю.

Понимание политических законов, как тесно связанных с божественными установлениями, сообщаемыми в мир с помощью божественной энергии и присущей человеку синергии, явилось теоретическим обоснованием переосмысления в Византии с позиций христианской нравственности античного понятия общего блага. Закон, естественный и политический, ассоциируется со стабильным порядком вещей (*τάξις* – в Византии, *aequitas, tranquillitas ordinis* – на Западе). Всякое нарушение закона интерпретировалось в Византии как аномалия⁷⁸. Законодательная инициатива и в Византии, и на Западе принадлежала центральной власти. Соответственно как на Западе, так и на Востоке, действовало правило римских юристов, согласно которому правитель свободен от обязательного исполнения закона. Это правило вовсе не означало, что правитель может нарушать закон, это означало только подтверждение его прав на законотворчество. Поскольку рассматриваемый в данной статье статус земельной собственности тесно связан с политической, экономической и законодательной доктринами Византии, целесообразно остановиться на мнении, высказанном современным ученым-специалистом по юриспруденции Фридрихом фон Халемом. Ученый утверждает, что в Византии отсутствовало отношение к закону, как к обязательному постановле-

нию. Закон имел будто бы этическую, а не юридическую силу. Особое значение имел авторитет личности, издававшей закон⁷⁹. На Западе же, по его мнению, произошел уникальный синтез римского права, провозглашавшего силу закона, и католичества. В результате этого синтеза, согласно Ф. фон Халему, в веру была внесена рациональность⁸⁰. Правомерно, однако, возразить, что на Западе в условиях феодализма, когда центральная власть и издаваемые ей законы были ослаблены, когда господствовали вассальные отношения, авторитет сеньера был очень высок. Возможно, в результате подобного синтеза в веру была внесена рационалистическая идея, но государственная власть, издающая законы, была на Западе слабее, чем в Византии, поэтому непонятно, почему подобный синтез способствовал возникновению на Западе уважения к закону, а в Византии – авторитета отдельных законодателей.

В действительности в Византии наблюдалось большое уважение к закону. Бесспорно, в Византии (впрочем, как и на Западе) отдельные законы пересматривались. Именно такова, например, была, как известно, цель реформаторской деятельности Льва VI⁸¹. Однако не следует упускать из виду то обстоятельство, что византийское общество отличалось большей традиционностью, чем средневековый Запад, где происходили различные процессы социально-политического, экономического, религиозного и общемировоззренческого характера, приведшие в результате к радикальному изменению структуры общества. Традиционность византийской цивилизации, которую отражала политическая ортодоксия и сакральный характер общества, не означала отсутствие каких-либо изменений. Об этом свидетельствуют выше рассмотренные отношения земельной собственности, претерпевшие различные изменения. В то же время характерен тот факт, что эти изменения в основном фиксировались с помощью норм права прецедентов и не являлись кодифицированными, одновременно не затрагивая содержания кодифицированного права. В 24-й новелле Льва VI, в которой говорится о необходимости изменения прежних законов, добавляется, что подобная ситуация является вынужденной и во многом старые законы рассматриваются как более предпочтительные, чем новые⁸². Та же идея выражена в 19-й новелле, согласно которой новые законы издаются не ради порицания старых законов, но только для того, чтобы устранить правила, не соответствующие потребностям подданных⁸³. Подобная прагматическая трактовка законов особенно ярко выражена в 95-й новелле Льва VI. В ней говорится, что в большинстве жизненных ситуаций следует обращаться к существующему закону и только в тех случаях, когда таковой отсутствует, следует издавать новый⁸⁴. Уважение к длительной правовой традиции проявляется в 22 новелле Льва VI, в которой обычай, традиция, приравнивается к закону⁸⁵.

⁷⁹ Халем Ф. фон. Историко-правовой аспект проблемы Восток-Запад // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 49.

⁸⁰ Там же. С. 26.

⁸¹ Noailles P., Dain A. Les nouvelles du Léon VI le Sage. Nov. I.

⁸² Ibid. Nov. XXIV. P. 93–95.

⁸³ Ibid. Nov. XIX. P. 73–75.

⁸⁴ Ibid. Nov. XCV. P. 313–315.

⁸⁵ Ibid. Nov. XXII. P. 89.

⁷⁶ Actes de Xénophon. N 9. P. 109.32; P. 114–115.24–26.

⁷⁷ Dig. I. 1, 1; Bas. I. 1, 2.

⁷⁸ Actes de Lavra. Vol. II. N 72.27.

Все сказанное об отношении к новым и старым законам как бы резюмируется в 47-й новелле, в которой законодатель утверждает, что изменение жизненных условий приводит к изменению законов⁸⁶.

Возвращаясь к нашей проблеме собственности на землю, можно сказать, что при регулировании собственнических отношений, представлявших первейшую значимость, соблюдалось уважение к старому закону. Выше говорилось, что после эпохи вульгарного права при Юстиниане произошел решительный поворот к трактовке собственности и владения в традициях классического периода, и эта трактовка преобладала до конца существования империи. Только в том случае, когда возникали новые иерархические условные формы собственности, для регулирования их появлялось право прецедентов, а для понимания правового статуса проники использовали некоторые идеи права вульгарного периода.

В целом престиж римского права с его пониманием закона в Византии был выше, чем на средневековом Западе, где, как отмечалось, произошел синтез варварского права и римского вульгарного права, а далее на протяжении всего средневековья происходило правотворчество королей и императоров. Только позднее, в эпоху рецепции римского права, это последнее активно повлияло на формирование правового менталитета. Если же в период средневековья на Западе закон тем не менее пользовался большим престижем, чем в Византии, как это утверждает Ф. фон Халем, что, впрочем, остается недоказанным, то на это имелись совершенно иные причины. А именно, в Византии в условиях наличия сильной императорской власти императоры обладали большей возможностью манипулирования в сфере правотворчества. Это могло создавать известные предпосылки для большего авторитета личности императора-законодателя, деятельность которого, согласно имплицитно существовавшей идее политэкономии, заключалась в подражании Богу, в попечении по отношению к подданным. Это попечение император осуществлял благодаря усвоению с помощью данной ему синергии ниспосылаемой божественной энергии. В силу такого понимания закон воспринимался в тесной связи с личностью императора-законодателя и его авторитетом.

⁸⁶ Ibid. Nov. XLVII. P. 185–186.

А.А. Войтенко

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЕГИПЕТСКОГО МОНАШЕСТВА ПО ДАННЫМ “ЛАВСАИКА”

“Лавсаик” епископа Палладия¹, содержащий сведения о монашеском движении в Египте, Палестине, Малой Азии и Сирии, до сих пор остается ценнейшим источником наших знаний о раннем монашестве. Наиболее многочисленны сведения о Египте, который Палладий посетил предположительно в 388–399 гг., побывав в нескольких наиболее известных монашеских центрах (Нитрии, Келлиях и др.) и собрав уникальный материал о жизни египетских подвижников.

В предисловии к своему сочинению Палладий сообщает Лавсу, что для большинства подвижников, которых он видел или о которых слышал, он указал их “род” (τὸ γένος)², город (ἡ πόλις) и местопребывание (ὁ τόπος τῆς μονῆς)³. Однако это не совсем так. Всего Палладий отмечает шесть “родов”: александриец (Ἀλεξανδρεὺς), египтянин, т.е. копт (Αἰγύπτιος), “эффиоп” (Αἰθίοψ), ливиец (Λίβυς), палестинец (Παλαιστῖνος) и понтиец (Ποντικός)⁴.

¹ Название происходит от имени Лавса, препозита святого ложа (praepositus sacri cubiculi) при дворе императора Феодосия II (408–450), поскольку представляет собой развернутое послание к нему. Принято полагать, что “Лавсаик” был написан Палладием ок. 419–420 гг. Текст имеет две основные редакции – пространную (так называемую recensio B – см.: PG. T. 34. Col. 995–1260) и краткую (так называемую recensio G). После выхода в свет критического издания Батлера (The Lausiaca History of Palladius / Ed. C. Butler. Vol. I-II. Cambridge, 1898–1904 (Texts and Studies V–VI)), который, проведя большую текстологическую работу, пришел к выводу, что пространная редакция не является аутентичной, поскольку содержит большие интерполяции, прежде всего из греческой версии “Истории монахов”, принято использовать текст краткой редакции по той нумерации глав, которая содержится в издании Батлера. Все нижеследующие греческие цитаты и ссылки из “Лавсаика” будут даны по изданию Бартелинка (Palladio. La Storia Lausiaca / Introduzione di Ch. Mohrmann, testo critico e commento a cura di G.J.M. Bartelink, traduzione di M. Barchiesi. Roma, 1974), которое основано на тексте Батлера, хотя имеет незначительные расхождения.

² В данном случае это не этническая, а скорее, этнокультурная характеристика.

³ Не совсем ясно, как следует понимать μονή. Это слово в данном контексте может означать и место жительства до прихода в монашество, и место подвигов. Скорее всего, здесь имеется в виду второе значение.

⁴ В русском переводе “Лавсаика”, сделанного с пространной редакции, в рассказе о двух известных монахах Паисии и Исайе допущена ошибка: “Были два брата Паисий и Исайя. Отец у них был испанский купец” (см.: Лавсаик или повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 1992. С. 31. К сожалению, не указано с какого издания сделан этот перевод). В греческом оригинале об отце этих братьев сказано буквально следующее: ἐπιτόρου Σλανοδρόμου. “Επιτορος Σλανοδρόμος можно перевести как “торговец, плавающий в Испанию по делам” или “купец, ведущий торговлю на испанском направлении” (ср.: Palladio. La Storia Lausiaca..., P. 329. Not. 2). По мнению Бартелинка, Σλανοδρόμος могло уже стать именем собственным (un nome proprio). Таким образом испанцами ни Паисий и Исайя, ни их отец быть не могли. Ошибочную их атрибуцию как испанцев см., например: Ванькова А.Б. К вопросу о численности монахов в Египте во второй половине IV в. // ВДИ. 1998. № 4. С. 173. Примеч. 38.

Александрийцем назван монах Эрон (сар. XXVI, XLVII), который, вероятно, подвизался в Нитрии или Келлиях⁵. В главе XXI рассказывается о “монашествующем” (μονάζων) александрийце Евлогии, который получил хорошее образование, но не знал коптского, поскольку общался с преп. Антонием Великим через переводчика. В том и в другом случае речь, безусловно, идет о представителях привилегированной категории населения ранневизантийского Египта⁶, жившей прежде всего в Александрии – носительнице “эллинской культуры”. Довольно сложно в данном случае говорить о этнической принадлежности: были ли эти александрийцы прямыми потомками греков или представляли собой представителей давно эллинизированной местной знати, скорее всего имело место и то, и другое⁷. Но в этой связи важно отметить, что по языку и культуре они были греками, среди которых в Египте IV в. могли быть как христиане, так и последователи разных языческих философских школ поздней античности, прежде всего неоплатонизма. К этому же слою эллинизированного населения Египта можно причислить и еще нескольких известных подвижников, описанных Палладием. Прежде всего это так называемые “Длинные братья” (Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий) (сар. X–XI). Про Аммония, например, говорится, что он многократно перечитал сочинения Оригена, Дидима, Пиерия и Стефана⁸ – это, безусловно, круг чтения глубоко эллинизированного и образованного христианина. Однако все братья были учениками известного египетского подвижника аввы Памбо, которого вряд ли можно отнести к кругу образованной столичной элиты. Но можно предположить, что к такой элите принадлежал первый наставник Палладия на монашеском поприще пресвитер александрийской церкви Исидор, подвизавшийся в молодости в Нитрии (сар. I). Вместе со свт. Афанасием и епископом Димитрием он посещал Рим и, по утверждению Палладия, был известен всему Сенату и женам знатных людей Рима⁹. И еще один факт косвенно подтверждает принадлежность Исидора к кругу эллинизированной элиты. В 402 г. вместе с “Длинными братьями”, обвиненными в оригиенизме, он ищет убежища в Малой Азии у свт. Иоанна Златоуста¹⁰. Значит, Исидор мог поддерживать точку зрения нитрийских интеллектуалов и мыслить одинаковыми с ними категориями. К кругу образованных “эллинов” принадлежал и Диокл (сар. LVIII), кото-

⁵ Палладий точно не указывает место его подвигов, он говорит лишь, что Эрон жил с ним по соседству (сар. XXVI). Но Палладий пишет, что сам жил в Нитрии и Келлиях.

⁶ О трех основных категориях римского Египта (римляне, т.е. римские граждане, александрийцы, египтяне) см.: *Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 196–198. Скорее всего, в ранневизантийское время первые две категории сблизились между собой, особенно что касается юридического статуса.

⁷ Ср.: *Bagnall R.* Egypt in Late Antiquity. Princeton, 1993. P. 230–235. Бегнэлл справедливо замечает, что вопрос об этнической принадлежности (ethnicity) в позднеантичном Египте довольно сложен.

⁸ Первые два имени из списка не нуждаются в комментариях. Про Стефана практически ничего не известно. Однако про Пиерия, от трудов которого сохранилось лишь несколько фрагментов, известно, что он был одним из первых преемников Оригена по Александрийской школе и пострадал во время гонений Диоклетиана. См.: *Palladio.* La Storia Lausiaca. P. 326–327.

⁹ Букв.: κατά τῶν ῥώμην συγγήνητον λάση ταῖς τε γυναῖξι τῶν μεγιστάνων.

¹⁰ См.: *Palladius.* Dialogus de vita S. Iohannis Chrysostomi, VI. См. также: *Palladio.* La Storia Lausiaca. P. 309.

рый учился грамматике, а затем и философии, но в 28 лет стал отшельником возле Антиной. Возможно, Диокл – представитель эллинизированного населения Верхнего Египта, но, возможно, также, что свое образование он получил в Александрии.

“Египтянами” Палладий называет преп. Макария Египетского (сар. XVII), Серапиона (сар. XXXVII), Пиора (сар. XXXIX), Птолемея (сар. XLVII). Хорошо известно также, что коптами были упоминаемые Палладием преп. Антоний Великий (сар. III, IV, VII и т.д.), преп. Пахомий (сар. VII, XVIII, XXII) и преп. Иоанн Ликопольский (сар. XXXV). Скорее всего, преп. Павел Простой (сар. XX, XXII) и преп. Амун (сар. VIII) тоже были коптами, хотя Палладий и не пишет об этом прямо. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что коптами были те египетские монахи, которые происходили из сельских районов Египта, например, Хроний и Пафнутий, подвизавшиеся недалеко от своей родной деревни Финик (сар. XLVII)¹¹. При этом следует иметь в виду, что понятие “египтянин” или “копт” гораздо шире, чем понятие “житель египетской хоры”. В последнее время все более уверенно высказывается утверждение о существовании в Египте, помимо греческой (или эллинизированной), так называемой коптской элиты. Ее представители были, безусловно, рангом ниже “греков”, принадлежали к “благородным” семействам из номовых городов. Они могли говорить и писать по-гречески и во многом ориентировались на вкусы местной (или даже столичной) эллинизированной знати. Но ощущали они себя коптами и создавали свою собственную литературу, призванную удовлетворять некоторые свои духовные, интеллектуальные и культурные потребности. Постепенно влияние этой коптской элиты только усиливалось¹². Вполне возможно, что коптская монашеская литература, как оригинальная, так и переводная с греческого, создавалась именно представителями этого культурного слоя египетского общества IV в.¹³ Его существование косвенно подтверждается тем, что при многих известных подвижниках, которые не говорили по-гречески, имелись переводчики, например, Кроний (сар. XXI) был переводчиком у преп. Антония Египетского и, скорее всего, присутствовал при его беседе с александрийцем Евлогием, был свой переводчик и у преп. Иоанна Ликопольского (сар. XXXV). Можно также предполагать, что ее представители жили и в самой Александрии, где располагался целый коптский квартал. Возможно, к ее кругу, несмотря на свое не совсем благородное происхождение, принадлежал и знаменитый подвижник преп. Макарий Александрийский, ведь до своего ухода в монашество он торговал заку-

¹¹ ἐκ τῆς κόμης τῆς λεγομένης Φοινίχης. Расположение деревни с таким названием не известно. См.: *Palladio.* La Storia Lausiaca. P. 383.

¹² *Wipszycka E.* Le monachisme égyptien et les villes // *Idem.* Études sur le Christianisme dans l'Égypte de l'Antiquité tardive. Roma, 1996 (Studia Ephemeridis Augustinarum, 52). P. 331. Надо однако сказать о сложности дифференциации городов в византийском Египте. Е. Випшица имеет в виду, насколько мы смогли понять, что подобная элита концентрировалась в основном в поселениях, которые она называет les gros bourgs, представляющие собой промежуточную ступень между столицей нома и комой. В любом случае, однако, эти люди не были крестьянами и не занимались сельским хозяйством.

¹³ Ср.: *Sheridan M.* Il mondo spirituale e intellettuale del primo monachesimo egiziano // *L'Egitto cristiano. Aspetti e problemi in eta tardo antica* / Cur. A. Camplani A. Roma, 1997 (Studia Ephemeridis Augustinianum, 56). P. 182–183.

сками в Александрии¹⁴. Следует также учесть, что в городах Египта, особенно в Фиваиде, могли проживать копты (прежде всего ремесленники), которые знали только коптский язык. Наглядный пример тому – преп. Иоанн из Ликополя, который до ухода в монашество по профессии был плотником¹⁵, а его брат – красильщиком (βαφεύς).

Без сомнения, подавляющую часть египетского монашества составляли жители Египта, но говорить о числовом соотношении “греков” и коптов можно лишь очень приблизительно. Утверждение, что большинство монахов были коптами, стало уже “общим местом” историографии о монашеском Египте, и данные “Лавсаика” в целом это подтверждают. Однако следует помнить, что если в Верхнем Египте, безусловно, преобладало коптское население¹⁶, то в Дельте Нила эллинизированное население, как можно предполагать, было довольно многочисленным. Поэтому вопрос о соотношении “греков” и коптов в монастырях Нижнего Египта остается открытым.

Палладий упоминается и о представителях других этнических групп среди египетского монашества. Но было бы большим преувеличением утверждать, что монахи-неегиптяне были в египетских монастырях довольно многочисленны¹⁷. Палладий пишет о двух ливийцах – Стефане (ср. XXIV) и Моисее (ср. XXXIX). Первый подвизался между Мармарикой и Мареотом, т.е. на ближних рубежах Ливийской пустыни¹⁸, второй, – вероятно, в районе знаменитых Келлий¹⁹. Следует сказать, что еще античные авторы (напр.,

¹⁴ τραγῆματα λιπράσμων (ср. XVII). Слово τραγῆμα, главным образом во мн. ч., означало съеденные фрукты или сладости, которые подавали на десерт. См.: Liddel H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Vol. II. Oxford, 1940. P. 1809. Следует отметить, что в сохранившейся коптской (бохайрской) версии “Жития преп. Макария Александрийского”, которая, как сейчас принято считать, основана на коптском переводе “Лавсаика”, он происходил из “мимов” (ταλο ἢ εν τμητιμος), см.: Amélineau E. Histoire des monastères de la Basse-Égypt. P., 1894. P. 257.

¹⁵ Бук.: выучился плотницкому ремеслу (ἐμαθε τὴν τεχνονικήν).

¹⁶ Даже в современном Египте, помимо крупнейших городов Александрии и Каира, наибольшая концентрация коптов характерна для районов Верхнего Египта (Асьют, Мина, Сохар).

¹⁷ Ср., например: Ванькова А.Б. Указ. соч. С. 173. Примеч. 38. Автор статьи в качестве подтверждения своей мысли о многочисленности монахов-иноземцев цитирует пассаж из LX главы “Лавсаика”. На самом деле это место является интерполяцией из “Истории монахов” (ср. XX). Звучит оно так: “Пришли мы в Нитрию, где видели многих великих отшельников, одни (из них) – местные, другие – пришлые” (κατήχθημεν δὲ καὶ εἰς Νιτρίας, ἐνθα πολλοὺς καὶ μεγάλους ἀναχωρητὰς ἐώρασαμεν, τοῦτο μὲν ἐγχωρίους, τοῦτο δὲ καὶ ξένους) (Historia monachorum in Aegypto / Ed. par A.-J. Festugière. Bruxelles, 1961. (Subsidia hagiographica, N 34). P. 120). Греческое τοῦτο δὲ нельзя считать критерием многочисленности, да и само слово ξένος помимо значения “чужой, чужеземец” могло иметь значение “странник” (ср., например, “ксенодохий” (ξενοδοχεῖον), т.е. странноприимный дом, который существовал в Нитрии и был, вполне очевидно, предназначен не только для чужеземных паломников, но и для паломников из других мест Египта). То, что египетские монахи могли совершать путешествия в разные монастыри и сравнительно долго там пребывать, показывает рассказ “Лавсаика” о преп. Макарии Александрийском (ср. XVIII), оставшемся в Тавеннийском монастыре преп. Пахомия на время Великого Поста.

¹⁸ Мармарика – это приморский район между Египтом и Киренаикой, Мареот – часть Ливии (Ливийской пустыни), по соседству с Египтом. См.: Palladio. La Storia Lausiaca. P. 351.

¹⁹ Это можно предположить на том основании, что о Моисее говорится в главе о Пиоре, которая следует сразу за главой о Евагрии. Точно известно, что Евагрий 14 лет подвизался в Келлиях. Палладий часто описывает житие монахов, подвизавшихся поблизости друг от друга (ср.: ср. VII–XIII, где речь идет о нитрийских подвижниках).

Геродот) называли ливийцами светложими предков современных берберов, обитавших к западу от Египта²⁰. Вполне возможно, оба эти подвижника происходили из тех ливийцев, которые жили в непосредственной близости к Египту. В X главе “Лавсаика” рассказывается, что авва Памбо велел своему эконому Оригену раздать принесенное ему серебро братии, живущей “по всей Ливии (πᾶσι τῇ κατὰ Λιβύην) и на островах”, из чего можно заключить, что в IV в. в Ливийской пустыне существовали монашеские общины, которые поддерживали связь с монастырями Египта. В XXV главе “Лавсаика” речь идет о палестинце Валенте, который, вероятнее всего, подвизался в Келлиях²¹. Отдельно следует сказать об известном авве Евагрии (ср. XXXVIII), который, как сообщает Палладий, родом был понтиец и происходил из города Ибор – следовательно, был из Малой Азии.

“Лавсаик” называет и одного “эффиоп” – знаменитого скитского подвижника преп. Моисея (ср. XIX)²², о котором известно и из других источников (например, из Aporhthegmata Patrum). Из “Лавсаика” явствует, что он “черный, родом эфиоп” (Αἰθίοψ τῷ γένει, μέλας), был домашним рабом у некоего чиновника (πολιτευομένου τινός), который изгнал его за разврат и разбой. Затем он сделался предводителем шайки разбойников, но, раскаявшись, стал монахом в Скиту, а затем и пресвитером²³. Следует помнить, что “эффиопами” еще в античной традиции называли всех негроидов, но прежде всего мероитов²⁴. Скорее всего, преп. Моисей был родом из пограничных с Египтом областей Нубии, откуда и попал в рабство. Существует еще ряд интересных свидетельств о том, что среди египетских монахов были “эффиопы”. Так автор “Истории монахов” сообщает, что видел в монастыре аввы Аполлона “эффиопов” (Αἰθίοπας, gentis Aethiopiae viros)²⁵, которые строгостью и благочестием превосходили многих других иноков монастыря. Если учесть, что автор “Истории монахов” совершил путешествие в Египет ок.

²⁰ См.: Herod. II. 29–33; III. 17–43, особ. 168–186, где Геродот перечисляет различные ливийские племена. См. также: История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. М., 1990. С. 21–38 (особ. примеч. 4 на с. 36), 82–85.

²¹ Палладий говорит, что Валент “долго жил в пустыне вместе с нами”. В той же главе есть указание на “пресвитера нашего блаженного Макария”. Известно, что Палладий жил некоторое время в Нитрии и Келлиях (о его пребывании в Скиту нет надежных данных). Есть также сведения, что преп. Макарий Александрийский, которого Палладий, вероятно, и называет “нашим пресвитером”, был священником в Келлиях.

²² В славянской традиции – преп. Моисей Мурин, в современной коптской – Муса шахид. Один из наиболее популярных святых у современных коптов.

²³ По поводу кончины преп. Моисея данные “Лавсаика” и “Апофтегм” несколько расходятся. Палладий пишет, что он скончался (τελευτῆ) в Скиту в возрасте 75, тогда как в “Апофтегмах” речь идет о том, что он был убит варварами, нападшими на Скит (греч. βάρβαροι, копт. Ἰβάρβαρος). Вполне возможно, что этими варварами были блемнии, часто нападавшие на Египет, особенно в конце IV–V в., о чем есть свидетельства в других агиографических источниках. О блемниях см. например: Берзина С.Я. Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв. н.э. М., 1992. С. 96–101.

²⁴ Так, Геродот в своей “Истории” пишет, что город Мероэ столица всей Эфиопии. (II. 29). В известном рассказе из “Деяний Апостолов” (Деян. 8, 27–39) о крещении св. Филиппом эфиопского евнуха (ἀνὴρ Αἰθίοψ εὐνοῦχος) речь идет о приближенном мероитской кандаки. См., например: Кобищанов Ю.М. Аксум. М., 1966. С. 57. Примеч. 150. История Африки... С. 466 (указатель на “Эфиопия” и “эффиопы”).

²⁵ Historia Monachorum, ср. VIII (по греческому тексту, изданному Фюстюкьером), ср. IX (по латинской версии Руфина).

394–395 гг., то речь может идти о ситуации, синхронно совпадающей с данными Палладия. Материал коптских надписей, обнаруженных в Бауит (например, $\alpha\upsilon\alpha\tau\epsilon\lambda\mu\ \pi\beta\omega\psi$, $\alpha\pi\alpha\ \iota\omega\sigma\eta\epsilon\ \pi\epsilon\beta\omega\psi$)²⁶, которые датируются более поздним временем, подтверждают наличие в монастыре аввы Аполлона “эфиопов”, поскольку коптское $\epsilon\beta\omega\psi/\epsilon\phi\omega\psi$ полностью эквивалентно греческому Αἰθίοψ в общем значении²⁷. Есть сведения о “эфиопах” в монастырях Нижнего Египта, например, о некоем “Иоанне из эфиопов” ($\iota\omega\alpha\eta\eta\eta\sigma\ \eta\tau\epsilon\ \eta\epsilon\beta\omega\psi$), упоминается в надписях из Келлий, опубликованных Р. Кассером²⁸. Еще более любопытные данные содержатся в изданном Ж. Гаску²⁹ Сорбоннском папирусе (P. Sorb. II. 69), представляющим собой фискальный кодекс начала VII в. Там три раза упоминается некий “монастырь эфиопов”: первый раз достаточно ясно – $\mu\omicron\nu\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \text{Αἰθίο\lambda\omicron\nu}$ (N 1), во втором упоминании большая лакуна и третья (N 12) читается как $\mu\omicron\nu\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu\ \epsilon\beta\omega\psi$. Возможно, имеется в виду не один, а несколько монастырей, хотя, на наш взгляд, более правдоподобен первый вариант. На основании этих данных и с учетом известного пассажа из “Церковной истории” Иоанна Эфесского (Hist. Eccl. III. 53), где говорится об аксумитах, последователях Юлиана Галикарнасского, живших в Алодии (одном из нубийских царств), Ф. Луизье пытается обнаружить присутствие аксумитов в среде египетских монахов. Он даже полагает, что эти аксумиты прибыли в Алодию из Египта, где были также распространены взгляды Юлиана. При этом, однако, не следует забывать, что описываемые у Иоанна Эфесского события относятся к 580 г., упоминание об “эфиопском монастыре” к началу VII в. и все ту же неопределенность термина “эфиоп”³⁰. А значит, нет и достаточных оснований говорить о присутствии в IV в. аксумитов в среде египетского монашества.

Не менее интересны данные “Лавсаика” о социальном составе монашества в Египте. Традиционная точка зрения считает египетское монашество сельским движением, основную массу которого составляли выходцы из египетской хоры³¹. Однако в последнее время все более уверенно высказывается

²⁶ См.: Fouilles exécutées à Baouît par J. Maspero. Notes mises en ordre et éditées par E. Drioton. Le Caire, 1932 (MIFAO, 39). P. 57, 138. Бауит – принятое в археологии обозначение монастыря аввы Аполлона.

²⁷ См.: Crum W.E. A Coptic Dictionary. Oxford, 1939. P. 65. Крам упоминает, что термин прилагался к африканским племенам первого порога Нила, однако указывает, что он мог прилагаться также к блеммиям (беджа) и к аксумитам. Вестендорф, помимо значения “эфиоп” (Aithiophe), дает также значение “нубиец” (Nubier). См.: Westendorf W. Koptisches Handwörterbuch. Heidelberg, 1977, S. 45.

²⁸ См.: Kellia 1965. Genève, 1967. P. 39 (N 2), а также рецензию Ф. Луизье на книгу Ж. Гаску: Gasco J. Un codex fiscal hermopolite (P. Sorb. II. 69). Atlanta, 1994 (American Studies in Papyrology, 32). // Orientalia Christiana Periodica. Vol. 65. Fasc. II. P. 478–479.

²⁹ Gasco J. Un codex fiscal hermopolite (P. Sorb. II. 69).

³⁰ Сам Луизье, впрочем, высказывает свою гипотезу достаточно осторожно, хорошо понимая многозначность термина “эфиоп”. Он приводит цитату из известной надписи Силко (Εὐφ Σίλω, βασιλίσκος Νουβίων καὶ ὄλων τῶν Αἰθίοπων) и комментарии издателей надписи, которые полагают, что в данном случае выражение “все эфиопы” может относиться ко всем народам Нубии ненубадам. См.: Orientalia Christiana Periodica. Vol. 65. Fasc. II. P. 479. Вероятно, в данном случае под “эфиопами” следует иметь в виду мероитов. См.: История Африки... С. 180.

³¹ Обзор мнений по данному вопросу см.: Farag Rofail Farag. Sociological and Moral Studies in the Field of Coptic Monasticism. Leiden, 1964. P. 76–77.

мнение о значительной роли монастырей, которые находились не в “пустынях”, а в непосредственной близости от городов³². Все сведения, приводимые Палладием по этому вопросу, можно условно разделить на две группы. В первую входят указания на этническое или социальное происхождение простых монахов. Как правило, они носят случайный и выборочный характер, не позволяющий сделать столь важный для нас вывод о “социальных пропорциях”. Однако рассмотрев эти скудные данные в социальном контексте египетского общества IV – первой половины V в., на их основе можно сделать некоторые интересные замечания. Вторая группа представляет собой сведения о духовных лидерах египетского монашества, принадлежавших, как правило, к первым поколениям подвижников. И здесь уже возможны по крайней мере предварительные выводы о процентном соотношении крестьян и горожан в среде монашеской элиты. Интерес к такого рода данным обоснован еще и тем, что они не могут носить случайный характер, поскольку трудно предположить, чтобы Палладий сам “назначал” кого-то в великие подвижники. Значит, известность того или иного монаха имела объективный характер: это были аскеты, которые выделялись из основной массы монашества благодаря своим особым подвигам и духовному авторитету.

Начнем с первой группы данных, поднимаясь с их помощью с низших ступеней социальной вертикали Египта IV – первой половины V в. на высшие. В “Лавсаике” содержится несколько указаний на то, что среди египетских монахов могли быть бывшие рабы. Затворница Александра (сар. V) была $\lambda\alpha\iota\delta\iota\omicron\eta$, а уже упомянутый известный скитский монах авва Моисей был некогда $\omicron\iota\chi\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$. Палладий также сообщает (сар. XLIX), что среди палестинских монахов был Сисиний, происходивший из рабов ($\xi\acute{\xi}\ \omicron\iota\chi\epsilon\tau\eta\iota\varsigma$). Все приведенные термины применялись главным образом к определенной категории рабов – к челяди, т.е. к домашним рабам. Следовательно, домашние рабы были наиболее мобильным рабским “сословием”, поэтому им легче, по сравнению с другими категориями рабов, было стать монахами, что, помимо прочего, означало перемену социального статуса. При этом, однако, следует помнить, что рабы в IV–V вв. было наиболее бесправным сословием, и нельзя считать, что в среде египетского монашества было много бывших рабов, скорее их там могло быть меньшинство. “Модель” обращения бывших рабов в монашество можно проследить на примере Мелании Младшей (сар. LXI): решив подвизаться, она отпустила своих рабов на волю, но рабынь сделала монахинями ($\sigma\upsilon\nu\alpha\sigma\eta\eta\tau\acute{\rho}\iota\alpha\varsigma\ \epsilon\iota\upsilon\acute{\rho}\alpha\sigma\alpha\tau\omicron$), которым сама и прислуживала. Вполне возможно, что бывшие рабы попали в “малый монастырь”, устроенный одним из сыновей купца – “спанодрома” (сар. XIV), ведь после смерти родителя братья разделили между собой наследство, которое включало в себя и домашних рабов ($\omicron\iota\chi\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$).

В XIX главе помимо указаний на разбойную жизнь аввы Моисея “Эфиопа” до монашества упомянуто, что под его влиянием четверо разбойников ($\lambda\eta\theta\omicron\tau\alpha\iota$) раскаялись и стали монахами. Разбойники, как деклассированная прослойка общества, принадлежали по большей части к разряду социальных низов, однако данные папирусов показывают, что разбоем “по совместительству” могли заниматься солдаты и родственники государственных чи-

³² См.: Wipszycka E. Le monachisme égyptien ... P. 281–336.

новников³³. Факты, когда разбойники становились монахами, сами по себе интересны, но вряд ли это происходило часто, скорее наоборот. Палладий, вероятнее всего, специально обращает внимание на эти случаи с назидательными целями, чтобы показать, как из глубин нравственного падения человек способен достигнуть небесных высот.

Сложный вопрос представляет собой “крестьянская” составляющая египетского монашества. И связано это не только с тем, что упоминания о монахах, вышедших из крестьянского сословия крайне редки, но и с проблемой существования в Египте, как впрочем и во всей ранневизантийской империи IV в., свободной сельской общины в связи с бурным развитием колонатных отношений, что зафиксировано в римском законодательстве. Однако еще в начале прошлого столетия видный специалист по византийской агиографии А.П. Рудаков предполагал, основываясь на данных житий, что в Византии существовало два вида сельских общин: свободные самоуправляющиеся общины крестьян-собственников и общины, зависимые от крупных землевладельцев³⁴. Г.И. Лебедева, исследовавшая социальную структуру ранневизантийского общества, опираясь на законодательные источники, пишет, о том, что лично свободный сельский плебс представлял собой значительную социальную группу в ранневизантийском обществе³⁵. И.Ф. Фихман, изучавший патронатные отношения в Египте, констатирует, что расцвет крупного землевладения, тесно с ними связанный, приходится на конец V и VI в.³⁶ А.И. Павловская указывает на противоречивые процессы, происходящие в египетской хоре: с одной стороны, идет активный процесс развития патронатных отношений, с другой – сопротивление ему государства с целью сохранения интересов государственной казны³⁷.

Итак, на протяжении всего IV в. существовало значительное число лично свободных жителей египетской хоры, которые, если желали того, могли беспрепятственно изменить свой социальный статус. Единственной проблемой были внутриобщинные земельные отношения, так как отчуждение (главным образом продажа) земли могло иметь своими последствиями усиление фискального гнета для остальных членов общины. Но и из этого положения существовал выход: земля не продавалась, а распределялась внутри общины. Так, предположительно, было с преп. Антонием, который не продал, а именно раздал (ἐχαρίσατο) свою землю, чтобы соседи не докучали ему и его сестре³⁸. Подтверждение этого можно найти в рассказе о преп. Павле Простом (сар. XXII), который, воочию увидев измену своей жены, совершенно свободно уходит из дома искать жизни монашеской, оставив, вероятно, всю свою собственность в распоряжении жены и ее любовника.

Интересны своеобразные “списки профессий” монахов Нитрийской горы и панопольского монастыря, которые дал Палладий соответственно в VII и XXXII главах. В VII главе он сообщает, что среди насельников Нитрийской горы есть врачи (ἰατροί) и пирожники (πλακοῦνταριοί)³⁹, семь пекарен, изготавливающих хлеб не только для себя, но и для отшельников большой пустыни⁴⁰. Есть также поварская (μαγειρεῖον)⁴¹. Несмотря на то что в текстах по истории монашества говорится, как некоторые подвижники овладевали в монастырях новыми для себя профессиями, можно предположить, что выучиться в монастыре на врача было чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Профессия пекаря (или пирожника), которая всегда была востребована, также предполагала наличие опыта и серьезного навыка⁴². Следовательно, среди монахов Нитрийской горы были бывшие ремесленники, однако их количество мы, к сожалению, не можем установить даже приблизительно. Можно лишь предположить, что, находясь рядом со столь

³³ Папирус № 48 так называемого архива Авинья упоминает о банде воров, которую возглавляет солдат и куда входили еще один солдат и сын ириарха. Папирусы № 51, 52, 54 содержат сведения о том, что в кражах и притеснениях принимают участия лица, близко стоящие к людям, призванным следить за обеспечением порядка. См.: Фихман И.Ф. Египетский архив середины IV в. н.э. // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 302.

³⁴ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой историографии. СПб., 1997. С. 174–175. Помимо житийной литературы Рудаков ссылается на свидетельства юридических источников (Кодексы и Новеллы Юстиниана, Василики), а также на данные египетских папирусов.

³⁵ Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 109. Лебедева, однако, склонна считать, что колонат развивался в IV в. в массовом порядке. Но она же констатирует факт, что в византийском законодательстве термин *colonus* применяется весьма широко: “Под ним понимается вся масса византийских крестьян, как мелких свободных земельных собственников (курсив наш. – А.В.), так и колонов всех категорий” (там же, с. 72–73). Ср. также: Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 27–30.

³⁶ Фихман И.Ф. Введение... С. 212. Фихман при этом полагает, что наиболее многочисленным и экономически важным зависимым сословием византийского Египта был так называемый приписной колонат. Но при этом он не отрицает существование свободных деревень и отмечает, что мелкие и средние землевладельцы в Египте занимали в общей сложности большую площадь земель, чем крупные.

³⁷ Павловская А.И. Египетская хора в IV в. (Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук). М., 1980. С. 34. При этом государство опиралось на институты общинного самоуправления, прежде всего на комарха, который защищал интересы комы перед имперской администрацией (там же, с. 30).

³⁸ Vita Antonii. Cap. II. О предположении, что это было сделано из-за фиска см.: Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine / Introduction, texte critique, traduction, notes et index par G.J.M. Bartelink. P., 1994 (SC. 400). P. 134. Not. 2. Могла быть и другая причина. Известный польский папиролог Р. Таубеншлаг указывал на следы общинной собственности на землю, зафиксированные в юридических источниках (Cod. Just. III. 39, 1 (а. 294), 2; IV. 53, 3; Νόμος γεωργικός. VII. 81) – систему периодических переделов земли, ограничение отчуждения надела правом ретракта со стороны ближайших родственников или членов общины и т.д. (см.: Таубеншлаг Р. Сельские общины в романизированных провинциях востока времени Диоклетиана // ВВ. 1958. Т. XIII. С. 5–8). Не исключено, что преп. Антоний не стал продавать свои земельные угодья, в том числе, и по этим причинам.

³⁹ В русском переводе “аптекари” (см.: Лавсаик... С. 21). Однако все авторитетные словари дают перевод *πλακοῦνταριος* (ссылаясь, в том числе, на эту главу “Лавсаика”) как “пирожник, кондитер”. См.: Sofocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods: pastry-cook. Vol. II. [s.l.], [s.a.]. P. 893; Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961: pastry-cook, confectioner (P. 1054); Cange du. Glossarium ad Scriptores mediae et infirmae Graecitatis. I–II. Lugdunii, 1688: placentarius, dulcinarius (col. 1177).

⁴⁰ Вероятно, в данном случае имеются в виду монахи Келлий и Скита.

⁴¹ Палладий упоминает также, что все монахи плетут вручную ткань (ὀθόνην ἐργάζοντα ταῖς χερσίν), чтобы ни в чем не нуждаться. Однако ткачество было распространенным в Египте занятием. См.: Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох (ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII в.). М., 1965. С. 15, 73. Овладеть некоторыми приемами ткачества было не сложно. Вполне вероятно, что этим ремеслом могли заниматься и крестьяне.

⁴² Согласно Фихману, даже в крупных имениях пекарями были по большей части свободные ремесленники (Египет на рубеже двух эпох... С. 211–212). Значит, даже хозяевам имения легче было нанять профессионального пекаря, нежели переучивать своего раба.

“урбанизированным” и ремесленным районом как Дельта Нила, Нитрия вполне могла быть местом, где “ремесленная” составляющая среди монахов была выше по сравнению с аграрными районами Верхнего и Среднего Египта. Однако и в среде верхнеегипетского монашества достаточно ясно видно присутствие бывших ремесленников. В XXXII главе Палладий дает сведения о Панопольском монастыре, где по его словам, насчитывалось, 300 монахов. А среди них 15 портных (ῥάβται), 7 кузнецов (χαλκείς), 4 плотника (τέκτοναι), 15 сукновалов (κναθείς), значит по крайней мере 41 монах – бывший ремесленник. Цифра может увеличиться, если вспомнить о том, что в этом монастыре есть те, кто занимается ремеслом кожевника (βυρσεῖον), пекаря (ἄρτοποιεῖον), сапожника (οὐτοτομείον) и каллиграфа (καλλιγραφεῖον)⁴³. Таким образом, по самым скромным подсчетам около 13–15% всей братии монастыря происходило из ремесленного сословия и скорее всего из городов⁴⁴. По другим источникам известно, что монахи занимались также изготовлением мешков, маслodelием, гончарным и переплетным делом⁴⁵.

Относительно данных о наиболее известных подвижниках можно сказать следующее: по нашим подсчетам, в “Лавсаике” сообщается всего о 44 подвижниках. К сожалению, у 20 из них установить происхождение невозможно (многие Палладием просто упоминаются, без каких-либо дополнительных сведений). Но сведения об остальных, дают интересные результаты. Тех, кто несомненно происходил из города, насчитывается 9 человек, а из деревни – 3, тех же, кто предположительно был горожанином – 7, а из деревни – 5. Таким образом, эти данные, пусть фрагментарные и неполные, но, смеем надеяться, объективные, позволяют думать, что среди монашеской элиты преобладали бывшие горожане, а это ставит под вопрос заключения о преимущественно сельском характере египетского монашества.

Любопытны данные о профессиях известных подвижников. К так называемой городской “интеллигенции” относятся предположительно 3 человека (Аммоний⁴⁶, Евлогий, Диолк), к бывшим торговцам – 5 (Паисий и Исайя, Аполлоний, преп. Макарий Александрийский, Илия), к ремесленникам – 1

⁴³ С профессией “каллиграфа” существует определенная сложность: может ли она быть отнесена к ремеслу, или это так называемая “свободная” профессия, которой занималась главным образом городская “интеллигенция”. Но несомненно то, что монахи-“каллиграфы” были горожанами.

⁴⁴ Известным препятствием для определения социального происхождения монашества является так называемое совмещение профессий, по всей видимости, развитое в Египте. Однако, как указывает Фихман, совмещение часто происходило за счет смежных ремесел (например, кирпичники брали на себя работу и по укладке кирпичей и т.д.). Что касается совмещения ремесла и сельскохозяйственных работ, то оно, как указывает тот же автор, происходило главным образом со стороны ремесленников, а не наоборот. См.: Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох... С. 70–75. Мы намеренно не включили в перечень упомянутых Палладием 12 погонщиков верблюдов (καμηλάριοι), так как эту “профессию” нельзя однозначно считать ни городской, ни сельской, и его же указание на плетение циновок, поскольку оно было излюбленным занятием египетских монахов и показателем социального происхождения быть не может.

⁴⁵ См.: Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох... С. 210–211.

⁴⁶ Если при этом иметь в виду трех остальных братьев Аммония – Диоскора, Евсевия и Евфимия (сар. X), а также его двух сестер, подвизавшихся возле Нитрийской горы, то цифру городской “интеллигенции”, равно как и цифру горожан в нашей таблице, следовало бы увеличить – все так называемые “Длинные братья” находились на одном уровне культуры и были заметными фигурами в истории египетского монашества.

(преп. Иоанн Ликопольский). Интересно также отметить, что в “Лавсаике” упомянут всего один человек, происходивший из семьи священнослужителя, – Евагрий Понтийский, который был сыном хорепископа⁴⁷. И только одного подвижника (преп. Павла Простого) Палладий называет земледельцем (ἄγροικοῦς γεωργός), остальные представляют такие “профессии”, которые, если не иметь дополнительных данных, невозможно точно отнести ни к сельским, ни к городским – погонщик верблюдов, пастух⁴⁸, бальзамург.

⁴⁷ Хорепископ хотя и управлял сельской округой, но пользовался ограниченной властью. Он также мог совершать только так называемые *ordini minori*. См.: Palladio. La Storia Lausiaca. P. 372.

⁴⁸ Речь идет о Макарии младшем (сар. XV). Вопрос о его социальном происхождении интересен и неоднозначен. С одной стороны, Палладий пишет, что он юношей пас скот близ озера Мареотис. После совершенного им невольного убийства он раскаялся и сделался отшельником. Профессия пастуха предполагает скорее его сельское происхождение. С другой стороны, в беседе с Палладием он демонстрирует очень тонкое знание Писания: сравнивает свой поступок с невольным убийством, совершенным Моисеем. Он также утверждает, что прочел об этом в Св. Писании (Ἐλεγε δὲ αὐτὸ ὑραφῶν). Палладий, не знавший по-коптски, нигде не указывает, что у этого отшельника есть переводчик – значит, они беседовали по-гречески. Эти факты говорят в пользу его городского происхождения.

П.В. Шувалов

УРБИКИЙ И “СТРАТЕГИКОН” ПСЕВДО-МАВРИКИЯ (ЧАСТЬ 2)¹

В начальных разделах опубликованной первой части данной работы² на основе анализа как рукописной традиции самого трактата, так и параллельной ему традиции об Урбикии было обосновано предположение о причастности Урбикия Барбата к возникновению текста “Стратегикона” Псевдо-Маврикия. Во второй части приведено возможное разделение текста Псевдо-Маврикия по хронологическим слоям: раннему, урбикиевскому и нескольким позднейшим. Методической основой для такого разделения трактата явился анализ текста сочинения Псевдо-Маврикия и родственного ему Мюллеровского фрагмента. Особое внимание при этом было мною уделено наличию в тексте трактата швов, внутренних и внешних отсылок, нарушениям логики изложения, структуре текста, употребляемой автором терминологии, авторским оценкам и пристрастиям, этнокарте трактата. К сожалению, объем журнальной статьи не позволяет изложить всю аргументацию полностью³. Поэтому ниже предлагается лишь реконструкция вероятных этапов развития текста трактата и связанных с ним произведений.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА “СТРАТЕГИКОНА” ПСЕВДО-МАВРИКИЯ

Текст “Стратегикона” Псевдо-Маврикия несет на себе “родимые пятна” своей более сложной, чем может по началу показаться, истории. Трактат представляет собой как бы слоеный пирог, в котором более ранние слои текста проглядывают сквозь более поздние дополнения и наслоения. Цита-

¹ Данная статья является продолжением работы, опубликованной в ВВ. 2002. Т. 61. С. 71–87 и также в рамках грантов № 841/1998 Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation и № NAT 058 Travel Program of the Open Society Institute. Спешу выразить искреннюю благодарность Константину Цукерману за бескорыстную помощь, оказанную мне в работе над этой статьей во время моего короткого пребывания в Париже.

² К сожалению, в текст первой части статьи вкралось несколько досадных погрешностей. И с. 79 стк. 26 и 27 снизу слова “Р и В и ошибка прочтения писца: О и А” нужно читать “Р, В и О”; на с. 79 стк. 28 снизу слова “буквы М и ошибка прочтения писца А как О и” нужно читать “букв М и А и ошибка прочтения”; на с. 85 стк. 5 снизу слово “международные” нужно читать “меднооружные”.

³ Отдельные положения отражены мною в следующих публикациях: Шувалов П.В. Враги империи (соседние народы в трактате Псевдо-Маврикия) // ЗВОРАО. 2004 (в печати); *Он же*. Влияние авар на позднеримское военное дело // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы международной конференции в СПб. 23–25 ноября 1999. СПб., 1999. С. 48–51; *Он же*. Северные варвары в “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия // Жебелевские чтения II. Тезисы докладов научной конференции 26–27 октября 1999 г. СПб., 1999. С. 64–68.

ты, эксцерпты и заимствования, сделанные в трактат из более ранних сочинений, легко вычленимы из основного текста, который, в свою очередь, грубо прерывается различными позднейшими интерполяциями. При этом часто видны нарушения логики и нити повествования, смещение акцентов и следы скрытой полемики между составителями трактата. Одна из причин этого – невнимание древних составителей и редакторов нашего трактата к риторической красоте и гладкости слога сочинения. Так, во введении к трактату (Mauric. Praef. 3 ln. 27–29) написано, что его автор заботился не о благозвучии речи, но о краткости изложения и о сути дела.

Предлагаемая ниже модель ни коим образом не претендует на буквальное восстановление всех этапов становления текста, однако позволяет внести некоторый предварительный условный порядок в кажущийся безнадежным хаос различных наслоений в трактате Псевдо-Маврикия.

А. Урбикий Барбат

Из трех дошедших до нас малых трактатов Урбикия – два (tact., epited.) принадлежат скорее еще не слишком обремененному практическим опытом военному теоретику, третий же (sup.), возможно, был написан более опытным человеком. Не исключено, что за этим стоит жизненный опыт Урбикия. Кроме этих трех дошедших до нас небольших трактатов, как мы установили выше, вероятно, мы можем найти следы еще одного сочинения Урбикия: оно лежит, вероятно, в основе трактата Псевдо-Маврикия. Текст этого трактата распадается на три смысловые части, посвященные кавалерии, стратегии и пехоте. Последняя часть всеми исследователями признана самостоятельным трактатом, включенным позднее в текст Псевдо-Маврикия. Книга о стратегии также явно имеет признаки отдельного сочинения. Рассмотрим по порядку произведения, к созданию которых был или мог быть причастен Урбикий.

a.i. Раннее творчество Урбикия Барбата (Urbic. tact., epited.)

В последней четверти V в. Урбикий, вероятно, написал два небольших трактата о военном деле. Один из них это Тактикон (Urbic. tact.), другой – Эпитедевма (Urbic. epited.). Эпитедевма написана уже при императоре Анастасии, т.е. после 491 г., но скорее в самом начале его правления⁴ и, возможно, несколько позже, чем Тактикон. Более ранний трактат является ни чем иным, как старательной компиляцией Тактики Арриана и, может быть, отражает самое начало освоения Урбикием военной науки⁵. Второй – это попытка внести что-то новое: в Эпитедевме (“прием, навык”) описан особый прием для отражения кавалерийской атаки: использование впереди строя пехоты особых переносных рогаток. Оба эти сочинения отмечены некоторой посредственностью. Их стиль несколько отличается от стиля более

⁴ В Эпитедевме Урбикий указывал на отсутствие у него еще военного опыта.

⁵ Здесь трудно удержаться от того, чтобы не сопоставить Урбикия с Аррианом и через него с Ксенофонтом: он – как и его более знаменитые предшественники – был автором трактатов о тактике, о коннице, об отражении строем пехоты конной атаки и об охоте. Это тем более любопытно, что Урбикий знал и активно использовал сочинения Арриана (см., например: Нефёдкин А.К. Маврикий и Арриан: к проблемам источников “Стратегикона” // ВВ. 2002. Т. 61. С. 38–48.

поздних произведений⁶. В этом иногда даже видят достаточное основание для утверждения, что они вышли из-под пера различных авторов.

a.ii. Трактат о кавалерии (Urbic. caball.) и его возможные источники

В отдельном трактате о пехоте, вошедшем в состав последней книги трактата Псевдо-Маврикия, имеется отсылка на какое-то сочинение о кавалерии, ἡ τῶν καβαλλαρίων συνγραφή (отсюда и предлагаемое мною условное обозначение для этого трактата: *caballarica*). Этот трактат до нас не дошел, но не исключено, что отрывки из него сохранились в виде некоторых книг в трактате Псевдо-Маврикия, посвященных кавалерии и имеющих очевидные признаки единого происхождения. Сюда же явно примыкают и некоторые сходные пассажи из Мюллеровского фрагмента. На мой взгляд, на принадлежность к этому утерянному трактату могут претендовать из текста Псевдо-Маврикия и Мюллеровского анонима следующие книги целиком или их части: *Mauric. Praef. I–III, V; de mil. sc. 1–12* (подробнее см. табл. 1). Если исходить из построенной выше гипотезы о сочинении Урбикия как основе текста Псевдо-Маврикия и если учесть тот факт, что выделенные выше книги являются центральными в трактате Псевдо-Маврикия, можно предположить авторство Урбикия для этого несохранившегося трактата по кавалерии.

Кроме того, в тексте Псевдо-Маврикия остались внутренние отсылки на другие главы какого-то сочинения, т.е., если следовать формальной логике, на главы этого же трактата Псевдо-Маврикия. Однако в тексте трактата Псевдо-Маврикия таких глав нет. Следовательно, можно предположить существование какого-то несохранившегося полностью, возможно, урбикиевского текста, отдельные главы и книги которого мы можем попытаться реконструировать. Так, одна отсылка явно предполагает существование особой книги о лагере: ὡς δηλοῦται ἐν τῷ περὶ ἀλλήτων λόγῳ (*Mauric. V, 1, 6 ln. 22–23*). Вероятно, какой-то след ее можно увидеть в главах *Mauric. V, 3–4* (см. табл. 1: *Urbic. tact.-str. IV*), несколько выбивающихся по смыслу из соседнего текста Псевдо-Маврикия. Другая отсылка вроде бы предполагает отдельную книгу о построении второй линии: χρὴ τὴν δευτέραν τάξιν... γίνεσθαι, ὡς ἐν τῷ περὶ αὐτῆς εἴρηται λόγῳ (*Mauric. III, 10, 2 ln. 27*). Эта отсылка, возможно, восходит еще к источникам Урбикия, но не исключено, что здесь скрыто указание на книгу о тактике, часть из которой дошла до нас в тексте *Mauric. III*. Впрочем, может быть, в том же сочинении Урбикия была и книга, посвященная построению второй линии, тем более, что построение второй линии – излюбленная тема автора. Однако никаких фрагментов этой книги выделить мне не удалось. Еще одна ссылка содержится в этнографической книге трактата Псевдо-Маврикия и указывает на существование особой книги об обозе: καὶ τὰ κατὰ τὸν τοῦλδον διαθῆναι ὡς ἐν τῷ περὶ τοῦτου γέγραπται λόγῳ (*Mauric. XI, 2, 24*). Остаток этой книги, возможно, сохранил-

ся в виде текста *Mauric. V, 1–2* (см. табл. 1: *Urbic. tact.-str. III*). В тексте Псевдо-Маврикия есть книга, посвященная этой теме, однако ее содержание не раскрывает все проблемы, связанные с обозом, но зато содержит еще и две вышеупомянутые главы о лагере. Не исключено, что в конце трактата о кавалерии Урбикий поместил две дополнительных книги: об обозе и о лагере. Судя по краткости дошедших до нас в тексте Псевдо-Маврикия главок, претендующих на то, чтобы быть фрагментами этих книг (*Mauric. V, 1; 2; 3; 4*), книги эти дошли до нас в тексте Псевдо-Маврикия не полностью. Глава *Mauric. V, 1* изначально никак не могла относиться вместе с главой *Mauric. V, 4* к одной и той же книге: об этом свидетельствует отсылка из главы *V, 1* (*Mauric. V, 1, 6 ln. 22–23*) на книгу о лагере (περὶ ἀλλήτων) как на самостоятельную книгу. Среди глав этой книги о лагере в произведении Урбикия, скорее всего, был и текст, дошедший до нас в виде главы *Mauric. V, 4*, посвященной лагерю.

Судя по этим фрагментам, Кавалерийский трактат – так же, как и Тактикон, – в значительной степени был компилятивен. Тем не менее отмеченные фрагменты обладают определенным внутренним единством: их отличает особый подход к изложению вопросов тактики. В них прослеживается конкретная мысль: дать краткое введение в военное дело для начинающих (*Mauric. I, 3, 1 ln. 7–9*). В этих фрагментах постоянно проводится мысль о необходимости построения войска тремя частями (мерами) в две линии (например, *Mauric. II, 1; III, 9, 10, 1–2 ln. 1–27*). Графические схемы построения войск в этой части трактата более просты, чем в остальном тексте. Так, в них используется меньшее количество значков – в основном два значка: К (иногда с дополнительной буквой) для обозначения одного *καβαλλαρῖος* (*Mauric. III, 9, 10*) и I для обозначения одного десятника (*Mauric. III, 1–4*). А значки для обозначения мерархов, мойрархов, курсоров и т.п. не используются.

Из привлеченных Урбикием источников для трактата о кавалерии кое-что можно попытаться⁸ восстановить. Урбикий явно использовал какой-то текст о кавалерийской тактике: об организации, построении и командовании конным войском (условно обозначим этот трактат как *de ordine equitatus*). К сожалению, этот текст сильно переработан Урбикием и вычленив его однозначно из остального текста мне не удалось, однако в ряде мест ощущаются его следы. Так, в этих местах автор ведет повествование, создавая впечатление реальной ситуации: войско совершает учения, как бы на глазах читателя. Урбикий же в остальном тексте всегда при повествовании сохраняет спокойную атмосферу учебного диалога. При этом Урбикий обычно повествует от 2-го л. мн. ч., как бы в форме беседы с читателем, которому он что-то советует или рекомендует. Автору же *de ord. equ.* свойственно безличное сухое повествование военного специалиста с использованием слов *χρή, δεῖ*. Оформление заголовков у обоих авторов также различно: в отрывках, возможно, восходящих к *de ord. equ.* заголовки построены по модели *πῶς.../ποῖα...* (главы: *Mauric. I, 1–2, 4–7; 9; III, 5, 8; de mil. sc. 2, 4*), а не по модели *περὶ...* которая более нравится Урбикию. Хотя для обоих авторов свойственна неустойчивость военной терминологии, они оба тяготеют к определенным словам: так автор *de ord. equ.* использует для обозначения

⁶ Так, например, при ссылке на прилагаемые рисунки Урбикий использует в ранних произведениях и в произведениях зрелого периода несколько различные выражения: ὡς δεῖχνοσιν ἡ γραφή (epit. 3.5 p. 368.17.25 ed. Mihăescu) и ὡς δηλοῖ ἡ καταγραφή (*Urbic. apud Mauric. passim*). Эпитедема в отличие от “Стратегикона” Псевдо-Маврикия написана от первого лица единственного числа (*Vári R. Zur Überlieferung griechischer Taktiker // BZ. 1906. Bd. 15. S. 77*).

⁷ На эту странную не имеющую соответствия в тексте трактата ссылку указал еще Вари (*Ibid. S. 87*).

⁸ Характерная для Урбикия безличная отсылка на источники (ὡς ἔγραψαν οἱ παλαιοί, например: *Mauric. II, 6(5), 1 ln. 3*) не дает возможности легко установить его источники.

всадников слова *στρατιώται* (например, *de mil. sc.* 4 p. 119.2) или *καβαλλάριοι* (наряду с сохранением *в*, видимо, заимствованных из какого-то другого текста, см. ниже пассажи слова *ὄλλῖται* для обозначения тех же кавалеристов). Урбикий сохраняет такой разнотой в заимствованных из *de ord. equ.* местах, в то время как сам склонен использовать слово *καβαλλάριοι*. Автору глав, названия которых построены по модели *πῶς.../ποῖα...* свойственно использование в начале каждой главы (*Mauric. I, 2, 4, 5; II, 13(12)⁹; III, 5; de ord. equ. 2, 4¹⁰*) характерного зачина, построенного по весьма однообразной модели: *Genetivus absolutus* (с использованием, чаще аористного, причастия преимущественно от глагола *γίνομαι*) + *δεῖ/χρή* + *infinitivus*, например, *τῆς γυμνασίας... γινομένης, δεῖ ὀλλισθῆναι τοὺς στρατιώτας* (*Mauric. I, 2, 1 ln. 3–4*). Скорее всего, это также наследие трактата *de ord. equ.* в тексте Урбикия. Урбикий местами явно пытается следовать этому приему своего источника и использовать сходные зачины, однако его формулировки несколько более разнообразны (*Mauric. I, 3; 6?; 8; II, 15(14); 20(19); III, 11¹¹*).

Урбикий существенно дополняет текст своего источника: он пишет целые главы (например, *Mauric. I, 3*), изменяет заголовки, используя модель типа *περὶ...* (*Mauric. II, 13(12)*), дробит текст, вставляя дополнительные заголовки (*de mil. sc.* 3), редактирует текст (например, *de mil. sc.* 4), сокращая его (например, *de mil. sc.* 2 p. 114.19–24), придает всему трактату более живой стиль.

В свою очередь, и в тексте *de ord. equ.*, кажется, можно обнаружить следы его источников. Во-первых (*Mauric. I, 6–8*), это военный устав – знаменитый **Ποινάλιος νόμος**. На использование его Урбикием из вторых рук, т.е. через посредство *de ord. equ.*, указывает лишь форма заголовков (тип *ποῖα...* – *Mauric. I, 6, 7*), не свойственных Урбикию. Во-вторых, автор *de ord. equ.* использовал какой-то текст, посвященный кавалерийским построениям. В этом тексте для обозначения кавалеристов применяется слово *ὄλλῖται* (*de mil. sc.* 1, 3 p. 114.7, 115.7, 116.25), что абсолютно не свойственно остальному тексту Мюллеровского фрагмента и Псевдо-Маврикия: в них используются другие термины. Отсюда происходит условное название, которое я предлагаю для этого текста: **hoplitica equitata**.

a.iii. Трактат о пехоте (*Urbic. ped.*)

В трактате о кавалерии Урбикий ссылается на какую-то книгу (*λόγος*) о действиях пехоты (вместе с конницей?), как на находящуюся в поле зрения читателя: *καὶ εἰ μὲν λεγίκοις σύνεστι στρατός, ὡς δηλοῦται ἐν τῷ περὶ τούτου λόγῳ, οὕτως τὴν τάξιν λοιπέσθαι* (*Mauric. II, 2, 3 ln. 7–8*). Можно предположить, что часть этого текста о пехоте сохранилась в виде книги XII трактата Псевдо-Маврикия. Показательно, что в этой книге о пехоте имеется обратная отсылка (*Mauric. XII B, 10 ln. 6*) на текст о кавалерии. Она, однако, указывает

⁹ Это единственная глава из данного списка, которая имеет название, построенное не по модели *πῶς...* а по модели *περὶ...*

¹⁰ Только глава 4 из *de ord. equ.* занимает промежуточное положение между обеими выделенными составляющими текста анализируемого трактата: хотя ее заголовок имеет в своем начале *πῶς...* зачин несколько отклоняется от строгой формы. Возможно, текст главы 4 хоть и восходит к *de ord. equ.*, но был позже подправлен Урбикием. В пользу этого, может быть, говорит и текст (*de ord. equ.* 4 p. 118.10 sq.), где повествование идет от 2-го л. мн. ч.

¹¹ Отмечу, что заголовки всех этих глав построены по модели *περὶ...*

уже не на книгу, а на отдельное сочинение (*συγγραφή*) о кавалерии: *ἄτερ εἰρηται ἡμῖν ἐν τῇ τῶν καβαλλάριων συγγραφῇ*. В этой отсылке прямо говорится, что оба текста – и пехотный, и кавалерийский – написаны одним и тем же автором (*ἡμῖν*). Наверно, в то время, когда Урбикий писал трактат о кавалерии, он одновременно уже создавал отдельную книгу о пехоте, возможно, в качестве приложения к трактату о кавалерии. В процессе же работы Урбикия над ее текстом книга эта разрослась и превратилась в самостоятельный трактат, опубликованный отдельно от трактата о кавалерии. Этот трактат я условно называю (*tactica pedestris*). Он сохранился в виде отдельной книги у Псевдо-Маврикия (*Mauric. XII B(8)*) и при том явно с некоторыми сокращениями: так, сокращены гл. 17–19, 21–23.

Тексту о пехоте Урбикий предваряет оглавление (*Mauric. XII B, Pin*) и небольшое введение (*Mauric. XII B, Pr.*)¹². Скорее всего, это введение было составлено им позже, чем оформился текст самого трактата о пехоте. В нем Урбикий указывает на то, что он раздал в письменном виде главы этого трактата пехотным командирам, предварив их оглавлением и собрав все главы вместе. Кому мог разослать Урбикий этот текст? Именно эти слова часто наводили исследователей трактата на мысль о принадлежности этих слов императору. Однако, на мой взгляд, возможно и иное объяснение: Урбикий, заняв крупный военный пост (например, магистерий Востока) и увидев на практике бедственное состояние пехотных тагм, передает подчиненным ему командирам специально составленный им для исправления положения трактат. Позже он публикует это произведение совместно с написанным специально для этого введением и каким-то предваряющим его другим текстом (трактатом о кавалерии или стратегии?) – см. самое начало введения: *ἐξῆς ῥητέον ἡμῖν καὶ περὶ λεγίκοις τάξεως*. В таком случае, скорее всего, составление текста пехотного трактата и рассылка его командирам относится ко времени занятия Урбикием восточного магистерия, т.е. к периоду между 498 и 503 гг. Публикация же имела место несколько позже.

Трактат о пехоте сохранился в нескольких частях: в основном тексте (*Mauric. XII B*) и, кроме того, в параллельных отрывках (*Mauric. XII A, 3–6 (4–7); de mil. sc.* 18). Диаграммы в полном виде присутствуют только в книге *Mauric. XII A*, в тексте же *Mauric. XII B* они сильно упрощены и как бы добавлены в конце главы 20. Везде используется, как и в Кавалерийском трактате, весьма ограниченное количество значков, одинаковых для всех схем. Эта система значков схожа с той, что используется в Кавалерийском трактате (см. выше).

¹² Впрочем, нужно отметить, что такое отнесение этого введения именно к Урбикию можно поставить под сомнение. Текст не имеет никаких хронологических указаний. Про него можно лишь с уверенностью сказать, что он предваряет трактат о пехоте и что он, скорее всего, написан тем же автором, что и введение ко всему трактату Псевдо-Маврикия: в обоих введениях в начале стоят практически одни и те же слова об упадке военного дела (*Mauric. Praef. 2 ln. 10–11; XII B, Pr. ln. 1–3*). В таком случае составление обоих может теоретически относиться к самому позднему периоду развития текста трактата Псевдо-Маврикия – к этапу *Ped* (см. рис. 2), когда к основной части трактата была добавлена книга XII B. В таком случае автором введений мог быть Маврикий или Ираклий. Однако, исходя из структуры текста (*Mauric. Praef.*), в частности из наличия легко вычленимой теологической части (интерполяцию которой я отношу к этапу *Ped.*), и исходя из общей картины развития текста, такая поздняя датировка обоих введений представляется мне маловероятной.

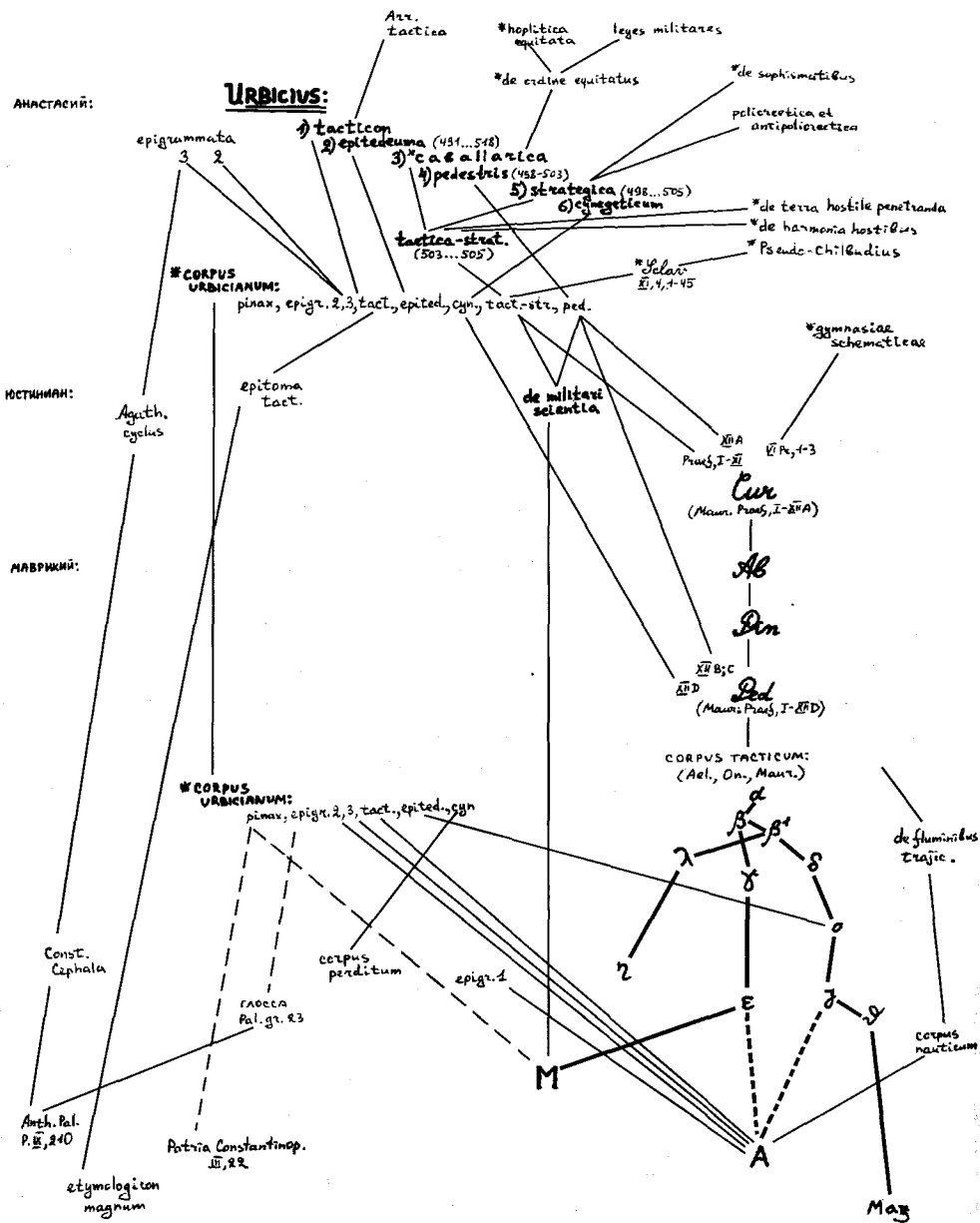

Рис. 2. Реконструкция текстологической традиции сочинений Урбикия

Глава о загнутом назад строе (Mauric. XII A, 7 (7, 2–22)) отличается от предшествующих ей глав обозначениями десятников и тяжеловооруженных гоплитов. Вместе с тем эта глава явно составлена самим Урбикием, так как позже он сделает на нее четкую отсылку (Mauric. XI, 2, 25 ln. 88: κατὰ τὸν δηλοῦμενον τρόπον ἐν τῇ καταγραφῇ τῆς ἐλικαμπίου ὀπισθίας τάξεως). Судя по этой отсылке, эта глава могла вообще не входить ни в трактат о пехоте, ни в текст того произведения, куда вошла XI книга, содержащая отсылку.

Может быть, это был отдельный небольшой трактат. Вероятно, Урбикий заимствовал рисунок и, может быть, основную идею из какого-то более раннего сочинения, связанного с традицией Арриана¹³. Глава и схема загнутого назад строя посвящены действиям смешенного пехотно-конного войска против атакующего превосходящего конного противника: и хотя конница тут играет значительная роль, основу построения все-таки составляет пехота. Поэтому, поскольку и остальной дошедший до нас текст (Mauric. XII A, 3–6 (4–7); XII B; de mil. sc. 18) пехотного трактата не посвящен исключительно пехоте – конница в нем часто упоминается, но всегда на второй роли, – совершенно не исключено, что глава Mauric. XII A, 7 была частью Пехотного трактата, посвященного пехоте и приданной (?) ей кавалерии.

a.iv. Трактат о стратегии (Urbic. strat.)

Вероятно, в это же время или чуть позже Урбикий пишет свое главное сочинение – “Стратегика”, опубликованное, судя по тексту Патрии (Patria Const. III, 22), в 505/506 г.¹⁴ Скорее всего, Strategica дошла до нас в слегка измененном виде в составе “Стратегикона” Псевдо-Маврикия (Mauric. IV; VII; VIII; IX, 1–2; X, 1, 3–4; XI, 4, 46) и в составе Мюллеровского фрагмента (de mil. sc. 15, 16). Важно, что книги Mauric. VII A; VII B; VIII представляют собою четко обособленную часть текста Псевдо-Маврикия. В его тексте в начале VII книги (Mauric. VII A, tit. ln. 2) сохранилось заглавие, относящееся к этой части трактата Псевдо-Маврикия: Περί στρατηγίας. Скорее всего, это и есть наследие урбикиевского текста. Стратегика Урбикия – это произведение зрелого автора, отличающееся более легким стилем. Именно этот трактат, видимо, и принес основную литературную славу Урбикию: во-первых, это единственное сочинение Урбикия, упоминаемое в известном тексте в Patria Constantinopolis; во-вторых, по поводу него, видимо, и написаны две ранние эпитафии.

Трактату о стратегии предпослано введение (Mauric. VII A, Pr. 1 ln. 4–8, 2–17 ln. 13–53), в котором автор пишет, что с помощью тактики и стратегии можно победить даже более многочисленного врага (§ 1 ln. 4–8¹⁵). При этом, говоря о тактике, он, вероятно, имеет в виду свои предшествующие произведения, говоря же о стратегии, несомненно подразумевает последующий текст. Важно отметить, что о том и о другом упоминается очень кратко, как о чем-то хорошо известном. После этого автор указывает (§ 2 ln. 13) на необходимость выбора подходящего времени и места для сражения и о разведке – излюбленные темы Урбикия и в других местах его сочинений. В конце введения (§ 5–17) автор более подробно останавливается на вопросах, подробное описание которых, судя по тексту Псевдо-Маврикия, не входили в

¹³ Ср. Нефёдкин А.К. Указ. соч.

¹⁴ Для датирования текста Стратегики любопытна переключка содержания главы X, 4, входившей в состав Стратегики Урбикия, с известной историей постройки ок. 507 г. на восточном рубеже империи неожиданно для персов сильнейшей крепости Дара. Глава эта повествует о том, как надо в тайне от врага строить укрепления на границе в мирное время. Не исключено, что в тексте этой главы отразилась подготовка восточноримского военного командования к строительству знаменитой Дары.

¹⁵ Далее (ln. 8–12), скорее всего, следует интерполяция, в которой косвенно обругивается Урбикий и говорится ровно противоположное: что дело не в тактике и стратегии, а в воле Бога.

Стратегику Урбикиа (Urbic. strat. apud Mauric. VII, VIII, IX, X). Урбикий здесь пишет о необходимости приспособляться к особенностям врага, называя из врагов при этом конкретно лишь скифов, и о схожести охоты и войны. Ясно, что тут вкратце изложены те самые идеи, которые позже будут воплощены в специальных текстах (Urbic. apud Mauric. XI, 1–3; Urbic. сун.).

В основном тексте Стратегики в качестве самостоятельной силы упоминается как пехота, так и конница (например, Mauric. IX, 2 ln. 18–19), значит, этот текст не был частью ни Пехотного, ни Кавалерийского трактатов. Кроме того, в конце книги Mauric. VII B, 16–17 имеется краткое изложение того, о чем говорится более подробно в книгах о Кавалерийской тактике (Mauric. II–III). Ясно, что это было бы излишним, если бы текст главы VII B с самого начала был задуман как часть единого произведения, в которое входил бы и Кавалерийский трактат. Это еще раз свидетельствует о самостоятельности трактата о стратегии.

В сохранившемся тексте имеется ряд интересных отсылок. Во-первых, есть опять-таки отсылка с утерянным соответствием (Mauric. VII B, 17, 2 ln. 9): специальной схемы о построении взвода (контубернии) в глубину в трактате Псевдо-Маврикия нет. Во-вторых, есть две ссылки, видимо, на Кавалерийский трактат (Mauric. VII B, 17, 15.17 ln. 40.47). Если они не указывают на какие-то утерянные части Стратегики, то это означает, что трактат о стратегии был опубликован после публикации Кавалерийского трактата того же Урбикиа.

Трактат, видимо, завершился кратким заключением, сохранившимся в конце XI книги (Mauric. XI, 4, 46 ln. 225–236¹⁶). В этом заключении автор говорит только о стратегии (ln. 234–235), что, возможно, указывает на первоначальную его принадлежность именно трактату о стратегии. Этот трактат, видимо, автор и имел в виду под словами “ἐν τῇ παρούσῃ βίβλῳ” (Mauric. XI, 4, 46 ln. 228). В таком случае, под словами “ἄλλα πάντα κεφάλαια, τὰ ὡς εἰκὸς ἀπαντῶντα καὶ μὴ γεγραμμένα ἐν τῇ παρούσῃ βίβλῳ, ἐκ τε τῶν ἡμῶν γεγραμμένων...” (Mauric. XI, 4, 46 ln. 227–229) скрываются другие произведения, уже написанные к тому моменту Урбикием: Тактикон и трактаты о кавалерии и пехоте.

При создании своей Стратегики Урбикий использовал какое-то сочинение, описывавшее различные военные хитрости, засады и нападения. Возможно, теме нападений в трактате Урбикиа или в его источнике был посвящен особый раздел. Так, отсылка Mauric. IV, 3, 9 ln. 87–88 подразумевает существование какой-то специальной книги о нападении на врага (περὶ ἐφόδου), которой нет в трактате Псевдо-Маврикия и который трудно реконструировать и в тексте Урбикиа. Не исключено, что тут имеется в виду какой-то раздел, сходный с текстами, заимствованными Урбикием из этого сочинения о хитростях, засадах и нападениях. Однако и сама эта отсылка содержится в тексте, заимствованном из того же источника и повествующем

¹⁶ Далее (ln. 236–239), скорее всего, мы опять же имеем дело с теологической интерполяцией, переинтерпретирующей основную идею предшествующего текста. Действительно, до сих пор речь шла о необходимости не следовать тупо формальным предписаниям стратегии, но измерять их (ὡς δυνατὸν ἀρμόζεσθαι – ln. 230) с разнообразием ситуаций, чтобы этим лучше приспособиться к ситуации. В интерполяции же говорится о непознаваемости природы человека и о том, что, следовательно, нужно уповать лишь на Бога, не предпринимая никаких особых действий.

о засадах. Весь этот заимствованный Урбикием текст (Mauric. IV, 1, 2–3, 5 ln. 6–72; IX, 1–2; de mil. sc. 16 p. 126.13–31) состоит в основном из примеров на заданную тему и имеет постоянную структуру, организованную вводными словами: “Οἱ μὲν... ἄλλοι δὲ ... (ἄλλοι δὲ) ... ἕτεροι ... (ἕτεροι или ... ἄλλοι до двух раз) ... γίνεταί δὲ ... (γίνεταί δὲ) ...”. При этом ясно, что изначальный текст либо вообще не имел подзаголовков, либо они полностью утеряны. Действительно, сохранившийся текст в некоторых случаях (Mauric. IV, 1–3) идет как бы сплошняком сквозь деление на главы в тексте Псевдо-Маврикия: более поздние подзаголовки разрывают отмеченную выше структуру вводных слов. Все подзаголовки тех глав, в которых дошли до нас фрагменты этого сочинения, построены по модели περὶ... и, таким образом, скорее всего, были составлены самим Урбикием¹⁷. Кроме того, в трактате de mil. sc. соответствующее место вообще является цитатой, начинающейся со слова ὅτι и сохранившей лишь фрагмент всей системы: “ἕτεροι ... ἄλλοι ... ἄλλοι”. Исходя из окружающего текста, можно предположить, что эта цитата была вырвана из соответствующего ей контекста именно Урбикием. В пользу этого говорит и упоминание в данном фрагменте скифов, столь часто привлекающих внимание Урбикиа в других местах. На утерянное название этого сочинения со структурой “Οἱ μὲν ... ἄλλοι δὲ ...”, может быть, указывает достаточно часто встречающееся в тексте сохранившихся отрывков слово σοφίσματα. Соответственно можно условно назвать этот текст *de sophismatibus*¹⁸. Судя по тексту Псевдо-Маврикия, Урбикий сделал ряд дополнений в текст этого сочинения. Так, он дополнил его в ряде случаев указаниями на конкретные события или народы (“блондины”, скифы, эфталиты и Пероз, готы и Деций, Лусий при Траяне)¹⁹, а в конце отдельных заимствованных пассажей дал свои критические комментарии (Mauric. IV, 3, 1 ln. 19–20; 3, 6–9 ln. 73–86; IX, 2, 9 sqq. ln. 33 sqq.)²⁰ и дополнения (IV, 3, 10 ln. 87–102).

Кроме того, Урбикий, возможно, использовал для написания X книги (Mauric. X, 1, 3–4) какие-то **сочинения по полиоркетике и антиполиоркетике**. Важно, что сохранившиеся названия дошедших до нас глав этой книги построены по модели λῶς... не свойственной Урбикию.

а.в. Урбикиевская Тактика-Стратегика (Urbic. tact.-str.)

Вероятно, вскоре после написания этих трактатов Урбикий объединил трактат по кавалерии, посвященный в основном кавалерийской тактике, и

¹⁷ Проведенный мною анализ типов, к сожалению, не мог быть использован в данной статье.

¹⁸ См. Das Strategikon des Maurikios / CFHB. Vol. XVII / Ed. G. Dennis, übers. E. Gamillscheg. Wien, 1981. S. 547, index s.v. σοφίσματα: из 8 случаев употребления этого слова во всем трактате Псевдо-Маврикия, на долю текста de soph. падает 6 (IV, 3; IX, 1), а еще один содержится во введении к Стратегике (Mauric. VII A, Pr.).

¹⁹ Эти мелкие комментарии всегда идут в конце очередного пассажа, начинающегося обязательно ключевыми словами ἕτεροι ἄλλοι и т.п., перед следующим, также начинающимся с этих ключевых слов. Такие комментарии имеются не у всех пассажей, но лишь у некоторых. Следовательно, они не принадлежат этой риторической системе. Скорее всего, это вставки Урбикиа или даже последующих редакторов текста в текст de soph. См., например, такое же, но явно более позднее (этап Ab) дополнение об аварях (IX, 1, 9 ln. 11–14).

²⁰ Все эти три урбикиевских комментария, следующих после пассажей, заимствованных из de sophism., имеют сходное начало: τὰ δὲ τοιαῦτα ἐγγειρήματα ἦτοι σοφίσματα (IV, 3, 6 ln. 72), ἐν δὲ ταῖς τοιαύταις ὀδοιπορίας (IX, 2, 9 ln. 33), χρὴ δὲ τὰς τοιαύτας ἐφόδους (IX, 2, 14 ln. 55).

трактат по стратегии (caball. + strat.) в один труд, название которого, скорее всего, судя по рукописи М, было Τακτικῶν Στρατηγικῶν (tactica-strategica). Теперь заключение к Стратегике воспринималось несомненно как заключение ко всему сборнику tact.-str., а не как заключение только к strat. Возможно, что несколько позже к этому сборнику был добавлен и трактат о пехоте: в тексте Псевдо-Маврикия он расположен после заключения к Стратегике. Так что изначально были объединены только два трактата: caballarica и strategica (= 1tact.-str.). Позже же, после присоединения трактата pedestris формируется окончательный текст сборника, включивший, таким образом, три наиболее крупных сочинения Урбикия (= 2tact.-str.). Для связки нового текста о пехотной части с остальным текстом Урбикий и написал разобранное уже нами выше введение к pedestris (Mauric. XII В, Pr.). Из него следует, что этот сводный труд tact.-strat. был создан вскоре после написания Пехотного трактата. Таким образом, составление Тактики-Стратегики можно отнести ко времени окончания восточного магистерия Урбикия, иначе говоря, ко времени ок. 503–505 гг.

Объединяя Кавалерийский и Стратегический трактаты, Урбикий, возможно, сделал к ним некоторые дополнения. Это прослеживается в отдельных главах текста Псевдо-Маврикия. Общим основанием для этого служит тематическая близость глав между собой и набор четких отсылок на остальной текст трактата. В первую очередь выделяются главы XI, 1–3, посвященные тому, как надо приспосабливаться к различным противникам. Эти три главы XI книги, при их небольшом объеме, прямо-таки изобилуют отсылками. Так, имеются три отсылки (Mauric. XI, 1, 15 ln. 54; 2, 26 ln. 88; 3, 17 ln. 46) на книгу о тактике (περὶ τάξεως λόγος), под которой, скорее всего, имеется в виду основная книга кавалерийского трактата. Есть ссылка (Mauric. XI, 2, 24 ln. 85) на книгу об обозе (Mauric. V, 1–3 = Urbic. tact.-strat. III ?) и одна ссылка на рисунок построения с загнутыми назад флангами (Mauric. XII А, 7 (XII, 7, 2–22)). Все ссылки имеют весьма четкий и конкретный адрес. Это свидетельствует о том, что к данному времени текст, на который делаются ссылки, уже полностью был оформлен вместе с главами XI, 1–3 как единое целое – tact.-str. Этими ссылками новые главы XI, 1–3 как бы привязываются к уже существующему тексту. Кроме того, во введении Mauric. XI, Pr. к главам Mauric. XI, 1–3 говорится, что до этого речь шла о кавалерийской тактике и стратегии (περὶ τῆς καβαλλαρικῆς τάξεως καὶ στρατηγίας), что несомненно указывает не на отдельные книги текста Псевдо-Маврикия (Mauric. II, III, VII), а на две основные части трактата tact.-strat., в основе которых лежат Urbic. caball. и Urbic. strat. Итак, ясно, что разделы XI, Pr. 1–3 писались уже тогда, когда тексты Кавалерийского и Стратегического трактатов были объединены в одно целое.

Из этого следует заключить, что в момент возникновения текста Тактики-Стратегики в первой редакции (= 1tact.-str.) после глав о стратегии, но перед заключением ко всему трактату была добавлена книга о приспособлении к противнику. Эта книга состояла, возможно, из более общей части (о приспособлении к вторгающемуся противнику – Mauric. X, 221) и из кон-

²¹ О том, что эта глава принадлежала именно к данной книге, говорит многое: схожесть названий ее и глав XI книги, схожесть темы, взаимодополняемость этих глав (в главах XI книги ничего не говорится о вторгающемся на территорию империи противнике, а X, 2 – ничего о различных народах), странное чуждое положение главы X, 2 между главами X, 1 и X, 3–4. Тем не менее все это, конечно же, лишь косвенные доказательства, и вопрос, строго говоря, остается открытым.

кретных предписаний по поводу каждого отдельно взятого соседа империи (персов, скифов, блондинов – Mauric. XI, 1–3, с соответствующим им общим введением XI, Pr.). В основе всех трех указанных глав XI книги лежит некий специально составленный по этой теме вопросник. Возможно, это был даже особый текст, составленный на основании этого вопросника, либо же текст этих глав родился из вопросника прямо при их включении в состав Тактики-Стратегики. Назовем условно этот прототекст *de harmonia hostibus*. Вполне возможно, он сформировался еще до того, как Урбикий занял восточный магистерий. На это указывает большее внимание автора к европейским, чем к азиатским варварам: в тексте этих глав, как и во всем тексте Псевдо-Маврикия, не рассмотрены другие, кроме персов, южные и восточные соседи империи: арабы, иберы, лазы, албаны, армяне, североафриканские кочевники²². Впрочем, возможно, тот факт, что в этом тексте названы только трое соседей, – германцы, кочевники и персы – определяется также и господствовавшими тогда этногеографическими представлениями, основанными на “теории среды”²³.

Кроме того, между двумя трактатами была помещена²⁴ книга о вторжении в чужую страну (ее отрывки: Mauric. V, 5; IX, 3–5; de mil. sc. 13, 14 = Mauric. IX, 5, 9–15 ln. 51–77). Название этой книги (περὶ τῆς ἐν τῇ πολεμικῇ εἰσόδου) легко восстанавливается из текста самого же Урбикия (Urbic. apud Mauric. XI, 4, 37 ln. 163–164). Текст относимых к этой книге глав производит иное впечатление, чем остальной текст Урбикия. Скорее всего, для написания этой книги Урбикий воспользовался каким-то текстом на тему о вторжении, в пользу чего говорит и иная модель названия этих глав (πῶς...). Любопытно, что единственная глава этой книги (V, 5)²⁵, имеющая название привычной для Урбикия модели (περὶ...) и, таким образом, претендующая на авторство Урбикия, повествует об обозе (τοῦλλος) при армии вторжения: Р. Вари было высказано мнение²⁶, что впервые среди известных нам текстов слово τοῦλλος было употреблено именно Урбикием в Тактиконе (Urbic. tact. p. 471.18). Следовательно, есть определенные данные в пользу того, что для составления текста книги о вторжении в чужую страну Урбикий использовал какой-то уже готовый текст на эту тему (условно: *de terra hostili penetranda*), дополнив его по крайней мере одной главой – главой об обозе.

Важно, что одинаковые или близкие по содержанию главы обоих дошедших до нас трактатов – текста Псевдо-Маврикия и Мюллеровского фрагмента (см. табл. 1) – расположены в практически одинаковой последовательности в каждом из этих трактатов. Различие касается лишь взаимо-

²² Подробнее смотри: Шувалов В.П. Враги империи...

²³ См., например: Dagron G. Ceux d'en face. Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantines // ТМ. 1987. Т. 10.

²⁴ Строго говоря, эта книга могла быть присоединена к трактату о кавалерии и раньше, если вообще она не была изначально его составной частью. Но мне представляется, что такому предположению противоречит содержание этой реконструируемой книги.

²⁵ На то, что данная глава изначально стояла в конце V книги указывает ее окончание в “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия в рукописи М (Mauric. V, 5 ln. 7): τέλος τοῦ λέμπτου λόγου, которые, хотя и соответствуют нумерации у Псевдо-Маврикия, может быть происходят из урбикиевского текста: кроме этого места и конца VII книги в трактате Псевдо-Маврикия нигде более таких указаний нет. Впрочем, конечно, это доказательство не является достаточным, и положение данной главы в изначальном тексте остается гипотетическим.

²⁶ Vári R. Op. cit.

расположения книг Mauric. IV и Mauric. IX: видимо, при редактировании текста Урбикия на этапе Cug (см. рис. 2) была совершена перестановка глав этих двух книг с соответствующим перераспределением их по книгам (см. ниже раздел 3.b.i). При компоновке единого текста сборника tact.-strat., видимо, все книги получили новую сквозную нумерацию, остатки которой сохранились в конце двух книг в трактате Псевдо-Маврикия (V и VII)²⁷. Общий порядок книг в первом урбикиевском сборнике (Urbic. ¹tact.-str.) имеет внутреннюю логику (см. табл. 1): организация войска (I), кавалерийская тактика (II), обоз (III), лагерь (IV), вторжение на вражескую территорию (V), подготовка к сражению (VI), день сражения (VII), общие советы полководцу (VIII), отдельные приемы (IX), фортификация и осады (X), учет особенностей противника (XI), заключение к трактату. Позже (Urbic. ²tact.-str.) к ним был добавлен раздел о смешанных порядках и о пехоте (XII), составленный на основе Пехотного трактата.

a.vi. Поздние сочинения Урбикия (суп., Slav)

Видимо, уже после трактата о стратегии Урбикий пишет небольшой трактат об охоте как о военном упражнении (супneticum): об охоте достаточно подробно говорится во введении к Стратегическому трактату (VII A, Pp. 16–17 ln. 45–53), хотя сам трактат об охоте там не упомянут. Тема охоты явно давно интересовала Урбикия. Так, в III книге Псевдо-Маврикия также проводится сравнение охоты и войны (Urbic. apud Mauric. III, 11, 1 ln. 4–8sqq.).

К этому же позднему периоду относится и написание заключительной, посвященной склавиам и антам главы XI книги. Правда, нет уверенности, что эта глава (Mauric. XI, 4) была написана самим Урбикием. Действительно, с одной стороны, автор этой главы (для удобства условно назовем его Slav) явно имеет в виду остальную текст той же книги Урбикия и пытается вписать новый текст в общую схему уже имеющихся трех глав (Mauric. XI, 1–3). Кроме того, он использует близкую урбикиевской модель отсылки на остальную текст (Mauric. XI, 4, 25.37 ln. 108.164). При этом он указывает название несохранившейся в тексте Псевдо-Маврикия книги о вторжении в чужую страну (περὶ τῆς ἐν τῇ πολεμικῇ εἰσόδου = Urbic. tact.-str.V): эта книга при последующей переработке текста на этапе Cug будет перекомпонована редактором (см. ниже). С другой же стороны, тот же самый Slav явно не понял вопросника, лежащего в основе первых трех глав XI книги, и его текст сильно отличается от текста первых трех глав как по содержанию, так и по порядку изложения. Возможны два варианта интерпретации этих наблюдений. Либо текст Mauric. XI, 4 был составлен еще самим Урбикием, но спустя достаточное количество времени после написания первых трех глав XI книги, т.е. в конце жизни Урбикия, примерно в 20-х – начале 30-х годов VI в., когда сам Урбикий уже подзабыл детали вопросника, лежащего в основе

глав XI, 1–3. Либо же текст XI, 4 был написан кем-то другим – кем-то из окружения Урбикия (или же совсем несвязанным с ним лицом?) для того, чтобы присоединить его к тексту Урбикия. Таким образом, вопрос о соотношении главы Mauric. XI, 4 с урбикиевским корпусом однозначно не решается²⁸. Ясно, однако, что в любом случае это произошло после написания первых трех глав XI книги и до обработки текста урбикиевских трактатов на этапе Cug.

В основе текста XI, 4 лежит некий самостоятельный текст о славянах и о том, как их надо грабить. Поскольку возникновение данного текста, скорее всего, относится ко времени осмысления восточноримскими стратегами первого опыта походов против славян под началом Хильбудия в 531–533 гг., то автора данного текста мы можем условно для удобства назвать Псевдо-Хильбудием (Pseudo-Chilbudius). Предположение о существовании такого изначального текста, лежащего в основе главы о славянах, высказывалось уже давно²⁹. Действительно, текст главы Mauric. XI, 4 не только сильно отличается от текста предшествующих глав (как по содержанию, так и по композиции), но и несет на себе яркие отпечатки достаточно грубой работы эпитоматора³⁰. Так, этот текст, не вписываясь в четкий для глав Mauric. XI, 1–3 вопросник, распадается на ряд малосвязанных между собой по смыслу отрывков. При этом большинство из выявляемых границ или швов между этими отрывками, совпадает с переходами от одной группы пунктов вопросника к другой. Эпитоматор Slav, черпая информацию о славянах из псевдохильбудиевского трактата о славянах, явно пытался следовать пунктам вопросника, выявленным им по трем другим главам той же книги. Однако он не только плохо выделил пункты этого вопросника (смешал часть из них или неправильно интерпретировал), но и лишь с большим трудом смог подогнать под них используемый им текст. Когда же он заполнил основные пункты вопросника, то оставшиеся у него интересные, с его точки зрения, отрывки из его источника он просто присоединил в конце созданной им главы XI, 4. В имеющемся у нас тексте Mauric. XI, 4 легко выделяются семь малосвязанных между собой пассажей, распадающихся иногда на отдельные части (= Ps.-Chilb. fr. 1a-b, 2, 3, 4a-d, 5, 6a-d, 7³¹). Для уподобления создаваемого им текста Slav организовал переписанные им отрывки вводными словами и формулами, заимствованными им из трех других глав XI книги: τὰ ἔθνη τῶν Σ.χ. "Α. ... εἰσι (fr. 1), ἀλλίζονται δὲ... (fr. 4c), λυλοῦσι δὲ αὐτὰ... (fr. 5), χρῆ τοί-νυ... (fr. 6). Иногда эти фрагменты разделяются явными интерполяциями самого Slav, разрывающими нить основного повествования: так в середину

²⁸ В стемме условно принято, что глава Mauric. XI, 4 входит в урбикиевский корпус. Но основой для этого опять-таки служит лишь оккамовский принцип не множить сущности без особой необходимости.

²⁹ См., например, соответствующий комментарий в Византиски извори за историју народа Југославије. Т. I. Београд, 1955. С. 130–141.

³⁰ Далее излагаются лишь общие выводы исследования текста книги XI, подробную же аргументацию я планирую опубликовать в отдельной статье.

³¹ Они соответствуют следующим параграфам текста Псевдо-Маврикия: fr. 1a = XI, 4, 1 ln. 3–5, fr. 1b = XI, 4, 3–4 ln. 8–16, fr. 2 = XI, 4, 5 ln. 17–18, fr. 3 = XI, 4, 6, ln. 18–22, fr. 4a = XI, 4, 7 ln. 3–25, fr. 4b = XI, 4, 8–10 ln. 25–43, fr. 4c = XI, 4, 11–13 ln. 44–63, fr. 4d = XI, 4, 14 ln. 64–68, fr. 5 = XI, 4, 15 ln. 69–72, fr. 6a = XI, 4, 16–23 ln. 72–103, fr. 6b = XI, 4, 24–31 ln. 103–136, fr. 6c = XI, 4, 32 ln. 136–140, fr. 6d = XI, 4, 33–36 ln. 141–161, fr. 7 = XI, 4, 38–45 ln. 165–224.

²⁷ О книге V сказано в примеч. 25. Что же касается последних слов книги VII (сохранившихся только в рукописи М: τέλος τοῦ ἔβδόμενου λόγου – VII B, 17, 20 ln. 62), то можно предположить, что они тоже восходят к Урбикию. Здесь следует указать на странную структуру VII книги Псевдо-Маврикия, состоявшей из двух, по сути своей, независимых книг (VII A и VII B). Возможно, что первоначально это были две различные книги (VI ? и VII), а затем (на этапе Cug – см. рис. 2) при добавлении перед ними книги Mauric. VI произошло слияние двух книг в одну с сохранением прежнего указания на конец VII книги.

fr. 1, повествующего об отношении славян к чужакам, вставлен текст (под влиянием пункта 3 вопросника) о выносливости славян. В двух других местах (§ 25–37) сделаны отсылки на текст урбикиевских сочинений, либо разрывающие первоначально явно единый текст (fr. 6a-b и 6b-d), либо оформляющие переход от одного фрагмента к другому (от fr. 6 к fr. 7). Важно, что в последнем случае имеется и прямое указание эпитоматора Sclav на сокращение своего источника в таких словах, которые показывают, что наш эпитоматор не хочет повторять то, что содержится в тексте Урбикия, а именно в книге о вторжении в чужую страну³². Одним из дошедших до нас фрагментов этой книги, возможно, является глава IX, 3. Любопытно, что в начале этой главы, в свою очередь, имеется, вероятно, скрытая отсылка на главу о славянах (IX, 3, 1 ln. 7–8; cf. XII B, 20, 1 ln. 4–5).

a.vii. Урбикиевский свод (corpus urbicianum)

После завершения сборника tact.-str. и сочинения сун. – примерно в 30-е года VI в. – вероятно, был составлен корпус всех урбикиевских произведений, так сказать, corpus urbicianum. В пользу его существования свидетельствуют следующие факты:

1. В обоих дошедших до нас и независимых друг от друга трактатах (Mauric.; de mil. sc.) содержится в практически одинаковом порядке текст трех трактатов: о кавалерии и о стратегии (= Тактики-Стратегики) и трактата о пехоте. При этом очевидно, что текст de mil. sc. не происходит от текста Mauric. и наоборот. Следовательно, можно предположить, что существовал какой-то третий сборник, включавший Urbic. tact.-strat. и Urbic. ped.

2. Заимствования из трактата о пехоте в текст “Стратегикона” Псевдо-Маврикия были сделаны дважды: сначала на этапе Curg в виде книги Mauric. XII A, затем – на этапе Ped (см. ниже) в виде книги Mauric. XII B и схемы Mauric. XII C. При этом во втором случае был частично продублирован прежний текст: действительно, по смыслу практически совпадают тексты Mauric. XII A, 5–6 (6–7, 1) и Mauric. XII B, 20, 23–26 ln. 99–112. В первом случае, т.е. на этапе Curg, вместе с фрагментами Пехотного трактата в текст Псевдо-Маврикия попали главы Mauric. I–V; VII–XI, 3, а во втором, т.е. на этапе Ped, – трактат об охоте (Urbic. сун. = Mauric. XII D). Следовательно, все это время должен был существовать параллельно “Стратегикону” Псевдо-Маврикия какой-то сборник, включавший Urbic. tact.-strat., Urbic. ped. и Urbic. сун.

3. В византийское время откуда-то в рукописи Псевдо-Маврикия попадают эпиграммы на сочинения Урбикия – Тактикон и Эпитедевма (см. часть 1). Кроме того, в реконструированный А. Дэном corpus perditum также не ясно, откуда переписывается и Кинегетик. И наконец, что-то повлияло на составителей рукописи М, приписавших “Стратегикон” Псевдо-Маврикия Урбикию (см. часть 1). Следовательно, кроме фрагментов произведений Урбикия в “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия, еще некоторые тексты Урбикия пережили период “темных веков”, возможно, в виде какого-то сборника. Он включал, кроме какого-то введения или оглавления, возможно, с упо-

минанием Стратегик Урбикия, также Urbic. tact., Urbic. epited., Urbic. сун. и две эпиграммы на Урбикия.

Итак, можно предположить, что в corpus urbicianum к концу жизни Урбикия или вскоре после его смерти вошли практически все его произведения. Возможно, это был один кодекс, с общим оглавлением или введением на первых страницах. В период же “темных веков” вторая часть этого корпуса (конец кодекса?), содержащая Urbic. tact.-strat. и Urbic. ped., исчезла (оторвалась?), оставив лишь какой-то след своего существования либо в оглавлении, либо во введении ко всему корпусу. В результате византийским книжникам для восстановления текста наиболее важных сочинений Урбикия только и оставалось, что использовать “Стратегикон” Псевдо-Маврикия. На это их могла подтолкнуть как неясность изначальной формы заглавия трактата Псевдо-Маврикия (см. часть 1), так и схожесть оглавления текста Псевдо-Маврикия с сохранившимся в реконструируемом мною урбикиевском корпусе оглавлением Тактики-Стратегики Урбикия.

в. Послеурбикиевские редакции текста трактата

b.i. Рождение текста Псевдо-Маврикия: редакция Curg

После того, как к тексту XI книги была добавлена 4-я славянская глава, и после того, как из текста Тактики-Стратегики были сделаны эксцерпты, дошедшие до нас в виде трактата de mil. sc., было проведено существенное редактирование текста Тактики-Стратегики Урбикия: в текст трактата была интерполирована серия отрывков. Действительно, эти пассажи стоят несколько особняком и достаточно легко вычлняются из остального текста Псевдо-Маврикия: 1) почти все они посвящены курсорам, дефензорам или гиперкерастам, особым подразделениям войска второй половины VI в., в то время как остальной текст о них ничего не знает; 2) практически все такие пассажи либо представляют собой отдельные главки, либо же являются заключающей частью одной из главок; 3) многие из этих пассажей по смыслу резко отличаются от предшествующего им текста, а иногда и противоречат ему; 4) иногда их границу с предшествующим текстом отмечают текстологические швы; 5) родственный текст de mil. sc. явно избежал такого редактирования и в нем в соответствующих местах какие-либо упоминания о гиперкерастах, курсорах и дефензорах начисто отсутствуют. Результатом этой редакторской работы и стало рождение дошедшего до нас текста Псевдо-Маврикия. Поскольку основной темой этого редактирования была тема того, как надо использовать курсоров и гиперкерастов, то можно условно назвать автора этой редакции Curg (= Cursor).

Причины возникновения этой редакции текста Урбикия можно объяснить следующим образом. К времени редакции Curg в восточноримском военном деле произошли серьезные изменения³³, о которых и свидетельствует появление целой серии интерполяций в отредактированном тексте Тактики-Стратегики. Из состава кавалерийских соединений (называемых “меры”, τὰ μέρη) выделились особые фланговые летучие отряды (по два из каждой меры), предназначенные для завязывания боя и преследования. Кавалеристы этих выделившихся отрядов или частей (“мойр”, μοῖραι) меры стали назы-

³² τὰ μέντοι περὶ τῆς ὀδοιπορίας καὶ καταδρομῆς ἦτοι πραΐδας τῆς χώρας καὶ τῶν ἄλλως πῶς παρεμπιπτότων εἴρηται μὲν ἐν τῷ λόγῳ τῷ περὶ τῆς ἐν τῇ πολεμίᾳ εἰσόδου. Νῦν δὲ κατὰ τὸ δυνατόν ἐν συντόμῳ λεχθήσεται.

³³ К сожалению, до сих пор, насколько мне известно, никто не обратил на этот факт серьезного внимания.

ваться “бегающими” (*cursores*). Линейные же кавалеристы, оставшиеся в основном составе меры, теперь называются “защитниками” (*defensores*), так как их тактической задачей было, сохраняя позади курсоров четкий строй в линию, отбивать нападение и наносить фронтальный удар. Кроме того, произошла специализация отрядов, охранявших фланги всего построения (*πλαγιοφύλακες*): за левофланговыми в основном сохранялись прежние функции, правофланговые же плагиофилаки теперь стали называться “обходящими фланг (противника)” (*ὄλκρηερασταί*), что должно отражать и изменение их тактических задач.

Указанные изменения в военном деле и вызвали необходимость новой редакции текста трактата³⁴. С этим же слоем изменений можно связать³⁵ и серию мелких интерполяций: появление в тексте “Стратегикона” имени франков и одного из двух упоминаний имени гуннов. Появление имени франков с уверенностью следует датировать поздним юстиниановским временем – временем после побед восточных римлян над франками в Италии в 50-х годах VI в. В целом редакцию Сиг можно широко датировать периодом до осуществления серии интерполяций об аварах (см. ниже), т.е. временем до 70-х годов, когда начались аварские войны.

Итак, на этапе Сиг текст трактата был осовременен с военной точки зрения. С этой целью было произведено десять мелких интерполяций в те места, где, во-первых, говорится о плагиофилаках и, во-вторых, – о тактических действиях кавалерии³⁶. Для создания полноценной картины современного

военного дела были вставлены или заменены целые главы (12 глав: *Mauric. II, 3; 4; 13(12); III, 6–8; 12–15; XII A, 1–2*) и добавлена даже одна новая книга (*Mauric. VI, 1–5*). Интерполяция новой книги, естественно, вызвала изменение нумерации остальных книг. При этом, однако, интерполятор Сиг нашел выход не слишком нарушать существующую систему: новая книга получила номер VI, прежняя же VI книга, видимо, была просто присоединена к последующей за ней VII книге, близкой к ней по содержанию, в результате чего VII книга приобрела странный “бинарный” характер. Но и новые главы там, где они были вставлены в исходный текст целой серией, также привели к перестройке текста: так, совершенно новые главы *Mauric. II, 3, 4; III, 6, 7, 14*, естественно, увеличили объем соответствующей книги *Urbic. II*, что, видимо, и привело к разделению ее на две новых – *Mauric. II* и *Mauric. III*.

Кроме того, можно предположить, что было переосмыслено положение внутри трактата трех книг (*Urbic. IV, V* и *IX*): основные главы книги о вторжении были оформлены как повествующие о нападениях, что позволило объединить их с близкими им по содержанию первыми главами IX книги в книгу о нападениях (*Mauric. IX, 1–5: Περί ἐφόδων*). В свою очередь, основные главы прежней IX книги, посвященные различным видам засад, были осмыслены как часть тактики и соответственно поставлены в виде отдельной книги *Mauric. IV, 1–5* после двух тактических книг *Mauric. II* и *III*. При этом остатки прежних книг, находившихся на этом месте (*Urbic. tact.-str. III–V*), составили отдельную книгу об обозе (*Mauric. V, 1–5*)³⁷. Упрощенно эту операцию над текстом можно описать как перестановку местами глав *Mauric. IX, 3–5* и *Mauric. IV, 1–5*³⁸. В результате было нарушено прежде строго логическая последовательность книг, некоторые из них (*Mauric. VI; VII*) при этом оказались к тому же весьма пестрыми по составу.

Источником для новой VI книги явилось какое-то произведение о трех видах учебных упражнений (*γυμνασίαι σχηματαί*) для кавалеристов (скифском, аланском и африканском). Условно я предлагаю назвать этот текст *gymnasiae schematae*. Это произведение состояло, по крайней мере из введения и трех соответствующих главок, скомпонованных по сходному плану (*Mauric. VI, Pr. 1–3*). Текст *gymn. sch.* был дополнен редактором Сиг главой об италийском упражнении и главой о специальных упражнениях для гиперкерастов и плагиофилаков (*Mauric. VI, Pr. ln. 16–17; 4–5*). Кроме того, в текст главки об африканском упражнении (*Mauric. VI, 3*) были сделаны две интересные интерполяции. Во-первых, только в третьей главке после слов о необходимости построения войска для упражнения в одну линию следует дополнение “как это и до сего дня было” (*ὡς καὶ μέχρι καὶ νῦν ἦν – Mauric. VI, 3, 1 ln. 2–3*), в то время как во всех трех главках после этих слов нет никаких оговорок (*Mauric. VI, 1 ln. 3–4; 2 ln. 2; 3, 1 ln. 2*). Во-вторых, в конце той же главки добавлены слова о том, что есть еще и другое упражнение с обратным построением курсоров и дефензоров, называемое иллирийским

³⁷ Любопытно отметить своего рода пристрастие редактора Сиг к членению каждой новой книги именно на 5 глав.

³⁸ Сходное переосмысление и перестановка глав, возможно, были произведены и с главой *Mauric. X, 2*, которая, вероятно, изначально была не в книге X, а в книге XI. Книга XI могла быть переосмыслена в результате этой перестановки как книга о народах, а не как книга о приспособлении к противнику. Однако это все лишь догадки, фактом же остается лишь схожесть содержания и заглавия X, 2 и XI, 1–4.

³⁴ В результате работы Сиг над текстом *Urbic. tact.-str.* тексты *Mauric.* и *de mil. sc.* стали существенно различаться упоминанием разных видов кавалерии. В тексте Псевдо-Маврикия имеется масса упоминаний о курсорах (35), дефензорах (39), плагиофилаках (43) и гиперкерастах (35). В *de mil. sc.* нет ни одного случая упоминания курсоров, дефензоров или гиперкерастов. В то же время там имеется серия упоминания плагиофилаков (*de mil. sc. 3 p. 116.30; 4 p. 117.26, p. 118.3.17–18; 5 p. 119.9; 10 p. 120.28; 15 p. 124.27.28, p. 125.14.20; 16 p. 126.29*), которые, однако, там располагаются не только на левом, но одновременно на обоих флангах (*de mil. sc. 4 p. 118.3.17–18; 5 p. 119.11–14*). В “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия, впрочем, также есть несколько случаев упоминания только одних плагиофилаков (*Mauric. I, 3, 22 ln. 36–37; II, 1, 13 ln. 61; VII B, 1, 1 ln. 13–14; 5 (5a) ln. 3; XI, 1, 14 ln. 50*). При этом иногда четко видно по тексту, что плагиофилаки и здесь расположены на обоих флангах: *Mauric. I, 3, 22 ln. 36–37* (ср. тут же интерполяция с гиперкерастами *ln. 38–39!*); *II, 1, 13 ln. 61; XI, 1, 14 ln. 50*. Скорее всего, здесь проступает более ранний слой текста (*Urbic.*) из-под более поздних наслоений (Сиг). Любопытно, что закономерность близкая той, что мы разобрали в *de mil. sc.*, присутствует и в сун.: во-семь упоминаний плагиофилаков и ни одного упоминания курсора, дефензора или гиперкераста. В *Mauric. XII B* и в *Urbic. epited.* не упоминается ни один из этих родов кавалерии.

³⁵ Впрочем, никаких текстологических оснований для этого соотнесения не имеется, кроме более или менее одного времени осуществления этих интерполяций и чисто методологического оккамовского принципа состоящего в том, чтобы постараться сократить количество реконструируемых этапов.

³⁶ *I, 3, 15–16.23 ln. 23.2.26–30.38–39* (cf. *ln. 36–37!*); *II, 5(4), 11 ln. 21.?.24–24 finisque capituli* (cf. *supra!*); *6(5), 3–8 ln. 17–48 finisque capituli* (cf. *supra!*); *III, 5, 7–20 ln. 37–119...126? finisque capituli* (*ln. 63–69 – эксерпт?*); *10, 3–9 ln. 29–63 finisque capituli* (cf. *titul.!*); *VII B, 16, 1–8 ln. 3–19; 17, 18–20 ln. 48–61 finisque capituli et libris* (cf. *III, 5, 20 ln. 123–126!*); *XI, 2, 26–27 ln. 92–95 (ln. 91–92 cf. de mil. sc.); XII A, 3(4) ln. 21–23 finisque textus capituli* (cf. *diagr.!*). Важно отметить, что из этих 10 (*vide supra*) случаев – 6 расположены в самом конце соответствующих глав, а 1 – VII B, 16 – в начале. Это лишний раз свидетельствует в пользу признания этих пассажей интерполяциями. Упоминание дефензоров (*Mauric. I, 8, 5 ln. 27*) в военных законах (*leges § 19 Dennis = 12(14) Ash = 17 Kog*), видимо, прямо к реформе курсоров-дефензоров не относится. Может быть, это и почувствовал переписчик А, сделав к слову дефензоры пояснение только в этом месте: *ἦτοι τοὺς ἐκδιητήτας λευομένους* (*Mauric. ed. Mihăescu, p. 66: apparatus*).

(Mauric. VI, 3, 2 ln. 11–15). Выше же во введении (Mauric. Pr. ln. 17), где от-дельно перечислены все виды упражнений, об иллирийском нет ни слова.

Из новой главки об италийском упражнении была сделана отсылка на схему построения войска и соответствующее ей описание: судя по всему, это отсылка на книгу о тактике (Mauric. III, 8), где имеется подходящая схема. Любопытно, что на этой схеме в первой линии на правом фланге (ln. 4) в частности обозначена мера иллирийцев (μέρος Ἰλλυρικῶν). Сходный же текст содержится и в главе II, 6, где также упомянуты иллирийцы (ln. 24). Важно, что и эти строки также принадлежат редактору Cug. На основании этих трех упоминаний иллирийцев (во всем трактате других упоминаний иллирийцев нет) можно сделать вывод, что Cug был человеком, либо связанным с Иллириком, либо имевшим дело с войсками, сформированными в иллирийской префектуре. Cug, скорее всего, был профессиональным воином и принадлежал к командованию какого-то иллирийского войска, возможно, либо занимал пост *magister militum per Thraciam*, либо был в штабе этого магистра. Как было показано выше, Урбикий также мог некоторое время командовать иллирийским войском. В таком случае, встает вопрос, не принадлежал ли Cug к иллирийскому окружению самого Урбикия?

О методах переработки редактором Cug урбикиевского текста легко можно составить представление, если сравнить два параллельных отрывка в Mauric. (IX, 5, 9–15 ln. 51–77; X, 2) и *de mil. sc.* (14, 17). На это вслед за первым издателем *de mil. sc.* К. Мюллером уже указывал С.А. Иванов, показавший, что текст *de mil. sc.* точнее доносит до нас слова оригинала³⁹. Под оригиналом я понимаю здесь текст Урбикия. Текст Cug отличается от текста Urbic.: схемы у Cug сложнее, при отсылках используются другие формулы. Так же, как и Урбикий, Cug предпочитает названия глав на *περί...* вместо *πρός...* Для характеристики воззрений Cug важно указать на две мысли, которые, видимо, не давали покоя этому редактору: необходимость тренировки войска в любых условиях и невозможность предусмотреть заранее то, что произойдет на войне (Mauric. III, 5, 20 ln. 126; VII B, 17(17a), 20 ln. 61). Кроме того, редактор Cug был явно озабочен сохранением в тайне тактики гиперкерастов, о чем он многократно напоминает читателю.

b.ii. Аварские и теолого-морализаторские интерполяции (Ab)

В тексте Псевдо-Маврикия выделяются две группы наиболее поздних интерполяций: одна из них связана с темой аваров, новых соседей империи, другая посвящена вопросам всевластия Бога. Об аварских интерполяциях можно с уверенностью сказать, что все они относятся к одному из наиболее поздних этапов эволюции текста. По части же теологических (или теолого-морализаторских) пассажей, следует отметить некоторую дискуссионность их отнесения к тому или иному этапу. С одной стороны, их содержание и положение указывает на их инородность в основном тексте трактата, и в двух случаях даже наблюдается прямая перекличка с аварским слоем (см. ниже разбор мест Mauric. IV, 5, 5–6; XI, 2, 3). С другой же стороны, есть определенная связь отдельных “теологических” пассажей и с несомненно урбикиевским текстом (см. ниже разбор: Praef. 1.6; VII, Pr. 1). Правда, последние совпадения скорее указывают не столько на схожесть урбикиевских и теоло-

логических фрагментов, сколько на их различие: тема и слова близкие, а подход разный. Это позволяет, правда, с известной долей сомнения, но все же объединить аварские и теолого-морализаторские интерполяции и приписать их неизвестному интерполятору. Условно обозначим его Ab (=Abarus). О том, кто был автором этих пассажей, можно судить по их тексту: в эти пассажи попадают практически все четкие хронологические указания на конец VI – начало VII в. Следовательно, совершенно не исключено, что интерполятор, определенный нами как Ab, тождествен императорам Маврикию или Ираклию или же кому-то из их окружения. Во всяком случае, Ab явно творил на рубеже VI и VII вв. или в первые десятилетия VII в.

b.ii.a) “Аварский” слой

Характерно для этого слоя⁴⁰:

Упоминания авар, иногда вместе с турками.

Тема аварского вооружения, которое следует перенять и иметь кавалерии.

Тема зависимости в битве судьбы десятков тысяч кавалеристов от случайности при построении войска именно в одну линию (Mauric. II, 1, 7 ln. 24–25: *τοσοῦτων μυριάδων βαβαλλαρίων*) объединяет этот слой с последующим морализаторским, где есть тот же мотив (IV, 5, 6 ln. 42: *τοσοῦτου πλῆθους ἀνδρῶν*).

В одном аварском пассаже (Mauric. XI, 2, 3 ln. 10–11) имеются морализаторские мотивы, объединяющие данный слой с теолого-морализаторским (см. ниже), однако в данном случае наш морализатор не удерживается в рамках пристойного и переходит почти что на ругань в адрес аваров.

Пять раз авары упомянуты⁴¹ явно одним и тем же автором – они построены по одной схеме: *πρός/κατὰ τὸ σῆμα τῶν Ἀβάρων* – и содержатся в описании вооружения и оснащения кавалериста (I, 2, 2(bis). 6.8.10 ln. 19.20.38.47.61). Само это описание (I, 1–2) никак жестко не связано с остальным текстом. Поэтому не исключено⁴², что значительная часть текста I, 1–2 (см. табл. 1) и последующий текст I, 3 – III принадлежат различным авторам. Скорее всего, на месте текста I, 1–2 был другой идентичный текст с описанием вооружения кавалериста, который был заменен редактором Ab на новый из-за произошедших изменений в экипировке всадника.

Остальные упоминания (II, 1, 6; IX, 2, 3; XI, 2, *pinax.* 1.3) очень похожи на поздние интерполяции. Они входят в диссонанс с окружающим контекстом, нарушают его структуру и отличаются от него и по стилю, и по лексике, и без этих предполагаемых мною интерполяций (II, 1, 6 ln. 20–27; IX, 2, 3 ln. 11–14; XI, 2, *pinax.* 1–3 ln. 1–2.5–14) текст соответствующих главок читается легче.

⁴⁰ I, 2, 1–10 ln. 6–61; II, 1, 6 ln. 20–27; IX, 2, 3 ln. 11–14; XI *Pin.* ln. 3; 2, *titulus.* 1–2. ln. 1–2.5–14 – все это (кроме разве что I, 2), исходя из контекста, явные интерполяции.

⁴¹ Упоминания об аварах, с которыми империя познакомилась только в 552 г., в тексте Псевдо-Маврикия рассмотрены мною в статьях: *Шувалов П.В. Враги империи...; Он же. Влияние авар...* Здесь же приведены только краткие выводы.

⁴² В пользу этого говорят отдельные несостыковки по сути и противоречия между этими частями трактата, привести которые здесь целиком у меня нет возможности. Например: главы I, 1–2 опережают последующие главы I, 3–5 по употреблению терминов, определенные которым дается только в главах I, 3–5. Кроме того, в главах I, 1–2 все всадники вооружены и пикой, и луком по аварскому образцу, в книгах же II–III они же вооружены либо пикой со щитом, либо луком, в зависимости от ранга и функции.

b.ii.b) “Теолого-морализаторский” слой⁴³

Характерно для этого слоя:

Тема морали и назидания (например: Mauric. XI, 4, 46 ln. 236–239).

Тема главенствующего надо всем христианского Бога и славословия ему (Mauric. Praef. 1.3–6 ln. 1–9.31–49; VII, Pr. 1 ln. 9; XI, 4, 46 ln. 236–239).

Тема τάξις + στρατηγία, но только в качестве такого жалкого приложения к теме всевластия Бога (VII, Pr.1 ln. 9–10).

Тема цирковых атлетов и колесничих, с которыми сравниваются воины (Mauric. IV, 5, 5–6 ln. 27–46).

Любопытна тема соотношения тактики и стратегии с всевластием Бога, что особенно ярко проявляется в двух отрывках.

В начале введения к VII книге Псевдо-Маврикия следуют слова Урбикия о том, что через (διὰ) стратегию и тактику не только возможно с помощью Бога (σὺν Θεῷ) победить равного врага, но и большего по численности. То есть основная мысль здесь явно состоит в том, что основа всего – это знание стратегии и тактики. После этого, однако, следует фраза (VII, Pr.1 ln. 8–12), где сказано почти что противоположное, а именно, что только благосклонность Бога дарует победу: “Ибо ведь сражения решаются не мужеством и множеством людей, как некоторые из неопытных думают (τινες τῶν ἀπειρώων), но благосклонностью Бога (δι’ εὐμενείας Θεοῦ), тактикой и стратегией, о которой (ед. число!?) надо больше заботиться, чем о вербовке (συλλογή)⁴⁴ неподходящего множества. Ведь одна из них (явно из них двоих!) дает безопасность и помощь... другая же – затруднения и ненужные траты”. Возникает соблазн увидеть во всей этой фразе интерполяцию, однако вопрос решается с меньшими потерями для урбикиевского текста. Действительно, бросается в глаза странная фигура в этой фразе: сначала введены три понятия (благосклонность, тактика, стратегия), потом добавлено четвертое (вербовка) и после этого говорится: “Ведь одна из них ... другая же ...”. Очевидно, что текст перегружен. Мне кажется, что из этого положения легко выйти, признав интерполяцией только слова “благосклонностью Бога, тактикой”. В таком случае и предыдущее (ln. 5) упоминание о тактике также может быть интерполировано. В результате текст читается легко⁴⁵. Объяснением же таким интерполяциям может служить следующее. Интерполятор Аб, читая текст, не выдержал преувеличения, с его точки зрения, вселилия разума полководца и возможностей стратегии. Поэтому он добавил, во-первых, благосклонность Бога, поставив ее на первое место, во-вторых, тактику, о которой повествует начало трактата Псевдо-Маврикия. Отсутствие же упоминания о тактике в первоначальном реконструируемом мною варианте этого пассажа объясняется тем, что этот текст, содержащийся во введении к VII книге Псевдо-Маврикия, был написан Урбикием

⁴³ Praef. 1.3–9 ln. 1–9.31–69 finisque capituli; IV, 5, 5–6 ln. 27–46 finisque capituli; VII, Pr.,1 ln. 9–10; XI, 4, 46 ln. 236–239 finisque capituli et libris

⁴⁴ “Вербовка” вместо “набора”, чтобы сохранить женский род.

⁴⁵ (1) ...οὐκ ἔστι πολεμίους καταγωνίζεσθαι {τάξεως καὶ} στρατηγίας ἕκτος, δι’ ἧς οὐ μόνον τοῦ ἰσορροποῦντος πλήθους τῶν πολεμίων περιγίνεσθαι δυνατόν ἐστι σὺν Θεῷ, ἀλλὰ καὶ τοῦ πολλῷ πλέον ἐν ἀριθμῷ ὑπερβάλλοντος. οὐδὲ γάρ, ὡς τινες τῶν ἀπειρώων ἔχουσι, διὰ θράσους καὶ πλήθους ἀνδρῶν οἱ πόλεμοι κρίνονται, ἀλλὰ δι’ εὐμενείας Θεοῦ, τάξεώς τε καὶ στρατηγίας, ἧς ἐπιμελητέον μᾶλλον ἢ συλλογῆς πλήθους ἀκαίρου. ἡ μὲν γὰρ ἀσφάλειαν καὶ ὠφέλειαν ἄγει... ἡ δὲ συντριβὴν καὶ ἐπιζήμιον δαπάνην. (2) Δεῖ τοίνυν τε καί... χειρῆσθαι...

как введение лишь к одному трактату – трактату о стратегии (Urbic. strategica), а не ко всему сочинению Тактика-Стратегика. Трактат же о стратегии начинался именно с этой самой книги, в начале которой и сохранились разобранные фразы.

В качестве параллели можно привести другое место из текста Урбикия, посвященного вопросам тактики. Тут своевременное упоминание Бога спасло текст от вторжения интерполятора. В этом отрывке (Mauric. II, 1, 2 ln. 10–11) написано, что не множеством и храбростью и не прямолинейными действиями решаются войны, как некоторые из гражданских лиц (τινες τῶν ἰδιωτῶν) думают, но после Бога стратегией и тактикой (μετὰ Θεοῦ διὰ στρατηγίας καὶ τέχνης). Таким образом, главную роль здесь играют стратегия и тактика, в то время как и Богу оказано, правда лишь формальное, но внимание⁴⁶. После этого подробно излагается специфика обеих, т.е. тактики и стратегии, но ни слова не говорится о Боге.

Интересен мотив кормчего, управляющего кораблем. Он встречается во всем трактате только два раза. В первом случае это текст Аб, во втором – Урбикия. Урбикий говорит о том, что, как корабль не может плыть по морю без кормчего, также нельзя и без знания стратегии (и тактики) состязаться с врагами (VII, Pr.1 ln. 4–5). Теологический же интерполятор (Аб), повествует о том, что, как кормчий без пользы имеет свое искусство, если не дует ветер, так и полководец, не вооружившись (τεθωρακισμένος) благосклонностью Бога (τὴν εὐμένειαν τοῦ Θεοῦ), без пользы имеет тактику и стратегию (Praef. 6 ln. 42–49; VII, Pr.1 ln. 9–10). Слова и образы общие, а мысли почти что противоположные. Видимо, интерполятор Аб сначала прочитал введение к VII книге, а затем, сделав в него интерполяцию (см. выше), дописал введение ко всему трактату. При этом смысл и того, и другого текста был им изменен кардинально: логический центр этих отрывков сместился со стратегии на Божью благосклонность.

То же было сделано интерполятором Аб и в заключении в конце XI книги, где после слов Урбикия о том, что не все описано в его книге, так как не возможно предусмотреть все хитрости противников, была добавлена фраза о необходимости молиться Богу и невозможности познать врага (XI, 4, 46 ln. 236–239). Здесь наш интерполятор вернулся к теме соответствующей книги – в данном случае XI книги о народах – и посчитал, что самым важным в этом заключении является тема познания врага. Однако текст этот был написан Урбикием как заключение ко всему трактату о стратегии, а не только к XI книге, после которой он оказался в тексте Псевдо-Маврикия. В результате опять-таки акцент в этом отрывке был смещен с темы непознаваемости будущего на тему беспомощности полководца, лишённого внимания всемогущего Бога.

* * *

Итак, разобранный выше гипотетическая модель, предложенная для реконструкции истории текста трактата Псевдо-Маврикия, может быть крат-

⁴⁶ Теоретически, конечно, можно было и эти слова μετὰ Θεοῦ посчитать последующей интерполяцией, но, однако, такое построение представляется мне излишним: без этих слов текст не становится принципиально легче.

Таблица 1. Реконструкция структуры Тактики-Стратегии Урбикиа

1. Номер книги у Урбикиа	2. Название книги (главы) у Урбикиа и источник его реконструкции ¹	3. Содержание книги (главы) у Урбикиа	4. Дошедшие до нас части урбикиевского сочинения tact.-strat. и параллельные места		5. Предыдущие сочинения Урбикиа	6. Источники Урбикиа
			Mauric.	de mil. sc. ²		
Praef.		о плохом состоянии военного дела, о цели сочинения, о стиле	Praef. 2-3 ln. 10-31		Urbic. caball.	
I	(название не восстанавливается)	вооружение, индивидуальная тренировка, организация кавалерийского войска, устав	I. 1?; 2. tit. 1.2? ln. 3-6. 62?-97?; 3-8	1 p. 113.1-12		de ord. equ. ³
II	περί (καβαλλαριχῆς) τάξεως (Mauric. XI, Pr. ln 4; 1, 15 ln 54; 2, 26; ln. 91; 3, 17 ln. 46): -περί στάσεως τάγματος (Mauric. III, tit) -πῶς δεῖ γυμνάζεσθαι τάγμα (de mil. sc. 2 tit.) -στάσις μέρους (Mauric. III, 6 tit.) -πῶς δεῖ παράταξιν καβαλλαρικὴν τάσσεσθαι κτλ. (de mil. sc. 4 tit.)	общие принципы кавалерийской тактики и организации	II, 1 ⁴ -2; 5-11; 14-16 sq.	1 p. 113.12-114.12	Urbic. caball.	
		строевая подготовка и учение кавалерийской тагмы: - построение тагмы	III, 1-4			
		- учение тагмы	III, 5	2-3		
		- построение и учение меры	III, 9			
III	περί τούλδου ⁵ (Mauric. XI, 2, 24 ln. 85)	обоз	V, 1-2 ⁶			
IV	περί ἀπλήκτων (Mauric. V, 1, 6 ln. 22-23)	лагерь	V, 3-4			
V	περί τῆς ἐν τῇ πολεμίᾳ εἰσόδου (Mauric. XI, 4, 37 ln. 163-164):	вторжение на чужую территорию:				de terra hostili

	- πῶς δεῖ τῇ τῶν πολεμίῶν χώρᾳ εἰσβάλλειν κτλ. - πῶς δεῖ στενοὺς καὶ δυσχερεῖς διαβαίνειν τοποὺς καὶ ποταμοὺς - πῶς δεῖ σκουλεῦειν ἐχθροὺς - πῶς δεῖ ἐξπλοράτορας ἤτοι κατασκόπους κρατεῖν κτλ. - περί φυλακῆς τούλδου ὀδοιπορούντος	- вторжение (εἰσβαλεῖν), продвижение (ὀδοιπορεῖν), грабеж (πραιδεύειν) ⁷ - переход через трудные места и реки - разведка - контрразведка - обоз при вторжении ¹¹	IX, 3 ⁸			penetranda ⁹
			IX, 4	13		
			IX, 5, 1-19 ln. 4-98	14 (=Mauric. IX, 5, 9-15 ln. 51-77)		
			IX, 5, 20-24 ln. 99-127 ¹⁰			
			V, 5			
Praef.		о пользе тактики и стратегии, о времени и месте сражения, о полководце, о разных врагах, об охоте	VII, A, Pr. ¹²		Urbic. strat.	
VI	ποιῶν δεῖ κεφαλαίων φροντίσαι τὸν στρατηγὸν πρὸ τοῦ καιροῦ τοῦ πολέμου	подготовка к сражению заранее	VII, A, 1-16			
VII	ποιᾶ δεῖ φυλάττεσθαι τὸν στρατηγὸν κατὰ τὴν ἡμέραν τῆς συμβολῆς τοῦ πολέμου (de mil. sc. 15, tit.; Maur. VII B, tit c интерполяцией)	мероприятия в день сражения, в том числе краткое изложение книг Mauric. I-II ¹³	VII B ¹⁴ , в том числе гл. 16-17	15		
VIII	περί καθολικῶν παραγγελμάτων τῶν στρατηγῶν ἀρμοζόντων	общие советы полководцу	VIII			
IX	(название не восстанавливается ¹⁵):	отдельные нападения, набег, засады				de sophismatibus ¹⁶
	- Praefatio - περί ἐφόδων ἀδοκῆτων		IX, 1, 1-3 ln. 3-15 IX, 1, 4-13 ln. 1653			

Таблица 1 (окончание)

1. Номер книги у Урбикии	2. Название книги (главы) у Урбикии и источник его реконструкции	3. Содержание книги (главы) у Урбикии	4. Дошедшие до нас части урбикиевского сочинения tact.-strat. и параллельные места		5. Предыдущие сочинения Урбикии	6. Источники Урбикии	
			Mauric.	de mil. sc. ²			
IX	– περί νυκτερινῶν ἐφόδων – περί ἐνέδρας (?) – περί Σκυθικῆς ἐνέδρας – περί τῆς ἐκατέρωθεν ἐνέδρας – περί τοῦ καιροῦ τῆς ἐνέδρας – περί τοῦ δρουγγιστοῦ τάσσεσθαι κτλ.		IX, 2	16			
			IV, 1				
			IV, 2				
			IV, 3				
			IV, 4				
			IV, 5 ¹⁷				
X	(название не восстанавливается)	осада и оборона укреплений	X, 1; 3–4			Urbic. strat.	poliorcetica
XI	(название не восстанавливается):	о приспособлении к противнику:					
	– πῶς δεῖ ἀρμόζεσθαι ἐν τῇ ἰδίᾳ χώρᾳ εἰσβαλλόντων ἐχθρῶν	– вторгающемуся в империю	X, 2	=17			
	– πῶς δεῖ... ἀρμόζεσθαι	– персам, скифам, блондинам	XI, Pr. 1–3				de harmonia hostibus
		– склавам и антам	XI, 4, 1–45 ln. 1–224				Ps-Chilbud.
Заключение		об источниках и цели написания труда о том, что не вошло в него, о непознаваемости до конца будущего и природы врага	XI, 4, 46 ln. 225–239			Urbic. perd.	
Позже присоединен	Περὶ πεζικῆς τάξεως:	трактат о пехоте и приданной ей кавалерии:	XII A, 3–7 ¹⁸ . XII B ¹⁹ , в том числе без сокращения гл. 17–19; 21–23			Urbic. ped.	

Как отдельный трактат	– (введение)	– содержание трактата, плохое состояние военного дела, рассылка глав трактата военачальникам, составление оглавления, стиль и составление трактата ²⁰	XII B, Pr.				
	– главы I–XXIV	– конкретные вопросы	при этом: XII, A, 5–6 ~ ~ XII B, 20, 22–26 ln. 99–112	18 (~Mauric. XII B, 20–21)			

¹ Если источник в графе не указан, значит название книги/главы сохранилось в качестве названия соответствующей книги/главы в наших двух трактатах.
² Нумерация глав в порядке их у К. Мюллара от 1-й до 18-й.
³ На особый источник указывает особая модель названия глав I, 1–2; 4–5; 9: πῶς.../ποῦ... и использование в соответствующих пассажах в трактате de mil. sc. для обозначения кавалеристов слова ὀλίται.
⁴ Кроме интерполяции об аварях II, 1, 6 ln. 20–27.
⁵ Важно отметить, что первое известное Вари (Vári R. Op. cit.) употребление слова τοῦδος принадлежит Урбикию (tact. p. 471.18).
⁶ Эти разделы были изначально явно больше: см. следы аттракции в виде ὄστε V, 2 ln. 8.
⁷ Состав главы восстанавливается по двум местам: IX, 3, ut; XI, 4, 37.
⁸ Кроме интерполяции о славянах ln. 7–8.
⁹ На использование особого источника указывает особая модель названия глав XI, 3–5: πῶς...
¹⁰ Легко заметить, что для получения порядка книг в "Стратегиконе" Псевдо-Маврикия достаточно поменять местами главы Mauric. IX, 3–5; IV, 1–5. В остальном же порядок глав такой же, как в обоих дошедших до нас трактатах Mauric. и de mil. sc.
¹¹ В конце этой главы в рукописи M (Mauric. V, ln. 7) содержатся слова: τέλος τοῦ λέμπτου λόλου которые, может быть, происходят из урбикиевского текста: кроме этого места и конца VII книги нигде более таких указаний нет.
¹² Без интерполяции о могущественности Бога и о гуннах (VII A, Pr. 1.12 ln. 8–12.34).
¹³ В конце VII B книги в рукописи M помета (VII B, 17, 20 ln. 62): τέλος τοῦ ἐβδόμου λόγου, что, возможно, указывает на изначальное деление текста по главам.
¹⁴ Кроме интерполяции о курсорах (VII B, 16, 1–7 ln. 3–19) и последующей аттракции.
¹⁵ Ср. IV, 3, 9 ln. 87–88.
¹⁶ На это сочинение указывает постоянная тема не засад и набегов, а именно хитростей (σοφισματα), а также структура текста, отличающаяся определенной системой употребления вводных частиц οἱ μὲν – ἄλλοι δὲ и т.п.
¹⁷ Кроме морализаторской интерполяции § 5–6 ln. 27–46.
¹⁸ Без интерполяции о курсорах XII A, 3 ln. 21–23.
¹⁹ Без аттракции и эксцерпирования в гл. 17–23 (см. об этом также: Zuckerman C. Chapitres peu connus de l'Apparatus Bellicus // TM. 1994. T. 12. P. 374–378, 380, 382, 383) и без славянской интерполяции XII B, 20, 1 ln. 5.
²⁰ Ясно, что данное заключение написано тем же автором, что и введение ко всему трактату: скорее всего, это был Урбикий, однако и более позднее авторство (Маврикий, Ираклий?) исключить нельзя.

ко описана следующим образом (см. рис. 2). В тексте Псевдо-Маврикия легче всего выделяются наиболее поздние – конца VI – начала VII в. – слои редактирования, связанные с присоединением пехотного и охотничьего трактатов (Ped), с созданием общего оглавления (Pin) и внесением теолого-морализаторских и аварских интерполяций (Ab). Исторически предшествующий этому основной текст трактата несет на себе следы значительного редактирования (Cur). Это редактирование было проведено с целью привести изначальный текст в соответствие с достижениями военной науки, в частности изложить основы тактики курсоров и гиперкерастов, разработанные в ходе военных кампаний юстиниановского времени⁴⁷. Текст же, в который были произведены интерполяции Cur, обладает значительным внутренним единством и может считаться сводом произведений одного автора. Есть все основания в качестве этого автора предположить Урбикия Барбата, военного теоретика конца V – начала VI в. Поскольку по объему текст Урбикия и использованных им источников составляет более 4/5 всего текста трактата Псевдо-Маврикия, то именно Урбикия следует признать основным автором дошедшего до нас текста. При составлении своих произведений Урбикий, в свою очередь, использовал различные сочинения предшественников. Следы некоторых из этих текстов можно предположительно наметить в трактате Псевдо-Маврикия и в родственном ему Мюллеровском фрагменте.

Предложенная в данной работе на суд читателей гипотеза, несомненно, требует обстоятельной критики, как на предмет использованной методики, так и через результаты детального текстологического исследования источников, но уже и в таком виде она может быть способна внести некоторый условный порядок в историю текста “Стратегикона” Псевдо-Маврикия.

⁴⁷ Доказательству тезиса о соотношении редактора Cur со временем юстиниановских войн и опровержению основных выводов Маззукки (*Mazzucchi C.M. Le καταγραφαὶ dello Strategicon di Maurizio e lo schieramento di battaglia dell'esercito Romano nel VI/VII secolo // Aevum. 1981. Vol. 55. Not 1. P. 111–138*) я планирую посвятить в ближайшем времени специальную работу.

О.В. Смирнова

ЕВНАПИЙ И ЗОСИМ В EXCERPTA DE SENTENTIIS И EXCERPTA DE LEGATIONIBUS КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Excerpta de legationibus и Excerpta de sententiis, созданные по указанию Константина Порфиrogenета, являются историческим источником, вызывающим у исследователей много вопросов относительно их назначения и состава. Нельзя сказать, что “Эксерпты” были исчерпывающим образом изучены. В целом больше было сказано о фоне и предпосылках самого обращения императора к этому жанру, чем сделано конкретных текстологических наблюдений. Наиболее известное определение принадлежит П. Лемерлю, который считал Excerpta “антиисторическим произведением”: Константин VII хотел создать моралистическое сочинение, чтобы помочь людям обратиться ко благу, предоставив в их распоряжение уроки и примеры из прошлого, способные к этому побудить. Таким образом, “Excerpta” являются или имеют тенденцию быть моральной энциклопедией¹. Обращение к самому жанру извлечений из сочинений предшествующих историков, по мнению П. Лемерля, отражает характер историографии в эту эпоху: она выражала не негативное отношение к прошлому, но отношение преемственности в провиденциальном плане². Это было представление Константина VII о Римской империи, рассматриваемой в своей вечности и неизменности как земное отражение небесного порядка. Ав. Камерон указала, что политическим фоном составления “Эксерптов” Константина Багрянородного была консолидация империи после смут, произошедшая при Македонской династии: в то время имел место “всеобщий энтузиазм, направленный на возрождение и фиксирование традиции”³.

Но в том, что касается конкретной работы с текстами, как отметил П. Шрайнер, составление “Эксерптов” Константина все еще остается неясным⁴. Этому посвящено немного работ, большинство которых относится ко времени публикации самих “Эксерптов”⁵. Т. Бюттнер-Вобст в частности выдвинул важное предположение о том, каким именно образом происходила

¹ Lemerle P. Le premier humanisme byzantine. Notes sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971. P. 288; об “антиисторичности” “Эксерптов” см. также: Falkenhausen V. von. Italy in Byzantine Literature of the Tenth Century // *Κωνσταντίνος Ζ' ο Πορφυρογένετος και η εποχή Του. Διεθνής Βυζαντινολογική Συνάντηση. Β'. Δελφοί, 22–26 Ιουλίου 1987. Αθήνα, 1989. Σ. 37–38.*

² Lemerle P. Op. cit. P. 279.

³ Cameron Av. The Construction of Court Ritual: The Byzantine Book of Ceremonies // *Rituals of Royalty. Powers and Ceremonial in Traditional Societies.* Cambridge, 1987. P. 129.

⁴ Schreiner P. Die Historikerhandschrift, Vaticanus graecus 977: ein Handexemplar zur Vorbereitung des Konstantinischen Exzerptenwerkes? // *JÖB. 1987. Bd. 37. S. 29.*

⁵ Büttner-Wobst Th. Die Anlage der historischen Encyclopädie des Konstantinos Porphyrogenetos // *BZ. 1906. Bd. 15; Boor C. de. Suidas und die Konstantinische Exzerptsammlung // BZ. 1920. Bd. 23; Крашенинников М. Новая рукопись извлечений лері проєβέων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνηκοῦς (cod. Cantabrigiensis. Coll. SS. Trinit. O. 3.23) // *ВВ. Т. XXI. 1914.**

подготовка текста для включения его в “Эксерпты”. Он выделил два этапа: на первом “оргкомитет” (Zentralstelle) закреплял каждого автора, подлежащего включению в “Эксерпты”, за определенным ученым, который размечал отрывки для 53-х “Эксерпт” и делал заметки на полях, чтобы потом передать рукопись далее. Затем помощники размечали начало и конец для указанных учеными отрывков⁶, и рукопись передавалась копистам. П. Шрайнер признал эту гипотезу в целом правильной, но развил ее: он считал невозможным допустить, что в одной и той же рукописи размечался текст для всех 53-х “Эксерпт” (сам он выделил в Vat. gr. 977 с текстом Феофилакта Симокатты – рукописи, которая, по его мнению, могла быть одним из экземпляров, с которыми работали эксерпторы, – разметку лишь для 34-х групп) и предположил, что в одной рукописи отмечалась только часть отрывков, а другая часть – в иных рукописях или же в специально для этого изготовленной копии⁷.

В свою очередь, мы хотели бы в данной статье сконцентрировать внимание скорее на работе “оргкомитета”, вероятно, предлагавшего определенные критерии отбора отрывков для “Эксерпт”, и рассмотреть некоторые формальные и содержательные принципы отбора материала на примере вошедших в Excerpta сочинений двух историков поздней античности: Евнапия (ок. 34 г. – после 414 г.) и Зосима (V–VI в.). Этим писателей объединяет как “текстологическая” близость (Евнапий был одним из источников Зосима, хотя степень его использования Зосимом дискутируется), так и общие антихристианские взгляды обоих историков: более выраженные у Евнапия, более сдержанные у Зосима. История Евнапия охватывала период от смерти Клавдия Готского в 270 г. по, как минимум, 404 г. и, согласно Фотию, являлась своего рода панегириком императору Юлиану (cod. 77). “Новая история” Зосима излагала события от Трой, как минимум, почти до самого взятия Рима Аларихом в 410 г.

Текст “Истории” Евнапия сохранился только благодаря “Эксерптам”, словарю “Суда” и цитатам в некоторых источниках, в то время как сочинение Зосима известно почти полностью благодаря единственной рукописи – Vat. gr. 156, происхождение и обстоятельства составления которой являются неясными. Неясно и соотношение рукописных традиций текста “Эксерпт” и единственной рукописи Зосима. По мнению М. Форчины, различия в текстах свидетельствуют о том, что существовали разные версии и традиции передачи текста “Истории” Зосима, по меньшей мере, две⁸.

Тексты “Историй” Евнапия и Зосима неоднократно издавались⁹, но исследований истории передачи текста существует крайне мало. Не так давно Х. Охоа посвятил целую книгу анализу передачи текста

⁶ Bütter-Wobst Th. Op. cit. S. 99–100; эта гипотеза основана на том, что в брюссельской рукописи 11301/16 в заметке на полях упоминается, что ὁ ἑρανίστας τὸ λαρόν Θεοδόσιος ἔστιν ὁ μισρός, в котором Т. Бюттнер-Вобст и видел одного из помощников.

⁷ Schreiner P. Op. cit. S. 25.

⁸ Forcina M. Lettori bizantini di Zosimo. Le note marginali del cod. Vat. gr. 156. Milano, 1987. P. 100.

⁹ Основные издания Евнапия: Eunapii Sardiani Vitas sophistarum et fragmenta historiarum recensuit notisque illustravit Io. Fr. Boissonade. Annotatio de D. Wittenbach. Amsterdam, 1822; CSHB. Vol. I / Ed. C.B. Niebuhr, I. Bekker. Bonnae, 1829; Mueller C. Fragmenta historicorum graecorum. Vol. IV. Parisiis, 1851; Historici graeci minores / Ed. L. Dindorf. T. I. Lipsiae, 1870; Blockley R.C. The Fragmentary Classicising Historians of the Late Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus, and Malchus. Vol. I–II. 1983. Основные издания Зосима: CSHN / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1837; Zosimi Historia Nova / Ed. E. Mendelssohn. Lipsiae, 1887 (переиздан в 1963 г.).

Евнапия¹⁰; данная работа является чрезвычайно полезной, но достаточно обшей – автор перечисляет рукописи и дает общую характеристику содержания Евнапиевой “Истории”. Что же касается Зосима, то нам неизвестны специальные работы, которые были бы посвящены фрагментам из “Эксерпт”.

Не претендуя на какие-либо обобщения, мы хотели бы сделать несколько наблюдений над структурой и содержанием фрагментов этих историков в Excerpta Константина VII: Excerpta de sententiis (Евнапий) и Excerpta de legationibus (Евнапий, Зосим). Мы полагаем, что детальное сопоставление текста Зосима и “Эксерпт” поможет в частности представить, каким образом редактировались позднеантичные языческие историки с отчетливо выраженной антихристианской ориентацией.

Как известно, текст “Эксерпт” de sententiis дошел в единственной рукописи-палимпсесте X–XI вв. Vat. gr. 73, изданной впервые в 1827 г. А. Маи¹¹.

Что касается Excerpta de legationibus, то в основе всех рукописей, содержащих данный текст, лежит средневековый кодекс Эскуриала из коллекции Х. Паэза де Кастро¹², сгоревший в 1671 г. Эти рукописи, переписанные во второй половине XVI в. Андреасом Дармарием, писцом Антонио Аугустина, епископа Таррагона (или в мастерской Дармария), следующие:

cod. Ambrosianus n. 135 – 1574 г.¹³;

cod. Escorialensis R III 21 (Полибий, Иосиф Флавий, Зосим, Дексипп, Соократ, Петр Патрикий, Диодор, Дион) и R III 13 (Геродот, Фукидид, Агафий, Менандр, Феофилакт, Прокопий, Арриан, Малх, Приск, Евнапий)¹⁴,

cod. Vat. gr. 1418, составляющий пару к cod. Neapolitanus III B 15¹⁵;

cod. Monacensis A n. 185¹⁶;

cod. Bruxellensis 11316–11317¹⁷.

¹⁰ Ochoa José A. La Transmisión de la Historia de Eunapio. Madrid, 1990.

¹¹ Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita / A. Mai. Romae, 1927.

¹² Graux Ch. Los orígenes del fondo griego del Escorial. Madrid, 1982. P. 105–107.

¹³ Надпись на листе 710r информирует о том, что копия сделана Дармарием в Эскуриале: Martini A., Bassi D. Catalogus codicum graecorum Bibliothecae Ambrosianae. Vol. II. Milan, 1906. Cod. 552. P. 660–661.

¹⁴ Рукопись происходит из мастерской Дармария и выполнена одним из его сотрудников. Рукопись Дармария различают на листах 1v, 161 и 162r: Revilla P.A. Catálogo de los códices griegos de la Biblioteca de El Escorial. I. Madrid, 1936. Cod. N 46. P. 175–177.

¹⁵ Обе копии были сделаны Дармарием; епископ Таррагона в 1574 г. отправил эти рукописи кардиналу Фульвио Орсини, который опубликовал их частично (отрывки из Полибия) в 1582 г.: Pernot L. La collection de manuscrits grecs de la maison Farnèse // Melanges de l'École Française de Rome Moyen-Age, 1979. 91. 1. P. 489.

¹⁶ Конец XVI в., рука Дармария: Baro de Aretin J.Ch. Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Regiae Bavaricae. Vol. III. München, 1806. P. 117; в 1603 г. рукопись уже находилась в собственности Максимилиана I Баварского, предоставившего ее в распоряжение Д. Хельшера, издавшего текст в 1603 г. (Eclogae legationum. Dexippi Atheniensis, Eunapii Sardiani, Petri Patricii et Magistri, Prisci Sophistae, Malchi Philadelphensis, Menandri Protectoris. Cum corollario exceptorum e libris Diodori Siculi amissis XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI. Omnia e mss. Codd. A Davide Hoelschelio edita, Augustae Vindelicorum. 1603).

¹⁷ Эта копия была сделана для иезуита А. Скотта из Амбера (1562–1629), вероятно, во время его пребывания с Антониом Аугустином в Таррагоне между 1584 и 1586 гг. Рукопись хранилась в библиотеке коллегии иезуитов в Амбере, пока Наполеон не перевез ее в Лувр, а затем она оказалась в Брюсселе (Omont H. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Royale de Bruxelles // Revue de l'instruction publique en Belgique. 1885. 37–38). Как отмечает Х. Охоа (Op. cit. 71), текст Полибия не полон – вместо 150 с. – только 14. Предполагается, что либо рукопись перенесла серьезные повреждения, либо Дармарий перескочил через эту часть, сохранив нумерацию.

Кроме того, существует серия рукописей, также содержащих *Excerpta de legationibus*, которая происходит из одной и той же коллекции и сначала была приписана Дармарию и его мастерской¹⁸, но позднее часть ее (Vat. gr. 413¹⁹) была отнесена к другому писцу:

cod. Vat. Palat. gr. 410; Vat. Palat. gr. 411; Vat. Palat. gr. 412; Vat. Palat. gr. 413.

Текст *Excerpta de legationibus* и *Excerpta de sententiis* был использован нами по изданию *Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta*. Vol. I. P. 1–2. *Excerpta de legationibus* / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903; Vol. IV. *Excerpta de sententiis* / Ed. U. Ph. Boissevain. Berolini, 1906. Текст *Excerpta de legationibus* сверен с микрофильмами рукописей cod. Vat. gr. 1418 и cod. Bruxellensis 11316–11317 из коллекции Центра по исследованию текстов (Византийский центр, Коллеж де Франс). Рукопись Vat. gr. 156, содержащая текст “Новой истории” Зосима, также просмотрена благодаря микрофильму из Византийского центра.

1. “История” Евнапия в *Excerpta de sententiis*

Всего в *Excerpta de sententiis* содержится 82 фрагмента “Истории” Евнапия²⁰. Евнапий в значительной степени интересовал составителей “Эксерпт” с моралистической точки зрения, что согласуется с самим характером его сочинения, обозначенном в одном из фрагментов (de sent. 63) – стремление к истине, которую автор искал в поведении исторических персонажей и в ходе исторических событий.

Насколько можно судить, отрывки “Истории” следуют друг за другом в “Эксерптах” в хронологическом порядке, что показывает технический процесс составления “Эксерпт”: по ходу просмотра заранее размеченного текста кописты заносили в рукопись моралистические пассажи и сентенции. Ж. Иригуэн отметил, что выбранные эксерпторами фрагменты в принципе следуют порядку книг каждого автора²¹. Организация сентенций по тематическому принципу отсутствует.

Повторяемость одних и тех же элементов во фрагментах показывает, что эксерпторы на этапе отбора текстов руководствовались определенными критериями:

1. Поговорки, использованные Евнапием (de sent. 1, 3, 5, 6, 38, 48, 53, 58, 63).

2. Изречения философов и исторических лиц, цитаты из поэтических произведений (10, 12, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 30–34, 36, 37, 47, 54, 64, 70, 75, 79, 80, 81).

3. Моральные сентенции, автор которых не указан и которые могут принадлежать самому Евнапию (14–18, 22, 23, 24, 35, 45, 46, 49, 52, 54–57, 60–61, 67, 77).

4. Оракулы (27, 29).

¹⁸ Конец XVI в. – из мастерской Дармария, рука которого идентифицирована на листах 1, 266r и 161–162 г.

¹⁹ Gamillscheg A., Harlfinger D. Repertorium der griechischen Kopisten. В. Т. I. S. 95.

²⁰ Нумерация фрагментов дается по изданию де Боора и Буассевена.

²¹ Irigoin J. Les manuscrits d'historiens grecs et byzantins à 32 lignes // *Studia codicologica*. В., 1977. P. 240.

5. Сопоставление исторических событий с врачебной практикой (24, 39, 64, 69).

6. Изложение Евнапием принципов написания истории (1, 29, 39, 44, 55, 63).

7. Примеры добродетелей исторических лиц (5, 8, 9, 19, 20, 24, 25, 40–41, 73–74).

8. Пример эпитафии (43).

9. Пример исторической надписи (72).

10. “Изящные” с риторической точки зрения выражения, часто содержащие игру слов (4, 5, 7, 39, 40–41, 42, 44, 59, 65, 74, 76, 78, 79).

В некоторых случаях причиной включения того или иного отрывка в “Эксерпты”, очевидно, послужили несколько критериев сразу. Так, отрывок 29 содержит как оракул, так и принципы написания истории. Фрагмент 38 начинается поговоркой и продолжается моральной сентенцией. Фрагмент 63 содержит как поговорку, так и рассуждения Евнапия на тему создания истории и т.п.

В некоторых фрагментах такие лакуны, что трудно составить мнение об их содержании: 2, 62, 68, 71, 73, 82.

В ряде случаев нам неясно, почему вообще был выбран данный фрагмент для включения в “Эксерпты”: в нем содержатся исторические примеры без каких-либо выделяющихся сентенций: 11, 13, 50, 51, 59, 66. Возможно, это говорит о небрежности и невнимательности копиистов, перепутавших размеченные фрагменты.

Размер фрагментов различен: от одной фразы до развернутого описания. Большие фрагменты часто приводятся по той причине, что в них содержится несколько сентенций одновременно. Почти всегда в выбранных фрагментах речь идет об исторических лицах – императорах, военачальниках, правителях. Римские императоры, упоминаемые во фрагментах, даются от Констанция II и его отца (Константина Великого, упомянутого лишь бегло) до императрицы Пульхерии. Почти половина фрагментов относится к правлению императора Юлиана, что может означать как концентрацию гномики и моральных сентенций именно в этой части “Истории” Евнапия, так и интерес эксерпторов к данному периоду римской истории.

По своему характеру фрагменты часто представляют собой своего рода “басни” или небольшие моралистические этюды. Их содержание показывает интерес к нескольким сюжетам:

1. Образцы литературной продукции: фрагмент 5, возможно, выбран в качестве примера императорского панегирика; образец эпитафии (43).

2. Методы и цели создания исторического произведения: историк не должен описывать детали (29); освещение современных событий следует доверить потомкам (30); как соединять древние и неверные записи с более достоверной (устной) информацией (39); об анализе историком информации (55); о том, что такое историческая истина (63); об исторических источниках (64); сравнение повествования о бедствиях с принятием горького лекарства (64).

3. “Теория истории”: исторические события объясняются пифагорейской теорией (10); повторяемость исторических событий через длинные периоды (14); тщетность человеческих планов (31); поговорка о внезапном изменении дел к лучшему (6); напрасность подражания героям древности (32).

4. О человеческой природе: ее склонность к зависти, глупость (23); двойственность человеческой природы, сочетающей добродетели и пороки (56); человек склонен к падению более в счастье, чем в несчастье (57); объяснения состояния человеческого духа физическими причинами (34); поговорка, иллюстрирующая соответствие характеров (3).

5. Добродетели: преимущество образованных людей над необразованными (17); божественность милосердия и усмирения гнева (19, 25, 35); исторические персонажи как образцы добродетелей (40–41, 42, 44); победа над телом (65), победа духа над телом (73); необходимость мужества для снискания славы (33); добродетель и порок (46, 55); о сохранении гонимой отеческой веры, несмотря на то что римляне считали их христианами (53).

6. Пороки и их наказание: опасность лести даже для самых добродетельных людей (37); вред любостыжательства (38); о порочности власти и богатства (48); порочность исключительно плотской жизни, неизбежность божественной кары (52); неблагодарность карается Богом (60–61); обличение пороков (76).

7. О бедности (49, 81).

8. Добродетели императора: его божественность и исключительность (9, 24, 26–28); величие истинного правителя состоит в справедливости в сочетании с авторитетом (8); божественная прозорливость императора (20); забота императора о солдатах (21).

9. Император-писатель: прославление величия слов и дел Юлиана, составившего описание битвы при Страсбурге (7, 18); Юлиан создает настоящий панегирик в свою честь (16).

10. О дурном правителе (54, 78, 80); коррумпированность правителей (79).

11. Коллизии между соправителями: добродетельность и удачливость Юлиана, зависть Констанция II, настраивавшего против Юлиана варваров (4); препятствия, чинимые Юлиану со стороны Констанция, опасность зависти правителей и гражданской войны (11, 12, 13).

12. Единство двух частей империи (77).

13. Войско и военные действия: военачальники, планируя военные действия, должны хранить свои планы в секрете (18); излишества портят солдат (22); роль правителя для войска (36, 75); важность образования для военных действий (45); важность не количества, а обученности солдат (47); о том, что никополитане полагались во время осады на свои силы (50).

14. Поведение в трудных обстоятельствах: безопасность обеспечивается законченностью и быстротой действия (15); надежда утешает в трудностях (67); в трудных обстоятельствах и меньшее зло кажется благом (сравнение с врачебной практикой) (69).

15. Победа и ее последствия: Гайна был побежден своим успехом, так как после победы смягчился и расслабился (70); сведение успеха к осмеянию благодаря смехотворным триумфальным надписям (72); Фравитта, разгромивший Гайну; не стал его преследовать (74).

Таким образом, фрагменты включают не только моральные уроки, но и практические советы: политические, административные, военные, литературные. Как подчеркнул Т. Грегори в отношении сочинений Константина De administrando imperii, De cerimoniis и De thematibus, в целом “ученые усилия”

императора “были направлены на практическую цель”²². Кроме того, фрагменты, возможно, отражают события современной Константину VII истории, а также личные интересы императора, представленные и в других “Эксерптах”. Необходимость образования в частности отражена в первых параграфах DA1, где Константин VII советует своему сыну стремиться к образованию, так как это помогает в управлении (ἡτήσῃ κυβέρνησιν). Внимание к сравнению тех или иных явлений с врачебной практикой, а также включение в “Эксерпты” фрагментов, в которых упоминается Орибазий, личный врач императора Юлиана, отражает интерес к медицине. Так, Орибазий был известен составителю медицинского трактата, посвященного Константину VII: фраза, открывающая предисловие к этому трактату, является цитатой из Орибазия; и примечательно, что в некоторых рукописях Орибазий указан как автор трактата, что, несомненно, неверно²³.

Представляет интерес и религиозное содержание фрагментов. Евнапий был непримиримым язычником и критиком христианства, выпады против которого встречаются и в его “Жизнеописаниях философов и софистов”. По словам Фотия (Phot. Bibl., cod. 77), существовало два издания “Истории”, и во втором отношении автора к христианству было выражено более умеренно. Высказывалось предположение, что автором второго издания “Истории” был не сам Евнапий, а некий неизвестный редактор-христианин²⁴. Однако Евнапий в “Жизнеописаниях” дважды говорит, что если Богу будет угодно, он опишет некоторые события в “Истории”, а в других ссылках, сделанных в “Жизнеописаниях”, он говорит, что уже описал некоторые события (тем самым “Жизнеописания” вышли в свет между двумя изданиями “Истории”); кроме того, Фотий недвусмысленно приписывает второе издание Евнапию²⁵.

Фрагменты “Истории” Евнапия, в которых в той или иной степени затрагиваются религиозные темы, составляют приблизительно четверть от общего числа, и, вероятно, религиозные мотивы также играли определенную роль при выборе моральных сентенций. Их содержание:

1. Представления о причинности событий, судьбе (4).
2. Представления о божественном участии в истории (44, 52, 54, 72, 77).
3. Обожествление императора Юлиана (8 отрывков), в свою очередь включающее следующие сюжеты: нечестивость умолчания о его деяниях (5), божественность милосердия императора (19), его божественная прозорливость (20), богоподобность императора, его причастность миру бессмертных еще при жизни (24, 26–28), легкость перехода Юлиана в мир богов (29).
4. Божественность милосердия вообще (35).
5. Божественность человеческой личности (52, 74).
6. Использование мифологических сюжетов для иллюстрации исторических событий (32, 36, 43).

²² Gregory T. The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // Actes du XV congrès international d'études byzantines (Athènes – septembre 1976). Vol. IV. Athènes, 1980. P. 123. См. также: Toynbee A. Constantin Porphyrogenitus and His World. L., 1973. P. 581.

²³ Sonderkamp J.A.M. Theophanes Nonnus: Medicine in the Circle of Constantine Porphyrogenitus // DOP. 1984. Vol. 38. P. 36.

²⁴ Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. I. Bonnae, 1829; De Boor C. Die νέα ἔκδοσις des Eunapios // RhM. 1892. 47.

²⁵ Baker A. Eunapius' Νέα ἔκδοσις and Photius // GRBS. 1988. 29. 4. P. 391.

7. Определенность Богом человеческой природы (56).
8. Божественное обоснование моральных правил (60–61).
9. Приверженность отеческим (языческим) религиозным обычаям (53, 74).
10. Божественность истины (63).

Большинство сюжетов относятся к язычеству (миф, культ, Юлиан), нейтральных – 6 (44, 54, 56, 60–61, 63, 77). О христианстве идет речь в фрагментах 53 и 72, причем в первом случае рассказывается о том, как готы, притворяясь христианами, сохраняли свои обычаи, а во втором Евнапий насмехается над надписями христианского содержания, выставленными префектом Рима в связи с победой. Видимо, в первом отрывке внимание эксцерпторов привлекла верность вере, а во втором – пример христианской надписи и ее содержание.

Возможно, что сентенции в “Истории”, относящиеся к более ранним периодам, в частности к правлению Константина, не вошли в “Эксцерпты” именно в силу своей явной антихристианской направленности. Возможно также, что тот факт, что выдержки из “Истории” начинаются практически с Юлиана и отрывки религиозного характера составляют почти треть этих фрагментов, демонстрирует интерес эксцерпторов и Константина Багрянородного к тому, как неоплатонически ориентированные сторонники этого реставратора язычества представляли его божественность.

Как было отмечено, в идеологии Константина Багрянородного можно выделить две линии: во-первых, политико-идеологическую, основанную на концепции Евсевия о божественном происхождении императорской власти и на теории о *translatio imperii* из Рима в Константинополь благодаря Константину Великому; во-вторых, династически-пропагандистскую (отраженную в частности в литургии), для которой характерна идентификация Константина VII с Константином Великим²⁷. Вероятно, отрывки о Юлиане представляли интерес для эксцерпторов и Константина VII с точки зрения сакрализации императора в Византии.

Впрочем, в фрагмент 23, прославляющий Юлиана, вставлен антиязыческий комментарий, который, согласно Й. Компернаксу, издателю двух сочинений Арефы Кесарийского, принадлежит Арефе²⁸. Эту атрибуцию поддержал Л. Вестеринк²⁹. По П. Лемерлю, в этом случае следует предполагать, что Константинов эксцерптор использовал экземпляр текста “Истории” Евнапия, скопированный Арефой или нет, но во всяком случае содержащий схолии Арефы, автографические или нет; однако П. Лемерль призвал к осторожности, указав на то, что принадлежность схолий Арефе не была доказана, хотя они и производят такое впечатление³⁰.

Константина VII мог интересовать Юлиан и в качестве императора-писателя. Таким образом, в части исторической энциклопедии Константи-

на VII, посвященной нравоучительным сентенциям, идентификация императора с предшествующими римскими императорами распространяется и на императора – реставратора язычества, но, очевидно, в достаточно отредактированном виде, и степень этой редакции мы не можем себе полностью представить.

2. *Excerpta de legationibus*

Евнапий

Как известно, *Excerpta de legationibus* делятся на две части: *περὶ πρεσβέων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνικοὺς* и *περὶ πρεσβέων ἔθνικῶν (или ἔθνῶν) πρὸς Ῥωμαίους*.

В *Excerpta de legationibus* (*leg. gent.*) вошли 7 фрагментов “Истории” Евнапия (охватывающие период с 358 г. – до начала правления Феодосия (после 378 г.)). Их содержание делится на две темы: собственно посольства и переговоры с варварами и разрешение проблем, которые варвары создают для римлян. В двух случаях (3, 4) речь идет о посольствах, направленных к императорам Юлиану и Валентиниану после того, как они были провозглашены императорами. Посольства к Юлиану были направлены отовсюду (*πανταχοῦθεν*), и он получил золотые венки *παρὰ τῶν ἔθνῶν*, т.е. от провинций. Тем самым эти фрагменты относятся к посольствам “между римлянами”. Вероятно, причиной включения этих текстов в “Эксцерпты” стало наличие ключевых слов: *πρεσβεῖαι* и т.п. Однако ключевые слова не являются единственной причиной включения отрывков “Истории”, они встречаются в четырех случаях (2, 3, 4, 5) и отсутствуют в трех (1, 6, 7). В трех фрагментах (5–7) речь идет о появлении и присутствии варваров на территории Римской империи, а не о самих посольствах.

Сюжеты фрагментов “Истории” Евнапия в *Excerpta de legationibus*: римский император производит впечатление на варваров и проявляет свое милосердие (1), решение проблемы заложников и выдачи пленных римлян (2, 5, 6), проведение церемонии инаугурации императора (3, 4), описание нравов варваров (5–7), политика в отношении варваров (6), вражда между варварами как средство их обезопасить (7).

Тем самым в “Эксцерптах” нашли отражение постоянные проблемы Византийской империи (варвары и способы обращения с ними), которые освещены также и в других исторических документах эпохи, в частности в трактате “О церемониях...” (главы 87–89 I книги посвящены посольствам, приложение к I книге – военным действиям с участием императоров), а также в “Об управлении империей” (о нравах варваров).

В некоторых случаях (1, 2, 6, 7) в тексте фрагментов наличествуют гномические выражения, которые могли бы войти в текст *Excerpta de sententiis*, однако не вошли. Например, тот же фрагмент вошел и в *Excerpta de sententiis* и в *Excerpta de legationibus* (*de leg. gent.* 7; *de sent.* 58). Это довольно пространственный отрывок из “Эксцерптов” о посольствах, в котором идет речь о готах и убийстве Фравиттой Эриульфа. В *Excerpta de sententiis* включен лишь последний эпизод, где Евнапий употребляет поговорку. Этот фрагмент интересен с точки зрения работы эксцерпторов с текстом. Ф. Пащу считал³¹,

³¹ Paschoud F. // *Zosime. Histoire Nouvelle*. Vol. I. P., 1971. P. LVI.

²⁶ Об этом загадочном префекте см.: Baldwin B. “Perses”: a Mysterious Prefect in Eunapius // *Byzantion*. 1976. XLVI. 1.

²⁷ Ahrweiler H. ‘Ο Κωνσταντίνος Ζ’ ὁ Πορφυρογέννητος καὶ ἡ κωνσταντινεία ἰδεολογία // *Κωνσταντίνος Ζ’... Σ.* 1–4; Luzzi Andrea L. “ideologia costantiniana” nella liturgia dell’età di Costantino VII Porfirogenito // *RSBN*. 1991. 28. P. 116.

²⁸ Compernass J. Zwei Schriften des Arethas von Kaisareia gegen die Vertauschung der Bischofssitze // *Studi Bizantini e Neellenici*. 1935. 4. S. 119–120.

²⁹ Westerink L. *Aretae Scripta Minora*. Vol. II. Introduction. Lpz., 1972.

³⁰ Lemerce P. *Op. cit.* P. 225.

что он показывает методы эксцерпторов, которые не всегда передают нам текст в идеальном и целостном виде. Это замечание справедливо в том, что касается интегральности (в *Excerpta de legationibus* пропущено объяснение эпитета Диониса, сохраненное в *Excerpta de sententiis*). Однако следует отметить и то, что текст в целом передается точно, это отмечено также и для “Истории” Диона Кассия³².

В двух случаях (1, 7) в текстах встречаются религиозные мотивы. Фрагмент 1, как заметил, Р. Блокли, носит характер отчетливо выраженной “религиозной театральности”³³, когда император Юлиан предстает перед хамавами в качестве божества. Во фрагменте 7 речь идет о почитании Фравитой богов по отеческому обычаю и богоподобности Фравиты.

Во вступлении к “О церемониях...” Константин VII определяет значение ритуала следующим образом: ритуал, воплощая гармоничное движение, которым Бог Творец наполнил мир, во-первых, должен способствовать тому, чтобы императорская власть была бы более устрашающей для подданных и в то же время более приятной и впечатляющей; во-вторых, ритуал призван произвести впечатление на иностранцев.

Вероятно, именно поэтому в “*Excerpta*” вошел фрагмент, посвященный встрече императора Юлиана с послами хамавов, когда Юлиан настолько впечатлил последних, что те пали ниц перед ним, как перед богом. Тем самым практическая функция была характерна также и для *Excerpta de legationibus*.

Зосим

В “*Эксцерпты*” вошли 8 фрагментов “Новой истории” Зосима (363–409 гг.): 6 – в *leg. gent.* и 2 – в *leg. rom.*

Как и в случае с Евнапием, речь не всегда идет о посольствах римлян к варварам и *vice versa*, скорее можно говорить о “визитах” и отношениях в более широком смысле. Так, фрагмент 2 повествует о том, как Атанарих прибыл к императору, кроме того, речь также идет о прибытии готов на территорию Римской империи. Во фрагменте 4а речь идет о посольстве римлян к императору, который находится в Равенне в связи с осадой в 408 г. Аларихом Рима. Фрагмент 5 повествует о прибытии к Гонорию Иовия от Константина, узурпатора в Галлии, таким образом, здесь также идет речь о посольстве “римлян к римлянам”. Во фрагменте 6 вначале рассказывается о двух посольствах римлян к Алариху, а затем о посольстве римлян к императору в Равенну.

Заметно, что фрагменты “вырезаются” таким образом, чтобы сделать повествование более или менее связным (мини-истории). Содержание фрагментов “Истории” Зосима: потеря римлянами территории и поиск исторических прецедентов этому (1); впечатление, произведенное на варваров императором (2); использование варваров на службе империи и оплата их услуг (3); политика в отношении варваров (деньги или война?) (4); заключение мира ценой выкупа (4а); узурпация власти и убийство родственников императора (5); проведение переговоров с варварами о выкупе и заключении мира (6–7). Тем самым, в “*Эксцерптах* о посольствах” освещаются разнообразные

³² Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf. 1964. P. 1–2.

³³ Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians... II. P. 132.

проблемы внешней политики. Создается впечатление, что содержание фрагментов превалирует над собственно темой “*Эксцерпт*”, и ключевой проблемой являются отношения с варварами в целом.

В одном случае (3) встречается игра слов на латыни (слова Лампридия: “*non est ista pax sed ratio seruitutis*”), которая также могла бы войти в *Excerpta de sententiis*, но не вошла.

В трех случаях речь идет о религии: Лампридий укрывается в христианской церкви (3); говорится о том, что отеческие (языческие) религиозные обычаи могли бы спасти Рим от осады (6); упоминаются епископы, которые передают умеренные требования Алариха к императору и сравниваются клятвы перед Богом с клятвой головой императора (7).

Как и в случае с Евнапием, можно указать на общность сюжетов и дидактической направленности *Excerpta de legislationibus* с другими *эксцерптами* (в частности *Excerpta de cerimoniis* и *Excerpta de administrando imperio*³⁴): посольства, церемониал, что говорит о тематическом единстве “*Эксцерпт*”. Так, глава XIII *de adm. imp.* посвящена разубеждению варваров, выдвигавших неприемлемые для византийцев требования: императорские одежды, греческий огонь, брак с принцессами и т.п. П. Яннопулос показал, что Константин VII в своем стремлении разубедить своих собеседников сознательно прибегает к легендам и “потрясает пугалом божественного гнева”, но для того, чтобы его аргументы выглядели более правдоподобными, он обращается к истории, откуда он заимствует некоторые детали или примеры³⁵. Нельзя ли считать, что *Excerpta de legationibus* и в некоторой степени *Excerpta de sententiis* были задуманы как сборники подобных примеров, призванные служить в дипломатической практике?

Интересно отметить, что сочинения Евнапия и Зосима отсутствуют в *Excerpta de insidiis* и *Excerpta de virtutibus*, куда они вполне могли бы войти по тематике. Может ли это указывать на то, что над данными “*Эксцерптами*” работала одна группа составителей (несмотря на тематическую близость *Excerpta de sententiis* и *Excerpta de virtutibus*)? Это как будто доказывается тем, что у *Excerpta de legationibus* и *Excerpta de sententiis* общий комплекс источников, в частности позднеантичные историки (Дексипп, Евнапий, Менандр Протектор, Приск, Петр Патрикий, а также Агафий и Прокопий), которые не использовались в *Excerpta de insidiis* и *Excerpta de virtutibus*. В свою очередь, два последних извлечения обнаруживают свои собственные источниковедческие пристрастия: Николай Дамаскин, Иоанн Малала. У. Буассевэн, издавший *Excerpta de sententiis* указал на несколько соответствий и в последовательности источников *Excerpta de sententiis* и *Excerpta de legationibus gentium*³⁶. Можно также сравнить и конфессионально ориентированную программу *Excerpta de virtutibus*, где, например, упоминается Юлиан Отступник (61 (179)) (источник – Иоанн Антиохийский), но в негативном контексте (ὁ μισοθεὸς καὶ μισοχρῆστος). В этих “*Эксцерптах*” данные о Юли-

³⁴ О близости *Excerpta de legationibus* с *de caerimoniis* и *de administrando imperio* см. также: Wozniak F.E. Some Didactic Lessons in Diplomacy from the *Excerpta de Legationibus* // *Byzantine Studies Conference*. 1976.

³⁵ Yannopoulos P.A. Histoire et légende chez Constantin VII // *Byzantion*. 1987. 57. 1. P. 166.

³⁶ Boissevain U.Ph. Praefatio // *Excerpta de sententiis*. Vol. I. P., 1971. P. XIV–XV.

ане используются по другим источникам (не Евнапий). Таким образом *Excerpta de legationibus* и *Excerpta de sententiis* демонстрируют единство в том, что касается выбора источников и программы.

3. “История” Зосима в “Эксерптах” и в *Vat. gr. 156*

В рукописи *Vat. gr. 156* (зафиксированной в библиотеке Ватикана с 1475 г.) различают 4 руки и датируют различные ее части разными веками. Первый писец – f. 1–7 (до книги 1.23, 2), второй писец – f. 7–40 (до книги 2.34, 2), причем эти два писца, очевидно, сотрудничали: второй начинает писать на том же листе, где заканчивает первый; третий писец – f. 40–48 (до книги 2.45, 1), четвертый – f. 49–152. Л. Мендельсон, издавший Зосима в 1887 г., различал в рукописи 3 кодекса и датировал их соответственно XI, XII или XIII, и XIV вв. (точнее сказать, принимал датировку Августа Майя). Меркати и Кавальери датировали первых двух писцов X в., третьего – XI в., четвертого тоже – XI в., но с меньшей уверенностью³⁷. Ф. Пашу со ссылкой на П. Канара датировал первых двух писцов X в., третьего – XI в., четвертого – XII в.³⁸ М. Форчина³⁹, которой принадлежит наиболее тщательное палеографическое исследование *Vat. gr. 156*, датировала первых двух писцов второй половиной X в., последних двух писцов – второй половиной XI в. на основании сравнения почерков.

Ф. Пашу, также со ссылкой на П. Канара, предполагал, что рукопись могла быть создана писцами, принадлежавшими к Студитскому монастырю, хотя и признавал, что палеография не является типично студитской и относится к более позднему времени. Причиной для такого предположения послужили крестики, поставленные на первых листах некоторых первых кватернионов, на верхнем поле и на продолжении боковых полей. О студитском же скриптории известно, что в нем копировались и светские авторы, например, Лукиан в X в. Во всяком случае, считал Ф. Пашу, эта рукопись должна происходить из значительного центра, который располагал богатой и эклектичной библиотекой. Рукопись не является роскошной, но по крайней мере она выполнена очень тщательно, и текст, который она дает, является в целом весьма удовлетворительным.

М. Форчина идентифицировала некоторые схолии на полях рукописи с почерками Ксифилина⁴⁰ и Максима Плануда⁴¹, что, возможно показывает, что рукопись в XI и XIII вв. находилась в Константинополе.

Между *Vat. gr. 156* и “Эксерптами” существуют отличия. Помимо типичных для “Эксерпт” сокращений или пересказа предшествовавшего текста в начале отрывков в двух случаях засвидетельствовано элиминирование определенных эпизодов в “Эксерптах” о посольствах римлян к варварам, что представляет особый интерес.

³⁷ Franchi de’Cavalieri P. *Codices vaticani graeci*. Roma, 1923.

³⁸ Zosime. *Histoire nouvelle*. P. XC.

³⁹ Forcina M. *Op. cit.* P. 17–25.

⁴⁰ *Ibid.* P. 70–79.

⁴¹ *Ibid.* P. 83–91.

Первый случай – V. 41. Речь идет о том, что римляне, осажденные Аларихом, были должны платить ему дань; в это время в Риме находились некие языческие жрецы из Этрурии, которые ранее спасли город Нарнию благодаря своим молитвам. Епископ Иннокентий разрешил провести языческую религиозную службу, но жрецы заявили, что они должны сделать это публично, что епископ не позволил. Этот эпизод значительно сокращен, и в “Эксерптах” епископ, сделавший вначале уступку язычеству, не упоминается вовсе.

Excerpta de legationibus

Περὶ δὲ ταῦτα οὖσιν αὐτοῖς
Πομπιανὸς ὁ τῆς πόλεως ὑπαρχος
ἐνέτυχέ τισιν ἐκ Τουσκίας εἰς τὴν
Ῥώμην ἀφικομένοις, οἱ πόλιν
ἐλεγόν τινα Νερνίαν ὄνομα τῶν
περιστάντων ἐλευθερωθῆναι
κινδύνων τῇ πρὸς τὸ θεῖον εὐχῇ. καὶ
ἠύχοντο καὶ οἱ Ῥωμαῖοι, ἀλλ’ οὐχὶ
κατὰ τὰ πάτρια, καὶ τοὺς ἀπὸ
Τουσκίας παρήκαν, ἐτράπησαν δὲ
εἰς τὸ θεραπεῦσαι τὸν βάρβαρον
καθ’ ὅσον ἂν οἰοί τε γίνωνται.

Vat. gr. 156

Περὶ δὲ ταῦτα οὖσιν αὐτοῖς
Πομπιανὸς ὁ τῆς πόλεως
ὑπαρχος ἐνέτυχέ τισιν ἐκ
Τουσκίας εἰς τὴν Ῥώμην
ἀφικομένοις, οἱ πόλιν ἐλεγόν τινα
Ναρνίαν ὄνομα τῶν περιστάντων
ἐλευθερῶσαι κινδύνων, καὶ τῇ
πρὸς τὸ θεῖον εὐχῇ καὶ κατὰ τὰ
πάτρια θεραπεία βροντῶν
ἐξαισιῶν καὶ πρηστήρων
ἐπιγενομένων τοὺς ἐπικειμένους
βαρβάρους ἀποδιῶσαι.

Τούτοις διαλεχθεὶς ἐπεισον
ἄσα ἐκ τῶν ἱερατικῶν ὄφελος· ἐπεὶ
δὲ τὴν κρατοῦσαν κατὰ νοῦν
ἐλάμβανε δόξαν, ἀσφαλέστερον
ἐθέλων πράξει τὸ
σπουδαζόμενον ἀνατίθεται πάντα
τῷ τῆς πόλεως ἐπισκόπῳ· ἦν δὲ
Ἰννοκέντιος· ὁ δὲ τὴν τῆς πόλεως
σωτηρίαν ἐμπροσθεν τῆς οἰκείας
ποιησάμενος δόξης λάθρα
ἐφῆκεν ποιεῖν αὐτοῖς ἅπερ ἴσασι.
Ἐπεὶ δὲ οὐκ ἄλλως ἔφασαν τῇ
πόλει τὰ γενόμενα συντελέσειν, εἰ
μὴ δημοσίᾳ τὰ νομιζόμενα
πραχθεῖη, τῆς γερουσίας εἰς τὸ
Καπιτώλιον ἀναβαιούσης,
αὐτόθι τε καὶ ἐν ταῖς τῆς πόλεως
ἀγοραῖς ἄσα προσήκει
πραττούσης, οὐκ ἐθάρρησεν
οὐδεὶς τῆς κατὰ τὸ πάτριον
μετασχεῖν ἀγιστείας, ἀλλὰ τοὺς
μὲν ἀπὸ τῆς Τουσκίας παρήκαν,
ἐτράπησαν δὲ εἰς τὸ θεραπεῦσαι
τὸν βάρβαρον καθ’ ὅσον ἂν οἰοί
τε γίνωνται.

Второй случай относится к тому же самому эпизоду. Речь идет о том, что для выплаты дани римляне должны были переплавить серебряные и золотые статуи богов – покровителей города. Среди них находилась статуя Virtus, и, замечает Зосим, с тех пор доблесть оставила римлян. Этот эпизод также опущен в “Эксцерптах”:

Excerpta de legationibus
τὸ γὰρ ἑλληϊπὸν ἀνεπλήρωσαν ἐκ
τῶν ἀναθημάτων χωνεύσαντες.

Vat. gr. 156

Τὸ γὰρ ἑλληϊπὸν ἀναπληρῶσαι
διὰ τοῦ κόσμου τοῦ περιχειμένου
τοῖς ἀγάμασι ἐγνώσαν, ὅπερ
οὐδὲν ἕτερον ἦν ἢ τὰ τελεταῖς
ἀγίαις καθιδρυθέντα καὶ τοῦ
καθήκοντος κόσμου τυχόντα διὰ
τὸ φυλάξεσθαι τῇ πόλει τὴν
εὐδαιμονίαν αἰδίων, ἐλαττωθείσης
κατὰ τι τῆς τελετῆς ἀψυχα εἶναι
καὶ ἀνερέργητα. Ἐλεῖ δὲ
πανταχόθεν ἔδει τὰ φέροντα πρὸς
ἀπώλειαν τῆς πόλεως συνδραμεῖν,
οὐκ ἀπεκόσμησαν τὰ ἀγάματα
μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐχώνευσάν τινα
τῶν ἐκ χρυσοῦ καὶ ἀργύρου
πεπονημένων, ὧν ἦν καὶ τὸ τῆς
Ἀνδρείας, ἣν καλοῦσι Ῥωμαῖοι
Virtutem: οὐπερ διαφθαρέντος,
ὅσα τῆς ἀνδρείας ἦν καὶ ἀρετῆς
παρὰ Ῥωμαίους ἀπέσβη, τοῦτο
τῶν περὶ τὰ θεῖα καὶ τὰς πατρίους
ἀγιστείας ἐσχολακότων ἐξ ἐκείνου
τοῦ χρόνου προφητευσάντων.

Кроме того, в рукописи “Эксцерпт” отсутствует содержащееся в Vat. gr. 156 определение императора Юлиана как “самодержца” – ...Ἰουλιανοῦ τοῦ αὐτοκράτορος ... (III. 32) – термин, который регулярно применялся для перевода на греческий язык римского титула imperator, но приобрел иную религиозную окраску в византийскую эпоху.

Отрывки, заимствованные из “Истории” Зосима, начинаются с третьей книги. Это можно считать закономерным, поскольку во второй книге содержались выпады против императора Константина Великого, служившего для самого Константина VII моделью⁴².

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на относительную точность передачи самого текста, в некоторых случаях при составлении “Эксцерпт” проводилась цензура религиозно-идеологического характера, заключавшаяся в элиминировании определенных фрагментов текста.

X. Охоа на основании сравнения текстов Евнапия и Зосима пришел к выводу, что составители Excerpta de legationibus и Excerpta de sententiis руководствовались разными интересами: в Excerpta de sententiis вошли откровенно антихристианские выпады Евнапия, в то время как в Excerpta de legationibus мы видим некоторую цензуру в отношении Зосима⁴³. Однако мы не располагаем независимым от “Эксцерпт” и полным текстом Евнапия и поэтому не можем ничего сказать о степени цензурирования “Истории” Евнапия. Кроме того, в Excerpta de legationibus вошли и фрагменты, в которых Евнапий подчеркивает добродетели императора Юлиана, а в Excerpta de sententiis включен упоминавшийся выше антиязыческий пассаж.

В “Эксцерпты” также не вошли некоторые эпизоды с посольствами (кроме посольств не варваров) из третьей книги “Истории” Зосима, с которой начинаются “Эксцерпты”. В частности, отсутствует фрагмент III. 4. В нем идет речь о переговорах Юлиана с аламаннами о выдаче пленных римлян во время кампании 358 г. (στέλλουσι πρέσβεις περὶ φιλίας διαλεξομένους καὶ περὶ τοῦ Ῥωμαίους μηδεπώποτε πολεμήσειν). Юлиан хитростью узнает имена всех пленных римлян и предоставляет варварам список имен. Кроме того, не включен и фрагмент III. 7 – о послах хамавов и Юлиане, у которого в заложниках находился сын их предводителя. Этот эпизод содержится у Евнапия и Петра Патрикия в одних и тех же Excerpta de legationibus. Остается загадкой, почему составители “Эксцерпт” выбрали именно Евнапия и почему “продублировали” его текстом Петра Патрикия, который предлагает, как кажется, иное толкование этого эпизода (требование погибшего сына вождя считается свидетельством нежелания Юлиана заключать мир). Говорит ли этот факт о невнимательности составителей, не сумевших распознать один и тот же эпизод, или о желании включить обе версии?

Наиболее древняя часть Vat. gr. 156 датируется второй половиной X в., а продолжение – XI в., т.е., рукопись была переписана после составления “Эксцерпт”, и, возможно, интерес к Зосиму был вызван именно его включением в “Эксцерпты”, созданные под руководством императора. Можно ли сказать, что включение Зосима в “Эксцерпты” Константина Багрянородного как раз и стало толчком к переписыванию его “Истории” в более позднее время и с Константина можно снять обвинение в том, будто его исторические энциклопедии привели к тому, что многих авторов перестали переписывать, результатом чего стала потеря их сочинений⁴⁴? М. Форчина отметила, что в Vat. gr. 156 нет следов сознательного повреждения рукописи, как считали некоторые исследователи⁴⁵, напротив, видно твердое намерение сохранить текст⁴⁶.

Таким образом, анализ вошедших в “Эксцерпты” фрагментов сочинений позднеантичных языческих историков Евнапия и Зосима выявляет некоторые подходы и приемы составителей исторической энциклопедии. С технической точки зрения – это выписывание по ходу просмотра той или иной “Истории” текстов, отобранных заранее в соответствии с намеченной про-

⁴³ Ochoa José A. Op. cit. P. 136.

⁴⁴ См.: Rambaud A. L'empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. P., 1870. P. 123.

⁴⁵ Kaegi W.E. Zosimus and the Climax of Pagan Historical Apologetics // Kaegi W.E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968. P. 101. N 4; Cavallo G. Il libro come oggetto d'uso nel mondo bizantino // JÖB. 1981. 21/1. S. 402.

⁴⁶ Forcina M. P. 26–27.

⁴² См., например: Schminck A. “In hoc signo vinces” – Aspects du “césaro-papisme” a l'époque de Constantin VII Porphyrogénète // Κωνσταντινος Ζ'... Σ. 103–116.

граммой, отражающей интересы составителей. С практически-политической точки зрения – это поиск текстов, способных служить примером или аргументом в решении внешне- и внутривосточных проблем. С идеологической точки зрения – это использование примеров, относящихся к язычеству с целью сакрализации императора или прославления его добродетелей, но элиминирование или цензурирование текстов, бросающих тень на христианство и на императора Константина Великого.

Тем самым, проязыческая историческая традиция, очищенная от “чуждых” идей, была органически инкорпорирована “Эксерцптами” в качестве средства отражения римской истории, преемником которой выступала Византия.

Д.А. Коробейников

МИХАИЛ VIII ПАЛЕОЛОГ В РУМСКОМ СУЛТАНАТЕ

Интересующий нас эпизод в биографии будущего византийского императора до сих пор исследован слабо. Несмотря на ряд хороших работ, посвященных никейско-сельджукским отношениям, по-прежнему во многом остается непонятным, каким образом византийцы¹ после катастрофы 1204 г. (когда Константинополь был взят рыцарями IV Крестового похода) смогли не только сохранить, но и преумножить свое политическое влияние в Румском султанате. Если посмотреть на развитие отношений между сельджуками и византийцами в Малой Азии с более широкой хронологической перспективы (после битвы при Манцикерте в 1071 г. и до окончательной потери Византией малоазийских владений в 1310 г.), то период 1243–1261 гг.² по степени византийского влияния на Румский султанат мало в чем уступает периоду 1160–1176 гг., когда император Мануил I Комнин (1143–1180) принудил султана Кылыч Арслана II (1156–1192) подписать договор, сделавший султанат союзным Византии государством. Только битва при Мириокефале (1176) прекратила действие этого соглашения.

Таким образом, изучение биографии Михаила Палеолога интересно с обеих точек зрения: как история походов в мусульманском государстве знатного византийца, к тому же потом ставшего императором, и как исследование причин возрастания византийского (никейского) влияния на Сельджукский султанат Рума в эпоху монгольского нашествия.

Часть I: 1256 год

Когда в 1246 году умер султан Гийас ал-Дин Кай-Хосров II, в правление которого султанат подчинился монголам, ему наследовал старший сын Изз ал-Дин Кай-Кавус II. Его единоличное правление длилось всего два года, до 1249 г., после чего ему пришлось делить трон со своим братом, Рукн ал-Дин Клыч Арсланом IV, который получил ярлык на занятие престола от Великого каана Гуюка (1248–1249)³. 1 Раби' I 647 (14 июня 1249 г.) между

¹ Я последовательно называю византийцами подданных никейского императора, чтобы подчеркнуть преемственность Никеи и ее институтов с исчезнувшей Византией, которую именно никейцы и смогли восстановить. Кроме того, если предпочесть термин “никейцы”, то возникают затруднения в определении представителей греческого населения, живших на сельджукских землях Малой Азии. Сельджуки называли их *руми*, т.е. ромеями (византийцами), и в церковном отношении они продолжали подчиняться патриарху Константинополя, временно пребывавшему в Никее. События 1204 г. никак не изменили ни их статус, ни наименование.

² Это время от создания никейско-сельджукского союза против монголов до отвоевания Константинополя, после чего император Михаил VIII Палеолог (1259–1282) окончательно переориентировал восточную политику Византии в Малой Азии на отношения с монгольским государством Ильханов в Иране.

³ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Под ред. А.А. Семенова, А.А. Ромаскевича, И.П. Петрушевского. Т. 2–3. М.; Л., 1946–1960. Т. 2. С. 118, 120, 124; *Rashid al-Din. Jamī' al-Tawārikh* /

двумя братьями произошла битва, в которой Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV потерял поражение и попал в плен к Кай-Кавусу II⁴. Еще до этой битвы, в апреле-мае 1249 г., на переговорах с монгольским посольством весильного временщика, *атабека* (или *атабея*) Джамал ал-Дина Каратая, воспитателя 'Изз ал-Дин Кай-Кавуса II, было достигнуто соглашение⁵, согласно которому султанатом должны были править все три сына покойного султана Кай-Хосрова II: старший, 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II, средний, Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV, и младший, 'Ала ал-Дин Кей-Кубад II. Была провозглашена *хутба* с упоминанием их имен; таким образом, румский престол одновременно заняли три султана⁶.

Это неординарное правление, не имевшее аналогов в сельджукской истории, продолжалось до 1254 г., когда, наконец, 'Ала ал-Дин Кей-Кубад II был отправлен к Батью (1239–1255), хану Золотой Орды, с дипломатической миссией⁷. Два других брата по-прежнему не прекращали соперничества,

Ed. V. Kařimī. Vol. I. Tehrān. 1959. P. 568, 570, 576. (Далее: Rashid al-Din. I, II); Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure (texte persan) / Ed. M.T. Houtsma. Recueil des Textes relatifs à l'histoire des Seldjucides. T. IV. Leiden; Brill, 1902. P. 264–267. (Далее: Ibn Bibi); Duda H. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 252–255. (Далее: Ibn Bibi (Duda)); Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure par une anonyme, texte persan publié par F.N. Uzluk. Ankara, 1952. P. 51 (P. 33–34 тур. пер.). (Далее: Anonyme); Gregorius Bar 'Ebrāyā (Gregorius Barhebraeus). Ktāb d-maktbānut zabnē: Gregorii Barhebraei chronicon syriacum: e codd. mss. emendatum ac punctis vocalibus adnotationibusque locupletatum / Ed. P. Bedjan. P., 1890. P. 481. (Далее: Bar 'Ebrāyā); Gregory Abū'l Faraj, commonly known as Bar Hebraeus. The Chronography / Transl. by E.W. Budge. Vol. I. L., 1931. P. 411. (Далее: Bar Hebraeus (Budge)); *Киракос Гандзакецци*. История Армении / Пер. с древнеарм., предисловие и примеч. Л.А. Ханларян. М., 1976. С. 196; *Kirakos Gandzakei's*. History of the Armenians / Transl. by R. Bedrosian. N.Y., 1986. P. 266 (электронная версия: <http://rbedrosian.com/kg1-12.htm>); Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 155; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye*. Siyāsi Tarih Alp Arslan'dan Osman Gazi'ye (1071–1318). Istanbul, 1971. S. 465; *Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330*. L., 1968. P. 272; *Idem*. The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rūm: Eleventh to Fourteenth Century. Harlow, 2001. P. 178–179 (эта книга является переводом на английский монографии Каэна: *Cahen C. La Turquie Pre-Ottomane [Varia Turcica VII]*. Istanbul; Paris, 1988. Французский вариант, изданный в 1988 (и соответственно его английский перевод, выполненный Холтом в 2001 г.) отличаются от первого издания монографии 1968 г., см.: *Idem*. The Formation of Turkey... P. XI–XIII.

⁴ Ibn Bibi. S. 268–269; Ibn Bibi (Duda). S. 256–257; Bar 'Ebrāyā. P. 482–484; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 412–414 (наиболее подробное изложение событий этой войны). Дата битвы дана в: Anonyme. P. 51 (P. 34 тур. пер.).

⁵ *Terminus post quem* переговоров – 25 марта 1249 г., когда был казнен сахиб Шамс ал-Дин Исфакхани. Anonyme. P. 51 (P. 33 тур. пер.); Ibn Bibi. S. 264–267; Ibn Bibi (Duda). S. 253–255; *Cahen C. The Formation of Turkey... P. 178; Idem*. Pre-Ottoman Turkey... P. 272; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 466*.

⁶ Ibn Bibi. S. 267–268; Ibn Bibi (Duda). S. 255–256; *Kerīmüddin Mahmud Aksarayi*. Mūsameret ül-ahbār. Mogollar zamanında Türkiye selçuklulari tarihi. Mukaddime ve haşiyelerle tashih ve neşreden O. Turan. Ankara, 1944. S. 37. (Далее: Aksarayi); Bar 'Ebrāyā. P. 484; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 414; *Cahen C. The Formation of Turkey... P. 178–179; Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 466–470*.

⁷ По идее, туда должны были ехать все три брата, но смерть Каратая 28 Рамадана 652 г. Х. (11 ноября 1254 г.) спугала все планы. Двое братьев остались в султанате, тогда как 'Ала ал-Дин Кей-Кубад II продолжил путь к монголам. Ibn Bibi. S. 275–277, 292–293; Ibn Bibi (Duda). S. 262–264, 278–279; Aksarayi. S. 38–39; Anonyme. P. 52 (P. 34 тур. пер.); Bar 'Ebrāyā. P. 494; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 422; *Baybars al-Manşūrī al-Dawādār*. Zubdat al-fikra fi ta'rikh al-hijra: History of the Early Mamluk Period / Ed. by D.S. Richards. Beirut, 1998. P. 26–28; *Cahen C. The*

В том же 1254 г. Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV пошел войной на своего старшего брата, но потерял поражение (это произошло до конца 652 г. Х., т.е. до 9 февраля 1255 г.)⁸. 'Изз ал-Дин Кей-Кавус II заточил Рукн ал-Дина в крепости Бургулу (соврем. Улуборлу, виз. Созополь)⁹ или, по другим сведениям, в Бурдуле (соврем. Бурдур, на берегу одноименного озера), в "области уджа"¹⁰. Когда 28 или 29 апреля 1255 г. Вильгельм Рубрук посетил Конью, возвращаясь в Триполи из ставки великого каана, он отметил, что султан Рукн ал-Дин до сих пор содержится в оковах¹¹.

Таким образом, 'Изз ал-Дин Кей-Кавус II вновь стал единоличным главой султаната. Еще при жизни Каратая, т.е. до 11 ноября 1254 г., сельджукское правительство решило отправить посольство, возглавляемое амирдадом Фахр ал-Дином 'Али, к Великому каану Менгу (1251–1259), с жалобой на финансовый произвол в Руме посланцев Байджу, главнокомандующего монгольскими войсками в Азербайджане¹². Эта жалоба была удовлетворена, несмотря на негодование Байджу¹³. Скорее всего, посольство Фахр ал-Дина 'Али вернулось в Рум в конце 1254 – начале 1255 г.¹⁴

Перед молодым султаном встала задача восстановить былые внешнеполитические позиции своего государства, ослабленные длительным соперничеством с его братом. Формально отношения с Великим кааном были

Formation of Turkey... P. 182; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 472; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток... С. 155–156*. Источники не позволяют датировать смерть 'Ала ал-Дина Кей-Кубада II, равно как и установить, умер ли он от болезни или был убит (по тайному приказу своих братьев); несомненно, что он окончил свои дни, направляясь к Великому каану. Возможно, дата его смерти – 1254 г.: в одной из кратких календарных хроник сообщается, что в 652 г. Х. (21 февраля 1254 г. – 9 февраля 1255 г.) умер некий брат султана Рукн ал-Дина. (Istanbul'un fethinden önce yazılmış Tarihî Takvimler. Yay. O. Turan. Ankara. 1954. S. 78–79.) Поскольку двое старших братьев продолжали здравствовать, можно предполагать, что хроника зафиксировала дату смерти младшего брата, султана 'Ала ал-Дина Кей-Кубада II. Ср. *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 490, n. 56*.

⁸ Дата восстания (652 г. Х. (21 февраля 1254 г. – 9 февраля 1255 г.)) отражена в краткой сельджукской хронике в виде даты восшествия на престол, что просто говорит о том, что султан Рукн ал-Дин провозгласил себя единоличным правителем. Tarihî Takvimler. S. 78–79.

⁹ Anonyme. P. 53 (P. 34 тур. пер.); Ibn Bibi. S. 277–283; Ibn Bibi (Duda). S. 264–269; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток... С. 156; *Cahen C. The Formation of Turkey... P. 183*.

¹⁰ Aksarayi. P. 40; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 475*.

¹¹ *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc // Sinica Franciscana. Florence, 1929. Vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. P. 330; *Guillaume de Rubrouck, envoyé de saint Louis*. Voyage dans l'empire Mongol, 1253–1255 / Trad. et comment. de Cl. et R. Kappler. P., 1985. P. 77 (хронология), 244–245.

¹² Ibn Bibi. S. 283; Ibn Bibi (Duda). S. 269; Aksarayi. S. 41.

¹³ Ibn Bibi. S. 283–284; Ibn Bibi (Duda). S. 269–270. Р.М. Шукуров, как и Осман Туран, считает, что посольство было отправлено к Батью, а не к Великому каану Менгу. Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток... С. 156; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 478–479*. Я не согласен с ними: в оригинале полной версии сочинения Ибн Биби назван именно Менгу (cf.: Ibn Bibi (Duda). S. 341, n. 338). Версия Ибн Биби подтверждается Аксарайи, который пишет: "Сахиб Фахр ад-Дин 'Али был в то время (имеется в виду 656 г. Х., 8 января – 28 декабря 1258 г., хотя следует заметить, что хронология у Аксарайи в начале его труда ненадежная. – Д.К.) амир-и дад'ом. Причина в том, что он [возглавлял дипломатическую] миссию к Его Величеству Гуюк-хану, и ездил в составе посольства в ставку (орду) Менгу-хана; у него были ярлыки [обоих] хаканов..." (Aksarayi. S. 41). Клод Каэн также полагает, что посольство Фахр ал-Дина 'Али было отправлено именно к Великому каану, а не к хану Золотой Орды (*Cahen C. The Formation of Turkey... P. 181, 184*).

¹⁴ *Cahen C. The Formation of Turkey... P. 184*.

улажены благодаря посольству Фахр ал-Дина 'Али. Батый, столь властно вмешивавшийся в дела Румского султаната еще в 1254 г., умирает в следующем, 1255 г.¹⁵ Как пишет Ибн Биби (сведения относятся к 1255 – весне 1256 г.), “Султан посвятил себя удовольствиям и наслаждениям молодости”¹⁶. Сахиб кади 'Изз ал-Дин управлял всеми делами (досл.: пребывал на месте правления. – Д.К.), и страна [наслаждалась] миром. Посланники из Багдада (dār al-khilāfat), Мосула, Мардина, Рума (т.е. Никейской империи. – Д.К.), из [земель] франков один за другим постоянно следовали к Его Султанскому Величеству с подношениями и дарами”¹⁷. Из всех этих государств как раз отношения с Никейской империей, которую Ибн Биби продолжает называть Византией (Румом), имели особое значение для молодого султана. В свою очередь, эти особые отношения между Никейской империей и султанатом неожиданным образом сказались на судьбе будущего императора Михаила VIII Палеолога.

Михаил Палеолог, один из наиболее знатных представителей аристократии Никейской империи, родился между 1224 и 1225 гг. Его родителями были великий доместик Андроник Палеолог (ум. в 1247 г.) и Феодора, дочь Алексея Палеолога и Ирины Ангелины, которая, в свою очередь, была старшей дочерью императора Алексея III Ангела (1195–1203)¹⁸. В 1246 г., в возрасте 21 или 22 лет, Михаил Палеолог был назначен правителем македонских городов Мельник и Серры, оказавшись под начальством своего отца¹⁹.

Тот факт, что в его жилах текла императорская кровь, равно как и его рано проявившиеся незаурядные способности политика и воина²⁰, делали Михаила подозрительной фигурой в глазах никейских императоров. Достаточно отметить, что его дважды арестовывали по обвинению в подготовке мятежа: первый раз по приказу императора Иоанна III Ватаца (1221–1254) в конце 1253 г.²¹; второй раз по приказу Феодора II Ласкариса (1254–1258) в

1258 г.²² Любопытно, что после первого ареста Иоанн III потребовал от Михаила Палеолога принести специальную клятву верности императору. После этого, где-то между концом 1253 г. и ноябрем 1254 г. он назначил Михаила на должность великого коноставла, т.е. командующего корпусом латинских наемников на службе Никейской империи²³.

В 1256 г. Михаил Палеолог бежит на территорию Румского султаната. Возможно, Михаил действительно подготавливал мятеж против императора²⁴, так что ему грозило разоблачение, или же его просто оклеветали перед Феодором II²⁵ завистники. Как бы то ни было, в 1256 г. Михаилу Палеологу, управлявшему областями Месофинии и Оптиматов (Μεσοθινίας καὶ Ὀπτιμάτων) на северо-востоке никейско-сельджукского пограничья²⁶, пришло послание от его приверженца (φίλος) Феодора Котиса (Κότις). Котис предупредил Михаила о намерении императора арестовать его²⁷. Михаил решил бежать. Он пересекает реку Сангарий²⁸, и там, в пограничной зоне, его большой обоз был дочиста ограблен турменами (кочевыми тюрками)²⁹. Как пишет Акрополит, “Михаил Комнин, едва избежав их рук и будучи спасен по Божьему промыслу, отправился к правителю персов³⁰, лишенный всего”³¹.

Султан 'Изз ал-Дин с радостью принял беглеца. Он назначил Михаила командующим над теми отрядами сельджукского войска, которые были на-

²² Failler A. Chronologie... P. 16–20.

²³ Acrop. I. P. 134.10–12; Georges Pachymères. Relations historiques / Ed. A. Failler, transl. V. Laurent. Vol. I. P., 1984. P. 37.1–11. (Далее: Pachym. I); Geanacoplos D.J. Emperor Michael Palaeologos... P. 26. Ангольд предполагает, что должность великого коноставла была специально создана императором для Михаила Палеолога. См.: Angold M. A Byzantine Government in Exile. Government and Society Under the Laskarids of Nicaea. Oxford, 1975. P. 187–188.

²⁴ Prinzling G. Ein Mann τυραννίδος ἄξιος. Zur Darstellung der rebellischen Vergangenheit Michels VIII. Palaiologos / Ed. I. Vassiss, G.S. Henrich, D.R. Reinsch. Lesarten. Festschrift für Athanasios Kambylis zum 70. Geburtstag. B.; N.Y., 1998. S. 188–197.

²⁵ Такова версия самого Михаила Палеолога. [Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua / Ed. H. Grégoire // Byzantion. 1959–1960. Т. 29–30. P. 453; Typikon of Michael VIII Palaeologos for the Monastery of St. Demetrios of the Palaiologoi-Kellibara in Constantinople (trans. G. Dennis) / Ed. J. Thomas, A.C. Hero, with assistance of G. Constable. Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founder's Typika and Testaments (электронная версия: <http://www.doaks.org/typ000.html>). 1999. P. 1243; Троицкий И.Г. Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Димитрия. СПб., 1885. С. 25].

²⁶ Pachym. I. P. 43.6–7. Земли, которыми управлял Михаил Палеолог, располагались к северу от Никее до побережья Черного моря.

²⁷ Acrop. I. P. 134.7 – 136.7; Pachym. I. P. 43.6–20; P.L.P. Fasz. 9. 1989. N 21528; Talbot A.-M. Michael VIII Palaeologos // The Oxford Dictionary of Byzantium. II. New York; Oxford, 1991. P. 1367.

²⁸ Pachym. I. P. 43.21–45.1.

²⁹ Acrop. I. P. 136.8–22.

³⁰ Византийские авторы часто называли Румский султанат (который являлся тюркской державой, хотя и под сильным персидским влиянием) “Персией”, а самих тюрков, особенно оседлых, “персами”. См.: Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов в XIII – начале XIV в.: система внешней политики империи // Византизм между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 439–440.

³¹ Acrop. I. P. 136.22–25.

¹⁵ 'Alā al-Dīn 'Atā Malik-i-Juwaynī. The Ta'rikh-i-Jahān-Gushā. Persian text ed. by Mirza Muḥammad Qazwīnī. Vol. 1–3. Leyden; London, 1912–1937. Vol. I. P. 223. (Далее: Juwaynī); 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. Manchester, 1997. P. 268. (Далее: Juvaini (Boyle)). Ср.: Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 25 (1256 г.), 35 (1255 г.), 90, 105 (1256 г.). Арабские источники из мамлюкского Египта единодушно называют 650 г.Х. (14 марта 1252 г. – 2 марта 1253 г.) как дату смерти Батыея. Однако все авторы (ал-Нувайри, ал-Айни, Ибн Халдуна) заимствовали эту ошибочную дату из своего первоисточника – хроники Рукн ал-Дина Бейбарса [Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 96 (С. 121 рус. пер.); С. 129 (С. 150 рус. пер.); С. 366 (С. 378 рус. пер.); С. 477 (С. 505 рус. пер.)]. О зависимости сведений ал-Айни и ал-Нувайри (а через них – и Ибн Халдуна) от Рукн ал-Дина Бейбарса см.: Little D.P. An introduction to Mamlūk Historiography. Wiesbaden, 1970. P. 24–32, 80–87.

¹⁶ Эта склонность султана к любовным наслаждениям отмечена и Бар Эбреем. Bar 'Ebrāyā. P. 494; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 422.

¹⁷ Ibn Bibi. S. 284; Ibn Bibi (Duda). S. 270.

¹⁸ Geanacoplos D.J. Emperor Michael Palaeologos and the West, 1258–1282. A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge, Mass., 1959. P. 17–18.

¹⁹ Ibid. P. 21.

²⁰ Ср.: Georgius Acropolitis Opera / Rec. A. Heisenberg, P. Wirth. Vol. I. Stuttgart, 1978. P. 99.12–18; 100.17–20. (Далее: Acrop. I).

²¹ Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymère // REB. 1980. Т. 38. P. 9–12; Geanacoplos D.J. Emperor Michael Palaeologos... P. 21–24.

браны из христиан³². Именно как командир христианских отрядов сельджукского войска Михаил Палеолог принял участие в битве между султаном и монголами возле Аксары (τὸ Ἄξαρα), т.е. возле современного Аксарая, виз. Архелай³³. Сельджуки потерпели поражение, и Михаил вместе с “великим стратопедархом персидских войск, которого персы называли бейлербеем (πεκλαρλάχις)”, бежит, спасаясь от монголов, на север, в Кастамону, где у бейлербея была οἰκία (этот термин мог обозначать и дом, и поместье, и даже замок)³⁴. Получив клятвенные заверения от императора, что ему не будет причинено никакого вреда (посредником был митрополит Икония³⁵), Михаил Палеолог возвратился из Кастамону в Никею.

Таковы вкратце сведения о пребывании Михаила Палеолога в Румском султанате, которые сообщают два основных греческих источника – Георгий Акрополит и Георгий Пахимер³⁶. Краткое известие Никифора Григоры в целом повторяет информацию Акрополита³⁷. Хотя ни один источник восточного происхождения (арабский, персидский или сирийский) не говорит о пребывании Михаила Палеолога при сельджукском дворе в 1256 г., данные византийских источников заслуживают полного доверия. Они подтверждаются самим Михаилом Палеологом, который на склоне лет написал (или лично отредактировал) два типика для монастырей Архангела Михаила на горе Авксентий возле Халкидона и св. Димитрия в Константинополе, ктитором которых он являлся. В этих типиках император, описывая свой жизненный путь, сообщил и о своем пребывании в Румском султанате: “Итак, покинув родину, то есть, державу Ромеев, я бежал на чужбину. Я вступил на персидскую [землю], претерпевая, так сказать (ὄν εἴλη τις), всевозможные опасности, от которых целиком был избавлен с Божьей [помощью]. Некоторое время я пребывал возле архонта персов, часто предводительствуя не без доблести отрядом [наших] персидских врагов в битве против татар (Ἀταρίοις)”³⁸.

Существует еще один источник, современный пребыванию Михаила Палеолога в Румском султанате. Это письмо священника Никиты Карантина, нотариуса в Палатии (ὁ νομικός τῶν Παλατίων, соврем. Балат, возле Милета³⁹), адресованное игумену монастыря ап. Иоанна Богослова на о-ве Патмос. Поскольку автор не упоминает о возвращении Михаила Палеолога

в Никею, но зато подробно описывает его приключения в Руме вплоть до бегства после битвы с монголами, то более чем вероятно заключение, что письмо было написано во время пребывания Михаила Палеолога в Кастамону⁴⁰. Версия священника Никиты Карантина интересна тем, что она воспроизводит те слухи, которые циркулировали в Никейской империи в 1256 г., когда Михаил Палеолог бежал в Рум. Карантин пишет: “А султан⁴¹, как мы узнали, был побежден татарами и убежал в Калонорос (τὸ Καλὸν ὄρο[ς])⁴². Кир Михаил Палеолог бежал (из Никейской империи. – Д.К.) и пришел к султану, и очутился на войне с татарами. Как рассказывают, его сделали главой ромейского войска (τὸν κεφαλὴν εἰς τὸ ῥωμαϊκὸν τὸ φεσάτ[ον]), и ударил он на врага, и победил его. Увидели это мусульмане, и составили заговор, и часть из них предалась татарам, а часть бежала. Тогда побежал и сам Палеолог, и вошел в [некий] замок (εἰσῆλθ[εν] εἰς κάστρ[ον]), как рассказывают, и укрепил его, чтобы [те] (т.е. татары – Д.К.) не разрушили и его. Однако мы не [смогли] точно разузнать, что же [там] произошло”⁴³.

Письмо Никиты Карантина позволяет определить, что же именно скрывается под неопределенным термином οἰκία у Акрополита: это был замок Кастамону, которым владел сельджукский бейлербей.

Теперь необходимо сопоставить сведения византийских авторов с данными восточных источников. Это поможет не только восстановить детальную хронологию событий, но также объяснить странный разбой в определении того войска, которым командовал Михаил Палеолог на службе у султана: согласно свидетельству самого Палеолога, это были “персидские враги”, согласно Акрополиту – христиане (т.е. латиняне или греки, которые могли быть подданными как султана, так и императора), а согласно Карантину, они были “ромейским войском”. Для полноты картины добавим, что, согласно сообщению Пахимера, отряды под командованием Михаила Палеолога на службе у султана сражались под “имперскими знаменами” (σημαῖα βασιλικαῖ)⁴⁴.

Собственно говоря, главный вопрос состоит в следующем: опирался ли ‘Изз ал-Дин на поддержку византийцев (Никейской империи) против монголов, и если да, то в какой момент это произошло? Каковы были никейско-монгольские отношения до 1256 г. и в самом этом году?

³² Τὸν μὲν Κομνηνὸν Μιχαὴλ εἰς ἡγεμόνα τῶν Χριστιανικῶν στρατευμάτων οἱ Πέρσαι εἶναι διετάξαντο (Ibid. I. P. 137.13–14). Что именно Акрополит подразумевал под “христианским войском”, будет сказано ниже.

³³ Идентификацию см.: Cahen C. The Formation of Turkey... P. 297 (Index).

³⁴ Асгор. I. P. 138.10–16.

³⁵ Pachym. I. P. 45.4–10.

³⁶ Асгор. I. P. 136.8–138.18; 144.20–23; Pachym. I. P. 43.4–45.12.

³⁷ Nicephorus Gregoras. Byzantina historia graece et latine. I. Bonnae, 1829. P. 57.19–60.3 (Далее: Greg. I). Давно отмечено, что первые семь “книг” “Ромейской истории” Никифора Григоры (Greg. I. P. 1–279) в основном воспроизводят сведения Акрополита и Пахимера (Hunger H. Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner. I. München, 1978. P. 459.)

³⁸ Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Тулика. Ч. 1. Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы. Киев, 1895. С. 791; Typikon of Michael VIII Palaiologos τῶν Παλατίων for the Monastery of the Archangel Michael on Mount near Chalcedon (trans. G. Dennis) / Byzantine Monastic Foundation Documents... P. 1231.

³⁹ Νυσταζοπούλου Μ. Γράμμα τοῦ ἱερέως καὶ νομικοῦ Νικηῖτα Καραντηνοῦ πρὸς τὸν ἡγούμενον τῆς ἐν Πάτμῳ Μονῆς Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου // Χαριστήριον εἰς Ἀναστάσιον Κ. Ὁρλάνδου. Ἀθήναι, 1966. Σ. 290–293.

⁴⁰ Ср. с выводом Нистазопулу (она использует иные аргументы), что письмо было написано в ноябре-декабре 1256 г. Ibid. P. 307–308.

⁴¹ Карантин использует просторечную форму ὁ σουρτάνος. Это свидетельствует о том, что полученные им сведения имели устный характер, а не были извлечены из какого-либо письменного документа, составленного в султанате и затем переведенного в Никейской империи.

⁴² Калонорос – греческое название города, который сельджуки переименовали в Алайю после того, как взяли его в 1220 г. [Ibn Bibi. S. 97–102; Ibn Bibi (Duda). S. 104–109]. Кстати, Ибн Биби был знаком с греческим названием этого порта: он воспроизводит его как Kalunürüs (Ibn Bibi. P. 97.18; Ibn Bibi (Duda). S. 105. N b). Письмо неточно передает события: согласно Ибн Биби, в 1256 г., после разгрома татарами, султан бежал в Анталья, а вовсе не в Алайю (Ibn Bibi. P. 287–288; Ibn Bibi (Duda). S. 273–274; Νυσταζοπούλου Μ. Γράμμα... Σ. 288, 300–302).

⁴³ Νυσταζοπούλου Μ. Γράμμα... Σ. 288–289; Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Acta Patriarchatus Constantinopolitani / Ed. F. Miklosich et J. Müller. VI. Vindobonae, 1890. P. 198. Издание Миклошича и Мюллера не воспроизводит полного текста письма.

⁴⁴ Pachym. I. P. 45.2.

Сразу оговорюсь, что восстановление всей картины никейско-монгольских отношений не является целью данной статьи. Существуют три отличные работы, посвященные этой проблеме, в которых всестороннему анализу подвергнуты сведения византийских и латинских источников, а также данные Ибн Биби и Бар Эбрея (в переводах)⁴⁵. Моя задача ограничивается тем, чтобы привлечь данные малоизвестных или недостаточно исследованных восточных источников, в особенности тех, которые могут пролить свет на события 1256 г.

Чтобы понять ту ситуацию, в которой оказался Михаил Палеолог, необходимо рассмотреть предысторию никейско-монгольских и никейско-сельджукских отношений начиная с битвы при Кесе-даге (26 июня 1243 г.), когда монгольское войско под командованием Байджу наголову разгромило армию султана Гийас ал-Дина Кей-Хосрова II (1237–1246). Скорее всего, никейский отряд принял участие в этой злополучной битве на стороне сельджуков, если только те греки в султанском войске, которых упоминает Ибн Биби, были именно никейцами⁴⁶. Более достоверно другое: в конце 1243 г. Кей-Хосров II, бежавший после битвы через Токат⁴⁷ и Анкару⁴⁸ в Конью, а оттуда в Анталю⁴⁹, посылает посольство к Иоанну III Ватацу в надежде на заключение союза против монголов. Оба государя лично встретились в городе Триполи, на реке Меандр⁵⁰. Однако, как пишет Акрополит, после заключения союза “василевс вернулся в Филадельфию, а султан в Иконий (Конью. – Д.К.), где была его столица. Тогда оба они успокоились в отношении войны, ибо войско татар не двинулось в поход, как [у них было в] обычае”⁵¹. Сведения Акрополита о поездке султана к реке Меандр и последующем замиреннии с монголами подтверждаются анонимной хроникой: “Гийас [ад-Дин], убегая [от татар], достиг берега реки Миндирус (منديروس, Mindirüs, виз. Меандр, соврем. Мендерес), чтобы направиться в Истанбул (т.е. в Никейскую империю. – Д.К.), [но] когда пришла новость о мире (султан и его свита) они возвращаются назад, и он пришел в Конью”⁵².

⁴⁵ Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50 годы XIII в.) // ВВ. 1978. Т. 39. С. 93–101; Lippard B.G. The Mongols and Byzantium, 1243–1341. A Ph.D. Dissertation. Ann Arbor, 1984; Langdon J.S. Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids: an Introduction to the Byzantino-Mongolica // Viator. 1998. Vol. 29. P. 95–140.

⁴⁶ Ibn Bibi. P. 239; Ibn Bibi (Duda). S. 227; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 70–71. Но это могли быть также трапезундцы, так как выше Ибн Биби говорит именно о трехтысячном отряде из Трапезундской империи (Ibn Bibi. P. 238; Ibn Bibi (Duda). S. 226; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток... С. 160–161). Присутствие греческих отрядов в сельджукском войске отмечено также Бар Эбреем, но опять-таки без точного определения (в тексте стоит: min yawñāyē – “из греков”), откуда эти отряды пришли (Bar 'Ebrāyā. P. 475; cf.: Bar Hebraeus (Budge). I. P. 406). Симон де Сен-Кантен пишет только о том, что никейский император должен был поставлять 400 копий (Vathachius quoque in. CCC. lanceis eidem serviebat); неизвестно, выполняла ли Никея это соглашение перед битвой при Кесе-даге (Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. P., 1965. P. 70).

⁴⁷ Ibn Bibi. P. 240; Ibn Bibi (Duda). S. 229.

⁴⁸ Bar 'Ebrāyā. P. 475; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 406.

⁴⁹ Anonyme. P. 49 (P. 32 тур. пер.); Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. S. 442.

⁵⁰ Астор. I. P. 68.20–70.12; Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 95.

⁵¹ Астор. I. P. 70.7–11.

⁵² Anonyme. P. 49 (P. 32 тур. пер.).

Действительно, пока султан, оставшись без армии, метался по городам своей державы в ужасе перед монголами⁵³, пытаясь заручиться поддержкой Никейской империи, а возможно, и найти там убежище, его *вазир* Мухаззаб ал-Дин по собственной инициативе двинулся в монгольский лагерь. Он встретился с Байджу возле Эрзурума, а затем отправился в Муганскую долину, где подписал мирный договор с Чормагуном⁵⁴, начальником Байджу. Султанат стал вассалом Монгольской державы и принял обязательство платить дань⁵⁵. Именно это соглашение сделало ненужным никейско-сельджукский союз в 1243 г.

Следует подчеркнуть, что Байджу, de facto начальник монгольского корпуса, дислоцированного в Передней Азии, подчинялся хану Золотой Орды⁵⁶. Именно Батый в 1240-х годах признавался сюзереном государей Рума и Сирии⁵⁷. Соответственно зависимость Румского султаната от Великого каана была оформлена через посредничество золотоордынского хана: в том же 1243 г. или в начале 1244 г. сельджукское посольство, возглавляемое *на'ибом* Шамс ал-Дином ал-Исфахани, отправилось в Золотую Орду и вернулось с ярлыком, провозглашавшим ал-Исфахани полномочным представителем Батыя в Руме⁵⁸.

Когда в 1246 г. султан 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II взшел на престол, он столкнулся с враждебностью Киликийской Армении и Трапезундской империи. Бар Эбрей пишет, что после провозглашения 'Изз ал-Дина султаном “в то время прибыли послы монголов, и они потребовали, чтобы султан 'Изз ал-Дин присоединился в прославлении каана (kān) (т.е. чтобы отправился на коронацию Гуока. – Д.К.). А он извинился [и отказался ехать] из-за греков и армян⁵⁹: поскольку они его враги, то они раздерут [на части] его страну,

⁵³ После битвы Байджу подчинил Сивас и вырезал население Кайсери. Ibn Bibi. P. 241–243; Ibn Bibi (Duda). S. 229–231; Киракос Гандзакец. История Армении. С. 177–178; Kirakos Gandzakets'i. History of the Armenians. P. 245; Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 26, 35, 90, 104; Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. P. 78; Bar 'Ebrāyā. P. 475–476; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 406–407.

⁵⁴ Чормагун начальствовал над монгольским корпусом в Азербайджане начиная с 1231 г. [Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират ас-султана Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М. 1996. С. 256–257; С. 272 перевода на русский]. В 1241 г. Чормагун онемел [Киракос Гандзакец. История Армении. С. 175] или оглох [Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 104] в результате контузии, полученной в сражении, и Байджу стал фактическим командующим монгольским экспедиционным корпусом. Однако в 1243 г. Чормагун формально еще сохранял свой пост.

⁵⁵ Ibn Bibi. P. 243–245, 247; Ibn Bibi (Duda). S. 231–233, 235–236; Anonyme. P. 49 (P. 32 тур. пер.); Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. P. 79–80; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 173.

⁵⁶ Тизенгаузен В. Сборник материалов... С. 133, п. 1 (С. 153–154, п. 2 рус. пер.); С. 476 (С. 504 рус. пер.); Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток... С. 154, п. 109.

⁵⁷ Juwayni. I. P. 222–223; Juwayni (Boyle). P. 267.

⁵⁸ Ibn Bibi. P. 247–249; Ibn Bibi (Duda). S. 236–237; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 174.

⁵⁹ ... b-yawnāyē w-armñāyē. В арабской версии хроники стоит более определенное: “из-за царей греков и армян” (min mulūk al-yūnāniyyūn wa al-ārman). Ghriḡhūrūs Abu al-Faraj. Taḡrikh mukhtaṣar al-duwal. Bayrūt, 1958. P. 256. В отношении армян информация Бар Эбрея отличается точностью. Незадолго до своей смерти султан Гийас ал-Дин Кей-Хосров II вел войну с Киликийской Арменией и осадил Тарс. Согласно Ибн Биби, “таккур” Армении (король Хетум I, 1224–1270) был вынужден отдать крепость Пракана (Brākana) и уплатить дань. [Ibn Bibi. P. 249–250; Ibn Bibi (Duda). S. 237–239. Ср.: Anonyme. P. 50 (P. 32–33 тур. пер.).

если он уедет. Вот почему он послал посредником своего брата Рукн ал-Дина. И он обещал, что он также поедет, [но] в другое время”⁶⁰. Трудно представить, чтобы никейский император, отчетливо осознававший значение Сельджукского султаната как барьера против монголов⁶¹, начал бы своими руками разрушать его. Скорее всего, под “греками” султан имел в виду Трапезундскую империю⁶².

В октябре этого же года, несмотря на сопротивление Батыея, который сделал все для того, чтобы отложить коронацию Великого каана, на престол взошел Гуюк⁶³. Вражда между Великим кааном и ханом Золотой Орды, продолжавшаяся все короткое царствование Гуюка, едва не привела к гражданской войне в Монгольской империи⁶⁴.

Гуюк, ненавидевший Батыея, сделал ряд последовательных шагов, чтобы лишить хана Золотой Орды власти в Передней Азии. Во-первых, он назначил султаном Рума Рукн ал-Дина Кылыч Арслана IV в противовес ставленнику Батыея султану Кей-Кавусу II. Именно с появлением Рукн ал-Дина Кылыч Арслана IV связывает Ибн Биби арест и последующую казнь вазира Шамс ал-Дина ал-Исфахани, представителя Батыея в Руме. Вероятно, ярлык, на основании которого казнили вазира, был выдан не Батыеем, как полагает Каэн, а самим Великим кааном⁶⁵. Во-вторых, Гуюк сместил Байджу с поста

По сообщениям Киракоса Гандзакеци и Смбата Спарапета (который сам был участником этой войны), султанскую армию возглавлял Константин Ламбронати, мятежный родственник короля Хетума (*Киракос Гандзакеци*. История Армении. С. 180; *Kirakos Gandzakets'i*. History of the Armenians. P. 247–250; *Галстян А.Г.* Армянские источники о монголах. С. 47–48). О киликийско-сельджукских взаимоотношениях после битвы при Кесе-Даге см.: *Cahen C.* The Formation of Turkey... P. 175; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток... С. 157–158.

⁶⁰ Bar 'Ebrāyā. P. 480; ср.: Bar Hebraeus (Budge). I. P. 410. “And then the ambassadors of the Mongols came requiring the Sultān 'Izz al-Dīn to come and to pay homage to the Khān. And he excused himself, saying that if he turned aside the Greeks and Armenians who were his enemies would snatch his country from him. Therefore he sent his brother Rūkn al-Dīn as a mediator...”. Ср.: *Ghriḡhūrūs Abū al-Faraj*. Tārīkh mukhtaṣar al-duwal. P. 255–256.

⁶¹ Астор. I. P. 69.9–23; Greg. I. P. 41.10–23; *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток... С. 95, п. 12.

⁶² Ср. с гипотезой Р.М. Шукурова о том, что “понтийские греки пошли по пути киликийских армян” во взаимоотношениях с монголами после битвы при Кесе-даге (Великие Комнины и Восток... С. 163–164).

⁶³ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 118–119; Rashīd al-Dīn. I. P. 567–569; Bar 'Ebrāyā. P. 480–481; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 411; *Allsen T.* The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China. The Organization of the Empire: the Reigns of Ögödei and Güyüg // The Cambridge History of China. Vol. 1–15. Cambridge, 1986–1991. Т. 6: Alien Regimes and Border States, 907–1368. P. 385.

⁶⁴ В конце 1247 – начале 1248 г. Гуюк собрал огромную армию и двинулся на запад. Как показывает направление похода (равно как и данные китайских источников), он шел против Батыея. Только смерть Гуюка, отличавшегося слабым здоровьем, весной 1248 г., спасла Монгольскую империю от междоусобной войны (*Allsen T.* The Rise of the Mongolian Empire ... The Organization of the Empire... P. 388–389).

⁶⁵ Ibn Bibi. P. 264–267; Ibn Bibi (Duda). S. 252–255. Ср.: Bar 'Ebrāyā. P. 482–483; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 412–413. Правда, текст Ибн Биби (причем в обеих версиях – полной и сокращенной) несколько неясен: в нем говорится, что Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV привез вернулся “от Его Величества” (тогда же и был привезен злополучный ярлык) [см.: Ibn Bibi (Duda). S. 253 (a)]. Каэн полагает, что это был Батый (*Cahen C.* The Formation of Turkey... P. 178); я же склонен считать, что это был Гуюк, так как выше говорится, что Рукн ал-Дин должен был отправиться именно к Гуюку [Ibn Bibi (Duda). S. 246 (f.)]. Кроме того, непонятно, зачем Батыею потребовалось казнить одного из своих верных слуг, в то время как подобная акция со стороны Гуюка вполне объяснима: он расправлялся с приверженцами своего врага.

главнокомандующего монгольским корпусом в Передней Азии и назначил на этот пост нойона Илджигидая (вар. Илджидая), причем последний подчинялся уже не Батыею, а непосредственно Великому каану⁶⁶. Любопытно, что Илджигидай получил право сбора налогов в пользу Великого каана на территории Трапезундской империи⁶⁷. Он также должен был арестовать в Арране⁶⁸ заместников Батыея⁶⁹. Источники позволяют установить хронологию этих событий. 24 мая 1247 г. к Байджу прибыло от папы Иннокентия IV (1243–1254) посольство Асцеллина, монаха Доминиканского ордена⁷⁰. Оно прибыло в летней ставке Байджу в Сисиане (castrum Sitiens, к северу от Нахичевана) до 25 июля 1247 г.⁷¹ В ответ Байджу снарядил посольство Айбега и Саргиса (последний был, несомненно, армянином) к папе. Посольство Айбега и Саргиса прибыло к Иннокентию IV летом 1248 г. и прибыло в Риме до 22 ноября 1248 г.⁷², причем, как сообщает Матвей Парижский, татарские послы просили о военном союзе против никейского императора (movere guerram in proximo contra Batthacium generum Fratherici Graecum, scismaticum et Romanae curiae inobedientem)⁷³. Сведения Симона де Сен-Кантена позволяют

⁶⁶ Bar 'Ebrāyā. P. 481; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 411; Juwaynī. I. P. 211–212; Juvaini (Boyle). P. 256–257; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 120: «[Гуюк] препоручил Илджидаяу все то войско [в Иране] и народ; в частности, дела Рума, Грузии, Мосула, Халеба и Диярбакра [вар. “Таквара”, см.: Juvaini (Boyle). P. 257, п. 29] он передал в управление ему с тем, чтобы хакимы тех мест держали бы перед ним ответ за налоги и чтобы никто больше в то [дело] не вмешивался» (Rashīd al-Dīn. I. P. 570). Ср.: *Киракос Гандзакеци*. История Армении. С. 218: “Батый... приказал убить... одного великого начальника по имени Элчи-Гада, получившего в свое время от Гиуг-хана приказ встать вместо Бачу-ноина во главе татарского войска, находившегося на Востоке и в стране армян”. Ср.: *Kirakos Gandzakets'i*. History of the Armenians. P. 294. Командование Илджигидая продолжалось с 1247 по 1251 г. (см. об этом ниже).

⁶⁷ См. предыдущее примеч. В тексте Джувайни [Juvaini (Boyle). P. 257, п. 29] вместо “Диярбакр” стоит “Таквар”. Как показал Липпард, а вслед за ним А. Брайер, “султан Таквар” присутствует на коронации Гуюка, был никто иной как Мануил I Великий Комнин (1238–1263) (*Lippard B.G.* The Mongols and Byzantium... P. 179–180; *Bryer A.* The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // *Res Orientales*. 1994. Vol. IV: Itinéraires d'Orient. Hommages à C. Cahen. P. 257–261). Если это так, то тогда перед нами своеобразное обозначение Трапезундской империи через титул ее государя (“таквар”). Это было замечено Дж. Лангдоном (*Langdon J.S.* Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids... P. 120, п. 140). Об употреблении титула “таквар” (вар. “тагавор”, “текфур”) в отношении трапезундских императоров см.: *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток... С. 48–50.

⁶⁸ Область в Азербайджане, к северу от Карабаха.
⁶⁹ Das Mongolische Weltreich. Al-Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-absār fi mamālik al-amṣār. Mit Paraphrase und Kommentar hrsgb. von K. Lech. Wiesbaden, 1968. S. 15–16 (S. 100–101 нем. пер.); *Тизенгаузен В.* Сборник материалов... С. 223 (С. 244–245 рус. пер.). См. также в подробнейшем комментарии Леха случаи упоминания Илджигидая в других источниках. Das Mongolische Weltreich... S. 222–226.

⁷⁰ *Simon de Saint-Quentin*. Histoire des Tartares. P. 94–95.

⁷¹ Ibid. P. 113, n. 1, 115; *Vincentius Bellovacensis (Vincent de Beauvais)*. Speculum quadruplex sive Speculum majus: naturale, doctrinale, morale, historiale. Duaci, 1624; reprint: Graz, 1965. Vol. IV: Speculum historiale. P. 1303.

⁷² *Simon de Saint-Quentin*. Histoire des Tartares. P. 115, n. 1.

⁷³ *Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani Chronica Majora* / Ed. by H.R. Luard. T. V. L., 1880. P. 37–38; *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток... С. 95. Не приходится сомневаться, что Матвей Парижский говорит именно о посольстве Айбега и Саргиса: совпадает и дата прибытия посольства к папе (лето 1248 г.), и число послов (их было двое).

заклучить, что летом 1247 г. Байджу еще оставался полновластным хозяином в монгольских владениях Армении, Западного Ирана и Азербайджана⁷⁴.

Командование Илджигидая продолжалось со второй половины 1247 г.⁷⁵ до лета 1251 г. Когда Гуюк умер в 1248 г., Батый поспешил расправиться со ставленником своего покойного противника. Воспользовавшись тем, что сыновья Илджигидая приняли участие в заговоре против нового каана Менгу (1251–1259) (который, кстати говоря, занял престол при поддержке Батыя⁷⁶), хан Золотой Орды приказал схватить и казнить Илджигидая (забиванием камней в рот)⁷⁷. Байджу вновь получил командование над монгольскими войсками в Иране⁷⁸. Одновременно Великий каан в том же 1251 г. повелел, чтобы его брат Хулагу правил землями Ирана, Сирии, Египта, Рума и Армении (часть этих земель еще предстояло завоевать)⁷⁹. Теперь Байджу подчинялся, как некогда Илджигидай, не Батыю, а Великому каану. Его задачей было подготовить в Руме продовольствие для армии Хулагу, которая должна была прибыть позднее⁸⁰. Однако все расчеты нарушил Батый. Используя свое влияние, он запретил войскам Хулагу пересекать р. Джейхун (Амударью)⁸¹. Каан не осмелился отменить решение хана Золотой Орды, который обладал старшинством в роду Чингизидов⁸². Хулагу смог выступить в поход только после смерти Батыя в 1255 г., простояв два года (1253 и 1254 гг.), в своей ставке на правом берегу Амударьи⁸³. Именно благодаря этому решению трое султанов спокойно правили в Руме в 1249–1254 гг. под

покровительством Батыя, а затем ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус II еще в течение двух лет в (1254–1256 гг.) пользовался единоличным правлением.

Какими же были никейско-монгольские отношения в течение десяти лет, между началом правления Гуюка (1246) и переправой Хулагу через р. Джейхун (1256), после которой политическая ситуация в Передней Азии кардинально изменилась? Нужно отметить, что император Иоанн III Ватац проявил незаурядный дипломатический талант. Ко времени коронации Гуюка Никейская империя была единственным анатолийским государством, которое не послало посольство в Каракорум⁸⁴. С точки зрения монгольской политической теории, не подчинившееся им государство (а таковым считалось не приславшее посольство с изъявлениями покорности) рассматривалось как враждебное⁸⁵. Однако Иоанн III Ватац смог нейтрализовать действия Гуюка (назначение Рукн ал-Дина Кылыч Арслана IV султаном Рума и посылка посольства к папе Иннокентию IV в 1247–1248 гг.) союзом с султаном ‘Изз ал-Дином Кай-Кавусом II и переговорами с папой относительно унии церквей (которые начались в том же, 1248 г.)⁸⁶. По сообщению Киракоса Гандзакеци, когда Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV и *спаранет* Смба́т, брат короля Киликийской Армении Хетума I, возвращались из поездки в ставку Великого каана⁸⁷ и достигли Эрзинджана, они “услыхали [весть] о том, что брат (это ошибка, нужно: “сын”. – Д.К.) султана Гиятадина, став зятем Ласкариса, ромейского царя в Эфесе, с его помощью сел на султанский престол в Конии”⁸⁸. Хотя Илджигидай дал Рукн ал-Дину двухтысячный отряд конницы, тем не менее Кей-Кавус II, теперь зять Иоанна III Ватаца, смог победить Кылыч Арслана IV в 1249 г.⁸⁹ Последующая скрытая борьба за престол в улусе Великого каана в 1248–1251 гг., равно как и казнь Илджигидая, на время снизили активность иранских монголов в Анатолии. После восшествия на престол Менгу в 1251 г. и назначения Хулагу главой армии, которая должна была покорить остававшиеся вне власти монголов земли в Ираке, Западном Иране и Сирии, именно решение Батыя воспрепятство-

⁷⁴ Ср. с гордой фразой самого Байджу, сохраненной в отчете посольства Асцеллина: “Неужели он (т.е. Папа Римский. – Д.К.) не знает, что каан (chaan) есть сын Божий и Байджу-нойон (Baiothnoy) и Бату (Batho) суть его наместники (principes), и до какой степени их имена повсюду известны и прославляемы?” [Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. P. 95 (ср. P. 93–94); Vincentius Bellocensis (Vincent de Beauvais). Speculum... historiale. P. 1299].

⁷⁵ Единственная его внешнеполитическая акция, имеющая косвенное отношение к моей теме – это отправление посольства к Людовико IX Святому, которое прибыло в Никосию к Рождеству 1248 г. Посольство пробыло на Кипре до 2 февраля 1249 г. Его целью был союз против халифа Багдадского. См.: Crusader Syria in the Thirteenth Century. The Rothelin Continuation of the History of William of Tyre with Part of the Eracles or Acre Text / Trad. by J. Shirley. Aldershot, 1999. P. 68–69; Morgan D. The Mongols. Oxford, 1990. P. 181–182.

⁷⁶ Bar ‘Ebrāyā. P. 487–489; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 416–417; Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire... The Empire at Its Apogee: the Reign of Möngke, 1251–1259. P. 390–393.

⁷⁷ Рашид ал-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 137; Rashīd al-Dīn. I. P. 591; Bar ‘Ebrāyā. P. 489; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 417; Киракос Гандзакеци. История Армении. С. 218; Kirakos Gandzakets’i. History of the Armenians. P. 294.

⁷⁸ Рашид ал-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 22; Рашид ал-Дин. Джами’ ат-Таварих. Т. III. Составитель научно-критического текста на перс. яз. А. Али-заде. Баку, 1957. С. 20; Rashīd al-Dīn. II. P. 684. Это произошло вскоре после коронации Менгу и казни внуков Угэдея (1229–1241), т.е. летом 1251 г. (cf.: Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire... The Empire at Its Apogee...).

⁷⁹ Рашид ал-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 23; Rashīd al-Dīn. II. P. 685–686.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Das Mongolische Weltreich... S. 17 (S. 101–102 нем. пер.); Тизенгаузен В. Сборник материалов... С. 224 (С. 246 рус. пер.); Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 81.

⁸² О старшинстве Бату см.: Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire ... The Empire at Its Apogee... P. 391.

⁸³ Das Mongolische Weltreich... S. 17 (S. 102 нем. пер.); Тизенгаузен В. Сборник материалов... С. 224 (С. 246 рус. пер.). Рашид ал-Дин подтверждает информацию ал-‘Умари. Хулагу прибыл к своим ставкам в феврале 1253 г., но переправился через р. Джейхун только 1 января 1256 г. (Рашид ал-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 24–25; Rashīd al-Dīn. II. P. 687–689).

⁸⁴ Никейское посольство не упомянуто ни в довольно подробном списке посольств и покоренных народов, составленном Плано ди Карпини, ни в перечне присутствовавших на коронации государей у Джувайни [Iohannes de Plano Carpini. Ystoria Mongalorum // Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.). Sinica Franciscana. Vol. I. P. 89–90, 118; Juwaynī. I. P. 205; Juvaini (Boyle). P. 249–250; Рашид ал-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 118–119; Rashīd al-Dīn. I. P. 568].

⁸⁵ Ср.: Iohannes de Plano Carpini. Ystoria Mongalorum. P. 84: “Sciendum quod cum nullis hominibus faciunt pacem nisi subdantur eis, quia, ut dictum est supra, a Chingischan habet mandatum ut cunctas sibi si possunt subiciant nationes” (“Должно знать, что они не заключают мира ни с кем, если [те] не подчиняются им, поскольку, как сказано выше, [владыка монголов] имеет приказ Чингисхана, чтобы они подчинили себе, елико возможно, все народы”).

⁸⁶ Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 95 (там же см. о мерах, предпринимаемых Ватацем в Никейской империи для отражения возможного монгольского нашествия); Langdon J.S. Byzantium’s Initial Encounters with the Chinggisids... P. 122–124.

⁸⁷ Что однозначно датируется 1249 г., см. примеч. 3 и 4 работы; кроме того, сам спаранет Смба́т свидетельствует о дате своего возвращения из поездки в Каракорум (1249–1250) (Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 48, 64–65, 67, 121, п. 139).

⁸⁸ Киракос Гандзакеци. История Армении. С. 196; Kirakos Gandzakets’i. History of the Armenians. P. 266.

⁸⁹ Bar ‘Ebrāyā. P. 482–484; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 412–414. Бар Эбрей не говорит, что именно Илджигидай дал султану это войско, но поскольку в 1249 г. Гуюк был уже в могиле, то ничего не остается, как предположить, что монгольский отряд был дан Илджигидаем по ранее составленному приказу Гуюка.

вать этому походу отодвинуло на некоторое время (до начала 1256 г.) самую главную потенциальную угрозу восточным границам Никейской империи: прибытие огромной армии Хулагу⁹⁰. Для Илджигидая, как и впоследствии для Байджу, располагавших, несомненно, меньшими силами, основным противником было государство исмаилитов и Багдадский халифат⁹¹, а не далекая Никея. Более того, именно в этот период (1251–1256) Никейская империя вступает в дипломатические сношения с Великим кааном.

По сообщению Гийома Рубрука (который прибыл ко двору Менгу 27 декабря 1253 г. и пробыл в Каракоруме до 10 июля 1254 г.⁹²), Великий каан послал одного из своих братьев против исмаилитов, другой же брат должен был вести военные действия против багдадского халифа и против Никейской империи⁹³. По весьма правдоподобному предположению ван ден Вингаерта, издателя критического текста “Итинерария” Рубрука, равно как и Клод и Рене Капшлеров, Рубрук ошибся: вести войну против исмаилитов-“ассасинов”, Багдадского халифата и Никейской империи должен был только один брат Великого каана – Хулагу⁹⁴. Вероятно, именно с целью предложить ультиматум никейскому императору (что монголы часто делали перед началом военной кампании⁹⁵), от Великого каана в конце 1251 г. было отправлено посольство, достигшее Никеи в 1252 г. Богатыми подарками Ватацу удалось склонить посла на свою сторону, и тот порекомендовал отправить ответное посольство, чтобы оттянуть время⁹⁶. Император так и поступил: Рубрук встретил это никейское посольство в Каракоруме накануне приема, данного Великим кааном 4 января 1254 г.⁹⁷ Византийская политическая теория не допускала подчинения империи варварскому государству (такое происходило только в крайних случаях): действительно, Рубрук несколько раз отмечает, что Никейская империя не покорилась монголам⁹⁸. Когда в конце 1254 г. монгольское посольство, направлявшееся вместе с мо-

⁹⁰ См. ниже сведения Рубрука.

⁹¹ Crusader Syria in the Thirteenth Century... P. 68–69; *Raшид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 120; Т. 3. С. 22, 32–33; Rashid al-Din. I. P. 570; II. P. 684, 697–698.

⁹² См. хронологию в: *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol*. P. 74–75.

⁹³ *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.) Itinerarium Willelmi de Rubruc*. P. 287: “unum ex uterinis misit in terram Hasasinorum... alius [frater. – Д.К.] venit versus Persidem et iam ingressus est eam, ingressurus, ut creditur, terram Turkie, et inde missurus exercitus contra Baldac et contra Vastacium”. *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol*. P. 201–202; *Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток...* С. 96.

⁹⁴ *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.) Itinerarium Willelmi de Rubruc*. P. 287, n. 4; *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol*. P. 202, n. 7.

⁹⁵ *Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток...* С. 96.

⁹⁶ *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.) Itinerarium Willelmi de Rubruc*. P. 290; *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol*. P. 204–205.

⁹⁷ *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.) Itinerarium Willelmi de Rubruc*. P. 247; *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol*. P. 160–161. Дата этого приема определяет *terminus ante quem non* предшествующего монгольского посольства в Никею: требовался приблизительно год, если не больше, чтобы из Каракорума добраться до Никеи. Хронология выглядит следующим образом: после назначения Хулагу правителем монгольских земель в Иране и Сирии (вторая половина 1251 г.) Менгу послал посольство в Никею. Оно прибыло к Иоанну III Ватацу приблизительно через год, т.е. в конце 1252 г. Обратное никейское посольство, которое и застал Рубрук, добралось до Каракорума тоже приблизительно через год, т.е. в конце 1253 г.

⁹⁸ *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.) Itinerarium Willelmi de Rubruc*. P. 167, 290; *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol*. P. 85–86, 205.

наком Феодулом к Людовику Святому, королю Франции, остановилось на территории Никейской империи и глава посольства неожиданно умер, преемник Ватаца император Феодор II Ласкарис (1254–1258) отослал его обратно⁹⁹.

Таким образом, императору Иоанну III Ватацу удалось мерами дипломатии отодвинуть монгольскую угрозу и при этом не стать вассальным государем (что и подчеркнул Рубрук¹⁰⁰). Но окончательно решить эту проблему довелось его сыну, императору Феодору II. По иронии судьбы именно бегство Михаила Палеолога в Рум в 1256 г. и его сражение с монголами способствовало избавлению империи от монгольской угрозы.

Теперь следует прежде всего восстановить хронологию событий. Когда император Феодор II вззошел на престол (после 3 ноября 1254 г.), он продолжил политику своего отца, направленную на то, чтобы сохранять “сельджукский барьер” в Малой Азии между Никейской империей и монголами. Его задача облегчалась тем, что после смерти Каратая (11 ноября 1254 г.) в результате междоусобной войны ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус II стал единоличным главой султаната. Ибн Биби упоминает о прибытии посольства Никейской империи, когда Кай-Кавус II победил своего брата (т.е. после 9 февраля 1255 г.). Никейские источники позволяют уточнить число посольств к сельджукам в правление Феодора II Ласкариса: за период с конца 1254 г. по весну 1256 г. их было три.

Первое посольство отправилось сразу после провозглашения Феодора II императором¹⁰¹. Как справедливо полагает П.И. Жаворонков, целью посольства было подтверждение договора, заключенного Иоанном III Ватацем с Кей-Кавусом II еще в 1249 г.¹⁰² Второе никейское посольство было послано в конце 1254 – начале 1255 г., вероятно, с целью поддержать Кей-Кавуса II в борьбе с его братом¹⁰³. Третье посольство было послано весной 1256 г.: Феодор II спрашивался, не беспокоят ли султана монголы. Начиная военную кампанию на Балканах, император предполагал, что султан находится в безопасности¹⁰⁴. Оба государя недооценили близость войска Хулагу.

Переправившись через р. Джейхун 1 января 1256 г., в августе этого же года Хулагу подошел к городу Тус в Хорасане, намереваясь вести войну с государством исмаилитов¹⁰⁵. Тогда же он повелел Байджу оставить Муганскую долину, которую хотел занять сам, и отправиться в Рум. Байджу-ной-

⁹⁹ Рубрук встретил членов этого посольства на обратном пути в Эрзуруме (Arseron), куда он прибыл между 2 и 14 февраля 1255 г. [*Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.) Itinerarium Willelmi de Rubruc*. P. 255–256; *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol*. P. 77 (хронология), 170]. Дата кончины Ватаца – 3 ноября 1254 г. (*Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток...* С. 97). Ср.: *Langdon J.S. Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids...* P. 129–130 (отсылка посольства приписана Ватацу).

¹⁰⁰ *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.) Itinerarium Willelmi de Rubruc*. P. 290: et (Vastacius. – Д.К.) ipsi (Mangu. – Д.К.) misit, et postquam cognovit eos (Mongalos. – Д.К.), parum curavit de eis, nec fecit pacem cum eis, nec adhuc ingressi sunt terram suam. Nec poterunt, dummodo audeat se deffendere.

¹⁰¹ Асorp. I. P. 106.1–2.

¹⁰² *Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток...* С. 97.

¹⁰³ Greg. I. P. 56.4–6; *Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток...* С. 97.

¹⁰⁴ Асorp. I. P. 125.8–13.

¹⁰⁵ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 25, 28; Rashid al-Din. II. P. 689, 692.*

он достиг Арзан ал-Рума (Эрзурум) в августе 1256 г.¹⁰⁶, затем он подошел к Эрзинджану¹⁰⁷. Оттуда он послал письмо султану 'Изз ал-Дину, требуя себе места для зимовки¹⁰⁸. Появление Байджу было неожиданностью¹⁰⁹.

Кай-Кавус II ответил отказом и стал спешно готовиться к войне. Именно в это время, в конце августа, в разгар военных приготовлений, Михаил Палеолог прибыл в Конью. Император узнал о его бегстве в сентябре 1256 г.¹¹⁰ Сражение между сельджуками и войском Байджу, в котором принял участие Михаил Палеолог, состоялось возле местечка Султан-ханы, между Коньей, резиденцией султана, и Аксараем (τὰ Ἀξαρα Ακροπολιταίη), где был разбит монгольский лагерь. Султан потерпел полное поражение¹¹¹. Ибн Биби сообщает *terminus ad quem* этой битвы: незадолго до 23 Рамазана 654 г.Х. (14 октября 1256 г.)¹¹². Это означает, что Михаил Палеолог пребывал в Руме приблизительно полгода, с конца лета 1256 г. по начало 1257 г., когда он вернулся в Никею¹¹⁴. Из этих пяти месяцев как минимум два (ноябрь и декабрь 1256 г.) Михаил провел в Кастамону. Оттуда он послал письма военачальникам (στρατάρχουντες) Вифинии и Месофинии (ведь Кастамону расположено сравнительно недалеко от этих областей), побуждая их содержать в порядке границу. Также он запросил императора о прощении и, как упоминалось, при содействии митрополита Икония вскоре получил его¹¹⁵. За эти два месяца Михаил Палеолог укрепил замок Кастамону, чтобы монголы не смогли его взять¹¹⁶.

Друг Михаила Палеолога, султан 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II тоже бежал, спасаясь от мести Байджу. Султан покинул Конью 14 октября 1256 г. и направился в Анталья, затем – в Ладик (Лаодикию, соврем. Денизли)¹¹⁷. В начале января 1257 г. он прибыл на византийскую территорию, в Сарды, где встретился с Феодором II¹¹⁸.

Здесь мы подходим к тому вопросу, который был поставлен выше: каким войском командовал Михаил Палеолог, находясь на службе у султана? Думаю, уже сама хронология дает ответ на этот вопрос – это “ромейское” войско вряд ли было прислано императором: времени было слишком мало (сентябрь – первая половина октября). Надо полагать, что часть войска в чрезвычайных условиях была набрана среди греков Румского султаната.

Эти “сельджукские” ромеи считались подданными и султана, и императора, что доказывается сохранившейся надписью в одной из церквей в Каппадокии. Ее ктитор Василий упомянул в качестве своих государей султана Мас'уда II (1285–1298; 1303–1304) и императора Андроника II (1282–1328): Μασ'ουδα ΙΙ (1285–1298; 1303–1304) και Ἰμπερατορος Ἀνδρονικοῦ Β' (1282–1328): [Μα]σοῦτη ἐπὶ [ἐπὶ] μὲν πανψηφλοτ[άτου] μεγαλογένους μεγάλου σουλτάνου [Μα]σοῦτη ἐπὶ δὲ Ῥομέων βασιλεύοντος Κυ[ροῦ] Ἀ[νδρονίκου]¹¹⁹. Поэтому священник Никита Карантин назвал войско Палеолога в 1256 г. “ромейским”, а сам Михаил VIII на склоне своих лет – “персидским”: оба обозначения были верны, учитывая двойной статус греческого населения Рума. При этом любопытно, зачем императору потребовалось скрывать тот факт, что “персидское” войско сражалось под имперскими знаменами. Это тем более интересно, что сама идея использовать эти знамена принадлежала Михаилу Палеологу. Пахимер пишет: “На чужбине он (т.е. Михаил Палеолог. – Д.К.) вместе со своими [воинами], построившись [на битву] под имперскими знаменами, отличается [в сражении] против врагов султана, дабы умилоустивить василевса, если где-либо тот услышит [об этом]”¹²⁰. Иными словами, никейско-сельджукский союз против Байджу не был секретом ни для кого, в том числе и для Михаила, который самовольно попытался представить свое войско как никейскую помощь султану в тот момент, когда император просто не успевал прислать какую-либо подмогу Кей-Кавусу II (и еще вопрос, собирался ли делать это?). Услуга оказалась воистину “медвежьей”.

В другом месте Пахимер продолжает: “Над державой царствовал Феодор, когда пришел слух, что к нему из Персиды приехало [монгольское] посольство, и [так как] известие это было истинным, был страх и смятение”¹²¹. Существуют две возможные интерпретации этого пассажа. Первая из них принадлежит М.А. Андреевой, которая датировала посольство концом 1257 – началом 1258 г. Эту датировку принял П.И. Жаворонков¹²². Текст Пахимера неясен: ключевое для датировки слово ἡ ἀρχή можно перевести двояко – как “начало” и как “держава”. Я предпочитаю второе значение (“держава”), что соответственно и отразил в своем переводе. Точно так же понимает это место В. Лоран¹²³. Однако Б. Липпард и Дж. Лэнгдон переводят эту фразу иначе: “В начале царствования Феодора, когда пришел слух, что к нему из Персиды приехало [монгольское] посольство (и известие это было истинным) был страх и смятение”¹²⁴. Соответственно Липпард считает, что Пахимер говорит о по-

¹¹⁹ Thierry N., Thierry M. Nouvelles Églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Dağ. P., 1963. P. 202. Ср.: Bees N. Die Inschriftaufzeichnung des Kodex Sinaiticus graecus 508 (976) und die Marie Spiläotissa Klosterkirche bei Sille (Lykaonien) mit Exkursen zur Geschichte des Seldshukidentürken. B., 1922. S. 7. Надпись содержит ошибки в написании слов.

¹²⁰ Pachym. I. P. 45.1–4.

¹²¹ Pachym. I. P. 187.22–23: Θεοδόρου δὲ τὴν ἀρχὴν βασιλεύσαντος, ἐπεὶ ἐλέγοντο διὰ Περαϊδὸς πρὸς ἐκεῖνον πρεσβεύεσθαι – καὶ ἦν ὁ λόγος ἀληθινός, – φόβος καὶ ταραχὴ ἦν.

¹²² Андреева М.А. Прием татарских послов при никейском дворе // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Seminarium Kondakovianum. Прага, 1926. С. 192; Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 98.

¹²³ Pachym. I. P. 186. См. перевод В. Лорана: Sous le règne de l'empereur Théodore, comme l'on disait qu'ils lui envoyaient à travers la Perse une ambassade – et l'information était vraie – ce fut l'épouvante et le tumulte.

¹²⁴ Lippard B.G. The Mongols and Byzantium... P. 180–185; Langdon J.S. Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids... P. 131–132. Ср.: Андреева М.А. Прием татарских послов... С. 192, n. 3.

¹⁰⁶ Bar 'Ebrāyā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 424; Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 26–27, 35.

¹⁰⁷ Ibn Bibi. P. 284–285; Ibn Bibi (Duda). S. 270–271.

¹⁰⁸ Bar 'Ebrāyā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 424.

¹⁰⁹ Ibn Bibi. P. 284–285; Ibn Bibi (Duda). S. 270–271.

¹¹⁰ Асроп. I. P. 132.30; Failler A. Chronologie... P. 16–17.

¹¹¹ Асроп. I. P. 137.11.

¹¹² Ibn Bibi. P. 286; Ibn Bibi (Duda). S. 272; Aksarayi. S. 41–42; Isiltan F. Die Seltshukengeschichte des Aksarayi. Breslau, 1943. S. 46.

¹¹³ Ibn Bibi. P. 287; Ibn Bibi (Duda). S. 273. Эта дата подтверждается Анонимом с разницей в один день: 24 рамазана 654 г.Х. (15 октября 1256 г.) [Анониме. P. 53 (P. 35 тур. пер.)].

¹¹⁴ Дата его возвращения установлена А. Файе (Failler A. Chronologie... P. 17–18).

¹¹⁵ Асроп. I. P. 135.22; 144.20–23; Greg. I. P. 59.10–14; Pachym. I. P. 45.4–12; Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua. P. 453; Typikon of Michael VIII Palaeologos for the Monastery of St. Demetrios... P. 1243.

¹¹⁶ Νυσταζολοῦλου Μ. Γράμμα... Σ. 289; Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana... P. 198.

¹¹⁷ Ibn Bibi. P. 287–289; Ibn Bibi (Duda). S. 273–274.

¹¹⁸ Асроп. I. P. 143.23–144.15; 294.17–295.12.

сольстве конца 1254 г., которое направлялось к Людовику Святому и которое упоминает Рубрук¹²⁵. Однако текст Рубрука предполагает, что это посольство было принято Иоанном III Ватацем, а не Феодором II¹²⁶. Лэнгдон отметил слабость аргументации Липпарда и предположил, что речь идет о другом монгольском посольстве, которое появилось в конце 1254 г. вслед за посольством упомянутым Рубруком¹²⁷. Действительно, посольство Великого каана, сопровождаемое монахом Феодулом (о нем сообщает только Рубрук), направлялось к королю Франции, в то время как посольство, о котором пишет Пахимер, было отправлено именно к никейскому императору.

Со своей стороны я не вижу никаких причин пересматривать датировку Андреевой. Точка зрения Липпарда и Лэнгдона не может объяснить одного момента: зачем Хулагу потребовалось в 1254 г. посылать посольство в Никейскую империю, когда он сам по воле Батыея топтался на правом берегу Амударьи? Текст Пахимера не оставляет сомнений, что посольство было послано именно Хулагу: именно с него начался долгий переговорный процесс о выдаче замуж за Ильхана византийской деспины¹²⁸. В свое время я полагал, что монгольское посольство прибыло в Никею в 1258 г., когда султан 'Изз ал-Дин вернулся в Конью¹²⁹. Анализ сведений Анонимной хроники на персидском языке и Бар Эбрея вынудили меня изменить свою точку зрения.

Дата возвращения 'Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Конью по Анонимной хронике – 14 Раби' II 655 г.Х. (1 мая 1257 г.)¹³⁰. Таким образом, он пребывал на территории Никейской империи довольно короткий срок – с января по апрель 1257 г. За это время султан успел завязать сношения с монголами. Об этом пишет Бар Эбрей. Насколько мне известно, этот отрывок из его "Хронографии" еще не был прокомментирован. Текст гласит, что после сражения с Байджу и бегства султана (куда именно, Бар Эбрей не уточняет), "'Изз ал-Дин отправил посланника из [места], где он находился, к Хулаку¹³¹.

¹²⁵ Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.). Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 255–256; Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol. P. 77 (хронология), 170; Lippard B.G. The Mongols and Byzantium... P. 184–185.

¹²⁶ Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.). Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 255–256; Sic ergo venit Theodolus usque ad Vastacium, volens transire ad Papam, et decipere Papam et quod deberet nuncios Tartarorum... Ipse vero Moal incurrit infirmitatem et mortuus est ibi. Vastacius vero per famulos ipsius Moal remisit bullam auream ipsi Manguchan, quibus ego obviavi apud Arseron, in introitu Turquie, qui narraverunt michi eventum ipsius Theodoli. Но посольство, очевидно покинуло Никею в правление Феодора II, которого Рубрук называет Ascar (Ibid P. 167, 331; Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l'empire Mongol. P. 85–86, 245. См. также предыдущее примеч.).

¹²⁷ Langdon J.S. Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids... P. 131, n. 206.

¹²⁸ Pachym. I. P. 189.27–29; Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов... С. 442–448.

¹²⁹ Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов... С. 443–444.

¹³⁰ Anonyme. P. 54 (P. 35 тур. пер.); Cahen C. The Formation of Turkey... P. 187 (с поправкой ошибки в переводе Узлука).

¹³¹ Hūlakū (هو لاکو) т.е. Ильхан Хулагу. В переводе Баджа стоит Hūlābū, что основано на сходстве написания в восточносирийском (несторианском) письме букв "к" [כ] и "б" [ב]: כהלכו и בהלכו. В арабской версии воспроизведена правильная форма "Хулаку" – Hūlakū (هو لاکو). Несомненно, Бар Эбрей по-арабски прочел персидское написание

имени Ильхана Хулагу, в котором звук [g] (گ) (в данном случае в имени "Хулагу"

هو لاکو) мог передаваться через арабскую букву "к" [ک] в виде هو لاکو.

И он (т.е. 'Изз ал-Дин. – Д.К.) обвинил [в случившемся] Байджу (Bājdū), говоря, что тот отбирал у него царство и наследие его предков. И Хулагу послал [ему] ярлык (yarlık), то есть [письменный] приказ (puqdānā), [состоящий] в том, чтобы оба брата разделили области [султаната]. И так, когда настал 1568 год [по летосчислению] греков (т.е. 1257 г.), 'Изз ал-Дин объявился¹³² и пришел в Конью (Qūnyā). И Рукн ал-Дин вместе с Байджу [отправился] на зимние стоянки во внутренние области Вифинии (d-Bētōniyā), на берегу моря"¹³³.

Место, в котором находился султан и где он получил ярлык Ильхана, чтобы вернуться обратно, было ничем иным как Никейской империей. Текст Бар Эбрея свидетельствует, что монгольское посольство, чьей задачей было привезти ярлык султану 'Изз ал-Дину, было отправлено именно туда. Принято считать, что разделение султаната между братьями, о чем пишет Бар Эбрей, произошло только после возвращения Кей-Кавуса II в Конью в 1257 г.¹³⁴ Согласно Аксарайи, этот раздел был санкционирован Хулагу после личного визита двух братьев к нему в Табриз 6 августа 1258 г.¹³⁵ На самом деле здесь никакого противоречия нет: чтобы вернуться в Конью, султану нужны были какие-нибудь гарантии безопасности со стороны Ильхана. Но предварительное соглашение начала 1257 г. вступило в силу только тогда, когда султан лично явился к Ильхану.

Я полагаю, что Пахимер и Бар Эбрей сообщают об одном и том же монгольском посольстве. По крайней мере известно, что после свидания с императором султан отправился вместе с ним в Магнисию, где и состоялся, по мнению М.А. Андреевой, прием монгольских послов¹³⁶. Если принять точку зрения, что посольство Хулагу, посланное к Феодору II, имело целью выяснить истинную позицию империи по отношению к бежавшему султану, то эта гипотеза объясняет многие трудные места источников.

Во-первых, становится понятным тот страх, которой посольство вызвало у византийцев. Хотя Никея не послала никакого военного подкрепления Кей-Кавусу II в 1256 г., неуместная инициатива Михаила Палеолога, распорядившегося использовать имперские знамена в битве при Султан-хане,

¹³² Глагол ابداه (etbadaq) может быть переведен как "был восстановлен" (ср. у Баджа: 'was restored'), и как "объявился", см.: Payne-Smith R. A Compendious Syriac Dictionary. Oxford, 1902. P. 35–36. В пользу своего перевода могу сослаться на арабскую версию хроники Бар Эбрея, где этот глагол передан как ظهر (zahara), "появляться, представлять" (см. примеч. 133).

¹³³ Bar 'Ebrāyā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 425. В арабской версии труда Бар Эбрея это место передано сокращенно: «В этом [году] султан 'Изз ал-Дин отправил послов к Хулагу, жалуюсь на Байджу-нойона: что, мол, тот [несправедливо] удалил его из его царства. И повелел Хулагу, чтобы он и брат его Рукн ал-Дин разделили царство между собой. И так, 'Изз ал-Дин явился и пришел в Конью, и удалился Рукн ал-Дин вместе с Байджу в его (т.е. Байджу. – Д.К.) стоянку" (Ghrīghūrūs Abū al-Faraj. Taḥkīh mukhtasār al-duwal. P. 266).

¹³⁴ Cahen C. The Formation of Turkey... P. 187–189.

¹³⁵ Aksarayi. S. 60–62; дату см.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 47–48; Rashīd al-Dīn. II. P. 717.

¹³⁶ Астор. I. P. 295.6–9; Андреева М.А. Прием татарских послов... С. 193.

фактически поставила империю под возможный удар самой сильной в то время армии¹³⁷.

Во-вторых, время прибытия монгольского посольства в Никею не противоречит хронологии хроники Акрополита. Он сообщает как об одновременных событиях о тревоге, охватившей никейцев, когда дошла весть о татарских набегах вблизи никейско-сельджукского пограничья, и о наступлении Михаила Эпирского, который смог в своей кампании против Никейской империи на Балканах дойти до р. Вардар¹³⁸. Между тем эта кампания эпирского деспота датируется весной 1257 г.¹³⁹ Сообщение Акрополита о татарской опасности для никейских границ в это время подтверждается Бар Эбреем, который сообщает, что начало 1257 г. Байджу со своим войском провел в “Вифинии”, на морском берегу¹⁴⁰. Несомненно, в данном случае имеется в виду сельджукская часть Пафлагонии и побережье Черного моря между Синопом (в то время – трапезундское владение) и никейскими земля-

ми, куда, кстати говоря, монголы могли прорваться, лишь подчинив Кастамону, только что покинутую Михаилом Палеологом. Акрополит в сдержанной манере пишет, что монгольская угроза восточной границе Никейской империи существовала постольку, поскольку монголы еще не заключили с Феодором II окончательного мира, не установили прочного согласия¹⁴¹. Надо заметить, что согласно Рашид ал-Дину, в Раби' I 655 г. Х. (19 марта–17 апреля 1257 г.) Байджу был уже в Азербайджане, откуда он явился в Хамадан, чтобы получить личную аудиенцию у Хулагу¹⁴². Монгольская угроза Никейской империи (обусловленная отсутствием мирного договора и поведением Михаила Палеолога в 1256 г.) существовала весьма непродолжительное время: в январе – начале марта 1257 г. Таким образом, хронология Акрополита не противоречит датировке описанного Пахимером монгольского посольства (*terminus ante quem* которого – конец апреля 1257 г., т.е. время возвращения Кей-Кавуса II в султанат). Соответственно с учетом всех этих сведений, я датировал бы монгольскую миссию январем – апрелем 1257 г., когда войска Байджу еще стояли вблизи никейской границы и посольство Хулагу только что прибыло на территорию империи. У Пахимера есть одна деталь, подтверждающая сказанное. Он говорит, что император, получив известие о посольстве, послал гонцов в Персию (т.е. в Румский султанат) с ложным известием о своих приготовлениях к войне, внушая мысль о непобедимости Ромейской державы; причем оговаривалось, что, если бы эти гонцы погибли¹⁴³, то казна брала на себя расходы по содержанию их семей¹⁴⁴. Посольство было “монгольским”; соответственно и предполагаемые военные действия должны были вестись против монголов же; и от них же в первую очередь могли пострадать посланцы. Эта акция кажется бессмысленной, если бы она была предпринята в тот момент, когда войско Байджу уже вернулось в Азербайджан; напротив, действия императора можно расценить как дерзкие и вместе с тем обдуманные, если учесть, что монгольская армия стояла возле никейской границы.

В-третьих, становится понятным, почему Михаил Палеолог постарался скрыть факт самовольного использования имперских знамен в битве против монголов. Монгольская миссия в марте-апреле 1257 г. окончилась полной дипломатической победой императора Феодора II. Он не только на равных разговаривал с монголами (использовав для этого весь богатый арсенал приемов византийской дипломатии¹⁴⁵), он смог также подписать с ними мир,

¹³⁷ Не исключено, что имя Палеолога фигурировало в письме Байджу, отправленное к Великому каану, в котором он рассказывал о событиях 1256 г. Существуют два изложения этого письма: одно принадлежит Ибн Биби, другое – Рукн ал-Дину Бейбарсу. Обе версии базируются на материалах сельджукского посольства к Великому каану, которое возглавлял султан ‘Ала ал-Дин Кей-Кубад II. Когда султан умер (или был убит) в дороге (см. примеч. 7), посольство продолжило свой путь. Письмо Байджу застало его в ставке Великого каана. Вероятно, послы видели оригинал письма, поскольку в тексте Ибн Биби воспроизведен монгольский титул (или прозвище) Байджу как курчи (*qurji*, (قرچی)), т.е. “носящий колчаны”, “телохранитель, оруженосец” [этимологию см.: Шербак А.М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997. С. 143]. Байджу сообщал, что султан поднял мятеж и сразился с ним на равнине возле рибат-и ‘Ала’иййа (караван-сарай султана Ала ал-Дина I). Разгневанный каан повелел, чтобы султаном был Кылыч Арслан IV [Ibn Bibi. P. 293; Ibn Bibi (Duda). S. 279]. Мамлюкский историк Рукн ал-Дин Бейбарс дает другую версию этого послания: Байджу писал, что когда он прибыл в Рум, он был атакован в местечке Мама-хан (Mamā-khān, ماماخان) сельджукским амиром Сарим ал-Дином Комнином (Sārim al-Dīn Kumnānūs, صارم الدين كمنانوس). Далее Рукн ал-Дин

Байбарс, как и Ибн Биби, упоминает ярлык Великого каана, передававший престол султаната Рукн ал-Дину Кылыч Арслану IV. *Baybars al-Mansūri*. *Zubdat al-fikra*. P. 30. Согласно гипотезе Каэна, Сарим ал-Дин Комнин и Михаил Палеолог, которого Акрополит называет Михаилом Комнином, – одно и то же лицо, хотя имя (*лакаб*) “Сарим ал-Дин” несомненно мусульманское (*Cahen C. Une famille byzantine au service des Seljuques d’Asie Mineure // Idem. Turcobyzantina et Oriens Christianus*. L., 1974. N VIII. P. 146, n. 6). Однако Осман Туран предположил, что “Мама-хан” следует читать как “Мама-хатун”, по имени известной правительницы Эрзурума из династии Салтукидов (*Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 490, n. 55*). Мама-хатун правила в 1191 г., ее великолепный мавзолей сохранился в Терджане, к западу от Эрзурума (См.: ‘Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. *Conquête de la Syrie et de la Palestine par Salāh ed-dīn* / Publ. par C. de Landberg. Vol. I. Leide, 1888. P. 405). Именно там, скорее всего, и был атакован Байджу. Но если это так, то вряд ли его противником был Михаил Палеолог, который в это время только что прибыл в Конью. Скорее речь должна идти о потомке загадочного эмира Комнина, упоминаемого Ибн Биби в событиях 1223–1226 гг. [Ibn Bibi. P. 112–115; Ibn Bibi (Duda). S. 117–118, 120–121]. Но если гипотеза Каэна имеет право на существование, то можно представить себе размер опасности для Никеи, когда о Михаиле Палеологе докладывали самому Великому каану Менгу в далеком Карахоруме.

¹³⁸ Астор. I. P. 157.11–19.

¹³⁹ Астор. I. P. 139.23–143.22, 144.24–146.12; Nicol D.M. *The Despotate of Epiros*. Oxford, 1957. P. 161–163.

¹⁴⁰ Bar ‘Ebrāyā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 425.

¹⁴¹ Астор. I. P. 157.13–14.

¹⁴² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 32–33; Rashid al-Dīn. II. P. 697–698.

¹⁴³ Ср. замечание ал-Насави, основанное на его личном опыте: когда монголы осадили крепость Хурандиз в Хорасане, родовое владение ал-Насави, они потребовали дани тканями. Ал-Насави продолжает: “Когда ткани были собраны, никто из крепости не осмеливался отнести их, так как все знали, что они (татары) убивают всякого, кто выполняет их желание. Наконец два дряхлых старика из жителей крепости добровольно согласились на это. Они привели своих детей и завещали заботиться о них и делать им добро, если они оба будут убиты. Это сукно было доставлено проклятому (предводителю татар. – Д.К.); тот принял его, убил обоих стариков и удалился” (пер. З.М. Бунятова) [*ал-Насави*. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны. С. 72 (С. 98–99 рус. пер.)].

¹⁴⁴ Pachym. I. P. 187.24–29.

¹⁴⁵ Андреева М.А. Прием татарских послов... С. 192–200; Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов... С. 442–443.

устраняющий опасность для восточных границ Никеи¹⁴⁶, тем самым исправив оплошность Михаила Палеолога. Ему ли, императору Михаилу VIII, нужно было вспоминать на склоне лет, как человек, сына которого он приказал ослепить, чтобы захватить трон, оказался более искусным политиком и более радевшим о благе империи правителем, чем он сам, узурпатор, всю жизнь доказывавший свои права на престол¹⁴⁷!

Продолжение следует

Я.Н. Любарский

МАНУИЛ I ГЛАЗАМИ КИННАМА И ХОНИАТА

П. Магдалино в своей монографии подробно пишет о том, как Мануил I (1143–1180) изображался многочисленными придворными¹. Материалом же для настоящей статьи послужил образ Мануила у историков XII в. Иоанна Киннама и Никиты Хониата.

Хониат был младше Киннама лет на двадцать и обнародовал свою историю значительно позже Киннама. Вопрос о том, знал ли он труд старшего своего современника, довольно долго дебатировался исследователями, и, согласно мнению А.П. Каждана, занимавшегося этой проблемой с наибольшим тщанием, в главах, посвященных Мануилу, Хониат абсолютно самостоятелен и никак от Киннама не зависит². С этим выводом, несмотря на некоторые оговорки³, можно согласиться, и, таким образом, проблема, подлежащая обсуждению, сводится к тому, как два разных историка независимо один от другого оценивали и изображали едва ли не главного из своих героев – императора Мануила Комнина.

Мануил в “Истории” Киннама – прежде всего воин.

Уже немало писалось о “милитаризации” образа императора у писателей XII в.⁴ Дело, конечно, не только в трансформации императорского идеала в XII в., Мануил и в действительности, подобно всем Комниным, воевал больше и чаще, чем их слабые предшественники после Василия II. Тем не менее характер изображения воинских доблестей Мануила I заслуживает особого внимания. Воинами *par excellence* изображались и дед Мануила Алексей I (у Никифора Вриенния и Анны Комниной), и его отец Иоанн II (у того же Киннама). Однако Мануил у Киннама мало похож на своих предшественников на троне. Чтобы это стало ясным, коротко сопоставим Мануила в “Истории” Киннама с Алексеем в “Алексиаде”⁵. Сразу оговоримся. Все, о чем пойдет речь ниже, относится главным образом к первым четырем книгам сочинения Киннама: в последних частях его истории стиль изображения главного героя несколько меняется, однако об этом сказано будет позднее.

Алексей у Анны – прежде всего предусмотрительный и мудрый правитель, готовый на все ради блага государства. Всевозможные беды и напасти непрерывно обрушиваются на Византию, и роль Алексея всякий раз сводится к тому, чтобы отвести своими мудрыми и осторожными действиями очередную опасность. Эта “установка” Анны проявляется не только в прямых

¹⁴⁶ Мир был тем более важен, что мирные отношения устанавливались именно с Хулагу, в руках которого в то время была реальная власть над всеми монголами Ирана и Передней Азии. Напомню, сношения с Великим кааном не спасли багдадского халифа от мести Хулагу, к которому халиф отнесся с пренебрежением [см.: Juwayni. I. P. 212–213; Juwayni (Boyle). P. 257–258; *Rasih ad-Din*. Сборник летописей. Т. 3. С. 34–45; *Rasih al-Din*. II. P. 699–714].

¹⁴⁷ См. соответствующие места в типаках Михаила VIII, в которых он доказывает свои права на престол (стараясь пореже упоминать Феодора II и совсем не упоминая ослепленного Иоанна IV Ласкариса) и выставляет себя неустанным радетелем за благо Ромейской империи [Дмитриевский А. Описание литургических рукописей... Т. 1. С. 789–792; *Typikon of Michael VIII Palaiologos for the Monastery of the Archangel Michael*... P. 1230–1232; *Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita*. P. 449–455; *Typikon of Michael VIII Palaeologos*... P. 1242–1244; *Троицкий И.Г.* Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Димитрия. С. 22–26].

¹ Magdalino P. *The Empire of Manuel I Komnenos (1143–1180)*. Cambridge, 1993.

² Каждан А.П. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // *BS*. 1963. Vol. 24.

³ См.: Любарский Я.Н. И вновь о Хониате и Киннаме // *АДСВ*. 2002. Вып. 33.

⁴ Kazhdan A., Epstein A. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Century*. Berkley, 1985. P. 110 ff.

⁵ Более подробно эта тема развита в моей статье: *Ljubarskij J.* John Kinnamos as a Writer // *ΠΟΛΥΠΛΕΥΡΟΣ ΝΟΥΣ*. *Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag*. München; Leipzig, 2000. S. 165–173.

декларациях писательницы, но в самой художественной ткани, и прежде всего в композиции “Алексиады”. Сочинение это разделено на “макроэпизоды”, каждый из которых представляет собой рассказ о той или иной беде, которую сумел предотвратить император Алексей. Каждый новый “макроэпизод” повествования нарушает некое относительное равновесие ситуации, при этом инициатором такого “нарушения” всякий раз оказывается оппонент императора, в то время как сам он “нарушенное равновесие” восстанавливает, правда, уже на новом этапе... В этом смысле роль энергичного и предприимчивого Алексея в “Алексиаде” пассивна, в то время как активное начало обычно олицетворено во врагах императора, внешних или внутренних.

Совершенно иначе у Киннама. Мануил – во всяком случае в первых четырех книгах – беспокойный и импульсивный царь, инициирующий события, и каждый новый эпизод, как и в “Алексиаде”, начинается с “нарушения равновесия”, но уже в результате действий самого протагониста – императора. Иными словами, зачином эпизода у Киннама оказывается не сила, действующая извне, а некая акция самого императора, влекущая за собой череду последующих событий, чаще всего военных операций. Завершается эпизод очередным триумфом царя, как и положено, “восстанавливающим равновесие” на новом уровне. Внимательный читатель, безусловно, заметит, что терминология, используемая здесь для характеристики литературного эпизода (“нарушение и восстановление равновесия”), заимствована из современной нарратологии⁶, однако основная наша задача – показать, что у Киннама, как и у Анны, художественная ткань произведения, его композиционное построение тесно связано с характером обрисовки главного героя, а в конечном счете с представлением автора об идеальном поведении идеального императора.

Подобно Алексею у Анны Мануил у Киннама упоминается еще до вступления на престол, он так же, как и его дед, мужественен и отважен, но его храбрость совсем другого рода. Алексей предусмотрителен и мудр, его внук – импульсивен и безогляден. Это лучше всего проявляется в часто цитируемом эпизоде, когда Мануил, участвуя в походе Иоанна I против турок, бросается со своими воинами в гущу врагов и поднимает дух приунывших было ромеев (Cinn. 21.14–22.3)⁷. Отец по видимости недоволен безрассудной удалью сына, но в душе восхищен его геройством. Киннам специально подчеркивает молодость отличившегося Мануила и добавляет, что доблесть не может быть связана с каким-либо возрастом (οὐκ οἷς δε παύταλασιν ἀρετὴ περικυράφεται). Впрочем, на самом деле Мануил, во всяком случае по византийским представлениям, не так уж и молод. По словам Киннама, он не достиг к тому моменту восемнадцати лет (ὀκτωκαιδέκα οὐλω γεγονώς ἔτη), но на самом деле в конце 1139 г., о котором идет речь, его возраст должен был приближаться к двадцати одному году⁸. Видимо, Киннаму очень важно было подчеркнуть молодость героя...

На протяжении всей четвертой книги безоглядная храбрость становится абсолютно доминирующей чертой образа Мануила. Только однажды и ми-

моходом упоминает Киннам о том, что Мануил, как никто другой, был опытен в стратегическом искусстве (Cinn. 43.3–5), во всех других случаях главными, если не единственными достоинствами Мануила-воина, становятся его сила и доблесть. Ключевыми понятиями при изображении императора оказываются αὐτοουρία и αὐτοχειρία, т.е. собственноручные деяния, подвиги императора (Cinn. 47.8; 54.7; 192.3; 198.12). Соратники Мануила нередко пытаются сдержать его дерзкие порывы, но, как правило, оказываются неспособны умерить его боевой пыл (242.1–2). Более того, сам Мануил бывает не в состоянии совладать с собственным воинским духом (116.23) и всегда оказывается первым при необходимости свершить что-либо своими руками и силами: он не дает утонуть судну (221.18 sq), пролагает войску путь во время снежной бури (196.3 sq), переправляется через Дунай в маленькой лодчонке (240.16–20) и так далее. Его вид и само имя наводят страх на врагов и обращают их в бегство. Он кровожаден и убивает одним ударом множество неприятелей (192.3–7). Если враг медлит вступить в сражение, Мануил всячески провоцирует его на битву и сам бросается в гущу недругов (240.17). Его дерзкую храбрость (θράσος) Киннам неоднократно именует “сверхчеловеческой” (99.18; 108.8; 240.4).

В этой связи обращает на себя внимание отступление, которое Анна Комнина делает в последней книге “Алексиады”. Писательница противопоставляет два вида храбрости, которые условно можно обозначить как “разумную” (θάρσος) и “неразумную” (θράσος) и при этом замечает, что “первейшим достоинством полководца является способность побеждать, не навлекая на себя опасность” (Anna. 467.10–18)⁹. Трудно отделаться от впечатления, что Анна, заканчивавшая исторический труд уже при Мануиле, которого она терпеть не могла, не рассуждает здесь абстрактно, а сознательно противопоставляет безрассудную дерзость (θράσος) племянника разумной храбрости (θάρσος) отца. Характерно, что историк, не колеблясь, применяет в отношении своего героя даже слово τόλμη (дерзость), имеющее нередко у византийских авторов негативную коннотацию и часто относимое к варварам, еретикам и т.п. (Cinn. 241.17).

Единственным увлечением Мануила по Киннаму, помимо войны, являлась охота, на которую он отправлялся, как только случалось у него свободное от сражений время (Cinn. 93–8–9; 189.2 sq.). Один “охотничий” эпизод особенно примечателен. Охотясь в районе Даматриса, Мануил встречает фантастическое существо, “смесь льва и леопарда”, чудовищной силы и храбрости. “Спутники императора бросились в бегство, но сам он, выхватив меч, нанес удар по голове зверя” (266.22–267.12). История эта, видимо, была частью “придворного фольклора” о Мануиле, а возможно, даже и имела какую-то реальную основу, во всяком случае ее пересказывает в похожем виде придворный ритор Михаил Анхиал¹⁰.

Вообще стиль изображения Мануила у Киннама и придворных энкомиастов во многом схож: и тот, и другие подчеркивают прежде всего личную отвагу и необыкновенную воинскую доблесть императора. Голос Киннама в

⁶ Todorov Tz. Poétique. P., 1973. Ср.: Ljubarskij J. Quellenforschung and/or Literary Criticism. Narrative Structures in Byzantine Historical Writings // Symbolae Osloenses. 1998. Vol. 73. P. 16 ff.

⁷ Цитируем Киннама по изданию: Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Commentariorum / Ed. A. Meineke. Bonn, 1936.

⁸ Мануил родился в ноябре 1118 г. См.: Barzos K. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Vol. I. Thessaloniki, 1984. Σ. 422.

⁹ “Алексиаду” цитирую по изданию: Annae Comnenae Alexias / Rec. D. Reinsch, A. Kambylis. B., 2001. (CFHB, vol. 40). P. 467.9–16.

¹⁰ Browning S. A New Source in the Byzantine-Hungarian Relations in the Twelfth Century // Balkan Studies. 1968. 2. P. 198.

значительной мере сливается с хором дворцовых льстецов, прославляющих молодого императора, хотя сам историк и спешит от них отмежеваться¹¹. Вместе с тем последние, помимо храбрости, почти никогда не забывают приписать Мануилу все те добродетели, которые уже в Римской империи считались необходимой принадлежностью правителей и входили в обязательный канон, неуклонно соблюдаемый риторам (прежде всего речь идет о необыкновенной мудрости)¹².

Исследователи, занимающиеся византийской литературой, обычно бывают озабочены поисками моделей и клише, которым следуют писатели. Нередко это стремление оказывается вовсе беспредметным, однако в данном случае “модель”, как кажется, налицо. Это Дигенис Акрит, герой эпических песен, а возможно, и эпической поэмы, согласно новейшим исследованиям, имевших хождение в Византии уже в начале XII в.¹³

Попробую привести дополнительные аргументы в защиту мысли об эпическом характере образа Мануила и его зависимости от Дигениса Акрита. Как и полагается эпическому герою, Мануил – обладатель чудовищной силы, огромного роста и могучего телосложения (Cinn. 205.13 sq.). О его сверхчеловеческой храбрости и кровожадности говорилось выше. Свои необыкновенные подвиги – тоже в соответствии с эпическим и даже фольклорным канонами – он начинает совершать еще в детстве: “Уже одиннадцатилетним он нередко собственными руками (ἑρσὶν οἰχέαις) пленял варваров” (99.20–21).

Весьма знаменательно, что проявления доблести Мануила ставятся Киннамом в определенную связь с его отношениями с его молодой женой Бертой-Ириной Зульцбахской. На самом деле женолюбивый и не отличающийся чрезмерным целомудрием Мануил не любил свою немецкую супругу, откровенно ею пренебрегал и даже отправился отдыхать в загородное имение, в то время как Берта-Ирина находилась при смерти во дворце в столице (Cinn. 152.3 sq.). Тем не менее именно Берта-Ирина, по словам Киннама, вдохновляла юного Мануила на подвиги. В 1146 г. император во время экспедиции против Икония желал во что бы то ни стало собственными силами отличиться в бою (αὐτοῦρουῖσαι), причем, как утверждает Киннам, возбуждали в нем это желание его юность и недавняя женитьба (47.6–10). Знаменательно в этой связи, что сама Берта-Ирина, по словам историка, заявила в сенате, что “происходит она из великого и воинственного народа, но никогда не слыхала, чтобы кто-либо, кроме ее мужа, мог похвастаться таким количеством подвигов, совершенных за один год” (99.21–100.3).

¹¹ Этот пассаж “Истории” весьма любопытен. Рассказывая о невероятных подвигах, которые приписывали Мануилу льстивые ораторы, Киннам заключает: “Все эти рассказы казались совершенно неправдоподобными... и поэтому, когда я бывал во дворце и слышал восхваления царских деяний, у меня начинала кружиться голова и я покидал собрание” (Cinn. 192.7–15).

¹² “Манганский Продром”, например, пишет, что юный Мануил был терпелив, мудр и вел себя как новый Соломон в отношениях с крестоносными вождями. Михаил Италик, обращаясь к Мануилу, восклицает: “Ты молод телом, но сед умом” (см.: *Magdalino P. The Empire...* P. 413 ff.).

¹³ С такой датировкой ныне согласно большинство исследователей. Р. Битон пишет даже о возможном влиянии Дигениса на интеллектуальную ситуацию при византийском дворе в XII в. *Beaton R. Epic and Romance in the Twelfth Century // Littlewood A.R. Originality in Byzantine Literature, Art and Music. Oxf., 1995. P. 85.*

Трудно сказать, что больше повлияло здесь на Киннама (или Мануила?): западные идеалы служения даме или преданность супруге эпического Дигениса Акрита.

Не так просто также решить, должна ли речь идти о прямом и непосредственном влиянии византийского эпоса на историографию или об общей “рыцарской атмосфере”, одинаково отразившейся в жизни византийского двора, историческом сочинении Иоанна Киннама и эпической поэме “Дигенис Акрит”.

Первый ответ представляется самым вероятным, тем более, что сопоставление Мануила с Дигенисом, видимо, “носило в воздухе” того времени. Во всяком случае, современник Киннама Птохопродром славит императора Мануила как “нового Акрита” (τὸν νέον τὸν Ἀκρίτην)¹⁴.

Вполне вероятно, что речь должна идти о своеобразном “текстуальном единстве” (textual community), которое представляло собой высшее сословие византийского общества, где циркулировали первые акритские песни, из которых могли переходить в другие жанры и определенные “нарративные модели”. Наличие такого “текстуального единства” констатируется исследователями-медиевистами, например, для рыцарей-крестоносцев XI–XII вв. Причем, как и в нашем случае, вывод этот делается на основании замеченной общности эпических песен и исторических хроник¹⁵.

Как бы то ни было, Мануил у Киннама – воплощение одной стихии, и в этом смысле он стоит ближе к персонажам ранней византийской историографии, нежели героям Михаила Пселла, непосредственным продолжателем которого был Киннам.

* * *

Совершенно иным представлен Мануил Никитой Хониатом. Образ императора наделен у него множеством качеств, разнообразие и даже несовместимость которых подчас кажутся поразительными. С одной стороны, Мануил у Хониата воплощает все возможные телесные и душевные добродетели. Он прекрасен и “излучает прелесть” (ἡδύς) (Chon. 51.75)¹⁶, огромного роста и “героического” облика (222.60). Он беззаветно отважен и дерзок (134.73 sq.; 177.73 sq.), хотя, конечно, и не в такой степени как у Киннама. Мануил всегда готов прийти на помощь своим воинам, которые всей душой преданы ему за это (197. 14 sq.; ср. 206.57 sq.). Мануил не только воинственен и отважен, но прекрасно образован, искусен в риторике и т.п. Список добродетелей Мануила, изображенных Хониатом, можно продолжать долго.

И в тоже время, как это не покажется странным, скептическая, если не сказать негативная, оценка Мануила превалирует в сочинении историка¹⁷.

¹⁴ *Ptochoprodromos (= Neograeca mediae aevi, V). Cologne, 1991. IV. 545.*

¹⁵ См.: *Лучицкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. С.И. Лучицкая ссылается на книгу Б. Стока: Stock B. Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretations in the 11th and 12th Centuries. Princeton, 1983.*

¹⁶ Никиту Хониата цитирую по: *Nicetae Choniatae historia / Rec. van L.A. Dieten. B., 1975. (CFHB, vol. XI/1).*

¹⁷ Ср.: *Magdalino P. Aspects of Twelfth-Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. 58. 2.*

Даже выпренные описания красоты юного Мануила (Chon. 50.69 sq.) оканчиваются ничем иным как предисловием к рассказу о его распущенности (54.67 sq.). Хониат, не колеблясь, рассказывает даже о трусости Мануила (82.43 sq.). Ошибки и несообразности во внешней и внутренней политике Мануила подчеркиваются историком постоянно. Мануил ответственен за губительные действия Иоанна Путцийского (55.21 sq.), безобразно обращается со своими войсками (208.21 sq.), предпочитает иностранцев своим соотечественникам (204.3 sq.), и в то же время коварно обходится с крестоносцами (61.70 sq.; 66.82 sq.). Еще более коварно действует он в отношении турок (179.58 sq.), султан которых ведет себя несравненно более благородно, нежели византийский император. Мануил, по словам Хониата, обращается со своими подданными как тиран и в то же время боится своего соперника Андроника (103.13 sq.). Приверженность Мануила к астрологии шокирует окружающих (95.29) etc., etc.

Восхищение Хониата Мануилом парадоксальным образом соседствует с жесткой его критикой, и обстоятельство это не раз вызывало удивление исследователей, привыкших к однолинейности характеристик у византийских историков. Ф.И. Успенский, посвятивший Хониату специальную монографию (кстати, единственную до настоящего времени), полагает даже это признаком художественной слабости, недостатком таланта писателя¹⁸. Можно, конечно, “писать” эту особенность на счет обычной для средневековой литературы необязательности согласовывать между собой детали образа, однако явление это отмечалось, как правило, у писателей несравненно менее продвинутых, нежели Хониат.

Не пытаясь решить загадку необычной разнородности образа Мануила у Хониата, укажу на одну черту образа императора, одинаково отмечающуюся в его как положительных, так и отрицательных характеристиках и описаниях. Почти во всех случаях Мануил необыкновенно амбициозен и исполнен претензий. Он глубоко убежден в том, что лишь его личное участие может навести страх на врагов и решить исход боя (Chon. 102.83; 133.62 sq.). Мануил постоянно озабочен тем впечатлением, которое производит на окружающих, и старается поразить их своей отвагой, несметным богатством или еще чем-нибудь. Показателен в этом смысле эпизод, когда император раскладывает перед султаном дары, которые намеревается ему преподнести и наслаждается впечатлением, ими производимым (120.90 sq.). Будучи искусным ритором, Мануил любит обсуждать теологические проблемы, но было бы лучше, замечает Никита, если бы Мануил не извращал догмы и был не столь упрям в своих утверждениях (210.72). Историк прямо именуется его αὐτάρεστος (т.е. самодовольным, тщеславным) (80.12), подчеркивает его стремление к славе (κλέος) (127.70), обзывает хвастуном (μεγαλαυχῶν) (179.60) и т.д.

Хониат в своем повествовании о Мануиле приводит множество психологических деталей, которые характеризуют нрав императора много лучше прямых деклараций. Нередко и тут Хониат подчеркивает амбициозность и хвастовство Мануила. Так, потерпев поражение от турок, император отправляет гонцов в Константинополь с сообщением о произошедшем. В письме он сравнивает себя с Романом Диогеном, претерпевшим то же несчастье.

¹⁸ Успенский Ф. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.

что и Роман в битве с турками при Манцикерте. Однако непосредственно после этого император “превозносит мирный договор с султаном, хвастаясь (μεγαλορρημονῶν), что заключил его “под собственным знаменем, которое развевалось на ветру перед строем врагов и наводило на них страх и ужас” (Chon. 191.26 sq.). Мануил не может удержаться от бравады, даже сообщая о собственном поражении...

Амбициозность и бравада во многих частях книг, посвященных этому императору, оказываются лейтмотивом его образа, так что Мануила у Хониата в известном смысле можно определить как тип аладзона, о функционировании которого в византийской литературе я писал в недавней своей статье. Позволю себе повторить ее исходные положения¹⁹. Впервые фигуру *alazon'a*, комически представленную уже в аристофановском театре, как определенный этический тип, характеризует Аристотель в “Этике Никомаху”. Причем *alazon*, как это часто бывает у Аристотеля, определяется через противопоставление другому типу – *iron'u* (от этого имени произошли *ирония* и все множество понятий, с нею связанных). *Eiron* и *alazon* противостоят друг другу и представляют собой две противоположные “дурные” крайности (*eironeia* и *alazoneia*), в середине между которыми расположена “положительная” истина (ἀλήθεια). Оба типа – и *iron* и *alazon* – выдают себя не за тех, кем на самом деле являются, но если *alazon* претендует на обладание свойствами и качествами лучше тех, которыми владеет в реальности, то *iron* представляет себя худшим, чем он есть в действительности (Eth. Nic. 1108a 20 sq.; 1127a 20). При этом, по словам Аристотеля, *iron* как тип несравненно более привлекателен, нежели *alazon* (Eth. Nic. 1127b 14). Упомянутое выше аристотелевское противопоставление *iron* – *alazon*, *eironeia* – *alazoneia* по сути дела является универсальным, особенно в области комического, притом не только в античности. Оппозицию этих двух типов (а то и масок) можно наблюдать как в народных фарсовых представлениях, так и в “высокой” комедии разных народов и разных периодов, начиная с древней аристофановской. *Alazones* разного рода (например, трусы, выдающие себя за сильных храбрецов типа *milites gloriosi* плавтовской комедии, или ученые шарлатаны, притворяющиеся то искусными врачевателями, то астрологами) постоянно противопоставлялись и противопоставляются в комедийном жанре трезвым, “себе на уме” персонажам, скрывающим под маской наивной простоватости здравый смысл, а то и настоящую мудрость, в которых не трудно распознать продолжателей традиций античных *eirones*. *Eiron* и *alazon* весьма часто выступают оппонентами в комических ситуациях, причем комизм образа последнего особенно ярко проявляется при столкновении с первым или когда *alazon* как бы подается через восприятие *iron'a*.

Последнее утверждение весьма важно и предполагает, что *iron* вовсе не обязательно должен присутствовать в произведении в качестве отдельного персонажа: его функции с успехом может выполнить сам автор. В этом случае автор, исполняющий роль “потенциального” *iron'a*, со всей видимой серьезностью относится к своему герою – *alazon'u*, но на самом деле смеется и потешается над ним. Конечно, схема эта представлена в самом общем виде и на практике реализуется весьма разнообразно.

¹⁹ Ljubarskij Ja.N. The Byzantine Irony: The Case of Michael Psellos // Byzantium. State and Society. In Memory of N. Oikonomides. Athens, 2003.

Иными словами, отношения автора и героя могут быть сродни отношениям *alazon'a* и *eiron'a* и имеют в таком случае *иронический* характер. Типом *alazon'a* был в “Хронографии” Михаила Пселла уже упомянутый здесь император Роман Диоген. Именно с ним мы и встречаемся, как кажется, в “Истории” Никиты Хониата. Иронический эффект достигается Никитой Хониатом рядом художественных приемов. Обратим внимание на некоторые из них.

Никита очень любит описывать триумфы, которые Мануил устраивал после своих действительных или мнимых побед. Эти описания весьма знаменательны.

Обращает на себя внимание прежде всего чрезвычайно выпященный характер описаний торжественных процессий, устраиваемых Мануилом при въезде в Константинополь после очередных побед (см., например, описание триумфа 1167 г. – Chon. 157.53–158.81). Эта выпященность особенно явно проступает при сравнении с весьма скромным изображением триумфа Иоанна II Комнина – идеального императора хониатовского сочинения (46.46).

В иных случаях рассказы о триумфах императора имеют откровенно иронический характер. Так Хониат описывает действия Мануила после победоносной войны с сербами в 1150 г. следующим образом: “Он тотчас написал письмо с доброй вестью (ὑράμια εὐάγγελον) жителям города, сообщая им о недавних своих подвигах (κατορθώματα). Вестником же был великий domestik. Вскоре появился и сам родитель сих доблестных деяний (ὁ τῶν ἀνδραγαθημάτων πατήρ); он справил триумф в честь своих свершений, был восславлен народом и всем сенатом и, разомлев от витийства восхвалений (τῶν κρότων ὑψηγορίᾳ διαχυθείς), обратился к конным ристаниям и зрелищам” (Chon. 90.2–91.8).

Обилие в коротком пассаже “высоких” слов в сочетании с явной насмешкой в последнем периоде выдает его иронический оттенок. Еще явственнее это проявляется в рассказе о другом триумфе (после победы над сербами и венграми в 1152 г.). Здесь Никита подчеркивает прежде всего стремление Мануила произвести впечатление на многочисленных зрителей. Мануил обрядил пленников в одежды, много роскошнее тех, что полагались им по чину, дабы зрители решили, что добычей императора стали люди знатные, он “превратил это триумфальное празднество в чудо и вел их не скопом, а разделив на группы, на определенном расстоянии одна от другой, чтобы обмануть зрителей и заставить их поверить, что пленников много больше, чем их было на самом деле” (Chon. 93.63–71).

Торжественная процессия с Килич-Арсланом, которую готовил и хотел с большой помпой устроить Мануил в Константинополе в 1162 г., была, по словам Никиты, сорвана Богом, пославшим в этот день бурю (Chon. 118.38–119.54). Событие это, видимо, воспринималось Мануилом трагически, но должно было казаться забавным читателям Хониата.

Очевидный комический эффект приведенных пассажей создается прежде всего контрастом “возвышенного” тона и лексики и “прозаизмом” содержания (тщеславие Мануила, неудача из-за плохой погоды и т.п.). Этот комический эффект многократно усиливается с помощью обильных цитат из Библии и классических авторов, главным образом Гомера. Утверждение это нетрудно иллюстрировать другими примерами. Хониат начинает описа-

похода Мануила на Египет в 1169 г. следующим образом: “Он любил походы в дальние страны; он слышал о плодоносном Египте, как приносит урожай податель плодов и хлебов Нил, отмеряющий локтями богатство. И положил на море руку свою, а на реки – десницу, дабы острым взором узреть блага, о которых слышал ушами и взять их в руки свои. А внушили ему эти планы и заставили перемахнуть через земли... неуместное тщеславие и стремление соревноваться с царями, чья слава и владения протянулись не от моря до моря, а от восточных пределов до западных столпов...” (Chon. 159.18–160.20). Скептическое отношение Хониата к Мануилу здесь очевидно. Expressis verbis историк говорит о неуместном тщеславии (φιλοδοξία τῆς ἄχαιρος), о его стремлении соревноваться (ἀνθαμιλλᾶσθαι) с прославленными завоевателями древности, о “фантастических планах” (φανταζέσθαι), внушенных ему этими мыслями. Однако о скепсисе Хониата говорит не только его прямое заявление, но и необычайно “возвышенный” и выпященный, даже по византийским меркам, тон всего этого пассажа, находящийся в прямой оппозиции к примитивности побудительных мотивов действий императора (элементарное тщеславие). Выпященный тон рассказа создают прежде всего использование образованных по “гомеровскому” типу *composita* (Нил характеризуется как *καρλοδότης καὶ εὐσταχὺς*), сравнение с мифологической Гидрой, две цитаты из Псалмов и одна из Григория Назианзина (и все это на протяжении только двенадцати строк нового издания!)²⁰.

Другой пример касается завоевания Коринфа Рожером Сицилийским. “Случившееся (т.е. захват Коринфа Рожером) дошло до ушей самодержца Мануила и огорчило его, и он, подобно гомеровскому Зевсу, раздумывал, что предпринять, или как Фемистокл, сын Неокла, все время находился в раздумьях и проводил бессонные ночи, а когда его спрашивали, отвечал, что не сон принес трофей Мильтиаду” (Chon. 76.1–5). Здесь нет прямой насмешки над Мануилом, но две ссылки на Гомера и одна на Плутарха на протяжении всего пяти строк нового издания никак не могут быть предназначены для прославления только что потерпевшего поражение императора.

Указанный прием используется Хониатом достаточно часто при изображении Мануила. Юный император, например, хочет покорить Кефалинию, жители которой отнюдь не торопятся сдаваться. И вот Мануил, “не желая понапрасну без всякой пользы губить дни, как в свое время сделал с быками Гелиоса царь Кефалинии Одиссей, сел на военный корабль и стал осматривать по всей округности остров керкирцев, чтоб решить, где нанести удар, ведь не было у него Оссы, дабы взгромоздить ее, или Афона, чтобы навалить и поставить горы одна на другую и таким образом захватить крепость. Ведь все это истории мифические и неправда” (Chon. 82.60–65). В последнем случае не совсем ясно, имеем мы дело с затаенной иронией или привычным для византийцев выпященным многословием. Первое, конечно, вероятней. Более того, сама эта неясность знаменательна: Хониат не откровенно потешается над Мануилом, а рисует его образ “с ироническим оттенком”, характерным для почерка интеллектуального писателя.

²⁰ Цитаты из Псалмов выделены в издании ван Дитена. Эпитеты Нила, как и почти вся фраза, их содержащая, взяты из речи Григория Назианзина (PG. 36. P. 340.30), где они имеют “отрицательную коннотацию”.

Почти не вызывает сомнений: мы имеем дело в данном случае не с классическим способом использования цитат, свойственным византийской словесности, а, говоря словами М. Алексиу, их “пародийным перекодированием” или в других выражениях явлением, которое Р. Маизано, уже в применении к Хониату, назвал “полной деконтекстуализацией” (*totale decontestualizzazione*) гомеровских цитат²¹.

Помимо лексических Хониат пользуется также синтаксическими средствами для придания образу Мануила иронического оттенка. Так, например, Никита описывает военную экспедицию Мануила против Икония в 1176 г. следующим образом: император отправился в поход, дабы уничтожить персидское племя, захватить Иконий, взять в плен султана и, распластав на земле, топтать ногами его шею... (Chon. 178.8–12). Гротескно громоздя одно на другое четыре *participia futuri* (ἀφανίσων... ἀναρπάσων... ληψόμενος... λατήσων), историк подчеркивает неумеренные претензии честолюбивого императора.

И еще один способ иронического изображения Мануила заслуживает быть отмеченным. Историк вкладывает в уста некоего персонажа хулу на императора, подробно излагает обвинения, которые по видимости отвергает. Прием этот внешне напоминает современную журналистскую практику, когда на первой странице периодического издания крупным шрифтом печатается какой-то скандальный материал, который затем петитом опровергается на последней странице.

В повествование о кампании против турок 1176 г., закончившейся поражением при Мириокефале, Хониат вставляет небольшой эпизод, центральную роль в котором играет Мануил. После битвы испытывающий жажду император просит принести ему воды из реки. Пить однако он отказался, поскольку вода оказалась, по его словам, смешанной с кровью павших христиан. Какой-то не названный по имени оказавшийся рядом воин, охарактеризованный как “муж наглый и дерзкий” (ἀνὴρ ἰταμὸς καὶ θρασύς), без краски стыда заявил (ἀνερευθριάστος ἔφησεν): “Не раз и уже давно напивался ты допьяна кровью подданных, которых мучил и топтал” (Chon. 186.60–63). Эпизод имеет продолжение. Когда турки захватили деньги, которые византийцы везли с собой, и монеты рассыпались по земле, Мануил велел воинам собрать их. В этот момент тот же самый “наглый и дерзкий воин” обрушился с бесстыдной бранью (διελοιδόρειτο ἀναίδῶς) на самодержца: “Ты бы раньше отдал по собственной воле эти деньги ромеям, а не теперь, когда взять их трудно и едва ли возможно без крови. Если ты на самом деле силен как хвастаешься, сразись с турками – похитителями золота и в храбром бою верни захваченное” (Chon. 186.71–75).

Почти не вызывает сомнения: эпизод “выдуман” Хониатом и несет художественные функции. За “наглыми” высказываниями безымянного воина прячется сам автор, не решающийся на прямое обличение и скрывающийся за иронической маской (“ирония – тонкая насмешка, прикрытая внешней учтивостью”)²².

Почти точно такой же прием используется Хониатом и в другом случае. Византийцы, – пишет историк, – смеялись над Мануилом, потому что он из тщеславия горел желанием захвата чужих земель и бросал взгляды на края земли, делал это с горячностью и дерзостью и стремился далеко за пределы того, чем ограничивались прежние императоры, и не жалел на это никаких денег” (Chon. 203.62). Дальше Хониат пытается как-то (весьма маловыразительно!) оправдать императора, но слова осуждения, вернее насмешки (χλευασμοί) уже произнесены. Знаменательно при этом, что некие анонимные византийцы смеются как раз над тем, что и составляет почти всегда предмет иронии самого Никиты: тщеславие (τὸ φίλαυτον).

Возможность воссоздать образ исторического персонажа не по одному источнику – всегда удача историка-византиниста, тем более, если речь идет о писателях такого масштаба, как Хониат и Киннам. Фигура исторического героя, изображенная с разных позиций и различными наблюдателями в этом случае приобретает глубину и объемность.

Анализ образов одного и того же персонажа в двух изображениях важен, однако, и для историка литературы. Хониат и Киннам – почти современники. Однако литературные приемы, ими используемые, весьма различны. Писатель “продвинутого” XII в. Киннам, хотя и не рисует, подобно многим средневековым своим предшественникам, условный, пунктирный образ героя, тем не менее создает своего главного персонажа по определенной модели, в роли которой выступает Дигенис Акрит.

У Хониата уже нет никаких моделей. Подобно Пселлу, хотя и значительно менее удачно, он создает не монолитного, а противоречивого неоднозначного героя и, что самое важное, широко пользуется иронией, приемом “многомерным” по самой своей природе.

²¹ Maisano R. I poemi omerici nell'opera storica di Niceta Coniata // Posthomerica II. Tradizioni omeriche dall'Antichità al Rinascimento / A cura di F. Montanari, S. Pittaluga. Genova, 2000). Рискованную “игру” с библейскими цитатами у Хониата отмечал А.П. Каждан в оставшейся неизданной рукописи “Никита Хониат и его время”.

²² Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 125.

И.В. Нарусевич

ДРАМА И ЭПОС У АННЫ КОМНИНОЙ (РОЛЬ ЦИТАТЫ В "АЛЕКСИАДЕ")

Анну Комнину широко используют как исторический источник. Есть отдельные работы и о методе Анны, способе переработки исторической информации. К числу последних принадлежит и эта статья. Предметом ее являются первые девять глав первой книги "Алексиады", которые представляют собой переложение рассказа Никифора Вриенния, мужа Анны, оставившего незаконченное сочинение "История". Исследуя компилятивные части "Алексиады", можно легче понять метод Анны, ибо мы имеем информацию "на входе" и "на выходе".

Анна начала писать "Алексиаду" в возрасте 55 лет, после того как в результате неудачного заговора и попытки возвести на престол своего мужа Никифора Вриенния она была вынуждена удалиться в монастырь, где и прожила до самой смерти. Из монодии Георгия Торника мы узнаем, что в монастыре вокруг Анны образовался литературно-философский кружок: *λάντας τοίνυν συναγαγούσα λογικῶν ἐπιστημῶν προεξάρχοντας – πολλοὶ δὲ ἦσαν οὗτοι καὶ θαυμαστοί*¹ – "она собрала многих выдающихся ученых, сведущих во всех областях гуманитарных знаний", целью которых было "собирать знание из книг и, в свою очередь, распространять его" (*συνάγειν δὲ γνῶσιν ἐκ τῶν βιβλίων καὶ διασπέρειν αὐτῆς*)². Члены этого кружка занимались чтением и комментированием произведений античных авторов. Так, по свидетельству Торника, ими был выполнен комментарий к "Этике Никомаха"³. Сама Анна была образованнейшей женщиной своего времени: ее называли "тринадцатой музой", сравнивали со знаменитыми женщинами-философами античности Феано, Гиппархией, Ипатией, поэтессой Сапфо. Все византийские авторы свидетельствуют об увлеченности Анны философией и науками⁴. «Вся "Алексиада" написана на своего рода антикварном, искусственном древнегреческом языке "высокого стиля", на котором изъяснялись очень ученые и, видимо, консервативные по своему языковому сознанию авторы»⁵. Можно с достаточной уверенностью предположить, что Анна писала для таких же интеллектуалов, читателей-эрудитов, как она сама, чья высочайшая культура – это не культура рядового византийца, чья литература – это литература кружков, литературной элиты. Только в такой среде оказы-

валось возможным адекватное прочтение "Алексиады". Не удивительно, что сочинение Анны пестрит цитатами, анализ которых и составляет основной предмет статьи.

Цитатами мы считаем не только тексты, зафиксированные в Index locorum Д. Райнша и А. Камбилиса⁶. Не пытаясь определить объем понятия цитаты, отметим, что современной наукой цитата понимается достаточно широко и включает цитаты-имена, аллюзии и реминисценции. Под реминисценцией мы будем понимать употребление фразовой или образной конструкции из античных авторов. Мы особо выделяем цитаты-имена (или литературные имена), хотя иногда они включаются в понятие аллюзии (упоминания какого-либо известного имени собственного, топонима, имени исторического лица, даты).

Единая классификация цитат в настоящее время отсутствует, но обычно по типу введения в текст различают цитаты эксплицированные (явные, открыто отнесенные к первоисточникам) и имплицированные (скрытые). Также различают цитаты точные и неточные. По С. Моравскому, цитаты используются автором 1) для демонстрации познаний, эрудиции автора ("the erudite function"), 2) для апелляции к авторитетам ("the authoritative function"), 3) в случае переосмысления цитат – их реинтерпретации – речь может идти о стимулирующе-расширительной функции ("what might be called a stimulative – amplificatory one"), 4) для украшения текста ("the decorative quotation")⁷. В Принстонской энциклопедии указываются такие функции: 5) апелляции к опыту или знанию читателя, общему с автором произведения, 6) обогащения авторского текста за счет подключения дополнительного значения, связанного с текстом-источником⁸. Также цитаты могут использоваться: 7) для "моделирования" авторского текста по образцу текста-источника, 8) для того, чтобы охарактеризовать персонаж или ситуацию (образно-характерологическая функция), 9) для выполнения функции авторской оценки описываемых героев и событий. Важно отметить, что в каждом отдельном случае цитата может нести не только собственную семантическую нагрузку, но и служить смыслообразующим началом в авторском тексте.

В первых девяти главах 1-й книги "Алексиады" Анна описывает борьбу юного Алексея с претендентами на престол: Руселем (гл. 2–4), Никифором Вриеннием-старшим (гл. 4–6) и Васиlaki (гл. 7–9). Приступая к рассказу о пленении Руселя, Анна отсылает читателя ко 2-й книге "Истории" Никифора Вриенния: *τίνα δὲ τὸν τρίτον εἶλεν ἐκεῖνον, δηλοῖ μὲν καὶ ὁ καΐσαρ ἐν τῇ δευτέρᾳ τῆς κατ' αὐτὸν ἱστορίας βίβλῳ πλατύτερον, δηλώσομεν δὲ καὶ ἡμεῖς, ἐφ' ὅσον εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς ἱστορίαν συνήνεγκεν*⁹ – I, 1, 3, 54–57 ("О том, каким образом Алексей захватил Руселя, подробно рассказывает кесарь во 2-й книге своей "Истории", я же затрону эти события лишь в той мере, в какой необходимо для моего повествования"). О Руселе Никифор Вриенний

⁶ Индекс источников к изданию текста "Алексиады" подготовлен проф. Д. Райншем (Берлин) и А. Камбилисом (Гамбург): *Annae Comnenae Alexias / Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Pt. II. Indices // CFHB. Vol. XL/2. Berolini; Novi Eboraci, MMI.*

⁷ *Morawski S. The Basic Functions of Quotation // Sign. Language. Culture. The Hague; Paris; Mouton; 1970. P. 693–694.*

⁸ *Preminger A. Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, 1996. P. 39.*

⁹ Текст "Алексиады" приводится по изданию: *Annae Comnenae Alexias / Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis // Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. XL/1. Berolini; Novi Eboraci, MMI.*

¹ *Georges Tornikès. Éloge d'Anne Comnène // Georges et Dèmétrios Tornikès. Lettres et discours / Ed. par Jean Darrouzès. P., 1970. P. 281. Перевод наш.*

² *Ibid. P. 281.*

³ *Ibid. P. 283.*

⁴ Об этом: *Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греческого Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 18–19.*

⁵ Там же. С. 691.

уже рассказал (δηλοῖ μὲν καὶ ὁ καῖσαρ), но Анна собирается представить свою версию этих событий (δηλώσομεν δὲ καὶ ἡμεῖς). Поскольку “сюжетно-го интереса”¹⁰ в этом случае у читателя быть не может, остается предположить, что Анна возвращается к уже описанным событиям, желая дать им иную интерпретацию. С одной стороны, есть история “по Никифору Вриеннию” (ἡ κατ’ αὐτὸν ἱστορία), с другой стороны – история “по Анне” (ἡ κατ’ ἡμᾶς ἱστορία). Диалог Анны и Никифора Вриенния начинается с противопоставления (μὲν – δὲ), т.е. собственно говоря, со скрытой полемики.

Во 2-й книге, на которую ссылается Анна, Никифор Вриенний рассказывает о том, что Алексей выступает в поход против Руселя, не получив от императора Михаила ни денег, ни достаточного количества солдат, но тем не менее “сколько раз ни нападал на него (букв.: на них, т.е. неприятелей), всякий раз побеждал”¹¹ (πολλάκις μὲν αὐτοῖς προσβαλὼν, τοσαυτάκις δ’ ἠττήσας – II, 20, 10–11). Причину таких необыкновенных успехов Алексея Никифор Вриенний видит в промысле Божьем, “ибо божественному провидению было угодно, чтобы наконец открылась и его доблесть” (τῆς θείας προνοίας ἤδη βουλομένης ἐμφανῆ γενέσθαι τὴν αὐτοῦ ἀρετὴν – II, 19, 17–18). В истории “κατ’ Ἀνναν” содержится принципиально иной ответ на вопрос, почему именно юный Алексей быстро одержал победу над Руселем, хотя на борьбу с ним были посланы многие полководцы, “умудренные большим воинским опытом и прославившиеся мужеством” (πολλῶν δὲ πιστευθέντων τὸν μετ’ αὐτοῦ πόλεμον ἐπ’ ἀνδρεία διαβεβοημένων καὶ πεῖραν εἰσενεγκαμένων πλείστην πολέμου καὶ μάχης – I, 1, 2, 33–34). Анна прямо заявляет, что только личные качества Алексея помогают ему одерживать победы: ἦν γὰρ καὶ ὄξυς φώρασαι τὸ ξυμφέρον καὶ ὀξύτερος καταπράξασθαι – I, 1, 3, 53–54 (“Ведь он быстро соображал, что ему нужно делать, и еще быстрее осуществлял задуманное”). Алексей – яркая (ὄξυς) личность, и он точно знает, что ему нужно (τὸ ξυμφέρον). Он прежде всего человек действия: глагол φώρασαι означает “отыскивать, находить”, καταπράξασθαι – глагол с семантикой “достижения цели”. Имплицитно здесь содержится оценка всей деятельности Алексея, вернее, причин его многочисленных побед, и его главной победы – достижения императорской власти. Оба историка отмечают, что Алексей одерживает свои замечательные победы в очень юном возрасте: μήλω τὸν ἰουλον ἐλανθοῦντα φέρων, ἀλλὰ τὰ τῆς στρατηγικῆς ἀρετῆς ὑπεδείκνυ καὶ πρὸ τῆς τελειότητος μᾶλλον ἢ περὶ φασίν... τὸν Σηπτιῶνα, ὀληνίκα ξυνείλετο τῷ Αἰμυλίῳ κατὰ τοῦ Μακεδόνοιο στρατηγοῦντι Перσεῶος – N. Vg. II, 3, 9–13 (“... тогда у него не было еще и пуха на подбородке, но и до совершеннолетия он показывал больше полководческих доблестей, чем... Сципион, когда он сопровождал Эмилия на войне, которую тот вел с македонянином Персеем”). Анна, идеальная читательница, не могла не отметить лестного для Алексея сравнения со Сципионом. Древняя Греция знала многих великих полководцев, и из этого арсенала ученая Анна вполне могла бы подобрать свои сравнения. Как мы увидим дальше, она никогда не заимствует у Никифора Вриенния яр-

ких деталей описаний, цитат, авторских сравнений и метафор. Зачем Анне понадобилось использовать сравнение Алексея со Сципионом, т.е. цитировать Никифора Вриенния? Она пишет: ἀλλὰ γὰρ διὰ τὸ πάνυ φιλόπονον τοῦ ἀνδρός καὶ πανταχόθεν ἐγρηγορός εἰς ἄκρον ἐληλυθέναι στρατηγικῆς ἐμπειρίας... οἷος Αἰμίλιος ἐκεῖνος ὁ Ῥωμαῖος, ὀλοῖος ὁ Σηπτιῶν, οἷος Ἀννίβας ὁ Καρχηδόnius – I, 1, 3, 47–50 (“Ведь благодаря большому трудолюбию и живому уму он достиг вершин военного искусства, сравнившись с такими людьми, как знаменитый римлянин Эмилий Сципион и карфагенянин Ганнибал”).

Перед нами разновидность так называемой “диалогической цитации”. Этот термин относится “к случаям использования реплик собеседника (или его фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях”¹². Реплики диалога Анны и Никифора Вриенния скреплены общим тезисом (сравнение со Сципионом), но различаются доводами, которыми обосновывается каждая точка зрения. Собственно, Никифор Вриенний не дает никакого обоснования для сравнения Алексея со Сципионом, что и вызывает “протест” Анны. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, диалогическая цитация выражает реакцию автора (в нашем случае Анны) на реплику собеседника (Никифора Вриенния) и прямо связана с диалогическими модальностями – согласием и несогласием (унисон и диссонанс), а также различной “диалогической тактикой”¹³. Причину успехов Алексея она видит в опоре на самого себя, на собственные силы. Анна вновь подчеркивает энергичный, деятельный характер Алексея: τὸ φιλόπονον означает “усиленная работа над чем-либо” (однокоренной глагол φιλόπονον соответственно – “усиленно работать”), ἐγρηγορός – part. pf. act. от глагола ἐγείρω, в перфекте означющего “бодрствовать, быть бдительным”.

Вслед за Никифором Вриеннием Анна неоднократно говорит о молодости Алексея, назначенного автократором. Во 2-й книге “Алексиады” она почти дословно цитирует Никифора Вриенния: τὸν γὰρ Ἀλέξιον, κἂν οὖλο τὸν ἰουλον ἐλανθοῦντα εἶχεν... ὁ βασιλεὺς στρατηγὸν αὐτοκράτορα... ἀναδείκνυσι – II, 1, 3, 23–24 (“Хотя подбородок Алексея еще не покрылся первым пухом... император... назначает его стратигом-автократором”). Говоря о том же самом в 1-й книге, она украшает свой текст цитатой из Гомера: νεώτατος γὰρ ἦν καὶ ἄρτι πρῶτος ὑπληνῆτης, ὁ φασί – I, 1, 3, 50–51 («А ведь Алексей был очень молодой и, как говорится, “первой бородой опушенный”»)¹⁴. Цитата из Гомера неточная. Выражение встречается у Гомера дважды. В Od. X, 397 так говорится о Гермесе, который принял перед Одиссеем облик прекрасного юноши “с первым пушком на щеках” (ὑπληνῆτης букв. означает “бородатый” от ὑπλήνη – “борода” или “верхняя губа”). В II. XXIV, 348 – также о Гермесе, меняющем облик по приказанию Зевса, чтобы он мог сопроводить Приама в стан ахейцев.

Первое упоминание о молодости Алексея осуществляется через маркированную цитату из Гомера. Таким образом, начинается осуществляться эпическая кодировка образа Алексея. В историю, написанную Анной, юный Алексей входит как эпический герой.

¹⁰ Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 475.

¹¹ Текст “Истории” Никифора Вриенния мы приводим по изданию: Nicéphore Bryennios Histoire / Ed. par P. Gautier. Bruxelles, 1975. Русский перевод соответствующих мест выполнен нами. При работе над текстом Никифора Вриенния мы учитывали перевод издания: Никифор Вриенний. Исторические записки (976–1087). М., 1997.

¹² Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 19867 № 1. С. 50.

¹³ Ibid.

¹⁴ Мы приводим стихотворные переводы “Илиады” Н.И. Гнедича.

Первые сведения о противостоянии Алексея и Руселя, которые мы узнаем от Анны, – это сведения о том, что Алексею потребовалось немного дней, чтобы захватить его, “подобно безудержному потоку, нахлынувшего на ромейские земли” (τὸν πλὴν κατὰ τῶν Ῥωμαίων ῥέοντα – I, 1, 3, 52). Сравнение представляет собой неточную цитату из трагедии Эсхила “Семьро против Фив”: ῥεῖ πλὴν ὄδε λεῶς πρόδρομος ἰπλότας Aesch. Sept. 80 (букв.: Вот конное войско стремительно движется вперед). Так говорят в прологе объятые ужасом фиванские женщины, составляющие хор трагедии, видя, как войско Полиника идет осаждать город. Не называя источник цитаты, Анна рассчитывает на определенный читательский тезаурус, на то, что внимательный, эрудированный читатель догадается о происхождении этого сравнения и оценит ее ученость (“the erudite function”). Можно полагать, что имплицитность цитаты в данном случае сама по себе является художественным приемом. Узнаваемость цитаты зависит от “аллюзивной компетенции” (allusive competence)¹⁵ читателя. Принимая во внимание изначальную авторскую установку и характер аудитории, к которой обращена ее “Алексиада”, со стороны Анны вполне можно предположить ориентацию на литературную игру, что является распространенной практикой в элитарных кружках: “активное понимание” (термин М.М. Бахтина)¹⁶ читателя в этом случае состоит в том, чтобы припомнить и восстановить источник цитаты. Узнавая цитату, читатель вспоминает парод хора в прологе и ощущение ужаса, надвигающейся катастрофы, которое передает Эсхил, выводя на сцену фиванок, мечущихся в панике перед нашествием врага. Если рассматривать рассказ о Руселе как единое целое, то следует отметить, что цитата из Эсхила стоит в начале рассказа. В нарратологии такая позиция в тексте называется “сильной”. В “сильных позициях” текста, к которым относятся его заглавие, начало, конец и эпитафия, чаще всего декларируются творческие и коммуникативно-прагматические интенции автора. Цитата в “сильной позиции” обращает на себя внимание читателя, определенным образом задает направление ассоциаций и распространяет влияние на весь текст. Использование цитаты из трагедии в начале рассказа о Руселе является частью художественного замысла Анны: это ключ ко всему рассказу. Писательница рассказывает о Руселе “под знаком трагедии”.

Античная трагедия разделила судьбу театра и драмы, которые пришли в упадок еще в императорском Риме. Трагедии больше не ставились как спектакль, автор или актер читали текст собравшейся аудитории. Подобные декламации были знакомы Амвросию и Августину. В IV–VI вв. классические трагедии еще были известны, но византийцы VII–X вв. потеряли к ним интерес. Спорадические цитаты появляются у отдельных авторов, например у Игнатия Дякона, но Фотий не упоминает классических трагиков в своей “Библиотеке”. Интерес к античной трагедии возродился в XI в., когда Михаил Пселл провел сравнение Еврипида и Георгия Писиды. Вероятно, в XI или XII в. был написан анонимный трактат о трагедии. Одновременно началась трансмиссия трагедий Софокла, Эсхила и Еврипида¹⁷. Судя по числу сохра-

¹⁵ Hebel U.J. Towards a Descriptive Poetics of Allusions // Intertextuality / Ed. by H. Plett. Research in Text Theory. Vol. 15. B.; N.Y., 1991. P. 140.

¹⁶ Бахтин М.М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 153.

¹⁷ Christ W. von. Geschichte der griechischen Literatur. 2/2. München 1912–24. S. 958 f.

нившихся рукописей, самым популярным из трагиков был Еврипид. Самые ранние манускрипты Еврипида датированы X–XI вв. Трагедии Еврипида знал не только Пселл, но и Иоанн Цец, Евстафий Фессалоникский¹⁸. Поклонница Пселла (Al. V, 8), Анна не могла не прочитать его труда о Еврипиде. О том же, что Анна с удовольствием читала и сами трагедии, свидетельствует Георгий Торника: Μετὰ γάρ τοι ποιήσεως αἰεὶ συνεβίωσεν καὶ τραγωδοῖς καὶ κωμικοῖς συνεθρήνην καὶ συνέταξε¹⁹ (“Ведь она всегда жила среди поэзии, плакала над трагедиями и смеялась над комедиями”).

К концу VII в. церковь запретила театральные представления, однако недостатка в зрелищах византийское общество не испытывало. Говоря о “зрелищной культуре” этой эпохи, нельзя обойти вниманием своего рода театрализованные казни, устраиваемые по приказу императоров, “как нельзя исключить цирк из зрелищной культуры Рима или бой быков из аналогичной системы Испании”²⁰. В 6-й главе 12-й книги “Алексиады” Анна описывает одну из таких казней. Михаил Анемад и его сторонники готовили покушение на Алексея, но кто-то выдал их, и они были приговорены к ослеплению. По приказу Алексея Анемаду и его сторонникам обривают головы и бороды. Затем при стечении народа (“Посмотреть на это стеклись люди всех возрастов” – ἀλῶσα μὲν οὖν ἡλίμια ἐς τὴν τοιαύτην θέαν συνέτρεχεν – XII, 6, 6, 27), их должны были провести через площадь, а впоследствии выколоть глаза. Вместе с сестрами присутствовала там и Анна, “чтобы полюбоваться на это зрелище” (τὴν θέαν ποιεῖσθαι – XII, 6, 6, 29). Вот как она описывает его: “Актеры (οἱ σκηνηοὶ – XII, 6, 5, 19) схватили их, набросили на них мешки, украсили их головы “коронами” из бычьих и овечьих кишок, водрузили на быков – не на спины, а на бока – и провели через дворцовый двор. Впереди них прыгали жезлоносцы, громко распевая насмешливую песенку, подходящую к этой процессии”. Осужденным предстояло пройти внутри так называемых рук (τῶν λεγομένων χειρῶν – XII, 6, 8, 52). «Императоры, соорудив на хорошо видимом отовсюду месте, на высокой каменной арке эти бронзовые “руки”, установили такое правило: если кто-нибудь, осужденный законом на смерть, окажется внутри них и в это время его настигнет весть о милосердии самодержца, то он освобождается от казни». “Руки” символизировали объятия, в которые император вновь принимает осужденных, протягивая им руку и не выпуская их из рук своего милосердия. Если же осужденные прошли дальше этих рук, значит, и императорское владычество как бы оттолкнуло их от себя. Подобного рода театрализованные казни, где personae dramatis представляют самих себя, а “корифей драмы” (ὁ τοῦ δράματος χορυφαῖος – так Анна назвала Михаила Анемада – XII, 5, 6, 57–58) может быть ослеплен на глазах у зрителей, нередко осуществлялись по приказу византийских императоров²¹.

Анна, видя смирение Михаила, исполнилась жалости к нему, как и все, кто присутствовал при этом (“ни одно живое существо не могло удержаться от слез и стенаний, а особенно мы – дочери императора” – XII, 6). Единст-

¹⁸ Wilson N.G. Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983, P. 177, 204.

¹⁹ Georges Tornikès. Op. cit. P. 281.

²⁰ Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 279.

²¹ Цит. по: Анна Комнина. Алексиада. С. 591.

венной из всех, кто не остался безучастно наблюдать за происходящим, была юная Анна. Оставив плачущих сестер, она не побоялась нарушить молитву матери-императрицы и звала ее посмотреть на процессию, надеясь, что та сжалится над Анемадом. В это время “актеры стали двигаться медленней, стараясь дать возможность убийцам получить прощение” (XII, 6). Уступив настояниям дочери, Ирина взглянула на процессию и упростила Алексея сохранить ему глаза. Император приказывает остановить палачей. «Вестник спешит, как в греческой трагедии, “и застаёт осужденных еще внутри... “рук”... Вестник спасения быстро вошел под арку, где были установлены бронзовые “руки”, передал... грамоту, дарующую прощение, взял Михаила с собой... и запер его” (в башне рядом с дворцом). Такой ему был дан приказ».

Как отмечает Ю.М. Лотман, во всех этих зрелищах – гладиаторских боях в Риме, бое быков в Испании, военных действиях массовых войск на полях Европы XIX в. (к этому списку можно добавить театрализованные казни в Византии) – то обстоятельство, “что в ходе зрелища проливалась настоящая кровь, не отменяет момента эстетизации, а является его условием. В длинной цепи переходов, отделяющих театральные подмостки от рыцарского турнира или профессионального бокса, ужасное и прекрасное находятся в особом для каждой градации соотношении. На крайних звеньях цепи места их меняются: в трагедии прекрасное воспринимается как ужасное, в эстетически воспринимаемом реальном сражении – ужасное как прекрасное”²². В отличие от зрителя древнегреческой трагедии, сюжет которой ему всегда известен, для византийца, сколько бы зрелище (θέα) казни ни было захватывающим, главным вопросом был вопрос о том, чем оно кончится: достигнет ли вовремя осужденного весть о милосердии самодержца. Подобные зрелища давали наглядное представление о воле автократора, становились эстетизированной формой утверждения идеи абсолютной власти императора. В этом грандиозном спектакле юная принцесса не захотела оставаться зрителем. Именно Анна, спасая Михаила, изменяет исход этого спектакля.

Никифор Вриенний подробно рассказывает о том, как Алексей, желая выкупить Руселя из плена и не имея для этого денег, обращается к жителям г. Амасии с просьбой собрать необходимую сумму. Амасийцы отказались дать денег, но хотели даже похитить и освободить Руселя. Тогда Алексей делает вид, что ослепляет Руселя, причем Русель в знак ослепления должен носить на глазах повязку. Это было сделано для того, чтобы амасийцы после крушения своего плана по освобождению Руселя подчинились воле Алексея. Анна, довольно точно передавая рассказ Никифора Вриенния, насыщает свой текст цитатами из античных авторов. Повествуя о том, как Алексей сумел убедить султана Тутаха выдать Руселя, Никифор Вриенний замечает, что “в беседе Алексей был приятен более, чем кто-либо другой” (ἦν γὰρ εἶπερ τις ἄλλος ἐν λόγοις ἡδύς – II, 21, 20–21). Реакция Никифора Вриенния и Анны на речь Алексея, обращенную к Тутаху, – разная. Анна, как в диалоге, “возвращает” реплику Никифору Вриеннию, используя при этом цитату: ἦν γὰρ εἶπερ τις ἄλλος ἐφευρετῆς καὶ πόρους ἐν τοῖς ἀλωρωτάτοις ξυμμηχανώμενος – I, 2, 2, 69–70 (“Ведь он был более, чем кто-либо другой, находчив и способен отыскать выход из затруднительного положения”). Не-

точная цитата в реплике Анны восходит к двум текстам-источникам. Первый – трагедия Эсхила “Прикованный Прометей” (отметим, что Анна всего три раза цитирует Эсхила: один раз во “Введении”, и два раза в рассказе о Руселе). Власть говорит о Прометее: δεινὸς γὰρ εὐρεῖν καὶ ἐπιμηχανῶν πόρου – Aesch. Prom. 59 (“Ведь он мастер найти выход и из затруднительных положений”). Второй – комедия Аристофана “Всадники”, где во втором агоне хор говорит о хитром и ловком противнике: καὶ τῶν ἐπιμηχανῶν πόρους εὐμηχανὸς πορίζειν – Aristoph. Eq. 759 (“И из затруднительных положений он находить выход”). С одной стороны, функция цитаты здесь достаточно традиционная – образно-характерологическая. В изображении Анны Алексей предстает искусным и ловким политиком, способным придумать сложную политическую интригу. Эти качества необходимы будущему государю не меньше, чем храбрость и отвага. С другой стороны, в контексте диалога Анны с Никифором Вриеннием эта цитата выполняет смыслообразующую функцию. Перед нами пример “диалогической цитации”. “Возврат” реплики в диалоге означает ее неприятие, несогласие с позицией собеседника²³. В изложении Никифора Вриенния достоинства Алексея исчерпываются умением вести приятную беседу. Вступая в полемику с ним, Анна подчеркивает способность Алексея не говорить, а действовать. Поведение Алексея осмысливается Анной как “историческое”, поскольку через цитату соединяется с античной традицией. Прямо писательница не говорит о том, что Никифор Вриенний неправильно оценивает Алексея, она ведет с ним скрытую полемику, используя для этого античную цитату. Анна как бы “прячется” за “литературностью” комплиментов, воздаваемых Алексею. В диалоге с Никифором Вриеннием цитата как способ оценки Алексея вытесняет и заменяет авторское слово. Особо отметим, что Анна характеризует Алексея выражениями, взятыми из драмы.

Об отсутствии у Алексея денег на выкуп Руселя Никифор Вриенний кратко сообщает: Ἦσθεῖς οὖν ὁ στρατοπεδάρχης ἐπὶ τῷ γεγονότι, ἐλεῖ χρημάτων ἡπόρει, ἐν ἀμνηχανίᾳ ἦν ὃ τι καὶ δράσειε – II, 22 (16–17) (“Стратопедарх обрадовался случившемуся (поимке Руселя), но так как денег у него не было, он находился в затруднительном положении и не знал, что делать”). По этому поводу Анна сочиняет целый рассказ, который мы приводим с сокращениями: “Однако деньги заставили себя ждать: ведь у самого Алексея не было средств для расплаты, а император не заботился об этом. Деньги не то, чтобы шествовали, как говорится в трагедии, замедленной поступью, а не появлялись вовсе. Тутах обращался с настойчивыми требованиями... А у Алексея не было денег, чтобы заплатить за пленника” (I, 2).

Текст Никифора Вриенния Анна пересказывает “своим языком”, языком метафоры и литературной цитаты. ἐχρῶν οὐδὲν τὰ χρήματα – I, 2, 4, 92 – “деньги заставили себя ждать” (реализованная метафора напрасного ожидания). Она замечает: “Деньги не то, чтобы шествовали, как говорится в трагедии, замедленной поступью, а не появлялись вовсе” (καὶ οὐχ’ ὅτι βραδεῖ ποδὶ κατὰ τὴν τραγῳδίαν ἔστειχεν, ἀλλ’ οὐδαμοῦ κατεφαίνετο – I, 2, 4, 94–95). В рассказе о Руселе, который начался “под знаком трагедии”, эта цитата является частью общего художественного замысла Анны и имеет смыслообразующее значение.

²² Лотман Ю.М. Театр... С. 279.

²³ Арутюнова Н.Д. Указ. соч. С. 52.

Выражение *βραδεῖ ποδὶ στείχουσα* встречается у Еврипида во фрагменте недошедшей до нас трагедии: οὔτοι προσελθοῦσ' ἢ Δίκη σε, μὴ τρέσῃς. παῖσει πρὸς ἥλαρ οὐδὲ τῶν ἄλλων βροτῶν | τὸν ἄδικον, ἀλλὰ σῖγα καὶ *βραδεῖ ποδὶ | στείχουσα* μάρψει τοὺς κακοὺς, δταν τύχη²⁴ (букв.: Не бойся, Дика, приближившись, не поразит в печень ни тебя, ни остальных смертных, но молча ступая тяжелой ногой (тяжелым шагом) поразит злодеев, всякий раз когда наступит). Анна использует это выражение 7 раз. Интересно проследить судьбу цитаты из Еврипида у Анны и оценить ее особое место в рассказе о Руселе. Анна Далассина, мать Комниных, приближается к входу в святой алтарь, “ступая медленным шагом” (ἡ δὲ βραδεῖ ποδὶ στείχουσα – II, 5, 6, 77–78). Комнины вооружаются, строят войско в боевые порядки и медленно *βραδεῖ ποδὶ στείχοντες* (II, 10, 2, 80) продвигаются в город. Алексей приказывает прикрыть каждого вооруженного копьем воина двумя пельтастами и медленно двигаться (*βραδεῖ ποδὶ στείχειν*) в таком порядке (X, 9, 7, 37). В авангарде идет Боэмунд, остальные, сохраняя строй, двигались за ним медленным шагом (*βραδεῖ ποδὶ ἔστειχον* – XI, 3, 4, 82). Скифам не удается напасть на строй кельтов, так как те двигались медленно, не размыкая строя (*βραδεῖ ποδὶ συντεταγμένως λίαν ἦσαν* – XIII, 6, 1, 46–47). Отказывается от преследования Вурц и медленно, в полном порядке продолжает путь (*βραδεῖ ποδὶ σὺν εὐταξίᾳ στείχων* – XV, 4, 5, 78). Только в первом из приведенных примеров выражение *βραδεῖ ποδὶ στείχουσα* имеет полную лексическую нагруженность и означает “ступая медленным (тяжелым) шагом”. Анна Далассина приближается к алтарю, делает вид (*ὑλοχρῖνομένη*), что обессилена старостью и горем, потому и ступает медленно, тяжело. Имплицированная (точная) цитата должна подчеркнуть театрализованность ее жеста, рассчитанного на реакцию окружающих. Глагол *ὑλοχρῖνομαι* означает “играть, представлять (об актере)”, “притворяться, прикидываться” – в переносном значении. Коннотация у византийского читателя иная, чем у нашего современника: Анна Далассина не притворяется, “актерствуя”, а действует как участница трагедии. Она два раза преклоняет колена перед алтарем, на третий раз опускается на землю и кричит: “Если только мне не отрубят руки, я не выйду из этого священного храма, пока не получу в качестве залога безопасности крест от императора” (II, 5). Это “сыгранная” метафора. Цитата служит Анне сценарием, по которому она как режиссер заставляет действовать свою героиню. С помощью цитаты Анна драматизирует повествование, причем мы берем термин “драматизировать” в первом, “этимологическом” значении, т.е. “представлять как драму” или даже “превращать в драму”.

Как видно из остальных примеров употребления выражения *βραδεῖ ποδὶ στείχουσα*, от частого употребления метафора стирается. Сначала она становится клише, штампом, а потом уже означает “медленно, медленным шагом” и употребляется в нейтральных контекстах.

Итак, Анна по-разному использует цитату из Еврипида, но только в истории Руселя она подчеркивает ее происхождение из трагедии и употребляет ее, как и Еврипид, метафорически. Для определения функции этой цитаты оказываются важными оба обстоятельства: первое помогает понять цитату как демонстрацию учености, а второе подчеркивает наше предположение о

том, что Анна строит свой рассказ о Руселе, ориентируясь на драму, “драматизируя” повествование своего мужа. Начав со скрытой цитаты из Эсхила, которая, как камертон, должна была настроить заинтересованного читателя на определенный лад, Анна поддерживает этот интерес, оправдывает читательские ожидания, расставляя вехи (цитаты-маркеры) в своем тексте.

Анне важно, чтобы читатель осознал ее авторскую манеру, оценил художественную форму “Алексиады”, наслаждался занимательностью чтения. В этом смысле рассказ о деньгах является характерным примером того, как Анна “строит” свой текст. Взяв тему Никифора Вриенния “*χρημάτων ἥλορη*” (“у него не было денег”), Анна с помощью метафоры и цитаты создает *διήγησις*, цель которого – блеснуть ученостью и доставить читателю удовольствие. Никифор Вриенний не завершил свою “Историю”, и этим, считает Анна, “был нанесен ущерб (*ζημίαν*) событиям, оставшимся вне повествования, что лишило удовольствия читателей (*ἡδονὴν δὲ ἀλοστερήσαντος τοῖς ἀναγινώσκουσι* – Пр. III, 3, 76)”. В контексте диалога с Никифором Вриеннием рассказ Анны о деньгах представляет собой демонстрацию своего, авторского способа создания текста. Отталкиваясь от чужого стиля, она демонстрирует свои творческие возможности, соревнуется с Никифором Вриеннием и противопоставляет свою индивидуальную творческую манеру его способу создания текста.

Во 2-й книге “Истории” Никифор Вриенний пишет: “Не имея денег для выкупа, Алексей тотчас (*εὐθύς* – II, 22, 18) созывает амасийцев”. В изложении Анны наречие времени *εὐθύς* отзывается двумя развернутыми временными обстоятельствами: *τοῖς ὄλοις οὖν δι’ ὅλης νυκτὸς ἐξαλορούμενος ἐράνισαθαι παρὰ τῶν οἰκητόρων Ἀμασειᾶς ἐλογίσαστο τὴν τιμὴν. καὶ ἀυγαζούσης ἡμέρας, κἂν ἀργαλέον ἐδόξει, ἀλλ’ ὄμως συνεκαλεῖτο ἄλλαντας...* – I, 2, 4, 3 – I, 2, 5, 5–6 (“Проведя целую ночь в тягостных раздумьях, он решил собрать необходимую сумму у жителей Амасии. С наступлением дня Алексей, не смотря на трудности, созвал всех граждан...”).

Как и в рассказе о затруднениях Алексея с деньгами, Анна демонстрирует свою авторскую манеру “писать историю”. Здесь она впервые использует выражение *ἀυγαζούσης ἡμέρας* – букв.: когда засиял день. Так начинается “Эфиопика” Гелиодора: *ἡμέρας ἄρτι διαγελώσης καὶ ἡλίου τὰς ἀκρωρείας καταυγάζοντος* – Heliod. Aeth. I, 1 (3, 1–2 Colonna) (“Как только улыбнулся день и солнце осветило вершины гор...”). Анна еще шесть раз использует это выражение для описания рассвета. “Как только улыбнулся день и солнце выглянуло из-за горизонта (*ἡμέρας δὲ ἄρτι διαγελώσης καὶ τοῦ ἡλίου τοῦ ὀρίζοντος ὑπερχύψαντος* – I, 9, 1, 48) начальники отрядов Васибеки всеми силами стали стараться собрать... воинов”. Букуриани говорит Алексею: “Если завтра с рассветом (*ἀυγαζούσης τῆς αὔριον* – II, 4, 7, 65) ты выступишь отсюда, я последую за тобой и рад буду стать твоим соратником”. Анна Далассина: “Мне стало известно, что нас оговорили перед императором. Я иду в святую церковь, чтобы воспользоваться... ее убежищем. Оттуда на рассвете (*ἀυγαζούσης ἡμέρας* – II, 5, 3, 40–41) я отправлюсь в императорский дворец”. В 3-й книге Анна рассказывает о том, как император совершал набег на неприятеля “уже не тайно по ночам, а среди бела дня” (*ἀλλὰ καὶ ἡμέρας ἄρτι ἀυγαζούσης* – III, 11, 4, 75). Боэмунд предлагает венецианцам совершить славословие в честь императора Михаила и отца Боэмунда Роберта: “С наступлением дня (*ἡμέρας δὲ ἤδη ἀυγαζούσης* – IV, 2, 4, 12) подошел Бо-

эмунд и потребовал совершить славословие". Наступление вечера в этой же главе Анна описывает без метафор: ἐσπέρας δὲ καταλαβούσης – IV, 2, 3, 4 (“когда наступил вечер”). В 8-й книге: “С первой улыбкой утра (ἡμέρας δὲ ἄλτερτι διαγελώσης – VIII, 5, 4, 55) Алексей в полном вооружении вышел из ложины и приказал подать сигнал к бою”.

Анна использует подобные метафоры для описания наступающего утра, но ни разу не приводит текст Гелиодора точно. Как видно из приведенных примеров, метафоры уже стерты и стали штампами. “Поэтика наступающего утра”, берущая начало у Гомера, в художественном сознании писательницы требовало метафоры, так сказать, по традиции, и выражение αὐγαζούσης ἡμέρας нужно рассматривать как эквивалент гомеровскому: Ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ροδόδαχτυλος Ἦως – Od. IX, 152; IX, 170 (“Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос”).

Речь Алексея к амасийцам из “Истории” Никифора Вриенния Анна передает довольно точно: здесь нет предмета для спора, и Анна согласна с мужем. Пересказывая речь Алексея, приведенную Никифором Вриеннием, она опустила только одну деталь. Уговаривая амасийцев, Алексей предостерегает их: Ἐλεῖ οὖν ἦκε καιρὸς ἀπαλλάττων ἡμᾶς τῆς ἐκ τούτου κακώσεως, δέον ἐστὶν ἡμᾶς μὴ προέσθαι τοῦτον μηδὲ τὸν καλὸν φεύγοντας εἰς κάμινον ἐμπλεσεῖν – N. Вг. II, 22, 25–27 (“Когда нам пришел случай избавиться от такого несчастья, вы не должны упускать его, чтобы, избегая дыма, не попасть в печь”).

Никифор Вриенний заключает свой эпизод так: “Народ, выслушав эту речь, одобрил сказанное, и все разошлись” (II, 23). Анна вводит античную пословицу, источником которой послужил диалог Платона “Федр”: “Выслушав Алексея, они в мгновение ока изменили свое мнение и разошлись по домам”. Пословица ὄπλερ ὀστράκου μεταλεσόντος (Pl. Phaedr. 241 b, 4–5) буквально переводится “когда остракон (черепок для голосования) лег по-другому” и означает “когда дело приняло совсем другой оборот”. Реалии того мира, где для голосования пользовались остраконами, давно умерли. Знак древней культуры (пословица) здесь выполняет функцию отсылки, цель которой – украсить авторский текст. Функция пословицы у Никифора Вриенния – повышение образной выразительности речи персонажа (Алексея). То есть введение в авторский текст пословицы характеризует прежде всего саму писательницу: опустив пословицу Никифора Вриенния, которая очевидно, была весьма распространенной, Анна “в ответ” приводит свою, книжную, несколько экзотическую. В этом обмене пословицами, разными по стилю, можно видеть продолжающуюся скрытую полемику Анны с Никифором Вриеннием о стиле произведения в целом.

Алексей не доверяет амасийцам: “Между тем, стратопедарх, опасаясь, как бы влиятельные люди снова не возмутили народ и не похитили Руселя, задумал дело весьма разумное и вместе с тем человеколюбивое” (βουλὴν βουλευέται πάνυ μὲν συνετήν, πάνυ δὲ καὶ φιλόφρων – N. Вг. II, 24, 4–5). Речь идет о мнимом ослеплении Руселя. В “Алексиаде” Алексей также опасается, как бы амасийцы ночью не освободили Руселя. Анна считает нужным сказать о причине таких опасений: ὁ δὲ στρατοπεδάρχης γινώσκων τὸν δῆμον ἐν ῥοπῇ τὰς γνώμας μεταβάλλειν εἰωθότα – I, 3, 1, 49–5 (“Однако стратопедарх знал, что чернь обыкновенно в решающий момент меняет свое мнение”).

О замысле Алексея лишь изобразить ослепление Руселя Анна говорит так: μηχανᾶται τὸ... παλαμῆδειόν τι μηχανήμα – I, 3, 1, 51 (“изобретает достойную Паламеда хитрость”). У Никифора Вриенния Алексей βουλὴν βουλευέται – “задумывает дело (букв.: думу)” – о мнимом ослеплении. Оба автора используют figura ethymologica: βουλὴν βουλευέται – μηχανᾶται μηχανήμα. Этот пример также можно рассматривать как вариант диалогической цитации, если не на уровне стилистики, то на уровне лексики. Анна снова подчеркивает активность Алексея, его изобретательность, способность найти нестандартное решение. В этом смысле показательны эпитеты, сопровождающие существительные в figura ethymologica у наших авторов. Никифор Вриенний определяет βουλὴ Алексея как συνετήν – “разумное” и φιλόφρων – “человеколюбивое”, т.е. поведение Алексея он оценивает как вариант нормы. Анна считает μηχανήμα Алексея παλαμῆδειον – “достойным Паламеда”. Паламед у греков прославился тем, что сумел обмануть самого “хитроумного” Одиссея (известный эпизод о притворном безумии Одиссея, не пожелавшем принять участие в походе на Трою. Согласно наиболее распространенному варианту мифа, Одиссей запряг в плуг быка и осла (или козу) и пахал землю. Паламед положил в борозду под плуг Одиссея его маленького сына. Одиссей не решился наехать плугом на ребенка и признался в обмане). Еще раз Анна использует выражение παλαμῆδειον во 2-й книге, где рассказывает о том, как братья Исаак и Алексей узнали, что рабы императора собираются устранить их. Тогда братья решили приходить в царский дворец по очереди, каждый – в свой день. Если бы одного из них схватили, то другой мог бы бежать. Анна оценивает их решение как σοφόν τε καὶ παλαμῆδειον – II, 2, 4, 39 (“мудрое и достойное Паламеда”). Таким образом, παλαμῆδειον не является синонимом σοφόν – “мудрое”, и выражение “сделать что-либо достойное Паламеда” означает “принять необычное, нестандартное решение”. Цитата-имя παλαμῆδειον выполняет образно-характерологическую функцию. Отметим, что это квалификация оценочная, квалификация действия. Именно этот смысловой компонент позволяет поставить выражение παλαμῆδειον в один ряд с другими словами и выражениями, описывающими Алексея как активного участника исторических событий, человека, способного нестандартно мыслить и поступать, человека действия, достигающего поставленной цели: δεῦς φωράσαι τὸ ξυμφέρον καὶ δεῦτερος κατατράξασθαι, τὸ φιλόφρον... καὶ ἐγρηγορός, ἐφευρετής καὶ πόρους ἐν τοῖς ἀλωρτάτοις ξυμμηχανώμενος, μηχανᾶται μηχανήμα..

Об ослеплении Никифор Вриенний рассказывает безыскусно: он просто констатирует, что произошло: “Призывают палача, разводят огонь, раскаляют железо. Руселя расстилают на земле, приказывают ему жалобно кричать и стонать, как будто его лишают зрения” (II, 24, 5–8). Анна показывает, как это происходило. В изображении Анны “Русель выл и стонал словно лев рыкающий” (καθάπερ λέων βρυχώμενος – I, 3, 1 57). Сравнение явно литературного происхождения, так, например, в трагедии Софокла “Аякс” Текмесса говорит об Аяксе, что он никогда не плакал, а только стонал, словно “рассвирепевший бык” (ταῦρος ὡς βρυχώμενος – Soph. Ajax. 322). Сцену самого ослепления Русель и палач играют, как актеры. “Все это было только видимостью (σχῆμα) удаления глаз: тому, кто играл роль ослепляемого (ὁ τῷ δόξαι τυφλούμενος) было приказано стонать и вопить, а делающему вид, что вырывает глаза (ὁ μέχρι τοῦ δοχεῖν τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐξορύττ-

ων) сурово смотреть на лежащего, совершать все со свирепым выражением лица и изображать (σχηματίζεσθαι) ослепление" (I, 3, 1). Σχήμα, σχηματίζεσθαι – специальные театральные термины. Σχήμα означает "фигура, позиция, поза, жест", а однокоренной глагол соответственно – "сопровождать жестами, выражать свои чувства жестами, принимать позы". Анна стремится подчеркнуть в своем διήγησις роль действия, используя театральную лексику, которая описала бы "процесс представления". Текст читается как сценарий. Наконец, Анна "открыла" дверь, ключ к которой дала в самом начале своего рассказа: "Это лицедейство (букв.: эти... сыгранные как на сцене – ταῦτα ὄσπερ ἐν σκηνῇ δραματούρηθέντα – I, 3, 2, 63) побудило всех... внести... свою долю в общий сбор". Однако "драма", поставленная Анной, еще не сыграна до конца, читателя ожидает финал, в котором Алексей свершает "чудо, наподобие того, которое совершил знаменитый Геракл с женой Адмета, Алкестидой" (πράγμα ἐντεῦθεν ὄλτο λελοικώς, ὄπερ Ἴηρακλῆς ἐχεῖνος ἐπὶ τῇ τοῦ Ἀδμήτου Ἀλκιστίδι – I, 3, 3, 80–81). Геракл, Адмет, Алкестиды – это цитаты-имена. Обычно цитата-имя представляет действующее лицо, литературного персонажа с определенным комплексом черт. О мифическом фессалийском царе Адмете в античной традиции известно, пожалуй, только то, что мойры пообещали Аполлону продлить Адмету жизнь, если кто-либо обречет себя на смерть вместо него. Когда пришел его предсмертный час, ни родители, ни слуги не согласились принести себя в жертву. На это решилась молодая жена Адмета Алкестиды. О подвиге Алкестиды, добровольно пожертвовавшей жизнью ради жизни мужа, Еврипид написал трагедию "Алкестиды". Ни в "Библиотеке" Фотия, ни в "Библиотеке" Аполлодора нет никаких сведений о том, что об Адмете и Алкестиде было написано какое-либо другое литературное произведение. Собственно, Анну интересуют даже не эти герои с их "литературной репутацией", а "чудо" (πράγμα букв.: дело, действие), которое совершил Геракл: он освободил Алкестиду из подземного царства. Для Анны и других византийцев Геракл, Адмет и Алкестиды, упоминаемые вместе, могли быть героями только одного произведения – трагедии Еврипида.

"Любой обломок семиотической структуры... сохраняет механизмы реконструкции своей системы. Именно разрушение этой целостности вызывает ускоренный процесс воспоминания" – реконструкции семиотического целого по его части"²⁵. Таким образом, цитаты-имена Геракла, Адмета и Алкестиды, сопоставленные друг с другом, выполняют референциальную функцию, отсылают читателя к определенному тексту-источнику, представляют не литературных героев, как таковых, а сам текст – трагедию "Алкестиды". Рассказывая об ослеплении Руселя, Анна не случайно вспоминает об этом подвиге Геракла. Дело здесь не только в привлечении мотива по сходству: мнимая смерть / мнимое ослепление. Мы полагаем, что образцом для завершения рассказа о Руселе Анне послужил финал трагедии Еврипида (это можно назвать композиционной аллюзией). Эпизод "Алкестиды" представляет собой диалог (стихомифию) Адмета и Геракла, который привел Алкестиду домой из подземного царства, закрытую покрывалом.

²⁵ Лотман Ю. М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма: Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVII (641). С. 13.

Итак, финал Анны: Геракл – Алексей, Адмет – Докиан, Алкестиды – Русель. Докиан, двоюродный брат Алексея, узнав об ослеплении Руселя, упрекал страстига в жестокости, порицал и бранил его. В отличие от Докиана Никифора Вриенния Докиан Анны порицает Алексея, "заливаясь слезами" (ἐπιδακρύσας – I, 3, 4, 85). Так Адмет, находясь в неведении, проливает слезы: οὐκ ἂν δυναίμην τῆνδ' ὄρων ἐν δώμασιν | ἄδακρυς εἶναι – 1046–1047 ("Я не мог бы, пожалуй, без слез видеть, что она (sc. новая жена) находится в доме"). Ἐκ δ' ὀμμάτων | πηγαὶ κατερρώσασιν ("Из глаз потоки (sc. слез) бегут") – 1067–1068. В "Алкестиде" Адмет, не зная, что перед ним жена, всячески отказывается от брака с ней. Как Геракл Адмету, так Алексей не сразу открывает Докиану правду. Ситуация неведения, в которой оказался Адмет, спроецирована на Докиана. Адмет не видит Алкестиду, стоящую все время перед его глазами. Докиан не видит зрячего Руселя, он считает Руселя слепым. Наконец, "сняв повязку с лица пленника" (так актер, играющий Геракла, снимал бы покрывало с Алкестиды) Алексей показывает Докиану неведимого Руселя. Докиан у Анны, как Адмет, не может поверить увиденному: Ταῦτα ὡς θεάσατο, καὶ θαύμασεν ὁ Δοκειανὸς καὶ οὐκ εἶχεν ὁ τι καὶ χρῆσαι τῷ πλήθει τοῦ θαύματος, καὶ θαμὰ ταῖς ὄψεσι τὰς χεῖρας ἐπέβαλλε, μὴ που καὶ ὄναρ ἐστὶ τὸ θεώμενον ἢ τίς μαγικὴ τερατεία ἢ ἄλλο τι τοιοῦτον ἄρτι πρῶτως καινοτομούμενον – I, 3, 4, 92–96 ("Увидев это, Докиан был поражен и удивлен и не знал, что и подумать о столь великом чуде. Он стал прикладывать руки к глазам, желая убедиться, не является ли то, что он видит, лишь сном, волшебным или чем-нибудь еще в этом роде").

Анна строит рассказ о Руселе как сценарий, моделирует эпизод по образцу драматических. Писательница так "монтирует" финал рассказа, что он ассоциируется с эксодом трагедии Еврипида. Имплицированная отсылка к трагедии "Алкестиды" служит средством охарактеризовать ситуацию через определение ролей действующих лиц. Таким образом, при обработке Анной рассказа Никифора Вриенния о Руселе греческая драма выступает в качестве интертекста. Будучи внимательной и пристрастной читательницей сочинения своего мужа, она не могла не оценить слов Никифора Вриенния, которыми он завершает историю Руселя: пораженный Докиан "хвалил драму и восхищался представлением" (καὶ τὸ δράμα ἐπῆνει καὶ τὴν σκηνὴν θαύμαζε – I, 25, 7–8). Никифор Вриенний как зритель наблюдал за "драмой", Анна повела себя как сценарист и режиссер.

Вторую победу Алексей одержал над Никифором Вриеннием Старшим (отцом или дедом ее мужа), который провозгласил себя императором. Об этой войне Никифор Вриенний рассказывает в 4-й книге. Анну не интересуют ни причины восстания, ни его ход: "Мне нет нужды писать, каким образом и почему это произошло: в сочинении кесаря говорится о причине восстания Никифора" (I, 4). Пересказывая текст Никифора Вриенния, Анна даже пренебрегает фактическими подробностями этой войны или небрежно излагает их. Из всех перипетий войны, которые описывает Никифор Вриенний, Анна выбирает один эпизод, считая необходимым "вкратце рассказать" (ἐν βραχεῖ διηγήσασθαι – I, 4, 2, 22) о пленении Никифора Вриенния и битве, предшествующей этому. Она снова и снова (в начале 4-й главы два раза!) отсылает читателя к "Истории" своего мужа: "Тех, кто желает узнать подробности этой истории (τὸ ... ἀκριβὲς τῆς ἱστορίας – I, 4, 2, 22) я отсылаю к сочинению своего кесаря". Такой настойчивый призыв обратиться к труду

Никифора Вриенния в устах Анны звучит как напоминание ее читателю снова сравнить две истории (историю “по Никифору Вриеннию” и историю “по Анне”). Из “Истории” Никифора Вриенния возьмет τὸ ἀκριβές τῆς ἱστορίας, ее задача – διηγήσασθαι рассказать, т.е. написать διήγησις о противоборстве Алексея с таким противником как Никифор Вриенний Старший.

Русель – варвар, который “обладал душой тирана” (ὄν τυραννικώτατος τὴν ψυχὴν – I, 1, 2, 30). Вриенний происходил из очень знатного рода, в совершенстве владел военным искусством, в отличие от Руселя он “был вполне достоин императорской власти” (ἐλάξιον ἦν βασιλείας {τὸ} χρῆμα – I, 4, 3, 26–27). В этом Анна соглашается с мужем, который также считал, что Никифор Вриенний “действительно был достоин того, чтобы властвовать” (γὰρ ἦν ὄντως ἄξιον τυραννίδος – IV, 15, 14).

Соперники (Алексей и Вриенний) равны, и для описания их противостояния Анна использует новый художественный прием, истоки которого лежат в “Истории” ее мужа. Отдавая должное сопернику Алексея (у него крепкая рука, твердый характер, неустрашимая душа героя), Никифор Вриенний завершает рассказ об их борьбе словами: εἰ γοῦν μὴ πρὸς ἄλλον σχολὸν ὁ λόγος ἑώρα, ἀλλὰ τὰ ἐκείνου κατὰ μέρας διεξελεθῆναι, ἄλλης ἂν Ἰλιάδος ἐδέησε – IV, 15, 17–18 («Если бы настоящее сочинение не имело другой цели, а захотело бы рассказать о каждом его подвиге отдельно, понадобилась бы вторая “Илиада”»). Писатель увидел в Никифоре Вриеннии Старшем эпического героя, Анна “в ответ” описала противостояние Никифора Вриенния и Алексея как противостояние эпических героев.

Как в “Илиаде” противники καλοὶ καὶ ἀγαθοί, так и в “Алексиаде” “оба мужа были прекрасны и благородны”: τὼ μὲν γὰρ ἄνδρες τοῦτω καὶ ἄμφο ἥσθη καλῶ καὶ γενναίῳ – I, 5, 1, 68–69. Никифор Вриенний в изображении Анны – “человек высокого роста, с красивым лицом”: καὶ ἀναδρομῆ σώματος καὶ κάλλει πρῶσῳλου κοσμοῦμενος – I, IV, 3, 24–25. Он происходит из очень знатного рода и считается достойным царской власти. Анна подчеркивает равенство соперников: οὐδὲν γὰρ ἕτερος τοῦ ἑτέρου πρὸς ἀνδρείαν ἀπελιμνάνετο οὐδὲ τὰ τῆς ἐμλειρίας ἕτερος ἑτέρου παρ’ ἑλαττον εἶχεν – I, 5, 1, 65–66 (“Ни один не превосходил другого мужеством, ни один не уступал другому опытом”). Я.Н. Любарский отмечает, что так поддерживается ощущение “эпичности” в “Алексиаде”: «...писательница, хотя и обрушивает на головы врагов империи... громы и молнии, тем не менее изображает их могучими воинами и применяет к ним весь набор риторических и литературных средств, используемых при описании Алексея и других “положительных” персонажей – совсем в стиле “Илиады” Гомера, где ахейцы и троянцы одинаково сильны и прекрасны»²⁶. Описывая решающую битву Никифора Вриенния и Алексея и пленение Никифора Вриенния, Анна использует художественные приемы эпической поэзии, что находит отражение в композиции эпизодов. В “Илиаде” битва для героя – это испытание, где он должен проявить свои необыкновенные качества. Сражение описывается как ряд независимых друг от друга единоборств. Так изображаются подвиги Диомеда в 5-й песне “Илиады”, подвиги Агамемнона в 11-й песне, подвиги Менелая в 17-й. Рассказ о подвигах героя получил название ἀριστεία, структура

²⁶ Анна Комнина. Алексиада. С. 694.

которой впервые была выделена Гильманом Кришером²⁷. В аристееи выделяются следующие элементы, число и последовательность которых могут варьироваться: 1) приготвление к битве, описание вооружения героя и войска (“Glanz der Waffen”²⁸ – “сияние доспехов”), 2) битва (единоборство, выход против вражеского строя, преследование войска противника), 3) ранение, 4) единоборство с главным противником, 5) битва за тело павшего героя.

Элементы аристееи мы видим в том, как Анна изображает приготвление к бою: “Мое повествование подошло к моменту сражения этих храбрых мужей (ἄνδρας καὶ ἀμφοτέρους γενναίους εἰς πόλεμον ὁ λόγος κατεστήσατο – I, 5, 1, 63–64). Создается впечатление, что Вриенний и Алексей вот-вот сойдутся в единоборстве, как Гектор и Аякс: ἤδη γὰρ ἀλλήλοιν αἰσθόμενοι καὶ ὅτι πολέμων ἤδη καιρός – I, 5, 2, 75. “И вот оба полководца увидели друг друга и поняли, что пришел час битвы”. Эпический фон создается с помощью введения фразеологии (πολέμων καιρός), характерной для эпических поэм. Это своего рода квазицитаты (или ложные цитаты). Такие цитаты “не имеют приуроченности к конкретному персонажу, не актуализируют определенный сюжет, но служат общим языковым и тематическим кодом”²⁹, с помощью которого реальные события проецируются на эпический фон. Никифор Вриенний и Алексей Комнин не сошлись один на один в бою, но Анна “монтирует” ситуацию так, что она явно ассоциируется с эпизодами единоборства гомеровских героев. Не случайно в ее повествовании появляется гомеровский образ весов (ἡ τρυτάνη): καὶ τὰ γε εἰς χεῖρας καὶ πείραν ἴσοι ὥσπερ ἐπὶ τρυτάνης ἰστάμενοι ὄραν δὲ ἡμᾶς χρεῶν, ὅλου τὰ τῆς τύχης ἐτέβρισεν – I, 5, 1, 69–70 (“...их сила и опытность как бы находились в равновесии; нам же следует посмотреть, куда судьба склонила чашу весов”).

На золотые весы Зевс бросает жребий Ахилла и Гектора (II. XXII, 210–213). Реминисценция из Гомера поддерживает эпический фон повествования Анны.

У Анны весами ведает τύχη. Представление о богине судьбы Τύχη возникло в эллинистическую эпоху, а затем было усвоено римлянами и византийцами. “Хронически нестабильное внешне- и внутривосточное положение Византии и высокая социальная мобильность населения (простому человеку возможно было достичь высших должностей) способствовали не только сохранению, но даже и популярности τύχη среди византийцев”³⁰. Впрочем, византийцы сознавали, что вера в τύχη “понятие языческое и распространенное больше в демократической среде – признак недостаточного благочестия”³¹.

Красив не только сам Никифор Вриенний, красиво его войско: πάντες δὲ ἐφ’ ἵππου θετταλῆς ἐποχοῦμενοι καὶ τοῖς σιδηροῖς θώραξι καὶ τοῖς περὶ τὴν κεφαλὴν κράνεσιν ἐξαστράποντες, τῶν τε ἵππων διεγειρομένων ἐς ὀρθὸν οὐς καὶ τῶν ἀσπίδων πρὸς ἀλλήλας παταγουσῶν, πολλή τις αὐτῶν τε καὶ τῶν κορυφῶν ἐκείθεν ἐξέλιπτε μετὰ δειμάτος – I, 5, 2, 86–90 (“Все... сидели верхом на фессалийских конях, их железные латы и шлемы на головах сверкали,

²⁷ Krischer T. Formale Konventionen der homerischen Epik. München, 1971. S. 23–89.

²⁸ Ibid. S. 36.

²⁹ Герасимова Н.М. Поэтика “Жития” протопopa Аввакума. СПб., 1993. С. 45.

³⁰ Коптелов Б.В. Духовное наследие античности в “Алексиаде” Анны Комниной // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 164–165.

³¹ Анна Комнина. Алексиада. С. 38.

кони поводили ушами; бряцание щитов, блеск щитов и шлемов наводили ужас”).

Гомер неоднократно отмечает сияние доспехов героев: при движении ахейского войска блеск от оружия восходит до небес (II. II, 455–458); щит и шлем Диомеда сверкают, подобно звезде (II. V, 4–6); сверкает щит Гектора (II. XI, 61–63); как звезда Геспер, сверкает копье Ахилла, которым он поражает Гектора (II. XXII, 317–318); блеск от щитов и шлемов достигает небес (II. XIX, 360–362); как огонь, блеск щитов и доспехов сходящихся на бой Идоменея и Мериона ослепляет воинов и вызывает страх (II. XIII, 340–344) (примеры Т. Кришера)³². Вслед за Гомером Анна подчеркивает *Glanz der Waffen* войска Никифора Вриенния.

К элементам аристейи, выделенным Т. Кришером, мы добавляем еще один. Благородны и прекрасны у Гомера не только ахейцы и троянцы, не менее великолепны кони гомеровских героев: сам Аполлон обучил кобылиц Эвмела, которых тот привез с собой под Трою (II. II, 763–767); Гектор посылает лазутчика Долона в ахейский лагерь, обещая ему в награду прекрасных коней Ахилла (II. X, 392–393); Одиссей с Диомедом похищают белоснежных фракийских коней царя Реза (II. X, 496–506). Анна замечает, что все (πάντες) воины центра фаланги, которым командовал Никифор Вриенний, сидели на фессалийских конях, не менее высоко ценившихся в Византии, чем арабские скакуны. В “Истории” Никифора Вриенния центр фаланги составляла τό τε ἀρχοντικόν... ἄλαν καὶ Θρακῶν τε καὶ Μακεδόνων καὶ τῆς Ἰλλου τῶν Θεσσαλῶν ὄσον – IV, 6, 19–20 (“фракийская и македонская знать и отборная часть фессалийской конницы”). Анна “пересаживает” всех воинов центра фаланги на фессалийских коней именно потому, что она моделирует эпизод по образцу гомеровского. Находясь под влиянием античной литературной традиции, Анна украшает созданную ею картину скрытой цитатой из Софокла. В трагедии “Электра” Орест благодарит своего воспитателя Пилада за верность и сравнивает его с благородным конем: ὦπτερ γὰρ ἴπλος εὐγενής... ὄρθον οὐς ἴσθησιν – Soph. El. 25–27 (“Конь крови благородной, хоть и стар,/ В опасности не упадет духом,/ Но прядает ушами”. – пер. С. Шервинского). У Анны: τῶν τε ἰλλῶν διεγειρομένων ἐς ὄρθον οὐς – I, 5, 2, 88–89 [“Кони поводили ушами” (букв.: выпрямляли уши)].

Никифор Вриенний находился в середине и “как Арей или древний гигант на целый локоть возвышался над всеми” (καθ' ἄλπερ τις Ἄρης ἢ γίγας ὑπερωμίας εἰς πῆχυν ἕνα τῶν ἄλλων πάντων ὑψόμενος – I, 5, 2, 91–92). Сравнение с Ареем и использование Анной гиперболы (Никифор Вриенний выше всех на локоть) поддерживают общий эпический фон повествования. Гомер часто сравнивает своих героев с Ареем: Мерион устремляется в бой, словно Арей (II. XIII, 295–301); Гектор выступает впереди всех, равный Арею (II. XIII, 801); Гектор свирепствует, как Арей (II. XV, 603–604). γίγας – гигант – цитата-имя, которая актуализирует в сознании читателя несколько сюжетов. Сторуких гигантов (гекатонхейров) породила Гея. Вознамерившись отнять у богов-олимпийцев власть над миром, гекатонхейры вступили с ними в битву, но были повержены и погибли от стрел Геракла. Об этих гигантах Анна вспоминает в эпизоде с Василаки, где она сравнит его именно с гекатонхейром (ἑκατοντάχειρα γίγαντα – I, VII, 3, 27). Вриенния Анна срав-

нивает скорее с гигантом Антеем или Герионом, которые были побеждены в единоборстве с Гераклом. Несмотря на то что литературное имя дает отсылку к неопределенному литературно-мифологическому контексту, оно имплицитно поддерживает сравнение Алексея с Гераклом, сделанное в предыдущем эпизоде, рассказывающем о Руселе.

Никифор Вриенний рассказывает об участии в этом бою брата Вриенния Старшего Иоанна Вриенния. В одном из сражений войска Вриенния дрогнули перед натиском Алексея. «Но в это время их вождь Иоанн Вриенний вместе с немногими обнажил свою саблю, поразил передового из “бессмертных” (название одного из отрядов конницы), и этим не только остановил свое войско, но даже обратил в бегство противников» (N. Vg. IV, 8). В изображении Анны Иоанн Вриенний, “вспомнив бурную силу” (μνηθεὶς ἐνταῦθα θούριδος ἀλκῆς – I, 5, 4, 21), исполнился гнева (καὶ θυμοῦ τῷ ψαλλίῳ – I, 5, 4, 22), повернул коня, одним ударом поверг наземь преследующего его... бессмертного, остановил отступающую фалангу, выстроил ее и дал отпор врагу. Бессмертные, в свою очередь, бросились в беспорядочное и безудержное бегство, а преследующие воины разили их” (I, 5). Анна не маркирует цитату из “Илиады”, приводит ее неточно, но она, видимо, узнавалась аудиторией по характерной фразеологии. У Гомера Гектор побуждает троянцев словами: ἀνέρες ἔστε, φίλοι, μνήσαθε δὲ θούριδος ἀλκῆς – II. VI, 112 = II. 8, 174 (“Будьте мужами, о други, вспомните бурную силу”).

Еще два раза Анна приводит эту цитату, и оба раза неточно: VII, 7, 1, 32–33 (не маркирует цитату) и XIII, 5, 6, 13–14 (здесь есть маркер κατὰ τὸν ποιητὴν – “как сказал поэт”). Эта цитата в рассказе о Никифоре Вриеннии поддерживает эпический фон повествования, на котором продолжают развиваться события. Согласно Никифору Вриеннию, Иоанн Вриенний выступает против “бессмертных” вместе со своими воинами. У Анны Иоанн Вриенний один, как эпический герой, поворачивается против вражеского войска. Так в “Илиаде” один Агамемнон преследует целые отряды троянцев (II. XVI, 165–166); аргивяне разбегаются перед Гектором (II. XV, 635–636); Гектор впереди всех гонит даидайцев (II. VIII, 338); Ахилл у реки Ксанфа разделяет бегущих от него троянцев: одних гонит по долине, других поражает на берегу реки (II. XXI, 12).

Алексей захватывает в битве коня Вриенния и приказывает глашатаю разъезжать с этим конем по всему войску и кричать, что Вриенний пал в битве. Никифор Вриенний сообщает: Τοῦτο πολλοὺς τῶν φευγόντων μένειν ἔπειθε, τοὺς δὲ καὶ παλινστέειν – IV, 9, 28–29 (“Это заставило многих бегущих остановиться, а многих даже вернуться назад”). Из этого материала Анна создает яркую, выразительную образную картину: “Что за странная была картина! Головы коней были обращены вперед, а лица самих всадников повернуты назад, они не двигались вперед и не хотели повернуть назад, но были изумлены и приведены в недоумение всем происходящим” (I, 5). Анна вводит в исторический сюжет элемент художественного вымысла. Как отмечал М.И. Стеблин-Каменский, для средневековой литературы характерно тесное переплетение в описании реальных событий (“исторической правды”) и неосознанного вымысла, который воспринимается как такая же “истинная правда”. По М.И. Стеблин-Каменскому, такой тип вымысла называется “скрытым”, а явление в целом – “синкретической правдой”³³.

³² Krischer T. Op. cit. S. 36–38.

³³ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. С. 48.

В войске Алексея сражались наемники-скифы. В один из моментов сражения, когда Алексей собирал своих обращенных в бегство воинов, скифы внезапно напали на один из отрядов Вриенния и обратили его в бегство, а затем стали грабить убитых. В “Истории” Никифора Вриенния мы читаем: ...καὶ ὅσον θνητικὸν σκυλεύσαντες καὶ ἵπλους καὶ λάφυρα λαβόντες ἀπῆσαν οἴκαδε – IV, 9, 16–17 (“...и по обычаю наемников, ограбив убитых, захватив коней и добычу, уходили (sc. скифы) домой”). Своего суждения, своей оценки Никифор Вриенний в этот эпизод не вкладывает: ничто не удивляет его в поведении наемников.

Довольно точно пересказывая этот эпизод, Анна “врывается” в повествование со своей оценкой действий наемников. Возмущение и презрение рождаются у писательницы не потому, что скифы предаются грабежам, это, как замечает писательница, “их обычное дело” (I, 5). В диалоге, который Анна постоянно ведет со своим мужем, следующая реплика поражает своей эмоциональностью, живой личной обращенностью к тому, что она говорит: Τοιοῦτον γὰρ τὸ ἔθνος τὸ σκυθικόν· μῆλω καθαρῶς τρεψάμενοι τὸν ἀντίπαλον καὶ τὸ κράτος ἀναδησάμενοι διαφθείρουσι τὴν νίκην τῇ λαφυραγωγίᾳ – I, 5, 6, 44–45 (“Таково скифское племя: не разбив до конца неприятеля, не закрепив успеха, они, предаваясь грабежам, губят победу”). Негативность оценки, даваемой писательницей, имеет принципиальный характер, ибо за порицанием скифов, их неумением идти до конца и одержать победу скрывается неприятие Анной определенного типа поведения как знака некоторой жизненной установки и идеологической позиции. То, что для Никифора Вриенния вообще не имело значения, для Анны было носителем идеологического содержания.

На общем эпическом фоне даже скифы у Анны, как аргиевие в “Одиссее”, “мечтают о возвращении домой” (νόστου μνησάμενοι – I, 5, 9, 74). Здесь имплицитная неточная цитата из Гомера: νόστου μμνήσασθαι – Od. III, 142.

Никифор Вриенний сообщает об одном из “бессмертных” воинов Алексея, который нанес удар в грудь самому Вриеннию (IV, 11). Анна характеризует этого воина θρασυόπλαγχνός τις ὢν – I, 6, 3, 12 (букв.: человек с дерзкой утробой), почти точно цитируя Еврипида (цитата не маркирована). Это слова Федры из трагедии “Ипполит”: δουλοῖ γὰρ ἄνδρα, καὶ ἄν θρασυόπλαγχνός τις ἦ, ὅταν ξυνεῖδῃ μητρὸς ἢ πατρὸς κακὰ – Eur. Hipp. 424–425 (“Ведь лишается воли даже очень дерзкий муж, когда узнает о позоре матери или отца”). Анна не упоминает Еврипида, лично окрашивая и тем самым увеличивая выразительную силу рассказа о нападении на Вриенния. В том же эпическом ключе турки, подходя один за другим, “непрерывно осыпали войско тучей стрел” (τοῖς συνεχέσι βέλεσι τὸ στράτευμα κατεσχίαζον – I, 6, 4, 20). Анна использует эпическую фразеологию, встречающуюся у Гесиода: κατὰ δ’ ἔσχίασαν βέλεσι| Τιτῆνας – Hes. Theog. 716–717. Гесиод описывает битву титанов и гигантов, в которой гиганты “осеняют титанов стрелами”, т.е. посылают в них столько стрел, что они затемняют солнце.

Вот как повествует Никифор Вриенний о сдаче в плен Вриенния: “Пока у него не устала рука, он не переставал наносить и получать удары, а когда наконец устал, добровольно уступил уговорам врагов и был взят в плен” (IV, 13). Διήγησις Анны насыщен сравнениями: “Вриенний, как некий отважный атлет (καθάλερ τις ἀθλητῆς γενναῖος – I, 6, 6, 42–43) остановился, готовый к

рукопашной схватке, и вызвал на бой двух доблестных турок (πρὸς ἑαυτὸν δούο τῶν Τουρῶν γενναίους ἐξεκαλέσατο – I, 6, 6, 43–44)”. Одному турку Вриенний отрубает руку вместе с копьем, а другой турок “как леопард (καθάλερ τις πάρδαλις – I, 6, 6, 48) бросился к лошади Вриенния, пристроился у крупа и... старался забраться на спину лошади. Вриенний вертелся, как зверь (καθάλερ θηρίον – I, 6, 6, 50), стремясь пронзить мечом турка. У него, однако, ничего не выходило, потому что турок все время извивался за его спиной и избегал ударов. Когда же рука устала разить пустоту, утомился и сам атлет (ἀλείπεν ὁ ἀθλητῆς – I, 6, 6, 54), он отдал себя в руки врагов. Схватив его и, можно сказать, завоевав этим величайшую славу (μεγαλῦδος ἀράμενοι – I, 6, 6, 55–56), они доставляют его Алексею Комнину”. В “Истории” Никифора Вриенния на Вриенния Старшего бросается не “второй турок”, а “первый турок с отрубленной рукой (ὁ πρῶτος τὴν χεῖρα ὑλ’ αὐτοῦ ἐκτμηθεῖς – IV, 13, 22–23)”. Анна не заимствует эту яркую деталь: ее рассказ должен быть интересен другими деталями.

В описаниях подвигов Иоанна и Никифора Вриенниев обнаруживаются элементы аристей: описание вооружения (Glanz der Waffen); великолепие коней; выход героя против вражеского войска (Никифор Вриенний Старший); преследование войск противника (Иоанн Вриенний), вызов на бой и последующее единоборство Никифора Вриенния с двумя турками.

Заключает Анна рассказ о Никифоре Вриеннии эффектным эпизодом, отсутствующим в “Истории” ее мужа. Она стремится уверить читателя в том, что такое событие действительно имело место, ссылаясь на Алексея: “Я часто слышала, как отец рассказывал об этом” (I, 6). Алексей отнесся к пленному Вриеннию с дружелюбием и уважением. Он предложил пленнику спешиться и вздремнуть. Вриенний кладет голову на корни “высоковолового дуба” (ὑψηλῶν δρυός – I, 6, 9, 77), Алексей засыпает, “а Вриенния, как говорится в сладостных стихах, ласковый сон не покоил” (τὸν δ’ οὐκ εἶχε νῆδυμος ὕπνος, τοῦτο δὲ τὸ τῆς γλυκείας ποιήσεως – I, 6, 9, 78–79). Вриенний решает убить спящего Алексея, но этому помешала ἄνωθεν θεία δύναμις (I, 6, 9, 83–84) – “высшая божественная сила”. Ὑψηλῶν δρυός – реминисценция из II. XIV, 398. Источник маркированной цитаты также II. II, 1–2. Анна впервые приводит точную маркированную гомеровскую цитату. Царь, спящий на траве под деревом и человек, которому он доверился, злоумышляющий против него, – какой прекрасный сюжет для драмы! Но в этой драматической раг excellens, напряженной ситуации ее герои действуют не по законам драмы. Рассказ о борьбе Алексея с Вриеннием смоделирован Анной по образцу эпических гомеровских эпизодов (с использованием элементов аристей). Резко маркированный конец рассказа о Вриеннии (использование в сильной позиции точной явной цитаты) не оставляет сомнений в авторском замысле.

Э. Дейк предполагает, что весь этот эпизод смоделирован по образцу II. I, 194–198, где Ахилл, ссорясь с Агамемноном, вытаскивает меч, но смиряется, когда Афина в буквальном смысле спускается сверху и уговаривает его. “Вызывая в воображении эту гомеровскую ситуацию, Анна придает правдоподобие совершенно неправдоподобной ситуации и облакает Алексея аурой защищенного свыше вождя”³⁴.

³⁴ Диск A.R. Iliad and Alexiad: Anna Comnena’s Homeric Reminiscences // GRBS. 1986. 27/1. P. 116.

Дальнейшая судьба Никифора Вриенния оказалась печальной: он был ослеплен. Анна пишет, что инициатором ослепления был Борил, человек, приближенный к Вотаниату (I, 7), ὁ ἐμὸς πατὴρ ἀναίτιος – I, 6, 9, 90 “мой отец (в этом) неповинен”. Враждебный Алексею Зонара обвиняет в ослеплении именно его (Zon. XVIII, 19). Анна называет то, что случилось с Никифором Вриеннием τὸ... τῶν ἀβουλήτων – I, 6, 9, 88–89 (“нечто непредвиденное”) и даже по прошествии многих лет уходит от оценки этих событий, “прячась” за цитатой: Βορῖλος... ἐξελθὼν τῆς πόλεως καὶ ὑπαντήσας τῷ μεγάλῳ δεμestίῳ καὶ ἐμῷ πατρὶ τὸν Βρυέννιον ἐκ τῶν χειρῶν αὐτοῦ παραλαβὼν ἔδρασεν ὃ τι δὴ καὶ ἔδρασεν – I, 7, 1, 93–1 (“Борилл... выйдя из города навстречу великому доместику, моему отцу, принял у него Вриенния и сделал с ним то, что сделал”). Ἐδρασεν ὃ τι δὴ καὶ ἔδρασεν – точная цитата из “Эфиопики” Гелиодора (Heliod. Aeth. V, 1 (141, 1–2 Colonna)).

Главы 7–9 1-й книги “Алексиады” посвящены рассказу о войне Алексея и преемника Вриенния Василага, провозгласившего себя императором, и представляют собой переложение глав 16–28 IV книги “Истории”. Никифор Вриенний ничего не сообщает ни о внешности Василага, ни о его воинской доблести. Все это читатель узнает из повествования Анны: ἀνὴρ μὲν ἦν τῶν πᾶν θυμαζομένων ἐπ’ ἀνδρεία τε καὶ θυμῷ καὶ τόλμῃ καὶ ῥώμῃ – I, 7, 1, 4–5 (Василаки “был мужем удивительным по своему мужеству, храбрости, смелости и силе”). Он “вызывал восхищение своим ростом, силой рук, величественным выражением лица”: θαυμαζόμενος ὁ ἀνὴρ ἐπὶ τε μεγέθει σώματος καὶ κράτει βραχιόνων καὶ προσώπου σεμνότητι – I, 7, 2, 14–15. На первый взгляд, достоинств у Василага ничуть не меньше, чем у его предшественника Никифора Вриенния. Однако, замечает Анна, “такие достоинства более всего привлекают грубый и воинственный народ. Ведь он не смотрит в душу человека и не обращает внимание на его добродетель (πρὸς ἀρετήν – I, 7, 2, 16), но удовлетворяется телесными достоинствами, восхищается смелостью, силой, быстротой бега и ростом, считая, что этих качеств вполне достаточно для багряницы и диадемы”. Василага в изображении Анны – не эпический герой: он καλός, но не ἀγαθός. На войну с ним, Алексей Комнин снарядился ὡς πρὸς Τυφῶνα μέγαν ἢ ἑκατοντάχειρα γίγαντα – I, 7, 3, 16. (“как на борьбу с огромным Тифоном или сторукиим гигантом”). Победу над Тифоном, страшным змееподобным чудовищем, порождением Геи и Тартара, одержал Зевс. По другим вариантам мифа, Тифон был убит Аполлоном. Сторуких гигантов, хтонических существ, победил Геракл, который сражался на стороне богов-олимпийцев. Цитаты-имена (Тифон, гекатонхейр) в описании Василага выполняют образно-характерологическую функцию: он предстает в виде мерзкого чудовища, существа “низа”, на Алексея же падают отблески лучей славы Зевса и Аполлона. Говоря о мужестве и смелости Василага, Анна старается воздать ему должное, но он, как и Русель, в ее изображении – не эпический герой. О них, “губительных язвах” (θανατώδεις κῆρας – I, 10, 1, 12) Анна скажет пренебрежительно во множественном числе: λέγω δὴ Οὐρσελίους καὶ Βασιλαχίους καὶ ὅσοι τὸ τυραννικὸν συνελλήρουσι πλῆθος – I, 10, 1, 13–14 (“Я имею в виду руселей, василаки и все множество тиранов”). Вриенний из этого списка исключен.

Цитаты-имена имплицитно вводят тему подвига Геракла, которая будет определять дальнейшее развитие сюжета у Анны (т.е. эти цитаты выполняют также и сюжетобразующую функцию). Сравнение Алексея с Гераклом

поддерживается анималистическими сравнениями: βωλερ λεῶν ἐχώρει βλαυστρός πρὸς τὸν χαυλιόδοντα τοῦτον οὖν Βασιλάχιον τὸν θυμὸν αὐτοῦ ἀνεύειρας – I, 7, 3, 31–32. (Алексей “как страшный лев распалил свой гнев и выступил против этого клыкастого вепря – Василага”). Здесь аллюзия на один из подвигов Геракла – победу над Эриманфским вепрем, львиная шкура – атрибут Геракла, который одолел Немейского льва.

Алексей Комнин, провоцируя Василага на нападение, придумывает военную хитрость: вместе с войском он покидает лагерь, оставляя там зажженные фонари и освещенные палатки. Василага решил схватить Алексея, полагая, что тот находится в лагере. Захватив его палатку, «и не найдя в ней никого, кроме монаха и горящей лампы, – пишет Никифор Вриенний, – он с надменностью спросил: “Где картавый?” (ибо Алексей не чисто выговаривал “р”) (N. Bg. IV, 22). Думая, что его обманывают, Василага засмеялся поговорке, сардонически, и приказал своим подчиненным изрезать палатку... велел нагнуться под кровать доместика, и искать, не там ли он спрятался... заставил опрокинуть стоявшие в палатке ящики... потеряв надежду... он... повторял: “Беда мне, картавый обманул меня”. Не находя, над чем бы другим посмеяться в таком человеке, он только и твердил про этот малейший и невольный недостаток...» (N. Bg. IV, 22).

Анна смеется над самим Василагом. В ее рассказе он врывается в палатку императора πολυτάραχτόν τε καὶ θορυβῶδες βοῶν – I, 8, 1, 73 (“с громким устрашающим криком”). Так в романе Ахилла Татия “Левкиппа и Клитофон” герой, узнав о смерти своего возлюбленного, бросается к его телу πολυτάραχτον βοῶν – I, 13, 2 (букв.: сильно рыдая). Анна цитирует точно, и для посвященного, эрудированного читателя, знакомого с греческим романом, насмешка Анны над Василагом становится очевидной: экспрессивность иронии придает сравнение с исходным текстом. В палатке он находит только τινές... τῶν θητευόντων εὐαταφρόνητοι – I, 8, 1, 75–76 (“несколько жалких слуг”). У Анны Василага сам обыскивает палатку: “...начал розыски, перевернул вверх дном все сундуки, походные кровати и даже самое ложе моего отца” (I, 8). Не найдя Алексея, он ἐτι μᾶλλον ἐβόα καὶ ἐχεκράγει “лоῦ ποτέ ἐστιν ὁ τραυλός” – I, 8, 1, 76 («закричал еще громче: “Куда делся картавый?”»). Раскричавшийся Василага смешон, и выкрики о картавости Алексея характеризуют не Алексея, а его, Василага, манеру говорить, его манеру держать себя. Поведение Василага позволяет Анне отождествить его с героем комедии: обыскав всю палатку, он τοῦτο δὴ τὸ τοῦ Ἀριστοφάνους, ἐρεβδιφῶν οὐκ ἀνίει – I, 8, 2, 90–91 («не прекратил, говоря словами Аристофана, “исследовать тайны Эреба”» – неточная цитата из комедии Аристофана “Облака”). Стrepсиад, придя в “мыслильню” Сократа, видит, как ученики ἐρεβδιφῶσιν ὑπὸ τὸν Τάρταρον. Nu. 192 (“исследуют тайны Эреба”).

Личность Василага дана как определенная манера поведения, манера говорить и действовать, включающая в себя и авторскую оценку этой манеры. Василага у Анны – герой “низа” в противоположность Алексею, приравненному к богам и героям. В “Истории” Никифора Вриенния из слов и поступков Василага Анна отбирает те, что позволяют ей высмеять этого персонажа, надеть на него маску комического героя. Она подчеркивает комические черты в поведении Василага, почти сгущая их до создания образа.

Когда войска Алексея и Василага сошлись в бою, один из воинов Алексея, “узнав Василага, ударил его саблей по шлему, и сабля, переломившись

у самой руки, упала” (N. Вг. IV, 24). К этому случаю Анна подобрала цитату из “Илиады”: τὸ γὰρ ξίφος αὐτοῦ τριχθαῖ τε καὶ τετραχθαῖ διατρυφθὲν ἐξέλεσε τῆς χειρός – I, 8, 4, 23–24. С ним (с воином) случилось то, что произошло с Менелаем в битве с Александром: “его меч, в три иль четыре куска раздробившись, пал из десницы”. Цитирует Анна очень близко к тексту, но все-таки неточно. У Гомера: πλῆξεν ἀνασχόμενος κόρυθος φάλον ἀμφὶ δ’ ἄρ’ αὐτῷ/ τριχθαῖ τε καὶ τετραχθαῖ διατρυφθὲν ἐκλεσε χειρός – II, III, 361. Блеснув эрудицией, Анна цитирует Гомера, чтобы придать событию возвышенный смысл, поднять его до уровня эпического события.

Далее Никифор Вриенний сообщает, как другой воин по ошибке принял Алексея за неприятеля и ударом копыта чуть не сбил его с лошади (IV, 24). Анна, пересказывая этот эпизод, называет этого воина “Ἀρεῶς ὄλος ἔμπλεως – I, 8, 6, 38 (“исполненный духа Арея”). Таким образом, Алексей продолжает действовать в героико-эпическом окружении. Даже Василики καὶ οὐδ’ ὧς ἐπιλανθάνεται πολέμου καὶ μάχης (I, 9, 4, 81–82) – “не прекратил боевых действий”, хотя ему и была гарантирована безопасность. Так у Гомера сказано про Агамемнона: ἀλλ’ οὐδ’ ὧς ἀπέληγε μάχης ἦδέ πολέμοιο – II, II, 255 (“Брани же и боя герой не оставил и так”). Героизм Василики в данном случае, как и героизм воинов Алексея, – фон для описания подвигов Алексея.

Никифор Вриенний сообщает, как Василики бежал, чтобы занять город Фессалонику, а Алексей преследовал его. Писатель замечает: Εἰκότως οὖν ἂν τις κἀνταῦθα τὸ ἔπος ἀριόσειε τὸ Ὀμηρικόν, ὃ περὶ Ἀχιλλέως ἐκεῖνος καὶ Ἔκτορος ἔφησε, τό· πρόσθε μὲν ἐοθλὸς ἔφευγε, δίωκε δέ μιν μέγ’ ἀμείνων – IV, 26, 8–10 («В этом случае справедливо было бы применить гомеровский стих, который говорит об Ахилле и Гекторе: “Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший”» – точная цитата II, XXII, 158). Обращение Никифора Вриенния к цитате обусловлено скорее сходством ситуаций, а не стремлением охарактеризовать Алексея и Василики через сравнение с Гектором и Ахиллом. Алексей заслуживает сравнения с Ахиллом, так как, по словам Никифора Вриенния Алексей был героем “по силе и духу” – ἦν ἐκεῖνος γενναῖος κατὰ χειρὰ τε <καὶ> κατὰ ψυχὴν (IV, 26, 11), происходил из знатного рода и подвигами поднялся “к великой славе” – εἰς μέγα κλέος (IV, 26, 12). Василики же можно сравнить с Гектором только потому, что он бежал от более сильного противника. Анна не заимствует ни эту гомеровскую цитату, ни цитату, которой Никифор Вриенний завершает рассказ о войне Алексея с Василики: “Подвиги Алексея показали, что нужно не слишком полагаться на судьбу, особенно, когда она благоволит к нам. И вот Еврипид, думаю, хорошо сказал, что одно мудрое решение побеждает много рук (ἐν σοφὸν βούλευμα τὰς πολλὰς χέρας νικά – IV, 28, 11–12). Их дела подтвердили верность этих слов”. Функция цитаты в тексте Никифора Вриенния в данном случае очень традиционна: она никак не влияет на формирование сюжета, ее функция ограничивается отсылкой к авторитету (“the authoritative function”). Никифор Вриенний цитирует, вероятно, трагедию “Антиопа”, от которой сохранились только фрагменты (Antiope, fr. 31).

Свой (καθ’ ἡμᾶς) рассказ о Василики Анна завершает цитатами-именами (метафорической номинацией), отождествляя Алексея с Гераклом, а Василики – с Эриманфским вепрем: τοῦτο τρίτον ἄθλον πρό γε τῆς βασιλείας καθάπερ τινὶ Ἦρακλεῖ τῷ μεγάλῳ Ἀλεξίῳ γεγένητο. ἂν γὰρ τις Ἐρυμάνθιον

Κάλτρον τὸν Βασιλάχιον τοῦτον καλεῖσθαι, πρῶτον μὲν ἵνα τὸν ἄριστον καὶ τοῦτον τὸν ἐμὸν πατέρα Ἀλέξιον, οὐκ ἂν ἀμάρτοιο τῆς ἀληθείας – I, 9, 6, 95–3 (“Таков был третий подвиг, который совершил этот новый Геракл – великий Алексей ... Ведь не греша против истины, можно назвать Василики Эриманфским вепрем, а моего храбрейшего отца – Гераклом”). Отождествление Алексея с Гераклом подготавливалось по ходу всего повествования Анны целым рядом деталей. Сначала в рассказе о Руселе сопоставление Алексея с Гераклом дано в виде сравнения, причем сравниваются ситуации, в которых оказались герои (мнимая смерть Алкестиды / мнимое ослепление Руселя), и их поведение в данных ситуациях (гл. 3). Тема, заявленная в начале, превращается в лейтмотив, управляющий всем повествованием Анны в главах 1–9 1-й книги. Сопоставление Алексея с Гераклом имплицитно поддерживается в рассказе о Вриеннии (сравнение Вриенния с гигантом в гл. 5), продолжается в рассказе о Василики (сравнение Василики с гекатонхейром и “клыкастым вепрем”, сравнение Алексея со львом в гл. 7).

Пересказывая текст Никифора Вриенния, Анна строит свое повествование по определенному плану: борьба Алексея против Руселя, Вриенния и Василики представлена как три подвига, которые писательница сравнивает с тремя подвигами Геракла: выведение Алкестиды из царства мертвых, борьба с гигантами, победа над Эриманфским вепрем. При описании подвигов Алексея писательница ориентируется на определенные литературные жанры, моделируя эпизоды по образцу драматических или эпических (с использованием элементов аристейи). Никифор Вриенний не использовал намеченных им самим сюжетных возможностей текста: “драму” Руселя он наблюдал как зритель и не чувствовал в себе сил, чтобы написать “вторую Илиаду” для описания подвигов Никифора Вриенния Старшего. Сравнение Алексея с Гераклом также представляется нам как развитие темы Никифора Вриенния, им не осуществленное, а только намеченное во “Введении” к “Истории” и “угаданное” Анной: “... всякий раз, как встречалось какое-нибудь дело... в совершении которого надлежало показать силу духа и подвергнуться неизбежной опасности, тотчас выбор, преимущественно перед всеми, падал на Комнина, и такие великие и трудные дела всегда предлагались ему с той мыслью, что он или послушается приказания, и, геройски, по своему обыкновению, совершая какое-нибудь из этих дел, падет... в битве... или, если не послушается... подаст повод справедливо обвинить его и повергнуть законной казни”. Так трусливый Эврисфей посылал на подвиги Геракла.

В рассмотренных нами главах Анна 35 раз цитирует античных авторов: Гомера, Гесиода, Эсхила, Еврипида, Аристофана, Платона, Гелиодора и Ахилла Татия. Четыре явные цитаты, маркированные Анной, даются без отсылок к источнику. Эксплицированные цитаты вводятся словами: κατὰ τὴν τραγωδίαν (I, 2, 4, 94), τοῦτο δὴ τὸ τῆς γλυκειᾶς ποιήσεως (I, 6, 9, 79), τοῦτο δὴ τὸ τοῦ Ἀριστοφάνους (I, 8, 2, 90). Основной тип цитирования в рассмотренных нами главах – это имплицированные цитаты. Писательница часто (14 раз) использует цитаты-имена, которые мы считаем отдельно, хотя при более широком взгляде на цитату как интертекст их можно понимать и как точные явные цитаты. За исключением цитат-имен Анна цитирует античных авторов, в основном неточно (точных цитат всего три). Сложность решения вопроса о точности цитирования заключается в том, что нам неиз-

вестно, к каким именно рукописным источникам обращалась Анна. Эта проблема требует специального исследования.

Цитаты из античных авторов выполняют следующие функции: 1) демонстрируют ученость писательницы (“the erudite function”), 2) украшают текст (“the decorative quotation”), 3) в целях художественной выразительности характеризуют персонажи и ситуации, 4) с их помощью Анна моделирует эпизоды по определенному литературному образцу.

Также они выполняют сюжетобразующую функцию (сравнение Алексея с Гераклом на протяжении всех девяти рассмотренных глав) и смыслообразующую (полемика с Никифором Вриеннием), т.е. служат смыслопорождающим началом в авторском тексте.

Там, где Анна цитирует античных авторов, она представляет текст Никифора Вриенния, расставляя или изменяя акценты: 1) героизирует персонажей (Алексей), 2) подчеркивает эпический характер героизма персонажей (борьба Алексея с Вриеннием Старшим), 3) иронизирует над персонажами (Василаки), 4) вступает с Никифором Вриеннием в скрытую полемику по поводу оценки деятельности главного героя – Алексея. С помощью цитат Анна кодирует свой текст путем отождествления ситуаций, описанных Никифором Вриеннием, с мифологическими, а реальных людей – с персонажами мифа, героями эпоса или участниками драмы.

Варьирование тем Никифора Вриенния представляет собой пример интертекстуальной связи. Анна рассчитывает на то, что каждая новая трактовка того или иного эпизода будет восприниматься читателем именно в связи, на фоне “Истории” ее мужа. Реакции и ценностный (аксиологический) подход к действительности Анны расходится с ценностным подходом Никифора Вриенния, отлично и направление творческих интенций писательницы. Анна умеет и любит писать. Правда, кроме “Алексиады”, под ее именем до нас дошло лишь одно стихотворение и неизвестно, сколь обширным было ее литературное наследие. Слова Анны в 4-й книге звучат как сожаление об упущенных возможностях: “О, если бы я была свободна и не связана любовью к своему отцу! Я бы воспользовалась всем богатством своих сведений и показала бы, на что способна моя речь, когда ее ничто не сдерживает, и как она тяготеет к изображению прекрасного!” (IV, 8).

Цитация является особенностью стилового поведения писательницы. Античные реминисценции у Анны – это “знак литературности” (термин Ю. Тынянова). Все использованные ею цитаты встречаются в авторской речи, а не в речи персонажей, т.е. характеризуют прежде всего саму Анну. Она строит модели сюжетов и поведений, основываясь на системе цитат из античных авторов. В “Алексиаде” возможны цитаты, атрибуция которых предполагает “расшифровку”, т.е. установку на литературную игру с читателем. Читателю Анны для адекватного прочтения ее текста зачастую необходимо вспомнить текст-источник, осуществить “интеллектуальный анамнез”³⁵.

Таким образом, использованные Анной античные реминисценции характеризуют аудиторию Анны, так как рассчитаны на определенный уровень читательского тезауруса. Читатель Никифора Вриенния, прежде всего получатель информации. Для Анны читатель – это участник игры. Анна неод-

нократно отсылает читателей к сочинению своего мужа, явно рассчитывая на то, что читатель поймет, где начинается ее авторское слово. Текст Никифора Вриенния для нее – это повод, который провоцирует смыслопорождающую игру (подтекст). Текст Анны в некоторых случаях звучит как скрытая полемика с Никифором Вриеннием, как заявление другой точки зрения на мир. Установка на признание этой полемики читателями является определяющим фактором для адекватного понимания ее текста. Полемизируя с Никифором Вриеннием, Анна отвечает ему цитатой из античных авторов. Писательница использует арсенал античной, а не христианской литературы с ее проповедью смирения, непротivления злу насилем. Несмотря на то что ссылки на Священное Писание для византийских авторов носят этикетный характер, в рассмотренных главах Анна ни разу не цитирует Библию или произведения Отцов Церкви. На наш взгляд, это связано с системой ценностей византийской принцессы. По существу, диалог Никифора Вриенния и Анны превращается в диалог о ценностях. В рассмотренных главах “Алексиады” Алексей предстает перед читателем как человек действия, а не рассуждения. Он – герой расчета и воли, всеми средствами добывающийся поставленных целей. Из сочинения своего мужа Анна выбрала истории трех претендентов на императорский престол. Анну интересует вопрос не столько о том, почему *им* не удалось достичь желаемого, как *они* ведут себя, сколько вопрос о том, как ведет себя *Алексей*, какими качествами должен обладать человек, чтобы быть “достойным диадемы”. Анна описывает разные типы поведения людей (Алексея, скифов, Василаки, Вриенния Старшего) в условиях борьбы за власть как проявление определенной жизненной позиции, мировоззрения. Сама Анна предстает перед читателем как режиссер, творец. Не являются ли демиургические интенции Анны, проявляющиеся в ее творчестве, отражением ее активной жизненной позиции? Быть может, Анна рассчитывает на то, что читатель, знакомый с историей неудачного заговора, главой которого была она сама, поймет, о чем умолчала писательница. В основе полемики, которую ведет Анна со своим мужем, лежит упрек Никифору Вриеннию за бездействие во время заговора, ведь было известно, что заговор не удалось осуществить из-за того, что претендент на престол Никифор Вриенний струсил и не появился в решающий момент.

³⁵ Jenny L. La stratégie de la forme // Poétique. 1976. N 27. P. 266.

Т.В. Куш

ОБРАЗ ОТЕЧЕСТВА В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ МАНУИЛА II ПАЛЕОЛОГА¹

Правление императора Мануила II Палеолога (1391–1425) было важным этапом в поздневизантийской истории. Турецкая угроза становилась все более ощутимой. Империя утрачивала свои владения под натиском турок. И в этих условиях правительство пыталось найти пути спасения. С этой целью была предпринята знаменитая поездка Мануила в Западную Европу², которая, однако, не принесла ожидаемых результатов. Найти поддержку у Запада не удалось даже в обмен на предполагаемую унию двух церквей. Опасность, нависшая над Византией, стимулировала патриотические уmonoстроения.

В византийской литературе тема родины (ἡ πατρίς) была одной из самых распространенных, поскольку отношение к отечеству было мерилom гражданской позиции человека. Любовь к отчизне занимала особое место в системе ценностей византийца. В корреспонденции византийского императора Мануила II Палеолога эта мысль четко выражена лишь однажды, но по сути она пронизывает большую часть переписки. В письме Димитрию Кидонису, учителю и другу, Мануил II замечает, что “ты сделал бы правильно, приняв все во внимание, если бы... отдался от каждого приглашающего тебя отправиться в чужие земли. Ты должен держаться отечества лучше чем осьминоги скал”³, тем более что родину “захлестывает буря”⁴. Любовь к родине и патриотизм человека возвращались на примерах его предков. Оглядка на прошлое и оценка по особой шкале добродетелей были характерны для византийского сознания. Человек должен соответствовать своим великим отцам, поскольку “наибольшим позором было бы, если б хвала, воздаваемая их собственным предкам, измерялась ничтожностью сыновей, и что было бы гораздо худшим злом для сыновей быть менее выдающимися, чем их отцы”⁵. Любовь к отечеству укреплялась осознанием причастности к блестящему прошлому своей страны.

Тоска по родине и желание скорого возвращения возникали у Мануила II во время его дальнего путешествия в Западную Европу⁶, как, в прочем, и у

любого, кто оказывался за пределами отечества. Безусловно, для многих византийских писателей конца XIV–XV в. разрыв с родиной был равнозначен духовной смерти человека: “Человек, покинувший свою родину, подобен крылатому муравью: как тот гибнет, пускаясь в полет, так и человек этот губит себя, странствуя с места на место”⁷. Возможно, поэтому проблема эмиграции для многих становилась проблемой нравственного выбора.

Образ родины в письмах Мануила II окрашен в трагические тона. Описывая состояние Византии, Мануил подчеркивает всю сложность ситуации, в которой пребывает империя: “Положение дел в стране... превзошло и затмило все трагедии”, “Любимая тобой страна в жалком состоянии”, “Бедствия, которые обрушились на нас и которые еще угрожают”⁸. Бедственное положение отечества связано, по мнению Мануила, с трудностями внешнеполитического и экономического характера. Финансовое состояние государства весьма плачевно, императорская казна пуста. Сам император жалуется на “недостаток денег, причиняющий вред каждому в отдельности и государственным делам в целом”⁹. Любой, как пишет Мануил, может “обнаружить нас нуждающимися в деньгах”¹⁰. В такой ситуации следует только уповать на Бога, во власти которого исправить материальное положение страны: “Пусть Господь в скорости избавит нас от этого и одарит благоденствием наших предков”¹¹. В нищете пребывает и население империи: “... почти все они (сограждане. – Т.К.) словно Иры, и легко пересчитать тех, кто не ложится спать голодным”¹². Еще в 1383 г. в период своего деспотата Мануил пишет из осажденной Фессалоники учителю и другу Димитрию Кидонису, что почти невозможно управлять обнищавшими жителями: “Никто не сможет править вашими согражданами, если их взгляды останутся неизменными, если только прежде не осыпать их золотом”¹³. Император тем самым осознает, что политическая стабильность в стране напрямую зависит от материального благополучия ее подданных.

Даже в императорском дворце царит хаос, “все наполнено шумом, который невозможно прекратить из-за постоянной нехватки слуг”¹⁴. Толпы настойчивых просителей заполнили покои, что-то требуя от василевса (“люди снаружи, внутри и повсюду, угнетенные серьезными делами, тут стояли латинянин, перс, гражданин, иностранец, много монахов, каждый из них требуя своего и гомоня, так что было бы бесполезно искать предлог для отдыха”¹⁵).

К экономическим трудностям прибавлялись политические проблемы. Территория страны сокращалась. Земля, которая некогда “обладала счастьем быть населенной и управляемой ромеями”¹⁶, ныне представляла собой печальное зрелище. Обеспокоенность и тревогу у императора вызывало

⁷ Мазарис // Византийский сатирический диалог / Под ред. С.В. Поляковой, И.В. Феленковской. Л., 1986. С. 124.

⁸ The Letters of Manuel II Palaeologus. Ep. 6. 15–16; 22; 28–29.

⁹ Ibid. Ep. 44.29–30.

¹⁰ Ibid. Ep. 4.8.

¹¹ Ibid. Ep. 44.31–32.

¹² Ibid., Ep. 4.15–16.

¹³ Ibid. Ep. 4.10–12.

¹⁴ Ibid. Ep. 44.18–19.

¹⁵ Ibid. Ep. 44.22–25.

¹⁶ Ibid. Ep. 16.22–25.

¹ Доклад прочитан на XVI Всероссийской научной сессии византистов (Москва, 2003 г.).

² Васильев А.А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403) // ЖМНП. 1912. Т. 5–6.

³ The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. Washington, 1977. Ep. 12. 17–19.

⁴ Ibid. Ep. 12. 26.

⁵ Ibid. Ep. 45. 89–91.

⁶ Мануил II в письме из Парижа (где он останавливался в 1400 г. в период своего путешествия по Западной Европе) к находящемуся в Италии Мануилу Хрисолоре писал о своем страстном желании скорейшего возвращения в родные пенаты: “Если необыкновенная зависть и злоба не будет мешать и не появятся неожиданные препятствия, у нас есть большая надежда, что мы скоро вернемся на родину, чего ты желаешь и против чего молятся наши враги” (Ibid. Ep. 37. 16–19). Вероятно, Хрисолора, как никто другой, мог понять эту тягу к родине своего друга, поскольку сам переживал подобную разлуку.

забвение греческих названий городов и местностей, некогда входивших в состав могущественной державы. Во время малоазийского похода в 1391 г. перед взором императора открылась печальная картина упадка и разрушения: “Большинство этих городов сейчас лежат в руинах, жалкое зрелище для тех, чьи предки когда-то владели ими... Когда кто-нибудь, не зная о древнем названии города, называл его варварским или звучащим по чужому имену, я громко плакал и едва мог скрыть мою печаль”¹⁷. Сам император признает, насколько далеки универсалистские притязания от реалий его дней.

Византия оказалась в вассальной зависимости от главных врагов империи – турок, о которых Мануил II говорит, что они “долгое время невыносимо распутничали, богохульствовали, насмехались над святыми и жили в роскоши среди потоков крови и убийств”¹⁸. Он подвергает критике ислам и поносит Мухаммеда, которого наделяет хлесткими эпитетами: “антихрист”, “самозванец”, “лжепророк”¹⁹. Император был вынужден, однако, даже выступать в походах на стороне тех, кто являл собой основную угрозу отечеству: “Но для нас особенно невыносима обязанность сражаться вместе с теми и за тех, усиление которых уменьшит наши собственные силы”²⁰. Мануил II отдает себе отчет в серьезности положения, в котором оказалась родина из-за его вынужденной коалиции с турками, но изменить ситуацию было не в его силах, поэтому он лишь констатирует безысходность ситуации: “Мы меняем страх на страх, опасность на опасность, труд на труд, меньшие [беды] на более серьезные, я имею в виду те, которым мы подвергаемся сейчас в коалиции с персами (турками. – Т.К.), в сравнении с теми, которые можно ожидать от них, если бы мы не сражались вместе с ними”²¹.

Власть императора в охваченном бедствиями отечестве весьма эфемерна, как подчеркивает Мануил II в письме к Кидонису: “И не говори, что для императора легко дать тысячу статов и давать такую сумму часто, когда ему тяжело отстоять власть над страной”²². Но именно правитель, по определению Мануила II, “более чем кто-либо обязан сохранить корабль на плаву”²³. Все усилия василевса направлены на то, чтобы “поддержать единство ромеев, а не думать о собственной выгоде”²⁴. С этой целью он предпринимал всевозможные шаги, включая переговоры и дальние поездки в поисках спасения от нависшей угрозы. Император способен на все, лишь бы получить хоть малый шанс на спасительную надежду. В письме Кидонису в 1385 г. в период фессалоникийской осады будущий император выражает свою готовность на совершение даже сомнительных действий, если только есть хотя бы слабая надежда на успех: “Я считаю необходимым, согласно пословице, сеять камни и бросать семена на всякий случай в песок и ждать урожая, как будто с плодородной земли. Ибо ныне обстоятельства принуждают нас к этому”²⁵. Но тщетны были все усилия Мануила II, которые он предприни-

мал, в частности, в период своего заграничного путешествия. В письме на родину он пишет: “Я убежден, что наше спасение требует дел, а не обещаний. Сейчас я получил самые прекрасные обещания, но сильно сомневаюсь в их исполнении”²⁶.

Отчаяние, вызванное сознанием невозможности переломить ситуацию, порой сменялось в корреспонденции Мануила II проблесками оптимизма. В письме Пофу он высказывает надежду на благоприятный исход дела: “Ты сможешь увидеть меня благополучно вернувшимся к тебе, как награду за свои труды и опасности принеся безопасность, насколько возможно, нашему отечеству...”²⁷. Автор надеется, что его усилия все же увенчаются успехом: “Достаточное утешение для меня – заботиться о том, чтобы, может быть, труды правителя оказались благом для его народа”²⁸. Но ситуация не менялась, и Мануил обречено признавал, что “при нынешнем положении общественных дел я раб одолевающих нас забот даже больше, нежели господин собственных желаний”²⁹.

Причины бедствий и испытаний, выпавших на долю отчизны, Мануил видит прежде всего во власти переменчивой судьбы или в божественном наказании за человеческие прегрешения. “Судьба бушует хуже диких зверей”³⁰, “по воле Господа настоящее время неблагоприятно для нас”³¹. Беды, выпавшие на долю отечества и его граждан, являются, по мнению Мануила, следствием их же прегрешений. Поэтому единственный шанс на спасение – уповать на милосердие Господа, в силах которого все изменить: «Все же Бог “исцелит страждущих”. Так лучше для нас, кто все еще хранит добрые надежды, так говорить и сохранять веру. Он, который Один благостен – ибо Один только Бог благостен – никогда не разгневается на тех, кто сбился с пути»³². Христианский эсхатологизм такого рода в корреспонденции Мануила II сочетается с мыслью о личной ответственности за судьбу родины: “Я прошу Бога... о том, чтобы либо заслужить прощение для всех, либо взыскать наказание с меня одного”³³. В этих словах ясно выражено сознание ответственности императора за общее благо и процветание родины.

С образом родины тесно переплетается тема служения ей. Лучшей характеристикой для человека является признание того, что он “посвятил свои умения и свою достойную речь, украшенную блеском, нашему отечеству и его гражданам”³⁴. В письме-панегирике Иванку Мануил II отмечает как лучшее качество этого человека его преданность на службе родине и императору: “Ты был включен в различные другие дела, о которых ты знал, что они принесут пользу нашей стране, защищал закон везде, где он подвергался нападкам, подавал совет, когда бы он ни потребовался и оказывал твердую поддержку тем, кого угнетал рой невыразимо сложных проблем”³⁵. Долг

²⁶ Ibid. Ep. 41.20–21.

²⁷ Ibid. Ep. 17.23–25.

²⁸ Ibid. Ep. 44.53–55.

²⁹ Ibid. Ep. 44.51–52.

³⁰ Ibid. Ep. 50.13–14.

³¹ Ibid. Ep. 3.31–32.

³² Ibid. Ep. 31.46.

³³ Ibid. Ep. 6.59–60.

³⁴ Ibid. Ep. 45.60–61.

³⁵ Ibid. Ep. 45.68–73.

¹⁷ Ibid., Ep. 16.27–39.

¹⁸ Ibid. Ep. 31. 91–93.

¹⁹ Ibid. Ep. 31. 95–96.

²⁰ Ibid. Ep. 19.8–10.

²¹ Ibid. Ep. 14.25–28.

²² Ibid. Ep. 12.8–10.

²³ Ibid. Ep. 45.174.

²⁴ Ibid. Ep. 9.37.

²⁵ Ibid. Ep. 8.8–10.

перед родиной, как и любовь к отчизне, предстает как τόλος κοινός для византийской литературы.

Безусловно, образ родины в изображении Мануила II Палеолога является индикатором его патриотических умонастроений. Анализ корреспонденции Мануила II демонстрирует отход автора от традиционного понимания патриотизма, базировавшегося на утверждении господства империи и превознесении ее величия. В письмах отсутствуют самые основы универсалистской имперской доктрины. Наоборот, констатируется факт территориальных потерь, бедственное положение империи и ее населения. Мануил говорит о могуществе своей отчизны как о былых страницах ее истории.

Образ отечества, который рисует Мануил, близок к тому, который создан другими византийскими писателями, в частности Никифором Григорой или Димитрием Кидонисом³⁶. Как видно, среди образованных людей своей эпохи, которых заботило будущее отчизны, царили общие настроения. Но яркой особенностью размышлений Мануила о судьбах родины было беспокойство, вызванное ощущением близящейся катастрофы. Если в конце XIII – начале XIV в. выраженное в византийской литературе чувство патриотизма переживало подъем и звучало оптимистично³⁷, то на рубеже XIV–XV вв., перед лицом явственно ощутимой турецкой угрозы, на место оптимистических упований пришли пессимизм и ностальгия. В размышлениях о родине и ее судьбе зазвучали трагические ноты. “Тяжелое бремя, мысль и главная причина скорби – это осознание того, что нынешние беды в действительности – [лишь] период мира в сравнении с теми, которые мы ожидаем вскоре”³⁸. Предчувствие беды византийским императором и писателем Мануилом II Палеологом оказалось пророческим.

³⁶ Закржевская О.Г. Концепция патриотизма Никифора Григоры (К вопросу о “греческом патриотизме” XIV в.) // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 85–95; Поляковская М.А. Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 45–52.

³⁷ Irmischer J. Nikäa als “Zentrum des griechischen Patriotismus” // RESEE. 1970. T. VIII. N 1. S. 33–47; Idem. Griechischer Patriotismus im 14. Jahrhundert // XIV Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1971. S. 26.

³⁸ The Letters of Manuel II Palaeologus. Ep. 6.16–18.

К.И. Лобовикова

ГЕОРГИЙ ТРАПЕЗУНДСКИЙ И МЕХМЕД II ЗАВОЕВАТЕЛЬ¹

Молодой турецкий султан Мехмед II, захвативший Константинополь и нанесший сокрушительный удар Византийской империи, практически сразу же после захвата столицы Византии стал объектом пристального внимания гуманиста и философа Георгия Трапезундского². До нас дошло три его трактата, адресованных Мехмеду II, и три письма к нему³.

Дж. Монфазани отметил, что причина многих недоразумений, связанных с неправильной трактовкой работ Георгия, кроется в самих его произведениях, адресованных Мехмеду II⁴. К сожалению, концепция книги Дж. Монфазани не позволила ему подробно остановиться на этих трактатах. Цель нашей статьи – анализ комплекса работ Георгия Трапезундского, адресованных Мехмеду II.

После падения Константинополя Георгий проявил свое желание лично поговорить с Мехмедом Завоевателем. Ему не удалось убедить римского папу Пия II, затем и Каллиста III, а также короля Ферранте Неаполитанского отправить его в Константинополь для встречи с правителем турок. Георгий осуществил свою мечту лишь в 1465 г. благодаря поддержке папы Павла II, который оплатил Георгию дорогу до Константинополя⁵. Очевидно, Павел II

¹ Я хочу поблагодарить И.П. Медведева, В.М. Лурье и Н.Д. Барабанова за предоставленные мне редкие материалы, без которых эта статья не была бы написана.

² Георгий Трапезундский был не единственным, кто писал “Великому Турку”, надеясь обратить султана в христианство. В своем знаменитом письме Мехмеду II папа Пий II убеждал правителя турок принять христианскую веру (*Pius II. Lettera a Maometto* / Ed. G. Toffanini. Naples, 1953). До сих пор остается открытым вопрос: было ли это письмо лишь риторическим упражнением автора, или же оно действительно предназначалось султану (*Gaeta F. Sulla lettera a Maometto di Pio II // Bulletin dell'Istituto Storico per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. 1965. LXXVII. P. 127–227; *Babinger F. Pio II e l'Orient maomettano* / Enea Silvio Piccolomini Papa Pio II. Atti del convegno per il quinto centenario della morte. Siena, 1968. P. 1–13; *Gaeta F. Alcune osservazioni sulla prima redazione della lettera a Maometto // Ibid.* P. 177–186). Геннадий Схолярский написал по просьбе самого султана три трактата, в которых объяснял основные положения христианской веры (*Oeuvres completes de Gennade Scholarius* / Ed. L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. Vol. III. P., 1928–1936. P. 434–475). Пападакис рассматривает эти трактаты как еще одну попытку обратить Мехмеда II в христианство (*Papadakis A. Gennadius II and Mehmet the Conqueror // Byz.* 1972. XLII. P. 88–106).

³ Zoras G. Γεώργιος ὁ Τραπεζούντιος καὶ αἱ πρὸς ἑλληνοτουρκικὴν συνεννοήσιν προστάθειαι αὐτοῦ. Ἀθήναι, 1954. Σ. 93–165. Далее ссылки на трактат “Об истинности христианской веры” (Zoras) – Zoras G. *Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents and Bibliographies of George of Trebizond* / Ed. J. Monfasani. N.Y., 1984. P. 528–560. При ссылке на это издание, если источник разделен на главы и параграфы, будет указываться римскими цифрами номер источника, затем главы, арабскими – номер параграфа; если источник не разделен, то римские цифры означают номер источника, а арабские – номер страницы. Далее при ссылке на трактаты – СТг.; *Mercati A. Le due lettere di Giorgio da Trebisonda a Maometto II // OCP*. 1943. Vol. 9. P. 65–99.

⁴ *Monfasani J. George of Trebizond: A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic*. Leiden, 1976. P. 131.

⁵ *Ibid.* P. 184–185.

согласился финансировать попытку Георгия обратить Великого Турка в христианство, хотя и не придавал этот факт широкой огласке⁶.

Встреча Георгия Трапезундского и Великого Турка не состоялась, и у нас нет данных о том, что Мехмед Завоеватель получил и прочитал письма или какой-нибудь из трактатов Георгия⁷. То, что замыслилось автором как диалог, осталось лишь монологом греческого интеллектуала⁸. В этом монологе интерес представляют размышления Георгия о личности Мехмеда Завоевателя, о религии Великого Турка и его народе.

Мехмед II – идеальный император

Лейтмотивом трактатов Георгия стала идея об обращении Мехмеда в христианство и об основании им мировой империи, в которой бы объединились “царство, вера и Церковь”⁹. Идея о мировом господстве Великого Турка тесно связана с эсхатологической концепцией Георгия.

В этой концепции основополагающую роль играет император всей ойкумены, второй Александр Великий. Георгий убежден, что грядущий император всего мира – это никто иной, как Мехмед II Завоеватель¹⁰. По мнению автора, таких полководцев и правителей, которые ведут войну справедливо, управляют многими городами и одерживают победы благодаря благоразумию и отваге, не было до Мехмеда II, если не брать во внимание Александра Великого¹¹. Мехмед II станет даже более великим, чем Александр и все полководцы, которые когда-либо были или будут¹².

Одна из сур Корана посвящена Александру Македонскому¹³. Коранический образ Александра Македонского очень близок византийскому образу Александра¹⁴. Александр Македонский играл важную роль в мусульманских

⁶ Ibid.

⁷ Об этом свидетельствует сам Георгий Трапезундский: *Mercati J. Le due lettere...* P. 92; СТг. CXLIV / I.14.

⁸ Хотя Ф. Бабингер утверждает, что Мехмед II не питал симпатии к итальянскому гуманизму, тем не менее работы Георгия могли бы найти отклик у правителя турок, так как он интересовался астрономией, астрологией и пророчествами, предрекающими ему мировое господство (*Babinger F. Maometto il Conquistatore e gli umanisti d'Italia // Venezia e l'Orient fra tardo Medioevo e Rinascimento. Florence, 1966. P. 433–449*). Неудачная поездка в Константинополь не помешала Георгию написать для Мехмеда еще один трактат “О вечной славе самодержца и его мировом господстве”. Из содержания трактата становится ясно, что автор не оставил надежду обратить Мехмеда в христианство. До конца жизни Георгий стремился найти возможность вновь встретиться с правителем турок. Для этого он даже пытался заручиться поддержкой венгерского короля Матфея Корвина (СТг. LXXXV. P. 286–287; *Monfasani J. A Biography...* P. 199–200).

⁹ СТг. CXLIV/I. 1, 2, 8, 11, 12, 14; XVIII. 6; XXII. 24; XXIII. 1, 3, 4, 5, 6.

¹⁰ СТг. CXLV. P. 570.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. Георгий сравнивает Мехмеда Завоевателя с Александром Македонским и Константином Великим в трактате “Об истинности христианской веры”. *Zoras. P. 93/10–15; P. 163–164/2031–2070*. В более позднем трактате “О вечной славе самодержца” он почти дословно повторяет этот сюжет (СТг. CXLIV/ XXIII. 1–5).

¹³ Коран. 18, 82–102.

¹⁴ *Лурье В.М.* Александр Великий – “последний римский царь”. К истории эсхатологической концепции в эпоху Ираклия // Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой торевтики из села Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа: Материалы коллоквиума, проведенного Санкт-Петербургским Обществом византино-славянских исследований 10–12 сентября 1998 г. СПб., 2003.

преданиях. Было ли это известие Георгию Трапезундскому? Или лишь предположить. Очевидно другое. Если бы трактат все-таки дошел до адресата, т.е. до турецкого султана, то аллюзии, связанные со сравнением Мехмеда и Александра с высокой степенью вероятности нашли бы отклик в душе Великого Турка.

“Последний император Георгия” в рассуждениях – это прежде всего христианский император христианского всемирного царства. Но Великий Турок был мусульманином. Георгий решает этот вопрос так: он предлагает Мехмеду II принять христианство. В трактате “О божественности Мануила” Георгий преподносит идею перехода в христианство в завуалированном виде. Он предлагает турецкому султану, в недалеком будущем императору всей ойкумены, сменить имя и называться Мануилом¹⁵. Как Георгий аргументирует свое предложение? По мнению автора, Бог изменял имена тех, кого избирал для совершения великих и удивительных деяний¹⁶. Изменялась часть имени (как Авраам от Аврама) или сохранялась первая буква или слог (как Израиль от Иакова)¹⁷. Георгий, таким образом, советуя взять имя Мануил (Μανουήλ), сохраняет первый слог от прежнего имени (Μαχούμης).

Предлагая Мехмеду II принять имя Мануил, которое носили двое из императоров Византии – Мануил I Комнин (1143–1180) и Мануил II Палеолог (1391–1425), – Георгий тем самым “делает” турецкого султана христианским преемником Византийской империи. Очевидно, что имя Мануил для человека той эпохи должно было вызывать определенные культурные, идеологические и религиозные ассоциации. Христианские народы воспринимали бы императора Мануила, наследника Византийской империи, иначе, чем Мехмеда II Завоевателя.

Почему Георгий остановил свой выбор на имени Мануил, ведь византийский императоры носили и другие имена, начинающиеся на ту же букву? Например, Маврикий, Михаил и Матфей. Можно предположить, что выбор определили личности императоров, носивших имя Мануил. Мануил I Комнин проявил удивительную веротерпимость по отношению к исламу. Он приказал, чтобы из списка анафем, которые должны были произносить новообращенные из ислама в христианство перед крещением, одна анафема была удалена. Эта анафема провозглашает: “Я предаю анафеме Бога, [о котором пророчествовал] Мухаммед”. Точку зрения Мануила поддержали местные церковные соборы¹⁸.

Мануил II Палеолог был автором ряда трактатов, раскрывающих суть противоречий между исламом и христианством¹⁹. При этом он проявил уважение к собеседнику-мусульманину и хорошую осведомленность в вопросах богословского спора. Кроме того, Мануил, как вассал Османской империи,

¹⁵ СТг. CXLV. P. 570.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ *Sahas D. Byzantium and Islam: an Encounter of two Theocracies. Mutual Admiration, and Exclusion / Constantinople and Its Legacy. Annual Lecture. Toronto, 1993. P. 23–24; Ducellier A. Mentalité historique et réalités politiques: l'Islam et les Musulmans vus par les Byzantins du XIIIe siècle // BF. 1972. Bd. IV. P. 61.*

¹⁹ *Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem Muslim. I / Kommentierte griechisch-deutsche Textausgabe von Karl Förstel. Würzburg; Altenberg, 1993; II. Altenberge, 1995; III. Altenberg, 1996.*

имя Мануил могло иметь определенные религиозные и политические коннотации, благодаря которым автор выбрал для Великого Турка именно это имя.

Георгий замечает, что Мехмед II превосходит императора Константина Великого по рождению, по мудрости, по телесной силе и мужественности души²⁰. Автор уверяет, что слава Мехмеда II затмит славу Константина, подобно тому, как свет солнца превосходит свет луны²¹. Георгий Трапезундский убеждает правителя турок подражать Константину Великому: “Пусть убедит тебя пример Константина, самодержца ромеев и всей Европы и Африки, кроме того, еще и Азии до Персии”²². Далее автор напоминает Мехмеду историю первого византийского императора: “Ибо вначале он был худшим и суровейшим преследователем христиан, затем, заболев проказой и став благодаря несчастью кротким, взял обычай размышлять о Христе и философствовать [с христианами] и издал справедливейший закон, позволяющий всем его подданным думать о божественном [так], как они желают. Он не только не запрещал быть приверженцем Христа, но сам присоединился к христианам и основал по его имени названный [город] Константинополь. Он целых тридцать лет владычествовал в нем над ойкуменой в глубоким мире”²³. По мнению автора, Бог отдал Мехмеду трон и город Константины для того, чтобы турецкий султан подражал своему предшественнику²⁴. Итак, первый византийский император является прототипом последнего, т.е. Мехмеда II.

В ранних хадисах предсказывается завоевание Константинополя мусульманами. Кроме того, рай обещается тому, кто первым завоеует Константинополь²⁵. Георгий обещает Мехмеду, что тот станет “царем не толькой всей земли, но и небес”²⁶. Вполне возможно, что Георгий Трапезундский был знаком не только с текстом Корана, но и с некоторыми сюжетами мусульманского предания, которые он мог услышать от своих собеседников-мусульман.

Сюжет, связанный с сопоставлением турецкого султана и Александра Великого, присутствует и в написанном по-латински письме Георгия к Мехмеду II²⁷.

Георгий сопоставляет личность Мехмеда с двумя императорами: Александром Македонским и Константином неслучайно: тем самым он осмысляет

²⁰ СТр. CXLIV/XXIII.2.

²¹ СТр. CXLIV/I.2.

²² Zoras. P. 163/2031–2043.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. В чем заключается, по Георгию, это подражание? Бог хочет, чтобы Мехмед искал “относящееся к Христу” (Ibid.). Георгий напоминает, что сам Христос говорит: “Ищущий находит и стучащему отворяют” (Мат. 7, 8). Очевидно, что Георгий, во-первых, дипломатично предлагает султану принять христианство, во-вторых, косвенно намекает, что врата Царства Небесного откроются перед потомком Исаила.

²⁵ *Sahas D. Byzantium and Islam...* P. 11–12; *Encyclopedia of Islam*. Vol. 1. P. 867; *Gabrielli F. Muhammad and the Conquests of Islam*. N.Y., 1968. P. 105. *Runciman S. The Place of Byzantium in the Medieval World // The Cambridge Medieval History*. Vol. IV. Pt. 2, 1966–67. P. 354–375.

²⁶ СТр. CXLIV/I.14; Zoras. P. 100/185.

²⁷ *Mercati A. Le due lettere...* P. 89–90.

ет роль Византийской и Римской империи в мировой истории. Георгий Трапезундского, Мехмед, став хозяином Константинополя, завоеует Рим²⁹. Далее турецкому султану суждено завоевать весь мир³⁰.

В начале трактата Георгий Трапезундский кратко излагает свои представления о дальнейшем развитии мировой истории. Его эсхатологическая концепция сводится к следующему. Во-первых, перед приходом Антихриста все народы по своей воле обратятся к Христу³¹. Во-вторых, эта божественная и чудесная перемена произойдет с помощью некоего потомка Исаила³². В-третьих, уже подошло это время³³. В-четвертых, правящий сейчас царь турок – это именно тот потомок Исаила, который совершит это дело³⁴. В-пятых, он будет править абсолютно всем миром³⁵.

Что заставляет Георгия думать, что конец света близок? С точки зрения автора, на это указывают определенные события. Во-первых, уничтожение власти римлян, т.е. гибель Византии³⁶. Во-вторых, обращение в Риме от Христа к Платону, инициированное Гемистом Плифоном и кардиналом Виссарионом, поддержанное римским папой Павлом II, венецианцами, королем Неаполя³⁷. Таким образом, излишнее увлечение Платоном со стороны государственных и церковных деятелей, с точки зрения Георгия, является прямым указанием на наступление последних времен. Папа Павел II, равно как и кардинал Виссарион, Георгий Гемист Плифон и король Неаполя представляются автору эсхатологическими, негативными личностями, предвестниками страшных событий. Все это, как полагает автор, предсказано в пророчестве апостола Павла³⁸.

Георгий Трапезундский уверяет Мехмеда, что обращение всех народов к Церкви Христа невозможно, пока войнами и морскими сражениями, голодом и болезнями не будут уничтожены те, которые только называются христианами, но не являются таковыми по сути³⁹.

Автор сообщает Мехмеду, что до прихода Антихриста и конца света осталось двести лет. Это утверждение, как сообщает сам Георгий, он развивает

²⁸ Рассуждая о причинах появления ряда апокалиптических произведений, в частности Апокалипсиса Псевдо-Методия, G.J. Reinink отметил, что радикальные и быстрые политические и социальные изменения в Византии, связанные с арабскими завоеваниями, вынудили христианские народы пересматривать снова и снова роль империи Александра Великого, т.е. в данном случае Византии, в мировой истории (*Reinink G.J. Alexander the Great in Seventh-century Syriac 'Apocalyptic' Texts // Византинороссика...* С. 178). Эти слова вполне можно отнести и на счет трактата Георгия Трапезундского “О божественности Мануила”. Падение Византии и османская угроза, нависшая над латинским Западом, – все эти катастрофические потрясения, сопоставимые по масштабу с потрясениями VII в., а может быть, и превосходящие их, заставили Георгия пересмотреть роль не только Византийской, но и Римской империи в мировой истории.

²⁹ СТр. CXLIV/I.12.

³⁰ СТр. CXLV. P. 570.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. P. 570.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 571. “Кто тогда (во времена Апостола Павла7 – КЛ.) господствовал? Конечно, правительство Римлян (ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχή). Когда [власть римлян] была совершенно уничтожена и изгнана прочь? Около 1452 года после Христа”.

³⁷ Ibid.

³⁸ 2 Фесс. 2:7.

³⁹ СТр. CXLV. P. 572.

ет и доказывает в 58-й главе второй книги, написанной по-латински, о событиях последних времен⁴⁰. К сожалению, этот трактат не дошел до нас⁴¹.

По-своему осмысленная Георгием христианская эсхатология преодолевает пропасть между своими и чужими, между христианами и иноверцами. Ведь, по мнению Георгия Трапезундского, все народы обратятся с помощью последнего христианского императора к Христу, т.е. станут христианами. Особая роль в этом событии принадлежит потомку Исмаила – Мехмеду Завоевателю.

Георгий изображает Мехмеда II как идеального, по византийским канонам, императора. Он называет султана “справедливейшим из всех самодержцев”⁴², “самым благородным из ныне живущих”⁴³. Мехмед II торжествует над всеми благодаря своей рассудительности, доблести и щедрости ко всем⁴⁴. По мнению Георгия, Бог украсил и украшает султана каждой добродетелью и всяческой мудростью⁴⁵. Он не только с усердием изучает работы Аристотеля, но и сведущ в математических науках, интересуется астрономией⁴⁶.

Автор пишет Мехмеду: “Ибо я слышал, что ты каждый день, по мере возможности, философствуешь и аристотельствуешь [изучаешь труды Аристотеля]”⁴⁷. Георгий рад возможности служить “мудрому царю”, который “философствует о величайших предметах”⁴⁸. Автор утверждает, что султан объединяет в себе две противоположные добродетели человеческой природы – возвышенность царской власти и философскую глубину (βασιλείας ὕψος καὶ φιλοσοφίας βάθος)⁴⁹.

Георгий восхищает “величайшая сила первого василевса и могущество” и “мужество души” Мехмеда, “достойная удивления доблесть и царственное усердие в благочестии и православии”⁵⁰. Далее автор продолжает: “И поистине тот самодержец, который не усердствует ради благочестия, не является самодержцем, не от Бога имеет царство, но от дьявола. Поэтому-то я обращаюсь к твоему величеству”⁵¹. Таким образом, Георгий акцентирует внимание не только на силе, мужестве и доблести Мехмеда, но и, что очень важно, на стремлении султана к благочестию. Турецкий султан, в изображении Георгия, воплощает идею сильного и благочестивого правителя, размышляющего не только о земном, но и о небесном.

Несомненно, у Георгия Трапезундского образ Великого Турка идеализирован⁵². Как отмечает И.П. Медведев, “идея о благородном и разумном правле-

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ *Monfasani J. A Biography...* P. 133.

⁴² *CTr. CXLV. P. 570.*

⁴³ *CTr. P. 572.*

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.; *CTr. LXXXIII–LXXXV.*

⁴⁷ *CTr. CXLIV /XXIII. 3; LXXXII.*

⁴⁸ *CTr. LXXXII.*

⁴⁹ Ibid. Идея о том, что власть должна иметь философское содержание, а правитель должен заниматься философией, восходит к Платону. Платон. Государство. Пер. с греч. А.Н. Егунова // Сочинения. Т. 3. М., 1994. 472 с–е; 473 а–е; 474 б–с.

⁵⁰ *Zoras. P. 93/5–10.*

⁵¹ Ibid. P. 93/5–10.

⁵² В своем стремлении идеализировать турецкого султана Георгий не был одинок. Многие латинские и греческие авторы (Исидор Киевский, Николай Секундин, Михаил Дука, Георгий Сфрандзи, Критовул, Сансовино) приписывают Мехмеду Завоевателю необыкновенные познания и неподдельный интерес к истории античности (*Медведев И.П. Падение Констан-*

тин, гуманности и доброты правителя, обусловленная платонической традицией, стала доминирующей в пространственных трактатах византийских писателей, где изучались и анализировались основы императорской власти”⁵³. Далее исследователь приходит к мысли, что византийские гуманисты “инстинктивно тянулись к идеалу просвещенной монархии” и представляли идеального императора воплощением идеи о симбиозе власти и философии⁵⁴. Образ Мехмеда II в сочинениях Георгия безусловно вписывается в каноны византийских гуманистов, рассуждавших о добродетелях идеального монарха и об основах власти императора. Автор изображает Великого Турка не только как величайшего из полководцев, будущего правителя всего мира, но и как философа на троне, императора, изучающего труды Аристотеля, математические науки и астрономию.

Как истинный византиец Георгий, конечно, был знаком с официальной византийской политической доктриной. Как известно, суть этой доктрины заключалась в том, что византийский император считался императором “милостью Бога” и, как эманация Бога и дар Божий людям, наделенный миссией распространителя христианства, был правителем всей ойкумены, некоей универсальной христианской империи⁵⁵.

Для Георгия не вызывает сомнения мысль, что власть Мехмеда – от Бога. Он пишет: “Я изумляюсь твоей силе и власти, которую вручил тебе Бог”⁵⁶. Автор отождествляет Мехмеда с наместником Христа: “Итак, если кто-то эти два человеческих рода, я имею в виду христиан и мусульман, к одной вере и единомыслию приведет, то я клянусь Богом небес и земли, что его будут прославлять среди всех людей, [будут славить его] на земле и на небе, и что он перейдет в разряд ангелов. Это, дивный эмир, не сможет совершить никто, кроме тебя”⁵⁷.

Автор убеждает султана объединить вселенную в одной вере, в результате чего Мехмед станет, как ему подобает, “императором не только всей земли, но и небес”⁵⁸. Общеизвестно, что Царем Небесным называют Бога. Подобные слова, обращенные к завоевателю Константинополя, могли бы вызвать удивление, если не принять во внимание тот факт, что Георгий изображает султана, следуя византийской *Reichsidee*, как эманацию Бога, его подобие и служителя⁵⁹.

тинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. / Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 304).

⁵³ *Медведев И.П. Византийский гуманизм. XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 161.*

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975; Ostrogorsky G.A. The Byzantine Emperor and the Hierarchical Order // Slavonic Review. 1956. P. 1–14; Grabar A. God and the “Family of Princes” Provided Over by the Byzantine Emperor // Harvard Slavic Studies. 1954. 2; Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. L., 1971; Медведев И.П. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных стран) / Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 412–424; Он же. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 146–161.*

⁵⁶ *Zoras. P. 93/10–15. Представление о том, что пробразом царской власти является власть Бога, было общепризнанным у византийских авторов. См., например: Никифор Влеммид. Царская статуя / Пер. и коммент. Л.С. Ряшко // ВВ. 2003. Т. 62. С. 285.*

⁵⁷ *Zoras. P. 95/45–54.*

⁵⁸ *Zoras. P. 100/179–185; CTr. CXLIV/L.11, 14.*

⁵⁹ Например, патриарх Афанасий I, следуя канонам византийской политической доктрины, в письме к императору Андронику II обещает, что Бог дарует императору, в придачу к его земному царству, и небесное царство (*The Correspondence of Athanasius I Patriarch of Constantinople / Ed. A.-M. Talbot. Washington, 1975. Ep. 41. P. 84.*)

Мехмед Завоеватель у Георгия Трапезундского наделен Богом миссией носителя и распространителя христианства. Согласно автору, Мехмеду божественным образом предначертано быть правителем, помощником и стражем последнего и истинного обращения всех людей ко Христу и исправления христиан⁶⁰. Наконец, турецкому султану суждено стать главой всей христианской ойкумены, правителем мира⁶¹.

Концепция Георгия Трапезундского практически полностью совпадает с официальной византийской политической доктриной, с той лишь разницей, что у Георгия правителем ойкумены должен стать Мехмед Завоеватель⁶².

В стремлении Георгия сделать, хотя бы и через принятие христианства, иноверца, представлявшего реальную угрозу христианскому миру, человека чуждой ему культуры, правителем всего мира, нашла, по нашему мнению, проявление гуманистическая направленность личности автора.

Турки глазами автора

Общеизвестно, что наряду с другими обозначениями турок (агаряне, сарацины, ахемениды, персы, ассирийцы, варвары), византийцы называли их также исмаилитами. Георгий объясняет, что турки называются исмаилитами по имени их царя Исмаила, сына Авраама⁶³. Обозначая таким образом турок, византийцы, хотя и с неким уничижительным оттенком (ведь Исмаил был сыном рабыни Авраама Агари), все же признавали турок частью дома израилева, ведь и христианская Церковь и сама Византия считались у “ромеев” “Новым Израилем”⁶⁴.

Георгий Трапезундский особо акцентирует внимание на том, что Мехмед является потомком Авраама через Исмаила⁶⁵. Георгий подчеркивает общее происхождение христиан и турок. Он снимает, таким образом, тот уничижительный смысл, который византийцы традиционно вкладывали в этноним “исмаилиты”. Георгий утверждает: если иметь в виду веру в Бога и любовь, и послушание отцу, то, исходя из этих критериев, Исмаил был возлюблен Богом и Авраамом больше, чем Исаак⁶⁶. В доказательство он приводит слова Бога к Аврааму: “В Исааке наречется тебе семя, но от сына твоей рабыни я произведу великий народ, потому, что он – семя твое”⁶⁷. Особое положение Исаака, с точки зрения Георгия, объясняется не тем, что он был сыном свободной женщины, а Исмаил – сыном рабыни, а тем, что Христос, своей человеческой природой происходит от Исаака⁶⁸.

⁶⁰ СТр. CXLV. P. 571.

⁶¹ Ibid. CXLIV/L. 1, 2, 8, 11, 12, 14; XVIII. 6; XXII. 24; XXIII. 1, 3, 4, 5, 6; Zoras. P. 100/184–185.

⁶² По мнению И.П. Медведева, идея вселенской империи и вселенского императора продолжала жить до самого конца Византии не только в области реальной политики, но также в византийской литературе и в мировоззрении византийских гуманистов. См.: *Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв.* С. 148.

⁶³ СТр. CXLV. P. 571–572.

⁶⁴ *Sahas D. Byzantium and Islam...* P. 7–9.

⁶⁵ СТр. CXLV. P. 571–572; CXLIV/XXIII. 2.

⁶⁶ СТр. CXLV. P. 571.

⁶⁷ Быт. 21:12–13.

⁶⁸ СТр. CXLV. P. 571.

Турки у Георгия фигурируют под этнонимом “сарацины”⁶⁹, “исмаилиты”⁷⁰, но чаще он употребляет термин “турки”⁷¹ или просто “мусульмане”⁷². Георгий при этом избегает этнонимов, несущих отрицательный оттенок, таких, например, как “варвары”⁷³. Георгий не использует также и архаических этнонимов “персы”, “ассирийцы”, “ахемениды”⁷⁴. В выборе указанных терминов отражено индивидуальное отношение автора к чуждому народу⁷⁵. Действительно, семантический анализ использованных Георгием терминов, которые обозначают другой этнос, есть первый уровень постижения представлений автора, поскольку сами эти названия уже отражают определенное представление⁷⁶. Когда Георгий говорит о турках, он предпочитает нейтральные термины, исторически приближенные к его времени (“турки”) или подчеркивающие их религиозную инаковость (“мусульмане”).

По мнению автора, род мусульман и род христиан не только имеют общее происхождение, но два этих рода равновелики: “Ты видишь, всезлатый эмир и истинный султан: весь род людской разделен на три части: на евреев, на христиан и на мусульман, из которых род евреев невелик и слишком рассеян, род христиан многочисленен, велик и имеет большие возможности, мудрость и знание, род же мусульман весьма велик и достоин удивления”⁷⁷.

Сведения, которыми располагает автор о турках и Османской империи не всегда верны. Автор, убежденный в обычае, согласно которому в Османской империи царем всегда становится первый сын царя, ошибочно утверждает, что Мехмед был “первороденным из первороденных”⁷⁸. Тем не менее автор отдает себе отчет в том, что обычаи, образ жизни христиан и турок отличаются, но это обстоятельство, полагает он, не должно стать причиной, мешающей объединению христиан и мусульман. По мнению Георгия, оба рода должны сохранить свои традиции. Автор, таким образом, признает право турок иметь свои обычаи и свой образ жизни, иначе говоря, он признает право турок быть другими: “Но другие [расхождения], благодаря которым мы различаемся во нравах и образе жизни, не стоит ныне публично обсуждать. Ибо если один дом, из мужа и жены, из многих и сыновей, и

⁶⁹ Ibid. P. 572.

⁷⁰ Ibid. P. 571.

⁷¹ Ibid. P. 570–572.

⁷² Zoras. P. 95, 97, 98, 100.

⁷³ Для сравнения: св. Григорий Палама в письме к своей Церкви для обозначения турок чаще всего использует термин “варвары”. *Philippidis-Braat A. La captivité de Palamas chez les Turcs: dossier et commentair // TM. 1979. T. 7. P. 136–166.*

⁷⁴ Р.М. Шукуров обращает внимание на тот факт, что византийское сознание для выработки своего отношения к могущественным империям Ближнего и Среднего Востока использовало генетически более древние модели, восходящие ко времени греко-персидских войн, Персидского похода Александра Македонского, римско-парфянского и римско-сасанидского соперничества. В этой связи понятно, почему византийцы привычно именовали турок-сельджуков “персами”. *Шукуров Р.М. Зона контакта. Проблема междивизиционных отношений в современной византийстике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 266.*

⁷⁵ В качестве примера удачного семантического анализа терминов, обозначающих мусульман, см.: *Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов.* СПб., 2001. С. 40–69.

⁷⁶ Там же. С. 42.

⁷⁷ Zoras. P. 95/45–54.

⁷⁸ СТр. P. 572. Мехмед II был четвертым сыном Мурада II, который, в свою очередь, был третьим сыном своего отца. См.: *Collectanea Trapezuntiana...* P. 569. Not. 19.

дочерей, и зятьев, и невесток состоящий, не согласился бы жить на один манер, [то] глупостью кажется мне считать, что вся вселенная может одним правилом жизни руководствоваться⁷⁹. Автор сравнивает вселенную с семьей, где каждый народ может жить, согласно собственным традициям⁸⁰. Таким образом, Георгий разделяет гуманистическое стремление воспринимать “чужих” как часть единого мира.

Георгий принимает инаковость турок, когда пишет о том, что христиане и мусульмане не понимают друг друга из-за взаимного незнания языков: “Незнание умножало разногласия. Ибо христиане и мусульмане не могут беседовать друг с другом из-за незнания языков”⁸¹. Здесь нет и тени пренебрежения: язык турок достоин изучения, если только христиане хотят понять мусульман.

Георгий Трапезундский осуждает вражду и разногласия между христианами и мусульманами: “Ибо христиане мусульман презирают как неразумных и невежественных, и мусульмане ругают христиан как идолопоклонников, и те, и другие как нечестивцев [ругают] друг друга. Знаю, что гордыня не умирят, но еще более пробуждает соблазны и вражду и надмевает дух, и весьма разжигает пламя гнева, и возбуждает великую ненависть и особенно разделяет людей. Самое худшее, что все они, и христиане, и мусульмане, невозможным считают это божественное единение (τὴν θεϊάν ἕνωσιν ταύτην)”⁸². Автор выступает против насилия и военных раздоров: “Более всего умножало раздор и ненависть между нами и вами то, что многие осуждают тщательное изучение того, что и как [другая сторона] говорит, во что и как верит, как и что исповедует, и многие используют меч якобы в защиту истины, что является несправедливым и негодным Богу”⁸³. Георгий предлагает свою альтернативу военным столкновениям: “Ибо есть необходимость не только в мече, но и в рассудительности, эта рассудительность много лучше [меча], потому что не хотят изучать [Священные] Писания мечом принуждаемые делать это, но с помощью рассудительности обретается путь к этому единению”⁸⁴.

Таким образом, Георгий Трапезундский не только признает право турок на свою идентичность, но и осуждает военные конфликты между двумя народами. Он мечтает о “божественном единении” мусульман и христиан.

Автор, однако, не всегда был приверженцем идеи ненасилия. Его политические взгляды ко времени падения Константинополя явно претерпели существенные изменения. Из письма Франческо Филельфо от 30 июля 1428 г. мы узнаем, что Георгий Трапезундский видел в турках серьезную опасность для итальянских государств⁸⁵. В письме упоминается недошедшая до нас работа Георгия, которая была написана в 1427 г. и содержала призыв о помощи осажденному Константинополю⁸⁶. По мнению Георгия Трапезундского,

если турки завоюют Константинополь, то они будут доминировать на море и будут иметь не только сильную пехоту и кавалерию, но и мощный флот⁸⁷. Тем самым они будут представлять серьезную угрозу для венецианцев и всего Запада. Эти опасения Георгий высказывает также в своем трактате, написанном в 1434 г.⁸⁸ Некоторое время спустя, в 1442 г. Георгий предложил королю Неаполя Альфонсу Арагонскому проект крестового похода против турок⁸⁹. Он пытался воодушевить короля на этот шаг, приводя в качестве аргументов свою идею об опасном для Запада военном превосходстве турок на море.

Таким образом, лишь после падения Константинополя Георгий из врага Мехмеда превратился в сторонника мирного решения конфликтов между христианами и мусульманами.

Если различия в традициях казались Георгию несущественными для примирения двух народов, то богословские разногласия между христианами и мусульманами достойны, с его точки зрения, особого внимания⁹⁰. Все догматические различия между христианством и исламом Георгий сводит к трем пунктам. Во-первых, христиане признают единого Бога Троицей⁹¹. Во-вторых, они исповедуют, что Слово Божие стало человеком⁹². В-третьих, христиане верят, что Христос пострадал во плоти и был распят, воскрес и совоскресил человеческую природу, победив смерть своим воскресением⁹³.

⁸⁷ Ravegnani G. Nota sul pensiero politico... P. 310.

⁸⁸ Ibid. P. 311.

⁸⁹ Ibid. P. 313.

⁹⁰ Вопрос об отношении Георгия Трапезундского к исламу до сих пор является спорным среди исследователей. М. Баливе считает Георгия Трапезундского сторонником религиозного единения христиан и мусульман. Ученый рассматривал трактат “Об истинности христианской веры” как трактат о догматическом единстве ислама и христианства, опередивший по дерзости все подобные попытки того времени (Balivet M. Deux partisans de la fusion religieuse des chretienne et de Musulmans au XV-e siècle: le turc Bedreddin de Samavna et le Grec George de Trebizond // Byzantina. 1980. Т. 10. P. 383). По мнению исследователя, Георгий Трапезундский был единственным, кто в своем стремлении к религиозному синкретизму пошел дальше и заявил о равенстве двух религий и их глубокой идентичности (Ibid. P. 385). М. Баливе в своих суждениях не одинок. Того же мнения придерживается издатель одного из трактатов Георгия Г. Зорас (Zoras G. Γεώργιος ὁ Τραπεζοῦντιος... Σ. 65). И.П. Медведев высказал предположение, что у Георгия “речь может идти об унии даже не двух, а трех религий...”. По мнению исследователя, свидетельство Георгия Трапезундского ценно тем, что «он включает в план своего рассуждения не только Евангелие и Коран, но и Ветхий Завет, постоянно подчеркивает органическое единство и взаимодополняемость этого “тройного Писания”, восходящего к Аврааму, – еврейского, христианского и мусульманского» (Медведев И.П. Падение Константинополя... С. 312). Однако Дж. Монфазани уверяет, что ученые “никогда не понимали, что Георгий имел в виду” в своих сочинениях, адресованных Мехмеду II. По мнению исследователя, объяснение позиции Георгия кроется вовсе не в экстраординарном духе примирения и не в его эксцентричных политических идеях. С точки зрения ученого Георгий Трапезундский не пытался вернуть свою греческую родину, также он не предавал западное христианство. С эсхатологической точки зрения это было бессмысленно, крестовый поход мог только отсрочить неизбежное господство турок. По мнению Дж. Монфазани, Георгий не был ни предтечей экуменистов, ни безумным политиком-мечтателем. Георгий, с точки зрения ученого, чувствовал себя “главным актером” финального акта мировой истории. Monfasani J. A biography... P. 135–136.

⁹¹ Стг. CXLIV/II.3.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid.

⁷⁹ Zoras. P. 97/166–178.

⁸⁰ В этой связи важно иметь в виду византийскую идею о том, что император является “отцом семьи государей и народов”. См.: Obolensky D. The Byzantine Commonwealth...

⁸¹ Zoras. P. 97/146–158.

⁸² Ibid. P. 98/135–145.

⁸³ Ibid. P. 98–99/146–154.

⁸⁴ Ibid. P. 97/117–134.

⁸⁵ Ravegnani G. Nota sul pensiero politico di Giorgio da Trebisonda // Aevum. 1975. Vol. 49. P. 3.

⁸⁶ Monfasani J. A Biography... P. 22.

Георгий, опираясь не только на Ветхий Завет и Евангелие, но и на Коран, доказывает, что на самом деле между христианами и мусульманами нет противоречий: “Я же, услышав от некоторых людей [о] написанных в Коране заповедях, не считаю, что эти различия были чересчур большими и что их нельзя было преодолеть, но [считаю их] незначительными и легко разрешаемыми, если некто с усердием изучает Писания и неписанные природные обычаи, которые внушила мудрость, затем без раздора и любви к спорам разговаривает, чтобы приблизиться к истине, но не ища победы в споре. А то, что это на самом деле так, будет доказано не только с помощью неписанных законов, но и через сам Коран”⁹⁴.

Из трактата Георгия “Об истинности христианской веры” нельзя сделать вывод, что автор считает Коран ложным свидетельством. Георгий объединяет слово “истина” и Коран при помощи союза “и”, что, с точки зрения логики, исключает противопоставление этих понятий: “И если ты, возможно, найдешь, что написанное в этом слове согласно с Кораном и истиной, то воспользуйся своим благим разумением, и рассуди, и объедини вселенную, и станешь, как тебе подобает, императором не только всей земли, но и небес”⁹⁵.

Георгий цитирует Коран крайне редко и обычно в тех случаях, когда цитата подтверждает его тезис⁹⁶. Если текст Корана противоречит христианским догматам, то Георгий объясняет это тем, что текст Корана был поврежден⁹⁷.

Ни в одном из упомянутых трактатов Георгия Трапезундского мы не найдем критических замечаний в адрес пророка Мухаммеда⁹⁸. Когда текст Корана позволяет это сделать, Георгий всегда говорит, что сам Мухаммед подтверждает истинность христианского догмата. Так автор утверждает, что Мухаммед сделал тезис о воплощении Христа частью своей теологии⁹⁹. Если Коран не подтверждает истинность христианских догматов, Георгий интерпретирует это таким образом, чтобы авторитет Корана и пророка Мухаммеда не пострадал. Так он поступил, объясняя самое существенное, с его точки зрения, разногласие между исламом и христианством, касающееся распятия и воскресения Христа¹⁰⁰.

Георгий доказывает Мехмеду, что христиане и мусульмане согласны друг с другом почти во всем. Только из-за вопроса о кресте и смерти Христа они сталкиваются друг с другом¹⁰¹. Далее Георгий продолжает более кон-

кретно: как следует из Корана, Мухаммед согласен с христианами во всем, кроме этого одного пункта¹⁰². Отсюда проистекает традиция Церкви называть Мухаммеда врагом креста, “ибо она [Церковь] хорошо понимает, что во всех остальных вопросах он [Мухаммед] учит правильно и согласен с Церковью. Тем не менее кажется многим, что это разногласие (спорный вопрос о смерти Христа. – К.Л.) возникает из-за вздорности”¹⁰³. Правильность учения Мухаммеда, с точки зрения Георгия Трапезундского, признается, таким образом, самой Церковью. Прежде всего Георгий, опираясь на свидетельство Евангелия, Ветхого Завета и на “естественные доказательства”, демонстрирует Мехмеду истинность смерти и воскресения Христа¹⁰⁴.

Для Георгия, как мы видим, не было секретом, что в Коране недвусмысленно отрицается крестная смерть Христа. Можно было бы предположить, что автор на основании этого сделает вывод, во-первых, о ложности Корана, во-вторых, объявит, в согласии с византийской традицией полемики с исламом, Мухаммеда лжепророком¹⁰⁵. Однако Георгий не делает этого.

Каким же образом он разрешает очевидное противоречие? Во-первых, Георгий интерпретирует текст Корана не буквально, но иносказательно: “Ибо я думаю, он (Мухаммед. – К.Л.) писал, что Христос не пострадал, в том смысле, что Слово Божие бессмертно и не подвержено страданию. Это то, что Церковь также провозглашает. И, таким образом, мы согласны во всех отношениях, но не понимаем друг друга из-за незнания языка другой [стороны]. О несчастье! Теперь каждый из нас борется с другим, как с неблагочестивым!”¹⁰⁶. Во-вторых, Георгий утверждает, что текст Корана был испорчен: “Мы не убеждены, что такой во многих вещах сведущий (πολλῶν πραγμάτων ἔμπειρον) человек, как Мухаммед, написал то, что сообщается, а именно, что человеческая природа Христа не пострадала. Ибо это приводит к противоречию. Так как Христос был двойственен из-за своей смертной и бессмертной природы, если Он не пострадал своей смертной природой, то его смертная природа была бы в одно и то же время бессмертной и смертной, и в этом смысле сам Он был двойственен. Это невозможно. Текст [Писания Мухаммеда] был подвержен какой-то порче”¹⁰⁷. В-третьих, Георгий избегает обвинения Мухаммеда в ереси и лжепророчестве, вспоминая вместо него еретика Василида, утверждавшего, что вместо Христа был распят другой человек, а сам Христос не пострадал¹⁰⁸. Автор не следует традиционному для Византии обвинению Мухаммеда в лжепророчестве с обязательной ссылкой на евангельское предсказание о нем¹⁰⁹.

¹⁰² Ibid. XV. 7.

¹⁰³ Ibid. XIII. 6.

¹⁰⁴ Ibid. XIV–XVII.

¹⁰⁵ Khoury A.T. *Polémique byzantine contre l’Islam*. Leiden, 1972; *Meyendorff J. Byzantine Views of Islam // DOP*. 1964. T. 18. P. 113–132; *Vryonis S. Byzantine Attitudes Toward Islam during the Late Middle Ages // Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1972. Vol. 12. P. 263–286; *Islam, Polemic Against // The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. II. N.Y., 1991. P. 1017–1018; *Ducellier A. L’Islam et les Musulmans vis de Byzance au XIVe siècle // Byzantina*. 1983. T. 12. P. 93–134; *Idem. Mentalité historique et réalité politiques...* P. 31–63; *Sahas D. Byzantium and Islam...* P. 1–27.

¹⁰⁶ СTr. CXLIV/XVI.9.

¹⁰⁷ СTr. CXLIV/XVI.9.

¹⁰⁸ СTr. CXLIV/XV.4, 8; XVI.4, 5.

¹⁰⁹ *Islam, Polemic Against*. P. 1017–1018; *Philippidis-Braat A. La captivité de Palamas...* P. 159/25,27.

⁹⁴ Zoras. P. 97. 146–158.

⁹⁵ Ibid. P. 99–100. 179–185.

⁹⁶ СTr. CXLIV/XII.1. О методе цитирования Корана Георгием Трапезундским см.: *Khoury Th. Georges de Trébizonde et l’union islamo-chrétienne // Proche-Orient Chrétien*. 1970, 20. P. 243. Not. 1.

⁹⁷ СTr. CXLIV/XII.3.

⁹⁸ В своем знаменитом трактате “*Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis*”, к сожалению, нам недоступном, Георгий позволяет себе враждебные замечания в адрес пророка Мухаммеда. Автор, будучи яростным антиплатоником, называет пророка Мухаммеда третьим Платоном. *Ciszewski M. “Aristotelizm chrzescijanski” Jerzego Trapezuntu // Studia Mediewistyczne*. 1974. 15. S. 24, 25, 29, 31; СTr. CX. P. 600–602; *Monfasani J. A Biography...* P. 187. Однако утверждение автора биографии Георгия Трапезундского о том, что Георгий ненавидел ислам в большей степени, чем восхищался Мехмедом II (*Monfasani J. A Biography...* P. 199), нуждается в более развернутой аргументации.

⁹⁹ СTr. CXLIV/XII.2.

¹⁰⁰ Согласно Корану, Христос не был распят. Коран. 4, 156 (157)–158; 3, 47(54); 3, 48(55).

¹⁰¹ СTr. CXLIV/XV.4.

По мнению автора, в Евангелии от Луки предсказывается и смерть Христа, и ересь Василида, который считал, что вместо Христа был распят другой человек¹¹⁰. Евангельское предсказание ереси отрицания крестной смерти Христа, согласно Георгию Трапезундскому, исполнил Василид, а не Мухаммед: “Это пророчество, мы думаем, было исполнено Василидом. Ибо мы хорошо знаем его точку зрения, тогда как точку зрения Мухаммеда мы не знаем. Если, тем не менее он согласен с Василидом, то будет всего два сторонника этого мнения”¹¹¹. Итак, Георгий предпочитает сказать, что ему неизвестно мнение Мухаммеда по спорному вопросу, чем подвергнуть критике личность пророка или его учение.

Георгий полагает, что он, таким образом, снимает противоречие, доказывая, что и в вопросе о смерти Христа христиане и мусульмане согласны друг с другом, и не подвергает критике ни личность Мухаммеда, ни его пророческий дар, ни авторитет Корана.

Традиционный тезис византийской полемики с исламом заключался в указании на отсутствии в Коране упоминаний о чудесах. Византийцы часто аргументировали свое представление о пророке Мухаммеде как о лжепророке отсутствием чудес, подтверждающих его пророческий дар¹¹². Георгий объясняет отсутствие в Коране упоминаний о чудесах тем, что текст Корана христиане читают только в переводе¹¹³. Он осуждает переводчиков Корана, если те, говоря о человеческом, забыли упомянуть о божественном¹¹⁴. Таким способом автор отклоняет традиционное возражение христиан против ислама.

Георгий Трапезундский разбирает также и возражения мусульман против христианства. В частности, он затрагивает спорный вопрос об иконопочитании. Мусульмане, как известно, считают почитание икон идолопоклонством¹¹⁵. Прежде всего Георгий объясняет, что христиане почитают иконы, но не служат им¹¹⁶. Христиане чтят иконы, так как они обращают свои мысли к тому, чьим образом они являются¹¹⁷. Георгий утверждает, что мусульмане, подобно тому как христиане чтят иконы, чтят свои святилища (мечети): они целуют пол своих храмов, снимают обувь перед тем, как войти туда. Они почитают камни, из которых построены их святилища¹¹⁸ и целуют их и землю, на которой они стоят. Мусульмане, по мнению автора, поступают так потому, что их святилища – это места пребывания Бога, но не потому, что Бог живет там, а потому, что храмы пробуждают в нас воспоминания о Боге. Автор, таким образом, отклоняет обвинение христиан в идолопоклонстве и указывает на то, что объединяет христиан и мусульман.

¹¹⁰ СTr. CXLIV/XV. 4–8; Лук. 4: 34–35.

¹¹¹ СTr. CXLIV/XV. 8.

¹¹² *Philippidis-Braat A. La captivité de Palamas...* P. 156/24.

¹¹³ СTr. CXLIV/XVIII. 4.

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ О взаимосвязи иконоборчества в Византии и ислама см.: *Sahas D. Byzantium and Islam...* P. 15. По мнению Д. Сахаса, иконоборческие дискуссии были следствием внутренней близости между Византией и миром ислама в VII–VIII в. См. также: *Griffith S.H. Bashir / Beser. Wood Companion of the Byzantine Emperor Leo III // Le Muséon. 1990. Vol. 103 (3–4). P. 293–327.*

¹¹⁶ “τιμῶμεν οὐν οὐ λατρεύομεν”. СTr. CXLIV/XXI. 3.

¹¹⁷ Ibid. XXI. 3.

¹¹⁸ Вероятно, Георгий имеет в виду Черный камень, вделанный в северо-восточный угол Каабы. Этот камень должен поцеловать каждый мусульманин, совершающий паломничество в Мекку (хаджж). См.: *Родионов М.А. Ислам классический. СПб., 2001. С. 92.*

С нашей точки зрения, стремление Георгия Трапезундского сгладить противоречия между исламом и христианством является дипломатической тактикой автора, склоняющего правителя турок к принятию христианства. Изоощренность аргументации и осведомленность в предмете спора были направлены, во-первых, на то, чтобы Мехмед не разгневался, а во-вторых, принял точку зрения Георгия¹¹⁹.

Георгий не сомневается в том, что христианство является единственной истинной религией. Первый трактат Георгия, написанный для Мехмеда Завоевателя, так и называется “Об истинности христианской веры”.

Георгий ссылается на многочисленные латинские пророчества и предсказания мусульманских пророков и “мудрых исследователей учения Мухаммеда” о том, что после взятия Константинополя проповедь ислама прекратится¹²⁰. Действительно, Георгий предсказывает, что завоеватель Константинополя станет также хозяином Рима¹²¹. Если завоеватель будет стремиться к единению веры и Церкви, если он будет проявлять свое усердие не только словами, но и делами, то тогда через него Бог уничтожит учение Мухаммеда и сделает завоевателя и его потомков владыками всего мира¹²².

Если Мехмед II не захочет принять христианство, то в таком случае, после завоевания Рима, Бог искоренит ислам¹²³. Силою Бога вера и Церковь будут объединены. В то же время мусульман постигнет та же участь, что и древних готов, которые после завоевания Рима за то, что презирали Церковь, были стерты с лица земли¹²⁴.

Таким образом, Георгий изображает Мехмеда Завоевателя идеальным, по византийским канонам, императором, человеком, которому было суждено сыграть главную роль в финальном акте мировой истории. Георгий не критикует содержание Корана или личность пророка Мухаммеда. Не высказывает он и критических замечаний относительно мусульман вообще и турок в частности. Мы находим только положительные оценки личности Мехмеда Завоевателя и турок. Тем не менее автор настойчиво проводит мысль об исключительности христианской веры и разными способами пытается склонить Великого Турка к принятию христианства. Георгий признает право турок быть другими во всем, кроме веры. Таким образом, Георгия Трапезундского нельзя назвать предтечей экуменистов, скорее его можно назвать христианским гуманистом¹²⁵, для которого характерна открытая позиция по отношению к миру чужих.

¹¹⁹ В письме к римскому папе Павлу II Георгий объясняет свою чрезмерную похвалу иноверца Мехмеда тем, что лесть является приемом для возможного обращения султана в христианство. *Monfasani J. A Biography...* P. 357–358.

¹²⁰ СTr. CXLIV/I. 12. Сюжет о мусульманских и латинских пророчествах – один из немногих сюжетов трактата, не повторяющихся в трактате “Об истинности христианской веры”. О пророчествах, связанных с падением Константинополя, см.: *Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh to the Fifteenth Century. Berkely, 1971. P. 436–438.*

¹²¹ СTr. CXLIV/I. 12.

¹²² Ibid.

¹²³ СTr. CXLIV/I. 13.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ В современной историографии уделяется особое внимание специфике гуманистической религиозности. Делается акцент не только на античных, но и христианских корнях гуманизма (*Ревякина Н.В. Христианские истоки гуманистической мысли Италии XIV–XV вв. / Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 14–19.*)

БЫЛ ЛИ ИОАНН ЕВГЕНИК СВИДЕТЕЛЕМ ПАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ?

На протяжении второй половины XX в. византинисты ряда славянских стран повторяли утверждение, будто Иоанн Евгеник, брат св. Марка Эфесского и видный византийский писатель, церковный и политический деятель первой половины XV в., был свидетелем последней осады и падения Константинополя 29 мая 1453 г. В западной византинистике этот этап его биографии вовсе обходится молчанием. Текстом, легшим в основу данной гипотезы, является “Монодия на падение Константинополя”, написанная Иоанном Евгеником вскоре после падения Византийской империи и еще в XV в. переведенная на древнерусский язык. Первым, кто высказал предположение о пребывании Иоанна Евгеника в Константинополе весной 1453 г., был болгарский исследователь Ив. Дуйчев. За ним это утверждение, не подвергаясь сомнению или проверке, повторяется в русской византистике до сегодняшнего дня.

Статья болгарского исследователя Ивана Дуйчева «О древнерусском переводе “Рыдания” Иоанна Евгеника», вышедшая в русском переводе в 1957 г.¹, является частью его более обширного исследования, публиковавшегося по-французски с 1953 по 1956 г.² Болгарский ученый продолжал исследование славянского варианта монодии, начатое Н.А. Мещерским³, которому не было доступно единственное до сих пор издание греческого текста монодии, сделанное Сп. Ламбросом⁴. Ив. Дуйчев, располагавший этим изданием, полемизирует с Н.А. Мещерским в отношении ряда выводов, сделанных в его статье. Среди прочего это касается вопроса о месте и времени написания монодии.

«Из текста “Рыдания” можно заключить, — пишет Н.А. Мещерский, — что Иоанн Евгеник в момент захвата Константинополя турками находился, вероятно, в Трапезунте; он не был очевидцем последнего штурма Константинополя и, по-видимому, не надолго пережил падение оплакиваемой им столицы. Надо думать, что это произведение было последним трудом автора. Во всяком случае, оно написано не позднее 1461 г., когда турки завоевали родной город Евгеника — Трапезунт, ибо о гибели этого города “Рыдание” нигде не упоминает»⁵. Далее исследователь вновь повторяет, что “сам автор не был свидетелем гибели оплакиваемого им города и лишь слышал о событиях от очевидцев”⁶.

¹ Дуйчев Ив. О древнерусском переводе “Рыдания” Иоанна Евгеника // ВВ. 1957. Т. 12. С. 198–203.

² Dujčev Iv. La conquete turque et le prise de Constantinople dans la litterature slave contemporaine // Byzantinoslavica. 1953. XIV. P. 14–54; 1955. XVI. P. 318–329; 1956. XVII. P. 276–340.

³ Мещерский Н.А. “Рыдание” Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ. 1953. Т. 7. С. 72–86.

⁴ Λάμπρος Σλ. Μονωδία καὶ Θρήνοι ἐπὶ τῇ Ἀλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως // ΝΕ. 1908. 5. Σ. 219–226. (Далее: Μονωδία).

⁵ Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 74.

⁶ Ibid. С. 76.

Целомногие с этим утверждением...
верждает, что “Иоанн Евгеник заявляет прямо и ясно, что он лично наблюдал случившееся, претерпел страдания, но все-таки остался жив... В тексте “Рыдания”, по моему мнению, не могут быть найдены указания, что оно было составлено намного после 1453 г.”⁷. Что касается времени написания монодии, то Б.Л. Фонкич показал, что ее текст “появился на свет, несомненно, в первые же дни после взятия Константинополя турками, вероятно, в июне 1453 г., белой же экземпляр был изготовлен самим автором, скорее всего, спустя незначительное после этого время”⁸. Этим беловым экземпляром является венский список монодии (Vindob. Phil. gr. 183, л. 259–264 об.), который имеет существенные различия с тем списком, по которому сделано издание Сп. Ламброса. Если утверждение Ив. Дуйчева о времени создания монодии можно считать подтвержденным, то по поводу места ее написания и вообще присутствия Иоанна в столице во время осады и падения Города вопрос, как кажется, остается.

* * *

Иоанн Евгеник, помимо своего значительного литературного наследия, участия во Флорентийском соборе и родства с Марком Эфесским, известен в качестве одного из основных участников православного сопротивления утверждению унии в Византии. Именно этой борьбе посвящена значительная часть его переписки и риторических произведений. Одно из его наиболее важных антилатинских произведений — Антирретик, содержащий подробное опровержение всего ороса Флорентийского собора. В качестве противника униатской политики Константина XI Иоанн в 1450 г. покинул столицу и после ряда поездок вернулся в Морейский деспотат, где имел небольшое земельное владение и пользовался поддержкой властей. Именно с Пелопоннесом будет связана значительная часть последующей деятельности Евгеника.

Очередной этап борьбы, связанной с унией, пришелся на самый конец 1452 — начало 1453 г. Это можно назвать третьим этапом рецепции Флорентийской унии в Византии, который в своей “положительной” части завершился официальным провозглашением ороса Флорентийского собора в Софии Константинопольской и обновлением унии 12 декабря 1452 г. Антирретик Иоанна Евгеника был написан как ответ на это событие. Однако здесь первые роли принадлежали не Иоанну Евгенику, а Геннадию Схоларию с православной стороны и Исидору Киевскому с униатской.

В отличие от предшествующего этапа рецепции унии, богатого на богословские сочинения и дебаты, теперь политика обеих сторон состояла в обращении к “народу” с попыткой склонить его на свою сторону. Возможно, это связано с тем, что позиция верховной власти Византийской империи к этому моменту уже определилась. За период с ноября 1452 г. по январь 1453 г. Схоларием было составлено шесть текстов. В одном из них, обращаясь к лидерам православных 15 ноября 1452 г., Схоларий особо отмечает

⁷ Дуйчев Ив. Указ. соч. С. 200.

⁸ Фонкич Б.Л. Иоанн Евгеник и его “Монодия на падение Константинополя” // Византия между Востоком и Западом. М., 1999. С. 290.

двух людей – Сильвестра Сиропула и Феодора Агаллианоса⁹. Об Иоанне Евгенике *ничего не говорится*. Более того, в коллективном обращении лидеров “православного сопротивления”, подписанном в ноябре 1452 г. пятнадцатью священнослужителями различного ранга, имени Евгеника мы также *не находим*. Это говорит не о его малой вовлеченности в борьбу, но лишь о том, что в это время, в ноябре 1452 г., он не был в Константинополе. А присутствие в 1452 г. Иоанна именно на Пелопоннесе подтверждает его “Протрептик деспоту о Церкви Христовой”, посвященный морейскому деспоту Димитрию и датируемый 1452 г.¹⁰ Этот текст свидетельствует о вовлеченности Иоанна в борьбу, однако не в столице, а на Пелопоннесе. Ни в каких текстах Геннадия Схолария того периода, посвященных столичным событиям, также ни в каких других константинопольских источниках этого времени Иоанн Евгеник не упоминается.

* * *

Если все же придерживаться гипотезы о том, что Иоанн Евгеник был свидетелем падения Константинополя в мае 1453 г., то остается предположить, что он вернулся в столицу из Морейского деспотата после обновления унии, т.е. в начале 1453 г. В 1450 г. Евгенику пришлось покинуть Город из-за униатской политики власти, поэтому не подлежит сомнению, что в начале 1453 г. он также был *persona non grata*, и тем более не могло быть и речи о его возвращении в патриархию в качестве диакона и номофилака. Без этого, после вполне устроенной жизни близ Мистры, вряд ли можно говорить о возвращении Иоанна Евгеника в Константинополь. Но главное – это, конечно же, военные события, связанные с осадой Города турками.

По поводу намерений Мехмета II захватить византийскую столицу все сомнения отпали после возведения им близ Константинополя крепости Румели-Хисар, которая была завершена к концу августа 1452 г. Это было уже настоящей подготовкой к осаде. В январе-феврале 1453 г. несколько итальянских судов еще приходят в Константинополь, чтобы оказать ему помощь против султана. В марте 1453 г. начинается сбор турецкого флота у Галлиполи, и к самому началу мая вся турецкая армия вместе с султаном уже стояла у стен Константинополя. В ситуации крайней опасности, а затем и блокады Города с суши и моря, весьма уже престарелый по понятиям того времени Иоанн Евгеник вряд ли мог попасть из Мистры в столицу гибнущей империи, даже если бы этого и захотел. Это обстоятельство, являющееся следствием тогдашней политической и военной ситуации, заставляет предположить, что Иоанн Евгеник не мог быть свидетелем падения Города.

И, наконец, фраза из монодии, которая позволила Ив. Дуйчеву, а за ним и ряду других исследователей утверждать, что весной 1453 г. Иоанн Евгеник был в гибнущей столице: *...πάντα ἰδὼν καὶ παθὼν καὶ ἀκούσας ἐγὼ, ὁ δὲ σμωρός, ἐφυλαττόμην ἐς τόδε καιροῦ ὀψόμενος, θρηνήσων, πενθήσων τῆν κοινὴν συμφοράν. Πῶς οὐ καταράσομαι τὴν ἡμέραν ἐν ἣ ἐγεννήθη πολλῶ τοῦ Ἰῶβ δικαιοτέρον* (“Я, увидев, прочувствовав и услышав все это, о несчаст-

ный, сохранился до настоящего времени, чтобы оплакивать, скорбеть и являться образом общего несчастья. Разве не прокляну я день, в который был рожден, с куда большим основанием, нежели Иов?”¹¹). Подлинным указанием на участие в событиях могут быть, собственно, только слова *πάντα ἰδὼν* – “я, увидев все это...”. Но могут ли они служить достаточным аргументом в пользу аутопсии в таком риторическом произведении, как монодия? В этом тексте почти что нет описаний конкретных событий и обстоятельств. Это именно риторическое произведение, для написания которого не было необходимости видеть события воочию. К тому же Евгеник указывает в монодии и на то, что о падении Города ему рассказали другие: *Ἀκούσας πρῶτον ἐπὶ τοῦ διηλίστου καὶ ληρεῖν καὶ παραλαίειν ὁ μάταιος καὶ βλασφημεῖν ᾤμην τοὺς λέγοντας ἢ ἀδύνατα ἀλαγγέλειν* (“Услышав впервые, я совершенно не верил и считал, о безумный, что говорящие это празднословят безумствуют и богохульствуют или же возвещают невероятное”¹²).

Все это подтверждает предположение о том, что Иоанн Евгеник лично не был свидетелем падения Константинополя, его монодия на это событие была написана на Пелопоннесе, и даже нет надежных свидетельств того, что он потом когда-либо возвращался в бывшую столицу погибшей империи.

⁹ Œuvres Complètes de Gennade Scholarius / Ed. L. Petit. Vol. III. P., 1930. P. 166.

¹⁰ Λάμπρος Σλ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά. Τ. 1. Ἀθήναι, 1912. Σ. 180.

¹¹ Μονωδία. Σ. 220.

¹² Μονωδία. Σ. 225.

ВИЗАНТИЯ В СВЕТЕ СКАНДИНАВСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ*

Начиная с рубежа VIII–IX вв. в византийских источниках появляются первые сведения о проникновении норманнов в имперские владения¹. Количество известий – теперь также и в древнерусских источниках – увеличивается в X в. по мере учащения поездок скандинавских купцов – для торговли и воинов – для службы в византийской армии и с конца века в императорской гвардии². В собственно же скандинавских источниках свидетельства о поездках на восток и в Византию появляются только в XI в.³, но фиксация этих свидетельств современна самим событиям. Эти источники – рунические надписи, которые образуют две группы⁴.

К первой группе принадлежат 32 стелы, происходящие из Швеции (памятников аналогичного содержания в Дании и Норвегии нет), в подавляющем большинстве из двух среднешведских областей вокруг озера Меларен: Упланда (19) и Сёдерманланда (8), две находятся в Эстергётланде и по одной в Вестергётланде, на Готланде и в Смоланде. Формульные надписи на этих камнях прославляют людей, которые побывали в Византии, многие из них погибли во время путешествия. Значительная часть текстов содержит, хотя и краткие, указания на цели путешествия, обстоятельства смерти или другие события. Аутентичность надписей делает сообщения рунических надписей особенно ценными. Вторая группа состоит из рунических надписей-граффити, обнаруженных на территории Византии: две из них, выявленные в последние десятилетия, нанесены на парапеты хоров собора Св. Софии; несколько надписей вырезано на статуе льва, которая стояла в Пирее.

* Статья написана в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№ 03-01-00113а).

¹ Бибилов М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 97–105; Бибилов М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. gōþR – ‘Рѡс’ – Русь: ранние этапы скандинаво-русско-византийских отношений // Материалы XVIII международного конгресса византинистов. М., 1991. Ч. 2.

² О пребывании скандинавов в Византии см.: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Васильевский В.Г. Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. 176–376; Ellis Davidson H. The Viking Road to Byzantium. L., 1976; Blöndal S., Benedikt B.S. The Varangians of Byzantium. Cambridge, 1978. Об отражении связей Скандинавии и Византии см. материалы конференций: Le Pays du Nord et Byzance. Actes du colloque d'Upsal 20–22 avril 1979 / Red. R. Zeitler. Uppsala, 1981; Byzans och Norden. Akta för Nordiska forskarkursen i byzantinisk konstvetenskap 1986 / Red. E. Piltz. Uppsala, 1989; Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. M. Müller-Wille. Bd. 1. Stuttgart, 1997.

³ Богатую информацию о поездках скандинавов в Византию содержат исландские родовые и королевские саги, которые, однако, записывались в конце XII–XIII в. В меньшей степени византийские связи отражены в скальдических стихах XI–XII вв. Ссылки на эти источники, равно как и их далеко неполные перечни см. в работах, указанных в примеч. 2.

⁴ Публикацию обеих групп надписей см.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые открытия и интерпретации. М., 2001. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). (Далее: СРН). С. 257–272, 348–353.

Обратимся сначала к информации шведских мемориальных стел.

Пребывание скандинавов в Византии отмечается в надписях тремя выражениями. Первое и наиболее распространенное – *fara* (или *vara*) *í grik(k)jum* “ездить в греки” или “находиться в греках” (21 раз). Вторым по частотности выражением было *vara með grik(k)jum* “быть у (среди) греков” (6 раз). Несравненно реже – всего 2 раза – в первой конструкции употреблялось наименование *Grikland*, производное от этнонима *grik(k)jar* с термином *land* – “земля греков”.

Обозначением Византии в этих выражениях, таким образом, служит по преимуществу этноним “греки”. Он используется даже в списке мест, посещенных(?) или известных автору надписи на литейной форме с Готланда: “Греки. Иерусалим. Исландия. Серкланд” (*krikiaR iaursalir islat serklat*)⁵. Однако наименование страны (государства) этнонимом, т.е. использование этнонима в значении политонима или хоронима, нетипично для скандинавской топониматики. Этнонимы, как правило, заимствованные из языка его носителей, передавались средствами древнескандинавских языков с большей или меньшей степенью их адаптации и обозначали именно племя (*finnar*, *bjarmar*, *kirjalir*), народ (*englar*) или группу народов (*váilir* – романцы: французы, иногда итальянцы). Обычной же моделью для образования внескандинавских хоронимов и политонимов служил композит этноним + термин *land* (позднее, применительно к государственным образованиям, причем в основном скандинавским, – *ríki*): *England*, *Frakkland*, *Serkland*, *Kurland*, *Romariki* и т.д.⁶ В эту модель вписывается мало распространенный хороним/политоним *Grik(k)land*. Обозначение же Византии этнонимом *grik(k)jar/grik(k)ir* стоит в древнескандинавской топониматике особняком, других аналогичных по способу образованию хоронимов мне не известно.

Подобное же соотношение этнонима и хоронима/политонима для обозначения Византии сохраняется и в более поздних скандинавских текстах. Основным обозначением Византии в королевских и родовых сагах и в скальдической поэзии также является этноним *grik(k)ir*⁷; хороним *Grik(k)land* встречается по преимуществу в ученой и переводной древнескандинавской литературе (географических трактатах, исторических сочинениях, переводных сагах), где отмечен также редкий топоним *Romania*⁸, хотя он, также как и названия *Romariki* и *Rómaveldi*, значительно чаще обозначает Италию. Несколько раз топоним *Grik(k)land* употреблен в ранних сборниках королевских саг “Гнилая кожа” (конец XII в.) и “Красивая кожа” (ок. 1220 г.)⁹, но в них также представлен и этноним *grik(k)ir*.

Обособленность способа обозначения Византии заставляет предполагать, что оно принадлежит не собственно древнескандинавскому лексическому фонду, а является заимствованием, причем достаточно ранним, не позднее начала XI в., когда оно уже последовательно отражается в шведских

⁵ СРН. Б-III.4.7.

⁶ Krag C. Landskapsnavn på -land og -rike // Historisk tidskrift. Oslo, 1971. B. 50. N 4. S. 341–354; Melnikova E.A. Struktur und Chronologie des osteuropäischen Toponymie in altnordischen geographischen Werken // Sowjetische Skandinavistik. Eine Antologie. Frankfurt am Main, 1992. S. 267–278.

⁷ Metzenthin E.M. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania University Press, 1941. S. 37.

⁸ Ibid. S. 87.

⁹ Ibid. S. 36.

⁵ Византийский врсменник, т. 64

рунических надписях, т.е. было общеизвестным и общепринятым. Возможных путей проникновения названия было три: его непосредственное восприятие при общении с византийцами, через Западную Европу (Англию или Германию) и через Восточную Европу (Древнюю Русь).

Наименование *grik(k)ir* ни в коей мере не могло отражать самоназвание византийцев, которые последовательно именовали себя ромеями, а отнюдь не греками. Также и империя носила наименование Романия, а не Греция.

Мало вероятно и восприятие скандинавами принятого в Западной Европе названия Византийской империи *Regnum (Imperium) Graecorum*. Латинское обозначение соответствовало наиболее естественной для Скандинавии модели – этноним + *land/ríki* и должно было отразиться именно в этой форме.

Связи же Скандинавских стран, особенно Швеции, с Византией осуществлялись преимущественно через Русь, а не через Западную Европу, и именно в древнерусском словоупотреблении имеется единственное прямое соответствие: обозначение Византии только и постоянно этнонимом “греки” (“пойти в греки” и т.д.). Такой способ образования хоронимов и политонимов был вообще характерен для древнерусского языка: в Повести временных лет, например, наименования земель и государств представлены чаще всего этнонимами или, реже, словосочетанием, состоящим из этнонимического прилагательного с термином *земля*: Польша – *ляхи* и *Лядская земля*, Венгрия – *угры* и *Угорская земля*, Хазарское государство – *хазары* и т.д.¹⁰ Исключением – весьма показательным – является использование собственно хоронимов в географическом введении к Повести, основанном на хрониках Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Эти хоронимы – прямые заимствования византийских, например, Скуфия, Макидонья, Далматия и др. Однако хоронимы уступают место этнонимам, как только летописец от перевода переходит к собственному географическому описанию (“В Афетове же части седять русь, чудь...”) ¹¹.

Все это дает основание предположить, что обозначение Византии *grik(k)jar/grik(k)ir* воспроизводит древнерусское *греки* и было усвоено скандинавами во время их пребывания на Руси и в Византии вместе с русскими дружинниками еще в IX–X вв. Принесенное бывшими варягами на Север, оно закрепилось в общественном сознании и стало общепринятым (ср., видимо, аналогичное происхождение названия *Miklagardr* “Великий город”. Константинополь – калька др.-рус. Царьград)¹². Лишь в редких случаях оно оформлялось в соответствии с максимально продуктивной моделью на *-land* по аналогии с другими хоронимами.

Указания на путешествие человека, в честь которого была воздвигнута стела, в Византию часто дополнялись уточнениями: *út* “далеко (*út í grik(k)jum* “далеко = за морем в греках”)¹³ и *austr* “на восток, на востоке” (*austr í grik(k)jum* “на востоке в греках”)¹⁴. Наречие *út*, как правило, использовалось

¹⁰ Хабургаев Г.А. Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

¹¹ Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачева с доп. М.Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 7–8.

¹² Джаксон Т.Н., Молчанов А.А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии Руси “из варяг в греки” // ВИД. 1990. Вып. 21. С. 226–238.

¹³ СРН. Б-III.7.7; Б-Приложение 1.1, 2, 5, 15.

¹⁴ СРН. Б-III.5.14; Б-III.5.17 (?); Б-III.6.1, Б-III.9.3.

для обозначения не просто удаленности места, но его удаленности за морем, достичь это место можно было только морским путем¹⁵. Тем самым выражение *út í grik(k)jum* подразумевало, что Византия находится на большом расстоянии от Скандинавии и путь туда лежит морем.

Содержательным было и определение *austr*. Согласно древнескандинавской системе пространственной ориентации и соответствующему ей членению ойкумены, мир делился на четыре неравные части по сторонам света: север, восток, запад и юг с вероятным центром ориентации в Западной Балтике¹⁶. Отнесение тех или иных регионов ойкумены к частям света определялось не их реальным расположением относительно Скандинавии, а направлением начального, от Скандинавии, пути. Так, Англия находилась в западной четверти, дальше “на запад” лежала Франция, еще “западнее” находилась Испания. Южная четверть охватывала, фактически, лишь очень незначительную часть Центральной и Южной Европы: от Южной Прибалтики и Ютландского полуострова до Италии. Следуя этому принципу, Византия помещалась в восточной “половине”¹⁷ мира – в конце Восточного пути, который начинался в Западной Балтике и продолжался по рекам Восточной Европы вплоть до Черного моря. Связь Византии с Восточным путем была настолько устойчива, что византийские императоры могли быть названы “конунгами Восточного пути” (*Austrvegs konungar*)¹⁸. Таким образом, употребление обозначения *austr* несло важную семантическую нагрузку: оно, во-первых, относилось к Византии к восточной части мира и, во-вторых, указывало на основную путь, по которому в нее можно было попасть – по рекам Восточной Европы.

Упоминания Византии в рунических надписях чрезвычайно многочисленны (32 случая). Достаточно сказать, что Русь, которая и сама являлась целью походов, и служила транзитной зоной для тех, кто стремился в Византию, вместе с топонимами, относящимися к Древней Руси, названа только в 18 текстах, а Англия, значительная часть которой была завоевана норманнами, – в 28 (в одном из них назван Лондон). Между тем Византия представлена в рунических надписях практически только своим общим обозначением – в отличие от Руси, где наряду с хоронимом/политонимом (10 надписей) в 8 названы другие объекты, по преимуществу города¹⁹.

Единственное исключение составляет также достаточно расплывчатое и общее наименование *Grik(k)hafn* “Греческая гавань”²⁰, но текст не дает ника-

¹⁵ Об интерпретации рунического *uti* см.: Salberger E. Runsv. *uti* × *krikum*. En uttryckstyp vid pamn på länder // Ortnamnsskapskapets i Uppsala årsskrift. 1997. S. 51–68.

¹⁶ Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994 год. М., 1994. С. 54–66.

¹⁷ Как и во всей средневековой европейской географии, исландские географические трактаты, восходящие к ней, отводили Азии восточную половину ойкумены [что особенно наглядно проявлялось на картах мира типа Т-О; см.: Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. (Древнейшие источники по истории народов СССР); Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. М., 1999. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)]. В христианской географической традиции при этом ойкумена членилась на трети, в скандинавской местной традиции – на четверти.

¹⁸ Rymbegla sive rudimentum computi ecclesiastici et annales veterum islandorum / S. Björnönis. Havnæ, 1780. Cap. XXXI, § 135. Параграф имеет цитированный заголовок и перечисляет византийских императоров.

¹⁹ СРН. С. 64–73.

²⁰ Там же. Б-III.7.28.

ких оснований для предположений о том, что именно имеется в виду: Золотой Рог или какая-то иная гавань (ср. ниже надписи на Пирейском льве).

Позднее, в источниках XII–XIII вв. (скальдических стихах, сагах, географических трактатах) широко употребительным станет наименование Константинополя (*Miklagardr*, от *mikill* “большой, великий” и *gardr* “огороженный хутор, двор” – термин, характерный для наименований городов, лежавших на пути из варяг в греки), описание храма Св. Софии (*Egisif*)²¹, появятся упоминания и – реже – описания отдельных районов или зданий города²², в первую очередь императорского дворца и прилегающих к нему участков (подобных описаний для Новгорода или Киева нет). В географических трактатах встречаются и обобщающие наименования “Греческие острова” (*Grikklands eyjar*) и “Греческое море” (*Grikklands haf*)²³, которые не поддаются конкретизации. Однако эти упоминания редки и разрозненны. Видимо, названия конкретных объектов не вошли в основной фонд знаний скандинавов о мире, который формировался в эпоху викингов и получил общескандинавское распространение. Они отражают информацию, донесенную в составе рассказов о пребывании в Константинополе того или иного вэринга уже в XI–XII вв., и встречаются в контексте именно этого рассказа, включенного в сагу.

Единственным более или менее известным словом, наряду с обозначением страны, стало наименование скандинавов, побывавших в Византии, – *Grik(k)fari* “ездивший к грекам”²⁴. Оно образовано по употребительной, хотя и не слишком распространенной модели – этноним + *fari* (ср. *Englandsfari*, *Rómfari* и др.). Такого рода обозначения встречаются не только в рунических надписях, но и в сагах, итинерариях и других произведениях.

Отсутствие каких-либо конкретных византийских топонимов в рунических надписях свидетельствует, что в сознании тех, кто заказывал и читал их, Византия выступала как единое и нерасчлененное целое, в котором не выделялись отдельные географические объекты. Такая “цельность” упоминаний Византии, видимо, связана с тем, что на протяжении XI в. фонд сведений о Византии в Скандинавии еще только формировался. Хотя посещения скандинавами Византии начались в IX в.²⁵, они носили спорадический характер и стали более регулярными в X в. Действительно же большой приток скандинавов в Константинополь возник лишь в самом конце X в.²⁶, когда из них стала формироваться императорская гвардия, и, видимо, достиг пика в середине XI в. во времена Харальда Сигурдарсона²⁷. Именно в сагах о Харальде (древнейшая редакция в рукописи *Morkinskinna* “Гнилая кожа” дати-

²¹ “В Миклагарде есть церковь, которую их люди (греки. – Е.М.) называют Агиософия, а норманны называют Эгисив; эта церковь по облику и размерам самая великолепная и знаменитая из всех церквей в мире” (Описание Земли I // Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения... С. 76/78).

²² Известным зданием был императорский дворец, получивший в сагах название *Полога* (от др.-рус. *палата*). Он несколько раз упоминается в контексте рассказов о вэрингах.

²³ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения... С. 61–62/64–65, 76/78.

²⁴ СРН. Б-Приложение 1.4, 13.

²⁵ Бибиков М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. *göfr* – ‘Рѡс – Русь...; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия *варяг* // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

²⁶ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы...

²⁷ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина...

руется концом XII в.) содержится наиболее подробное описание Константинополя²⁸, называются византийские императоры, при которых служил Харальд, и складывается набор общеизвестных сведений о Византии.

Уже сама распространенность упоминаний Византии в надписях указывает на многочисленность поездок туда скандинавов. О частоте поездок в Византию свидетельствуют также родовые и королевские саги и судебники Швеции и Норвегии, в которые внесены специальные статьи о порядке вступления в наследство в тех случаях, когда завещатель или наследник находится в Византии²⁹.

По сообщениям саг, основным видом деятельности скандинавов в Византии была служба в императорской гвардии или в византийской армии. Определение погибшего в рунических надписях как “доброго воина” (*drengr gódr*) также, вероятно, свидетельствует о его военной деятельности. Однако при всей распространенности этого определения³⁰ в “византийских” надписях оно встречается только один раз³¹. Другим указанием на военную деятельность может служить употребление глаголов *farask* “погибать”³² и *falla* “пасть”³³, отмечающих насильственную – в бою – смерть человека. Но и они использованы только по одному разу. Как правило, путешественники в Византию “умирают” (*deyja, vera dauðr, andask*), что может предполагать смерть от болезни или несчастного случая, хотя, конечно, и не исключает гибели в бою.

Лишь в одной надписи заказчик памятника счел необходимым сообщить более подробно о своем пребывании в Византии: “Рёгнвальд велел высечь руны по Фастви, своей матери, дочери (?). Она умерла в Эде. Бог да поможет ее душе. Руны велел высечь Рёгнвальд, который в Грикланде был вождем войска” (*a griklanti uas lis forunki*)³⁴. Слово *lid* “народ, люди, войско, дружина” было наименованием любого вооруженного отряда, собранного конунгом, хёвдингом или просто бондом. Вероятно, Рёгнвальд был упландским хёвдингом, который либо пришел в Византию вместе со своей дружиной (как Харальд Сигурдарсон), либо добился положения главы отряда вэрингов.

Таким образом, хотя в подавляющем большинстве надписей вид деятельности в Византии людей, в чью честь воздвигнут памятник, не называется, можно предполагать, что по крайней мере значительная их часть ездит-

²⁸ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI в. – середина XIII в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 2000 (Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 89–145.

²⁹ Соответствующие статьи имеются в Старшем и Младшем Вестгёталаге (Westgötalagen. *Atfrärbolkar 12 // Collin H.S., Shlyter C.J. Sweriges gamla lagar. Stockholm, 1827. B. 1; Пер. на рус. яз. А.В. Фоменковой в кн.: Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1999. С. 210–211), Законах Гулатинга (Norges gamle Love / Udg. R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1846. B. 1. S. 26), древнейшем своде исландских законов Grágás (Grágás. *Lagasafn íslenska þjóðveldisins / Udg. G. Karlsson, K. Sveinsson, M. Árnason. Reykjavík, 1992*).*

³⁰ СРН. С. 46–47. См. также: *Randsborg K. The Viking Age in Denmark. The Formation of a State. L., 1980.*

³¹ СРН. Б-Приложение 1.11.

³² СРН. Б-III.7.28 (?); Б-Приложение 1.1 (в издании надписей я неверно прочла группу *furs* как форму претерита глагола *fara* “ездить”. Ее следует интерпретировать как претерит от глагола *farask* “погибать”).

³³ СРН. Б-Приложение 1.23.

³⁴ СРН. Б-Приложение 1.22.

ла в Византию с торговыми целями. Этот вывод в известной степени противоречит сообщениям королевских и родовых саг, которые обычно рассказывают о воинских подвигах исландцев и норвежцев, отправившихся в Византию. Представляется, что такое сужение сфер деятельности скандинавов в Византии обусловлено в первую очередь доминирующими интересами составителей и слушателей саг.

Судя как по сагам, так и по руническим надписям, пребывание в Византии было чрезвычайно прибыльным. Рассказ о полученном Харальдом Сигурдарсоном богатстве во время службы в Византии составляет в саге отдельный, подробно разработанный мотив³⁵. Но и в рунических надписях трижды говорится о добытом золоте³⁶ и о “приобретении наследства”, т.е. имущества, богатства, которое можно завещать наследникам³⁷.

В XI в. появляется новый тип путешественников, путь которых также лежал через Русь и Византию, – это паломники в Святую Землю. Первые описания паломничеств относятся к XII в.³⁸, но уже в трех рунических надписях упоминается Иерусалим³⁹ – цель и символ, к которым стремились христиане-неофиты. Особый интерес представляет надпись из Брөбю (Упланд), рассказывающая об одной печально закончившейся поездке в Святую Землю: некий Эйстейн “направлялся в Иерусалим и умер далеко в греках”⁴⁰. При этом в надписях представлена более архаичная, нежели в сагах и других письменных произведениях форма названия – *Jórsalir*, без форманта *-borg*.

Таким образом, стелы с руническими надписями из Швеции характеризуют Византию как страну, лежащую в восточной части мира и достигаемую Восточным путем, богатую и потому интересующую многих скандинавов. Через Византию лежит также дорога в Святую Землю и Иерусалим – новый центр притяжения для недавно обращенных в христианство скандинавов.

Второй комплекс рунических надписей, свидетельствующий о связях скандинавского Севера с Византией, – граффити, обнаруженные на ее территории. Находки младшерунических надписей в тех регионах Европы, куда скандинавы попадали более или менее регулярно, отмечались уже с середины XIX в. Дж. Стивенс включил в свой свод несколько скандинавских надписей из Англии⁴¹. В 1905 г. был найден рунический камень на о-ве Березань

³⁵ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 140–142.

³⁶ СРН. Б-Приложение 1.6 (*uaR han i krikum iuli skifti*); Б-Приложение 1.11 (*for ulaifr i krikium [g]juli siffti*). В обоих случаях употреблено одно и то же метафорическое выражение “дробить, делить золото” (*skifa gulli*), часто употреблявшееся в скальдических стихах. Это сходство, возможно, обусловлено близостью местонахождения памятников: они могли быть высечены одним мастером или текст одной из стел, понравившись заказчику, мог послужить образцом для второй.

³⁷ СРН. Б-Приложение 1.15 (*aflafi uti krikum arfa sinum*). Среди “русских” надписей лишь в одной упоминается о нажитом в “Гардах” богатстве.

³⁸ Мельникова Е.А. Древнескандинавские итинерарии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 363–436.

³⁹ СРН. Б-III.4.7; Б-III.7.20; Б-Приложение 1.2.

⁴⁰ Там же. Б-Приложение 1.2 (*is suti iursalir auk antapib ub i kirkum*).

⁴¹ Stephens G. The Old Northern Runic Monuments of Scandinavia and England. Vol. I–IV. 1866–1901.

в устье Днепра⁴². При раскопках Дублина (Ирландия) в конце 1980-х – начале 1990-х годов обнаружена серия костей с руническими и руноподобными надписями⁴³. Несколько бытовых младшерунических текстов на различных предметах (гребнях и др.) происходят из земель поморских славян⁴⁴.

Еще в конце XVIII в. была обнаружена и первая надпись, сделанная скандинавами в Византии: на мраморном льве, вывезенном венецианцами из Пирея, было выявлено несколько рунических надписей, которые уже в то время были сильно повреждены и местами не читались⁴⁵.

По прошествии 200 лет (в 1964 г.) было сделано следующее открытие: граффито некоего Хальвдана на парапете хор в Софийском соборе (Айа-София) в Стамбуле⁴⁶. Эта надпись состоит из, по меньшей мере, 21 знака (вероятно, больше), но читается в ней только одно имя собственное *Halfdanr (alftan)* – Хальвдан, открывающее текст. Палеография надписи не содержит датирующих признаков, и потому ее можно датировать лишь максимально широко – концом X – началом XII в.

Позднее (в 1975 г.) на парапете в той же галерее было выявлено еще одно короткое (4 знака) граффито⁴⁷. Расходясь в прочтении двух последних знаков, оба предложенных чтения интерпретируют надпись как имя собственное: *Ári (ari k)* – Ари или *Árni (arni)* – Арни. Первое чтение предполагает присутствие руны *k*⁴⁸, которая может быть начальной буквой слова *gerði* “сделал”, претерита от глагола *gera* (в рунических надписях обычно *karpi*). В таком случае надпись означает “Ари сделал [эту надпись]”. Подобные тексты широко распространены во всех Скандинавских странах и рассматриваются как “автограф” человека, вырезавшего надпись. Каково бы ни было чтение надписи, использованный в ней аллограф руны *r* позволяет предположительно датировать ее IX–X вв.

Оба граффити из Айа-Софии типичны для бытового письма эпохи викингов – раннего средневековья: они крайне небрежно выполнены коротковетвистыми рунами и соотносятся с граффити на стенах церквей в Скандинавских странах.

В отличие от них надписи на Пирейском льве (под таким названием памятник вошел в литературу) представляют собой уникальное явление: крайне необычен предмет, на котором они были сделаны, изысканна орнамента одна из них, включающая сложное переплетение змеев, образующих несколько петель, нетрадиционно и содержание надписей.

⁴² СРН. А-III.2.1. Березанский памятник в принципе имеет самое непосредственное отношение к “византийской” тематике, поскольку само его местонахождение – на о-ве Березань (Св. Эфений), согласно Константину Багрянородному (*Константин Багрянородный. Об управлении империей*. М., 1999. С. 48/49), росы делали остановку на несколько дней и переоснащали суда – указывает на то, что он был сделан скандинавами (шведами) по пути в Византию или из нее. Более того, именование человека, в чью память был установлен камень, *félagi* “товарищ, компаньон”, может свидетельствовать о том, что поездка имела целью торговлю.

⁴³ Barnes M., Hagland J.-R., Page R.I. The Runic Inscriptions of Viking Age Dublin. Dublin, 1997.

⁴⁴ Lerche Nielsen M. Runeindskriftene fra Starigrad/Oldenburg og andre runefund fra det vestslaviske område // Danske studier. 1999. S. 16–36.

⁴⁵ СРН. А-Приложение.

⁴⁶ СРН. А-Приложение 1.

⁴⁷ СРН. А-Приложение 2.

⁴⁸ На прориси автора чтения, М. Ларссона, руна *k* отделена от предшествующей двумя точками в верхней половине строки. См.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 259.

Две скульптуры львов из белого мрамора, которые украшали ворота (Porto Leone) в Пирее, гавани Афин, попали в Венецию в 1687 г., когда во время войны с турками венецианский главнокомандующий Франческо Моросини вывез их из Греции. Впервые о наличии рунических надписей на туловище одного из львов было сообщено в 1800 г., после чего надписи неоднократно изучались. Однако крайне плохая сохранность рез (она отмечалась уже в 1800 г.) и последующее ухудшение состояния надписей делают их чтение затруднительным. обстоятельно познакомившись с памятником в 1994 г., я обнаружила появление новых и весьма обширных утрат, которые были отмечены мною на прорисях, опубликованных в 1914 г. наиболее обстоятельным исследователем текстов, выдающимся шведским рунологом Э. Брате⁴⁹.

На туловище льва в разных местах нанесено несколько надписей. На левой стороне статуи, которую Брате обозначил стороной I, одна (или две) размещены на плече и передней лапе льва (I-A и I-B); еще одна находится на бедре задней лапы (I-C). На правой стороне (II) извивающийся рунический змей (возможно, с дополнительными змеями) с еще одним текстом занимает плечо и грудь льва.

По мнению Брате, согласившегося со своими предшественниками, все надписи образуют единый текст. Главным аргументом в пользу этого служит то, что в тексте на правом плече льва, согласно его чтению, присутствует подпись рунографа, каковой не имеется в других надписях. Поэтому Брате полагал, что текст начинается на левой стороне статуи (I) и продолжается на правой стороне (II).

Прежде чем интерпретировать состав граффити на статуе и содержание текстов, необходимо подробнее рассмотреть каждую из надписей. Отмечу при этом, что нынешнее состояние памятника заставляет опираться на чтения Брате, часть которых поддается проверке и за редчайшими исключениями соответствует моим наблюдениям. На ряде же отрезков текстов такая проверка оказалась уже невозможной⁵⁰.

Надпись I-A выполнена на спускающемся на левую переднюю ногу льва и поднимающемся снова вверх туловище рунического змея, контуры которого ныне сохранились лишь в немногих местах. Голова змея с заостренным носом и круглыми глазами по бокам (ныне практически не видны) завершала левую часть полосы и была изображена сверху. Хвост располагался вверху справа (ныне также не просматривается). Этот тип изображения рунического змея датируется началом – первой половиной XI в.⁵¹

Текст выполнен сочетанием полно- и коротковетвистых рун и написан бустрофедоном – редкий случай для рунического письма XI в.⁵² Его палеографической особенностью является использование пунктированной руны **e**, что указывает на его написание ближе к середине XI в.

⁴⁹ Brate E. Pireuslejonets runinskrift // Antikvarisk tidskrift för Sverige. 1914. Del 3. N. 20.

⁵⁰ Все эти особенности состояния надписей, равно как и возможность отличных от Брате чтений, подробно оговорены мною в кн.: СРН. С. 260–271.

⁵¹ Gräslund A.-S. Rune Stones – On Ornamentation and Chronology // The Twelfth Viking Congress. Developments around the Baltic and the North Sea in the Viking Age. Stockholm, 1994. P. 126.

⁵² Аналогично, на полосе, состоящей из четырех колен, но не оформленной в виде змея, расположена надпись на памятнике из Вестра Лединге (Упланд, середина XI в.). Он установлен в честь двух родственников (братьев?, отца и сына?), Орма и Ормульва, которые “умерли в греках” (СРН. Б-III.7.7).

Надпись, лишь частично читавшаяся уже во времена Брате, восстанавливается им следующим образом⁵³:

Транслитерация:

[hiuku þir hi]lfniks m[ilum hna : en i hafn þesi þir min eoku run]ar at ha[ursa] buta [kuþan] a ua[h]

Древнеисландский текст (Э. Брате):

Hioggu þeir
helfnings millum hann,
en í hafn þessa þeir menn
hioggu rúnar
at Horsa bónda góðan á vág⁵⁴.

Перевод:

“Сразили [ударом] его среди войска, а в этой гавани мужи высекли руны по Хорси (?), доброму мужу, в заливе”.

Очевиден нетрадиционный характер этого текста: начальная формула “N. установил этот камень по X., своему (отцу, сыну, брату)”⁵⁵ перенесена в конец, большое количество слов, начинающихся руной **h**, указывает на вероятность того, что текст представляет собой аллитерационное стихотворение. Поэтический характер текста может объяснять и перенос формулы, хотя, как правило, в шведских рунических надписях стихотворная часть не включала начальную формулу, а следовала за ней, и необычный синтаксис фразы: вынесение сказуемого на первое место перед подлежащим в первом предложении, вынесение на первое место обстоятельства места – во втором, использование синонимической пары *í hafn* и *á vág* в начале и в конце предложения.

Чтение имени *Horsi* (< др.-исл. *hross* “конь”, ср. имена мифологических братьев, завоевавших Британию: *Hengist* и *Horsa*) основано на конъектуре: Брате восстанавливает три из шести читаемых им рун. Однако имя не встречается в рунических надписях в бесспорных формах⁵⁶. Количество же рун между **ha** и **a** устанавливается предположительно: на прориси просматриваются пять черточек внизу, что может соответствовать как трем восстанавливаемым Брате рунам, две из которых имеют ветви, доходящие до низа строки (**u** и **g**), так и пяти рунам с ветвями, расположенными в середине или вверху ствола. Поэтому не исключено, что здесь могло стоять какое-то иное мужское имя, написание которого включало от шести до восьми рун, т.е. имя могло быть и двухосновным. Мало вероятно и написание имени *Horsi* с руной **a** или сочетанием рун **au** для обозначения **l** или **l**. Как правило, этот звук

⁵³ В транслитерации Брате полужирным шрифтом выделены уверенно читающиеся руны, курсивом – руны, читающиеся предположительно, светлым шрифтом – конъектуры. В квадратные скобки мною взяты предположительно, ныне не читающиеся.

⁵⁴ Brate E. Pireuslejonet... S. 9–14.

⁵⁵ См. о формульности надписей: СРН. С. 16–17.

⁵⁶ В справочнике личных имен в рунических надписях из всех Скандинавских стран Л. Петерсон не указывает ни одного случая использования этого имени, но отмечает наличие двухосновного имени *Horsæfni* с первой основой *Hors-* (Peterson L. Nordiskt runnamnslexikon // <http://www.sofi.se/SOFIU/runlex>. S. 100). В более раннем кратком каталоге Я. Уве привел три случая интерпретации неясных групп рун на шведских памятниках в качестве имени *Horsa* (Owe J. Svenskt runnamnregister. Stockholm, 1993. S. 37). Однако во всех трех случаях позднейшие издатели рунических надписей отказались от этих чтений, что и явилось основанием для Л. Петерсона не включать их в свой справочник.

передавался руной **u**. Поэтому более вероятно прочтение начальной части имени как *Há-*; возможно, это первая основа (от др.-исл. *hár* “высокий”), чрезвычайно широко распространенная в древнескандинавском антропонимиконе⁵⁷. Поэтому наименование человека, в память о которым вырезана надпись, Хорси мало вероятно. Очевидно лишь, что имя, вероятнее всего, начиналось на *Há-* и имело слабую форму с окончанием *-i*.

Определение погибшего как “доброго мужа” (*bóndi góðr*) имеет многочисленные аналогии в рунических надписях. Однако слово *bóndi* “бонд (свободный крестьянин), муж, супруг” обычно применяется для обозначения супруга в рунических памятниках, заказанных женщиной: “N. установила памятник по N., своему супругу”⁵⁸. Впрочем, оно может употребляться и в более широком значении⁵⁹, как, видимо, и в данном случае. Определение *góðr* “добрый” широко распространено в рунических надписях в качестве характеристики человека, в честь которого воздвигнут памятник. Чаще всего оно встречается в сочетании с термином *drengr* “воин”, обычно молодой и, как показал А. Рупрехт, неженатый и не имеющий еще своего хозяйства⁶⁰.

Стихотворному характеру текста соответствует употребление слова *helfnigr* в значении “войско” – оно используется в основном в скальдической поэзии⁶¹, но встречается и в рунических прозаических текстах⁶².

Таким образом, надпись I-A является по своему содержанию мемориальной, но в ней не использована традиционная для мемориальных текстов формула, определяющая заказчика памятника и поминаемого. Она выполнена на туловище рунического змея, форма которого датируется первой половиной XI в., но содержит палеографические признаки, относящие ее к концу этого периода. Надпись версифицирована, чем объясняется своеобразие ее синтаксиса и словоупотребления.

Надпись I-B начинается примерно в 10 см выше хвоста змея надписи I-A и спускается по туловищу льва. Уже в середине XIX в. она разделялась на две части поврежденным участком; в настоящее время надпись настолько затерта, что знаки почти не просматриваются. Оформление строки, на которой высечена надпись, установить невозможно.

Надпись выполнена сочетанием полно- и коротковостистых рун.

Брате восстанавливает текст следующим образом:

Транслитерация:

*riðu suiar þítalínu (...i) furarum kul uan farin*⁶³.

Древнеисландский текст (Э. Брате):

⁵⁷ Janzén A. De fornvästnordiska personnamn. Nordisk Kultur. Stockholm, 1947. В. VII. S. 74–76.

⁵⁸ СРН. Б-III.5.13; Б-III.5.23; Б-III.7.3; Б-III.7.29 и др.

⁵⁹ Например, СРН. Б-Приложение 1.18.

⁶⁰ Ruprecht A. Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen, 1958. S. 41–47. Предположение о терминологичности слова (обозначение им определенного статуса воина в войске) не имеют прямых подтверждений в надписях. См.: СРН. С. 18.

⁶¹ Jónsson F. Lexicon poeticum. 2 udg. København, 1966. S. 242.

⁶² СРН. Б-III.9.1 и 9.2. Наиболее употребительным как в рунических надписях, так и в древнеисландской литературе было слово *lid* “народ, люди, войско, дружина”. Более специализированное значение имело слово *þingalið* “наемное(?) войско” от *þinga* “наниматься на службу” (СРН. Б-III.5.17). Производные *þingamadr* и *þingamannalið* встречаются в скальдических висках XI в., особенно часто по отношению к варяжскому корпусу в Константинополе (Sveriges runinskrifter. Stockholm. В. VIII. Upplands runinskrifter. 1953. Н. 1. S. 146–154).

⁶³ Brate E. Pireuslejonet... S. 16–19.

Réðu svíar þetta á leónu (...i) Fór ráðum, gull vann farinn.

Перевод:

“Поместили swei это (надпись. – Е.М.) на льве (...i) [Он] действовал с умом, золото завоевал, поехав (т.е. в своей поездке. – Е.М.)”.

По мнению Брате, текст состоит из трех предложений. Наибольшие трудности вызывает интерпретация второй фразы, необычной по синтаксису. Первое слово, в чтении Брате, соответствует др.-исл. *fór*, претерит 3 л. ед. ч. от глагола *fara* “ехать, передвигаться; действовать, вести себя” (в последнем случае требует дат.п.), и *garum*, дат.п. мн. ч. от *ráð* “совет, решение, ум”. Руна **г**, таким образом, обозначает и конечное *-r* в слове *fór*, и начальное *r* в слове *ráðum*. Смысл предложения при таком чтении – похвала разумности, осмотрительности, проницательности некоего человека, позволившим ему получить золото. Однако похвала названным качествам не встречается в рунических надписях, где прославляются воинские доблести, щедрость и т.п. Более того, выражение *gull vann* “завоевал золото” находится в явном противоречии с качествами, которые предполагает слово *ráð*. Поэтому реконструкция группы рун *furarum* представляется по меньшей мере ненадежной, но предложить другое чтение невозможно из-за повреждений текста.

Восстанавливаемая с большей достоверностью часть надписи может предположительно рассматриваться как мемориальная с модифицированной начальной формулой. В ней указаны создатели надписи – *svíar* “swei” (видимо, товарищи по оружию поминаемого), действие по нанесению надписи – *réðu*, претерит 3 л. мн. ч. от глагола *ráða* с большим количеством значений, в том числе “помещать”⁶⁴, предмет, на котором выполнена надпись, – *á leónu* “на льве”. Необычность употребленного глагола может объясняться необычностью и самого предмета, на который нанесена надпись. Особыми условиями, в которых находились заказчики (резчики) и поминаемый, видимо, можно объяснить и крайне нетипичный способ их самоидентификации. Это едва ли не единственный случай, когда заказчики (резчики) памятной надписи определяют себя по своей этнической принадлежности, а не по своим личным именам или своему социальному статусу (ср. надпись I-C).

Заключительная читаемая часть надписи *gull vann farinn* “завоевал золото в поездке” имеет соответствия в шведских надписях, посвященных ездившим в Византию: три из них говорят о приобретении там богатств, причем в двух случаях употребляется скальдическая метафора *skifa gull* “дробить золото” (см. выше). Эта часть, как и в шведских текстах, имеет целью прославление поминаемого.

К сожалению, центральная часть надписи, в которой должно бы было быть – в соответствии с традиционным построением рунических текстов – имя человека, в честь (или в память?) которого надпись высечена, отсутствовала уже в XIX в. Поэтому аргументированная атрибуция надписи невозможна. Брате считал, что она является продолжением текста I-A и речь в ней идет о том же Хорси, погибшем в сражении, но до этого приобретшим

⁶⁴ Как правило, в рунических надписях глагол *ráða* означает “читать, понимать” в обращении к тем, кто увидит памятник: “Brandr rítti iak, þú ráða kann” – “Бранд написал, чтобы можно было прочитать (понять)” (СРН. Б-III.1.8.1.). Наиболее распространенными глаголами – если речь идет о памятнике – являются *reisa (stein, kuml)* “воздвигать” (камень, насыпь), *hoggva (stein, merki, rúnar)* “высечь” (камень, знаки, руны). См.: СРН. С. 16–17.

ценности. Это действительно вероятно, поскольку надписи расположены рядом и выполнены редко встречающимся сочетанием полноветвистых и коротковветвистых рун. Более того, в обеих надписях все руны s представлены полноветвистым аллографом, все руны t – коротковветвистым, руны a и n – обоими вариантами. Если предположить, что началом текста является не стихотворная часть (I-A), а прозаическая (I-B), то надпись приобретает традиционный вид: как и подавляющее большинство надписей из Швеции, Дании и Норвегии, она начинается с формульной части, несколько модифицированной в силу особых условий создания памятника, и продолжается версифицированным повествованием об обстоятельствах гибели поминаемого.

Надпись I-C выполнена на прямой полосе на той же стороне туловища льва, но на бедре задней ноги льва. Она плохо читалась уже в то время, когда была обнаружена. Ныне знаки неопределимы, на месте надписи прощупываются лишь отдельные углубления.

Транслитерация:

trikiaristu runar <пропуск в 20 см> **hiuku** (?)

Древнеисландский текст (Э. Брате):

Drengjar ristu rúnar...

Перевод:

“Воины вырезали руны...”

Надпись выполнена сочетанием полно- и коротковветвистых рун. Руны s и t представлены коротковветвистыми аллографами, все руны a и n – полноветвистыми, т.е. соотношение обоих типов рун не соответствует надписям I-A и I-B.

Утрата значительной части текста не позволяет решить, была ли надпись мемориальной, увековечивавшей память о каком-то человеке, или росписью людей, побывавших в Пирее: сохранившиеся первые три слова текста могут быть как началом мемориальной формулы “Воины вырезали руны [по N., своему сотоварищу]”, так и законченным предложением. Однако длина надписи (более 20 см после слова **runar**) наводит на мысль, что скорее это была мемориальная надпись.

Обозначением резчиков рун служит термин *drengr*, применявшийся обычно для определения молодых воинов, возможно, младших членов дружины (см. выше). Характерной особенностью формы слова, стоящего в им. п. мн. ч., является наличие *-j-* перед окончанием: *drengjar*. Эта форма указывает, по мнению Брате, на шведское происхождение надписи: в западноскандинавских (исландском, норвежском) языках должна была бы быть форма *drengir*⁶⁵.

Употребление социальных обозначений заказчиков мемориальных надписей вместо их личных имен неоднократно встречается в шведских рунических памятниках. Наиболее распространенными категориями заказчиков, не являвшимися родственниками умершего, были “сотоварищи (компаньоны)” – *félagi* и “дружинники (домочадцы)” – *húskarlar*⁶⁶. *Drengir* в этом качестве не выступают почти никогда, что, впрочем, не исключает возможности того, что в данном случае они и только они могли сделать мемориальную надпись в память о своем товарище по оружию.

⁶⁵ Brate E. Pireuslejonet... S. 21–22.

⁶⁶ СРН. С. 17.

Объединение надписи I-C с двумя первыми, на чем настаивал Брате, представляется мало вероятным. С одной стороны, она помещена в совершенно ином месте статуи и пространственно не связана с ними. Во-вторых, не совпадают палеографические характеристики надписей. Наконец, начало мемориальной формулы обозначает заказчиков/резчиков надписи отличным от первой образом: с помощью социальной, а не этнической идентификации.

Надпись II находится на правой стороне скульптуры, на плече и частично груди льва. Она выполнена на туловище рунического змея, образующего фигуру в форме буквы S, положенной набок и пересекаемой в середине продолжением полосы. Туловище змея в нескольких местах оплетено дополнительными узкими лентами (змеями?). Голова змея, изображенная в профиль, имеет треугольную сильно вытянутую форму с миндалевидным глазом, с завитками на кончике носа и на нижней губе и с отогнутым назад ухом. Композиция рисунка, равно как и форма головы змея, характерны для среднешведского рунического стиля последней четверти XI – начала XII в.⁶⁷ Надо отметить высокую квалификацию человека, выполнившего эту надпись: голова змея может быть причислена к лучшим образцам рунического стиля по изяществу и точности исполнения, продуманы и тщательно проработаны переплетения узких лент и связки. Очевидно, что надпись сделана опытным рунографом из Средней Швеции.

Из-за многочисленных и обширных повреждений значительные части рисунка (и надписи, расположенной на туловище змея) были утрачены уже к середине XIX в. и реконструировать их не представляется возможным. В связи с большими повреждениями сложно установить и начало надписи, и последовательность чтения отдельных фрагментов. Исходя из содержания сохранившихся частей текста, Брате считает, что надпись начинается от завитка на утолщенной части туловища змея. Текст на двух оборванных полосах он выделяет в качестве отдельной надписи, обозначая ее B, тогда как надпись на S-образном туловище змея он обозначает как надпись A.

Транслитерация:

A. На туловище змея:

× pair × isk [36 см] rlifr litu auka × ui [13 см] roþrs × lanti
 5 10 15 20 25 30
 × b [28 см] a × sun iuk × ru [не менее 15 см] nar þisar
 35 40 45

B. Под завитком:

ufr uk [12 см] ii sti [23 см] a
 5 10

На петле вверху:

uan farn ×
 15

Древнеисландский текст (Э. Брате):

þeir Isk- [...] -rleifr létu hoggva vel [...] Róðrs landi b- [...] -a sonr k- (или -a suirk-) ru- [...] -ar þessar // ufisuk-...s?sa?... // vann farinn.

Перевод:

⁶⁷ Gräslund A.-S. Rune Stones – On Ornamentation and Chronology. P. 122–123.

“Они, *isk-* [ряд личных имен и] *-rlifr* велели высечь хорошо [... в] Родр-сланде [...] сын (?) [...]руны эти // *ufisuk-* [...] *s?sa?* [...] завоевал, поехав (в поездке)”.

Надпись выполнена сочетанием коротко- и полноветвистых рун: для рун *t*, *o*, *a* и *n* употребляются только коротковетвистые аллографы, руна *s* представлена обоими аллографами. Регулярно используются разделительные знаки между словами в форме косоугольного крестика, в том числе и в двусловных словах.

Предложенное Брате начало текста $\times \text{pair} \times \text{isk}$ ⁶⁸ согласуется с обычной вводной формулой среднешведских мемориальных надписей: имена нескольких заказчиков памятника предваряются личным местоимением 3 л. мн. ч. *þeir* “они”⁶⁹. Руны 5–7 *isk* предположительно являются начальной частью личного имени. Брате восстанавливает имя *isk[il]* – *Æskil*, *Æskell*, однако возможны и другие варианты. *is* может передавать как основу *Æs-*, так и *Ís-* (ср., например, *Ísleifr*), вторых же основ, начальной руной которых были *k*, т.е. которые бы начинались звуком *k* или *g*, настолько много, что никакие предположения здесь невозможны, тем более, что неизвестно и количество рун, составляющих имя.

Следующий сохранившийся фрагмент текста (ныне уверенно читаются только руны *f* и *uk*), судя по слову *litu*, является продолжением вводной формулы, выражающей заказ памятника. Глагол *láta* “велеть” (N. велел высечь/вырезать/установить...) используется в сотнях случаев и образует наиболее употребительную формулу. Вероятно, за ним следовал глагол *hoggva* “высекать”, хотя в его написании имеются ошибки.

За поврежденным пространством в 13 см следует участок с рунами 23–32, часть из которых сильно повреждена, часть более или менее уверенно читалась во времена Брате, несколько – сохранились до настоящего времени. Остановлюсь на этом фрагменте надписи более подробно (приведя характеристику каждой из рун), поскольку именно в нем присутствует нередко упоминаемый в литературе топоним *Ródsland*, соотносимый с наименованием *rōps-* > *ruotsi* > *русь*.

От руны 23 Брате проследил ствол и верхнюю часть опускающейся и закругленной ветви, что может соответствовать рунам *g* или *u*. Выбор между этими вариантами определяется следующей, хорошо читавшейся и частично просматриваемой ныне руной *o*, перед которой значительно вероятнее руна *g*, нежели *u*⁷⁰. Руна 25, частично поврежденная и нечитаемая ныне, отождествляется Брате и предшествующими исследователями с *þ*. Следующая, не учитываемая в нумерации руна, практически полностью уничтожена выемкой, но значительное пространство между рунами 25 и 26 указывает на то, что здесь находился один из широких знаков. Брате отмечает следы нижней части ствола и ветви на краю выемки и предлагает конъектуру *g*⁷¹. От руны 26 сохранилась нижняя и средняя части, которые позволяют отождествить ее с полноветвистой руной *s*. Возможно, после руны 26 имелся разделитель-

⁶⁸ Brate E. Pireuslejonet... S. 24. Руны 1–6 более или менее уверенно просматриваются и ныне.

⁶⁹ Ср.: СРН. Б-III.1.1; Б-III.5.9; Б-III.7.7 и др.

⁷⁰ Brate E. Pireuslejonet... S. 26. Добавлю, что в своем словаре шведских рунических надписей Л. Петерсон не отмечает ни одного случая сочетания рун *uo* в начале слова [Peterson L. Runordregister. 2 uppl. Uppsala, 1994 (Runrön 2)].

⁷¹ Brate E. Pireuslejonet... S. 26.

ный знак, однако на этом месте образовалась выемка, полностью его уничтожившая. Руна 27 представлена верхними частями ствола и ветви, которые соответствуют руне *l*, знак 28 почти полностью уничтожен, кроме нижней части ствола и слабых следов ветви, указывающей на то, что это руна *a*. Значительно лучше сохранились руны 29 и 30, *n* и *t*, первая из которых полностью читается и сегодня, вторая просматривается частично. Руна 31 представлена слабо углубленным стволом, на котором ветви не прослеживаются, что соответствует руне *i*. Завершает группу разделительный знак, который также затерт. Следующая за ним руна читается как *b*. Таким образом, эта группа, в которой все знаки, кроме одного (второе *r*), определяются достаточно уверенно, прочитывается как *roþrs* \times *lantí* \times *b*.

В этой фразе с очевидностью выделяется слово *landi*, дат. п. ед. ч. от *land* “земля, страна”, которое широко употребительно в качестве географического термина в названиях стран и земель (*England*, *Eystland* и мн. др.). Типично и употребление хоронима в дат. п.: формула обозначения места состояла из предлога *á* или *í* + хороним в дательном падеже (*á Serklandi*, *á Liflandi*, *í Englandi*). Поэтому представляется совершенно справедливым мнение Брате, что группу *roþrs* \times *lantí* следует интерпретировать как хороним **Rodrslan* с предлогом *á* или *í*⁷². Учитывая шведское, а точнее, среднешведское происхождение надписи (о чем с непреклонностью свидетельствует орнаментика), ближайшей аналогией хоронима является название прибрежной области Упланда, которая в современном языке носит наименование *Roslagen* < *Rod(r)slagen*. Этот топоним многократно встречается в шведских источниках XIV в., судебных актах и грамотах: *Ropin* (им. п.; Upplands lagar), *Ropzs bo* (род. п.; Östergötlands lagar. Dr. B, 14 : 1), *Ropsins utskyldir* (род. п.; Upplands lagar), *vm Ropæ ræt* (род. п.; Upplands lagar), *aff Rodhenom* (дат. п.; Stads lag), *Rodhrinh* (вин. п.; под 1296 г.: Svenska Diplomatarium II. 204), *Rothin* (вин. п.; под 1331 г.: Svenska Diplomatarium IV. 230) и др.⁷³

Топоним *Ropslagen* восходит к др.-исл. *ródr* (**rōpra-*), др.-швед. *róper* “гребля” (ср. др.-исл. *róa* “грести, плыть на гребном судне”), откуда “поход на гребных судах”, а также “отряд, участвующий в походе на гребных судах”. В этом последнем значении слово засвидетельствовано в рунической надписи первой половины XI в. из Nibble, Упланд (Up. 16): *han . uas . buta . bastr . i ruþi . hakunar* “Он был лучшим из бондов/мужей в походе/отряде Хакона”. В другой упландской надписи, из Adelsö (Up. 11), назван некто *tolir . bryti . i rop* “Толир, брютти (должностное лицо конунга. – Е.М.) в походе/в войске”, в обязанность которого, как считал О. фон Фрисен входил сбор команды и оснащение корабля⁷⁴. Использование слова *ródr* в качестве топонимов связано с административным делением Средней Швеции, в первую очередь прибрежных областей, на “корабельные округа” (*skepslag*), каждый из которых должен был поставлять снаряженный корабль с командой в войско, собираемое по приказу конунга (ледунг).

Вместе с тем Брате отмечает, что и реально встречающиеся, и восстанавливаемые формы родительного падежа топонима *Ropin* не имеют *-r-* после *-þ-*, как в надписи на Пирейском льве. Однако слово *ródr* имеет две фор-

⁷² Ibid. S. 26–27.

⁷³ См. подробнее: Ibid. S. 28–29.

⁷⁴ Friesen O. von. Upplands runstenar. Uppsala, 1913. S. 58.

мы родительного падежа: *róðrar*, которая регулярно встречается в композициях (*róðrar-leiði* “спокойное море, штиль”, *róðrar-skip* “гребное судно”), и *róðrs/róds*, где возможно сохранение *-r*⁷⁵. Поэтому форма, представленная в надписи на Пирейском льве, представляется вполне возможной.

Следующее за топонимом **Róðrsland* слово начинается, согласно чтению Брате, руной **B**, которая, по его мнению, может открывать глагол *búa* “жить, обитать” в форме претерита 3 л. мн. ч. *bjoggu*⁷⁶. Фраза тогда определяет заказчиков надписи (и поминаемого?) как жителей области **Róðrsland*.

После обширного поврежденного участка в 28 см, на горизонтально идущей части туловища змея просматривались несколько знаков, от которых ныне остались лишь незначительные следы. Брате читает здесь типичную для среднешведских стел формулу подписи рунографа: “*N. hjogg runar þisar*”, где имя рунографа сопровождалось (или было заменено) патронимом: *-ason* (в качестве аналогии Брате ссылается на подпись известного мастера Асмунда, который в нескольких случаях добавил к своему имени патроним, например, *osmuntr karasun markapi* “Асмунд Карасон сделал”⁷⁷).

Если определение рун 39–40 (**ru**) и 43–49 (**ar þisar**) сомнений не вызывает, то как чтение остальных рун, так и даже их число, судя по прориси и моим наблюдениям, отнюдь не бесспорно, тем более, что их разделяет промежуток в 15 см. Соединение рун 39–49 в единую группу и прочтение их как *rúnar þessar* в высшей степени заманчиво, но этому мешает промежуток между ними. Более того, именно в этом месте остается неясной композиционная организация надписи. Изогнутая в форме буквы S и затем пересекающая ее в средней части основная полоса (туловище змея) обрывается в результате повреждения поверхности камня, и практически невозможно определить, каким образом она продолжалась. В любом случае ее соединение с полосой, на которой написано **ar þisar**, маловероятно: слишком велико – практически в два раза – различие между шириной строк.

Часть надписи на отдельных фрагментах полос – II-B – читается Брате как единый текст (исходя из предположения, что фрагменты образовывали отдельную надпись на не связанной с основной композицией ленте внизу)⁷⁸. Надо отметить, что нет уверенности в том, что фрагменты внизу и сверху образовывали единую полосу: на поверхности камня в центре ныне не прослеживаются никаких следов ограничительных линий или рун, как не прослеживались они и в то время, когда была сделана прорись. Крайне мало вероятно также, чтобы дополнительная полоса с текстом начиналась обрубленной, не вписанной в общую композицию строкой, тем более, что человек, выполнивший эту надпись был высоко квалифицированным профессионалом. Значительно вероятнее, что и тот, и другой фрагмент являются частями еще одной петли или какого-то другого орнаментального элемента. Поэтому соотношение первого и второго фрагментов неопределимо.

Чтение первого фрагмента (ниже завитка) представляется практически невозможным из-за малого числа более или менее сохранившихся рун. Вто-

⁷⁵ Noreen A. Altisländische und altschwedische Grammatik. Halle (Saale), 1903. S. 218. Брате приводит также ряд примеров сохранения *-r* в морфологически сходных словах в шведском руническом письме (*Brate E. Pireuslejonet... S. 29–30*).

⁷⁶ *Brate E. Pireuslejonet... S. 27*.

⁷⁷ СРН. Б-Приложение 1.4.

⁷⁸ *Brate E. Pireuslejonet... S. 33–35*.

рой фрагмент на полосе, обвивающей основную полосу, уверенно читался при составлении прориси, стволы рун прослеживаются и ныне. Брате полагает, что группа рун **uanfarn** содержит те же два слова, **uan** и **farn**, что и надпись I-B во фразе *gull vann farinn* “золото добыл, поехав (в поездке)”.

Таким образом, содержание этой пространной надписи полностью не восстановимо. Очевидно, что это мемориальная надпись, заказанная несколькими людьми по остающемуся неизвестным нам человеку⁷⁹. Либо заказчики, либо поминаемый, а может быть, и все они были выходцами из среднешведской приморской области Рослаген. Очевидно, что эта надпись выполнена высоко квалифицированным среднешведским рунографом последней четверти XI – начала XII в.

Все четыре надписи, нанесенные на скульптуру льва, бесспорно, принадлежат шведской рунографической традиции XI в.: об этом свидетельствуют характерная орнаментика надписей I-A и II, упоминание свеев (*sviár*) в надписи I-B и области Рослаген (**Róðrsland*) в надписи II, специфически шведские грамматические формы в надписи I-C, вводные формулы и определения во всех надписях.

Вместе с тем я не вижу оснований полагать, как это делал Брате и его предшественники, что все надписи образуют единый текст и посвящены одному и тому же человеку (некоему Хорси). В качестве одного из важнейших подтверждений своей точки зрения Брате указывал на употребление одних и тех же формул и фраз в разных надписях: *hioggu rúnar* (I-A) и *létu hoggva vel* (II); *ristu rúnar* (I-C) и *ru- [...] -ar þessar* (II); *gull vann farinn* (I-B) и *vann farinn* (II). Однако все эти фразы (кроме последней) принадлежат к числу наиболее распространенных формул, которые могли использоваться разными мастерами независимо друг от друга. Не исключено, впрочем, и заимствование более поздним рунографом, автором надписи II, фраз и выражений предыдущих мастеров: именно в надписи II имеются параллели ко всем другим надписям, не имеющим между собой общих словосочетаний. Единственной действительно общей для всех надписей особенностью является замена руны **R** руной **g** во всех случаях, что необычно не только для шведских, но и для норвежских и датских памятников XI в., поскольку руна **R** более или менее регулярно употреблялась в окончаниях нескольких грамматических форм на протяжении всего XI в.⁸⁰ Эта специфика надписей требует своего объяснения, которое пока отсутствует, но не доказывает, что они выполнены одним человеком.

Более того, против предположения Брате говорит много других данных. Во-первых, в надписях употребляются различные аллографы ряда рун. Руна **s** в надписях I-A и I-B представлена только полноветвистым аллографом, в надписи I-C – только коротковетвистым, в надписи II – и тем, и другим. Руны **a** и **n** в надписи II имеют короткие (т.е. с одной стороны ствола) ветви, в надписи I-C – полные, в надписях I-A и I-B используются оба варианта. Литатуры встречаются только в надписях I-B и I-C. Во-вторых, только в надписи II используются разделительные знаки, отсутствующие в других надпи-

⁷⁹ Сохранившийся текст не дает никаких оснований предполагать, как это делал Брате, что и эта надпись увековечивает память Хорси надписи I-A.

⁸⁰ Впрочем, с середины XI в. наблюдается тенденция к замене руны **R** руной **g**, в связи с исчезновением палатального [ʀ].

сях. В-третьих, каждая из надписей имеет собственную вводную формулу: во всех них указывается заказчик мемориальной надписи и оговаривается ее создание, что не требовалось бы, если бы они образовывали единое целое. Более того, все четыре вводные формулы различаются способами и обозначения заказчиков, и определения их действий:

Peir menn hioggu rúnar “люди/мужи высекали руны” (I-A),

Réðu sviár þetta “Поместили свеи это...” (I-B),

Drengjar rístu rúnar... “Воины вырезали руны...” (I-C),

Peir Isk- [...] -rleifr létu hoggva vel [...] ru- [...] -ar þessar “Они, isk- (ряд личных имен) -rleifr велели высечь хорошо [...] [...]руны эти” (II).

Даже в единственном случае совпадения глагола (*hoggva*), обозначающего изготовление мемориальной надписи, кстати, широко распространенного, формулы, в которых он употреблен, различны. Трудно предположить, что один и тот же рунограф, вопреки распространенной практике, стремился разнообразить свой язык и изобретал новые обозначения для одних и тех же лиц, называя их то мужами, то воинами, то свеями, то поименно каждого.

Наконец, принципиальные различия имеет орнаментика надписей. Очевидна принадлежность надписей I-A и II к различным стилистическим группам, причем группам разновременным: орнаментика первой надписи относится к типу, бытовавшему в первой половине XI в., вторая – в 1075–1100 годы. Разновременность надписей подтверждается и палеографическими соображениями. Это исключает возможность их одновременного создания и соответственно единства их текстов. Столь же мало вероятна принадлежность одному мастеру надписей I-A и I-B, с одной стороны, и I-C, с другой: их отличает систематическое использование различных аллографов рун, чего не могло произойти, если бы они были выполнены одним мастером. Лишь надписи I-A и I-B обнаруживают палеографическое сходство, причем не только в употреблении одних и тех же коротко- и полноветвистых аллографов рун, но и в формах конкретных графов: так, руны **g** в обеих надписях имеют заостренные переломы ветви, карман руны **þ** всюду удлиннен и округл, несколько округлена ветвь руны **u**, низко начинаются и округлены ветви руны **f** (надо, правда, отметить, что те же особенности характеризуют руны **g** и **u** в надписи I-C). На связь этих надписей указывает и их расположение в непосредственной близости друг от друга: на мемориальных стелах нередко не поместившийся на туловище змея (или дополнительно вносимый) текст высекался на отдельной полосе, примыкающей к туловищу рунического змея. Вероятной несамостоятельности текста I-B соответствует и необычность формулировок и самого содержания надписи (если интерпретация Э. Брате верна): указание на предмет – скульптуру льва, на котором вырезана надпись, и на деятельность некоего человека.

Представляется, что на льве было сделано три отдельных надписи в разное время и различными людьми. Древнейшее граффито составляют надписи I-A и I-B, выполненные около середины XI в., второе – надпись I-C, время написания которой не установимо, кроме самой широкой датировки XI в. третья – надпись II, которая была сделана в последней четверти XI – начале XII в. Видимо, в первой половине XI в. какая-то группа “варангов”, вернувшись в Пирей из морского похода (или собираясь в него), сделала мемориальную надпись по своему погибшему, вероятнее всего, во время этого по-

хода сотоварищу (или предводителю). Не случайно в надписи упоминается гавань (*i hafn*) и залив (*á vá[g]*). Необычный выбор предмета, на который была нанесена мемориальная надпись, мог диктоваться как отсутствием подходящего материала для памятника и времени для его обработки, так и выгодным расположением скульптуры – на воротах Пирейской гавани, где надпись могла быть увидена и прочитана многими приезжающими сюда скандинавами, – главное условие при выборе места для памятника. Удачное расположение надписи, видимо, побудило и других “варангов” оставить свои мемориальные надписи на льве. Показательно, что обе надписи на стороне I заказаны не конкретными людьми, а группами “варангов”, названных в первом случае “людьми, мужами”, во втором – “воинами”: видимо, эти группы были слишком велики, чтобы можно было назвать всех поименно – такой список в надписи II состоит не менее, чем из трех имен. Один из них, высекший надпись II, был, бесспорно, профессионалом-рунографом и, вероятно, оставил не одну стелу у себя на родине – в Восточном Упланде (?)⁸¹. Возможно, дальнейшее изучение и сопоставление этой надписи с восточнопландскими позволит хотя бы предположительно установить резчика надписи II. При этом он должен был находиться в Пирее достаточно долго, чтобы иметь возможность выполнить крайне сложный по композиции рисунок и нанести пространную надпись.

Установление разновременности надписей кардинально меняет представления и об атрибуции мемориальных текстов. Брате полагал, что все они выполнены в память о погибшем в бою (“Сразили [ударом] его среди войска”) некоем Хорси, имя которого он восстановил в надписи I-A. На эту реконструкцию повлияло наличие имени *mursa*, которое Брате интерпретировал как ошибочное написание вместо *hursa*, *Horsa* (вин. п. от *Horsi*) в надписи на камне из Ulunda, Упланд, воздвигнутом в память о человеке, который “приобрел богатство далеко в Греции”⁸². По мнению Брате, Хорси надписи из Ulunda вполне мог быть тем же самым человеком, в память о котором высечена надпись на Пирейском льве⁸³. В издании надписи из Ulunda (Söd. 792) Э. Вессен и С.Б.Ф. Янссон подробно остановились на предположении Брате и полностью отвергли его, указывая на крайне плохую сохранность рун 53–58 (по наблюдениям Янсона, сделанным в 1948 г.) и невозможность по этому определению имени человека, в память о котором сделана надпись⁸⁴.

Рунические надписи существенно дополняют информацию о скандинаво-византийских связях XI в. Во-первых, надписи на шведских мемориальных стелах свидетельствуют о широком участии шведов в отрядах “варангов” и в торговых поездках в Византию, тогда как в многочисленных упоми-

⁸¹ Брате предполагает на основании орнаментики, что эта (и другие) надпись на Пирейском льве принадлежат хорошо известному мастеру Балли (*Brate E. Svenska runristare // Kgl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Handlingar. 1925. Del 33. N. 3. S. 58*). Э. Вессен и С.Б.Ф. Янссон, отмечая определенное сходство с манерой Балли, указывают на наличие и других мастеров, работавших в том же стиле: *Sveriges runinskrifter. 1951. B. 8. Upplands runinskrifter. N. 2. S. 385*.

⁸² СРН. Б-Приложение 1.15.

⁸³ *Brate E. Pireuslejonet... S. 19–20*.

⁸⁴ *Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1951. B. 8. Upplands runinskrifter / E. Wessén, S.B.F. Jansson. N. 2. S. 385*.

наниях о службе скандинавов в Византии в сагах речь идет исключительно об исландцах и норвежцах и почти только об их военной деятельности. Присутствие шведов подтверждается и среднешведским происхождением всех надписей на Пирейском льве.

Во-вторых, многократное упоминание стороны света, в которой находится Византия, – *austr* – выявляет особенности “ментальной карты” скандинавов: Византия относится ими к восточной части мира, поскольку путь в нее лежит на восток от Балтики через речные системы Восточной Европы. Одновременно наименование Византии, впервые засвидетельствованное в надписях на шведских мемориальных стелах, а затем воспроизводимое в сагах и других памятниках древнескандинавской литературы, *grik(k)jar* “греки” обнаруживает тождественность с древнерусским обозначением, которое соответствует наиболее распространенной словообразовательной модели для хоронимов/политонимов в древнерусском языке, но противоречит аналогичной модели в древнескандинавских языках. Поэтому представляется обоснованным предположение, что древнескандинавское наименование Византии было заимствовано на Руси во время совместных походов в Византию скандинавских и славянских воинов.

Наконец, именные граффити-подписи скандинавов в храме Св. Софии напоминают о “дворцовых варангах”, воинах императорской гвардии, среди которых уже и в X в., а тем более в XI в. было немало христиан⁸⁵. Они, вероятно, должны были сопровождать императора при посещении им собора (естественно тогда их нахождение на хорах), но и по собственному почину могли приходить на богослужение.

⁸⁵ О существовании “христианской руси” в середине X в. упоминается в договоре Игоря с греками 944 г. Говоря же о христианах-варангах в XI в., достаточно вспомнить о распространении культа св. Олава во время пребывания в Византии Харальда Сурового Правителя. См.: Мельникова Е.А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 92–106.

М.М. Никитенко

ПЕЩЕРЫ КИЕВСКОЙ ЛАВРЫ: ИХ ИСТОКИ И МИССИЯ

С древних времен знаменитые лаврские пещеры привлекали к себе паломников и путешественников, производя на них неизгладимое впечатление! Сложные пещерные лабиринты, выкопанные в суглинке днепровских холмов, с подземными церквями, келиями и могилами представляют собой своеобразный подземный город, где пространство и время приобретают совсем иной смысл, чем на земной поверхности, где человек абстрагируется от обычного мировосприятия и мысленно приближается к “памяти смертной”. Последнее приводит его к переосмыслению своей жизни и к покаянию.

Пещеры Киевской Лавры были словно задуманы для научения покаянию через “память смертную”. По всей видимости, изначально пещеры воспринимались именно как “гроб”, который помогал подвижнику совершенно отречься от мира, действительно умереть для него. Показательна в этой связи жизнь пещерских затворников, описанная в Киево-Печерском Патерике (XIII в.). Из Патерика узнаем о том, как подвижник уединялся в небольшой подземной келии (приблизительно 6 кв.м) и затворялся в ней на длительное время. Сквозь небольшое оконце раз в сутки или через день, а иногда и реже ему подавали еду – просфору и немного воды. Из Патерика известно также, что преподобный Исаакий Печерский провел так 7 лет², а преподобный Афанасий – 12, до самой своей кончины³.

В историографии исследования лаврских пещер проблемой является вопрос истоков пещерножительства и погребального обряда. Некоторые предположения по этому вопросу высказывал в свое время И. Каманин, сравнивая киевские пещеры с крымскими скальными монастырскими комплексами и находя немало отличий между ними⁴. В литературе можно встретить утверждение, что лаврские пещерные сооружения имеют аналогии на Афоне или в Крыму⁵, но эти аналогии не приводятся, потому что в действительности их там не существует. Безусловно, Афон, где согласно источникам принял постриг преп. Антоний Печерский, вобрал в себя вселенский опыт монашества. Святая Гора начала заселяться в VII в., и это было вызвано исламским вторжением в византийские области, а именно – Сирию, Палестину и Египет, которые являлись “колыбелью” монашества. Но на Афоне, как известно, никогда не существовало подземных или пещерных монастырей. Отличается от печерского и афонский погребальный обряд. Так, на Святой Горе принято через некоторое время после погребения (2–3 года)

¹ Жиленко І. Свідчення про Лаврські печери, взяті з оповідей мандрівників // Дива печер Лаврських. Київ, 1997. С. 39–45.

² Патерик Києво-Печерський / Упорядкувала, адаптувала українською мовою Ірина Жиленко. Київ, 1998. С. 169–173.

³ Там же. С. 99–102.

⁴ Каманин І. Зверинецькі пещери в Києві (їх древність і святість). Київ, 1914.

⁵ Мовчан І.І. Давньокіївська околиця. Київ, 1993. С. 69.

кости умершего монаха, очистившиеся от плоти, выкапывать и переносить в специальную усыпальницу – костницу. Если же тело умершего не полностью истлевет и на костях остается плоть – это считается плохим признаком, который говорит о недостаточном очищении души покойного от грехов. Поэтому такие останки предадут земле еще на некоторое время, усиленная заупокойные молитвы о нем. Лишь в редких случаях по особому завещанию монаха его тело не эксгумируют, оставляя в могиле “до Второго Пришествия”⁶.

Что же касается крымских пещерных монастырей, то они также имеют свои особенности, как жизни, так и погребального обряда, которые кардинальным образом отличаются от киево-печерских традиций. Не останавливаясь детально на проблеме датировки крымских скальных монастырей, укажем, что большинство ученых относит время их возникновения к VIII–IX вв., т.е. к периоду иконоборчества, когда в Таврику из восточных провинций Византийской империи бегут иконопочитатели, которых возглавляют монахи⁷. Однако подобная датировка крымских пещерных монастырей является спорной, часть исследователей относят их возникновение к более позднему времени – к XII в.⁸

Скальные монастыри Крыма являются обычными (без восточного аскетизма) средневековыми обителями, устроенными в пещерах из-за удобства такого размещения. Конечно, это не лаврские подземелья, углубленные в породу, лишённые всякого естественного освещения, совершенно изолированные от внешнего мира. Во время исследований крымских скальных монастырей было обнаружено много хозяйственных помещений (в лаврских пещерах до сих пор не известно ни одного), что подтверждает не столько их предназначение для подвигов, сколько для жизни. Так, в скальном монастыре Чильтер-Мармара жилые и культовые помещения размещены в пять ярусов. В нижнем ярусе этого ансамбля находится 16 естественных и искусственных пещер, которые по архитектурным особенностям могут быть разбиты на две группы – хозяйственные (это в основном естественные пещеры, где содержался домашний скот) и костницы – погребальные пещеры, куда складывались кости похороненных из вырубленных в скале гробниц верхних ярусов. Третий ярус этого комплекса насчитывает 15 пещер. Именно тут размещены жилые помещения монастыря. Все они, соединяясь между собой лестничными пролетами и участками, составляли когда-то единый ансамбль. В стенах этих помещений, которые выходили к обрыву, сохранились остатки оконных отверстий, которые закрывались деревянными щитами или оконницами в случае непогоды⁹. Точно такой же жилой характер

⁶ Зайцев Б. Афон // Литературная учеба. Июль–август 1990. С. 41; Старец Паисий. Отцы Святогорцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 35.

⁷ См., например: Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Труды. Т. 11. Вып. 2. СПб. 1912. С. 297–350; Он же. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. 1878. Январь. С. 86–154; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 75; Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь, 1992. С. 174 сл.

⁸ Мозарычев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь, 1992. С. 84–90.

⁹ Веймарн Е.В., Чорев М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978. № 7. С. 147.

явно прослеживается и в других скальных монастырях Крыма, например, в Качи-Кальйоне, имеющем 5 гротов с искусственными пещерами, церквями, виноградавилями¹⁰.

Еще одна весьма распространенная ошибка встречается в некоторых изданиях, где говорится о том, что лаврский погребальный обряд в пещерах был обусловлен Студийским уставом, введенным в Печерском монастыре преп. Феодосием¹¹. Однако следует заметить, что Студийский устав не предполагает ни пещерножительства, ни погребений в пещерах¹².

В последнее время одним из исследователей киевских пещер Т.А. Бобровским было высказано предположение, что Печерская обитель формировалась по образцу Лавр монашеского Востока – Египта и Палестины. Ученый считает, что на заре истории Печерской обители в ней существовало много подземных келий тех подвижников, которые приходили к преподобному Антонию, впоследствии же эти отдельные “пещерки” были объединены в единый комплекс¹³.

Однако заметим, что предложенная Т.А. Бобровским картина первоначального пещерножительства в Лавре не соответствует планировке пещер, где мы видим длинные подземные коридоры, в которых келии размещены на большом расстоянии от входа и на значительной глубине от земной поверхности (иногда 15–20 м в Дальних пещерах). Несмотря на это, предположение исследователя о восточных истоках лаврских пещер представляется весьма конструктивным. Правда, Т.А. Бобровский видит в лаврских пещерах воплощение египетского и палестинского варианта пещерножительства IV–V вв., тогда как, по нашему мнению, прототипом для лаврских пещер могли быть современные им священные комплексы Палестины, которые существовали в XI–XII веках.

В этой связи отметим, что именно палестинские пещерные обители имели подобную лаврским пещерам структуру планировки. Так, в обители св. Харитона особого внимания заслуживает его пещера. Она, как лаврские подземелья и в противоположность крымским скальным монастырям, глубоко вдаётся в гору и состоит из многих непрерывных ходов, галерей, поворотов с боковыми ответвлениями и разных по размерам пещер и комнат. Это настоящий подземный лабиринт, созданный самой природой. В наиболее отдаленных ходах, как и в лаврских пещерах, устроены ниши для погребения братии¹⁴.

Вообще пещерная аскеза была характерной именно для Востока – сначала Египта, потом Палестины. В Палестине еще в XII в. процветала Лавра св. Саввы Освященного¹⁵ и киновия св. Феодосия Великого¹⁶, которые имели глубокий духовный опыт пещерножительства. Кроме этих обителей в интересующий нас период начальной истории Печерского монастыря в Палестине существовали Суккийская Лавра (под именем обители св. Харитона)¹⁷,

¹⁰ Веймарн Е., Чорев М. “Корабль” на Каче. Симферополь, 1978.

¹¹ Два пещер лаврских. Київ, 1997. С. 14.

¹² Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

¹³ Бобровский Т. Київська Лавра (до питання культурно-історичної інтерпретації) // Могилянські читання. Київ, 1999. С. 21–22.

¹⁴ Древние палестинские обители и прославившие их подвижники. СПб., 1895. Вып. I. С. 20.

¹⁵ Там же. Вып. III. С. 2–10.

¹⁶ Там же. Вып. II.

¹⁷ Там же. Вып. I. С. 18–20.

Лавры Каламони, преподобного Герасима Иорданского, св. Иоанна Предтечи¹⁸ и др. Что собой представляли в то время эти обители, можно проанализировать, исходя из сообщений древнерусского паломника в Святую Землю игумена Даниила (начало XII в.). Описывая Лавру св. Саввы, игумен Даниил сообщил, что видел в ней скальные келии, условия жизни в которых казались невозможными, потому что келии эти возвышались “по обема сторонама потока (Кедрон. – *М.Н.*)... на скалах, яко звезды на небеси утвержены”¹⁹. Далее паломник пишет о жизни в пещерах вблизи Лавры св. Саввы: “И ту же есть место близ Лавры на полдни лицом; имя месту тому Рува, близ моря Содомского: суть ту горы каменные высоце, пещеры же многы в горах тех; в tych пещерах живут святии Отци пустынницы в пустыни той страшной, безводной; и ту же есть жилище пардусам и осли дивии ту мнози”²⁰.

Обращает на себя внимание аналогичный киево-печерскому характер почитания мощей святых угодников палестинских обителей. Так, описывая Лавру св. Саввы, игумен Даниил сообщает, что где-то рядом с ее Богородичной церковью находился “гроб” св. Саввы, а “...от великия церкви 4 сажень вдале... над гробом же св. Саввы теремец красно учинен: и ту лежат инии мнози святии Отци в телесех: святой Иоан епископ, Сихаст – и другый Иоан – Дамаскин; ту лежить святой Феодор Едеский и Михаил, сыновец его, и святой Афродит ту лежит, и инии святии Отци мнози ту лежат в теле, яко живи, и благоухание исходит от них несказанно”²¹.

Описывая погребальный комплекс Лавры св. Евфимия, игумен Даниил точно так же говорит про нетленность мощей ее святых угодников, которые почивают “яко живи...”²².

Побывав в монастыре св. Харитона Исповедника, наш паломник записал: “И есть на полудне лиц от Вифлиема манастырь святого Харитона на той же реце Афамстей, и есть близ моря Содомскаго, в горах каменных; и пустыни около его. Грозно и безводно есть место то, и сухо. Есть под ним дбрь камена и страшна зело; около был весь градом оделан посреде же града того есть 2 церкви, в велицей есть церкви гроб святого Харитона. Вне же есть града усыпальница. Создана гораздо, и в той усыпальници лежат святии отци, телесы яко живи. И лежит их ту более 7-сот (! – *М.Н.*); ту лежит святой Кириак Исповедник, телом весь цел; ту лежита Ксенофонта сына. Иоанн и Аркадие, и благоухание чюдно от них исходит”²³.

Таким образом, мы видим в палестинских обителях как практику погребения в пещерах, так и обычай почитания нетленных мощей святых угодников, последний же вообще не был характерным не только для Афона, но и для греческой монашеской погребальной традиции с ее костницами вообще.

Особо отметим, что путешествия в Святую Землю отнюдь не были какими-то недостижимыми или невозможными для “печерской братии”, скорее наоборот, паломнический “дух” был свойственным для насельников Печерской обители. Так, один из древнейших источников отечественной житийной литературы, который восходит к концу XI в. – Житие преп. Феодосия

Печерского, – рассказывает о попытке преп. Феодосия посетить Палестину еще в молодости (препятствием для этого путешествия послужила его мать), а также вспоминает паломничество в Святую Землю первого игумена печерского Варлаама (посетил Палестину в 60-х годах XI в.)²⁴. Один из составителей Печерского Патерика преп. Поликарп (XIII в.) пишет о том, что он недостоин прежних святых Отцов, потому что никогда не бывал, как они, в Палестине²⁵.

Искать истоки лаврского пещерножительства и погребального обряда в самых важных центрах христианской ойкумены нас заставляет факт сосуществования пещерной аскезы и Студийского устава в Печерском монастыре. Как уже говорилось выше, Студийский устав не предусматривал пещерножительства и пещерных погребений. В то же время мы не можем считать киево-печерских затворников своего рода “маргиналами”, т.е. людьми, пребывающими за рамками монастырской жизни в связи с несоблюдением ими этого устава, как пытается доказать один из исследователей истории Киево-Печерской Лавры Е. Кабанец²⁶. Достаточно сказать, что в этом случае “маргиналом” нужно будет назвать и самого преп. Феодосия, который принял устав в монастыре, ведь согласно с житием этого святого, он на все время Великого Поста уходил в пещерный затвор²⁷.

Еще в большей мере это касается погребений в пещерах, которые не только не были какими-то запретными, потому что не подчинялись Студийскому уставу, но, наоборот, считались почетными. Таким образом, скорее всего, традиция пещерножительства и пещерных погребений имела для насельников монастыря не меньшее значение и авторитет, чем предписания Студийского устава. Мы убеждены, что так произошло потому, что эта традиция была перенята из важнейших центров христианской ойкумены, не менее важных, чем Студийский монастырь в Константинополе. Скорее всего, традиция эта была воспринята из Палестины, которая была и остается сакральной сердцевинной христианства.

О палестинских истоках лаврского пещерножительства, как мы покажем, свидетельствуют и некоторые лаврские пещерные сооружения. Речь идет о специфических келиях или криптах, которые представляют собой подземные объемы с полуциркульным сводом, спускающимся к полу. Вдоль стен таких сооружений вырублены лежаки размером 2 × 1,5 м. Посередине пола вырыт ровик, рассчитанный на одно погребение. Некоторые исследователи считают подобные сооружения жилыми помещениями, причем специально приспособленными для нужд подвижника. Если в таком помещении есть два лежака, то один атрибутируют как “ложе”, а другой – как стол²⁸.

Другие исследователи видят в криптах только погребальные сооружения, отмечая, что они содержат большое количество погребений и лишены каких-либо признаков жизнедеятельности, как то: закопчености на стенах и сводах, также им свойственно слишком узкое пространство между лежака-

¹⁸ Там же. Вып. II. С. 60–82.

¹⁹ Православный палестинский сборник. Т. I. Вып. III. СПб., 1883. С. 54.

²⁰ Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в нач. XII века. СПб., 1864. С. 69.

²¹ Там же. С. 70.

²² Там же.

²³ Православный палестинский сборник. С. 79–80.

²⁴ Патерик Киево-Печерский. С. 46.

²⁵ Там же. С. 147.

²⁶ Кабанец Е. Давньоруська печерна аскеза і візантійський ісіхазм // Духовна спадщина Київської Русі. Одеса, 1997. Вип. II. С. 13–23.

²⁷ Патерик Киево-Печерский. С. 32–66.

²⁸ Каманин И. Зверинецкие пещеры в Киеве... С. 115.

ми, незаглаженность обработки стен, шероховатость пола. Груднички с одной стороны данной атрибуции лаврских крипт о недостаточной высоте этих помещений для совершения сложных молитвенных упражнений выглядит, как считаем, некорректным, потому что их высота в среднем достигает 1 м 50–70 см, а иногда – 2 м³⁰. Отметим также, что вышеописанные крипты размещены именно на самых древних участках лаврских подземелий. Что же касается Дальних пещер, т.е. тех пещер, в которых вначале жила вся братия небольшой общины до выхода на земную поверхность, то очевидным будет факт размещения крипт именно в “жилой” части пещерного комплекса.

Таким образом, считаем, что подобные сооружения в Дальних пещерах действительно могли служить жилищем для печерских подвижников (рис. 1). Впрочем, точка зрения ученых о погребальном характере печерских крипт также выглядит логичной. О том, что первоначальные погребения печерской братии совершались именно в таких сооружениях, косвенно свидетельствуют источники – Повесть временных лет в статье под 1091 годом³¹ и Киево-Печерский Патерик в “Слове Нестора, мниха печерского о перенесении мощей святого преподобного отца нашего Феодосия Печерского”³². Эти источники не дают подробного описания, что представлял собой гроб преп. Феодосия, однако из их текста можно понять, что этот “гроб” был не локулой³³, а именно криптой. Иначе не существовало бы трудностей при обретении мощей преп. Феодосия, так как лаврские локулы четко обозначены в стене пещерного хода и не предполагают затруднений при обретении мощей.

Исследовательница истории Киево-Печерской Лавры И.В. Жиленко обратила внимание на совпадение сообщений источников о погребении преп. Феодосия с данными археологических исследований в Дальних пещерах в 1988 г. Тогда была обнаружена крипта, которая, как считают, являлась келией преп. Феодосия Печерского. И.В. Жиленко сделала достаточно логичный вывод о том, что данное пещерное сооружение – келия преп. Феодосия Печерского – после смерти святого стала местом его погребения³⁴.

Учитывая монашескую аскетическую традицию “жизни во гробе”, все вышесказанное позволяет нам выдвинуть предположение о том, что первоначальные подземные келии печерских подвижников фактически представляли собой “гробы”. Печерские отцы жили в “гробах”, и не келия приспособлялась под потребности пещерножителя, а подвижник полностью умирал для мира, “приспосабливаясь” к такому гробу. Конструкция подобных сооружений должна была заимствоваться, потому что форма лаврских

крипт. Подобные сооружения возникают на Руси внезапно в XI в. с появлением пещерных монастырей и существуют до XVII–XVIII вв.³⁵ Архитектура крипт отличается необычайным консерватизмом, что, без сомнения, говорит как о ее сакральном значении, так и о ее заимствовании из важнейших центров христианского мира.

В границах досягаемости материала мы проводили поиск аналогий лаврским пещерным криптам на Афоне и в Крыму, откуда, как считается, был принесен погребальный обряд в Печерскую обитель. К сожалению, таких аналогий мы пока не нашли. Однако учитывая такие факторы, как: во-первых, паломнические настроения печерских подвижников; во-вторых, наличие действующих и процветающих на период XI–XII вв. знаменитых монастырей Палестины, которые имели глубокий опыт пещерной аскезы; в-третьих, почитание именно нетленных мощей святых угодников в палестинских обителях, аналогичное Киево-Печерскому и несвойственное греческой погребальной традиции; в-четвертых, связь практически всех святых мест Палестины с пещерами и “гробами”, мы позволили себе поиски аналогий пещерным сооружениям Киево-Печерской Лавры в Святой Земле. Именно здесь существовали погребальные комплексы подобные лаврским (рис. 2). В Палестине “гробами” назывались, как правило, фамильные склепы. Название “вечный дом”, часто употреблявшееся у евреев для гробниц, как раз свидетельствует о той прочности и незыблемости, какую должны были иметь эти сооружения. Название же иудейского кладбища от древнеарабского “шарама” (просверлил, прорубил) указывает на то, каким образом устраивались подобные могилы. Склепы высекались в живом грунте скалы, причем выбирались более прочные пласты “маляки” в нижних частях склонов гор. “Если кто приобрел место для гробницы, – говорится в Мишне, – то прежде всего он должен выдолбить грот четырех локтей ширины на шесть длины; внутри грота должен выдолбить восемь коким, три справа, три слева и два против входа в грот; каждый коким должен быть четырех локтей длины на семь пядей высоты и шесть ширины. Рабби Симон сказал: можно сделать грот и восьми локтей длины на шесть ширины, а внутри грота тринадцать коким: четыре справа, четыре слева, три против двери, один по одну сторону входа, другой по другую. Пред входом же нужно сделать atrium шести локтей длины на шесть ширины, чтобы в нем могли поместиться носильщики гроба”³⁶. Из этого описания можно сделать вывод о том, что данное сооружение представляло собой естественную или специально высеченную в скале четырехугольную камеру, вдоль боковых стен которой имелись ниши для погребения умерших – локулы (коким). Подобные склепы очень хорошо известны не только в Палестине, но и в других регионах античного, а позднее средневекового мира (в Крыму, например, в таких гробницах захоронения совершались вплоть до X столетия). Однако отметим, что подобные склепы отличаются от крипт лаврских пещер формой своих погребальных ниш, углубленных в породе наподобие локул римских катакомб. В Кры-

²⁹ Мовчан І.І. Давньокиївська околиця. С. 69; Мовчан І.І., Авагян А.Б. Отчет об археологических исследованиях в Ближних пещерах Киево-Печерского заповедника. проведенных в 1978–79 гг. Рукопись. Научный архив Института археологии НАН Украины, г. Киев.

³⁰ Отчет археологической экспедиции об исследовании Ближних пещер в 1977–78 гг. Рукопись. 64 с. Научный архив Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника.

³¹ Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 227.

³² Патерик Киево-Печерский. С. 66–70.

³³ Лаврские локулы представляют собой сводчатые ниши в стене подземного хода, имеющие размеры 0,5 × 2 м. Они располагаются выше уровня пола перпендикулярно направлению хода (в отличие от локул римских катакомб, которые расположены вдоль подземных коридоров).

³⁴ Жиленко І. Примітки до тексту // Патерик Киево-Печерский. С. 238.

³⁵ Бобровский Т.А. К вопросу о типологии и датировке древнерусских пещерных монастырей // Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX–XIII вв.”. Чернигов, 1990. С. 72.

³⁶ Цит. по: Маккавейский Н. Археология истории страданий Господа Иисуса Христа. Киев, 1891. С. 221.

му неизвестны склепы аналогичные криптам лаврских пещер, где вдоль стен вырубались не локулы, а лежаки. В Палестине же, кроме вышеописанных погребальных сооружений с локулами, имелись и другие, подобие которых лаврским является несомненным. Так, часто вместо локул в еврейских гробницах вдоль стен камеры вырубались широкие каменные скамьи – плоские или с углублением наподобие яслей. Такая гробница, предназначенная для одной богатой семьи и уже вся занятая, могла расширяться; рядом с ней высекали в скале такую же камеру и затем соединяли обе гробницы при помощи бокового хода или коридора. К двум камерам позднее могла быть присоединена третья, четвертая и т.д.; так появлялись целые подземные галереи, что дает прозрачную аллюзию на пещеры Киево-Печерской Лавры.

Самые знаменитые из таких древнееврейских гробниц – гробницы Царей и Судей на северной стороне Иерусалима. Подобные погребальные сооружения могли прообразовывать для лаврских подвижников “Гроб Господень”, который даже в наши времена представляет собой пещеру с ложем. Судя по описанию Евангелия, тот новый гроб, который Иосиф высек в скале, находился недалеко от места казни Спасителя. Здесь еще никто не был положен; гробница, вероятно, не была еще окончена и представляла собой камеру с единственным “ложем”. Интересной в этой связи является аналогия лаврским пещерным криптам “гробов” в монастыре преп. Онуфрия в Иерусалиме (рис. 3). В этом монастыре с древних времен хоронили паломников. В III в. тут подвизался преп. Онуфрий Великий – один из самых популярных святых на Руси вообще и в русской монашеской традиции в частности. Монастырь св. Онуфрия был почти обязательным объектом посещения паломниками. Посетил его и игумен Даниил, который записал: “Ту же есть под горою Сионскою село Скудельниче... Суть же ту пещеры многы на той стране горы тоя святыя, в камени иссечены. И в тех пещерех гробы мнози праздни и до сего дни, устроени дивно и чудно; и ту ся полагають пришельци страннии...”³⁷. Поражает несомненная схожесть этих сооружений с лаврскими криптами.

В свете всего вышесказанного мы можем сделать вывод о возможности не только афонских, но и палестинских истоков лаврского пещерножительского и погребального обряда. Специфические подземные сооружения Печерского монастыря – крипты – скорее всего, являются самыми древними “гробами” в лаврских пещерах и изначально они воспринимались как “Гроб Господень”. В то же время лаврские крипты служили не только для погребения братии, но и для аскетических подвигов. В этом смысле не крипта “приспосабливалась” к потребностям аскета, а сам подвижник, живя в таком “гробе”, полностью умирал для мира.

К.А. Максимович

“ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ” В ПЕЧАТНОЙ КОРМЧЕЙ 1653 г. (К ИЗУЧЕНИЮ РЕЦЕПЦИИ МЕФОДИЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ)

“Закон судный людем” (далее: ЗСЛ) является древнейшим памятником права на славянском языке и одним из самых древних текстов славянской книжности в целом. Историко-правовые и лингвистические изыскания последнего времени позволяют надежно атрибутировать древнейшую версию ЗСЛ первоучителю славян Мефодию¹. Источниками ЗСЛ послужили юридические тексты, представляющие разные правовые традиции. С одной стороны, в основу ЗСЛ был положен перевод с греческого языка отдельных глав византийского юридического сборника – Эклоги (741)². С другой стороны, положения византийской Эклоги были дополнены при переводе церковными наказаниями (епитимьями), которые восходят к западной (латинской) традиции покаянной дисциплины, представленной в многочисленных латинских сборниках епитимий (пенитенциалах), дошедших до нашего времени³. Наконец, с самого начала научного изучения отмечалось влияние на памятник исконно славянских правовых представлений и обычаев⁴.

Таким образом, ЗСЛ в его древнейшем виде представляет собой уникальный в истории права продукт синтеза греко-византийских, западно-латинских и славянских юридических норм.

Известны три редакции ЗСЛ – Краткая (далее: КР ЗСЛ), Пространная (далее: ПР ЗСЛ) и Сводная (далее: СР ЗСЛ), из которых лишь первая явля-

¹ См.: Максимович К.А. Древнейший памятник славянского права “Закон судный людем”: композиция, переводческая техника, проблема авторства // ВВ. 2002. Т. 61. С. 24–37 (там же история вопроса и литература).

² Восходит к законодательной деятельности императоров-иконоборцев Льва III (717–741) и Константина V (741–775). Лучшее издание греческого текста с подробным введением: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V. / Hrsg. von Ludwig Burgmann. Frankfurt am Main, 1983 (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Bd. 10).

³ Ср.: *Wasserschleben F.W.H.* Die Bussordnungen der abendländischen Kirche nebst einer rechtsgeschichtlichen Einleitung. Halle, 1851; *Schmitz H.J.* Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren nach handschriftlichen Quellen dargestellt. Bd. I. Mainz, 1883. Bd. II. Düsseldorf, 1898 (переизд.: Graz, 1958).

⁴ Так, уже в трудах родоначальника научного изучения славянских переводных памятников права барона Г.А. Розенкампа отмечается приспособление в ЗСЛ византийских уголовных наказаний к славянским правовым обычаям и подробно (хотя и с неизбежными для того времени ошибками в идентификации источников) описываются некоторые статьи ЗСЛ по версии различных кормчей, ср.: *Розенкамп Г.А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 133–145; Примечания. С. 116–130; Там же (в приложении). С. 128–137; *Он же.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839 (2 изд.). С. 106–113. Влиянием славянского обычного права можно объяснять опущение в ЗСЛ широко распространенных в Византии и представленных в греческой Эклоге позорящих наказаний, ср.: Максимович К.А. Древнейшие памятники... С. 31.

³⁷ Путешествие игумена Даниила... С. 77.

Рис. 1. Крипта в Дальних пещерах (Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник: Фотопутеводитель. Киев, 1983. С. 131)

Рис. 2. Погребальная пещера семьи праведной Тавифы на русском участке в Яффе (Паломничество во Святую Землю. М., 1997. С. 311)

Рис. 3. Погребальные пещеры в монастыре святого Онуфрия Великого (Иерусалим) (Там же. С. 239)

ется древнейшей и оригинальной, а остальные представляют собой плод ее переработки на русской почве в XIII – начале XV в.⁵

ЗСЛ составлял 46 главу официального кодекса Русской Православной Церкви – печатной “Кормчей книги” (1653), где он носит название *Закона судный люде црѣ Константина Великаго*⁶.

Древнерусская рецепция. Изводы КР ЗСЛ. Интенсивное переписывание КР ЗСЛ в Древней Руси привело к появлению ряда изводов этой редакции. До сих пор их насчитывалось четыре:

а) *извод древнейших кормчих.* Сохранился в кормчих книгах XIII–XIV вв. – Новгородской, Устюжской, Варсонофьевской⁷.

б) *извод Мерила Праведного.* Древнерусский юридический сборник “Мерило праведное” возник при участии Симеона, епископа тверского, в конце XIII в., древнейший список относится к XIV в.⁸ В списках этого извода отсутствует последняя статья ЗСЛ *О малъженю*⁹, проведены некоторые лексические замены для облегчения понимания этого текста. В “Мериле праведном”, как и в древнейших кормчих (кроме Устюжской), ЗСЛ следует за “Моисеевым законом”. Автором ЗСЛ в этом изводе назван “царь Константин”.

в) *Чудовский.* Сохранился в кормчих, соединенных с Мерилом Праведным. Согласно рабочей гипотезе М.Н. Тихомирова, извод возник в конце XIV в. в связи с деятельностью суздальского епископа Дионисия¹⁰. Древнейший список – Троицкий V, первой половины XV в. Текст ЗСЛ в этом изводе ближе к Новгородской и Варсонофьевской кормчим, чем к Устюжской. В списках этого извода ЗСЛ следует за “Моисеевым законом”.

г) *Софийский.* Возник в конце XIV в. при дворе новгородских архиепископов¹¹. Близок к изводу древнейших кормчих, однако текст статьи *О малъженю* разбит на главы, в результате чего в ЗСЛ оказалось 36 глав. Гл. 2 (а не весь ЗСЛ) озаглавлена *Константина црѣ соуд.*

Результаты нашего исследования древнерусской рецепции ЗСЛ позволяют констатировать наличие пятого извода – *извода Печатной кормчей.* Перед тем как приступить к обоснованию этого вывода, рассмотрим традицию издания памятника.

Издания ЗСЛ. За почти 200-летнюю историю научного изучения ЗСЛ Краткая и Пространная редакции памятника были неоднократно изданы. Однако почти все издания базировались лишь на случайно избранных руко-

⁵ Закон Судный людем краткой редакции / Изд. М.Н. Тихомиров, Л.В. Милов. Под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 7–34; Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции / Изд. М.Н. Тихомиров, Л.В. Милов. Под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 5–26 (далее: ЗСЛ КР; ЗСЛ ПР и СР).

⁶ Žužek I. Kormčaja Kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law. Roma, 1964 (Orientalia Christiana Analecta, 168). P. 85–86; ср. Книга глѣма греческихъ языкомъ Номоканонъ, словенскимъ же казанама Закона право. М., 1653. Л. 372–377 об. (тѣв–тѣз об.) (все дальнейшие ссылки на Печатную Кормчую даются по этому изданию). Эта традиционная атрибуция восходит, вероятно, к упоминанию императора Константина Великого (324–337) в первой главе ЗСЛ, ср.: Vašica J. Zákonъ sudnyj ljudьmъ – Soudní zákoník pro lid // Magnae Moraviae Fontes Historici. Vpno, 1971. D. IV. S. 178.3. (Далее: ссылки на КР ЗСЛ даются по этому изданию).

⁷ ЗСЛ КР. С. 8–14.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же. С. 20.

писях, а потому не могли считаться подлинно научными. Вначале была издана хронологически позднейшая Пространная редакция ЗСЛ. Так, editio princeps ЗСЛ (1820), принадлежащее П.М. Строеву, содержит Сводную редакцию (СР ЗСЛ) в составе так называемого “Софийского временника” (Софийской I летописи) (под 1019 г.)¹². В 1843 г. Д. Дубенский издал КР и ПР ЗСЛ с вариантами (соответственно) по спискам Печатной кормчей и “Софийского временника”¹³. Таким образом, Д. Дубенский впервые ввел в научный оборот древнейшую, Краткую редакцию ЗСЛ.

Следующее издание КР ЗСЛ (1897) осуществил И.И. Срезневский¹⁴. Опираясь на научные методы критики текста, И.И. Срезневский избрал для своего издания древнейшие рукописи ЗСЛ: Варсонофьевскую¹⁵ (л. 185–188) и Новгородскую¹⁶ (л. 337а–342в) кормчие книги.

Ряд изданий (а также переизданий) ЗСЛ осуществили болгарские историки. В 1901 г. Г.Т. Данаилов издал КР ЗСЛ по версии Устюжской кормчей, а также ПР ЗСЛ – по изданию “Софийского временника” П.М. Строева¹⁷. В 1903 г. С.С. Бобчев также издал КР ЗСЛ с вариантами из ПР ЗСЛ, а также из Новгородской и Печатной кормчих. Там же была переиздана ПР ЗСЛ¹⁸. Параллельную частичную публикацию текстов из КР и ПР ЗСЛ осуществил Г.Г. Губиделников¹⁹.

В 1922 г. чешский ученый Т. Сатурник переиздал в своей монографии ПР ЗСЛ по изданию Д. Дубенского (впервые с привлечением греческого оригинала, Эклоги) и снабдил его славяно-греческим регистром терминов²⁰. Греческий оригинал ЗСЛ – Эклогу, а также ее полный славянский перевод использовал в своем издании-исследовании ЗСЛ и В. Ганев²¹. Эта капиталь-

¹² Строев П. [М]. Софийский Временник или Русская Летопись с 862 по 1534 г. Ч. I. С 862 по 1425 г. М., 1820. С. 130–148 (Карамзинский список) [переизд.: Софийская I летопись – ПСРЛ. Л., 1925². Т. V. Вып. 1. С. 104–117 (по другим спискам); ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 69–82 (с вариантами по изданию Д. Дубенского (Пушкинский список) и Печатной кормчей)].

¹³ Дубенский Д. Памятники древнего русского права // Русские достопамятности. Т. II. М., 1843. С. 138–220.

¹⁴ Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги // Сб. Отделения русского языка и словестности Имп. Академии Наук. СПб., 1897. Т. 65. № 2. С. 200–207.

¹⁵ ГИМ, Чуд. 4, конец XIV – начало XV в.; ср. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Выпуск 1 / Под ред. А.А. Турилова. М., 2002. № 356. С. 515–519.

¹⁶ ГИМ, Син. 132, между 1285 и 1291 гг.; ср.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. № 183. С. 207–210 (новая датировка обоснована в работе: Янин В.Л. О дате Новгородской Синодальной кормчей // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 287–292).

¹⁷ Данаилов Г.Т. Един паметник на старото българско право. (Законъ соудный людьмъ). Историко-догматична студия // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1901. Книга 18.1: Научен отдел, 2: Дел за държавни науки. С. 3–59 (20–24: КР ЗСЛ; 26–39: ПР ЗСЛ).

¹⁸ Бобчев С.С. Старобългарски правни паметници. Ч. I. София, 1903. С. 83–93 (КР ЗСЛ); 99–117 (ПР ЗСЛ).

¹⁹ Губиделников Г.Г. Законъ соудный людьмъ // Юридически прегледъ. 1908. Т. XVI. Кн. 2. С. 100–105 (102–105).

²⁰ Saturenik Th. Příspěvky k šíření byzantského práva u Slovanů. V Praze, 1922. S. 143–164 (ПР ЗСЛ); 165–171 (двуязычный регистр терминов).

²¹ Ганев В. Закона судный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитични проучвания. София, 1959.

ная монография (как и многие труды сторонников болгарского происхождения ЗСЛ) страдает, однако, фундаментальными методологическими пороками: следует отметить прежде всего равнодушие к лингвистической проблематике (не мешающее тем не менее В. Ганеву необоснованно упрекать ЗСЛ в несовершенстве “стиля” и “грамматики”) и поиски тематического сходства ЗСЛ с “Ответами” папы Николая I (которые, как ранее выяснили Й. Вашица и В. Прохазка, не имеют к ЗСЛ никакого отношения)²². КР ЗСЛ по версии Иоасафовской кормчей XVI в. была издана в 1961 г. С. Троицким²³. Таким образом, в течение XIX и первой половины XX в. было осуществлено более десятка изданий и переизданий ЗСЛ, из которых достаточно научным (филологически корректным) можно назвать лишь издание И.И. Срезневского 1897 г.

Подлинно научными могут считаться в настоящее время только два издания ЗСЛ, вышедшие в 60-х–70-х годах XX в. Первое из них осуществили в 1961 г. акад. М.Н. Тихомиров и Л.В. Милов²⁴. Издание сделано в лучших традициях советской текстологической школы, представленной именами Б.Д. Грекова и С.В. Юшкова. В основу издания КР ЗСЛ положен материал 54 русских рукописей памятника, тщательно изученных и разделенных на редакции и изводы²⁵. Так, выделены следующие изводы КР ЗСЛ: извод древнейших кормчих (XIII в.), Мерила праведного (конец XIII – начало XIV в.), Чудовский (не ранее начала XIV в.), Новгородско-Софийский (конец XIV в.) (см. выше). Впервые была обнаружена и издана новая – Сводная – редакция ЗСЛ. Издание Тихомирова/Милова послужило основным пособием для Й. Вашицы²⁶ при подготовке его собственного издания КР ЗСЛ, которое вышло в серии *Magnae Moraviae Fontes Historici* (Брно). Издание Вашицы снабжено, в отличие от всех прочих изданий, превосходным историко-филологическим комментарием и впервые предлагает критическую реконструкцию архетипа ЗСЛ, основанную на тексте всех трех редакций памятника в издании Тихомирова/Милова. Хотя эта реконструкция местами не совсем корректна, в целом она исполнена на очень высоком филологическом уровне (в дальнейшем ссылки на страницы и строки ЗСЛ без указания источника следует относить к изданию Вашицы – см. примеч. 6).

Только ради полноты можно упомянуть о двух позднейших изданиях вспомогательного характера. Так, КР ЗСЛ была издана Э. Паулины в латинской транскрипции со словацким переводом²⁷. Х.В. Дьюи и А.М. Клеймола переиздали КР и ПР ЗСЛ по версии (соответственно) Новгородской кормчей и Мусин-Пушкинского списка (вторая половина XIV в., РГАДА) в серии *Michigan Slavic Materials* (США)²⁸. Это последнее издание представляет со-

²² Там же. С. 7–8, 10–11.

²³ Троицкий С.В. Св. Мефодий как славянский законодатель // Богословские труды. Сб. второй. М., 1961. С. 83–141(125–141).

²⁴ См. примеч. 5.

²⁵ ЗСЛ КР. С. 7.

²⁶ См.: Vašica J. Moskevské vydání krátké redakce Zakona sudného ljudem // Slavia. 1962. Sv. 31. S. 141–150; Idem. Obširná a smíšená redakce Zakona sudného ljudem // Slavia. 1963. Sv. 32. S. 251–259.

²⁷ Pauliny E. Slovesnost' a kultúrny jazyk Vel'kej Moravy. Bratislava, 1964. S. 153–159 (текст); 159–166 (перевод).

²⁸ Zakonъ sudnyi ljudьmъ (Court Law for the People) / Translated with Commentaries and Introduction by H.W. Dewey, A.M. Kleimola. Ann Arbor, 1977 (Michigan Slavic Materials, 14).

бой фактически перепечатку издания 1897 г. Тихомирова/Милова и оно не имеет научной ценности не имеет.

Новый извод КР ЗСЛ в Печатной кормчей 1653 г. Ни в одном из новейших изданий КР ЗСЛ (издания 1843 г. Д. Дубенского и 1903 г. С.С. Бобчева не в счет) почему-то не была учтена весьма оригинальная версия этой редакции, представленная в русской Печатной кормчей 1653 г. Между тем именно эта версия может считаться единственной официальной версией ЗСЛ, поскольку она вошла в кодекс канонического права Русской Церкви, действовавший вплоть до XIX в. Текст ЗСЛ в Печатной кормчей (далее: ЗСЛ Печ. корм.) обнаруживает интересные чтения, свидетельствующие о попытках (иногда неудачных) адаптировать древний юридический памятник к правовым условиям и правовому языку XVII в. Рассмотрим вкратце особенности текста и содержания данной версии ЗСЛ. Она содержит не 30 (как в издании Вашицы), а 32 главы – при этом глава *О посылкѣхъ* (по изданию Вашицы, гл. 7а) включена в гл. 2, где речь идет о свидетелях; гл. 7 разделена на две главы (7 и 8), гл. 30 и 30а пронумерованы отдельно и составляют гл. 31 и 32.

Текстологически ЗСЛ Печ. корм. демонстрирует большое своеобразие, которое позволяет говорить о наличии особого извода КР ЗСЛ – *извода Печатной кормчей*. Можно привести доводы в пользу того, что данная версия не зависит от архетипа рукописей ПР ЗСЛ (А – Археографический извод, Р – Пушкинский извод), и Сводной редакции ЗСЛ (К – Карамзинский список, Т – Троицкий извод)²⁹. Так, во фразе ЗСЛ Печ. корм. и *пожжетъ нѣкое что ѡт своего храма* (гл. 16, л. 375) группа АКТ содержит вместо *храма* вариант *роука*, тогда как все прочие списки дают чтение, идентичное Печатной кормчей³⁰.

С другой стороны, хорошо видно родство ЗСЛ Печ. корм. с другими списками КР ЗСЛ – U (Устюжская кормчая), J (Иоасафовская кормчая), N (Новгородская кормчая), V (Варсонофьевская кормчая), M (“Мерило праведное”), С (Чудовская кормчая), S (Софийская кормчая). Так, в группе UJNVMS фраза *никыже приѣгашаго въ ц(ь)рк(ь)въ нѣжею (не извлачи)* (Р, var. да не извлечеть А, да не изовлачить К) дефектна – в ней пропущен конец *не извлачи* (греч. ἀφαίρεισθω ‘да не выдворяет’) (188.18). В ЗСЛ Печ. корм. эта фраза звучит так: *Никтоже приѣгашаго в' ѿрковь нѣжею просто пѣтїи* (л. 375). Сочетание *просто пѣтїи* противоречит греческому оригиналу, не имеет опоры в рукописной традиции и должно интерпретироваться как произвольный домысел редактора, очевидно, имевшего перед собой пропуск в тексте. Этот пропуск, как мы видели, соответствует текстовой традиции группы UJNVMS, но не находит соответствия в группе АКР.

Некоторые особенности текста ЗСЛ Печ. корм. свидетельствуют о его особой близости к редакции Варсонофьевской кормчей (V). Так, в гл. 20 первоначальная форма действительного причастия прошедшего времени от глагола *въстроити*: *въстрои* в рукописях искажена – есть варианты *въ строи* (UN), *вѣ(ь) оустрои* (J), и только ЗСЛ Печ. корм. и V содержат одинаковое чтение *вѣ(ь) строи*³¹. Далее пропуск в гл. 32 древнего заголовка *При малъженѣю* отмечен крестом ЗСЛ Печ. корм. (л. 376 об.) еще только в Варсонофьевской кормчей³².

²⁹ Ср. ЗСЛ ПР и СР. С. 31, 44, 83, 118; Vašica J. Zakonъ sudnyi ljudьmъ... S. 177.

³⁰ Vašica J. Zakonъ sudnyi ljudьmъ... S. 188.

³¹ Там же. С. 190.7.

³² Там же. С. 195, примеч.

Некоторые чтения свидетельствуют о близости ЗСЛ Печ. корм. также к Иоасафовской кормчей XVI в. (J) – так, варианты без тщеты (л. 376), присвои (л. 376 об.) имеются, помимо Печатной кормчей, только в J³³.

Таким образом, ЗСЛ Печ. корм. представляет собой особую редакторскую версию, в основу которой положен древний текст КР ЗСЛ, не связанный с традицией Пространной и Сводной редакций, но демонстрирующий близость к версии Варсонофьевской кормчей XIV–XV вв. и Иоасафовской кормчей XVI в.

Переходим к подробному рассмотрению некоторых своеобразных чтений ЗСЛ Печ. корм., не имеющих соответствий в других списках КР, ПР и СР ЗСЛ. Вначале приводится версия Печатной кормчей, за ней – КР ЗСЛ по изданию Й. Вашицы (из которого берется также греческий оригинал).

Гл. 1: єанко имѣтъ богаты въ томъ селѣ (л. 372) – єанко имѣтъ г(оспод)а та в томъ селѣ (178.9). Чтение богаты возникло, вероятно, в результате неудачной эмендации из (незафиксированного в рукописях) сочетания с частицей бо: (єанко имѣтъ) бо га та → богата → богатыхъ.

Гл. 2: аще не поставите послѣховъ (л. 372) – аще не притѣкнете послѣхъ (179.4)³⁴.

Там же: число же послѣхъ да бываетъ ѿ: и лише сего числа въ малон при ѿ седми, до трехъ, а мнѣ сего числа въ меншен при не прѣимати (л. 372 об.) – число же послѣхъ да бываетъ єдинъ на деѣте а лише сего рока, и в малыѣ прѣ от ѿ до ѿ, а не мнѣ сего рока (184.12–16). Древнее слово рока в значении ‘(условленное) количество’, очевидно, смущало редактора – отсюда его замена нейтральным термином число.

Гл. 3: исходѣи к супостатомъ на брань, подобають... совѣты творити на брань (л. 372 об.) – исходѣ к супостатомъ на брань, подобають... съ свѣты творити брань (NVMČS, 180.1–6).

Там же: помощь бо дається ѿ бѣга сердцама совѣтливимъ (л. 372 об.) – помощь бо дається сѣ от в(ог)а съ с(ъ)рд(ъ)цемъ свѣтливимъ (μετὰ καρδίας βουλευτικῆς – var.) (180.6–8).

Там же: кнѣзь или воевода... ѿ реченнаго ѿрока кнѣжа да подаетъ и ꙗкоже лѣпоу да подеметъ ихъ почести, еже шербѣтанимъ на брани бываетъ, и часть шербѣтанимъ

³³ Там же. S. 192.2, примеч.; S. 194.10, примеч.

³⁴ Выражение ЗСЛ притѣкнѣти послѣхъ подробно изучено в работе: Procházka V. K historicko-právnímu významu csl. *prítěknouti* a jeho parafrázi z ruských pramenů // Slavia. 1957. Sv. 26. S. 336–340. Согласно выводам В. Прохазки, термин притѣкнѣти обозначал в мораво-паннонском юридическом языке ‘неопровержимо доказать (причастность к преступлению)’, т.е. фактически ‘застать на месте преступления (кражи и т.п.)’. Автор обосновывает свою точку зрения примерами из Христинопольского апостола, где данный глагол употребляется в значении ‘доказать’, ср.: ни притѣкнѣти не мѣють о нѣуже нынѣ на ма глають – в греч. *λαροστίσαι* ‘представить, доказать’ (Деян. 24. 13); притѣкнѣти вины – в греч. *ἀποδείξει* ‘доказать’ (Деян. 25. 7). Слово послѣхъ в данном сочетании Прохазка приписывает значение ‘свидетель (на суде), слышавший крик (крики)’, т.е. свидетельствующий со слуха. С развитием судебного процесса данный термин стал обозначать любого свидетеля на суде, говорящего под присягой. В дополнение к выводам Прохазки следует обратить внимание на бесспорное родство глагола притѣкнѣти со словом притѣчи, первоначальное значение которого было ‘нечто присоединенное, приведенное в обоснование (доказательство, сравнение и т.п.)’, ср.: Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. III. S. 318–319. Термин притѣкнѣти в значении ‘установить, доказать’ использован также в Номоканоне Мефодия, ср.: аще не притѣкнѣти ꙗко от кретика имѣтъ(ъ) с(в)ѣщенне (греч. *εἰ μὴ σπουδαῖα* ‘если он не докажет’), ср.: Vašica J. Nomokanon // Magnae Moraviae Fontes Historici. Vp. 1971. D. IV. S. 299.15–17; *Цибранска-Костова М.* Формиране и развитие на старобългарските лексикални норми в църковноюрдическата книжнина. София, 2000. С. 64.

поставлять (л. 373) – кнѣзь или воевода... от реченнаго ѿрока кнѣжа да подаетъ, ꙗко и лѣпо, да подеметъ ихъ. по части еже шербѣтанимъ сѣ на брани бываетъ и часть шербѣтанимъ на станѣ (κατὰ τὴν μερίδα... τῶν ἐν τοῖς τοῦλοις ἀπερχομένων) (181.5–8). Довольно прозрачная (если не считать слова подеметъ)³⁵ фраза архетипа ЗСЛ подверглась в Печатной кормчей некоторому переосмыслению в силу ряда особенностей рукописной традиции (так, фраза шербѣтанимъ на станѣ искажена в большинстве русских списков КР и ПР ЗСЛ).

Гл. 5: владѣи чужо рабов да подаетъ ѿ. стѣлазь г(оспод)иноу рабѣ, а самъ даеъ сѣ въ постѣ .ѿ. лѣтъ(ъ)..., єда (J и да) не продаеъ сѣ (182.9–13). Фраза єда не продаеъ сѣ в Печатной кормчей (л. 373 об.) опущена.

Гл. 6: владѣемъ черницю... носъ шербѣзати (л. 373 об.) – владѣющоу черницю... носъ емю шербѣзати(ъ) (ὁ πορευθων εἰς μονάστριον) (182.17–19). В Печатной кормчей в силу ряда описок (возможно, и переосмысления) говорится о соблудившем монахе, тогда как в оригинальной версии ЗСЛ речь идет о наказании лица, совратившего монахиню.

Гл. 9: ...да бѣеъ и сѣдѣ земли тол, и посылаетъ ѿ своел области на шземствование (л. 374). Слова на шземствование представляют собой инновацию Печатной кормчей, в других списках отсутствуют.

Гл. 10, 11: насиаствовави двѣ дѣвом; насиаовави дѣвницѣ не шербѣченнѣи (л. 374) – приложни сѣ д(ѣ)в(и)ци д(ѣ)вом; приложни сѣ въздѣвашии сѣ (185.17; 186.1). Версия ЗСЛ Печ. корм. усиливает семантику исконного нейтрально-го глагола приложити сѣ введением семы насилия.

Гл. 16: аще в невѣдѣннѣ или в тихостѣ възгнѣтившиъ огонь... аще ли въ вѣтрѣнъ день възгнѣтилъ бѣдетъ огонь... (л. 375). В архетипе ЗСЛ в соответствии с греч. *κατὰ ἀπειρίαν ἢ ῥαθυμίαν* реконструируется сочетание в невѣдѣнник или въ м(зъ)л(о)сть (187.17)³⁶. Искаженное в рукописях слово м(зъ)л(о)сть ‘нерасторопность, небрежность’ (вар. млѣсть UJV, мѣсть N, милость ČS, блгодѣтъ РАКТ) было переосмыслено в ЗСЛ Печ. корм. по контрасту с последующим аще ли въ вѣтрѣнъ день възгнѣтилъ бѣдетъ как тихостѣ в значении ‘тихая погода, безветрие’.

Гл. 17: никтоже приѣвшаго в црковъ нужден просто пѣсти (л. 375) – см. выше с. 193.

Гл. 19: ни рабъ на гѣа, но токми швободникъ, послѣхъ да бываетъ (л. 375 об.) – ни г(оспод)и, ни на г(оспод)а рабъ ли, швободникъ ли да послѣхъ бываетъ (190.3–5). Смысл данной нормы византийской Эклоги, корректно переданный в ЗСЛ: ни раб, ни вольноотпущенник (ἀτελεύθερος, швободникъ) не могут свидетельствовать на суде ни за, ни против своего господина. Редактор Печатной кормчей, вероятно, истолковал слово швободникъ как ‘свободный человек’ и слегка ‘подправил’ текст ЗСЛ.

Гл. 30: ниже швободнаго оукрадеъ и продаеъ, или поработитъ, да поработитъ и самъ, ꙗкоже и онъ швободнаго поработитъ... (л. 376 об.); в ЗСЛ в обоих случаях стоит швободу (194.5; 194.7). Термин швобода в значении ‘свободный человек’ относится к древнейшему фонду старославянской письменности – он употреблен в тек-

³⁵ Значение данного термина ЗСЛ подробно разбирается в монографии: Максимович К.А. Законъ свидѣныи людѣмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С. 46.

³⁶ Данное сочетание подробно изучено Вашицей, ср.: Vašica J. Законъ sudnyi ljudmъ... S. 165–167.

сте Апостола (Гал. IV. 22), встречается также в Супрасльской рукописи³⁷.

Гл. 32. В версии ЗСЛ Печ. корм. моравизм *малъжена* 'супруги'³⁸, 4 раза встретившийся в этой главе, либо пропущен, либо заменен сочетанием *мужъ и жена* (л. 376 об.–377). Редактору текста данный термин, очевидно, был непонятен, или же воспринимался им как устаревший – отсюда попытки исключить его из текста, ср.: *неразлучно естъ брачное сожитіе сотворати* (л. 376 об.) – в первоначальной версии: *неразлучное от б(ог)а малъженома житиіе творацию с(ъ)п(а)иу нашемоу* (195.1–3); *ѡ неприязни ненавидѣніе въпадаетъ межъ мужемъ и женоу* (л. 377) – *от неприязни ненавидѣніе въпадаетъ межю малъженома* (196.11–13).

Там же: и *за грѣхъ твои смерть има* [Адаму и Еве] *воложи* (л. 376 об.) – *за грѣхо-тъ страсть има задѣ* (*задѣт N, содѣл J*) (195.20–21). Древнее слово *задѣти* (*страсть*) в значении 'наложить (наказание)' (греч. *κολάζω*) было заменено в Печатной кормчей на более привычное (нормативное) *взложити*, экспрессивный эффект от упоминания страдания (*страсть*) усилен употреблением слова *смерть*.

Там же: старое слово *проказа* снабжено глоссой *напастъ* (л. 377).

Лексические инновации ЗСЛ по версии Печатной кормчей, не требующие комментария, помещены для краткости в таблице (лексические моравизмы отмечены индексом^m).

Глава ЗСЛ Печ. корм.	Греческое соответствие	Древнейшая версия КР ЗСЛ (реконструкция)	КР ЗСЛ в Печатной Кормчей 1653 г.
3	ἄρχων	жипанъ	жупанъ, глос. владыка, деспота
32	γαμικῶς συμβιοῦντες	малъжена ^m	проп.; мужъ и жена
7	πρὸς γάμον ἀγόμενος	пониметь женѣ сѣкѣ	понимѣть сѣкѣ в жену
19	γονεῖς	роди	родители
18, 29	δερέσθω	да тепеть сѧ	да бѣет сѧ, да бѣенъ бѣдетъ
16, 24	εἰς τὸ διπλάσιον	въ соугубиноу	въ соугубу виноу, сѣгубон виноу
32	ἐπίσταμαι	ощитити	слышати
32	ἐπιβουλεύω	проказу дѣлати	навѣтовати
9	οὐ θέλω	нерачити	нерадѣти
11	μνηστή	наречената за мужъ	наречената мужевн
5	νόμισμα	стѣлазь ^m	стѣлазь, глос. златника
15	πῦρ ἐμβάλλω	взжигати	зжигати
7	σύντεκνος	коупетра ^m	коупетра, глос. коума
17	προσφεύγων	оубѣгъ	оубѣжь, глос. бѣглець
21	ταβουλάριος	жипанъ	кназь
3, 16	τις	ктеръ	ктеръ глос. нѣкин; нѣкин

Глава ЗСЛ Печ. корм.	Греческое соответствие	Древнейшая версия КР ЗСЛ (реконструкция)	КР ЗСЛ в Печатной Кормчей 1653 г.
29	τι	ктеро	что
14, 27	τυπτέσθω	да тепеть сѧ	бѣенъ да бѣдетъ, да бѣет сѧ
31	ὑπονοθεύω	присноублати	привомти
21	χρεωστέω	дължннкъ	дѣлннкъ
4	–	влязити	взходити
2	–	притъкнути послухъ	поставити послуховъ
29	–	пзртъ	потиръ
9	–	сирѣчь	еже есть
9, 20	–	стѣлазь ^m	стѣлазь, глос. златника
32	–	ктеръ	что

Лексические и синтаксические замены в ЗСЛ извода Печатной кормчей свидетельствуют о том, что целый ряд слов и речевых оборотов КР ЗСЛ к XVII в. в значительной мере устарел. С другой стороны, редакторское вмешательство в текст не было последовательным, зачастую ограничивалось глоссированием непонятных лексем и не затронуло основную часть текста ЗСЛ. Таким образом, можно полагать, что мифодиевский юридический памятник в отредактированном виде получил на Руси в XVII в. официальный статус. Сам по себе такой статус, конечно, не предполагает обязательного использования кодекса в судебной практике того времени, однако такое использование весьма вероятно, и дело остается лишь за тем, чтобы найти его следы в русских юридических документах второй половины XVII в.

³⁷ Ср.: Slovník jazyka staroslověnského... Т. IV. S. 27 (Šiš); Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 23. С. 172.

³⁸ Гутянова Я. Моравизмы в лексике старославянских рукописей. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1986. С. 17.

Ю.Л. Шапова

СТЕКЛЯННЫЕ ПОТИРЫ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ СВЯЩЕННЫХ СОСУДОВ

Потир – распространенное греческое название сосуда для причащения. Он состоит из чаши на высокой ножке, укрепленной на подножке. Современные потиры, как правило, изготовлены из драгоценных металлов или из металлических сплавов на серебряной, медной или оловянисто-свинцовой основе; они могут быть из камня, дерева, керамики, стекла и других подручных или нетрадиционных материалов¹. Потир в целом или его элементы могут быть декорированы. Сюжеты декора строго религиозного содержания.

Современный обряд причащения с сопровождающими его принадлежностями – не единственный, а один из некогда известных. Причастие совершалось по-разному: в одних случаях верующие поочередно припадали к сосуду, отпивая глоток, в других – высасывали вино из потира через специальные трубки из золота или серебра, называвшиеся *salamus* или *syphon*; со временем стали причащать лжицей. В века гонений христианства тайнства совершались в катакомбах. Кровь Христову подавали в евхаристических чашах – невысоких полусферических сосудах диаметром 8–10 см, в отличие от потиров без ножек.

Сосуды для причащения бывали разными: большими и малыми, общими и индивидуальными, принадлежавшими церкви или частным лицам, которые приносили их из дома. Известно, например, что в эпоху Василия Великого (329–379) всякий мирянин в Египте (в Александрии), имел специальный сосуд (*koiponia*) для домашнего причащения и причащался, когда хотел. Об этом свидетельствуют Иустин, Тертулиан и Киприан. Святые дары носили завернутыми в полотенце (*oraria*) или в сумке, повешенной через шею на ленте, иногда в чаше – золотой, серебряной или глиняной. Святые дары больным древняя церковь посылала на дом².

Употребление стеклянных литургических сосудов, потиров и других было разрешено по официальному распоряжению папы Зефирина II (202–219) задолго до признания христианства в качестве государственной религии. Мотив был прост: “*Vasa quibus communicatur sunt vitrea, nam nos pauperes sumus in pravo espigion*”. Позднее стеклянные потиры были запрещены в западной церкви: один раз специальным актом, принятом на соборе в Реймсе в 803 г., спустя половину столетия запрет подтвердил еще раз папа Лев IV (847–856). Однако и распоряжение и запрет нарушали вплоть до середины X в.³ Надобность повторно подтверждать запрет спустя почти половину сто-

¹ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1, пол. 1. М., 1901. С. 249–250.

² Полный богословский энциклопедический словарь. Т. II. М., [1913]. С. 1911–1913; Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 395–396.

³ Фармаковский М.В. Римские стекловаренные печи // Известия Института археологической технологии. Т. 1. Пг., 1921. С. 96–98.

летия – красноречивый факт, свидетельствующий об устойчивой традиции их применения и, видимо, недостаточной силе запретов.

Замечательный специалист по истории стекла, бельгийский ученый проф. Жозеф Филипп называл “сосудами на ножке” небольшие потиры. Потир, или *calix ministerialis*, в его понимании, – это тот же сосуд на ножке, но большой, с толстыми стенкам, с декором на религиозные темы⁴. Ж. Филипп установил, что небольшие “сосуды на ножке” мало изменялись на протяжении более двухсот лет (400–615), III–IV вв. он считал начальным этапом их истории⁵. Названия “сосуд на ножке” и потир в дальнейшем будут употребляться как синонимы.

Из сказанного становится очевидным, что ординарные стеклянные потиры (и другая церковная утварь) – признак не только достатка (бедность – состоятельность) или удаленности прихода от центра, но и признак времени: согласно археологическим материалам, в частности из Сард, они характерны для 400–615 гг.

История стеклянных потиров, восстанавливаемая по письменным источникам, ограничена периодом 200–855 гг. Время, для которого они наиболее характерны, 400–615 гг. Согласно письменным и археологическим источникам, история потиров делится на три почти равных отрезка: 200–400 гг., 400–615 гг. и 615–855 гг., каждый из которых должен бы характеризовать соответственно начальный, основной и инволюционный периоды истории потиров. Почти строгое следование статистическим закономерностям означает, что их эволюция развертывалась во времени без заметного внешнего воздействия, т.е. естественно-исторически⁶.

Стеклянные потиры, известные археологически, происходят из слоев и памятников более поздних, X–XI, XI–XII вв. и даже XIV в.⁷ Очевидно, что относительно полную историю стеклянных потиров можно восстановить, лишь сочетая письменные и археологические источники.

Небольшие сосуды на ножке, они же потиры, в археологической литературе называют рюмкообразными сосудами. Такое “строго научное” название было дано им, согласно стилистике эпохи⁸. Что касается назначения сосудов, то крупнейший английский исследователь стекла Д. Харден считал их сосудами для питья, а кто-то – светильниками. Н.П. Сорокина полагала, что они пригодны для обеих, а может быть, и для иных целей⁹. Согласно Н.П. Сорокиной, рюмкообразные сосуды, они же рюмки, бокалы, сосуды на высокой ножке, были широко известны, о чем свидетельствует литература

⁴ Philippe J. Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie (V–XV siècle). Bologna, 1970. P. 46–51.

⁵ Ibid. P. 69–72.

⁶ Шапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998. С. 53.

⁷ Dekówna M. Recherches sur la technique d'exécution des objets en verre du Haut Moyen Age // Annales du 9-e CAHV. Liège, 1985. P. 157–179; Кузнецов В.А. Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторое итоги исследований) / Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. Пользуясь случаем принести благодарность В.А. Кузнецову, предоставившему для химико-технологического исследования стеклянные сосуды, найденные на городище Нижний Архыз и Змейском могильнике.

⁸ Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 134–174; Шапова Ю.Л. Спектральный анализ стеклянных сосудов из античных слоев Таманского городища // Там же. С. 171–174.

⁹ Сорокина Н.П. Указ. соч. С. 143–151. Примеч. 22–48.

предмета приводимая ею¹⁰. От этих сосудов сохраняются главным образом ножки, поэтому именно им она уделила большое внимание. Она установила, что высокие ножки составляли заметную часть находок в культурном слое городов Причерноморья – Пантикапея, Херсонеса, Птиунта, Себастополис-Диоскуриады, а также Таманского городища, городища у с. Михайловское; а вот в могильниках позднеантичного и раннесредневекового времени они редки.

Представление о потирах, приносимых из дома, хорошо согласуется с относительно свободной стратиграфией и топографией интересующих нас находок в культурных слоях городов и городищ. Отслужившие свой срок потиры оказывались в бытовом мусоре, которым заполнены херсонесские цистерны “Г”, “Л”, подвал “В” и др. Эти находки, если и не поддерживают версию о “домашних” потирах, то и не противоречат ей: присутствие в бытовом мусоре приоткрывает, возможно, прозаическое отношение к ним. Далее, когда специальное назначение таких сосудов очевидно, то они будут называться потирами, во всех остальных случаях – сосудами на ножке.

Стекланный потир был пропорционально строг и точно рассчитан, функционально удобен, прост, легок и устойчив, его глубокая чаша могла долго сберечь содержимое. Потир из-за хрупкости материала был непрочным и часто ломался, но в сравнении с металлическими или глиняными имел неоспоримые преимущества: был недорогим и гигиеничным¹¹. Вся эстетика таких сосудов – строгость. Четких критериев для различения назначения сосудов на ножке нет. Может быть, более свободная эстетическая концепция, светский характер декора могли бы характеризовать сосуды светского назначения. Потир – один из культовых сосудов.

Стекланные культовые сосуды – это целый комплекс, в который входили, кроме потиров, лампы, большие и малые бутылки (бальзамарии). Именно такой набор сосудов (в сопровождении оконного стекла) был найден на месте византийской церкви в Хибар аль-Карак (Khibar al-Karak), которая находилась к югу от Тивериадского озера, и в ряде других мест на Ближнем Востоке, датируемых IV–VII вв.¹² Соседство находок ритуальных сосудов и оконного стекла друг с другом и их связь преимущественно с церковными постройками не должна бы вызывать сомнений, несмотря на уместность подобных вещей в гражданских постройках: оконное стекло и лампы являются частью символики, связанной с христианскими представлениями о свете и его источниках.

Действительно, находки в Апамее, датированные IV–V вв., топографически связаны и с гражданскими постройками, и найдены и с церковными. Лампы и сосуды на ножке такие же, как в Апамее, широко известны. Р. Пирлинг приводит список мест находок – Передний Восток, Египет, Кипр, Греция, Балканы, Италия, Южные Альпы (лангобардский замок), Ломбардия, Восточное Средиземноморье, Малая Азия и Болгария в IV–VI вв.¹³ Чрезвычайный интерес представляют малоазийские находки, прежде всего комплекс из раскопок в Сардах, большая часть которого отне-

¹⁰ Там же. С. 143–153.

¹¹ Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 75–77, 88–89.

¹² Philippe J. Op. cit. P. 62–68.

¹³ Pirling R. Die römischen und byzantinischen Glasfunde von Apamea in Syrien // Annales du Congrès International d'Etude Historique du Verre. Liege, 1978. S. 142–147 (с литературой).

сена ко времени 400–615 гг. Общее количество находок – ок. 1000 экземпляров, особенно много обломков стенок и ножек (от ламп и рюмок). Сосуды и рассеяны в культурном слое, и найдены в заполнении помещений, называемых магазинами, из которых одно исследователи назвали “Glass Shop”. Обнаруженные в нем бальзамарии, блюда, тонкие стаканы, лампы (с ножкой) и некоторые мелочи сервировки стола напоминают традиционные формы посуды позднеимперского и, как мне представляется, ранневизантийского времени. Эти формы были хорошо известны и на периферии империи, и в Египте, и сасанидском Иране, в Палестине, в самой империи и в ее столице¹⁴.

Кроме египетской, палестино-сирийской и иранской зон, где развитие традиций римского стеклоделия продолжалось в ранневизантийский и исламский периоды, существовали европейские зоны, для которых Константинополь был естественным центром. Так, например, по некоторым сведениям, в Констанце были стекольные мастерские, в которых изготавливали оконное стекло, стаканы и чаши на высокой ножке. Эту западнопричерноморскую продукцию можно было бы считать аналогом продукции мастерских в Равенне, Аквилее, Торчелло, Инвиллино и на Кастельсеприо, о которых упоминает Ж. Филипп, говоря о стеклоделии в византийской Италии V–XI вв. Конечно, культовые аксессуары, изготовленные из стекла, которые являются предметом нашего рассмотрения, – это малая часть того, что находилось в ежедневном потреблении или было частью парадного церемониала. Достаточно напомнить о хоросах, оконных стеклах, о богатом мозаичном убранстве уличных строений, дворцов и храмов. Однако нельзя не замечать той роли, которую ритуальная посуда из стекла играла в религиозной жизни вообще и в особенности в жизни жителей среднего и малого достатка в больших и малых городах и поселениях¹⁵.

Историко-культурный аспект древнего стеклоделия не исчерпывает всей сложности проблемы, знание технологии и химии – обязательная составляющая в его изучении.

Главный источник информации для нас – ножки сосудов. Они могут иметь разную форму и могут быть изготовленными по-разному: одновременно с основной частью сосуда и являться ее продолжением, таких ножек обнаружено 93%. Ножек, сделанных отдельно, 7%. Они могут быть сплошными и полыми, составлять с подножкой целое или две разных части¹⁶. Кстати сказать, такая экономичная технология изготовления сосудов на полной ножке (потиров и ламп) родилась в эпоху раннего христианства.

М. Декувна обратила внимание на некоторые хронологические и территориальные различия: полые ножки VI–VIII вв. известны в Северном Причерноморье, на Балканах, в Закавказье, правда, только в Западной Грузии, и к северу от Альп; монолитные ножки принадлежат сосудам X–XI вв. Все другие свойственны как V–VI, так и X–XI вв.¹⁷

В таких городах, как Сарды, Пантикапей, Херсонес, Германаса, в крымских могильниках, Чуфут-кале и Эски-Кермен, в северно-кавказских,

¹⁴ Harden D.B. Glas from Karanis. Univ. of Michigan, 1936. P. 40. Philippe J. Op. cit. P. 68–81.

¹⁵ Philippe J. Op. cit. P. 84–100 (с подстрочными примечаниями и литературой).

¹⁶ Dekówna M. Op. cit. P. 157–179.

¹⁷ Ibid. P. 167, 173, со ссылками на литературу.

Чми, Балта, хронологические различия не столь очевидны. Сосуды на ножке бытовали в VI – начале VII в., затем в X–XI вв.¹⁸

Замеченные различия в составах стекла имеют хронологический смысл: часть из них связана с ранневизантийской, ведущей свое начало от римской школы стекловарения¹⁹. В таких же византийских традициях изготовлены сосуды на ножках, происходящие из египетской стекольной мастерской VI–VII вв.²⁰

Сюжет о месте и времени изготовления таких сосудов можно дополнить, обратившись к результатам археологических исследований стекольных мастерских, материалы которых были изучены мною в музейных собраниях или непосредственно на месте раскопок. Примечательна продукция из стекольной мастерской в Херсонесе IV–V вв. Это потиры, именуемые рюмками, лампы, небольшие бутылки, названные бальзамариями, и оконное стекло²¹. Стекло, из которого была изготовлена эта продукция, было сварено в традициях ранневизантийского стеклоделия²².

Еще одна мастерская была открыта на вилле Бела Вода на территории византийского диоцеза Мезия (Болгария, к юго-западу от современного г. Перник, раскопки В. Любеновой)²³. Мастерская, по мнению автора, существовала в ранневизантийское время (IV–VII вв.). Здесь делали все те же сосуды на ножке, т.е. потиры, лампы, бальзамарии и оконное стекло из стеклянной массы, сваренной в традициях ранневизантийского стеклоделия²⁴. В той же Мезии была открыта еще одна мастерская на территории современного города Сандански. Основной ее исследователь В. Попова-Мороз датирует ее V в.²⁵ В ней также делали потиры, лампы, бальзамарии и оконное стекло. В зоне мастерской были найдены остатки товарной фритты.

Фритта (в стеклоделии) – это продукт стекловарения на его первом этапе. Разделение процесса стекловарения на этапы позволяло прервать его в одной мастерской и продолжить затем в другой и в иное время. Мастерская в Сандански является примером такой другой. Стекло в мастерских подобного типа варили из *привезенной* фритты.

Превращение первого технологического этапа обычно непрерывного процесса в обособленный (временем и местом) этап стекловарения – это достижение византийской мысли. Это нововведение гарантировало стабильный химический состав и высокое качество стекла в мастерской, отстоящей на сотни километров от метрополии и месторождений сырья²⁶.

Технологический процесс, характерный для мастерской в Сандански, оказался свойственным еще одной мастерской, которую открыла Э.Я. Николаева на территории поселка Ильич на Тамани²⁷. Стекло и здесь варили из фритты, а затем выдували потиры, лампы, бальзамарии и оконное стекло. Кроме изделий собственной мастерской на исследованной территории памятника были найдены стеклянная посуда и оконное стекло, изготовленные в иных производственных традициях и попавшие сюда в виде готовой продукции²⁸. Иначе говоря, изготовление изделий в собственной мастерской не исключало их ввоза. Более того, такая мастерская, как правило, функционировала не более пяти лет: этот срок определялся сроком эксплуатации стекловаренной печи. Небольшая мастерская обеспечивала потребности населения ближайшей округи в течение короткого времени. Может быть, недолговременность – один из признаков такой специализированной мастерской? Есть и другие признаки: отсутствие производственного брака, сломанных инструментов, остатков отслуживших свой срок конструкций, стен и т.д. Такие приметы можно было бы связывать с представлением о “бродячих мастерах-стеклоделах”, которое присутствует в специальной литературе первой половины XX в.

Известно еще несколько стекольных мастерских, открытых археологически. В античном городе Новы (на Дунае), согласно Е. Ольчаку, производили посуду и оконное стекло в первой половине IV в.²⁹; на острове Торчелло в большой мастерской с конца VI и до середины VII в. (до 639 г.), делали и потиры, и лампы, и бутылки (бальзамарии)³⁰. Давно замечено, что некоторые мастерские так или иначе были связаны с возведением храмов, вслед за чем возникала надобность в их остеклении и в культовых сосудах³¹. Сочетание исторической, археологической и историко-культурной информации, пусть не всегда внятной и однозначной, позволило выявить многое из того, что характеризует стеклянные потиры, их происхождение, хронологию, химический состав и технологию, а также эстетику и специфику самого обряда причащения в пору их бытования. Тема о стеклянных потирах в основных и общих чертах, казалось бы, себя исчерпала.

Однако неожиданное открытие 1977 г. остатков кораблекрушения в проливе между островом Родос и материком, недалеко от г. Мармарис, заставляет продолжить сюжет. Находки на месте очень разные, от монет до бытовых вещей, среди прочего богатства – стеклянные сосуды, ок. 200 экземпляров различных форм и цвета, среди них и подлинные сокровища: стакан с резным изображением льва, бутылка и кувшин с резным декором, горло бутылки, край и середина тарелки пурпурного цвета, обломки синих бутылок и синяя ручка кувшина³².

²⁷ Николаева Э.Я. К вопросу о стеклоделии на Боспоре // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”. Баку, 1985. С. 275–276.

²⁸ Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 41–44.

²⁹ Olczak J. Piec szklarski // *Novae-sector zachodni* 1974. Cz. 1/ UAM. Poznań, 1978. S. 127–137.

³⁰ Leciejewicz L., Tabaczynska T., Tabaczynski S. Torcello. Scavi 1961–1962. Roma, 1977.

³¹ Arbman H. Schweden und Karolingisches Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts. Stockholm, 1937. S. 26–27, 67–80; Фармаковский М.В. Указ. соч. С. 96–98.

³² Bass G.F. Glass Treasure from the Aegean // *National Geographic. Official Journal of the National Geographic Society. Washington. Vol. 153. N 3. P. 768–793.*

¹⁸ Сорокина Н.П. Указ. соч. Рис. 3, 7, 9. С. 140, 145–154.

¹⁹ Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 94–99. Рис. 13–15.

²⁰ Bimson M., Freestone I.C. The Discovery of an Islamic Glass-making Site in Middle Egypt // *Annales du 10-e Congrès de l’AIHV. Amsterdam, 1987. P. 237–243. Fig. 4.*

²¹ Белов Г.Д. Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1956, № 3. С. 237–239. Монеты Феодосия (379–395) и Зенона (474–475 и 476–492) определяют ее хронологию.

²² Шапова Ю. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983. С. 153–157; Она же. Византийское стекло... С. 40–41.

²³ Пользуясь случаем принести благодарность В. Любеновой за предоставленную возможность изучить ее материалы.

²⁴ Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 35–40.

²⁵ Пользуясь случаем принести свою благодарность Ване Поповой-Мороз за предоставленную в свое время возможность изучить неопубликованные материалы и за особое дружеское участие во время моего пребывания в Болгарии в 1989 г.

²⁶ Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 44–50.

Расположение находок на корабле позволяет думать, что корабль был “грузо-пассажирский”, имел каюту и груз, палубный и трюмный: амфоры (с вином) и бесформенные глыбы стекла, брак изделий на разных стадиях изготовления, отходы и осколки готовых сосудов. По соображениям Ф. Доорника, это был или торговый груз, или балласт общим весом около трех тонн. По его же наблюдениям, трюмный груз был доставлен на корабль в корзинах и расположен в некотором порядке: по борту и по средней линии. (Продолжая работу над этими материалами, автор переименовал место катастрофы, назвав его заливом Серсе, на это надо обратить внимание во избежании библиографической путаницы в дальнейшем³³).

Это открытие – сенсация в научном мире. Дискуссии, которые она породила, продолжают по сей день. Тем для дискуссий несколько: когда произошла катастрофа, кому принадлежал корабль, откуда и куда он направлялся, что представлял собою трюмный груз.

Датирование катастрофы оказалось для археологов простым и легким профессиональным делом. По византийским монетам 998–1035 гг. и гирькам египетского халифа ал-Хакима (996–1021) и его наследника (1021–1035) Г. Басс, предложив на рассмотрение две даты, – 1021–1022 гг. или 1024–1025 гг. – предпочел датировать крушение 1025 г.

Свое понимание принадлежности корабля, происхождение и назначение груза он вынес в заголовок статьи. Читатель не должен сомневаться: в первой четверти XI в. фатимидский корабль вез битое стекло для византийских стеклоделов³⁴.

В центре внимания исследователей остались две темы: предназначение и происхождение груза (ответ на последний вопрос должен был закрыть дискуссии откуда, куда и зачем шел транспорт). Р. Брилл, посетивший место работ, высказался по этому поводу хрестоматийно и неопределенно: глыбы стекла – это сырой материал (для стекловарения), которым в разное время торговали, снабжая стекольные мастерские в разных странах³⁵. А Марко Верита подошел к находкам более профессионально. Все 11 000 фрагментов он назвал “дисками”. Описывая их, он отметил не совсем понятные ему детали: отоженное углубление, приподнятый и утолщенный край и отверстие в “диске”, возникшее в момент вращения (сосуда). Сопоставив его описания “дисков” с классификацией ножек “сосудов на ножке”, которую разработала М. Декувна, можно понять, что “диски” М. Вериты есть не что иное, как ножки и подножки потиров³⁶. Именно подножки потиров составляли основную массу стекольного боя. Стекольный бой действительно использовали в стеклоделии, но не в стекловарении. Даже в наши дни из разогретого стекольного боя делают вещи в технологиях захолустной кустарной промышленности, в большом производстве стекло выгоднее варить непосредственно из сырья, добавляя в шихту только свой собственный бой, состав которого известен, а не тот, состав и качество которого неизвестно. Условия использования боя и полуфабрикатов и производственно-техниче-

³³ Doornick F.H. van. The Serçe Liman Shipwreck: an 11-th Century Cargo of Fatimid Glassware Cullet for Byzantine Glassmakers // 1-st International Anatolian Glass Symposium. April, 21-th–27-th 1988. Istanbul, 1990. P. 58–63.

³⁴ Bass G.F. The Nature of the Serçe Limani Glass // JGS. 1984. Vol. 26. P. 64–69.

³⁵ Bass G. Glass Treasure... P. 780–785; Doornick F. van. Op. cit. P. 58–60.

³⁶ Dekówna M. Op. cit. P. 160. Fig. 3, I, A, 3, бф.

ские возможности средневековья недостаточны для их использования в стекловарении.

Если приводимые производственно-технологические аргументы можно не принимать во внимание, то историко-культурный контекст эпохи, в который нужно вписать 11 000 подножек потиров, не учитывать нельзя.

Очевидно, что необходимо заново рассмотреть известные наблюдения и факты и предложить их новое понимание, а затем и новую гипотезу происхождения “сосудов на ножке”. Новая гипотеза – это хронологические рамки, в которые впишется история бытования и функция этих сосудов, их место в православной литургике и в истории христианства, их права называться стеклянными потирами. (Самое название – потир – выделяет их из круга обыденного.) Под этим углом зрения и будет рассмотрен груз затонувшего корабля.

Итак, в эпоху, отмеченную стеклянными потирами IV–XI вв., принадлежность к христианскому культу несомненна, связь же сосудов на ножке с причащением, на взгляд скептиков, кажется недостаточно доказанной. Таким образом, нужно найти основания, чтобы опровергнуть утвердившееся мнение о связи “сосудов на ножках” с исламской культурой и с производством стекла в халифатах, особенно ок. 1025 г. (время кораблекрушения).

Детальное исследование средневековых сосудов Средней Азии, жители которой исповедовали ислам, обнаружило важные для нашей гипотезы данные. В *общей классификации* стеклянной посуды интересующие нас сосуды указаны лишь однажды как бокалы в группе столовой³⁷. В действительности, авторы ведут речь только о сосудах, найденных в Куве (соврем. Узбекистан), которые они датируют XII в.³⁸

Эти находки не имеют отношения к нашей теме, поскольку они моложе рассматриваемых на целое столетие. Среди среднеазиатской стеклянной посуды IX–XI вв. “сосудов на ножке” нет³⁹. Такой научный факт как находки “сосудов на ножке” в слое IX–X вв. в среднеазиатской Нисе, как заметила Н.П. Сорокина⁴⁰, требует уточнений.

Среднеазиатское средневековое стекло – единственный пример монографической разработки темы мусульманского мира. Имеющийся объем данных достаточен для того, чтобы утверждать, что “сосуды на ножке” были чужды мусульманской культуре X–XI вв.⁴¹ Приведенные сведения порождают законный вопрос: можно ли вывозить в больших количествах то, что не употребляют, и, видимо, не производят. Скорее, нет. Таково мое отношение к первому аргументу относительно происхождения груза затонувшего корабля.

³⁷ Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 213; Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Вторая половина VIII – начало XIII в. Ташкент, 1986. С. 15.

³⁸ Ахраров И. Стеклянные сосуды средневековой Кувы // Труды АН УзССР. Отделение гуманитарных наук. Ташкент, 1960. № 4. С. 22–28; Абдуразаков А.А. Средневековые стекла Кувы // Научные работы и сообщения Отделения общественных наук АН УзССР. Кн. 7. Ташкент 1963. С. 237–245.

³⁹ Армарчук Е.А. Опыт классификации стекла средневекового Хорезма // Материальная культура Востока. Ч. II. М., 1989. С. 238–239. Табл. I–IV на с. 246–250.

⁴⁰ Сорокина Н.П. Указ. соч. С. 150.

⁴¹ Lamm K.J. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. 1–2. Berlin; Leipzig, 1928–1930.

Второй аргумент – исламское происхождение находившегося на борту резного художественного стекла. Профессор Доорник нашел аналогии среди резного стекла Двина двум из них и справедливо предположил, что вещи, найденные на корабле, происходят оттуда же, откуда такие же вещи попали в армянский Двин⁴². Свое мнение о византийском происхождении двинских аналогий этим двум я подробно обосновала, апеллируя к их архитектонике, составу стекла и технологии, последним двум отведена центральная роль⁴³.

Ход работ над стеклом с резным декором изложен в книге, посвященной византийскому стеклу⁴⁴. В разработку научной проблемы – византийское стекло – была вовлечена огромная информация, которую содержат археологически известные стеклянные изделия эпохи. Кроме данных о форме, декоре, цвете и размерах сосудов, была использована информация об их морфологии, химическом составе стекла, о технологии изготовления, метрике изделий и т.д. Информация, а не только исходные эмпирические данные, была учтена, проанализирована, обработана и интерпретирована с помощью многих современных приемов и подходов.

Традиционной и принятой большей частью научного сообщества версии об исламском происхождении резного стекла, начиная с IX в., я противопоставила версию его византийского происхождения. Родство римского и византийского резного стекла по линии предок – потомок несомненно. Исламское резное стекло появилось в IX в. внезапно, заявив о себе совершенством форм, декора, стиля и технологий, о чем свидетельствовали находки из Самарры, столицы халифата в 836–892 гг. Однако более ранний образец этого стиля происходит из японского храма Шоссон, он на столетие старше так называемого исламского.

Конец истории этого стиля в исламском стекле, именно стиля, такой же внезапный, как и его начало, и совпал он с приходом турок-сельджуков. С другой стороны, химико-технологическая основа процветания этого стиля та же самая, которая обеспечивала непрерывную эволюцию и развитие резного стекла Рима и Византии, начиная с III в. и до конца XII в. В круг изделий, родственных раннеисламскому резному стеклу с химико-технологической точки зрения, следует включать все резное стекло Восточной Европы, равно как и так называемое восточное стекло Северной Европы V–VI вв., а с морфолого-технологической – сосуды Ирана, Китая, Кореи и Японии⁴⁵. Резные сосуды из четырех последних регионов С. Фукаи, в свою очередь, уподобляет находкам из Кельна, Александрии и Восточного Средиземноморья. С его точки зрения парфяно-сасанидское и дальневосточное резное стекло вместе с римским, иранским доисламским и раннеисламским составляет единый мир, свидетельствуя о тесных культурных связях Вос-

ток – Запад⁴⁶. С моей же точки зрения, эта широкая панорама говорит и о другом: резное так называемое раннеисламское стекло – не самостоятельное историческое явление, а звено в цепи, в единой истории резного стекла от поздней античности до средневековья. Несомненное сходство резных сосудов с затонувшего корабля с раннеисламскими – не основание для суждений о маршруте корабля: с юга на север, из мусульманского мира – прямо на Балканы в Константинополь⁴⁷.

Решить вопрос о месте изготовления стекол без знания его химического состава нельзя. Однако до сих пор сведений о его состав нет, и приходится довольствоваться “впечатлениями” о нем. Г. Басс и Р. Брилл от ответа на вопрос о происхождении стекол воздержались⁴⁸. Ф. Доорник, который в исламском происхождении этого стекла не сомневался, отметил его удивительную однородность и сообщил факт, что 90% стекол имеет одинаковый химический состав, что оно сделано в одной мастерской (или в нескольких) в одно и то же время⁴⁹.

В построение версии о византийском происхождении груза включены проверяемые прямые свидетельства и так называемые исчисляемые, т.е. надежные и легко доказуемые предположения первого порядка. Прямые свидетельства – это данные письменных источников и характеристика груза стекло-сокровище и стекло-балласт; сходство и родство технологии и химического состава резного стекла, основной части стекла-сокровища; возможное сходство химического состава и технологий изготовления ножек; кроме того, данные о хронологии и морфологическом разнообразии потиров. К числу прямых свидетельств можно относить мастерские по изготовлению стеклянных изделий, потиров в том числе. Исчисляемые свидетельства – дата кораблекрушения (ок. 1025 г., иногда указывают дату 1021–1025), а также ножки, конструктивный элемент специального сосуда – потира, место потиров в культе причащения, специальное назначение мастерских, связь номенклатуры изделий (потир, лампы, бальзамарии, оконное стекло) с христианством, связь мастерских с христианизацией региона, их производственно-технологические особенности; византийское происхождение стеклянных сосудов (и сокровищ, и потиров).

Периодизации истории потиров может как-то прояснить некоторые моменты их происхождения. Рассмотрим ее еще раз, опираясь на новый прием периодизации, названный нами вычислительным. Он основан на простой идее: эволюция есть процесс естественно-исторический и поэтому закономерный. Продолжительность периодов можно рассчитать, приняв во внимание вариант нормального распределения, называемый квазинормальным. Такое распределение асимметрично, продолжительность явных этапов эволюции в таком распределении разная, и она соответствует правилу золотого сечения: $5 : 3 : 2$. В нашем случае история стеклянных потиров в самых широких пределах могла продолжаться $1025 \text{ лет} - 200 \text{ лет} = 825 \text{ лет}$. 825 лет нужно разделить на 10 частей: $2 + 3 + 5 = 10$. $825 : 10 = 82,5 \text{ года}$. Периодиза-

⁴² Doornick F.H. van. Op. cit. P. 63 со ссылкой на: Джанноладян Р.М. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. // Археологические памятники Армении. 7. Средневековые памятники. Вып. II. Ереван, 1974. Рис. 42, 48.

⁴³ Щапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 214–224.

⁴⁴ Там же. С. 205–236.

⁴⁵ Scarova J. Византия и Север (по находкам византийских стеклянных изделий за пределами византийской метрополии) // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996. D. 1214; Щапова Ю. Byzance et monde musulman d'après les verres taillés des IV–XII siècles // XX-e Congrès International des Études Byzantines. Pré-actes. III. Communications libres. P., 2001. P. 291.

⁴⁶ Shinji Fukai. Persian Glass. Wtather-hill-Tonkosha. New York; Tokyo; Kyoto. (Whithout data. First english ed. 1977). P. 8–11, 21–27, 32–51.

⁴⁷ Doornick F.H. van. Op. cit. P. 63

⁴⁸ Bass G. Glass Treasure... P. 787.

⁴⁹ Doornick F.H. van Op. cit. P. 61; со ссылкой на: Barnes I.L., Brill R.H., Deal E.G., Piercy G.D. Lead Isotope Studies of Some of the Finds from the Serce Liman Shipwreck // Proceeding of the 21th International Archeometry Symposium. Washington, 1986.

ция истории стеклянных потиров, известная по археологическим данным, будет иметь следующий вид: 200–612,5–860,5–1025 гг. Скрытый этап инволюции равен еще 82,5 г. Кроме скрытого периода инволюции существует и скрытый период становления явления. Познеантичные формы ритуальных стеклянных чаш могли быть предшественниками христианских ритуальных сосудов, а сосуды на ножках, называемые иногда кибориумами, – непосредственными предшественниками потиров⁵⁰.

Такую гармонию эволюционного процесса определяет внутренний потенциал явления и внутренние механизмы эволюции. Идея стеклянных потиров исчерпала бы свой потенциал естественно к началу XI в., к его концу надобность в них полностью исчезла бы. Каждая позиция в периодизации содержит исторический смысл: в самом начале, ок. 200 г. употребление стеклянной ритуальной посуды было разрешено (или рекомендовано) официально; к концу первого периода, к 612,5 г., ее потребление достигло оптимума. После 860 г. началась инволюция употребления потиров. Конечно, реальные границы этапов были не столь жесткими, но близкими к расчетным. Меру расхождения реального и расчетного можно понять, сравнив даты расчетного оптимума 612,5 г. и эмпирическую, 615 г., по Ж. Филиппу; расчетную дату начала инволюционного этапа, 860 г. и 847–856 гг., когда папа Лев IV запретил использовать стеклянную утварь. Оба совпадения можно считать случайными. В то же время можно полагать, что эти совпадения выражают некую тенденцию, и на этом основании считать, что папский запрет находился в логике событий своего времени. Его запретительные акты были связаны с процессом и, безусловно, повлияли на его дальнейшее течение.

Затонувший корабль, дата гибели которого завершает процесс, может быть, и является отдаленным последствием таких запретов? 11 тыс. ножек разбитых потиров (готовая продукция мастерской), глыбы недоваренного стекла, производственные отходы и цветные заготовки (для декоративных работ) – это все признаки деятельности стекольных мастерских, которые попадают в поле зрения их исследователей. Более того, удалось уловить приметы ликвидации мастерских во время раскопок так называемых малых мастерских, описанных выше. Никогда не находили сора и каких-либо производственных отходов.

Трюмный груз рассматриваемого корабля содержит приметы сознательно ликвидированной мастерской. Кроме того, огромно количество готовой продукции: во фрагментах были найдены 98 ламп для паникадил, 136 ламп-кубков, много разных бутылок и оконное круглое стекло и, напомним еще раз, 11 тыс. потиров⁵¹. На месте археологически исследованных малых мастерских находок немного, число находок на корабле огромно. Следовательно, масштаб производства был столь же велик. Цель, с которой создавались мастерские специального назначения, – обеспечение богослужения и отправление треб необходимыми условиями и средствами. Деятельность таких мастерских допускает регулирование (папские разрешения и запреты) деятельности и сбыта продукции, материальную поддержку и снабжение сырьем. Напомним о фритте. Можно думать, что и ликвидация мастерских, отслуживших свой срок, была подчинена цели и определена правилом: убрать всякие

⁵⁰ Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus reculés jusqu'au XIII siècle de n.è. / Red. M. Dekówna, J. Olczak. Warszawa; Toruń, 2002. P. 50–55. Fig. 8, 12.

⁵¹ Doornick F.H. van. Op. cit. P. 61.

следы, уродующие среду обитания. Топография и планиграфия мастерской на вилле Бела Вода допускает подобное толкование (см. выше).

Можно было бы смоделировать последние моменты функционирования мастерской. Для этого производственные запасы и отходы, которые сохранил корабельный груз, нужно толковать как следы ее ликвидации. Судя по тому, что в распоряжении “ликвидаторов” был большой грузо-пассажирский корабль, пассажиры были людьми небедными, корабль имел на борту груз-сокровище (резные сосуды, изготовленные в константинопольских царских мастерских), остатки продукции ликвидируемой мастерской были принесены на корабль в корзинах, корзины были аккуратно размещены в трюме. Проводившаяся операция была не рядовой и на нее не пожалели ни сил, ни средств. Масштаб действий позволяет допустить, что за ними стояли церковные иерархи и светская власть, возможно, и сам император Василий II (976–1025), в последние годы царствования которого описываемые события происходили. Распутать эти запутанные связи возможно, если накопленные данные рассматривать вместе с общей историей стеклянных потиров и рассмотреть ее в ретроспективе.

Итак, начало XI в. – это конец явной истории потиров, их редкое потребление на завершающем этапе закономерно и бесспорно. Однако трюмный груз, очевидно, правилу противоречит. Подобное противоречие может быть устранено, если обратить внимание его скрытую суть: на смену старой форме причащения, индивидуальному причащению из собственного потира, пришла новая форма. Такое допущение бесспорно, хотя и не очевидно. Новая форма причастия – публичная: Тело (хлеб) верующий принимает из рук священника, Св. Кровь (вино), взятую лжицей из общего потира, священник вливает причащающемуся в рот. Старая и новая форма причащения связаны между собою по принципу предок – потомок. Переход от одной формы к другой – это эволюционный поэтапный процесс.

Согласно модели эволюционных процессов в археологическую эпоху, всякая будущая новизна зарождается на среднем этапе эволюции доминирующего явления, существующего в данный момент в развитой форме⁵². Согласно расчету, сделанному по такой модели, средний этап эволюции потиров начинается в 613 г. (612,5 г. точно по расчету, 615 г. по стратиграфии и находкам). Следовательно, первые лжицы, так будем называть предметы бесспорно ритуальные, должны были бы появиться ок. 613 г. Предметы неопределенного назначения или просто светские будем называть ложками. Действительно, ложки, преимущественно из серебра, в контексте церковного инвентаря *inter alia* появляются в VI–VII вв., лжицы же впервые названы *λαβίδα* на Фотиевом Константинопольском двукратном соборе в 861 г.⁵³ Пришедшее понимание новизны ритуала, сформировавшегося, видимо, к этому времени, надлежало закрепить терминологически. Время проведения собора точно совпадает с расчетным началом процесса инволюции потиров.

⁵² Шапова Ю.Л. Эволюционные процессы в археологическую эпоху (числовая модель) // Эволюция. 2003. № 1.

⁵³ Taft R.F. Byzantine Communion Spoons: A Review of the Evidence // DOP. 1996. N 50. P. 224. Благодарю акад. Г.Г. Литаврина за указание на эту работу. В славянском переводе 10-го правила Собора перечислены “святыи потирь, или блюдо, или индитию, или лжицу, или глаголемыи аерь, рекше воздух...” – Кормчая (номоканон). Отпечатана с подлинника патриарха Иосифа. СПб., 1998. С. 576.

ЦЕРКОВЬ БОГОМАТЕРИ ВЛАХЕРНСКОЙ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ, ЕЕ ОТРАЖЕНИЯ НА РУСИ И ВИЗАНТИЙСКО-РУССКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СВЯЗИ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ

В ряде своих последних работ В.Н. Лазарев¹ отмечал постепенное ослабление влияния архитектуры Византии на архитектуру Руси в домонгольскую эпоху. Однако, как показал позднее П.А. Раппопорт², при всей оправданности мнения В.Н. Лазарева (он подкреплял свою мысль и ссылкой на перемены в организации труда архитекторов), влияние архитектуры Византии на архитектуру Руси в домонгольскую эпоху не прерывалось после некоего первоначального импульса в конце X – середине XI в., а продолжалось до начала XIII в. Вместе с тем следует учитывать, что, с одной стороны, как заметил Р. Краутхаймер³, ведущую роль в развитии средневековой христианской архитектуры вообще и архитектуры Византии в частности играли уникальные памятники-образцы, а не массовые памятники-копии (которые могли повторять памятники-образцы либо полностью, либо частично). С другой стороны, по словам О. Демуса⁴, сохранившиеся памятники архитектуры Византии являются лишь “негативом” ранее существовавших памятников – преимущественно массовыми памятниками-копиями. Тем не менее привлечение для сравнения даже массовых памятников Византии способствует установлению генезиса или реконструкции архитектурных памятников Руси⁵.

¹ Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство. Статьи и материалы. М., 1978. С. 211–221.

² Раппопорт П.А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ. 1984. Т. 45. С. 185–191. См. также: Он же. Зодчество Древней Руси. Л., 1986; Он же. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. Ср.: Высоцкий А.М. [Рец.:] Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников; Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси // Советское искусствознание. 1989. Вып. 25. С. 314–315. С. 317. Примеч. 17–18.

³ Krautheimer R. Introduction to an “Iconography of Medieval Architecture” // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1942. Vol. 5. P. 1–33; Idem. Studies in Early Christian, Medieval and Renaissance Art. N.Y., L., 1969; Idem. Medieval Architecture. N.Y., L., 1976.

⁴ Demus O. Romanische Wandmalerei. München, 1968. S. 42–43.

⁵ Литература по Древней Руси: Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982; Он же. Хронологическая таблица развития древнерусского зодчества // Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. С. 255–272; Максимов П.Н. Архитектура Новгорода и Пскова конца XIII – начала XVI в. // Всеобщая история архитектуры. Т. 6. М., 1968; Он же. Московская архитектура XIV – первой половины XV в. // Там же.

Литература по Византии: Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965; [2nd] rev. ed. Harmondsworth, 1975; 4th ed. Harmondsworth, 1987; Брунов Н.И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.; М., 1966; Бошкович Д. Архитектура Сербии и Македонии // Там же; Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987; Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. P., 1916; Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973; Милонас П.М. Заметки об архитектуре Афона // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 7–81; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002.

Литература по Грузии: Северов Н.П. Памятники грузинского зодчества. М., 1947; Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточной про-

Вернемся к истории лжиц. В кругу сирийских ортодоксов лжицы и чаши употреблялись для причастия до Халкидонского собора. Причастие же в латинской традиции заключалось в том, что, приняв в руки хлеб, прихожанин запивал его вином из чаши, а лжицу употребляли для смешивания воды и вина в чаше; в Византии таким образом причащался только император, остальным, начиная с VII в., давали вино лжицей. На Востоке лжицы появляются в конце VIII в.⁵⁴

В IX в. лжице был придан символический смысл. Согласно трактату De oblatione, автором которого является митрополит Иоанн из Дары, современник Дионисия из Теллмара (818–845) и его преемника Иоанна III (846–873), лжица (tagvada) символизирует Святой Дух, посредством которого мы получаем Тело божье, природу святого ангела, который первым узнает секрет и секретный божественный напиток, руку божью, которая берет прах и, придав ей форму, создает человека⁵⁵. Р. Тафт подчеркивает, что если в трактате De oblatione не все ясно, то в первой половине X в. употребление лжицы было широко распространенным обрядом. Лжицы использовали по-разному.

Из сказанного очевидно, что потиры, рекомендованные к употреблению в начале III в., получили признание, и их изготовление, наряду с лампами, бальзамариями, оконным стеклом, стало продукцией мастерских специального назначения. Первый запрет на стеклянные потиры наложил собор в Реймсе в 803 г., за ним последовали другие от имени папы Льва IV (847–856). На протяжении XI в. обряд причастия постоянно находился в поле зрения византийской церкви, но ни тогда, ни в настоящее время ни один ритуал не стал универсальным⁵⁶. Судя по археологическим находкам, употребление стеклянных потиров в византийском мире имело место и в IX, и в X вв., причем бытовало не менее двух форм причащения – традиционная индивидуальная и новая, публичная. Правда, дело обстояло таким образом не повсеместно. Так, на Руси, которая приняла христианство в 988 г. сосудов на ножке нет⁵⁷, западно-европейские потиры – это воронковидные кубки⁵⁸. Похожие кубки на Руси употребляли в качестве ламп. Однако в обряде причащения, придворного и, можно сказать, столичного христианства, индивидуальная форма причастия к концу X в. себя изжила и сохранялась лишь на периферии, например, в болгарских Одерцах или на черноморском побережье Кавказа⁵⁹. Археологические находки стеклянных потиров отмечают районы, подвергшиеся христианизации до XI в. Свое предназначение они исполнили ранее, к середине IX в. В течение следующих полутора столетий стеклянные потиры медленно и естественно исчезли из употребления.

Возможно, что сложная акция начала XI в. (1021–1025) и трагическое караблекрушение стали своего рода торжественными похоронами старой обрядовой формы. Таково то немногое, что можно прибавить к истории стеклянных потиров и к истории становления некоторых форм причащения, обротившись к археологическим находкам.

⁵⁴ Taft R.L. Op. cit. P. 209–238, со ссылками на А. Леклерка, М. Манделл Манго, Дж. Мейендорфа, О. Нуссбаума, А. Петровского.

⁵⁵ Ibid. P. 222.

⁵⁶ Ibid. P. 234–238.

⁵⁷ Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

⁵⁸ Arbman H. Op. cit. S. 73. Abb. 10. Monat November.

⁵⁹ Dekówna M. Op. cit. P. 157–179; Кузнецов В.А. Указ. соч.

К числу же памятников-образцов принадлежала и церковь Богоматери Влахернской в Константинополе – объект исследования в работах Э.С. Смирновой⁶ и О.Е. Этингоф⁷. Ее описания дают следующую картину. Первая “большая” церковь Богоматери Влахернской была построена Пульхерией, сестрой императора Феодосия II “Малого” (408–450) и женой императора Маркиана (450–457). Согласно Феодору Анагносту (после 527 г.; KG, E, 1, 363), “Пульхерия основала многие молитвенные дома (εὐχτηρίους οἴκους) во Влахернах, в Халкопатрии, в Одигоне”; согласно же Псевдо-Кодину (ок. 995 г.; Patria Constantinopolitana, 3, 74), “Маркиан и Пульхерия возвели во Влахернах храм великий, украсив его дорогим разноцветным мрамором”. Каков был этот памятник, письменные источники умалчивают.

Рядом с первой “большой” церковью Богоматери Влахернской императором Львом I (457–474) была построена “малая”, “святая Гробница (ἁγία Σορός)”. Согласно Феодору Анагносту (KG, E, 2, 397), “одеяние (ἐσθής) Богородицы, найденное в Иерусалиме некой богобоязненной еврейкой и свято хранимое девой и перенесенное в Константинополь, было положено во Влахернах (ἐν Βλαχέρναις), где император (Лев I), построив храм Богоматери и приготовив саркофаг (Σορός) из золота и серебра, положил его”; согласно Псевдо-Кодину (Patria Constantinopolitana, 3, 75), “Лев (I) Макелл возвел святую Гробницу (ἁγίαν Σορόν), ибо во времена его явились многие реликвии Богородицы”. Каков был этот памятник первоначально, письменные источники также умалчивают, но можно предположить, что в дальнейшем он не перестраивался и со-

винции Грузии в IV–XVIII вв. Таблицы и текст. Тбилиси, 1956–1959; *Он же*. Архитектура Грузии // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.; М., 1966; *Мелицашвили Р., Цинцадзе В.* Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии Шида-Картли. Тбилиси, 1975.
⁶ *Смирнова Э.С.* Новгородская икона “Богоматерь Знамение”: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 288–310.

⁷ *Этингоф О.Е.* К ранней истории иконы “Владимирская Богоматерь” и традиции влахернского богородичного культа на Руси в XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию А.Н. Грабара (1896–1990). СПб., 1999. С. 290–305; автор выражает благодарность О.Е. Этингоф, ознакомившей его не только с самой статьей, но и со всеми предварительными материалами к ней, а также высказавшей ряд ценных замечаний, учтенных при завершении работы.

⁸ Источники о памятнике: *Richter J.P.* Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Wien, 1897. S. 164 sqq.; *Mercati G.* Due nuove memorie della basilica di S. Maria delle Blacherne // Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Ser. 3. 1923. Vol. 1. Pt. 1. P. 26 sqq.

Литература о памятнике: *Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. С. 17–31; *Он же*. Иконография Богоматери. Т. 2. Пг., 1915. С. 50–100; *Ebersolt J.* Sanctuaires de Byzance. Recherches sur les anciens tresors des eglises de Constantinople. P., 1921. P. 44–53; *Papadopoulos J.B.* Les palais et les eglises de Blachernes. Thessalonique, 1928; *Schneider A.M.* Byzanz. Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt. B., 1936 (Istanbuler Forschungen. Bd. 8). S. 54 sqq.; *Janin R.* Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1950; 2 ed. P., 1964. P. 123–128; *Ebersolt J.* Constantinople. Recueil d'études d'archéologie et d'histoire / Ed. par A. Grabar. P., 1951. P. 44 sqq.; *Schneider A.M.* Die Blachernen // Oriens. 1951. 4. S. 82–120; *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantine. Pt. 1. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. T. 3. Les églises et les monasteres. P., 1953; 2 ed. 1969. P. 161–171; *Babic G.* Les chapelles annexes des églises byzantines. Fonction liturgique et programmes iconographiques. P., 1969 (Bibliothèque des Cahiers archéologiques. Vol. 3). P. 37; *Müller-Wiener W.* Bilderlexikon zur Topographie Istanbul. Tübingen, 1977. S. 223–224; *Zervou Tognazzi I.* L'iconografia e la “vita” delle miracolose icone della Theotokos Brefokratoussa: Blachernitissa e Odighitria // Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata. 1986. N. S. Vol. 40. P. 262–287.

хранил свой первоначальный вид, о котором мы знаем из позднейших описаний. Тогда же рядом с первой “большой” церковью Богоматери Влахернской императором Львом I была построена и “святая Купальня (ἄγιον λοῦ(σ)μα)”, позднее замененная при императоре Василии II (976–1025). Согласно Псевдо-Кодину (Patria Constantinopolitana, 3, 75; 3, 214), “он же (Лев I Макелл) основал Купальню (λοῦμα)”; “во Влахернах Василий (II) Новый... сын императора Романа (II) Нового, Багрянородного, удалил (παρέλυσεν) святую Купальню (ἄγιον λοῦμα) и недавно отстроил ее, украсив гораздо лучше прежней”.

При императоре Юстине I (518–527) первая “большая” церковь Богоматери Влахернской была заменена второй. Согласно Прокопию Кесарийскому (до 562 г.; De aed., 1, 3, 3–5), “(3) ...именно один храм Богородицы он (Юстиниан I) построил (в Константинополе) перед стеной в месте, называемом Влахерны: именно ему нужно причислить и сделанное дядей Юстином (I), так как и в его царствование он управлялся по возможности сам; приморский же этот храм, и самый святой, и очень почитаемый, длинноват, но разумно превзойдена длиной ширина, и верхние, и нижние части ничем другим не поддержаны, кроме как глыбами парийского камня, в виде колонн здесь стоящими. (4) И в других частях храма по прямой стоят колонны, но в середине отступают внутрь. (5) Более же всего удивился бы некий, придя внутрь этого храма, видя громадное поставленным без шаткости, а великолепное свободным от безвкусицы”. Таким образом, согласно этому источнику, данный памятник был трехнефной базиликой с галереями и, возможно, с трансептом в центре или с экседрами в центре, как церковь Полиевкта в Константинополе (524–527).

При императоре Юстине II в 572 г. вторая “большая” церковь Богоматери Влахернской была перестроена. Согласно Феофану Исповеднику (до 818 г.; Chronographia, AM. 6064 (572)), “он (Юстин II) также добавил в церкви святой Богоматери во Влахернах две арки (или апсиды; букв.: ἀψίδας), с северной и южной (сторон) в большом наосе (ναῶν) и сделал церковь крестообразной”. Таким образом, согласно этому источнику, а также “Палатинской антологии” (до 1000 г.; Anthologia Palatina, 1, 2–3), церковь получила арки или апсиды трансепта (возможно, вместо уже существовавших), став тем самым “крестообразной”. В первом случае храм, перестроенный отчасти подобно церкви Ирины в Константинополе (после 532 г.; перестроена после 564 г. и ок. 740 г.), стал подобен более поздним базиликальным церквям на Афоне (начиная с церкви монастыря Протат после перестройки (после 883 г.; перестроена в 965 г.)), с их трансептами в центре. Во втором случае он стал подобен базиликальной второй церкви Рождества в Вифлееме (560–604), с ее трансептом с апсидами на востоке, форму которой описывает русский паломник 1104–1107 гг. Даниил Игумен (“Житие и хождение”), отмечая ее самый существенный признак: “Над вертепом... святым Рождества Христова создана есть церкви велика крестом”, однако расположением трансепта памятник скорее стал подобен купольной церкви Тита в Гортине на острове Крит (конец VI в.) и более поздним купольным церквям на Афоне, начиная с собора Великой Лавры X в. после его перестройки в 1002 г.

Так или иначе, согласно Константину Багрянородному (до 959 г.; De septemiois aulae Byzantinae, 2, 12), вторая “большая” церковь Богоматери Влахернской составляла единый комплекс с примыкавшими с юга “малой” церковью, “святой Гробницей” и “святой Купальней”: “Что следует соблюдать, когда владыки идут для омовения во Влахернах (в святом Влахернском ис-

точнике в Константинополе) [по пятницам]... Владыки прибывают во Влахернский храм... с большой свитою; в пропилеях церкви владык встречается клир; когда владыки входят в нартекс, то надевают златотканые саги, возжигают свечи и проходят по середине церкви и соли и вновь возжигают свечи вне святых врат, входят во святой алтарь и целуют святой покров. Подбавляет знать, что в то время как владыки молятся во святом алтаре, синклит, чины опочивальни и придворные стоят в нартексе святой Гробницы (ἀγίου Σοφοῦ). Затем таким же образом они проходят по правой, восточной, части алтаря и ризницы (οἰκουοφυλακίου) и входят в нартекс святой Гробницы, и тогда придворные чины становятся слева от царских врат, а магистры и патриции по правую сторону. Затем владыки, согласно обычаю, возжигают свечи в царских вратах святой Гробницы, входят, и врата эти тотчас закрывают чины опочивальни... Владыки вновь по обычаю возжигают свечи перед святым алтарем, входят и целуют святой покров, и первоверховный император берет от препозита кадило и кадит вокруг святого престола. Затем они снимают саги, и первоверховный император берет от препозита павлинью рипиду и обходит с нею вокруг святого престола. Затем владыки, выйдя из алтаря, удаляются по правой стороне в епискеписис (εἰς τὴν ἐπίσκοπεψιν), возжигают и там свечи и совершают преклонение. Оттуда владыки удаляются в митаторикий (ἔξω τοῦ μῆτατορικίου), где находится икона Богородицы и водружен серебряный крест, и там возжигают свечи, и входят в митаторий (εἰς τὸ μῆτατοριον). Чрезвычайно важно, что алтарь и нартекс имела и “большая” церковь, и “малая” церковь, “святая Гробница”, причем, согласно тому же Константину Багрянородному (De cerimoniis aulae Byzantinae. 1, 27), и “большая” церковь, и “малая” церковь, “святая Гробница”, имела и особые помещения – катихумении (κατηχομέν(ε)ια). “Вступив одновременно в башенку (большого храма), император и патриарх преклоняются и лобызуют друг друга, затем патриарх направляется в большой храм совершать Божественную литургию, а император, удалившись через башенку в молельню, зажигает там свечи, так же, как в катихумениях, крестообразно, и, войдя в молельню, пребывает там, совершая Божественную литургию, а патриции и иные властители стоят снаружи, в катихумениях”.

Согласно Никифору Каллисту Ксанфопулу (XIV в.; Historia ecclesiastica. 15, 24), в противоположность другому памятнику, “большой” церкви, “большому храму”, этот памятник, “малая” церковь, “святая Гробница, был сферообразным (σφαιροειδής)”, т.е. купольным, причем мог быть гораздо сложнее, чем тип “чистой” ротонды, как и не бесспорно идентифицируемая и датированная “святая Гробница” типа октаконха в комплексе церкви Богоматери Халкопратийской в Константинополе (408–450 гг.; перестроена в 565–578 гг.)⁹. В близких выражениях Николай Месарит (ок. 1200 г.; Descriptio ecclesiae Sanctorum Apostolorum. 39, 2) описывает мавзолей

⁹ Mango C. Notes on Byzantine Monuments // DOP. 1970. Vol. 23–24. P. 369–372; Mathews Th. Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park, London, 1971. P. 28 sqq. Согласно Феодору Анагносту (Historia ecclesiastica. KG, E, 1, 363), Пульхерия основала Халкопратейон, а согласно Псевдо-Кодину (Patria Constantinopolitana. 3, 32; 3, 147), “Феодосий (II) Малый (408–450)... очистив это место, возвел (ἀνήγειρεν) в Халкопратии храм Богоматери (Когда же) храм был разрушен (οὐκ ἔστωθεῖς) землетрясением, Юстин апокуропалат (будущий император Юстин II (565–578)) отстроил его”; и “Святую Гробницу (ἀγίαν σορὸν) в Халкопратии основали (ἔκτισαν) Юстин и София, выстроившие (ἀνοικοδομήσαντες) и храм”.

Константина типа октаконха в комплексе второй Церкви Апостолов в Константинополе (до 361 г.; “круглый (κυκλικός)” и “сферообразный (σφαιροειδής)”), Псевдо-Кодин (Patria Constantinopolitana. 3, 145; ср.: Pros. De aed., 1, 8, 6–16) – церковь Иоанна Крестителя в Хебдомоне в Константинополе типа октаконха с обходом, или октаконха – “двойной раковины (double-shell)”, (379–395 гг., перестроена до 560 г.; “круглопокрытая”) и Евагрий Схоластик (ок. 600 г.; Historia ecclesiastica. 2, 3) – мартирий типа ротонды со свободными опорами в комплексе церкви Евфимии в Халкедоне в Константинополе (до 450 г.; “круглый” и “толосообразный”).

Согласно Михаилу Глике (после 1031 г.; Annalium, 4, A.M. 6539 (1031)) и Иоанну Скилице в изложении Георгия Кедрина (после 1057 г.; Compendium historiarum, A.M. 6539 (1031); Synopsis historiarum, A.M. 6539 (1031)), при Романе III в 1031 г. вторая “большая” церковь Богоматери Влахернской была отремонтирована: “...” (Михаил Глика); и “Он (Роман III) украсил капители Великой церкви (святой Софии) и (церкви) пресвятой Богоматери Влахернской (в Константинополе) серебром и золотом. И когда собирались реставрировать алтарь (церкви Богоматери) Влахернской, он нашел старую висевшую икону, которую приказал обновить” (Иоанн Скилица–Георгий Кедрин).

Согласно Иоанну Скилице (конец XI в.; Compendium historiarum, A.M. 6578 (1070); Synopsis historiarum, A.M. 6578 (1070)) и Михаилу Атталиату (после 1079 г.; Historia, A.M. 6578 (1070)), в 1070 г. вторая “большая” церковь Богоматери Влахернской сгорела. При Романе IV Диогене (1067–1071) или при Михаиле VII Дуке (1071–1078) до 1077 г. памятник был вторично перестроен. Как изменился памятник при второй перестройке и, более того, была ли она вообще, письменные источники умалчивают.

Согласно Руи Гонсалесу де Клавихо (после 1406 г.; Historia de Gran Tamorlan, f.14r.-v.), “церковь святой Марии Черне (в Константинополе) прежде считалась придворной церковью императоров. Она состояла из трех нефов, средний был самым главным, большим и высоким, а два другие были поменьше и над ними располагались хоры, простиравшиеся до главного нефа: нефы этой церкви, главный и прочие, были сооружены так, что находились на высоких колоннах из зеленой яшмы, а основания, на которых они покоились, и основания [колонн] были из белого мрамора, украшенного разной отделкой и фигурами. Верх этих нефов и стены до половины были покрыты плитами разноцветной яшмы, искусно расписанной узорами и прекрасно украшенной. Верх главного нефа был богаче других и сделан из деревянных перекрытий и балок. И весь свод, перекрытия и балки покрыты чистым золотом. Хотя сама церковь во многих местах была повреждена, но отделка этого верха и позолота были так свежи и ярки, как будто их только что закончили. В главном нефе находились богатый алтарь и кафедра, тоже очень роскошная. Вся отделка этой церкви очень богатая и дорогостоящая; а крыши ее все покрыты свинцом”. Таким образом, согласно этому источнику, данный памятник, оставшись трехнефной базиликой с галереями, казалось бы, потерял трансепт; однако молчание о трансепте было бы показательным, если бы не сопровождалось тем же молчанием о бесспорно находившейся здесь по другим письменным источникам реликвии – ризе Богородицы и если бы не принадлежало европейцу, для которого трансепт был нормой.

Так или иначе, согласно анонимной маргиналии (до 1434 г.), вторая “большая” церковь Богоматери Влахернской “была измерена и, как было

обнаружено, имеет 68 общих футов (21,01 м) в ширину и 146 тех же футов (45,11 м) в длину”.

Наконец, согласно Исидору Киевскому (после 1434), в 1434 г. весь комплекс во Влахернах сгорел.

До этого памятник привлекал и русских паломников (начиная с Антония Новгородца в 1200 г. и кончая Стефаном Новгородцем до 1434 г. (?)), которые описывают исключительно его реликвии, умалчивая о каких-либо иконах Богоматери: “Иже ходит во градъ и Пятерицею, къ ней видить и Лахерную святую, к ней же Духъ Святыи сходитъ. В той же церкви есть риза святыя Богородицы и посохъ ея, сребромъ окован. И пояс ея во прикупной рацѣ лежитъ” (Антоний Новгородец. Книга паломник); и “И оттоле идохом в Лахерну в церковь святыя Богородица, идѣже лежитъ риза и поясъ и скуфья, иже бѣ на главѣ ея была; а лежитъ въ олтари на престолѣ в ковчезѣ запечатано тако ж, яко ж и страсти Господни, еще и твержи того: приковано желѣзом, ковчег же сътворенъ от камени хитро велми; и цѣловахом” (Стефан Новгородец. Хождение). Чрезвычайно важно, что русские паломники, во-первых, не разделяют “большую” церковь и “малую” церковь, “святуя Гробницу”, и, во-вторых, называют среди реликвий пояс Богородицы, по более ранним письменным источникам находившийся в другом месте, в “святой Гробнице” комплекса церкви Богоматери Халкопратийской; согласно Псевдо-Кодину (*Patria Constantinopolitana*. 3, 147), “здесь же (в Халкопратиях) лежит чтимый пояс (ζώνη) и одеяние (ἔσθής) святой Богородицы, святой же омофорий (ὄμοφόριον) – во Влахернах”.

Церковь Богоматери Влахернской была центром культа Богоматери¹⁰, ставшей к VII в. покровительницей Константинополя¹¹: ежегодного праздника Положения риз 2 июля¹², еженедельных служб по пятницам (*Const. Porph. De ser.*, 2, 12) с посещением императором “святой Купальни” и с шествием из Влахерн в Халкопратию, воспроизводящим шествие на праздник Успения Богоматери в Иерусалиме с Сиона, места Успения Богоматери, из церкви Сиона, в Гефсиманию, к гробнице Богоматери¹³, и ежегодного праздника

¹⁰ О культе Богоматери Влахернской в целом: *Papadopoulos J.B. Les palais ..., Zervou Tognazzi. I. L'iconographie...* P. 262–287.

¹¹ О культе Богоматери Влахернской как покровительницы Константинополя: *Baynes N.H. The Supernatural Defenders of Constantinople // AB. 1949. Vol. 67 (Melanges Paul Peeters). P. 165–177; Idem. Byzantine Studies and Other Essays. L., 1955. P. 248–266; Cameron A. The Theotokos in Sixth-Century Constantinople. A City Finds Its Symbol // JThS. 1978. N.S. Vol. 29. Pt. 1. P. 79–108; Idem. The Virgin's Robe: an Episode in the History of Early Seventh-Century Constantinople // Byz. 1979. Vol. 49. P. 42–56; Limberis V. Devine Heiress. The Virgin Mary and the Creation of Christian Constantinople. L.; N.Y., 1994.*

¹² О празднике Положения риз: *Dix G. The Shape of the Liturgy. L., 1945; 2 ed. 1964. P. 376–377* (из 5 праздников Богоматери – Nativity, Purification, Annunciation, Assumption, Visitation (XIV в.) – последний самый древний); *Baynes N.H. The Finding of the Virgin's Robe // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales [et slaves]. 1949. Vol. 9 (Mélanges Grégoire). P. 87–95; Idem. Byzantine Studies and Other Essays. L., 1955. P. 240–247.*

¹³ О службе по пятницам: *Grumel V. Le “miracle habituel” de Notre-Dame des Vlachernes à Constantinople // Échos d'Orient. 1931. T. 30. 34e année. N 162. P. 129–146; Wenger A. L'Assomption de la Très Sainte Vierge dans la tradition byzantin du VIe au Xe siècle. Études et documents. P., 1955 (Archives de l'Orient chrétien. Vol. 5); *Van Esbroeck M. Le culte de la Vierge de Jerusalem à Constantinople aux 6e–7e siècles // REB. 1988. Vol. 46. P. 181–190; Idem. Aux origines de la Dormition de la Vierge. Études historiques sur les traditions orientales. L., 1995. P. 181–190; *Baldovin J.F. The Urban Character of Christian Worship. The Origins, Development and Meaning of Stational Liturgy. Roma, 1987.***

Успения Богоматери 15 августа (*Const. Porph. De ser.* 2, 9)¹⁴, а также ежегодно-го праздника Сретения Господня 2 февраля (*Const. Porph. De ser.* 1, 27). С VII в. церкви Богоматери Влахернской существуют и вне Константинополя¹⁵.

По мнению Д.В. Айналлова¹⁶, культ Богоматери Влахернской на Руси восходит к той церкви в Херсонесе (Корсун), которая была связана с крещением князя Владимира и отождествляется с крестообразной загородной церковью (до 655 г.), мучеником папы Мартина. Как показал Я.Н. Шапов¹⁷, на Руси культ Богоматери Влахернской, первоначально связанный с идеей покровительства Богоматери Константинополю, оказался связанным с идеей покровительства Богоматери Руси. С этим связано возведение четырьмя мастерами Успенского собора Печерского монастыря в Киеве (1073–1077), по повелению Богоматери Влахернской и в честь ее праздника Успения (Киево-Печерский Патерик, Слово 2), и строительство, возможно, теми же мастерами церкви Богоматери в Кловском монастыре в Киеве (1078–1083) в честь Богоматери Влахернской и праздника ее реликвии Положения риз (Слово 4; 8, 60), и строительство церкви Положения риз на Золотых воротах во Владимире (1162–1164) в честь праздника реликвии церкви Богоматери Влахернской, и в строительстве церкви Покрова на Нерли около Боголюбова (1165–1167) в честь события в церкви Богоматери Влахернской, давшего начало русскому празднику Покрова Богоматери. Культ Богоматери Влахернской на Руси был так или иначе связан именно с церковью Богоматери Влахернской и находившейся в ней ризой Богоматери, а не с церковью монастыря Одигон во Влахернах и находившейся в ней поздней иконой Богоматери Одигитрии Влахернской.

Если отражение на Руси культа Богоматери Влахернской в Константинополе было показано в работах Э.С. Смирновой и О.Е. Этингоф, то вопрос о влиянии на русскую архитектуру типологии церкви Богоматери Влахернской остается открытым.

К сожалению, мнение о подражании церкви Богоматери Влахернской в Кловском монастыре в Киеве памятнику Константинополя не находит прямого подтверждения в древнерусском тексте Киево-Печерского Патерика¹⁸: “Егда же Стефанъ игумень, демественикъ, изъ монастыря изгнанъ бысть и видѣвъ преславная чудѣса, како мастера приидоша, икону носяще, и Царицино видение еже Вълахернъ повѣдаша, и сего ради самъ Влахернскую

¹⁴ О празднике Успения Богоматери: *Cabrol F. Assomption // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Ed. par F. Cabrol, H. Leclercq. T. 1. P., 1907, s.v.; Oriens Christianus. 1936. 3. 11; Jugie M. La Mort et l'Assomption de la Sainte Vierge. Rome, 1944 (Studi e testi. Vol. 114); Dix G. The Shape... 1964. P. 376–377; Wenger A. L'Assomption... Шмеман А. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961; М., 1996 (репринт). С. 202–203; *Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964; Киев, 1991 (репринт). С. 490; Van Esbroeck M. Aux origines de la Dormition... P. 181–190.**

¹⁵ О церквях Богоматери Влахернской вне Константинополя: *Papadopoulos J.B. Les palais...* P. 17. Not. 2.

¹⁶ Айналлов Д.В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе. М., 1915.

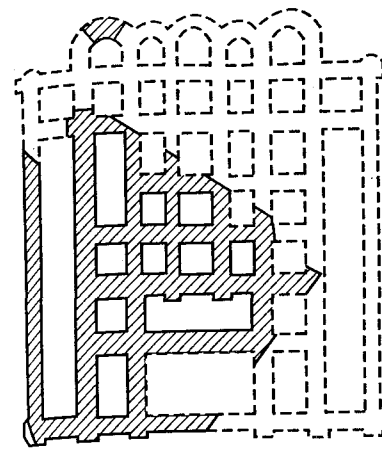
¹⁷ Шапов Я.Н. Политические концепции о месте страны в мире и общественной мысли Руси XI–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 159–166. Ср.: *Воронин Н.Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // ВВ. 1965. Т. 26. С. 208–218; Ryden L. The Vision of the Virgin at Blachernae and the Feast of Pokrov // AB. 1976. Vol. 94. P. 63–82.*

¹⁸ Коменч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. ... С. 287.

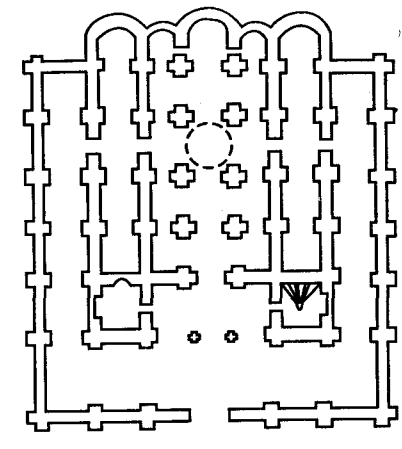
церковь на Кловѣ създа (рус. пер. Л.А. Дмитриева: то сам создал на Клове церковь по подобию Влахернской) (Слово 4); и “Стефана убо от игуменства отогнаша... Он же, присно поминаемый (игумен) Стефанъ, и ту ему Богу помогающе молитвами преподобнаго наставника ему отца Феодосия, състави собѣ монастырь на Кловѣ и церковь възгради въ имя святыя Богородица, и нарекъ имя ей по образу сущаго въ Костянтинѣ градѣ, иже Влахернѣ. Бѣ во вся лѣта праздникъ сътворяя свѣтель святыи Богородици мѣсяца июля въ 2 день” (Слово 8, 60). Вместе с тем, само по себе упомянутое мнение не беспочвенно и должно учитываться при реконструкции киевского памятника, как, впрочем, и наличие в комплексе церкви Богородицы Влахернской в Константинополе “святой Гробницы” (отсюда возможность копирования в Киеве и самой второй “большой” церкви, и “святой Гробницы”). Успенский же собор Печерского монастыря в Киеве родственен константинопольскому комплексу лишь своей принадлежностью к купольным постройкам, а также тем, что его ширина (24,2 м) соизмерима с шириной второй “большой” церкви.

Имеющийся план затрудняет любую реконструкцию памятника. Во-первых, существование внешней южной галереи и длина внешней северной галереи – предмет недоказуемых гипотез, тогда как форма внешней северной галереи не связана со всем остальным. Во-вторых, вся восточная часть в центре – также предмет недоказуемых гипотез, и здесь автор любой реконструкции попадает в некий заколдованный круг: для трех маленьких апсид в центре (и пяти апсид в целом) слишком мало места, тогда как одна большая апсида в центре (и три апсиды в целом) и две опоры перед ней бессмысленны, если это не опоры алтарной преграды. В-третьих, редкие членения по краям, соизмеримые с членениями собора Дмитриевского монастыря в Киеве (1064–1068) и Успенского собора Печерского монастыря в Киеве (и с габаритами памятника Константинополя) (общая ширина – ок. 32–33 м, ширина без внешних галерей – ок. 22 м, общая длина – не менее 36 м), и частые членения в центре, соизмеримые с членениями надвратной Троицкой церкви этого монастыря (1106–1109), трудно соотносимы друг с другом и заставляют предположить либо какую-то трансформацию памятника, либо чередование опор (столбов и колонн), как в других памятниках Руси, таких, как Спасо-Преображенский собор в Чернигове или церковь Михаила в Переяславе (1089–1093) (равенство пролета тройных арок более вероятно, чем равенство ширины продольных нефов); к тому же, не совпадают гипотетические поперечные оси членений по краям и в центре – и здесь автор любой реконструкции также попадает в некий заколдованный круг.

Предлагавшиеся до сих пор реконструкции памятника как кресто-во-купольной постройки типа купольной базилики (Ю.С. Асеев, И.И. Мовчан и В.А. Харламов)¹⁹ или купольного октогона (“на восьми

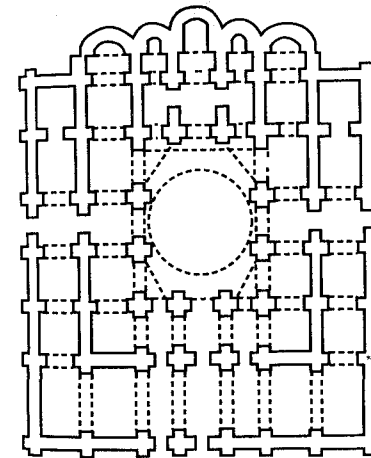

а

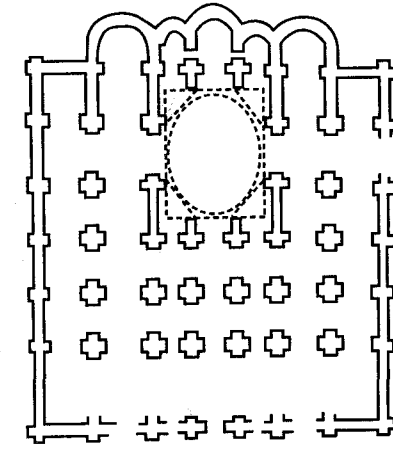

б

0 5 10м
+++++

в

г

Таблица I. Собор Богородицы Кловского монастыря в Киеве (1078–1083): а) основания храма, реконструкция Ю.С. Асеева, В.А. Харламова и И.И. Мовчана; б) план храма по реконструкции Ю.С. Асеева, В.А. Харламова и И.И. Мовчана; в) план храма по реконструкции Г.Н. Логвина; г) план храма по реконструкции А.Ю. Казаряна

опорах”) (Г.Н. Логвин)²⁰ не вполне соответствуют имеющемуся плану (табл. I).

В реконструкции Ю.С. Асеева, И.И. Мовчана и В.А. Харламова не учитывается членение внутренней северной галереи, в случае же предложенной

¹⁹ Асеев Ю.С., Харламов В.О., Мовчан И.И. Дослідження архітектури Кловського собору в Києві // Археологія. 1979. Т. 30. С. 37–46. Ср.: Мовчан И.И., Харламов В.О. Стародавній Клов // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 70–84; Мовчан И.И. Культурні постройкі // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 213–222; Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 108–110. Илл. на с. 100–101. Ср.: Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. ... С. 286–287.

²⁰ Логвин Г.Н. Архитектура храма на Клове // Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. Киев, 1980. С. 72–76. Ср.: Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. ... С. 286–287.

автором настоящей статьи²¹ модифицированной реконструкции памятника в виде трехнефной базилики с “карликовым” трансептом в центре не учитывается, как отметила О.Е. Этингоф, то, что большие крайние части трудно соотносимы с малой центральной частью (если только это не явилось результатом трансформации памятника при строительстве). Эта реконструкция привлекательна близостью ко второй “большой” церкви Богоматери Влахернской в Константинополе.

Во-первых, в Византии, на Балканах и в Закавказье базиликальные постройки никогда полностью не вытесняются купольными: в Греции упомянем церковь монастыря Протат на Афоне конца IX в., церковь Влахернского монастыря в Арте начала XIII в., церковь Бессребреников в Кастории (ок. 1000 г.), церковь Архангелов (Митрополия) XI в. и церковь Стефана (IX или XI–XII вв.) в Кастории. Более того, в Греции мы сталкиваемся с многочисленными церквами типа *staurepistego* (“крестопокрытая”, т.е. с крестообразным перекрытием и без купола) (начиная с церкви монастыря Протат на Афоне после перестройки и церкви Като Панагия в Арте (1231–1271)), трехнефными базиликами с трансептом в центре, в Грузии – с церковью Сабацминда в Хеити (начало X в.) и церковью в Хоби (конец XIII в.), однефными базиликами с “карликовым” (*dwarf*) трансептом в центре. Согласно Киево-Печерскому Патерику (Слово 7), Печерский монастырь в Киеве был изначально связан с монастырями Афона, откуда и пришел Антоний Печерский и памятник, как и собор Дмитриевского монастыря в Киеве, имеющий внешний нартекс, тем самым близок монастырям Афона.

Во-вторых, как нами уже было отмечено²², и на Руси существовали не только купольные, но и базиликальные постройки: упомянем Благовещенскую церковь в Галиче (XII–XIII вв.), Пятницкую церковь Бельчицкого монастыря в Полоцке (XII в.), часовню Софийского собора в Полоцке (XII в.) и, возможно, бесстолпную церковь в детинце в Смоленске (середина XII в.). Более того, на Руси примером трехнефной базилики могут служить церковь Архангела Михаила в Остерском городке (1109–1113) и, возможно, церковь на площади Воссоединения в Переяславе (конец XI в.).

В реконструкции Г.Н. Логвина не учитывается размер сторон подкупольного прямоугольника, при модифицированной же реконструкции памятника, предложенной автору А.Ю. Казаряном и отличающейся перемещением на восток подкупольного прямоугольника и превращением его в квадрат за счет выноса западных и восточных опор, как, например, отчасти в соборе монастыря Осиос Лукас (до 1011 г. или 1022 г.), не принимается во внимание то же членение внутренней северной галереи.

Эта реконструкция привлекательна тем, что она оказывается близкой одновременно “святой Гробнице” комплекса церкви Богоматери Влахернской в Константинополе и второй “большой” церкви. Но поскольку мастера происходили из Константинополя, вызывает сомнение то, что подобные здания имеются лишь в Греции.

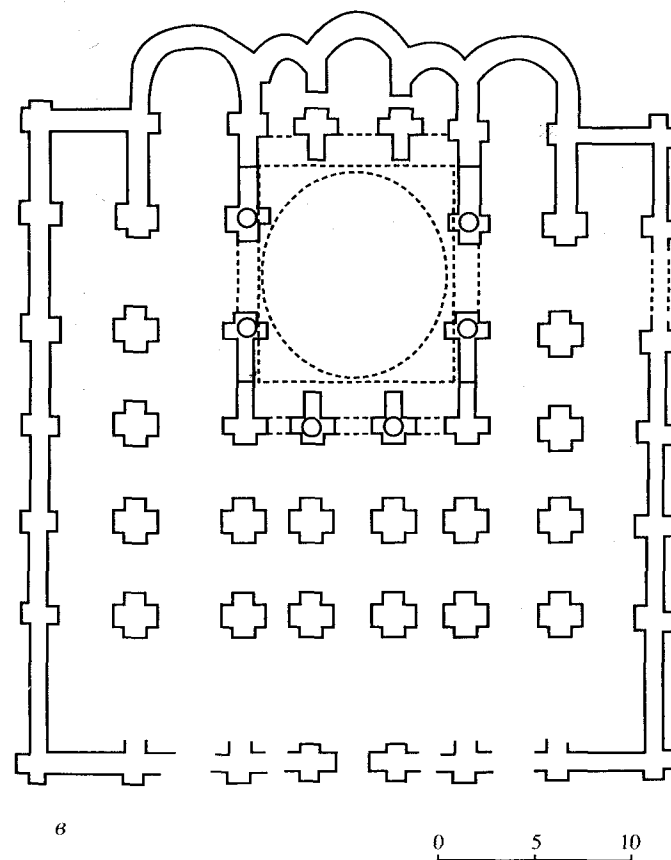
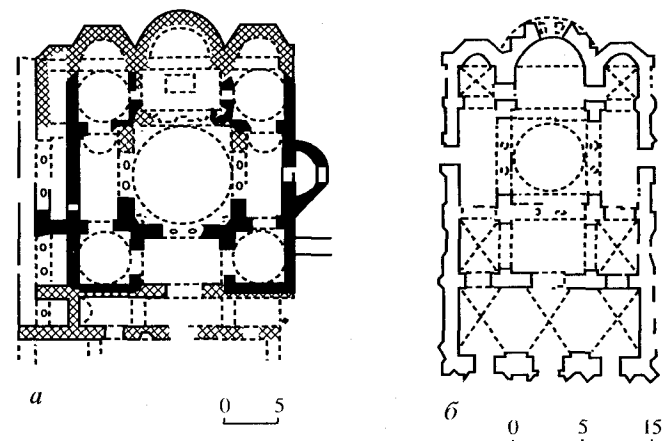

Таблица II. Планы церквей: а) Св. Георгия в Манганском монастыре в Константинополе (1042–1055); б) северной церкви Богоматери Паммакаристы (Фетхийе Джамии) в Константинополе (середина XI в.); в) Богоматери Кловского монастыря в Киеве (1078–1083) по реконструкции А.М. Высоцкого

²¹ Автор выражает благодарность А.Ю. Казаряну, не только выполнившему графические реконструкции, но и высказавшему ряд ценных замечаний, учтенных при завершении работы.
²² *Высоцкий А.М.* [Рец. на:] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. ... С. 317. Прим. 17, 20.

В результате автором была предложена реконструкция памятника как крестово-купольной постройки типа вписанного креста наподобие константинопольских сооружений с “подкупольным перистилем”²³. Различными вариантами такой постройки являются церковь Св. Георгия в Манганском монастыре в Константинополе (1042–1055) (табл. II) и церковь Феодосии (Гюль Джамии) в монастыре Христа Эвергета в Константинополе (ок. 1100 г.), отчасти также церковь Михаила в Переяславе. В реконструкции предложено преобразование подкупольного прямоугольника в квадрат за счет введения двух продольных арок, как во многих памятниках Византии, и трехчастный алтарь, как в церкви в Винице (Вунице) около Преслава (ок. 950 г.), отчасти в церкви в Кумурдо (964), в церкви Санта Фоска на острове Торчелло (ок. 1000 г.), в зданиях “на восьми опорах” (начиная с главной церкви монастыря Осиос Лукас), в более поздних зданиях Балкан типа купольного зала (начиная с церкви Николая в Куршумлии (после 1168 г.) и “Асеновой” церкви Богоматери Петричкой в Асеновграде (Стаминаке; после 1185 г.)) и, наконец, в церкви Андрея в Переяславе (1095–1097) и в бесстолпной церкви в детинце в Смоленске, или с трехарочной алтарной преградой, в соборе Великой Лавры на Афоне и в церкви Георгия в Манганском монастыре в Константинополе.

В этой реконструкции нами учтено и членение по краям, и членение в центре и предполагается связь членения по краям со столбами, а членения в центре с колоннами и с трехчастным алтарем или с трехарочной алтарной преградой. Эта реконструкция, как и реконструкция Г.Н. Логвина, также близка одновременно и “святой Гробнице” комплекса церкви Богоматери Влахернской в Константинополе, и второй “большой” церкви. При этом наличие поперечного нефа между куполом и алтарем находит аналогию отчасти уже в Спасо-Преображенском соборе в Чернигове и в памятниках Полоцка (начиная с Софийского собора в Полоцке (1053–1056)), а наличие трехчастного алтаря или трехарочной алтарной преграды может объясняться копированием второй “большой” церкви или даже “святой Гробницы” (если не трансформацией памятника при строительстве); чрезвычайно важен интерес Даниила Игумена к количественным характеристикам святынь Палестины, в особенности к арифметическим числам с символическим значением. Однако при такой реконструкции не получает объяснения наличие одинарных колонн сбоку от поперечной оси подкупольного квадрата, а не на самой оси, как в церкви Полиевкта в Константинополе, в церкви Софии в Фессалониках (начало VIII в.), в Софийском соборе в Новгороде (1045–1050) и в Софийском соборе в Полоцке.

В результате автором была предложена модифицированная реконструкция памятника²⁴, как крестово-купольной постройки типа редуцированного вписанного креста с обходом (“перистильного типа”). Аналогией такой постройки может служить, как указала автору О.Е. Этингоф, расположенная во Влахернском квартале северная церковь Богоматери Паммакарисы (Фетхийе Джамии) в Константинополе (середина XI в.) (табл. II, б), а также, по мнению

А.И. Комеча²⁵, церковь Андрея в Переяславе. Этот модифицированный вариант отличается, по аналогии с реконструкцией А.Ю. Казаряна, перемещением подкупольного прямоугольника на восток и превращением его в квадрат за счет введения двух поперечных арок, как в северной церкви Богоматери Паммакарисы (Фетхийе Джамии) в Константинополе, и с трехчастным алтарем, как церковь Андрея в Переяславе, или с трехарочной алтарной преградой.

И эта реконструкция, как и реконструкция Г.Н. Логвина, и предыдущая реконструкция автора, также близка и “святой Гробнице” комплекса церкви Богоматери Влахернской в Константинополе, и второй “большой” церкви. Более того, Р. Краутхаймер²⁶ показал зависимость в глазах современников квадратного оратория в Жерминьи-де-Пре (806) от полигональной капеллы Богоматери в Ахене (792–805), а К. Хайц²⁷, отметив что посвящены Богоматери были как многие более поздние копии капеллы в Ахене, так и аналогичная более ранняя церковь Богоматери и Апостолов (“turris Sanctae Mariae”) в Сентуле (Сен Рикье) (799), предположил зависимость всех их в частности от “святой Гробницы” комплекса церкви Богоматери Влахернской в Константинополе. Хотя в этой реконструкции и не учитывается членение внутренней северной галереи, но представляется допустимым наличие двойных колонн по бокам от поперечной оси подкупольного квадрата, равно как наличие восьми опор в целом и тем самым образование подкупольного октагона, ибо “святая Гробница” была, скорее всего, октагоном. Аналогией данной реконструкции может служить не только церковь Андрея в Переяславе, но и, как отмечал автор²⁸, церковь в Минске (1071–1073 или ок. 1100–1120 гг.), построенная, однако, западными мастерами, и нижняя церковь “Старой кафедры” во Владимире-Волынском (до 1160 г.).

Если же при строительстве памятника полностью отказались от первоначального замысла, и членения в центре связаны лишь с этим неосуществленным проектом, то автору не представляется возможной реконструкция памятника как трехнефной базилики с трансептом в центре наподобие второй церкви Богоматери Влахернской в Константинополе – двойника церкви монастыря Протат на Афоне после перестройки, или как крестово-купольной постройки типа вписанного креста со свободными опорами – двойника Успенского собора Печерского монастыря в Киеве или более раннего собора Дмитриевского монастыря в Киеве. При такой реконструкции, предложенной автором, с первоначальным замыслом оказывается связанным лишь членение по краям, соизмеримое с членением Успенского собора Печерского монастыря в Киеве.

Подведем итоги. Влияние архитектуры Византии на архитектуру Руси в домонгольскую эпоху оказалось более широким, чем это показал П.А. Раппопорт, и оно проявилось в частности и в базиликальных постройках, и в зданиях “перистильного типа”.

Если говорить о влиянии архитектуры церкви Богоматери Влахернской в Константинополе на архитектуру церкви Богоматери Влахернской в Кловском монастыре в Киеве, то этот вопрос, подобно алгебраическому

²³ *Высоцкий А.М., Шелов-Коведяев Ф.В.* Первая церковь Апостолов в Константинополе и ее наследие в средневековом мире // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований “От Рима к Третьему Риму”. М., 1995. С. 75.
²⁴ См. примеч. 23.

²⁵ *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. ... С. 290.
²⁶ *Krautheimer R.* Introduction... P. 2.
²⁷ *Heitz C.* La France pré-romane. Archéologie et architecture religieuse du haut Moyen Age du IVe siècle à l’an mil. P., 1987. P. 150–161.
²⁸ *Высоцкий А.М.* [Рец. на:] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. ... С. 315. С. 317, прим. 18.

уравнению с двумя неизвестными переменными, не может иметь единственного решения, как это было показано выше.

Что же касается влияния архитектуры церкви Богоматери Влахернской в Константинополе на русское зодчество вообще, то, если реконструкция второй “большой” церкви верна, возможно, что упомянутые выше крестообразные трехапсидные здания Руси появились под влиянием не только памятников Афона (“афонского типа”), но и второй “большой” церкви Богоматери Влахернской в Константинополе. Не менее вероятно и то, что они сложились в результате такого же, как и в памятниках Афона (но независимо от них), синтеза стандартных крестово-купольных построек типа вписанного креста с четырьмя опорами и трехнефных базилик с трансептом с апсидами в центре, которые представлены той же второй “большой” церковью Богоматери Влахернской в Константинополе, а также в упомянутых выше крестообразных трехпритворных зданиях Руси. Если же соответствующая реконструкция церкви Богоматери Влахернской в Кловском монастыре в Киеве верна, то, возможно, что упомянутые выше церковь Андрея в Переяславе, а также церковь в Минске и нижняя церковь “Старой кафедры” во Владимире-Волыньском появились под влиянием “святой Гробницы” в комплексе церкви Богоматери Влахернской в Константинополе.

Вместе с тем влияние на Руси архитектуры церкви Богоматери Влахернской в Константинополе (вероятно, в силу архаичности для Руси второй “большой” церкви и тем более “святой Гробницы”) прослеживается гораздо слабее, чем влияние икон этой церкви (и тем более культа Богоматери Влахернской) и по сравнению с влиянием ее архитектуры в Греции и вообще на Балканах (прежде всего в памятниках Афона) и в Грузии, в особенности в таких ее больших соборах, представляющих собой купольные базилики с трансептом с апсидами, как собор в Кутаиси и собор в Алаверди.

Главный парадокс влияния культа Богоматери Влахернской на архитектуру Руси состоит в том, что в силу историко-культурных причин основным источником этого влияния становится не церковь Богоматери Влахернской в Кловском монастыре в Киеве, воспринявшая новые веяния, пришедшие из архитектуры Византии (речь идет прежде всего о церкви Богоматери Влахернской в Константинополе), а Успенский собор Печерского монастыря в Киеве, созданный в русле старой традиции архитектуры Руси (конкретно это собор Дмитриевского монастыря в Киеве и церковь Михаила в Выдубецком монастыре в Киеве (1070–1075)). Именно он становится образцом архитектурной иконографии для последующего русского зодчества. Возможно, именно этот памятник Киева с крестообразным или полукрестообразным завершением (заказчик его, епископ Нифонт, пришел затем в Новгород), был промежуточным источником Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове.

И последнее. Не была ли именно “святая Гробница” в комплексе церкви Богоматери Влахернской в Константинополе источником зданий Византии “на восьми опорах”? (Все исследователи признают их зависимость от зданий Византии с октагональным планом.) И не была ли именно та же “святая Гробница” одним из источников зданий Константинополя с “подкупольным перистилем”, в особенности же сооружений “перистильного типа”, источником расположенной во Влахернском квартале северной церкви Богоматери Паммакаристы (Фетхийе Джами)? Естественно, решение этих вопросов зависит от правильности той или иной реконструкции “святой Гробницы”.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

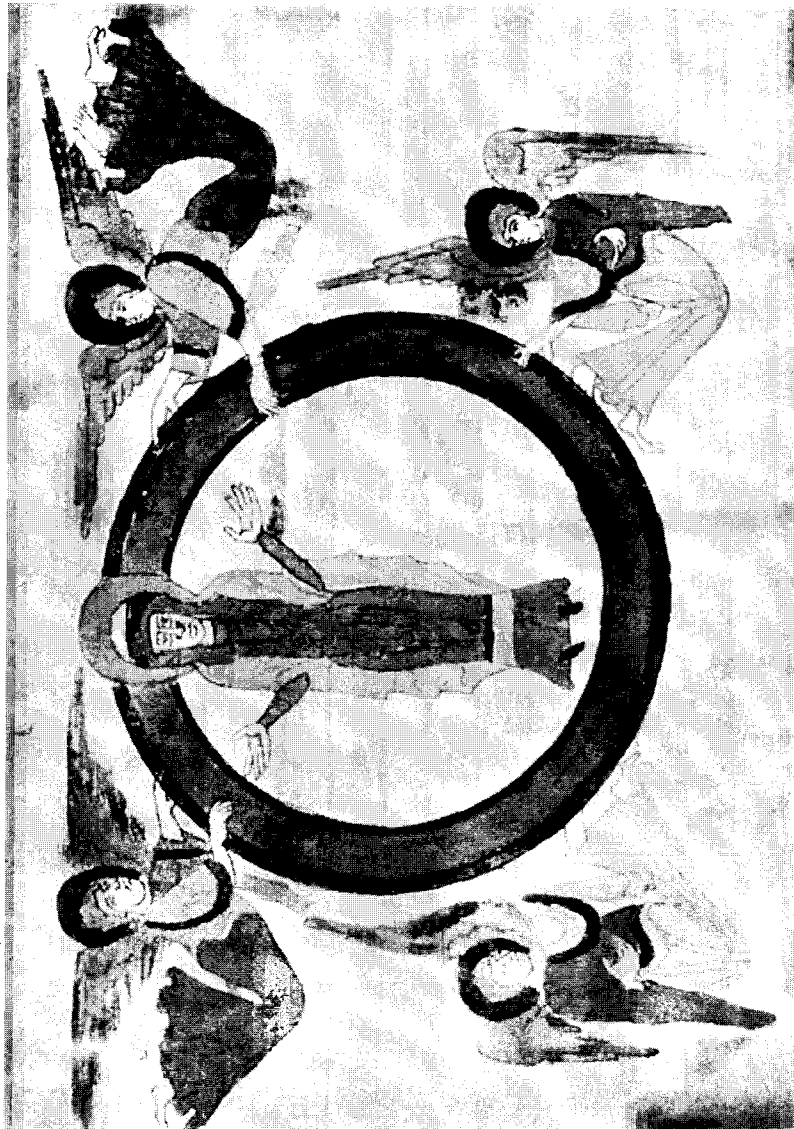

Рис. 8. Вознесение Богоматери, миниатюра рукописи Библии Риполл, Ватиканская библиотека, XI в. (по: *Toscato G.M. Il pensiero cristiano nell'arte. Vol. II. Bergamo, 1960. P. 176*)

Н.Ю. Ломоури

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-ВИЗАНТИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ*

Грузия занимает центральную и западную части Южного Кавказа. Она расположена на пространствах двух континентов – Европы и Азии, и это отразилось на созданной грузинским народом цивилизации, испытавшей влияние как Запада, так и Востока. Влияла эта ситуация и на другие аспекты исторического развития Грузии.

Не останавливаясь на более ранних периодах, мы лишь вкратце отметим, что в течении II тысячелетия до н.э. грузинские племена объединились в две крупные племенные группировки, из которых западная, выходящая на побережье Черного моря, уже тогда устанавливала довольно тесные связи с греческим миром (иллюстрацией этого является хотя бы знаменитый миф об “Аргонавтах”; засвидетельствованы эти связи также и археологически). К середине I тысячелетия до н.э. оформились два грузинских государства: Колхидское царство, охватывавшее всю Западную Грузию, которая по черноморскому побережью простиралась от долины р. Шоу на севере до устья р. Чорохи на юге, и Картлийское царство, в состав которого вошли Восточная и Юго-Западная Грузия¹.

Западногрузинское (Колхидское) царство все активнее вступало в контакт с греческим миром, а с эпохи эллинизма греческое влияние проникло и в Восточную Грузию, как и в соседние Армению и Албанию².

В 60-х годах I в. до н.э. Закавказье подверглось нашествию римских легионов, связанному с борьбой Рима против понтийского царя Митридата VI. С этого времени Колхида прочно и надолго вошла в ареал политического господства Римского государства и вплоть до конца VII в. была подчинена (на разных условиях) сначала Римской, а затем Византийской империям. Соседняя Армения превратилась в арену постоянных столкновений Рима и Парфии. Иберия, умело играя на противоречиях этих враждующих стран, существенно упрочила свои позиции и расширила границы, лишь формально сохраняя статус “союзника и друга римского народа”³.

Ситуация значительно обострилась в III в., после образования на Иранском нагорье более централизованной и могущественной державы Сасани-

* Эта проблема была затронута нами еще в 1983 г., в докладе на XI Всесоюзной сессии византинистов в Севастополе (см.: ВВ. 1986. Т. 46. С. 7).

¹ *Лордкипанидзе О.* Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989; *Он же.* У истоков истории Грузии. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.; рез. на рус. и нем. яз.); *Очерки истории Грузии.* Т. I. Тбилиси, 1988. С. 80–260. В грузинской историографии существует мнение, что племенные группировки, засвидетельствованные в ассирийских и урартских источниках, были уже раннегосударственными объединениями. Не вдаваясь в полемику по данной проблеме, мы отметим, что не разделяем эту точку зрения и формирование грузинских государств датировем VI–V вв. до н.э.

² *Лордкипанидзе О.* Наследие... С. 272–307; 338–346; *Он же.* Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980. С. 13–15 (с литературой).

³ *Ломоури Н.* Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.

дов, перехватившей у Рима инициативу в Закавказье. Из закавказских областей лишь Западная Грузия – бывшая Колхида, именуемая в то время Лазикой, – и Западная Армения остались в подчинении Рима⁴.

Несмотря на то что грузинские государства были вынуждены вести постоянную борьбу сперва с Парфией, затем с сасанидским Ираном, а также на то что Западная Грузия оставалась под властью Рима, культурная жизнь здесь не затухала, о чем выразительно свидетельствуют памятники материальной культуры. Постоянные политические контакты с греческим, эллинистическим и римским мирами обусловили проникновение в Грузию иноземных культурных влияний. Не вдаваясь в слабо обеспеченный источниками древнейший период, остановимся на проблеме эллинистических влияний на культурную жизнь Колхиды и Иберии. Необходимо сразу же отметить, что эти влияния оказались, разумеется, более интенсивными и многообразными в Западной Грузии, поскольку почву для них подготовили довольно тесные и длительные контакты с греческим миром; однако в эллинистическую эпоху эти влияния стали активно проникать и в Восточную Грузию⁵.

Мы вкратце остановились на этой проблеме постольку, поскольку связи Грузии с эллинистическо-римской культурой послужили, в свою очередь, благодатной почвой для последующего проникновения в различные грузинские регионы византийского влияния. Как известно, в процессе формирования византийской цивилизации значительную роль сыграл континуитет античной культуры. Естественно поэтому, что воздействие византийской культуры было более интенсивным в тех соседних с империей странах, где античное влияние было шире и многообразнее.

Изучение политических, экономических и культурных взаимосвязей грузинских государств с эллинистическо-римским миром, анализ археологических материалов и результаты исследований специалистов позволили нам сделать вывод, что в науке имеет место определенное преувеличение значения эллинистическо-римской культуры для судеб культурной истории Грузии. Материалы источников скорее оправдывают заключение, что влияние эллинистической культуры в Грузии носило ограниченный характер. Оно не проникало в быт, хозяйство и нравы местного населения, культура которого сохраняла отчетливо выраженную самобытность и древние местные традиции. В Колхиде и Иберии действительно возникла более или менее значительная прослойка эллинизированного населения, в особенности в прибрежных городах или в таких подвергшихся эллинизации городских центрах, как Вани. Социальная верхушка здешних горожан, несомненно, приобщалась к эллинистической культуре, но и она оставалась в основном тесно связанной с местными культурными традициями⁶.

Сходной оставалась здесь ситуация и в период римской экспансии. Как отмечал, ссылаясь на многочисленные археологические исследования в Западной и в Восточной Грузии, О.Д. Лордкипанидзе: “В результате длительных взаимоотношений с античным миром, население древней Грузии знакомилось с основными достижениями передовой античной культуры, науки, техники и, вместе с тем, творчески перерабатывало и насаждало их на местной почве”⁷.

Значительной вехой в истории Грузии является IV в., когда здесь упрочивала свои позиции христианская религия. Она распространялась в Грузии уже в первом столетии, а в 30-х годах IV в. стала официальной государственной религией в Картли (Иберии) и примерно в то же время в Западной Грузии, т.е. в Лазике (Эгриси грузинских источников). Для входившей в орбиту римского политического и культурно-религиозного господства Западной Грузии утверждение в ней христианства стало в целом закономерным явлением. Однако тот же процесс утверждения, а затем и признания христианства в качестве государственной религии в Восточной Грузии, как и в Армении, подчиненных сасанидскому Ирану, представляется неординарным историческим феноменом. Данное обстоятельство следует расценить как свидетельство того, что указанные грузинские государства искали пути сближения с Восточной Римской (Византийской) империей, пытались освободиться от иранского господства⁸.

Неоднократно и в более поздние исторические периоды экстремальная внешнеполитическая ситуация вынуждала грузинские царства прибегать к сходным политическим маневрам: в борьбе с сасанидским Ираном, а затем с арабами и позднее с турками-сельджуками естественным союзником для христианских стран Южного Кавказа оставалась Византийская империя, которая со своей стороны стремилась сохранить здесь собственное политическое влияние.

Несмотря на изменчивость политических взаимоотношений грузинских государств и Византии и на имевшие место в регионе частые столкновения и конфликты (в VIII в. они ознаменовались потерей империей своих вассалов в Грузии), грузино-византийские связи никогда не прерывались полностью; мы имеем в виду связи экономические и в особенности культурные. Конечно, тесные многовековые политические контакты Византии и грузинских государств предопределили, как уже было сказано, проникновение в Грузию византийских влияний во всех сферах культурной жизни. Значительными очагами грузинско-византийских культурных связей стали в первую очередь грузинские монастыри, расположенные на территории самой империи, такие, как Клеостовый монастырь в Иерусалиме, монастырь на Синае, Ивирон на Афоне, Петрицонский (Бачковский) монастырь в Болгарии и др. Большое значение имели и господство Византии в Западной Грузии в течение нескольких веков, и серьезное политическое влияние империи в

⁴ Там же. С. 243–299; *Christensen A. L'Iran sous les Sasanides*. Copenhagen, 1944; *Ломоури Н.* Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства в III – начале IV в. н.э. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., с русским резюме, с лит-рой).

⁵ *Лордкипанидзе О.* Наследие... С. 272–338; *Он же.* Античный мир и Восточное Причерноморье... С. 13–17; *Ломоури Н.* Грузино-римские взаимоотношения. С. 78 сл. (с литературой); *Шелов Н.* Колхида в системе понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. С. 199–214.

⁶ *Ломоури Н.* Грузино-римские взаимоотношения. С. 55–65; *Лордкипанидзе О.* Эллинизм и Колхида // Советское искусство. 1970. № 9. С. 24–30; 1971. № 9. С. 72–75; *Он же.* Ванское городище // Вани. Т. I. 1972. С. 48–82 (с литературой).

⁷ *Лордкипанидзе О.* Античный мир и Восточное Причерноморье... С. 15–17. Автор, как и мы, использовал труды археологов, специально занимавшихся данной проблемой (Т. Микеладзе, Л. Бочоришвили, А. Кахидзе, Д. Хахутайшвили, Г. Дундуа и др.).

⁸ Подробно см.: *Ломоури Н.* Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства (в III – начале IV в. н.э.). Тбилиси, 1975. С. 84–96, 98–100 (на груз. яз., с рус. и англ. резюме); *Он же.* История Эгрисского (Лазского) царства. Тбилиси, 1968. С. 112–120, 129–130 (на груз. яз., с рус. и англ. резюме); *Очерки истории Грузии.* Т. II. Тбилиси, 1989. С. 137–140.

Юго-Западной Грузии (Самцхе, Тао-Кларджети). Но несмотря на все это, проникновение византийского культурного влияния не привело к исчезновению местных культурных традиций, как не смогли сделать это ранее эллинистическое и римское влияние. Местная, самобытная культура продолжала играть и в византийскую эпоху, т.е. фактически на всем протяжении средневековья, определяющую роль в жизни грузинского народа.

Ведущим компонентом в становлении самой византийской культуры, как и в ее распространении в соседних странах, являлось, безусловно, христианство. Новая религия усилила интенсивность проникновения византийского влияния в христианские страны. Она стимулировала развитие местных культур, формирование здесь новых отраслей искусства, литературы, художественных ремесел и т.п., в которых тем не менее нашли отчетливое отражение местные традиции, характерные для самобытной грузинской культуры.

Проблема взаимопроникновения византийской и грузинской культур остается одной из сложнейших в средневековой истории кавказского ареала. Немало ее аспектов требуют углубленного изучения на конкретном материале. Мы приведем ниже в связи с этим вопросом лишь несколько примеров названной культурной синкретизации, которые у современных специалистов не вызывают сомнений.

В свое время (в 50-х годах XX в.) большой интерес в научных кругах вызвали многолетние и масштабные раскопки древнего города Птиунта (совр. Пицунда, Бичвинта), расположенного в Северной Колхиде. Город этот был теснейшим образом связан с Римом: там находилась одна из стоянок римского гарнизона в Колхиде, а также резиденция епископа. Несмотря на эти существенные обстоятельства, явные элементы местной культуры засвидетельствованы и здесь, в частности в руинах церкви, которая в IV–V вв., как полагают, была епископским собором. Мы имеем в виду мозаики, по целому ряду признаков примыкающие к кругу эллинистических мозаик Передней Азии. Однако одновременно установлены их тесные связи с местным искусством и с народными верованиями. Об этом в частности свидетельствуют некоторые детали мозаики в изображении коровы с теленком. Подобного рода мотив, по мнению специалистов, не находит аналогий ни в одной из восточных или средиземноморских мозаик и представляет собой явление местного характера, органически связанное с автохтонными преданиями и верованиями⁹. Привнесение данного элемента в композицию мозаики, а также характерные для бичвинтской мозаики некоторые декоративные детали и общие стилистические признаки, сближающие ее с другими видами искусства на иных территориях Грузии, позволяют отнести эту мозаику к числу произведений местной школы мозаичистов¹⁰.

Даже христианским храмам, архитектурный канон которых должен был удовлетворять требованиям духовенства и следовать образцам храмопостроительства в Святой Земле, присуще в Грузии яркое своеобразие. Мы имеем в

виду те оригинальные черты, которые приобрела на территории Грузии широко распространенная по всему христианскому востоку трехнефная базилика. Как известно, для эллинистических и раннехристианских базилик Ближнего Востока характерна определенно выраженная продольная ось внутреннего пространства с рядом устоев, отгораживающих центральный, высокий и широкий неф от боковых нефов. В Грузии прослеживается своеобразная эволюция темы базилики. Самые древние образцы церковных построек представляют собой здесь особого рода смешение привнесенной извне темы базилики с традиционным, местным центрическим построением. Со второй половины V в. в Грузии появились подлинные, “образцовые” базилики (например, Болнисский Сион), но и они значительно отличаются от классических форм этого типа церквей и сохраняют тенденцию к центрическому решению. Средний неф у них сравнительно короче, нет ритмичных рядов колон, боковые нефы узки, не имеют самостоятельной функции, отделены от центрального нефа широкими массивными столбами и соединены с центральным нефом узкими проходами. Боковые нефы и западный нартекс создают своеобразный узкий “обход” вокруг центрального нефа, подчеркивая его полное превалирование. Трехнефные базилики Грузии несли на себе следы сильного воздействия норм центральнокупольных зданий¹¹. Весьма интересно, что все вышесказанное присуще и базиликам Западной Грузии (Пицунда, Цихисдзири, Нокалакеви, Сепиети), т.е. церковным строениям того региона, который вплоть до IX в. находился в церковном подчинении Константинопольского патриархата¹². Самое главное, однако, состоит в том, что в Грузии устанавливается совершенно своеобразный тип некупольных храмов – так называемых “трехцерковных” базилик с внешним базиличным обликом и с оригинальным внутренним пространством, фактически разгороженным на три обособленных помещения, отделенные друг от друга уже не рядом колонн или столбов, а сплошными стенами. При этом средняя “церковь” выше и шире боковых, что придает ей еще более доминирующий вид¹³.

Почти полную независимость от византийской церковной архитектуры демонстрируют центрально-купольные храмы, самым ранним и ярким образцом которых является храм Мцхетского Джвари (конец VI – начало VII в.), положивший начало обособленному типу церквей. Этот тип – оригинальное творение именно грузинской архитектуры, затем распространившийся также в Армении и не имеющий параллелей в других провинциях Византии¹⁴.

Самостоятельные архитектурные стили формировались в Восточной и Западной Грузии и в Тао-Кларджети (Юго-Западной Грузии) и в последую-

¹¹ Чубинашвили Г. Болнисский Сион. Тбилиси, 1941; *Он же*. Архитектура Кахети. Тбилиси, 1959; Беридзе В. Итоги изучения грузинской архитектуры раннехристианского времени // Доклад на XX Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

¹² Цицишвили И. Указ. соч. С. 99–100, 116–117; Закарая П., Капанадзе Т. Цихегоджи–Археополис–Нокалакеви. Тбилиси, 1991. С. 165–214 (на груз. яз.).

¹³ Чубинашвили Г. Архитектура Кахети. С. 156–163; Беридзе В. Итоги изучения... С. 5; *Он же*. Древнегрузинская архитектура. Тбилиси, 1974. С. 191. (на груз. яз.); *Mepisaschwili R., Zinzadze W.* Die Kunst des alten Georgien. p.z., 1977. P. 61 f.

¹⁴ Чубинашвили Г. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948; *Lomouri N.* The History of Georgian Byzantine Relations // Perceptions of Byzantium and Its Neighbors (843–1261). The Metropolitan Museum of Art. N.Y., 2000. P. 182–186.

⁹ Мацулевич Л. Открытие мозаичного пола в древнем Птиунте // ВДИ. 1956. № 4. С. 147–148; Шервашидзе Л. Пицундская Мозаика // Великий Птиунт. Т. III. 1978. С. 160–193; *Вачнадзе Н.* Из истории христианской символики // Труды ТГУ. 1982. № (?) 227. С. 106–113.

¹⁰ Мацулевич Л. Великий Птиунт. С. 100–168; Шервашидзе Л. Указ. соч. С. 178–193; Цицишвили И. Комплекс церковных сооружений в Пицунде // Великий Птиунт. С. 116–117 (рус. тексты).

щие века. Эти особые стили характерны для таких храмов, как Свети-Цховели, храм Баграта, Алаверди, Ишхани, Бана, Хахули и др. Все эти строения имеют отдельные элементы, сближающие их с византийскими, но это архитектурные памятники, отразившие в основном местные традиции. Их сопоставление с памятниками Византии позволяет определить их отличия, свидетельствующие о самостоятельности развития грузинского зодчества не только в частностях, но и в общих стилистических решениях¹⁵. И в других отраслях грузинского искусства мы также видим сочетание византийских и местных, традиционных элементов. Наблюдаются эти явления и в рельефной скульптуре, и в златокузнечестве, и в обработке эмалей, и в иконописи, и во фресковой живописи¹⁶.

Наконец, кратко остановимся на грузино-византийских литературных связях. В условиях многовековых контактов Грузии и Византии эти связи сыграли, несомненно, весьма значительную роль в развитии средневековой грузинской литературы и философской мысли. Нет никаких сомнений в том, что с V в., если не раньше, в Грузии зарождается церковная переводная литература (переводы библейских текстов, агиографических и мистико-аскетических произведений). Возникли в грузинской литературе и новые жанры: с V в. агиография, с VI в. мистико-аскетические и богословско-философские произведения.

Поскольку агиографический жанр проник в Грузию из Византии, грузинские агиографические произведения следуют основным принципам византийской агиографии, повторяя ее отличительные, характерные черты. Но в то же время, как показывает анализ грузинских агиографических произведений (Мученичество св. Шушаник, Евстафия Мцхетского, Або Тблелли и др.), они имеют свои характерные особенности, отличающие грузинскую агиографию от византийской¹⁷.

В первую очередь, это нетипичный для византийской агиографии большой объем политических и социальных описаний, на фоне которых рисуется жизнь, деяния и само мученичество святых. Отдельные детали политических, социальных и географических описаний имеются и в ранневизантийской агиографической литературе, но в грузинской они конкретнее и реалистичнее и занимают гораздо больший объем¹⁸.

Весьма примечательна при этом еще одна особенность, наиболее очевидно выступающая в Мученичестве св. Шушаник (V в.). Она выражается в непривычной для византийской мартирологии реалистичной характеристике действующих лиц, в первую очередь самой героини. Автор (Яков Цурта-

вели) рисует не абстрактный, схематический портрет аскета, отвернувшегося от жизни, а человека, тесно связанного с реальной действительностью, активно участвующего в ней, в результате чего образ героини полон внутренних противоречий¹⁹. Более того, автор изображает Шушаник и ее мужа, от которого она терпит мучения, как вполне реальных персонажей, наделенных и положительными и отрицательными чертами²⁰.

Явными различиями были отмечены и пути дальнейшей эволюции византийской и грузинской агиографии. Византийская агиография развивалась, если можно так выразиться, по нисходящей линии, постепенно лишаясь реалистических пассажей и отступлений политического и социального содержания. В ней все более доминировал единственный принцип: духовная деятельность святого не должна была затеняться второстепенными деталями, описание духовного аскетизма должно было подчиняться определенному шаблону и оставаться монотонным²¹.

Оригинальная грузинская агиография не пошла по этому пути. Она сохранила характерные отличия, развила их дальше и обрела способность более реалистичных описаний и деяний самого святого и его окружающей среды, а также тех политических, конкретно-исторических событий, в которых протекала жизнь, деятельность и само мученичество святого.

Таким образом, мы привели несколько примеров из различных сфер грузинской культуры, которые, бесспорно, обнаруживают, с одной стороны, зависимость грузинской христианской культуры от византийской, а с другой – демонстрируют ее неповторимость и оригинальность. Следовательно, при оценке роли и удельного веса византийских влияний необходимо, по-видимому, определить в первую очередь уровень и значение тех элементов своеобразия, которые отличают грузинские художественные и литературные памятники от классических византийских образцов. Именно в этих самобытных чертах выражен индивидуальный облик народа, который, активно воспринимая и творчески перерабатывая высокие образцы иноземной культуры, обогащал свою собственную и ускорял ее развитие по самостоятельному пути.

¹⁵ Беридзе В. Итоги изучения... С. 8. Ср.: Беридзе В. Архитектура Тао-Кларджети (Место памятников Тао-Кларджети в истории Грузинской архитектуры). Тбилиси, 1981 (на рус. и англ. яз.); Закарая П. Грузинская центрально-купольная архитектура. Т. I. 1975; Т. II. 1978 (на груз. яз.); Он же. Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992.

¹⁶ См.: Matchabeli K. Georgia and the Byzantine World: Artistic Aspects // Perceptions of Byzantium and Its Neighbors (843–1261). P. 188–197.

¹⁷ Для общей характеристики грузинской средневековой литературы см.: Джавахишвили И. Древняя грузинская историческая литература (V–XVIII вв.) // Сочинения. Т. III. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.); Кекелидзе К. История древнегрузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

¹⁸ См.: Барамидзе Р. Мученичество св. Шушаник, древнейший памятник грузинской литературы. Тбилиси, 1978; Хинтибидзе Э. К истории грузино-византийских литературных взаимоотношений. Тбилиси, 1982. С. 90–126; 155–163 (на груз. яз.).

¹⁹ Барамидзе Р. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Джанашия Н.-Л. Персонажи “Мученичества Шушаник” // Мнатоби. 1983. № 8. С. 104–133 (на груз. яз.).

²¹ Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclasm Period // Iconoclasm. Birmingham, 1947. P. 116–119.

К ИЗУЧЕНИЮ ИКОН СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРУЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Грузинская иконопись, насчитывающая более чем тысячелетнюю историю, — неотъемлемая часть мировой православной культуры. Грузия наряду с другими народами на протяжении веков вносила свой вклад в развитие искусства иконописания. Дошедшие до наших дней иконы представляют собой лишь незначительную часть святых образов, некогда существовавших в Грузии, будь то образы, созданные на месте грузинскими мастерами или же попавшие сюда из других стран. Как известно, для реконструкции истории иконописи, как и, впрочем, других видов древнего искусства, помимо самих сохранившихся памятников, неопределимое значение имеют различного рода письменные источники. В этом отношении не является исключением и Грузия. Наряду с многочисленными произведениями средневековой грузинской литературы, включающими агиографические, гимнографические, канонические, литургические труды, исторические хроники и различные документы также проливают свет на некоторые стороны создания и почитания икон в средневековой Грузии, а также повествуют о назначении тех или иных святых образов. Кроме того, эти произведения позволяют восстановить и уточнить некоторые термины, связанные с православной художественной культурой. Особое значение имеют произведения, рассказывающие о сохранившихся и по сей день почитаемых образах. Конечно же, в одной статье невозможно рассмотреть все аспекты этой многогранной темы, и поэтому я ограничусь лишь некоторыми основными источниками X–XVII вв., содержащими сведения об иконах, повествующими об их создании, почитании, чудотворениях, а также другого рода исторические свидетельства. Письменные источники сохранили наряду с этим интересные данные, позволяющие судить о культурных и духовных связях средневековой Грузии как с Византией, так и с другими православными странами. Предложенную вниманию читателя статью следует рассматривать как первый опыт последовательного всестороннего изучения грузинских средневековых письменных источников и литературных произведений с точки зрения исследования христианского художественного творчества. Дальнейшее их изучение в связи с историей христианского искусства позволит найти ответы на многие вопросы, касающиеся художественных, духовных и социально-культурных аспектов почитания святых образов не только в средневековой Грузии, но и во всем православном мире.

Церковное искусство Грузии, одной из древнейших христианских стран, вобравшее в себя различные тенденции восточного христианства, с одной стороны, и Византии, с другой, представляет собой многообразную и по-своему самобытную картину. Влияния византийского искусства по-разному проявляются в различных отраслях грузинской средневековой художественной культуры. В иконописи, а соответственно и в почитании, и интерпретации святых образов, Грузия неизменно следовала византийской традиции.

Рассмотрение письменных источников будет представлено в хронологической последовательности. Первым литературным произведением, привлекающим внимание, является известный памятник грузинской агиографии — «Житие Григола Хандзтели» (Григорий Хандзийский, 759–861), описывающее жизнь и деятельность выдающегося грузинского церковного деятеля раннего средневековья, основателя многочисленных монастырей. «Житие» написано Георгием Мерчуле в X в. и содержит интересные свидетельства как о распространении святых образов, так и о чудотворении икон. По свидетельству Георгия, Григол вместе со своим двоюродным братом Сабой (Саввой) и еще с одним учеником отправились в столицу Византии, «...в сокровищницу Христа, второй Иерусалим, т.е. Константинополь, чтобы посетить все замечательные святые места Греции и помолиться». Там они поклонились «Древу жизни и всем святым мощам, обошли с радостью вся святые богомолья»¹. В свой монастырь в Хандзта, расположенный в Кларджети, в Южной Грузии, паломники привезли святые мощи и образы, а также «множество разных эвлогий»². Далее «Житие» повествует о чудесном исцелении, сотворенном иконой Божьей Матери. Для исцеления женщины, страдающей болезнью костей, Григол Хандзтели приказал священнику отправиться в церковь и принести эвлогию из неугасаемо горящей лампадки перед образом Пресвятой Богородицы. После длительных молитв Григол «осенил ее руки крестом и помазал их накрест тем маслом во имя Святой Троицы, и ходатайством святой Богородицы» свершилось ее чудесное исцеление³. Можно предположить, что упомянутая здесь икона находилась в церкви Богоматери Шатбердского монастыря (Южная Грузия). Эти сведения свидетельствуют прежде всего о распространении святых образов в Грузии в VIII–IX вв., а также о значении византийских святынь в церковной жизни страны. Следует отметить, что та часть Юго-Западной Грузии, где проходила деятельность Григола, являлась в указанную эпоху одним из значительных центров духовной и культурной жизни страны и была особенно тесно связана с Византией.

Следующее произведение, привлекающее внимание, — один из значительных литературных памятников раннефеодальной эпохи — «Житие Серапиона Зарзмели» (Серафим из Зарзма), созданное в X в. Василием Зарзмели. В нем описывается жизнь великого подвижника христианства, основателя обители в Зарзма (историческая область Самцхе, Юго-Западная Грузия)⁴. В «Житии» особое место занимает рассказ о храмовом образе — чудотворной иконе Преображения. «Житие Серапиона Зарзмели» имеет совершенно особое значение для исследования грузинского христианского искусства, так как это тот редкий случай, когда в литературном произведении повествуется о сохранившемся до наших дней образе. Имеется в виду самое раннее произведение грузинской средневековой чеканки — серебряная икона Преображения⁵. Сохранился ее чеканный оклад с донаторской надписью, исполнен-

¹ Георгий Мерчуле. Житие Григола Хандзтели // Древнегрузинская литература (V–XVIII вв.) / Пер. Н. Марра. Тбилиси, 1987. С. 128.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 172.

⁴ Васили Зарзмели. Житие Серапиона Зарзмели // Памятники древнегрузинской агиографической литературы / Пер. и примеч. К. Кекелидзе. Тбилиси, 1956. С. 76–101.

⁵ Чубинашвили Г.Н. Чеканное искусство Грузии. Тбилиси, 1959. С. 27–42.

ной древнегрузинским письмом “асомтаврული”, с указанием точной даты его создания – 886 г. Эта одна из древнейших сохранившихся грузинских икон является также самым ранним примером так называемых украшенных икон (ἱεροσχημέναι), имеющих чеканный оклад из драгоценного металла⁶.

К сожалению, в произведении Басилия не дается описание иконы, ее композиции, материала, не указано место создания и т.д. Такого рода сведения, столь важные для современных исследований, обычно были малозначимы для древних агиографов. Зато “Житие” красочно прославляет этот чудотворный образ и повествует об его особом значении и почитании. В научной литературе существуют два различных взгляда относительно эпохи жизни и деятельности Серапиона Зарзмели. Более распространенным является мнение акад. К. Кекелидзе, считавшего Серапиона деятелем IX–X вв. П. Ингроква же относит события, описанные в “Житии”, к VII–VIII вв. Это мнение разделял и акад. Г.Н. Чубинашвили⁷.

Уже в самом начале текста подчеркивается особое значение иконы Преображения (рис. 1). Учитель Серапиона, Михаил Парехели, следуя Божьей воле, изъявленной ему чудесным образом в видении после вечерней молитвы, посылает Серапиона и его брата Иоанне в Самцхе, дабы возвести монастырь на Богом указанном месте, а также повелевает взять с собой священный образ, так как “Тот, который повелел тебе взять только крест, теперь повелевает тебе взять животворящий образ вочеловечения Его” и поставить его в построенной святой церкви “для поклонения, исцеления больных и немощных и спасения многих душ”. Следуя повелению наставника, Серапион и его брат покидают обитель, взяв с собой “животворящую икону Преображения – помощь и надежду всех христиан”⁸. В тексте неоднократно восхваляется икона Преображения. Так, например, местный правитель почитает за чудо лицецезрение этого прославленного образа и благодарит Бога за то, что Он сподобил его поклониться святой иконе⁹. Об исключительном значении этого образа свидетельствуют следующие слова Серапиона: “Кто в Гаваоне остановил солнце для Иисуса Навина и для старца Виссариона, тот и нас удостоит, пока стоит это солнце, узреть святую эту икону и поклониться ей”. Автор в своем красноречивом повествовании идет еще дальше и называет Серапиона, принесшего священный образ, новым Моисеем, а возведение нового храма сравнивает с постройкой скинии: «Новому этому Моисею, повелено было быть вождем нового сего Израиля, он нуждался при постройке скинии в помощи новых Веселиила и Елиава, ибо он не то что вошел в дым и принял скрижаль каменную, на которой были начертаны заповеди и закон, но в уме своем нес того, кто начертал их и кто в расселине скалы тайно говорил Моисею “Я есмь сущий”. Кто на горе Фаворской разговаривал с Моисеем, Ильею и с главою апостолов, того, изображенного во плоти, нес на раменах своих и поставил для поклонения верующих»¹⁰. В этих словах явственно видно желание связать эту икону Преображения с божественным промыслом, что еще раз свидетельствует о той роли, которую она

играла в религиозной жизни Грузии указанного периода. Думаю, не ошибусь, если скажу, что такие яркие образные параллели, связанные с иконой, редко встречаются в древних произведениях. “Житие” повествует также о чуде, совершенном иконой, – о покрытии водой “сварливых людей”, неверных, мешавших возведению храма и прогнавших отцов¹¹.

В перечне пожертвований кафедральному собору Светицховели в древней столице Грузии, сделанных католикосом – патриархом Мелхиседеком (1029–1033), говорится о богатых дарах, включающих и разного рода иконы, среди которых особо выделены иконы, подаренные византийскими правителями: “Золотая икона, пожалованная Константином, греческим царем... в мартирии же (Мелхиседек) поместил икону святой Богородицы, украшенную золотом, камнями и жемчугом, пожалованную Василием, царем греческим”. Далее также указаны “большая икона из сароти, украшенная вокруг камнями, другая икона Спаса из серебра, позолоченная; и икона Крестителя одна, и Федора одна, и созданная сароти, окованная золотом и серебром, и другие иконы из сароти¹² и писанные золотым листом (позолоченные) мною же, числом 14”¹³. Этот краткий перечень дает богатый материал для истории икон. Прежде всего, здесь еще раз проявляется особое значение, придаваемое византийским иконам, тем более драгоценным иконам, дарованным самими византийскими императорами. Упомянутые императоры – это Василий II (976–1025) и Константин VIII (1025–1028).

В “Житии” прославленных афонских отцов Иоанна и Евфимия (“Житие Иоанна и Евфимия”), созданном не менее значительным афонским деятелем грузинской церкви Георгием Мтацминдели (Святогорец) (1042–1044) мы находим сведения, заслуживающие особого внимания. “Житие” одних из самых ярких христианских деятелей, великих святогорцев – отца и сына Иоанна и Евфимия, являющихся основателями грузинской Иверской обители на Афоне в конце X в. – отражает многие стороны тогдашней истории Святой Горы. Не удивительно, что это произведение средневековой грузинской литературы является ценным источником и для освещения различных аспектов истории икон. Эти сведения нельзя недооценивать, так как они в лаконичной форме дают ясную картину развития иконного искусства времени этих святогорских отцов т.е. второй половины X – первой половины XI в. (Иоанн 920–1005, Евфимий – 955–1028). Перед нами предстают иконы во всем своем многообразии, будь то типология, сюжет или материал.

¹¹ Там же. С. 88–90.

¹² Этот термин требует разъяснения: в научной литературе в большинстве случаев “сарути” интерпретируется как бронза (см.: Monastic Documents. Vol. 2. P. 552. Not. 44, Петрицонский типик (см. ниже примеч. 28). С. 294. См. также: Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик, грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971, лексикон на с. 201). Но существует и другое объяснение, согласно которому этот термин означает мозаику (см. Лексикон картули (Грузинский лексикон), Сулхан Саба Орбелиани великого грузинского лексикографа XVIII века, а также: Чубинашвили Д. Грузинско-русский словарь. СПб., 1890. Переиздание – Тбилиси, 1984. С. 1110, 119). На основании имеющегося материала сложно судить категорично об этом термине, отмечу лишь, что мне кажется более вероятным предположение, согласно которому икона из сарути, упомянутая в данном документе, возможно, представляла собой один из мозаичных образов, редкие примеры которых встречаются как в Византии, так и в Грузии.

¹³ Памятники грузинского права / Под ред. И. Долидзе. Т. 3. Тбилиси, 1970. С. 70.

⁶ Patterson Ševčenko N. Vita Icons and “Decorated” Icons of Comnenian Period, in Four Icons in the Menil Collection // Menil Collection Monographs I. Houston, 1992. P. 63.

⁷ Чубинашвили Г.Н. Чеканное искусство Грузии. С. 29–31.

⁸ Памятники... С. 80.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 90.

В начале произведения говорится, что при возведении монастырской церкви святые отцы украсили ее “богодуховными книгами и освятили честными иконами”. Из этих слов становится ясно, что уже в это время святые образы осознаются как один из основных элементов в создании сакрального церковного пространства. В перечне пожертвований святых отцов Иоанна и Евфимия афонским обителям – Большой Лавре, Карее и т.д. – упомянуты различные иконы. В перечне указаны сюжеты икон, их размеры, материал, а в некоторых случаях даже цены: “Большая восковая икона Распятия, ценою в 100 драхканов, другая большая икона Моления (Деисус), другая икона Снятия с Креста, дарованная царем Никифором, другая икона – канкели (епистилий темплона) с 12 апостолами, другая восковая икона Крестителя, другая восковая икона святого Евстратия”. Церкви же в Карее были дарованы “канкели с божественными праздниками ... и 3 иконы Моления (Деисус)”¹⁴. Среди пожертвованных икон мы видим как индивидуальные образы, так и иконы епистилиеи, причем двух типов – с апостольским рядом и с Праздничным чином. Можно предположить, что восковые, т.е. энкаустические иконы, особо ценились, поскольку такого рода образы специально отмечены автором. Обращает на себя внимание также выделение нескольких икон, отличающихся от остальных техникой исполнения, происхождением и высокой ценностью. В тексте даже указана цена одной из икон – 100 драхканов (равняется 200 номисмам), подчеркнуто происхождение одной из них – дар византийского императора. Во время деятельности этих грузинских отцов на Афоне в Византии царствовал император Никифор II Фока (963–969), по всей вероятности, это он даровал святой образ Иверской обители. Данное обстоятельство еще раз указывает на роль и значение грузинского монастыря и заслуги ее отцов в жизни Византии.

Анализируемое агиографическое произведение содержит также рассказ о чудотворении икон. Так например, вняв слезным молитвам Иоанна, павшего на колени перед ее ликом, Богородица чудесным образом исцеляет тяжело заболевшего маленького Евфимия¹⁵. Знаменательно, что именно после чудесного явления Владычицы из уст Евфимия, не очень хорошо знавшего родной язык, полилась “как из ручья” грузинская речь. Такая связь между явлением Богородицы, исцелением и началом его красноречия свидетельствует о божественном происхождении таланта Евфимия и о богоугодности его переводческо-литературной деятельности. Этим знаменем Евфимий получил божественное благословение своего служения.

В “Житии” также говорится о поклонении знаменитой святыне Иверского монастыря – иконе Богородицы Портаяитиссы; входя в церковь, сначала св. Евфимий, а затем братья преклоняли колени и поклонялись Св. Богородице, находившейся над воротами¹⁶. В этом произведении примечательен еще один пассаж, иллюстрирующий православную традицию, согласно которой церкви приписывается создание иконы, тогда как художник является лишь техническим ее исполнителем. Будучи в преклонном возрасте, блаженный Евфимий решил послать своего послушника к живописцу, дабы

объяснить ему, как полагается украсить, отданную ему икону Иоанна Богослова, но тут же передумал и решил самолично отправиться к художнику, так как побоялся, что послушник не сможет толком передать необходимые указания¹⁷. Таким образом, автор подчеркнул значение создания “правильного” святого образа и ответственность за это святых отцов.

В жизнеописании еще одного грузинского Святогорца – Георгия Мтацминдели, созданном его ближайшим учеником Георгием Мцире (1066–1068), имеется ценное свидетельство, касающееся создания икон и их функции. Так, например, “Житие” повествует о том, как св. Георгий Святогорец нашел мощи святых отцов, торжественно перенес их в соборный храм и положил “ниже мощей Иоанна и Евфимия” в притворе южной части церкви. Преподобный украсил гробницы иконами и неугасаемыми лампадками¹⁸. В “Житии” далее говорится о том, что, узнав о смерти Георгия Мтацминдели, блаженный Петр и его брат Иоанн Чкондидели (архиепископ Чкондидский – Западная Грузия) заказали живописную икону Богородицы. Согласно описанию автора “Жития”, по сторонам центрального образа Богородицы были изображены молящиеся святые отцы Георгий и Евфимий, “предстоящие заступниками за нас перед Богородицей”. Об образе же отца Евфимия сказано, что он изображен не стариком, а в том возрасте, когда он занимался переводом книг и было ему 50 лет. Этим как бы подчеркивается его огромная заслуга в деле перевода греческих христианских авторов на грузинский язык. Георгий Мцире поясняет, что сейчас святые Георгий и Евфимий находятся на небесах перед Богородицей, “а на земле же, на святой иконе, они предстают перед ней в мольбе о заступничестве и о мире для нас”¹⁹. По всей видимости, икона являлась константинопольской продукцией. Это предположение основано на сопоставлении повествования и исторических фактов – Петр (у него был титул патрикия) и его брат Иоанн Чкондидели встретились в Царьграде, куда Петр сопровождал дочь грузинского царя Марию-Марфу, “которую привел в жены Константин Дука”²⁰. Здесь же братья узнали о кончине преподобного Георгия Мтацминдели. Можно предположить, что именно тогда икона, о которой повествуется в “Житии”, была написана там же, в Константинополе.

В “Завещании монастырю Шио Мгвиме” Давида Строителя, составленном в 1123 г., читаем, что царь, наряду с многочисленными дарами, передал храму Богородицы этого монастыря драгоценные камни и жемчуга “для своей иконы”, и постановил, чтобы перед этим образом постоянно горели две хрустальные лампы²¹. К сожалению, из повествования не ясно, какая икона имеется в виду. Надо полагать, что царь пожертвовал принадлежащий ему образ церкви, им же возведенной. Далее говорится, что при посещении Мухрани – селения в Центральной Грузии – он приложился к иконе св. Шио, одного из так называемых 13 сирийских отцов VI в., основоположников монастырского жития в Грузии. Надо отметить, что до наших дней почти не сохранилось икон с образами грузинских святых (исключением являются не-

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ Георгий Мцире. Житие Георгия Мтацминдели // Грузинская классическая литература. Т. 2. С. 88.

¹⁹ Там же. С. 147.

²⁰ Там же. С. 124.

²¹ Грузинская классическая литература. Т. 5. С. 208–209.

¹⁴ Георгий Мтацминдели. Житие Иоанна и Евфимия // Грузинская классическая литература. Т. 2. Тбилиси, 1987. С. 18.

¹⁵ Там же. С. 25–26.

¹⁶ Там же. С. 33–34.

скольки поздних икон) и это сведение приобретает особое значение. В “Защельяни” же царя Давида Строителя (1125) говорится о драгоценных дарах, преподнесенных им Хахульской Богоматери – едва ли не самому прославленному образу Грузии: “Мои камня и жемчуга пожертвовал Хахульской Богоматери”²², что является еще одним подтверждением того внимания, которое уделялось грузинскими царями украшению и прославлению этого славного образа.

Житие Петра Ибера (Петр Иверийский), сына царя Иберии (Восточная Грузия), – Бакура, впоследствии епископа Маюма или Газы, написано Захарием Картвели (Грузином) в V или VI в. на ассирийском языке и переведено на грузинский Макарием Месхи в XIII–XIV вв. В произведении находим следующие упоминания о поклонении иконам: узнав о смерти отца Исаи, Петр, охваченный горем, в слезах пал ниц перед образами Спасителя и Пресвятой Богородицы в своей келье²³. Далее мы читаем: предчувствуя свой приближающийся конец, Петр оповещает об этом своих учеников. После осенения крестом братьев и их благословения он в своей келье слезно молится перед образом Спаса за свою паству и за весь мир²⁴. В том случае, если повествование Макария о поклонении образам точно следует оригинальному тексту и не является добавлением переводчика, то тогда мы будем иметь дело с одним из древнейших сведений о почитании икон. К сожалению, без специального исследования трудно что-либо утверждать, а такого рода текстовый анализ не входит в нашу компетенцию, хотя это чрезвычайно важный вопрос, так как в этот ранний период исторические данные о почитании и распространении христианских святых образах крайне редки.

Наряду с агиографической литературой для нас исключительно значение имеют ктиторские монастырские типики. Как известно, в средневизантийский период была распространена практика создания монастырских правил основателями этих обителей, принадлежавшими большей частью к аристократической среде²⁵. Типики монастырей привлекают особое внимание византинистов и медиевистов, так как часто эти документы содержат чрезвычайно интересные сведения, открывающие неизвестные страницы духовного опыта православных обителей и дают возможность воссоздать различные стороны жизни и культуры православного мира. Типик Петрицонского (Бачковского) монастыря, составленный в 1083 г. основателем монастыря, грузинским феодалом Григолом Бакурианисдзе, выдающимся деятелем Византии, севастом и великим домашником Запада, является, наверно, одним из самых популярных и наиболее часто цитируемых типиков. Богатые сведения типика являются источником самых разнообразных, а в некоторых случаях даже уникальных сведений, касающихся православного богослужения и искусства²⁶.

Петрицонский типик – своеобразный каталог, в котором не только дается перечень икон, но и указаны их сюжеты, материал, а иногда и форма ико-

²² Грузинская классическая литература. Т. 5. С. 214.

²³ Там же. С. 315.

²⁴ Там же. С. 317.

²⁵ См.: Byzantine Monastic Foundation Documents // DOS. XXXV. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typica and Testaments. Vol. 1–5 / Ed J. Thomas, A. Constantinides Her^o. Washington D.C., 2000.

²⁶ Шанидзе А. Указ. соч. С. 232–329.

ны. XXXIV глава типика посвящена жертвоприношениям, сделанным монастырю Григолом Бакурианисдзе. Здесь представлен перечень “святых честных икон”, церковной утвари и всех украшений, преподнесенных основателем монастыря святой обители. В Петрицонском типике упомянуто более десяти икон, среди которых иконы живописные, чеканные, каменные, эмалевые. Разнообразны и формы икон – складни, реликварии святого древа, алтарные образы, эпистилии. Многообразны сюжеты святых образов – Богоматерь, святые воины (св. Георгий, св. Феодор), евангельские сцены (Преображение, Распятие). Среди икон назван и эпистилий темплона с Праздничным циклом. Хотя этот перечень и создает картину святых образов в монастыре, все же многое остается неясным – каковы реальные размеры икон (“больших” и “малых”), как выглядела “восьмиугольная икона”, что подразумевается под определением “каменная икона” (стеатит, мрамор?) и т.д.²⁷

В XII главе типика, указывающей на устройство освещения церковью монастыря, выделены особо значимые образы Пресвятой Богородицы, Распятия, Иоанна Предтечи и св. Георгия. Именно перед этими образами предписано ктиторм зажжение светильников. Следуя грузинскому тексту типика, по желанию Григола три светильника неугасимо должны гореть день и ночь перед иконой Пресвятой Богородицы, один светильник – в большом алтаре (в греческом тексте – *μεγάλη βήματι*), один светильник – перед святым алтарем (τοῦ ἁγίου βήματος), один – перед *канкели* (в греческом тексте – *ἐν τοῖς καμήλοισ*) у образа Распятия, один – перед образом Крестителя, и еще один светильник – перед образом святого Георгия²⁸. По-видимому, указанный образ Пресвятой подразумевает храмовый образ – и поныне существующую в монастыре икону Богоматери Петрицонитиссы²⁹. В связи с этой главой типика следует отметить, что она служит одним из главных свидетельств для определения времени украшения эпистилиев иконами, точнее, появления икон в интерколумниях алтарных преград³⁰.

Лаконичные, краткие сведения типика лишь указывают на наличие в церкви икон определенного типа, но и эти указания создают определенное представление об иконах XI в. Среди сохранившихся грузинских икон только небольшое количество относится к этому периоду, и эти письменные свидетельства дополняют наши знания об иконописи данной эпохи.

Иконы входят в перечень жертвоприношений, приведенных во второй главе того же типика (“О жертвоприношениях и подношениях и о землях, данных и положенных в этой церкви”): “...мы жертвовали и дали [монастырю] много честных икон...”³¹, в греческом тексте уточнено, какие образы были жертвованы: “иконы Христа Спасителя и всех святых”³². К сожалению, невозможно более точно определить характер и художественные достоинства

²⁷ Там же. С. 320–321

²⁸ Там же. С. 300–301

²⁹ Сакарелидзе Т. Грузинское чеканное искусство XIV–XIX веков. Ч. 1. XIV–XVI вв. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.). С. 26–29. Ил. 7. *Παναγιότης Μ. Η εικόνα της Παναγίας Γλυκοφιλούσας στο Μοναστήρι του Πετριζου*. Ευφρόσυνον. 2. Σ. 459–468.

³⁰ Chatzidakis M. L'évolution de l'icone aux 11e-13e siècles et la transformation du tempon // Acts du XVe congrès international d'études Byzantines, Athènes. Septembre 1976. I. Art et Archeologie. Athènes, 1979. P. 339; Шанидзе Э. С. Иконы XI в. из Софийского собора в Новгороде // Иконоста. М., 2002. С. 271–272.

³¹ Шанидзе А. Указ. соч. С. 289.

³² Georgica V. С. 128.

икон Петрицонского монастыря, но ясно, что все они созданы ок. 80-х годов XI в. или чуть раньше. Учитывая также высокий ранг вкладчика, следует предположить, что пожертвованные им в монастырь иконы, несомненно, являлись произведениями высокого художественного качества. Что же касается происхождения этих икон, следует учесть одно немаловажное обстоятельство – Петрицонский монастырь, как это не раз подчеркивается в типике, является грузинским монастырем, основанным грузинским феодалом, и ктитор строго требует его ограждения от иноземцев. В одной из глав (XXIV) строжайшим образом запрещено принятие в монастырь греков. В местной семинарии обучение велось на грузинском языке, так же, как и богослужение³³. Исходя из этих предпосылок, следует предположить, что пожертвованные монастырю иконы, если не все, то хотя бы их часть, были грузинской работы.

Православная доктрина почитания святых образов нашла свое отражение в грузинской гимнографии. В этом отношении примечательно произведение “Песнопения Анчийской иконы”, принадлежащее перу Иоанна Анчели, епископа Анчийского монастыря в Южной Грузии, современника царицы Тамар (конец XII – начало XIII в.). Имя Иоанна Анчели, архиепископа Анчийского, известного церковного деятеля Грузии, связано с чудотворной иконой Нерукотворного Спаса из Анчи (Анчисхати) (рис. 2). Иоанн Анчели, как сказано в одной из надписей чеканного оклада иконы, удостоился чести украсить святой Анчийский образ по приказу царицы Тамар. Анчийский чеканный триптих – истинный шедевр чеканного искусства “окован рукою Бека”, выдающегося грузинского золотавателя Бека Опизари³⁴. Иоанн Анчийский не только украсил окладом этот чудотворный образ, но и посвятил ему “Песнопения”, представляющие собой акростих: “Воспеваю образ Анчийский, я, недостойный Иоанн Анчели”. Это поэтический гимн величайшей святыне Грузии³⁵. “Песнопения” Иоанна Анчели являются своеобразным литургическим канонем. Автор прославляет святую икону и просит покровительства и защиты у “Воплощенного Слова Божия”. Иоанн связывает появление этого чудотворного образа в Грузии с апостолом Андреем, принесшим его в Кларджети (историческая область в Южной Грузии). В “Песнопениях” поэтически изложен христианский догмат о Святой Троице и провозглашается хвала Анчийскому образу – воплощению Спасителя. Здесь же рассказано о многочисленных чудесах, сотворенных иконой, “умом непостижимых и удивительных”. Иоанн напоминает об учении Василия Великого о почитании икон, согласно которому поклонение иконе переходит на первообраз. Весь гимн иконе пронизан православным учением о почитании икон. “Песнопения” завершаются восхвалением Анчийского образа, которому сопутствует и прославление Богородицы как пути воплощения Бога.

Сведения о святых иконах сохранились и в исторических хрониках Грузии. Приведем некоторые из них. Грузинский историк XI в. Леонтий Мровели в своем сочинении “Жизнь царей” рассказывает о проповедях Андрея Первозванного в Западной Грузии и, что особенно интересно для нашего ис-

следования, упоминает нерукотворный образ Богородицы. В летописи излагается предание, согласно которому Грузия досталась по жребию Богородице. В видении Сын Божий явился Богородице и изъявил свою волю – послать в предназначенный ей край апостола Андрея Первозванного с ее нерукотворным образом. В летописи говорится о чудесах, сотворенных этой иконой (исцеление ребенка, повержение идолов, истечение воды). Как следует из летописи, нерукотворный образ Богородицы явился действенным “инструментом” способствовавшим обращению населения этого края в христианство. Икона была помещена в Адкурском храме Пресвятой Богородицы³⁶.

В грузинских письменных источниках сохранились сведения еще об одной важной функции святых икон: как известно, они были покровителями войск в праведных битвах за родную землю, являлись защитниками воинов от врагов, приносящими победу. В летописи Василия Эзосмодзгвари, историка царицы Тамар, “Жизнь царя-царей Тамар” рассказано, как горячо молилась царица перед святыми образами Христа и Богородицы накануне решающих битв: босая взойшла царица Тамар в Метехский храм Богородицы (в Тбилиси) и слезно молила святой образ о даровании победы над многочисленными врагами³⁷. И получило грузинское войско божественное благословение и был отброшен враг, численностью значительно превосходящий грузинскую рать (Шамхорская битва, 1195 г.). Перед решающей битвой с Румским султаном Рукнадином преклонила колени царица Тамар перед святым образом Вардзийской Богородицы и молила о покровительстве и помощи в неравной битве с несметными полчищами врагов. И босая, со слезами пошла во главе своего войска. Благословила царица на подвиг своих воинов, осенила их святым крестом, и в страшной битве сопутствовало грузинскому воинству покровительство и милость Вардзийской Богородицы. “Как волки среди овец” носились грузинские воины среди неисчислимых врагов, разили их беспощадно и победили их с божьей помощью (Басианская битва, 1204 г.)³⁸.

К XII в. особенно увеличилось количество икон в Грузии и возросла их роль в духовной жизни страны. Эта тенденция была характерна не только для Грузии, но и для всего византийского мира. В эту эпоху иконы наиболее активно применяются в литургии, в церквах и монастырях, в частной жизни, так как возрастает значение так называемого “личного спасения” и соответственно индивидуальной молитвы. К этому же времени возрастает количество письменных сведений о церковных ритуалах, связанных с практикой применения икон.

Два памятника грузинской письменности последующей эпохи – “Дзегли Эриставта” (“Памятник Эриставов”, рубеж XIV–XV вв.) и “Приношения Эриставта Шалвы Квенипневели Ларгвисскому монастырю” (1470 г.) – содержат интересные сведения, показывающие, что даже в тяжелейшие для страны времена грузинские феодалы заботились как о строительстве церквей и монастырей, так и об их украшении иконами и священными предметами.

³³ Шанидзе А. Указ. соч. С. 314.

³⁴ Амиранашвили Ш.Я. Бека Опизари. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.). С. 8.

³⁵ Иоанн Анчели. Песнопения Анчийской иконы // Хрестоматия древнегрузинской литературы / Сост. С. Кубанейшвили. Т. 1. Тбилиси, 1946. С. 381–383 (на груз. яз.).

³⁶ Картлис цховреба (Жизнь Картли). Т. 1 / Под ред. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. С. 38–41 (на груз. яз.).

³⁷ Грузинская классическая литература. Т. 3. С. 389.

³⁸ Там же. С. 398.

“Дзегли Эриставта”, по сути, является своеобразной хроникой одного из феодальных родов средневековой Грузии. Наряду с ратными подвигами ксанских эриставов в летописи значительное место уделено их деятельности по украшению церквей и монастырей. Летописец подробно рассказывает о том, кто и как украсил ту или иную икону. Так, например, автор сообщает, что жена эристава Шалвы “оковала” икону (так называемую “Тетросани”) и “украсила” ее частицами святых мощей³⁹.

В этой же летописи рассказано, как четверо суток самоотверженно бился Шалва Эристави за Лоцибнскую крепость, а на пятый день, овладев крепостью, преподнес церкви “две прекрасные иконы”. Здесь же находим интересное сведение о строительстве крепости в долине Исроли и возведении палат в Квенипневи сыном Шалвы, ставшим Ларгвисским эриставом, и о создании по его заказу большой иконы Спаса, украшенной чеканным окладом, а так же большой иконы св. Феодора⁴⁰.

“Дзегли Эриставта” содержит чрезвычайно важное для нас свидетельство о взаимосвязях в эту эпоху Грузии с духовным центром христианства – Иерусалимом, а также, что в конце XV в. паломники привозили в Грузию святые иконы и частицы животворящего Древа из Святой Земли. Так, в летописи говорится о том, как сын эристава Шалвы Пипа посетил Святую Землю, поклонился святыням и привез оттуда на родину святые мощи и святые иконы⁴¹.

О тех же ксанских эриставах повествует указанный выше текст “Приношений”. Монастырь в Ларгвиси, где находилась фамильная усыпальница ксанских эриставов, находился под постоянным вниманием эриставской семьи. В этом памятнике письменности рассказывается о вкладе предков эристава Шалвы в строительство и благоустройство монастыря, о его украшении многочисленными иконами. Сам же Шалва, как сообщает источник, украсил росписью главную церковь монастыря, возведенную во имя св. Феодора, а также воздвиг крест честной у царских врат, полных икон со святыми частицами. Кроме того, Шалва построил церковь Крестителя, украсил ее росписью и святыми иконами⁴².

В грузинских исторических документах позднего средневековья также сохранились интересные сведения об иконах. “Грамота подношений католикоса Дорофея Итрийской церкви”, составленная в конце XVI в., сообщает о восстановлении разрушенной урумами церкви и ее украшении иконами. Среди них упоминаются чудотворная икона “Сионской Богоматери”, украшенная драгоценными камнями и жемчугом, большая створчатая живописная икона Спасителя, большая икона Распятия со святыми частицами, а также пять–шесть небольших икон⁴³.

Составленная ок. 1612 г. “Книга подношений католикоса Евфимия Сакварелидзе Бичвинтскому храму” сохранила сведение о том, что в Гелатском монастыре находилась золотая икона Бичвинтской Божьей Матери, пожертвованная католикосом Евдемоном⁴⁴.

³⁹ Там же. Т. 5. С. 109.

⁴⁰ Там же. С. 110.

⁴¹ Там же. С. 110.

⁴² Там же. С. 128.

⁴³ Памятники грузинского права. Т. 3. С. 354.

⁴⁴ Там же. С. 386.

Трудно переоценить данные, содержащиеся в “Грамоте” настоятеля Онуфрия Мачутадзе монастырю Давид Гареджа, в которой дан не только полный перечень имеющихся в монастыре икон, но и указано их расположение – на могиле св. Давида покоилась окованная серебром икона Спасителя, там же находились две иконы Божьей Матери, окованные серебром, складная икона Спасителя, икона Снятия со Креста, икона св. Николая. Отдельно перечислены иконы в церкви св. Николая – обитая серебром икона св. Николая, икона Божьей Матери, икона Спаса. В церкви Иоанна Крестителя названы: икона св. Иоанна Крестителя со створками, украшенная “на русский манер” драгоценными камнями и русским жемчугом, одна икона Воскресения, складень с Дванадцатыми Праздниками, иконы св. Николая, св. Ильи, св. Иоанна Крестителя, икона святых апостолов Петра и Павла, икона Преображения. Особо выделены иконы в пещерной келье настоятеля – св. Николая, Пресвятой Богородицы, Вход в Иерусалим, св. Шио, Спаса⁴⁵.

Грамота Гареджийского монастыря важна для нас не только фактическими данными относительно находившихся к началу XVIII в. в монастырях Гареджийской Пустыни святых икон, но также и указанием на существовании к этому времени в том древнейшем монастырском центре Грузии интенсивной духовной жизни. В перечне икон названы не только святые образы отдельных монастырских церквей, но и иконы, покоившиеся на гробницах, и святые образы, принадлежавшие частным лицам.

“Законы” Вахтанга VI, созданные в 1703–1711 гг., предоставляют нам интереснейшие сведения о роли святых образов в жизни страны, в частности в законодательной практике. В целом ряде разделов учтены различные случаи, в решении которых большую роль играют святые иконы. Так, например, нанесение повреждений иконам было приравнено к измене царю и отечеству, ограбление церквей, похищение икон считалось тяжчайшим преступлением, и наказание за него должен был определить царь или католикос. Большое значение придавалось иконам в вершении правосудия – присяга на святом образе в определенных случаях считалась достаточной для выявления вины⁴⁶.

Обзор средневековых грузинских письменных источников показал, что в Грузии уже с VIII–IX вв. почитание икон имело определенную традицию (например, см. “Житие Григола Хандзтели” и “Житие Серапиона Зарземли”). Жития святогорских отцов X–XI вв., содержащие разнообразные, хотя и скудные, сведения об иконах, являются своеобразной “энциклопедией”, охватывающей почти весь спектр аспектов почитания святых образов – будь то формы икон, их сюжеты, материал, поклонение иконам или же их функция. Из этих агиографических произведений становится ясно, что в это время святые образы играли довольно важную роль в церковной практике страны.

Начиная с XI в., сведения о иконах все чаще появляются в грузинских письменных источниках (Бачковский типик, список пожертвований католикоса Мелхиседека и т.д.). Надо отметить, что именно с этого времени сохранились письменные свидетельства о водворении в Грузии величайших хрис-

⁴⁵ Там же. С. 681.

⁴⁶ Законы Вахтанга VI / Изд. Ис. Долидзе. Тбилиси, 1981. С. 179, 181, 182, 183 (на груз. яз).

тианских святых – чрепия и нерукотворного образа Богоматери. В это же время становится популярным предание, согласно которому поклонение святым иконам уходит вглубь веков, к апостольским временам (см. “Жизнь царей”). Эта тенденция, с одной стороны, тесно связана с возрастанием национального самосознания, обусловленным усилением грузинской государственности, а с другой стороны, свидетельствует о возросшем значении святых образов в духовной жизни страны. Созданием этих преданий Грузия старалась как бы стать наравне с Византией, в столице которой хранились самые значительные святыни христианского мира – Нерукотворный образ Спасителя, чудотворные иконы Богоматери и другие священные реликвии. В связи с тем, что Грузия, приобретала все более значительное влияние в политической и духовной жизни восточнохристианского мира, требовалось особое подчеркивание ее значения как оплота православия.

Даже при таком беглом ознакомлении с древнегрузинскими литературными и историческими свидетельствами становится ясной важность этого материала для изучения истории икон. Роль и значение святых образов в жизни страны и их отражение в литературных памятниках и исторических документах – неисчерпаемая тема, требующая нового взгляда на сохранившиеся до наших дней письменные источники, обогащающие наше представление о создании и распространении икон на различных этапах средневековья. Оригинальные произведения выдающихся грузинских церковных деятелей, их переводы христианских авторов создают полное впечатление о характере и масштабе распространения в Грузии православного учения о святых образах. Грузия, ее духовные отцы всегда стойко стояли на защите традиции почитания икон. Грузия неукоснительно следовала принципам почитания священных образов и грузинская церковная практика неизменно придерживалась византийской традиции. Все это проявилось не только в памятниках грузинской иконописи, но и нашло яркое отражение в средневековом грузинском литературном наследии.

Н.В. Герасименко

ДЕКОРАЦИЯ АЛТАРНОЙ ЧАСТИ КАФОЛИКОНА МОНАСТЫРЯ ОСИОС ЛУКАС*

Многообразные идеологические, церковные, литургические изменения, происходившие в XI в., оказали огромное влияние на окончательное формирование декорации крестово-купольных храмов, на ее состав, иконографию, смысл¹. Наиболее значительные нововведения в монументальной живописи коснулись программы центральной апсиды, где появляются и утверждаются с середины XI столетия новые композиции: Причащение апостолов и святительский ряд, впоследствии оформившийся в Службу святых отцов². Сцена Причащения апостолов впервые появляется в алтаре церкви Панагии тон Халкеон в Фессалониках (1028 г.) (на боковых стенах вимы), затем в алтаре Софии Киевской (после 1037 г.) и Софии Охридской (1040-е годы). Ряд святителей в нижнем ярусе апсид перечисленных храмов представлен фронтально, но уже в церкви монастыря Велюса (после 1080 г.) и монастыря Иоанна Златоуста в Кутсовендис на Кипре (1092–1118 гг.) фронтальные изображения сочетаются с трехчетвертными. В 1160–1180-е годы эта композиция окончательно закрепляется в алтаре как Служба святых отцов (апсида церкви Пантелеймона в Нерези, 1164 г.; церкви монастыря Неофита около Пафоса на Кипре, 1183 г.; церкви Георгия в Курбиново, 1191 г.). Названные сюжеты отсутствуют в алтаре Осииос Лукас. Вероятно, именно поэтому программа декорации святилища не привлекала до настоящего времени специального внимания исследователей³. Однако это не означает, что кафоликон, созданный в 1030–1040-е годы, стоит вне настроений эпохи. Он представляет своеобразное и цельное воплощение единого замысла. Раскрытие отличительных черт его структуры и живописного оформления важно для более ясного понимания основных тенденций эпохи.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 04-04-00135а.

¹ Walter Ch. Art and Ritual of the Byzantine Church. L., 1982. P. 5, 239. Среди работ на эту тему можно также назвать: Spiser J.M. Liturgie et programmes iconographiques // Trauvaux et memoires. 1991. 11. P. 575–590; Mathews T. The Sequel to Nicaea II in Byzantine Church Decoration // Perkins Journal of Theology. Dallas, 1988. N 41.3. P. 11–21, reprint Art and Architecture in Byzantium and Armenia. L., 1995. XII; Lafontaine-Dosogne J. Evolution des programme decoratif des eglises de 1071 à 1261 // Actes du XVe Congrès International d'Etude Byzantines. Athènes, 1979. P. 287–329; Лидов А.М. Схизма и византийская декорация // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 17–35.

² См.: Djurić S. Some Variants of the Officiating Bishops from the End of the 12th and the Beginning of the 13th Century // JÖB. 1982. Bd. 32/5. S. 481–489; Gero S. The Eucharistic Doctrine of the Byzantine Iconoclasts and Its Sources // BZ. 1975. Bd. 68. P. 40–42; Walter Ch. La place des évêques dans le décor des absides Byzantines // Revue de l'art. 1974. N 24. P. 81–89; Idem. L'évêque célébrant dans l'iconographie byzantine // L'assemblée liturgique et les differents rôles dans l'assemblée / Ed. A. Triacca. Rome, 1977. P. 321–331; Царевская Т.Ю. Фрески церкви Благовещения на Мячине (в Аркажах). Новгород, 1999. С. 23–33.

³ Общая система декорации кафоликона, в том числе и алтаря, была описана в: Chatzidakis N. Hosios Loukas. Athens, 1997.

Рис. 1. Чудотворная икона Преображения; серебряный оклад. 886 г.

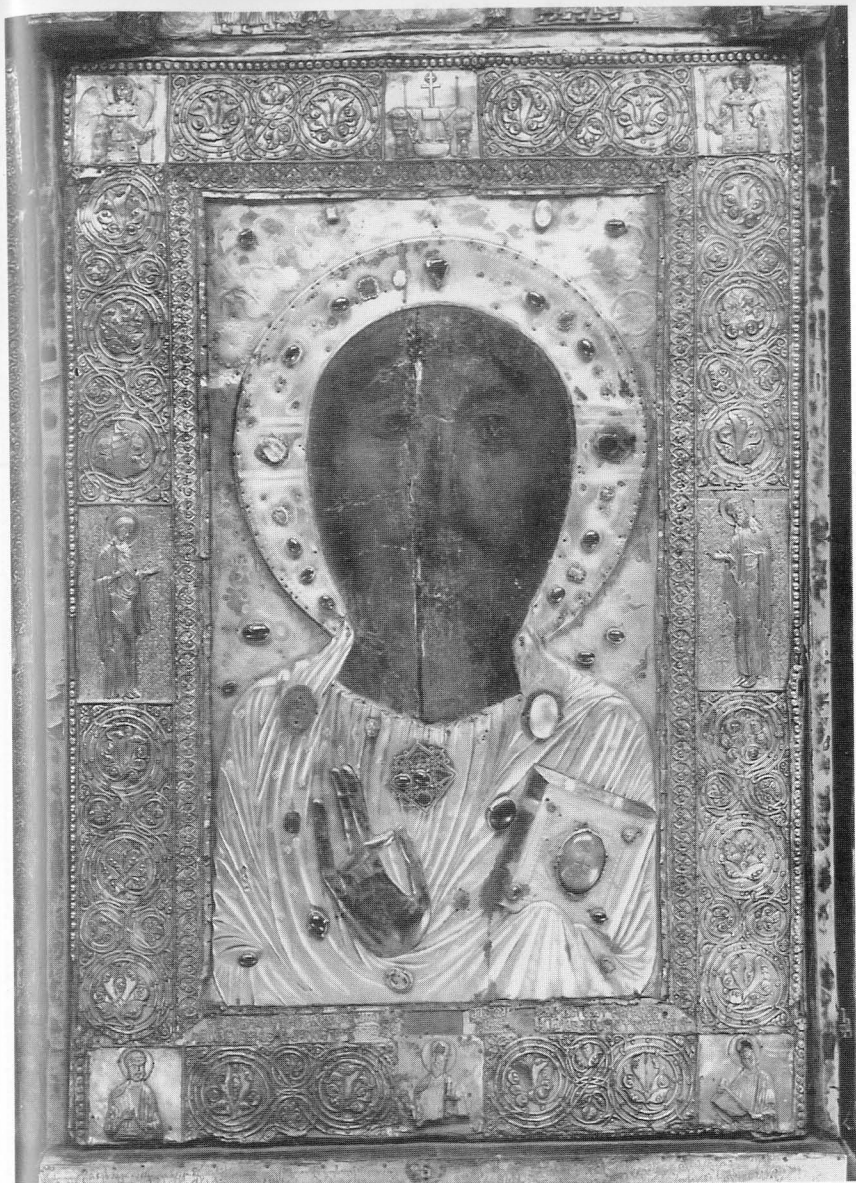

Рис. 2. Чудотворная икона Нерукотворного Спаса из Анчи

Как архитектурная структура, так и система декорации святилища Осиос Лукас не имеют прямых аналогий в византийском искусстве (рис. 1). Восточная часть кафоликона состоит из пяти компартиментов. Центральная апсида и две примыкающие к ней соединены проходами. Из наоса святилище представляется трехчастным, два боковых компартиментов скрыты замкнутыми капеллами рукавов креста. Центральный алтарный компартимент перекрыт куполом, остальные – крестовыми сводами. Алтарь отделен от пространства наоса мраморной резной преградой на колонках. Пятичастное святилище не характерно для византийского крестово-купольного храма. Традиционным является трехчастный алтарь. Известны еще три церкви, имеющие практически такой же план: церковь Панагии Сотириа Ликодему в Афинах, ок. 1044 г., Христиану в Трифилии, Пелопоннес, до 1086 г., и Дафни в Афинах, конец XI в.⁴ Но все они выстроены позже кафоликона; возможно, были ориентированы на него как на образец. Таким образом, подобная структура, очевидно, была осуществлена в Осиос Лукас впервые, ее появление должно было отвечать определенным функциональным требованиям.

Решение проблемы локализации и функционирования боковых капелл далеко выходит за рамки нашего исследования, однако для раскрытия целей декорации важно обозначить некоторые возникающие в этой связи проблемы. По устоявшейся традиции, в византийских церквях две апсиды по сторонам центральной именуются жертвенником и диаконником. Как показали многочисленные исследования, окончательно такое разделение фиксируется только в поздневизантийское время (в сочинении Симеона Солунского (+1429) отмечено: “алтарь... на восточной стороне, с правой его стороны жертвенник, с левой диаконик”)⁵. В раннее время восточные капеллы использовались для поминальных и других специальных служб⁶. После победы иконопочитания трехапсидный алтарь становится обычным, но названия и назначения боковых капелл еще долгое время варьируются. Согласно исследованиям Р. Тафта и К. Уолтера, формирование службы, происходящей в жертвеннике, относится к времени ок. 700 г.⁷. Термин “жертвенник” начинает употребляться наравне со “скевофилакионом” для обозначения комнаты, где происходит проскомидия, с IX в.⁸. Постепенно “жертвенником” все чаще называют помещение слева (к северу) от центральной апсиды (напри-

мер, у Николая Андидского в XI в.)⁹. Слово “диаконник” также широко распространяется в это время, но его значение и расположение остаются нечеткими в течение более продолжительного периода. Так, в Типиконе константинопольского монастыря Пантократора (1136 г. составления) упоминаются два диаконника по сторонам от центральной апсиды, а также скевофилакион отдельно в этой же церкви¹⁰. В некоторых регионах, например в Каппадокии, в X–XIII вв. существовали одноапсидные церкви с отдельно расположенной нишей жертвенника (часто в наосе), а в трех- и двухапсидных церквях каждая капелла являлась независимым святилищем, имела свой алтарь и жертвенник¹¹. Также высказывалось мнение, что даже там, где боковые восточные компартименты служили жертвенником и диаконником, они могли иметь наравне с этими и другие литургические функции¹². Так, например, в церкви Успения в Скрипу (Греция), 873/874 г., боковые апсиды были посвящены св. Петру и св. Павлу соответственно, но наравне с этим, по мнению Ж. Лафонтен-Дозонь, могли использоваться как жертвенник и диаконник¹³. В Софии Киевской, построенной ок. 1037 г., две апсиды, ближайшие к центральной, были освящены в память апостолов Петра и Павла (к северу) и родителей Богоматери Иоакима и Анны (к югу), а крайние апсиды – в память архангела Михаила (южная) и великомученика Георгия (северная).

Таким образом, назначение боковых капелл, особенно правой, еще не является однозначным в XI в. В то же время кафоликон Осиос Лукас по своему местоположению, архитектуре и живописи принадлежит к столичной школе; поэтому вероятность использования двух апсид, ближайших в центральной, в качестве жертвенника и диаконника – достаточно велика. Как покажет анализ сохранившейся декорации и выполненных в апсидах надписей из Священного Писания, обе боковые апсиды в равной степени могли предназначаться для проходившей службы и обряда проскомидии. В связи с тем, что в существующей об Осиос Лукас литературе, начиная с книги Г. Кремеса¹⁴, эти помещения регулярно именовались жертвенником и диаконником, для ясности изложения этим определениям будем следовать и мы.

Юго-восточный угловой компартимент кафоликона, очевидно, являлся ризницей (сокровищницей), именно так он был обозначен Р. Шульцем и С. Барнслеем в одной из первых книг, посвященных кафоликону¹⁵. Расположение этого помещения, его замкнутый характер свидетельствуют о справедливости этого предположения. Северо-восточный угловой компартимент служит проходом между кафоликonom и церковью Панагии, в то же время он играет особую роль, так как в открытом проеме его западной стены расположена гробница основателя монастыря, и именно здесь осуществ-

⁴ Mango C. Byzantine Architecture. N.Y., 1974. P. 222–224. Pl. 245. А. Хингопулос датирует церковь Панагии Ликодему первой третью XI в., так как считает, что надпись выполнена в 1031 г.) (*Συγγράμμα Εὐρετήριον τῶν μεσαιωνικῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος*. Т.В'. Αθήνα. 1929. Σ. 80).

⁵ Сочинения Блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. СПб., 1896 (репринт: М., 1996). С. 152 (гл. 101). О проблеме: Descoudres G. Die Pastophorien im syro-byzantinischen Osten. Wiesbaden, 1983; Walter Ch. Art and Ritual...; Taft R. The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites and of the Liturgy of John Chrysostom. Rome, 1978. (OCA. 200). Stricevic D. The Diakonikon and the Prothesis in Early Christian Churches // *Stariinar. N.S.* IX–X. 1958–1959. P. 59–66; Σωτηρίου Γ. Η πρόθεσις και διακονικὸν ἐν τῇ ἀρχαίᾳ ἐκκλησίᾳ // *Θεολογία*. Περ. Β'. Τ.Α'. 1941. Σ. 76–100.

⁶ Babic G. Les chapelles annexes des églises byzantines. P., 1969; Mathews Th.F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. Pennsylvania; London, 1971; о средневизантийском периоде см.: Ćurčić S. Architectural Significance of Subsidiary Chapels in Middle Byzantine Churches // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1977. Vol. 36. N 2. P. 94–110.

⁷ Taft R. Op. cit. P. 178–182; Walter Ch. Art and Ritual... P. 190.

⁸ Babic G. Les chapelles annexes... P. 63.

⁹ Walter Ch. Art and Ritual... P. 234.

¹⁰ Gautier P. Le Typikon du Christ Sauveur Pantocrator // *Revue des Etudes Byzantines*. 1974. N 32. P. 1–131.

¹¹ Mathews T. “Private” Liturgy in Byzantine Architecture: Towards a Re-appraisal // *CA*. 1982. 30. P. 125–137, 134; Teteriatnikov N.B. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia // *Roma*, 1996. (OCA. 252). P. 33–78.

¹² Descoudres G. Op. cit. P. 156–159.

¹³ Lafontain-Dosogne J. Aspects de l'architecture monastique à Byzance du VIIIe au Xe siècle. Topographie et disposition liturgique // *Revue Bénédictine*. Vol. III. N 1–2. P. 198.

¹⁴ Κρέμος Γ. Θωχίδα. Τ. 1–3. Αθήνα 1874–1880.

¹⁵ Schultz R., Barnsley S. The Monastery of Saint Luke of Stiris, in Phokis, and Dependent Monastery of Saint Nicolas in the Fields, Near Skripou in Boetia. L., 1901.

лялось поклонение его мощам. В данное время восточная часть этого помещения отделена от западного прохода и представляет собой отдельную капеллу, посвященную в честь святого Харлампия. Первоначально весь этот компартимент был связан с культом мощей святого Луки Стирита. Декорация этих помещений, за исключением западной части северного компарти-мента, утрачена; сохранилась лишь роспись вокруг гробницы Луки Стирита.

Мозаики XI в. сохранились на сводах и в некоторых люнетах центрального алтаря и диаконника; в жертвеннике уцелели только четыре изображения святителей на арке; все стены, согласно византийской традиции, облицованы мрамором. Большое значение имеют выложенные над конхой в каждой из трех апсид строчки из Псалтири: в центральной написано: τῷ οἴκῳ σου πρέλει ἀγίασα καὶ ἴριε εἰς μακρότητα ἡμερῶν – “Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие годы” (Пс. 42:5). В диаконнике: νίψομαι ἐν ἁθώοις τὰς χεῖράς μου καὶ κικλῶσω τὸ θυσιαστήριόν σου κύριε – “Буду омыwać в невинности руки мои и обходить жертвенник Твой, Господи” (Пс. 25:6) (рис. 2), в жертвеннике: κύριε, ἠγάπησα εὐπρέπειαν οἴκου σου καὶ τόπον σκηνώματος δοχῆς σου – “Господи, возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей” (Пс. 25: 8). Девяносто второй псалом, строфа из которого приведена в центральной апсиде, читается во время накрытия диска со святым хлебом покровцем, а также поется как вседневный антифон на литургии оглашенных. Двадцать пятый псалом, упоминаемый в боковых апсидах, произносится при омовении рук священником, причем в XI столетии этот ритуал мог происходить не в начале литургии, перед Проскомидией, как сейчас, а в середине, перед Великим Входом¹⁶. Эти тексты, очевидно, призваны акцентировать важность происходящего здесь действия и определить назначение пространства, в котором оно разворачивается; при этом они относятся к тем моментам литургии (приготовление к службе священника, омовение им рук; покрытие диска), роль которых была немаловажной в контексте богословской полемики XI в.

Анализ схемы оформления алтарной апсиды выявляет несколько основных особенностей: размещение сцены Сошествия Святого Духа на апостолов в алтарном куполе; отсутствие композиции Причащения апостолов, святительского ряда или других изображений в нижних рядах алтарной апсиды; исключительное преобладание изображений святителей.

Сюжет Пятидесятницы очень редко располагался в куполе. Он представлен на плафоне каппадокийской церкви Карабюлют килизеси в Авчиларе, первая четверть X в.¹⁷, где Пятидесятница является единственной сценой христологического цикла; в одном из куполов Сан Марко в Венеции, начало XIII в.¹⁸; а также, согласно описанию Николая Месарита, в одном из пяти куполов церкви святых Апостолов в Константинополе, вторая половина IX в.¹⁹.

¹⁶ Литургия // Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. С. 881, 880. Я хотела бы поблагодарить М.С. Желтова за ценные указания.

¹⁷ Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991. P. 77.

¹⁸ Demus O. Die Mosaiken von San Marco in Venedig. Baden-Baden; Wien, 1935. P. 18, 84.

¹⁹ Nicolaos Mesarites: Description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople. Greek Text Edited with Translation, Commentary, and Introduction by Glanville Downey // Transaction of the American Philosophical Society. N.S. Vol. 47. P. 6. The American Philosophical Society. Philadelphia, 1957. December. P. 855–924. Chap. XVIII. P. 874–875, 904.

При этом изображение этой сцены на одном из центральных мест в каждом из этих памятников было обусловлено различными определенными причинами. Выполнение Пятидесятницы в одном из пяти куполов храма святых Апостолов, очевидно, соответствовало посвящению храма. Затем эту схему повторил собор Сан Марко, как известно, возводившийся по его образцу. Включение данной сцены в роспись маленькой каппадокийской церкви, по мнению К. Жоливе-Леви, было связано с ее погребальным назначением²⁰. В Осиеосе Лукас появление праздника Пятидесятницы над алтарем, на одном из наиболее сакральных мест, было вызвано стремлением акцентировать роль апостолов в программе. Размещение этого сюжета имело и символическое значение: нисхождение святого Духа осеняет алтарь, все алтарное пространство, все образы и совершаемое в нем действо.

Отсутствие композиции Причащения апостолов и святительского ряда в кафоликоне Осиеоса Лукас предопределено архитектурной структурой святылища: вся его восточная стена пронизана окнами, тем самым не остается поверхности, на которой можно выложить мозаики. Лишь в небольших люнетах этих окон представлены образы Христа, Иоанна Предтечи и Богоматери, формирующих композицию Деисуса. Несомненно, отсутствие стеновых плоскостей вызвано замыслом. Для авторов программы было не столь важно визуально изобразить момент приобщения к божественной плоти в сцене Причащения, сколько символически запечатлеть преобразование пространства под мощным потоком света, льющим на алтарь из двух рядов окон. Над этим потоком – строго величественная фигура Богоматери с младенцем Христом, восседающая на троне. Изображение Богоматери в конхе следует схеме, утвердившейся после победы над иконоборчеством и встречающейся в раннехристианское время. Но не характерно появление под ее образом темы Деисуса. Этот сюжет присущ апсидам многих памятников, особенно Каппадокии, Грузии, но там он является главным для алтаря. Здесь он представлен в небольшом масштабе. Введение Деисуса акцентировало идею заступничества всех святых, безусловно преобладающих в программе всего храма.

Основное место в декорации святылища занимают святители. Двенадцать святителей изображены на сводах диаконника, еще двенадцать, очевидно, были представлены в жертвеннике, но от декорации последнего уцелели лишь мозаики на западной арке с четырьмя фигурами. Два образа – святого Григория Богослова и Афанасия Великого – размещены в больших нишах на северной и южной стенах святылища. В таких же сферических нишах по четырем углам центрального пространства наоса выполнены мозаичные изображения Василия Великого и Иоанна Златоуста (у алтаря), Григория Чудотворца и Николая Чудотворца (в западной части). Изображения Иоанна Златоуста и Николая Чудотворца повторены второй раз в небольших медальонах в южном люнете под алтарным куполом (образ Иоанна сохранился полностью, Николая Чудотворца – фрагментарно, но с надписью имени). Мозаики северного люнета разрушены, но, весьма вероятно, что там были представлены Василий Великий и Григорий Чудотворец. Всего в святылище в пространстве около него в данное время насчитывается двадцать четыре образа святителя, а было не менее тридцати четырех. О таком числе и одинаковой структуре оформления жертвенника и диаконника можно говорить

²⁰ Jolivet-Lévy C. Op. cit. P. 77.

достаточно уверенно, ибо вся декорация Осиеос Лукас следует строгому иерархическому порядку и единой системе расположения кафоликоне в сходных архитектурных пространствах. В других помещениях кафоликоне представлено еще восемь изображений святителей: апостол Иаков, Брат Господень, — на своде северного рукава креста в одеянии святителя; Кириак, патриарх Иерусалимский, — в северо-восточном компартименте; Игнатий Богоносец — в юго-западной капелле (второе его изображение); неизвестный святитель — в северо-западной капелле; Афанасий Великий — в крипте (также во второй раз); Симеон, епископ Персидский, и два неизвестных святителя — на галереях.

На западной арке жертвенника изображены: Кирилл Александрийский; Климент, папа Римский; Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский; Григорий, Просветитель Великой Армении (рис. 3). В диаконнике на западной арке: Дионисий Ареопагит, епископ Афинский; Иерофей, епископ Афинский; Григорий, епископ Нисский и Филофей, пресвитер (рис. 4). В диаконнике в медальонах на крестовом своде: Антипа, епископ Пергамский; Анфим, епископ Никомидийский; Елевтерий, епископ Иллирийский; Поликарп, епископ Смирнский (рис. 5). На восточной арке диаконника: Спиридон, епископ Тримифунтский; Сильвестр, папа Римский; Ахилий, епископ Лариссы; Киприан, епископ Карфагенский или Антиохийский. В восточном люнете диаконника также представлен святой воин Феодор Тирон, в северном люнете — Три отрока в печи огненной, в южном — Даниил во рву львином (рис. 2).

Практически все перечисленные святители регулярно встречаются в византийских храмовых росписях. По сравнению с другими, не столь часто изображаются: Ахилий, Антипа, Дионисий Ареопагит, Елевтерий, Иерофей, Поликарп; самым редким является образ пресвитера Филофея. Представленные епископы управляли епархиями в различных частях христианского мира (Греция, Малая Азия, Рим, Северная Африка, Кипр), но здесь нет акцентирование темы Пентархии, как в Софии Охридской, где было намеренно собрано наибольшее число святителей из пяти главных центров²¹. Местоположение иерархов определено их личным почитанием, а не принадлежностью к одной епархии: в больших нишах представлены наиболее прославленные, на арках в рост — не столь знаменитые, в медальонах — менее известные. Несколько больше, чем обычно, здесь можно видеть греческих епископов (Афин, Лариссы), отчасти это может быть вызвано местными предпочтениями, но в то же время образы этих святителей не являются совершенно редкими. В святителище Осиеос Лукас представлены почти все прославленные иерархи различных регионов, в основном, раннего времени. Отсутствие некоторых значимых имен святителей (Елифангий Кипрский²² и Григорий Акрагантский²³), часто встречаемых в храмовых декорациях, вы-

звано, видимо, разрушением части мозаик в жертвеннике. На месте утраченной декорации в XIX в. были созданы фрески. На крестовом своде жертвенника в медальонах написаны святые епископы Михаил, Леонид, Парфений и Вавила; на восточной арке — четыре ангела и святой Дух в виде голубя в восьмиконечном нимбе; в восточном люнете — полуфигура Ветхого Завета с двумя серафимами; ниже под окном — Христос, стоящий во гробе, Богоматерь и Иоанн Предтеча; в южном люнете — сцена мучения Сергия и Вакха; в северном — живопись повреждена. Возможно, фресковая роспись частично воспроизводит некоторые имена святителей, но остальные сюжеты не характерны для XI в. Очевидно, на восточной арке были выполнены образы четырех святых отцов, а не ангелов. В восточном люнете, по справедливому замечанию Н. Хатзидакис, был, вероятно, представлен Федор Стратилат, симметрично образу Феодора Тирона в восточном люнете диаконника²⁴.

Все святители, за исключением Филофея, облачены в рясу, фелонь (однотонного цвета) и белый омофор с крестами, на руках — поручи (епитанкиа); при изображении в полный рост видна епитрахиль под омофором и на поясе — энхерион (эпигонатий); на левой руке у всех — закрытое Евангелие, правая рука обычно в жесте благословения или направлена на Евангелие, лишь двое, Иоанн Златоуст и Филофей, держат кресты²⁵. Тип изображения святителей в подобном облачении и с Евангелием в руках окончательно утверждается к началу средневизантийского периода и является наиболее характерным для византийского искусства²⁶.

Среди всех иерархов значительно выделяется как одеянием, так и своим житием святой Филофей²⁷. Несмотря на то что он изображен рядом со святителями на одном из центральных мест, он не был епископом, а имел сан пресвитера и почитался как преподобный. Он жил в Малой Азии в IX в., был женат, имел детей; сана пресвитера был удостоен за свою праведную жизнь; позже стал монахом; прославился воздержанием, молитвою, чудесами. В отличие от других святителей он представлен без омофора, в одеждах, более соответствующих его сану: в темно-фиолетовой фелони, в поручах, с епитрахилью под фелонью и с эпигонатием на поясе. В левой, как и все святители, он держит Евангелие, а правой, как большинство преподобных в кафоликоне — крест. Его образ не был широко распространен в византийской живописи, его изображение есть в Менологии Василия II (Vat. gr. 1613, fol. 38)²⁸, где он представлен в позе оранта с поднятыми руками. Включение этого святого в число святителей и его размещение на одном из центральных мест было обусловлено стремлением запечатлеть святого покровителя почитаемого настоятеля монастыря Осиеос Лукас. Имя игумена Филофея известно по Службе перенесения мощей Луки Стирита²⁹. Считается, что он был инициатором возведения кафоликона и что его портрет с моделью храма в руках выполнен на фреске в се-

²¹ Grabar A. Deux témoignages sur l'autocephalie d'une église: Prespa et Ohrid // ZRVI. 1964. 8. P. 166–168.

²² Его изображения: в Санта Мария Антиква в Риме, 705/706 (De Grüneisen W. Sainte Marie Antique. Rome, 1911. Fig. XXI-A); в Софии Киевской, 1040-е годы; в церкви Асину на Кипре, 1106 г. (Mango C., Hawkins E. The Hermitage of Saint Neophytos and its Wall Painting // DOP. 1966. N 20. P. 264); в церкви св. Апостолов в Перахорио на Кипре, ок. 1180 г. (Megaw A.H.S., Hawkins E.J.W. The Church of Holy Apostles at Perachorio, Cyprus. Its Frescoes // DOP. 1962. N 16. P. 288); в Лагудера, 1192 г. (Stylianou A. and J. The Painted Churches of Cyprus. Stoubridge, 1964. Fig. 42).

²³ Изображения: в Панагии тон Халкеон, 1028 г.; в Дафни, конец XI в.

²⁴ Chatzidakis N. Hosios Loukas. P. 50.

²⁵ Иоанн Златоуст с крестом в руке представлен также во фресках собора Софии в Киеве.

²⁶ Walter Ch. Art and Ritual... P. 9–30.

²⁷ Память 15 сентября. LCI VIII 209; Syn CP 47–48; BHG II 206.

²⁸ Codices e Vaticanis Selecti. VIII. Turin, 1907. Pl. 38.

²⁹ Κρόμος Γ. Op. cit. Σ. 71–77; 78–102.

веро-восточном компартименте³⁰. О его особом почитании в монастыре свидетельствует изображение в медальоне на юго-восточном своде крипты, где представили четырех наиболее значимых настоятелей с сопровождающими надписями “ὁ θεῖος πατήρ ἡμῶν” – “преподобный отец наш”), при этом симметрично на северо-восточном своде были написаны их святые покровители, в числе которых был и образ святого Филофея. Портрет настоятеля Филофея был, вероятно, включен и в изображение группы монахов при входе в крипту³¹.

Несмотря на сохранившуюся надпись, не однозначна идентификация святого Киприана, представленного на восточной арке диаконника, так как известно два святителя с этим именем: епископ Антиохийский (память 2 октября) и епископ Карфагенский (память 31 августа). Киприан Карфагенский был блестящим писателем и оратором III в.; став христианином, он получил широкую известность как богослов и как церковный деятель. Сохранилось множество его произведений, особенно на тему отречения христиан от веры и их возвращения в церковь. По этому поводу им были созваны несколько соборов в Карфагене. Жизнеописание, озаглавленное “О жизни и страданиях святого Киприана”, было составлено после его кончины диаконом Понтием³². История священномученика Киприана Антиохийского еще более удивительна: он был философом и волхвом, однажды хотел приворожить Иустину, являвшуюся христианкой, по одной версии, по просьбе некоего юноши, по другой, влюбившись в нее сам; но его искусство оказалось тщетным, тогда он уверовал в Христа и сжег свои книги. После поставления в епископы, он был подвергнут мучениям и скончался в Никомедии. Можно бесконечно спорить, житие какого из этих святителей соответствует программе кафоликона. Но фактом является то, что события житий этих святых периодически смешивались, и они соединялись в один образ. Григорий Богослов, произнося речь по случаю памяти Киприана и Иустины 2 октября, называет его епископом Карфагенским, а не Антиохийским, как следовало бы по житию³³. Это сочинение, видимо, оказало определенное влияние на последующее почитание этих иерархов. Большую популярность получила история Киприана и Иустины (известно, например, стихотворение императрицы Евдокии, супруги Феодосия Младшего, посвященное им³⁴), но при этом Киприана вслед за Григорием Богословом именуют епископом Карфагенским. Четко разделить изображения этих святых вряд ли возможно, так как, видимо, даже если Киприана называют епископом Карфагенским, в большинстве случаев имеется в виду история Киприана Антиохийского: важным фактом является то, что в минологиях портрет Киприана помеща-

ется именно на 2 октября, часто вместе с Иустиной³⁵. Очевидно, что эта же ситуация повторялась и в монументальной живописи, хотя там это сложно подтвердить из-за отсутствия указания на день памяти.

Некоторое смещение деталей жития, а также иконографических образов святых с одним именем – явление в византийском искусстве не редкое, и на уровне текстов достаточно изученное. В иконографической системе часто случалось так, что образ наиболее почитаемого святого как бы поглощал всех других святых с этим именем, особенно если они принадлежали к одному чину святости (например, Николай Мирликийский), или наоборот недавно прославленного святого начинали изображать по типу уже известного одноименного ему (преподобный Евфимий Новый имеет сходную иконографию с Евфимием Великим). В связи с этим часто бывает трудно идентифицировать изображение без надписи. Но, кажется, не всегда осознанным является то, что разграничение одноименных святых при отсутствии второго определяющего имени редко бывает возможно не только в силу одинаковых иконографий, но из-за слияния их личностей в сознании верующих. Так вряд ли все создатели росписей и прихожане задумывались о том, какая из трех пар святых братьев-врачей Косьмы и Дамиана представлена в какой-либо церкви, важнее была целительская сила, общая для них.

Разумеется, существуют одноименные святые, образы которых достаточно четко различались и по иконографии, и по житию; в таких случаях всегда полностью обозначалось имя святого (например, святители Григорий Богослов, Григорий Чудотворец, Григорий Нисский, Григорий Великой Армении или Иоанн Златоуст, Иоанн Милостивый, преподобные Иоанн Лествичник, Иоанн Колов, Иоанн Кушник). К этому же ряду принадлежат два святых Климента: епископ Анкирский (память 23 января) и папа Римский (память 25 ноября), при их изображении всегда указывали имя полностью. Образ святого Климента есть в мозаиках жертвенника, но из-за поврежденности мозаики вторая часть надписи была утрачена; сохранились только буквы справа – А КΛΗΜΗΝΣ – святой Климент. Определение святителя может быть спорным. Однако образы этих святых несколько отличаются по иконографиям: епископ Анкирский изображается с заостренной бородой средней длины, а Климент, папа Римский, с тонзурой на голове, короткими волосами и короткой закругленной бородой³⁶. Именно такой облик имеет святой Климент на мозаиках Оснос Лукас, что позволяет идентифицировать его с папой Римским.

Отдельный вопрос представляет причина выделения образов четырех святителей из святилища и размещение их в нишах наоса. При этом они композиционно и символически связаны с двумя иерархами, изображенными в нишах центральной апсиды. Эти шесть святых – Григорий Богослов, Афанасий Великий, Василий Великий (рис. 6), Иоанн Златоуст (рис. 7), Григорий Чудотворец (рис. 8) и Николай Чудотворец (рис. 9) – являются наиболее прославленными и почитаемыми отцами Церкви. В большинстве монументальных ансамблей XI в. именно они изображены на центральных местах: все шестеро – в апсиде Софии Охридской; пятеро (кроме Афанасия) – в алтаре

³⁰ Chatzidakis M. A propos de la date et du fondateur de Saint-Luc // Cahiers archéologiques. 1969. XIX. P. 127–150; *Idem*. Précisions sur le fondateur de Saint-Luc // Cahiers archéologiques. 1972. XXII. P. 85–87; Oikonomides N. The First Century of the Monastery of Hosios Loukas // DOP. 1992. Vol. 46. P. 245–255.

³¹ Chatzidakis M. A propos de la date... P. 127–150; *Idem*. Précisions sur le fondateur... P. 85–87.
³² PG. T. 3. Col. 1483.

³³ “Слово 24, в похвалу святого священномученика Киприана, говоренное на другой день его памяти...” // *Святитель Григорий Богослов*. Собрание творений. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 346–356.

³⁴ Архиепископ Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. III. М., 1993. С. 407.

³⁵ Delehaye H. Cyprien d'Antioch et Cyprien de Carthage // AB. 1921. 29. P. 314–342; Koman J. Les deux Cyprien de saint Grégoire de Nazianzin // Studia Patristica. 4. Texte und Untersuchungen. 79. V., 1971. P. 363–372; Walter Ch. Art and Ritual... P. 88–89. N 16.

³⁶ См. Царевская Т.Ю. Образ Св. Климента Римского в новгородском искусстве XIII в. // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 260–272.

Софии Киевской; очевидно, все они были и в святилище монастыря Дафни. Определенное влияние на выделение и включение в эту группу Афанасия Великого могло оказать и то обстоятельство, он был небесным покровителем одного из игуменов монастыря, о чем свидетельствуют их портреты в крипте³⁷. Изображение четырех прославленных отцов Церкви за пределами святилища, возможно, отражало более раннюю традицию, как в Софии Константинопольской, где образы святителей во второй половине IX в. были размещены в наосе, а также соответствовало функциональному разделению храма, ибо центр наоса, как и алтарь, был предназначен для служения святителями литургии; присутствующие на службе верующие обычно не занимали середину, а стояли у стен (в кафоликоне изображения преподобных находится в западной части наоса). По парное распределение шести иерархов в различных зонах храма, видимо, выражало не столько иерархический порядок, сколько смысловой: создатели важных богословских догматических сочинений, Григорий Богослов и Афанасий Великий, – в алтаре; творцы литургии – в непосредственной близости от алтаря, как бы предворяя основное литургическое действие; два святителя, прозванные Чудотворцами благодаря совершенным многочисленным чудесам как при жизни, так и после смерти, – в западной части, ближе к местоположению верующих во время службы, как надежные заступники и хранители. Как уже отмечалось, образы четырех святителей, выполненные в наосе, были повторены в небольших медальонах в боковых люнетах центральной апсиды. Таким образом, все шесть святителей были объединены в алтарном пространстве, что имело несомненный символический смысл. Одна из причин такого повторения может также заключаться в стремлении объединить программы основной части храма и галерей и сделать эти образы видимыми для верующих, стоящих наверху.

Анализ декорации позволяет сделать некоторые выводы:

Практически все образы иерархов сконцентрированы в святилище и около него, они составляют основную часть алтарной программы.

Их число достаточно велико, в средневизантийский период только в Софии Охридской насчитывается больше их изображений. В Охридском соборе святители абсолютно преобладают над другими святыми, что было обусловлено особыми целями программы³⁸. В Осиос Лукас различные чины святых представлены приблизительно в равных соотношениях, при этом все они размещены отдельно в определенных пространствах.

Расположение епископов в алтаре, иерархически следом за апостолами, их акцентированное число соответствовало развитию апсидных программ в этот период и основным богословским течениям в византийской Церкви. Представленные в диаконнике два сюжета, Три отрока в печи огненной и Даниил во рву львином, интерпретируются в соответствии с темой евхаристической жертвы и характерны для многих алтарных программ³⁹.

Как отмечала К. Жоливе-Леви, “декор апсиды приобретает свой смысл только в литургии, дающей ему право на существование”⁴⁰. основополагающая задача как представленных в апсидах текстов, так и изображений – обозначить и раскрыть литургическое действие. Декорация всех трех апсид кафоликона построена сходным образом и воспринимается как единое целое; это определенным образом свидетельствует, что боковые компартименты не функционировали отдельно, а в равной степени предназначались для литургии, в том числе и для сформировавшегося к этому времени чина проскомидии. Чин проскомидии в Осиос Лукас, вероятно, еще не был строго локализован в левой апсиде, так как декорация правого алтаря также соотносится с этой темой. Как показывают примеры памятников средневизантийского периода, нельзя исключить возможность, что боковые алтарные капеллы кафоликона могли иметь и другие функции, в частности быть посвящены святым Федору Тирону и Федору Стратилату, образы которых были помещены в восточных люнетах.

³⁷ Chatzidakis M. A propos de la date... P. 127–150; Oikonomides N. The First Century... P. 245–255; Герасименко Н.В. Изображение преподобных в кафоликоне монастыря Осиос Лукас в Фокиде // Кафедра византийской и новогреческой филологии. М., 2000. С. 124–125.

³⁸ Grabar A. Deux témoignages... P. 166–168.

³⁹ Например, в церкви Петра и Павла в Тырново, XIV в. (рухнувшей во время землетрясения 1913 г., фрагменты находятся в Археологическом музее в Софии) – сцена Три отрока в печи огненной и Даниил во рву львином были размещены соответственно над жертвенником и диаконником (Лазарев В.Н. История византийского искусства. Т. I. М., 1986. С. 263).

⁴⁰ Jolivet-Levy C. Op. cit. P. 335.

Рис. 1. Общий вид юго-восточной части кафоликона

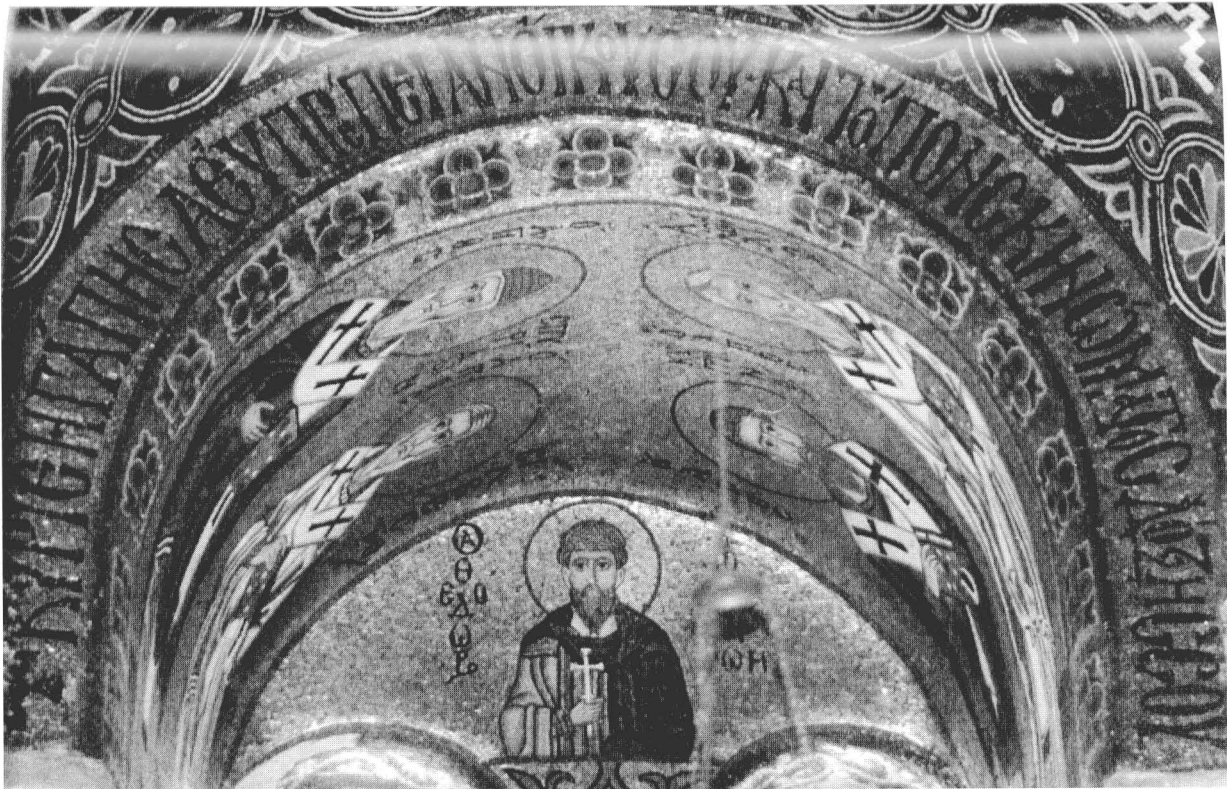

Рис. 2. Мозаики восточной части диаконника: Феодор Тирон, Спиридон Тримифунтский; Сильвестр, папа Римский; Ахилий, епископ Лариссы; Киприан, епископ Карфагенский или Антиохийский

Рис. 3. Мозаики жертвенника: Кирилл Александрийский; Климент, папа Римский; Игнатий Богоносец; Григорий, Просветитель Великой Армении

Рис. 4. Мозаики западной арки диаконника: святые Дионисий Ареопагит, Иерофей, Григорий Нисский и пресвитер Филофей

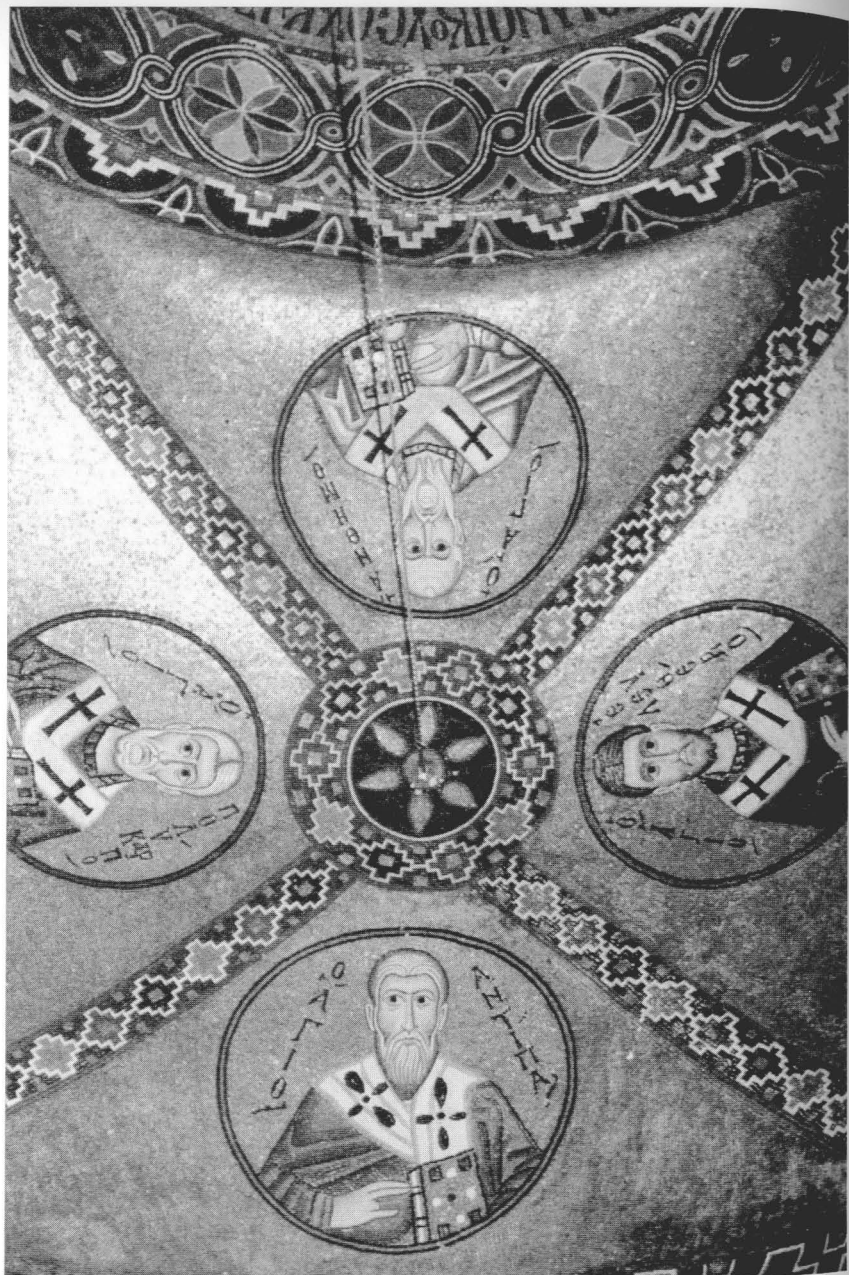

Рис. 5. Мозаики крестового свода диаконника: Антипа Пергамский; Анфим Никомидгейский; Елевтерий Иллирийский; Поликарп Смирнский

Рис. 6. Василий Великий

Рис. 7. Иоанн Златоуст

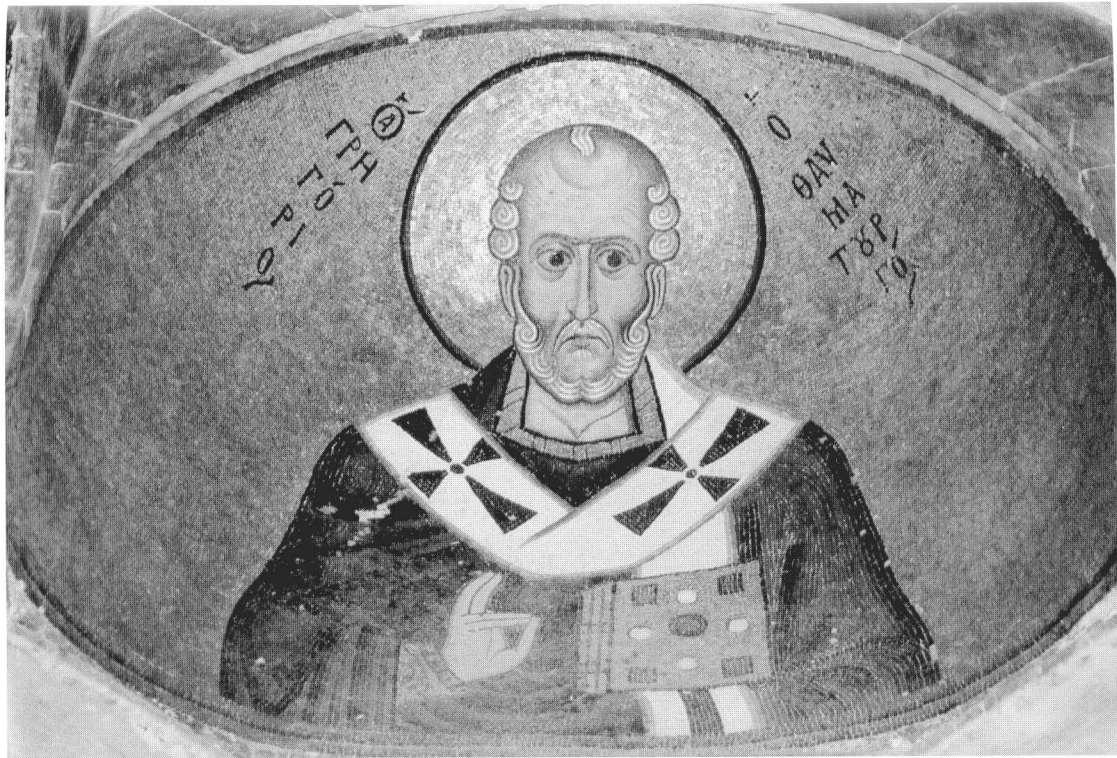

Рис. 8. Григорий Чудотворец

Рис. 9. Николай Чудотворец

БОГОМАТЕРЬ С СИМВОЛАМИ ЕВАНГЕЛИСТОВ*

В греческом пергаменном Четвероевангелии Национальной библиотеки Бреши в Италии (А. VI.26) сохранилась интереснейшая миниатюра Богоматери, с символами евангелистов. Рукопись датируется исследователями X–XII вв.¹ Миниатюры выполнены в разное время, и их можно разделить на две группы: портрет Епифания и Богоматери с Младенцем, современные исполнению рукописи, и портреты евангелистов, выполненные в середине XIV в. армянским мастером крымской школы².

Изображение Богоматери вместе с расположенным рядом портретом Епифания иллюстрирует пролог – традиционную вводную часть, которая следует за письмом Евсевия Кесарийского Карпиану. На л. XIV в большом медальоне, на золотом фоне, изображена прямолично Богоматерь с Младенцем на левой руке типа Одигитрия (рис. 1). На Марии синее платье с пурпурным мафорием. Младенец благословляет правой рукой, в левой же держит свиток над коленом, одет в синий хитон с клавом и гиматий темной охры. В малых медальонах, по углам, расположены погрудные изображения символов евангелистов. Все медальоны объединены переплетающимися между собой жгутами, подчеркивая единство композиции и неразрывную связь центрального изображения с угловыми.

Атрибуция символов евангелистов соответствует тексту пролога, как об этом свидетельствуют надписи: в верхнем левом углу изображен ангел – ΜΑΤΘΑΙΟΣ (Матфей), единственная сохранившаяся оригинальная надпись, справа от него – лев (от поновленной надписи сохранились лишь буквы κα, по которым можем догадываться, что речь идет о Луке), в нижнем левом углу изображен бык, символ Марка (от имени сохранилась лишь буква Μ), справа от него – орел, символ Иоанна.

Образ Богоматери в окружении символов евангелистов принадлежит к числу уникальных миниатюр (нам неизвестны другие греческие рукописи с подобным изображением), исследователи до сих пор не уделяли ей должного внимания. Редкость сюжета создает определенные трудности в его интер-

* Мы признательны Э.А. Гордиенко, Н.В. Пивоваровой и Ю.А. Пятницкому, прочитавшим работу и сделавшим полезные замечания.

¹ Е. Мартини, впервые опубликовавший рукопись, относит ее к X в. (*Martini E. Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane. Vol. I. Pt. II. Milano, 1896. P. 259*). Эту датировку поддерживает Г. Галаварис (*Galavaris G. The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels // Byzantina Vindobonensia. Vol. II. Wien, 1979. P. 110*). Б.Л. Фонкич полагает, что рукопись должна быть отнесена к началу X в. (мы признательны Борису Львовичу за консультацию). А. Муньос в исследовании, посвященном миниатюрам рукописи, относит ее к концу XI – началу XII в. (*Muñoz A. Miniature bizantine nella biblioteca Queriniana di Brescia // Miscellanea Ceriani. Milano, 1910. P. 173*). Датировку XII в. поддерживает Р. Нельсон (*Nelson R. The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. N.Y., 1980. P. 60*).

² *Gukova S.N. Miniature del manoscritto Queriniano VI.26 // Annali Queriniani. 2002. Vol. III. P. 7–46.*

претации и в поисках аналогий, поэтому мы сосредоточим наше внимание на двух направлениях: традиция иконографических схем, включающих символы евангелистов, и литургический контекст и среда, в которых могла появиться эта композиция.

Прежде чем обратиться к анализу этой редкой иконографической схемы, напомним, что она представляет собой, вместе с портретом Епифания, епископа Саламины на Кипре (IV в.), иллюстрацию пролога и тесно связана с его текстом. Речь идет о выходных миниатюрах, имеющих целью раскрыть содержание рукописи и дать ключ к ее символической и идейной интерпретации. Образ Епифания, и в еще большей степени текст, который его сопровождает, подсказывают интерпретацию символов евангелистов, окружающих Богоматерь, поэтому обратимся к миниатюре с его изображением (рис. 2).

На л. XIIIv мы видим два медальона, в верхнем, малом, на золотом фоне предстает св. Епифаний с книгой в руке. В нижнем, большом, медальоне заключен текст: “*παρασημείωσις ἰ τοῦ ἁγίου ἐπιφανίου ἰ περί τῶν τεσσάρων εὐαγγελίων ὅτι τὸ μὲν κατὰ ματθαῖον ἐγράφη ἐν ὁμοίωματι ἀνθρώπου ἰ τῶν χαίρουβιμ τὸ κατὰ μάρκον ἰ ἐν ὁμοίωματι μόσχου τὸ κατὰ ἰ λουκᾶν, ἐν ὁμοίωματι λέοντος ἰ τὸ κατὰ ἰωάννην εἰς ὁμοίωμα ἁετοῦ ΑΔΟΝΤΑ ἰ ΒΟΩΝΤΑ ΚΡΑΥΓΑΙΖΟΝΤΑ· ΚΑΙ ΛΕΓΟΝΤΑ*”. (Заметки св. Епифания о четырех Евангелиях, о том, что [Евангелие] от Матфея написано в образе человека из херувимов, [Евангелие] от Марка [написано] в образе быка, от Луки – в образе льва, от Иоанна – в образе орла. [Они есть] ПОЮЩИЙ, ВОПИЮЩИЙ, ВЗЫВАЮЩИЙ, ГЛАГОЛЮЩИЙ). Заметим, что согласно тексту, символом Луки является лев, а символом Марка – бык. Текст пролога достаточно лаконичен по сравнению с другими рукописями³. Писец придает особое значение последним четырем словам и выделяет их унциалом.

Вопрос о символах евангелистов Епифаний рассматривает в сочинении “О размерах и протяженности”, написанном в 392 г.⁴ Автор подчеркивает особое значение числа 4 в космологической перспективе: подобно тому как Господь создал 4 реки Эдема, 4 страны света, 4 времени года, в этот ряд входят и 4 херувима-тетраморфа, которые предстают Иезекиилю в видении (I, 4–26). Таким образом, 4 херувима, которые в Апокалипсисе (4, 6–7) трансформируются в четыре разных существа с одной головой, интерпретируются Епифанием как часть божественного плана космоса, как пророческие фигуры, которые появляются в Ветхом Завете, предвещая приход Мессии. Епифаний здесь не оригинален, повторяя основные положения Иринея Лионского (II в.), первого христианского автора, отождествившего апокалипсические существа с символами евангелистов⁵.

В раннем средневековье интерпретация “живых существ” Иезекиеля, которая была затем перенесена и на символы евангелистов, была весьма

³ Ср. *Soden H. Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt. B., 1902. T. I. Abt. I. S. 303 ff.*

⁴ Это сочинение дошло до нас лишь в сирийском переводе: *Dean J.E. Eiphanianus' Treatise on Weights and Measures, the Syriac Version. Chicago, 1935.*

⁵ О возникновении символов евангелистов и их интерпретации в христианской традиции существует обширная литература. Сошлемся здесь лишь на одно из последних исследований, в котором можно найти ссылки на основные работы: *Подосинов А.В. Символы четырех евангелистов. Их происхождение и значение. М., 2000.*

многозначной. Истоки ее восходят к древней иудейской традиции, перенятой христианскими богословами. Важным свидетельством того, как понимались “животные” Иезекиеля в русле иудейской традиции, служит последующая апокалиптическая литература, в большинстве своем не попавшая в библейский канон, но имевшая большое распространение в иудейской, эллинистическо-римской и раннехристианской среде и оказавшая заметное влияние на сложение христианского богословия. Такова, например, судьба апокрифической Книги Еноха, в которой содержится развитое учение об ангелах⁶. Четыре “животных”, поддерживающих небесный свод, идентифицировались и с четырьмя странами света и с четырьмя ветрами. Это подчеркивало их “космическую” значимость, что отразилось и в иконографии. Возвращаясь к сочинению Епифания, заметим, что идентификация евангелистов здесь не соответствуют ни тексту приписываемого ему пролога рукописи, ни изображениям символов евангелистов на миниатюре. В самом деле, в христианской экзегезе и в иконографии существовали разные традиции в атрибуции символов евангелистам в зависимости от толкования этих символов. Иреней Лионский толкует их так: Матфей – ангел, Марк – орел, Лука – бык, Иоанн – лев. Этому толкованию придерживаются Анастасий Синайский, Софроний Иерусалимский и другие авторы. Ипполит Римский приписывает Матфею льва, Марку ангела, Луке быка и орла Иоанну. Псевдо-Афанасий определяет Матфея, как ангела, Луку, как льва, Марка, как быка, Иоанна, как орла⁷. Именно эту атрибуцию находим в нашей рукописи, что кажется парадоксальным, поскольку портрет Епифания, как автора пролога, представлен в выходной миниатюре и дает иную атрибуцию: Матфей – ангел, Лука – бык, Марк – лев, Иоанн – орел. Такое толкование, поддержанное Иеронимом, становится впоследствии наиболее распространенным как на Западе, так и на Востоке. Трудно сказать, с чем связана эта непоследовательность брешанской рукописи, и чем мотивировался обычно выбор того или иного толкования⁸.

Слова пролога, выделенные писцом, – “поющий, вопиющий, взывающий, глаголющий” – сразу же обращают наше внимание на Трисвятое (“Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас”): еucharистическую молитву анафоры, главной части еucharистического богослужения⁹. В первой части еucharистического канона, *praefatio*, священник обращается к Богу с благодарением за все благодеяния, и в особенности за творение мира, за помышление о нем, за милосердие к роду человеческому, за искупительный подвиг его Сына. Священник завершает молитву возгласом: “Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще”. Эта молитва *praefatio* заканчивается почти во всех восточных литургиях упоминанием ангельских воинств, стоящих вокруг Престола Господня и славословящих его величие. Следующая за ней молитва *sanctus* а прославляет искупительный подвиг воплощенного Слова Божия. После нее и так называемой молитвы *anamnesis* а, говорящей о все том же искупительном подвиге, следует молит-

ва призвания Святого Духа, *epiclesis*. Переходным, связующим возгласом между первой и второй молитвой еucharистического канона являются слова священника “победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще”, на что певцы отвечают: “Свят, Свят, Свят Господь Саваоф...”. Этот возглас тесно связан с предыдущей и с последующей молитвой. Содержание молитвы *praefatio* одинаково во всех известных древних литургиях, документирована уже с IV в. и сохранилась таковой и в последующие времена¹⁰.

Принято считать, что слова “поющий, вопиющий, взывающий, глаголющий” в литургическом контексте относятся к ангельским воинствам, стоящим вокруг Престола Господня. Однако памятники, как письменные, так и иконографические, свидетельствуют о том, что с VIII–IX вв. эти причастия могли быть отнесены к символическим фигурам евангелистов. Так, соответствия этих причастий символам евангелистов были обнаружены G. de Jerphanion в интерполяции, находящейся в комментариях к литургии Псевдо-Германа: *λέωντα* (глаголющий) для ангела, *βοῦντα* (вопиющий) для быка, *κρηναῖοντα* или *κρηναῖοντα* (взывающий) для льва и *ὄρντα* (поющий) для орла. Свидетельством распространенности такого толкования являются фрески Каппадокии X в.¹¹, где в целой серии изображений Христа во славе, окруженного символами евангелистов, можно видеть надписи, представляющие указанные выше причастия, которые сопровождают каждый символ, например, в одной из капелл Хачли Килисе X в. (рис. 3.). Те же причастия мы находим в Айвали Килисе, где в абсиде, изображающей Христа во славе, рядом с сохранившимися фрагментами символов евангелистов читаем *ὄρντα* и *βοῦντα*¹². G. de Jerphanion полагает, что древняя редакция этой интерполяции была написана в VIII или IX в. неизвестным каппадокийским монахом¹³.

Известно, что молитва анафоры нашла свое образное выражение в оформлении абсид еще в доиконоборческий период¹⁴. Речь идет о сложных двухчастных композициях, которые иллюстрируют посредством мистических откровений пророкам Исаяе, Иезекиилю и Иоанну Богослову, видевшим страшный Престол Господней славы и внимавшим ангельскому славословию, Второе Пришествие Господа. Христос на троне, в центре ореола, и четыре живых существа изображены вокруг трона либо вокруг ореола. Подобные композиции, которые F. van der Meer назвал “теофанией Трисвятого” представляют Христа в момент высшего триумфа, который реализуется во Втором Пришествии¹⁵. Эта сложная композиция, расположенная в

¹⁰ Киприан (Керн), архим. Евхаристия. М., 1999. С. 188 сл.

¹¹ Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside e de ses abords. P., 1991; *Velmans T., Korač V., Suput M.* Bisanzio: lo splendore dell'arte monumentale. Milano, 1999. P. 46–56.

¹² Thierry N. et M. Ayvali Kilise ou pigeonier de Gülli Dere. Église inédite de Cappadoce // CA. 1965. 15. P. 116–117.

¹³ Jerphanion G. de. Les noms des quatre animaux et le commentaire liturgique du Pseudo-Germain // Voix de monuments. P., 1930. P. 259. См. также: *Bornet R.* Les commentaires byzantines de la Divine Liturgie du VII au XV s. P., 1966. P. 164.

¹⁴ *Ihm Ch.* Die Programme der christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts. Wiesbaden, 1960; *Velmans T.* La koine grecque et les regions peripheriques orientales du monde byzantin // JÖB. 1981. Bd. 31. II. 2. S. 677–723.

¹⁵ *Meer F. van der.* Maestas Domini. Theophanies de l'Apocalypse dans l'art chrétien. Étude sur les origines d'une iconographie spéciale du Christ. Roma; Paris, 1938. P. 255.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Эта традиция восходит к сочинению, приписываемому св. Афанасию. См.: PG. 28. Col. 432.

⁸ Списки рукописей, следующих разным традициям, приводит Г. Галаварис. См.: *Galavaris G.* Op. cit. P. 21–22.

⁹ Об анафоре см.: *Успенский Н.Д.* Анафора (опыт историко-литургического анализа // Богословские труды. 1975. XIII. С. 40–147.

алтарной части, образно представляет слова священника, скандируемые в анафоре в торжественный момент евхаристической молитвы и объединяет основные темы: евхаристию и спасение, вознесение Христа и его славу во Втором Пришествии¹⁶. “Теофания Трисвятого” была наиболее распространенной иконографической схемой украшения абсид в доиконоборческий период (Хосиос Давид в Фессалониках, фрески Бауита и др.) По сути дела, речь идет о сложных композициях Вознесения Господня.

Исследователи полагают, что такие композиции появляются в Египте, но не в монастырской среде, а в городе Александрии¹⁷, откуда затем распространяются как в самом Египте (Бауит, Сахара), так и в других регионах (Фессалоники), а позже и в Эфиопии, где эта иконографическая схема сохранилась надолго. Изображения Христа в ореоле, поддерживаемом четырьмя “живыми существами” была в Эфиопии устойчивым элементом композиции Вознесения Господня, заимствованным из коптской живописи¹⁸.

Подытоживая вышеизложенное, мы можем заключить, что символы евангелистов, как правило, сопровождают изображение Христа во славе, которое появилось в искусстве коптского Египта в контексте композиции Вознесения Господня. По подобию этой схемы, по всей вероятности, возникла и композиция Вознесения Богородицы. Это предположение подтверждается и сравнением схемы пяти медальонов нашей миниатюры с аналогичной композицией, где в центральном медальоне предстает не Богородица, а Христос, как можно видеть, например, в выходной миниатюре известного манускрипта второй половины XI в. из Палатинской библиотеки Пармы (cod. gr. 5, f. 5a) (рис. 4). Художник использует здесь схему пяти медальонов, как и в рукописи библиотеки Бреши. Интересно отметить, что и порядок расположения символов евангелистов здесь такой же, как и в нашей рукописи.

Подобные аналогии находим и в памятниках западного искусства. Так, Евангелиарий Гудохинуса из библиотеки Autun (cod. 3, f. 12b), исполненный между 751 и 753 гг., имеет композицию аналогичную брешанской, состоящую из пяти медальонов с символами евангелистов по углам вокруг центрального медальона с той лишь разницей, что вместо изображения Богородицы предстает образ тронного Христа, даже расположение символов аналогично брешанскому (лев в правом верхнем углу, а бык в левом нижнем), но меровингская миниатюра следует традиции Епифания в отождествлении символов (рис. 5). Несомненно, это изображение восходит к *Maiestas Domini* восточнохристианских абсид. Таким образом, композиции пяти медальонов с Христом в центре представляют pendant брешанской миниатюре, где в центральном медальоне изображена Богородица.

Что касается прямых аналогий изображений Богородицы с символами евангелистов в византийском искусстве, то их немного, и, к сожалению, они не всегда надежны. В левой абсиде северной церкви Al Chohada в Египте, датирующейся XII–XIII вв., от которой осталась лишь нижняя часть живописи, сохранились элементы теофании – часть ореола с “живыми существами”, два архангела, солнце и луна. Центральная фигура, представленная лишь фрагментом от колен и ниже, по предположению Леруа, должна изображать Богородицу¹⁹. Леруа, понимая, что речь идет о *lectio difficilior*, приводит в поддержку такой возможности абсиду патриаршей базилики в Аквилее. Действительно, подобная иконографическая схема встречается настолько редко, что исследователи а priori ставят под сомнение саму возможность ее существования, так А. Иакобини кажется маловероятным такое прочтение египетского фрагмента, аквилейская же абсида, по его мнению, представляет собой *unicum*, который вряд ли может быть привлечен для анализа коптского памятника²⁰ (ниже мы вернемся к этой проблеме.) Другое изображение Богородицы с символами евангелистов, относящееся, однако, к более позднему периоду, описывает Петкович²¹. Оно находится в Сербии, в церкви св. Николы в Люботене близ Скопии и датируется XIV в. Речь идет о верхней части композиции Успения – Вознесения Богородицы. Мария предстает в круглом ореоле, поддерживаемом ангелами, рядом с ангелами изображены орел и голова льва. Н. Окунев, однако, считает последнее изображение плодом фантазии В. Петковича. Плохая сохранность фресок оставляет этот вопрос открытым.

Иконографическая схема Богородицы с символами евангелистов появляется вновь в памятниках византийского круга в XV в., продолжая традицию ранних изображений. Среди них можно назвать двухстороннюю новгородскую икону 1491 г. из частной коллекции²²; два панагиара XV в.²³; медную нагрудную икону того же периода из Новгорода²⁴; нагрудный деревянный резной крест того же периода, который воспроизводит схему панагиара²⁵.

Изображения Богородицы с символами евангелистов сохранились и в поствизантийской греческой живописи; отметим икону из собрания греческого института в Венеции “Богородица во славе с пророками” критской школы первой половины XVI в.²⁶ и некоторые поздние панагиары²⁷.

¹⁹ Leroy J. Les peintures des couvents du désert d'Esna // La peinture murale chez les Coptes. I. Le Caire, 1975. P. 11–12. Tav. 30–31.

²⁰ Iacobini A. Visioni dipinte... P. 191.

²¹ Петкович В. Живопис цркве у Люботену // Гласник Скопског Научног Друштва. 1927. II. 1–2. С. 110–112. Эта работа осталась нам недоступной, ссылаемся по: *Wratislaw-Mitrovic L., Okunev N. La Dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe* // BS. 1931. Vol. III. Fasc. 2. P. 159.

²² Novgorod Icons 12th–17th Century. Leningrad, 1980. N 200.

²³ Смирнова Э., Лаурина В., Гордиенко Э. Живопись Великого Новгорода, XV век. М., 1982. С. 260–261.

²⁴ Гнупова С.В. Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. М., 1996. № 115. С. 389.

²⁵ “Пречистому образу твоему преклоняемся...” // Образ Богородицы в произведениях из собраний Русского музея. СПб., 1995. С. 311.

²⁶ *Vandera Viani M.C. Museo delle icone bizantine e postbizantine e chiesa di S. Giorgio dei Greci. Bologna, 1988. P. 7.*

²⁷ Один из них опубликован Н.П. Кондаковым в: Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. Табл. XXXII.

¹⁶ Эта композиция лежит в основе *Maiestas Domini*, получившей широкое распространение на Западе, а также иконографической схемы “Спаса в силах”, см.: Пуцко В.Г. Византийское наследие в искусстве Московской Руси (“Спас в силах” в русской живописи XIV–XV вв. // ВВ. 1995. Т. 56. С. 266–282; 1997. Т. 57. С. 234–245.

¹⁷ Iacobini A. Visioni dipinte. Immagini della contemplazione negli affreschi di Bawit. Roma, 2000. P. 196, 179.

¹⁸ Странно, но не сохранилось ни одного изображения Вознесения Господня ни в ранней монументальной живописи Эфиопии, ни в иконах. Лишь эфиопские рукописи стабильно удержали эту иконографическую схему начиная от конца XIII в. См.: *Chojnacki S. The Four Living Creatures of the Apocalypse and the Imagery of the Ascension in Ethiopia* // Bulletin de la Société d'archéologie copte. 1976–1978. 23. P. 159–181.

Более интересные и надежные аналогии мы находим в западных памятниках, иконография которых восходит к восточнохристианским образцам. Известно, что искусство коптского Египта, Сирии и Палестины оказало значительное влияние на искусство Испании, Франции и Британских островов в докарولينгский период, в особенности в выборе иконографических моделей и формировании стиля²⁸.

Иконографическая схема Богородицы с символами евангелистов известна по французским памятникам²⁹. Ш. Гроссе приводит целый ряд памятников X–XIII вв., воспроизводящих эту иконографическую схему, – речь идет главным образом о каменной пластике (фрагменты алтарных украшений), окладах евангелий, имитирующих византийские образцы. Возможно, к тем же восточным образцам восходит и другой памятник, имеющий удивительное сходство с нашей миниатюрой – крышка саркофага Фридриха II в Палермо (XIII в.) (рис. 6). По углам каждой части двускатной крышки изображены в медальонах символы евангелистов. В двух центральных медальонах предстают, с одной стороны, погрудный Христос, а с другой – Богородица Одигитрия³⁰, что лишним раз подтверждает параллельное бытование пяти-медальонной композиции с Христом и с Богородицей.

Рассматриваемый сюжет представлен и в каталанском искусстве: картина XIII в. Барселонского музея изображает Богородицу с младенцем в мандорле с символами евангелистов по углам³¹. Аналогичное изображение находим и в станковой живописи раннего итальянского Возрождения – картине Маргарито (или Маргаритоне, как его называет Вазари) д'Ареццо, художника XIII в. (рис. 7). Богородица с Младенцем на коленях изображена внутри мандорлы, вокруг которой видим маленькие фигуры символов евангелистов. Исследователи отмечают связь этой иконографической схемы, как и стиля Маргарито в целом, с коптскими и сирийскими моделями³².

Но самую интересную аналогию представляет абсида патриаршей базилики в Аквиле, исполненная (1031)³³ с изображением тронной Богородицы в мандорле, сопровождаемой символами евангелистов. Именно на эту абсиду ссылается Леруа, как пример возможного отождествления разрушенной коптской фрески с изображением Богородицы на троне, окруженной “живыми существами”. По мнению исследователей, иконография абсиды представляет собой во всех отношениях *unicum* для венецианского искусства, пример импорта искусства Райхенау³⁴. Иконографическая схема ак-

²⁸ Rosenthal E. Some Observations on Coptic Influence in Western Early Medieval Manuscripts // H. Lehmann-Haupt. Homage to a Bookman: Essays on Manuscripts, Books and Printing written for Hans P. Kraus on his 60 th. Birthday. B., 1967. P. 51–74; Francovich G. de. L'arte siriana e il suo influsso sulla pittura medievale nell'Oriente e nell'Occidente // Commentari. 1951. 2. P. 2–16. 75–92, 143–151; Werner M. The Madonna and Child in the Book of Kells // Art Bulletin. 1972. 54. P. 1–23.

²⁹ Grosset Ch. La Vierge et le tétramorphe. Étude d'icographie médiévale // Mélanges René Crozet. Poitiers, 1966. P. 549–555.

³⁰ Bottari S. La tomba di Federico II // Commentari. 1951. 2. P. 162–168.

³¹ Cook W. La pintura románica sobre tabla en Cataluña. Madrid, 1960. P. 25. Lam. 42.

³² Longhi R. Giudizio sul Duecento e ricerche sul Trecento nell'Italia centrale. Firenze, 1975. P. 10, 21. 31, 34–35.

³³ Мы признательны Э.А. Гордиенко, указавшей нам на эту параллель.

³⁴ Dalla Barba Brusin-Lorenzoni. L'arte del patriarcato di Aquileia dal secolo XI al secolo XIII. Padova, 1968. P. 43–48.

вилейской базилики могла быть подсказана и иконографическими моделями оттоновского искусства, поскольку в Италии нет аналогичных схем для этого периода. Оттоновское искусство испытало, в свою очередь, значительное влияние христианского Востока. В этой перспективе вполне возможно допустить, что изображение Богородицы с символами евангелистов проникло в Аквилею через Райхенау.

Пример Аквилеи особенно важен для сравнения с нашей миниатюрой, поскольку здесь мы видим ту же иконографическую программу в качестве украшения абсиды. Этот факт подтверждает нашу гипотезу о том, что брешанская миниатюра воспроизводит древнюю схему конхи абсиды, не дошедшую до нас в византийских памятниках монументального искусства. Миниатюра повторяет лаконичную формулу этой схемы: Богородица изображена погрудно и мандорла превращается в медальон, который семантически сохраняет значение ореола. Таким образом, речь идет о мощном койне, включающем многие памятники западного искусства, которые обнаруживают общие восточнохристианские корни, удерживая иконографические схемы, восходящие к доиконоборческому периоду и не сохранившиеся в византийском искусстве³⁵.

И здесь встает вопрос о времени, месте и среде, в которых могла появиться эта схема, восходящая, полагаем, к древним образцам коптского искусства. Попытаемся обосновать наше предположение. Культ Богородицы и богородичная литургия имели несколько важных особенностей в Египте, связанных с очень ранней, по сравнению с другими восточными провинциями Римской империи, выработкой догматического учения о Богородице, которое находит свое зрелое выражение в Александрии уже в III в. Именно здесь, раньше чем где бы то ни было, был выработан и широко употреблялся по отношению к Марии термин “Богородица” (Θεοτόκος), который впоследствии благодаря деятельности св. Кирилла Александрийского был утвержден в качестве догмата на Эфесском соборе в 431 г.³⁶ Сравнительный анализ коптской и византийской литургии выявляет много общего, в особенности в литургии часов, с вероятной зависимостью византийских текстов от александрийских. И это показатель их древности: они восходят к периоду до отделения коптской церкви от византийской (VI–VII вв.)³⁷.

Копты праздновали Успение и Вознесение Богородицы как два праздника, отделенных друг от друга периодом в 206 дней. Феофил Александрийский (ум. в 412 г.) в одной из гомилий говорит, что праздник Вознесения Богородицы празднуется ежегодно и имеет древнюю традицию³⁸. Напомним, что в Иерусалиме в этот период праздновался лишь так называемый “день Богородицы”, учрежденный между 431 и 434 гг., сразу же после Эфесского собора, который имел своим единственным объектом божественное мате-

³⁵ Thiery A. L'Oriente e le origini delle miniature precaroline // Commentari. 1967. 18. P. 110–111.

³⁶ Giamberardini G. Il culto mariano in Egitto. Vol. I. Gerusalemme, 1975. P. 15. В этом ценном трехтомном исследовании опубликованы многочисленные документы, главным образом литургического характера, которые значительно расширяют наши представления о богородичном культе в Египте и очень важны с точки зрения формирования многих концепций, которые позже находят широкое распространение в Византии.

³⁷ Toniolo E. La genesi dei testi liturgico-mariani in rapporto ai Padri // Liturgie dell'Oriente cristiano a Roma nell'anno Mariano 1987–1988. Roma, 1990. P. 973.

³⁸ Giamberardini G. Op. cit. I. P. 175.

ринство Девы Марии³⁹. В 590 г. император Маврикий повелел праздновать во всей империи Успение Богородицы по иерусалимскому обычаю, 15 августа⁴⁰.

В Египте же еще до Эфесского собора праздновались Успение и Вознесение Богоматери и, как свидетельствуют документы, в V в. имели уже литургическую традицию⁴¹. Можно предположить, что в этом литургическом контексте и возникли изолированные изображения Вознесения Богоматери, которые следовали иконографической схеме Вознесения Христа – параллелизм между Христом и Марией можно проследить уже в литургических текстах и в гомелетике. Смерть Марии уподоблялась смерти Христа, и подобно телу Сына, тело Матери не подверглось разложению. По истечении 206 дней после смерти, как было обещано Христом, Мария познала радость воскресения, ее тело и душа соединились, и она была вознесена на огненной колеснице света в сопровождении ангелов. Ее прибытие в небесное царство было встречено “тем же славословием ангелов, которым сопровождалось Вознесение Сына”⁴². Описание этих событий, ведущих свое происхождение из апокрифов, было широко распространено в коптской литературе.

Один из лейтмотивов коптской богородичной литургии – идея возвышения Марии над ангельскими хорами херувимов и серафимов, (позже она становится одной из важнейших и в византийской литургии): Мария торжествует во славе, рядом со своим Сыном: “Подобно тому, о Мария, о Дева Мать моя, как ты сажала меня на твои колени, так и я посажу тебя на колесницу херувимов, чтобы сопроводить тебя ко мне и к Отцу моему на небеса”, – гласит текст литургии⁴³.

Копты посвящают Богоматери месяц kiahk (май). В литургических текстах этого месяца можно найти немало эпитетов Богородицы во славе. Вот некоторые выдержки из многочисленных текстов, опубликованных G. Giamberardini: “Трон Всевышнего, колесница херувимов, сияющее созвездие: это Дева Мария”⁴⁴; “Все имена бестелесных существ наверху, тысячи ангелов и архангелов не достигли высоты твоих добродетелей, о Ты, что облачена во славу Господа Саваофа. Ты ослепительна более солнца и сияешь более херувимов! Шестикрылые серафимы кружатся вокруг тебя в ликованиях”⁴⁵.

Иконография Вознесения Богородицы и ее славы на небесах развивается, таким образом, опираясь на литургическую практику, в тесном параллелиз-

ме, который объединяет Сына и Мать: Богоматерь изображается в ореоле славы, сидящей на дуге радуги, как это было обычно для иконографии Вознесения Христа⁴⁶.

Подтверждением нашего предположения о коптском происхождении Вознесения Богородицы могли бы послужить некоторые миниатюры оттонских рукописей, где Успение и Вознесение Богородицы представлены как отдельные сюжеты. Об этом свидетельствует и широкое распространение Вознесения Марии в западном искусстве раннего средневековья. Так, например, в витражах домского собора в Сиене, выполненных по рисункам Дуччо в 1287–1288 гг., тема смерти Богоматери представлена в трех частях: Успение, Вознесение и Коронация Марии на небесах. В сцене Вознесения она изображена в ореоле славы, несомом четырьмя ангелами. Иконографические элементы раннего изображения Вознесения постепенно фиксируются в определенной иконографической модели, где главной темой становится слава Богоматери на небесах.

Самым древним известным нам памятником, изображающим Вознесение Богородицы является ткань из кафедрального собора Санса (Франция)⁴⁷. Речь идет о фрагменте льняной ткани, украшенной медальонами, воспроизводящими сцену Вознесения Богоматери. Мария Оранта запечатлена в верхней части композиции, окруженная двумя ангелами с одним поднятым крылом над головой Богоматери – жест очень характерный для коптских богородичных изображений. В руках у ангелов пальмовая ветвь. В нижней части композиции изображены апостолы, причем двое предстают в горизонтальном положении над головами других. В руках у каждого по кресту. По двойному борту медальона идет надпись: “Cum transisset Maria mater domini de apostolis” (“Когда вознеслась Мария, мать Господа, от апостолов...”). Надпись, по всей вероятности, воспроизводит incipit какого-то литургического текста. Исследователи датируют ее по палеографическим признакам VII или VIII в.

К XI в. относится другой памятник – миниатюра известной Библии, исполненной в аббатстве Фарфа в Каталании, которая хранится в Ватиканской библиотеке под названием Библии Риполл (рис. 8). Богоматерь Оранта предстает здесь в ореоле, несомом четырьмя архангелами. Важно отметить, что последние могли заменять четырех апокалипсических существ вокруг ореола, что можно наблюдать и в изображениях Вознесения Господня. Истоки такой взаимозаменяемости находим в древней иудейской традиции, где херувимы Иезекииля отождествлялись с четырьмя архангелами – Михаилом, Гавриилом, Рафаилом и Фануилом (или Уриилом)⁴⁸. В Книге Еноха (21.1; 26.9) четыре живых существа вокруг трона Господня оказываются архангелами.

В коптской среде, учитывая популярность Книги Еноха, не должна удивлять взаимозаменяемость ангельских чинов “живыми существами”. Культ

³⁹ Montagna D. La liturgia mariana primitiva // Marianum. 1962. XXIV. P. 113; Capelle B. La Fête de la Vierge à Jérusalem au Ve siècle // Museon. 1943. 56. P. 1–33.

⁴⁰ Этот праздник по существу объединил три различные монофизитские традиции, существовавшие до сих пор в самом Иерусалиме: праздник Успения иоаннитов (χοιμῆσις), Перенесения тела Богородицы (μετάθεσις) эбонитов и Вознесение (ἀνάληψις) халкедонитов. см.: Testa E. Lo sviluppo della “Dormitio Mariae” nella letteratura, nella teologia e nell’archeologia // Marianum. 1982. XLIV. P. 389; Capelle B. L’Assunzione e la liturgia // Marianum. 1953. XV. P. 251 ff.

⁴¹ Giamberardini G. Op. cit. I. P. 290.

⁴² Ibid. II. P. 363. О параллелизме смерти Христа и Богородицы в святоотеческой литературе см.: Scelzi G. La morte della Vergine in conformità con Cristo nel pensiero della Chiesa Greca // Marianum. 1957. XIX. P. 90–114.

⁴³ Giamberardini G. Op.cit. II. P. 364.

⁴⁴ Ibid. I. P. 293.

⁴⁵ Ibid. P. 330.

⁴⁶ Dühr J. L’évolution iconographique de l’Assomption // Nouvelle revue théologique. 1946. 6. P. 671–683.

⁴⁷ Воспроизведена в: Chartraire E. // Revue de l’art chrétien. 4. 1897. P. 228; Cabrol F., Leclercq H. Dictionnaire d’archéologie chrétienne et de liturgie. P., 1924. Vol. 1/2. Col. 2983. Ткань с воспроизведением сцены Вознесения Богородицы не раз упоминаются в Liber Pontificalis в качестве подношений пап различным соборам Рима.

⁴⁸ Глаголев А. Ветхозаветное библейское учение об ангелах. Киев, 1900. С. 443.

архангелов, связанный с апокрифическими Книгами Еноха и Ездры, которые копты и эфиопы считали каноническими, занимал совершенно особое место в литургической практике христианского Египта. Возглас, произносимый в заключении эфиопской литургии, ставит верных под особое покровительство четырех архангелов Еноха и четырех апокалипсических существ⁴⁹. Очень показательна в этом смысле миниатюра XIII в. Статуа Санто Доминго де Таррега из Барселоны, восходящая к коптским образцам: вокруг тронной Богоматери млекопитательницы изображены четыре архангела, а по углам расположены символы евангелистов. Это изображение представляет особый интерес, поскольку архангелы идентифицированы надписями: речь идет о Михаиле, Гаврииле, Рафаиле и Урииле⁵⁰. Известно, что в Египте предметом особого культа были и апокалипсические животные – коптская литургия до сих пор сохраняет восклицания, обращенные к четырем бестелесным огненным существам, которым посвящен праздник 18 хатур и которым посвящались церкви⁵¹. Эта особенность коптской литургии также связана с тем особым местом, которое отводилось Откровению Иоанна и апокрифическим Книгам Еноха и Ездры в коптской литургии. Если на Западе Апокалипсис был признан каноническим уже в конце IV в., отношение к нему на Востоке было разным. Некоторые отцы церкви включали его в канон Нового Завета, как, например, Афанасий Александрийский (в 367 г.) или отцы Карфагенского собора (419); другие его комментировали (Арефа Кесарийский), третьи относились к нему весьма осторожно, во всяком случае этот текст не употреблялся в литургических чтениях. Лишь в середине XIV в. Откровение Иоанна было включено в список канонических книг Никифором Каллистом, патриархом Константинополя. Эта ситуация отразилась и на византийской иконографии, в которой практически нет иллюстраций Апокалипсиса⁵². В Египте же, где Апокалипсис вошел в канон очень рано, он оказал значительное влияние не только на народное благочестие, но и на культ, на церковную литературу и на искусство. Однако в Египте “живые существа” не связывались с фигурами евангелистов, что является существенной особенностью коптской традиции. Они изображались вне мандорлы и без книги.

На формирование иконографии Богоматери с символами евангелистов, как впрочем, и на развитие богородичной иконографии в целом, на наш взгляд, оказала большое влияние роль Богородицы в литургической практике, ее участие в евхаристической жертве. В самом деле, эта роль Марии проходит красной нитью уже в первых богородичных праздниках, отмечающих начало ее служения Богу: во Введении во храм, родители приводят трехлетнюю дочь, “рожденную ими, как жертву в дом Божий”⁵³; “Непорочная агница Божия, чистая голубица, вместившая Бога скиния, святыня славы...”⁵⁴.

⁴⁹ М. Вернер полагает, что четыре ангела вокруг Богоматери в Евангелии Келл имеют то же самое происхождение: *Werner M. Op. cit. P. 10–11.*

⁵⁰ Миниатюра воспроизведена в исследовании: *Ibid. P. 9.*

⁵¹ *Baumstark A. Die karolingisch-romanische Majestas Domini und ihre orientalischen Parallelen // Oriens Christianus. 1927. 3. P. 258.*

⁵² *Thierry N. L'Apocalypse de Jean et l'iconographie byzantine // L'Apocalypse de Jean. Traditions exégétiques et iconographiques. Genève, 1979. P. 319.*

⁵³ Канон на Введение Богородицы во храм Василия монаха, песнь 4, тропарь // Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках. СПб., 1855. Кн. 2. С. 113.

⁵⁴ Там же. Песнь 3, тропарь, книга 2. С. 111.

“она приносится ныне Господу, как благоприятная жертва” (Песнь 5, тропарь, с. 114) “Радуйся агница, носившая во чреве агнца Божия...”⁵⁵.

Может удивить как часто дева Мария называется в литургических текстах “агница”. Этот термин очень древний, мы находим его уже у Мелитона Сардийского (II в.). Согласно Исходу, пасхальный агнец должен быть без порока (Ис. 12, 5), и литургические тексты настойчиво подчеркивают чистоту агницы⁵⁶.

Мария, мать мистического тела Христа, участвует в распятии как жертва: “Когда агница увидела на древе агнца и пастыря, которого она породила...” (из службы Страстной пятницы). Копье, пронзившее бок ее сына, вонзилось и в ее сердце, по предсказанию Симеона Богоприимца. У подножия креста она приносит себя в жертву как непорочная агница. В конце своего земного пути, в сцене Успения, мы видим Богородицу на смертном ложе, которое обычно изображается подобно алтарю.

Наконец, извлечение богородичной частицы из жертвенного хлеба, один из кульминационных моментов евхаристии, документированный в литургической практике уже в конце XI в., не мог не отразиться на формировании богородичной иконографии. Сам жертвенный хлеб, из которого изымается агнец, означает девственное тело Марии – такое толкование можно найти в церковной истории (коней VII – начало VIII в.), приписываемой патриарху Герману⁵⁷. Эта толкование было общепринятым, как свидетельствует и икос 11 Акафиста: “Χαῖρε τράλεξα βασιτάζουσα ἄρτων τρέφοντα πιστούς.”

С этой точки зрения особый интерес представляет обряд вознесения панагии – обычай освящать песнопениями и служением богородичную частицу артоса. История его изучена мало. Обряд имеет много общего с евхаристией и имитирует вознесение священником агнца⁵⁸. Легендарная история его возникновения связана с апостольской традицией, с историей успения Богородицы⁵⁹. Исследователи полагают, что корни его восходят к раннехристианским агапам, общим трапезам. Позже, возможно, в начале IV в., во время появления киновийного монашества, в обряде вознесения евхаристического хлеба акцент переместился с Христа на Богородицу. Приведем здесь интереснейший текст Трисвятого, в котором, несмотря на его христологическую направленность, присутствует и богородичная тема. Он относится к началу VII в. и входит в один из Рождественских гимнов коптской церкви:

[Слава тебе, Христе!]

Святой Боже: Ты снизошел родиться Младенцем от Девы!

Святой крепкий: в руках Марии захотел Ты почить!

Святой Бессмертный: Ты пришел, чтобы вырвать Адама из Ада!

Христе, Боже наш, помилуй нас!⁶⁰

Ианнис считает, что между раннехристианской евхаристической трапезой и обрядом вознесения панагии существует органический континуитет.

⁵⁵ Канон Божией Матери Иосифа Песнописца, Тропарь песни 3 // Богослужбные каноны... Кн. 3. С. 67.

⁵⁶ *Ledit J. Marie dans la liturgie de Byzance. P., 1976. P. 194–195.*

⁵⁷ *Yiannis J. The Elevation of the Panaghia // DOP. 1972. Vol. 26. P. 227.*

⁵⁸ *Ibid. P. 233 f.*

⁵⁹ Ианнис приводит ее в своей статье. *Ibid. P. 234–235.*

⁶⁰ *Giamberardini G. Op. cit. II. P. 164.*

Самым ранним документом, содержащим прямое указание на вознесение панагии он считает евхологий X в., включенный Гоаром в евхологий 1647 г.⁶¹ Особый интерес с точки зрения иконографии представляют для нас панагиары или артосные панагии – литургические блюда, употреблявшиеся в чине вознесения панагии⁶². Богоматерь обычно изображалась на них в медальоне, в виде Оранты с Младенцем и без него (как на исследованном Ф.И. Успенским равненском панагиаре⁶³), т.е. в том иконографическом типе Богоматери во славе, который характерен для иконографии Вознесения. Приведем здесь наблюдения Ф.И. Успенского, который пришел к заключению, что все изображения Богоматери без Младенца имеют своим предметом явление ее во славе после земной жизни и успения и представляют собой медальонные изображения⁶⁴. Это наблюдение лишней раз подтверждает наше предположение о том, что иконография Богородицы в ореоле восходит к изображениям ее вознесения (ниже мы вернемся к этому вопросу). Интересно, что на некоторых парагиарах присутствуют по углам изображения символов евангелистов – один из них из монастыря Дионисиат на Афоне опубликован, но не прокомментирован Н.П. Кондаковым⁶⁵. Другие, русского происхождения, указаны нами выше (примеч. 22). Эти изображения позволяют предположить определенную связь изображений на литургических блюдах с нашей миниатюрой. В контексте чина вознесения панагии особенно наглядно выступает роль Богоматери как евхаристической жертвы, как матери мистического тела Христа. Это подчеркивают и тексты на панагиарах: “ἡ ἁγία σου ἁγία τράπεζα ἔχουσα τὸν οὐράνιον ἄρτον”. Таинство воплощения связано с особой привилегией Марии – ее божественным материнством, которое обусловило и ее особое место, и славу на небесах, рядом с Сыном, где она предстает как царица небесная и заступница. Именно эта ее роль, как нам кажется, отражена и в абсидальных украшениях, изображающих ее в виде Панагии. Это изображение представляет прообраз таинства евхаристии, где жертвенный хлеб является символическим изображением Богоматери, принявшей во чреве Сына божия, как это и толковали византийские литургисты⁶⁶.

Мы снова возвращаемся к проблеме ореола славы вокруг Богоматери – интереснейшего иконографического элемента, прошедшего различные этапы эволюции в византийском искусстве. К этой проблеме обращался в свое время А. Грабар⁶⁷, высказав предположение, что изображение тронной Богоматери в ореоле славы восходит к древним образцам восточнохристианского искусства. Автор предположил, что прототипом этого изображения могла быть сцена поклонения волхвов, возможно, украшавшая один из храмов Вифлиема не позже VII в., описанная в письменных источниках и разру-

шенная впоследствии персами. Ореол славы должен был выражать идею Θεοτόκος, Девы, родившей Бога. Мать, таким образом, была поглощена ореолом Сына. Эта гипотеза, однако, не подтверждается памятниками раннего периода. До нас не дошло ни одного изображения Поклонения волхвов с Богоматерью во славе. Сохранившиеся документы подтверждают скорее иное толкование. В сцене Поклонения волхвов эчмиадзинского Евангелия (989 г.) в ореоле предстает лишь Младенец, в то время как Богоматерь не имеет такового. В известной фреске Санта Мария Антикава, которая представляет трех святых жен, Елизавету, Анну и Марию с детьми на руках, ореолом окружено лишь изображение Христа Младенца. Более того, в крипте церкви св. Винченцо в Вольтурно IX в. Находим изображение тронной Богоматери в ореоле, которая, в свою очередь, держит Младенца, изображенного внутри своего собственного ореола⁶⁸. Этот перечень можно было бы продолжить.

Не представляется нам убедительной и точка зрения М. Сакопуло относительно мозаики церкви Панагии Канакарии на Кипре (VI в.), где Богоматерь изображена в огромном ореоле. Исследовательница объясняет этот атрибут, свойственный обычно Христу, желанием выразить таинство ипостасного единения двух природ Христа – божественной и человеческой⁶⁹. Мы попытались показать, что ореол славы Богоматери восходит к изображениям ее вознесения и славы. Он исчезает после иконоборчества – будучи знаком божественной природы и символом теофании, ореол сохранился только для изображений Христа, ибо Богоматерь не имела божественной природы. Ореол Богоматери появляется вновь в византийском искусстве уже в палеологовскую эпоху в сценах Успения Богоматери⁷⁰ и в сложных композициях, посвященных похвале Богородицы.

Проблемы, связанные с возникновением и бытованием иконографической схемы Богоматери с символами евангелистов достаточно сложны, некоторые из них еще малоизучены, и мы попытались лишь наметить некоторые аспекты исследования. Существуют вопросы, на которые мы не можем пока дать исчерпывающих ответов. Когда и в какой среде “живые существа” вокруг ореола, которых копты не отождествляли с евангелистами, превращаются в их символы, как это можно наблюдать в нашей миниатюре и в монументальной живописи капподокийских пещерных храмов? Мы можем лишь предполагать, что определенную роль в этом отождествлении могла сыграть традиция сирийского богословия, где уже в V–VI вв. Иаков Саругский понимал четырех херувимов, поддерживающих трон господень, как евангелистов⁷¹.

И все-таки подведем некоторые итоги. Приведенные памятники, как нам кажется, позволяют высказать предположение, что брешанская миниатюра Богоматери с символами евангелистов воспроизводит древнюю иконографическую программу, появившуюся в литургическом контексте праздника Вознесения Богоматери в коптском Египте. Богоматерь в этих изображени-

⁶⁸ Belting H. Studien zur Beneventischen Malerei. Wiesbaden, 1968. P. 35. Fig. 9.

⁶⁹ Sakopoulo M. La Theotokos à la mandorle de Lythrankomi. P., 1975.

⁷⁰ Wratistlaw-Mitrovic L., Okunev N. La Dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe // BS. 1931. Vol. III. Fasc. 2. P. 135–176.

⁷¹ De Grooth M., Moorsel P. van. The Lion, the Calf, the Man and the Eagle in Early Christian and Coptic Art // Babesch Bulletin Antieke Beschaving. 1977–1978. 52–53. P. 233–241.

⁶¹ Yiannis J. Op. cit. P. 231 f.

⁶² Некоторые из них описаны Н.П. Кондаковым в: Памятники христианского искусства на Афоне. С. 222–233. О панагиарах см. также: Троицкий Н.И. Артосная панагия молдавского воеводы и господара Стефана Томши 1623 года // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1900. Т. XXI. Вып. 2. С. 43–52.

⁶³ Успенский Ф.И. Артосная панагия // ИРАИК. 1903. VIII. Вып. 3. С. 249–263.

⁶⁴ Там же. С. 262.

⁶⁵ Там же. Табл. XXXII.

⁶⁶ Xyngopoulos A. Une icône byzantine à Thessalonique / CA. 1948. 3. P. 125.

⁶⁷ Grabar A. The Virgin in a Mandorla of Light // L'art de la fin de l'Antiquité e du Moyen Âge. Vol. 1. P., 1968. P. 535–541.

ях предстает в иконографическом типе Оранты, наиболее точно отражающей идею ее небесного заступничества и славы. Помимо иконографического типа Оранты в окружении символов евангелистов появляется и Богоматерь с Младенцем типа Одигитрия. Такое сочетание, помимо темы славы, выраженной ореолом и символами евангелистов, должно было ввести и тему Воплощения, как об этом свидетельствует брешанская миниатюра. Распространение этих двух вариантов иконографической модели в западных памятниках раннего средневековья, восходящих к восточнохристианским образцам, кажется, подтверждает наше предположение, а пример аквилейской базилики указывает на то, что эта иконографическая схема существовала и в качестве украшения абсиды.

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: НОВЫЕ КНИГИ

Ecclesiae Urbis. Atti del Congresso internazionale di studi sulle chiese di Roma (IV–X secolo). Roma, 4–10 settembre 2000 / A cura di F. Guidobaldi e A. Guiglia Guidobaldi. T. 1–3. Città del Vaticano, 2002 (Studi di Antichità Cristiana. LIX). 1976 с., ч/б илл. в тексте.

Ecclesiae Urbis – таково название международного конгресса, состоявшегося в 2000, юбилейном, году. Конгресс был посвящен памяти Рихарда Краутхаймера (1897–1994). Византинисты прекрасно знают этого выдающегося исследователя как автора книги о раннехристианской и византийской архитектуре, переизданной несколько раз (*Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965; 1975; 1979; 1981; 1986, with S. Curcic. Итал. пер.: Architettura paleocristiana e bizantina. Torino, 1986*). Но главный труд жизни исследователя – капитальный корпус римских церквей IV–IX вв., над которым он работал в течении полувека (*Krautheimer R. et al. Corpus Basilicarum Christianarum Romae. Vol. 1–5. Città del Vaticano, 1937–1977*). Во вступительном слове к изданию Ф. Пергола напомнил и о заслугах ученого, и о том факте, что во время Второй мировой войны, преследуемый нацистами, Р. Краутхаймер нашел убежище в здании Папского института христианской археологии.

Акты конгресса изданы в трех томах. Их структура соответствует заседаниям конгресса (всего их было 18), которые охватывали основные темы: “Рихард Краутхаймер и церкви Рима”, “Источники и общие проблемы”, “Эпиграфика”, “Топография города”, “Топография кладбищ”, “Архитектура”, “Реставрация”, “Скульптура и литургические предметы”, “Живопись, мозаики, иконография”, “Церкви Рима как модель”.

Статья Д. Кинни “Константин Краутхаймера” (доклад назывался еще проще: “Константин и Краутхаймер”) открывает доклады первого заседания. Автор рассматривает проблему, актуальную для Рима так же, как и для столицы на Босфоре: что достоверно принадлежит инициативе императора, а что можно считать константиновским лишь “в широком смысле этого слова”. Другие статьи этого раздела посвящены вкладу Краутхаймера в исследование церквей Сан Паоло фуори ле мур (Дж. Беркли Ллойд), Санта Мариа Маджоре (С. де Блаув), Санта Прасседе (В. Паче), кладбищенских римских базилик (Р. Джулиани). Особый сюжет – обращение Краутхаймера к наследию гуманиста и эрудита Помпео Угонио (А. Андреоли).

Разделы “Источники и общие проблемы” объединяют самые разные доклады. Собственно письменным и эпиграфическим источникам посвящены статьи А. Нестори об одном термине “*Liber Pontificalis*”, Э. Фоссиле – об упоминании церквей Рима в языческих литературных текстах, Б. Ивашкевич-Врониковской – о первых посвящениях римских церквей. Особенности религиозной жизни и литургической практики рассмотрены в статьях А. Каривьери, А. Куатрокки, А. Косентино, Ф. Романа Стасолла. Архитектурные и дендрохронологические данные о крышах римских церквей – тема статьи Х. Бранденбурга, И. Крамера и С. Валериани. Она со-

Рис. 1. Богоматерь Одигитрия с символами евангелистов, миниатюра рукописи Queriniana, cod. A.VI.26, f. XIV, X в.

Рис. 2. Св. Епифаний, миниатюра рукописи Queriniana, cod. A.VI.26, f. XIIIv, X в.

Рис. 3. Христос во славе, фрагмент абсиды церкви Хачли Килисе, Каппадокия, X в.
(по: Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce...)

Рис. 4. Христос во славе, миниатюра Четвероевангелия Палатинской библиотеки в Парме, cod. 5, f. 5a, вторая половина XI в. (по: Γαλαβαρης Γ. Ζωγραφική βυζαντινών χειρογράφων Αθήνα, 1995. Σ. 115)

Рис. 5. Христос во славе, миниатюра рукописи библиотеки комуны Autun (Франция), cod. 3. f. 12b, VIII в. (по: *Francovich G. de. Osservazioni sull'altare...*)

Рис. 6. Медальоны крышки саркофага Фридриха II, XIII в. (по: *Bottari S. La tomba di Federico II*)

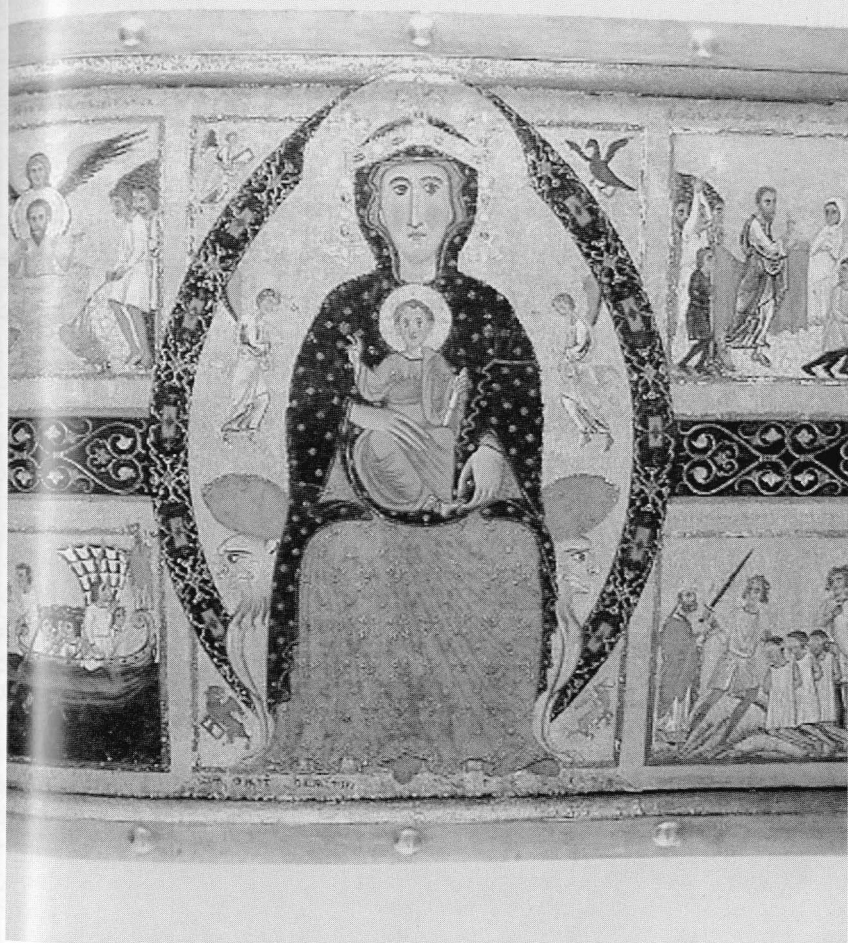

Рис. 7. Маргарито д'Ареццо. Богоматерь во славе. Лондон, Национальная галерея. XIII в.

Рис. 8. Вознесение Богоматери, миниатюра рукописи Библии Риполл, Ватиканская библиотека, XI в. (по: *Toscano G.M. Il pensiero cristiano nell'arte. Vol. II. Bergamo, 1960. P. 176*)

держит первые результаты совместных немецко-итальянских работ по изучению деревянных конструкций, преимущественно на примере Сан Стефано Ротондо. Любопытно, что в этой технической работе авторы используют термин “археология архитектуры”, столь близкий хорошо известному в нашей литературе понятию “архитектурная археология”, которое тесно связано с изучением древнерусской строительной техники (П.А. Раппопорт и др.). Проблемам эпиграфики посвящены доклады Д. Маццолени, А. Симоне Кампезе, И. Янсенса и П. Бозио.

Топография – традиционная и обширная тема раннехристианской археологии, ей посвящено свыше двух десятков статей. Они касаются или отдельных римских церквей (В. Винченти, К. Сотинель, Р. Фламинио, М.Л. Аккорси, А.М. Рамьери и др.), или целых зон и районов (Дж. Хиллнер, П. Гертмана), или групп культовых сооружений (А. Черрито). П. Фортини привела новые археологические данные о превращении древней мамертинской тюрьмы в место христианского культа, которое относительно поздно, лишь около VIII в., традиция связала с культом апостолов Петра и Павла. Дома первых христиан (tituli) и их идентификация – предмет дискуссий, которые длятся многие годы. М.Л. Аккорси изучила этот вопрос на примере истории комплекса свв. Сильвестра и Мартина аи Монти, построенном на остатках римского дома III в. Проблемы топографии загородных кладбищ, а также особенностей погребальных сооружений и обрядов обсуждаются в статьях В. Чиполлоне, Д. Де Франческо, М. Чекелли, Л. Спера, М. Костамбейса и др. Интересны в частности новые данные о раскопках и консервации мавзолея св. Елены (Л. Вендиттелли).

Второй том содержит статьи об архитектуре и реставрации. Тема статьи Б. Бренка – захват и разорение Рима Аларихом в 410 г. и влияние этого события на церковное искусство. Несколько статей посвящено неисчерпаемой теме о вторичном использовании множества архитектурных деталей в римских церквях (П. Барези, П. Пенсабене и Д. Трукки, П. Фанчелли, С. Чиранна). Ряд авторов рассматривают архитектуру известных культовых построек, в их числе латеранский баптистерий (О. Брандт), базилика св. Пуденцианы, св. Прасседы, Сан Пьетро ин Винколи, свв. Джованни и Паоло, свв. Куатро Коронати, св. Джорджо ин Велабро и др. (Ф. Гуидобальди, М. Каперна, Г. Бартолоцци Касти, Л. Барелли, М.К. Пьердоминичи и др.). Результаты недавних реставрационных работ в базиликах св. Агнесы, Сан Клементе, Сан Лоренцо фуори ле мура изложены в публикациях М.Г. Филетичи, А.Г. Курчо и Ф. Де Чезариса, Д. Эспозито, М. Маньяни Чанетти и др.

Вполне можно утверждать, что фаворитом архитектурной проблематики были так называемые цирковидные базилики, им был посвящен особый круглый стол (координаторы Н. Дюваль и Ф. Пергола). Речь идет о трехнефных базиликах “с обходом”, у которых широкая апсида продолжается в продольных стенах, создавая возможность прохода из боковых нефов в апсидное пространство. Всего их известно шесть. Они расположены на кладбищах, близ главных консульских дорог, и отличаются большими размерами (иногда – до 100 м в длину). Большинство их построено в константиновскую эпоху. Это-то и придает им особый интерес – речь идет об истоках христианской архитектуры. Внимание к этой теме особенно усилилось в последние годы в связи с открытием новой базилики на виа Ардеатина (раскопки проф. В. Фьокки Николаи). Исследователи ищут ответ на вопрос: почему план этих базилик действительно напоминает цирк. М. Торелли видит связь архитектурной иконографии с символикой и идеологией, в том числе – с императорской идеологией и “императорской теологией”. Э. Ла Рокка связывает цирковидные базилики с пережитком культа героев, в частности Геракла. Нередко цирк и мавзолей, цирк и героон составляют единый комплекс. Это позволяет оценить цирковидную базилику как выражение идеи триумфа мученика, которому посвящена базилика. Э. Ястжебовска обратила внимание на то, что первое христианское сооружение Константина в Константинополе было посвящено апостолам и имело мемориальный характер, как и древнейшая римская базилика апостолов, позже получившая имя

св. Себастьяна. Кроме того, базилика “с обходом” в Аназарбе (Киликия), построенная Юстинианом, тоже была посвящена Апостолам. Ж. Гийон высказал предположение, что базилика свв. Петра и Маркеллина, примыкающая к мавзолею св. Елены, первоначально не была посвящена им, а это был императорский мемориальный комплекс. В статьях К. Паволини и Х. Гертмана приведены новые данные о базиликах св. Агнесы и Сан Лоренцо. В. Фьокки Николаи подчеркнул преобладание погребальных функций в базилике папы Марка на виа Ардеатина.

В оживленной дискуссии обсуждались проблемы хронологии и функций цирковидных базилик. Возможно, что они служили только “крытыми кладбищами” – это старое определение Р. Краутхаймера Ф. Гуидобальди считает лучшим. Другое мнение предполагает наличие у этих базилик также и евхаристических функций (Х. Бранденбург, Э. Ястжебовска и др.). Х.Г. Тиммель отметил хронологический аспект: важные изменения в литургии произошли во второй половине IV в., когда евхаристический обряд пришел на смену погребальным тризнам. Один только Х. Бранденбург, знаток раннехристианской архитектуры Рима, скептически отнесся к самой идее “идеологической интерпретации” цирковидных базилик. Он в частности отметил существенное конструктивное различие крытых базилик и открытых цирков. Но его мнение осталось в одиночестве. М. Торелли, желая “защитить свои цирки”, подчеркнул, что идеология цирка связана с идеей вечности, о чем свидетельствует серия литературных и иконографических документов, в том числе и в Византии, в эпоху Константина Багрянородного. Э. Ла Рокка сказал, что в этом случае речь идет не о копировании конкретной архитектурной модели, но о воспроизведении идеи триумфа; вообще возможны различные “ключи дешифровки” памятников, притом не обязательно позитивистские.

Н. Дюваль отметил, что проблема цирковидных базилик выходит за рамки римской тематики, такой тип существует и в других регионах, в частности в Тунисе. В целом же эта типология связана с ключевой проблемой происхождения раннехристианского здания и его преемственности с античной традицией. Ф. Бисконти очень кстати напомнил об изображении цирковых игр на саркофагах, что хорошо объясняется связью идеологии цирка с идеей вечности; в античной погребальной практике в годовщину смерти усопшего совершался обряд на могиле, а потом устраивались игры. Среди архитектурных дискуссий эта иконографическая тема прозвучала мимоходом, а здесь можно было бы привести и саркофаги, происходящие из восточных областей империи. Это два рельефа из Эрмитажа, известные по публикациям Л.А. Мацулевича, А.В. Банк и В.Н. Залесской, а также хорошо сохранившийся саркофаг со сценами цирковых игр, стоящий в лапидарии Археологического музея г. Анталья в Памфилии (кажется, не опубликован). Обсуждение цирковой темы особенно интересно в связи с недавней публикацией нового перевода части трактата “О церемониях”, посвященного ипподрому, где Ж. Дагрон дал детальный анализ филологических, идеологических и спортивных аспектов цирка в римско-византийской традиции.

В том же втором томе опубликован небольшой раздел о влиянии римской архитектуры в разных регионах, в том числе на периферии средиземноморского мира – в Восточном Причерноморье (Л. Борелло и др., Дж.К. Менис, Л.Г. Хрушкова).

В третьем томе опубликованы статьи о живописи, скульптуре, литургических устройствах и церковной утвари. В римских церквях можно видеть немало мрамора, привезенного из константинопольских мастерских. Среди них особое место занимает ансамбль литургической мебели Сан Клементе. Об этом идет речь в статьях К. Барзанте и А. Гилья Гуидобальди. Дискуссия между А. Гилья Гуидобальди и Э. Руссо показывает, что византийский мрамор на римской почве, казалось бы, уже хорошо изученный, вызывает немало вопросов. Как показал Х. Бранденбург, архитектурная скульптура церкви Сан Паоло фуори ле мура включает и сполии римского времени, в том числе массовый импорт из Малой Азии, и декоративные элемен-

ты, привезенные из Константинополя. Предметам церковного обихода и тканям посвящены статьи Л. Ваттуоне и Ф. Риганати. Рассматривая вопрос о сложении монументальных декоративных ансамблей, Ф. Бисконти предложил реконструкции не сохранившегося декора апсид первых культовых сооружений Рима, в том числе базилика Сан Пьетро и Сан Себастьяно и др.

Разнообразны сюжеты других статей, многие из них посвящены иконографии. Здесь и композиция Христа, восседающего на сфере (М. делла Валле), и деревянные врата церкви Санта Сабина, которые когда-то исследовал Н.П. Кондаков (статья Л. Де Мариа и Г. Де Спирито, и мозаики мавзолея Константина (С. Чанчо), и живопись церкви Сан Лоренцо (А. Таддеи, А. Аккончи), и происхождение иконографической темы 40 Мучеников Севастийских (К. Гуловсен), и древнейший декор С. Пало фуори ле Мура (Б. Маццей), и мозаики церквей Санта Сабина и Санта Пуденциана (О. Стин, Д. Гоффредо), и др. Декорация самой древней церкви на римском форуме – Санта Мариа Антиква, в контексте проблемы иконоборчества, – тема статьи П.Дж. Нордхагена. Х.Г. Тиммель опубликовал исследование об апсидной мозаике XII в. церкви Сан Клементе. Статья Д. Кальканьини посвящена изображениям женщин в раннехристианских мозаиках римских церквей. Он вызвал дискуссию: можно ли персонификации церквей считать изображением женщин.

Монументальное издание Актов римского конгресса, посвященное юбилею христианства, содержит и публикации новых материалов, и результаты многолетних штудий, и интересные дискуссии по самым разнообразным вопросам. Оно выходит далеко за рамки собственно археологических сюжетов и станет необходимым рабочим инструментом для всех, кто занимается историей и культурой раннехристианской и раннесредневековой эпохи.

R i s t o w S. Die frühen Kirchen unter dem Kölner Dom. Befunde und Funde vom 4. Jahrhundert bis zur Bauzeit des Alten Domes. Mit Beiträgen von Lothar Bakker und Dorothea Hochkirchen. Köln: Verlag Kölner Dom, 2002 (Studien zum Kölner Dom. Bd 9). 623 с., 29 ч/б и цв. табл., 72 ч/б и цв. рис. в тексте, 11 ч/б и цв. чертежей на вкладках.

Не так давно Византийский временник напечатал рецензию на книгу Себастьяно Ристова о раннехристианских баптистериях (2001. Т. 60). Новая монография немецкого археолога посвящена раскопкам под кафедралом Кельна. Это грандиозное готическое сооружение всем известно, но, возможно, не все знают, что обширное пространство под ним раскопано, детально исследовано археологами, музеефицировано и доступно обозрению. Книга С. Ристова – 9-й том в серии исследований собора, но она носит особый характер: она обобщает и систематизирует огромный материал, полученный в ходе раскопок за полувековой период. Автор и сам принимал в них активное участие на протяжении свыше 10 лет. Он дает собственную реконструкцию предыстории кафедрала. Отличительная черта метода С. Ристова: пристальное внимание к археологическим аспектам исследования (стратиграфия, строительная техника архитектурных остатков, хронологическая классификация находок). О масштабах работы говорит хотя бы такая цифра: керамические находки насчитывают почти 200 тысяч экземпляров, с IV до начала IX в.

Многослойный архитектурный комплекс, расположенный под Кельнским собором, пережил неоднократные перестройки. Это ставит перед археологом труднейшую задачу идентификации и датировки строительных остатков разных периодов. После предварительной характеристики основных групп материала автор начинает основное изложение. Читатель ждет, что под собором археологи искали и нашли древнейшую церковь константиновской эпохи. Ведь одно время резиденция императора находилась не так далеко – в Трире. Согласно традиции, св. Елена подарила

христианской общине Колонии (Кельна) черепа трех волхвов, вывезенные ею из Палестины. Место хранения этой реликвии – великолепный серебряный с позолотой реликварий в форме базилики, он находится в алтарной части кафедрала. Если же говорить об исторических фактах, известно участие кельнского епископа Магерна в двух доникейских соборах, в Риме (1313) и Арле (1314). О Кельне как христианском центре пишет Аммиан Марцеллин. Однако С. Ристов вовсе не сосредоточен на идее во что бы то ни стало отыскать епископскую церковь IV в. Он объективно и, я бы сказала, хладнокровно оценивает всю сумму фактов, стремясь установить относительную и абсолютную хронологию архитектурных элементов. В результате вырисовывается следующая картина.

В центре пространства под готическим кафедралом обнаружены остатки большого сооружения римской эпохи, от которого сохранилась система отопления (гипокауст). Рядом открыта колоннада, ограждавшая мощеный двор. Хронологически они соотносятся с мозаикой Диониса, украшавшей дом состоятельного жителя Колонии, расположенный к юго-востоку от собора, в зоне Римско-Германского музея. На основании монет, стеклянных сосудов и других материалов здесь устанавливаются три фазы: раннеримская, позднеримская и раннесредневековая. Позже, в конце IV или в V в., под алтарной частью готического собора появилось “строение 1”. Это трехнефное сооружение базиликального плана, с полуциркульной апсидой, обнесенной оградой с портиком. Оно плохо сохранилось, его назначение не установлено. Конечно, такой план здания легко мог побудить археологов определить его как церковь. Но этого нет. В V в. появляется “строение 2”, размеры и плановая схема которого похожи на “строение 1”. Рядом с ним открыто два мервингских женских захоронения, богатый инвентарь которых датируется второй третью VI в. Это позволяет установить основные моменты абсолютной хронологии. Погребенные принадлежали к франкской элите, которая к этому времени уже должна была быть христианской. Поэтому высказывается предположение, что “строение 2” могло служить “меморией” (или даже церковью?). Предположение, впрочем, очень осторожное – в инвентаре этих захоронений христианских предметов нет.

Но вот, наконец, во второй половине VI в. появляется настоящая церковь: “строение 2” было трансформировано в “строение 3а”, наличие амвона делает его идентификацию бесспорной. Церковь является трехнефной базиликой с деревянным перекрытием; круглый в плане амвон соединен огороженным проходом (солейей) с алтарной преградой. Такие амвоны “в форме замочной скважины”, как выражается автор, известны и в самом Кельне, и в других городах Рейнской области. Важный элемент комплекса – прямоугольный в плане баптистерий, расположенный к востоку от церкви. Его октогональная купель находится в центре. Автор предлагает свою реконструкцию купели, – с киворием, который, конечно, не сохранился. Сооружение пережило перестройки в VI–VII вв.

Дальнейшее развитие церковного комплекса в VII–IX вв. привело к его значительному расширению и усложнению (“строения b-d”). Все эти строительные периоды отражены на превосходно выполненном цветном плане (вкладка 7). Предшественницей готического кафедрала была трехнефная базилика с трансептом, полуциркульной апсидой на востоке и полуциркульной же структурой с западной стороны (так называемый “кольцевидный атриум”). Последняя относится уже к каролингской эпохе и характерна для монастырской архитектуры. Баптистерий был перестроен в крестовидное сооружение. Вместо прежнего амвона восточная часть базилики занята оградным пространством *schola cantorum*. Автор подробно рассматривает сложные вопросы функций и хронологии строительных остатков, указывая широкий круг аналогий и в Рейнской области, и за ее пределами. Так, аналогию амвону он находит в Лаванте (Тироль), но также и на востоке империи – это известный амвон с одной лестницей из церкви св. Софии в Фессалониках, хранящийся в Стамбульском археологическом музее. Каролингская церковь Кельна была разру-

шена пожаром в IX в. или начале X в. Такова предыстория великого кафедрала. Пока остался неясным важный вопрос: относятся ли древнейшие “строение 1” и “строение 2” к ее именно христианской фазе.

Историческая часть книги завершается кратким обзором письменных источников, которые рассмотрены как общий фон для археологических данных.

Два обширных каталога содержат полное и детальное описание археологических находок, выявленных многолетними раскопками пространства под собором. Первый является сводкой архитектурно-археологических данных. Этот каталог включает кладки, вымостки разных типов и уровней, погребения, колодцы. О каждом объекте приводится исчерпывающая информация: размеры, местоположение по отношению к кафедралу, стратиграфия, место в комплексе, дата, различные дополнительные сведения. Далее следует каталог находок, в котором преобладает керамика IV–VII вв.

Книга содержит два дополнения – Л. Баккер и Д. Хохкирхен. Первое посвящено керамике *terra sigillata* аргоннского происхождения IV–VI вв. В другом описаны изделия из камня, обнаруженные под Кельнским собором (фрагменты колонн, капителей и других архитектурных деталей). Каждая статья сопровождается каталогом.

Особо следует сказать об иллюстрациях. Они исключительно высокого класса, чертежи отличаются редким изяществом. Очень красивы цветные архитектурные реконструкции, которые выполнил венгерский архитектор Ш. Вазарос. Здесь мы видим скорее произведения графики, нежели археологические документы; может быть, поэтому на планах отсутствует знак компаса. Превосходны цветные фотографии, включая и фрагменты обыкновеннейших печных горшков. К сожалению, оба больших каталога – архитектурных остатков и находок – лишены иллюстраций. Наверное, для этого случая иной читатель предпочел бы, чтобы качество немного перешло в количество.

Монуументальная монография С. Ристова – заметное явление в современной раннехристианской и средневековой археологии. Читатель получает широкую, полную и прекрасно систематизированную информацию о результатах полувекowego исследования Кельнского собора. Убедительна и привлекательна манера автора делать выводы исторического порядка исключительно на основании археологического материала, не стремясь использовать его лишь как иллюстрацию своих идей.

Сложная методика полномасштабных раскопок под крупными церковными зданиями средневековой эпохи, которые давно и успешно ведутся в Рейнской области, представляет особый интерес. Кто знает, возможно, этот опыт будет полезен и в других странах – взять к примеру хотя бы константинопольскую церковь Св. Апостолов, погребенную под мечетью Фатих.

* * *

Иордания – одна из тех стран, в которых археология ранневизантийской эпохи процветает. Здесь множество церквей, и часто они отличаются хорошей сохранностью. Много надписей и мозаик, среди них знаменитые карта Мадабы и изображения городов, в том числе Иерусалима. Особый интерес археологов привлекают библейские места. Недавно вышло в свет два археологических издания, посвященные раннехристианской Иордании. Их авторы – Анна Мишель и Басема Хамарнех. Помимо сюжета эти книги можно объединить и по другим характеристикам. В обоих случаях речь идет о первых докторских диссертациях. Оба автора принимали активное участие в полевых работах в Иордании, в частности в экспедициях о. Микеле Пичирилло, видного представителя францисканской археологии (см. рец. на одну из его книг: *Византийский временник*. 2003. 61. С. 244–245). С другой стороны, книги

очень разные. Работа А. Мишель преимущественно архитектурно-археологическая, автор фокусирует внимание на проблеме связи архитектуры и литургии, особенно на формах и типах литургических устройств. Книга Б. Хамарнех – исследование топографическое, археологическое и историческое, в нем находят свое место социальные и экономические аспекты жизни христианской деревни. Замечу, что авторы принадлежат к различным научным направлениям, которые часто вступают в полемику, что, впрочем, не мешает им сотрудничать. Б. Хамарнех написала свою работу под руководством проф. Филиппа Пергола, представителя и активного защитника традиционных ценностей “римской школы” христианской археологии. Напротив, руководитель А. Мишель, проф. Ноэль Дюваль, вместо термина “христианская археология” предпочитает “археологию поздней античности”, считая, что археология должна быть дисциплиной исторической, а не конфессиональной (см. *Византийский Временник*, 2002. 61. С. 232–233). Стоит упомянуть и о том, что Б. Хамарнех – выпускница МГУ (проф. С.П. Карпов). Она, можно сказать, персонафицирует издавна существовавшие связи русской византистики и римской традиции, однако отдаленным и косвенным образом, через Христианский Восток. Начну с книги, которая вышла первой.

Michel A. Les églises d'époque byzantine et umayyade de la Jordanie. Ve–VIIIe siècle. Typologie architecturale et aménagements liturgiques avec catalogue des monuments. Turnhout: Brepols Publishers, 2001 (*Bibliothèque de l'Antiquité Tardive*. 2). 471 с., 407 илл., таблицы памятников в тексте б/нумерации.

О церквях Иордании написано немало. Особенно это касается масштабных работ в крупных центрах: на горе Небо, в Умм-эль-Разас, и, конечно, мозаик. Однако обобщающей работы до недавних пор не было. Книга А. Мишель – синтез, в котором собраны все известные сведения о церквях, расположенных на территории современной Иордании. Речь идет о трех исторических провинциях – Первой Палестине, Третьей Палестине и Аравии. Книга издана в серии “Библиотека поздней античности”, которая является приложением к одноименному ежегоднику, основанному Н. Дювалем свыше десяти лет назад.

Работа А. Мишель построена по принципу, принятому для стандартных работ такого рода. Во “Введении” говорится об истории изучения христианских памятников Иордании, географии и истории региона, письменных источниках. Первая часть называется “Памятники и их провинциальные особенности”, где дается всесторонняя характеристика архитектуры церквей. Вторая часть представляет собой развернутый каталог. Всего рассмотрено 160 городских и сельских церквей и часовен, большая часть которых относится к VI в. На исследуемой территории существовало более 15 епископских центров; часть мест христианского культа продолжало функционировать и после мусульманского завоевания. Автор рассматривает вопросы географического распределения церквей и христианскую топографию населенных пунктов.

В первой части книги преобладает типологический подход. Церкви классифицированы на две большие группы: отдельно стоящие сооружения (их больше) и комплексы, которые подразделяются на варианты. Здесь встречаются три основных архитектурных типа раннехристианского времени: большие трехнефные базилики, маленькие однефные (до 10 м в длину) и сооружения с центричным планом, нередко монументального характера. Далее следует анализ основных характеристик плана, конструкции, декора и литургических устройств церквей. Рассмотрены следующие элементы: фасады и входы, атриум, центральная часть церкви (*quadrum rotuli*), алтарная часть, окна, перекрытия и крыши, декор, литургические уст-

Книга Б. Хамарнех – 57-й том в серии Этюдов по христианской античности, которую издает Понтификальный институт христианской археологии. Она тоже посвящена раннехристианской Иордании, но идея работы совсем иная. Автор ставит цель проследить особенности христианской топографии сельских поселений и рассмотреть церковные сооружения в широком археологическом и историческом контексте. Всего исследовано 76 пунктов, с V до середины VIII в. Исследование автор начинает с вопросов исторической географии и юридического статуса сельских населенных пунктов. Здесь же дается обзор истории археологических исследований.

В первой главе речь идет об особой группе поселений, сформировавшихся около или на месте римских городов и крепостей (*castra*); прослеживается их эволюция от момента возникновения и до омейядского периода. Вторая глава содержит анализ крупных и средних сельских аггломераций, возникших в византийскую эпоху (VI – начало VIII в.), и их изменения при Омейядах. Важную группу составляют деревни, в которых открыты культовые сооружения. Немногочисленны, но интересны в северных районах провинции Аравия, на местах более ранних поселений. Наличие двух церквей в одной деревне Б. Хамарнех объясняет увеличением населения, хотя возможны и другие причины, пока неясные. Автор стремится рассмотреть христианские поселения в динамике, проследить, где возможно, их эволюцию. В третьей главе анализируются маленькие деревни, которые преобладают количественно, и сельские монастыри.

В заключении изложены выводы о формировании сельских общин, которое происходило главным образом в VI в. Как отразилась исламская конкиста на жизни деревень – этому феномену Б. Хамарнех уделяет особое внимание. Некоторые церкви не только продолжили существовать в омейядскую эпоху, но и перестраивались. К счастью, в ряде случаев надписи позволяют точно датировать и момент строительства, и момент реконструкции церкви. О религиозной толерантности омейядских правителей свидетельствует, например, надпись, говорящая о перестройке культового здания в Хильде (Филадельфия/Амман) в 687 г., при епископе Георгии. Интересная особенность: умножение числа сельских баптистериев, начиная со второй половины VII в., когда церемония крещения стала более простой и краткой, и ее могли совершать сельские священники. Когда население покинуло свои деревни? Для решения этого вопроса автор привлекает массовый археологический материал – керамику. Причины этого явления остаются неясными, поскольку следов пожаров и вооруженных конфликтов археологи не выявили. Если городские центры Иордании процветали еще и X в., то сельские зоны в IX–X вв. существенно уменьшаются. Б. Хамарнех предполагает, что многие деревни запустели по экономическим причинам.

Интересны социальные аспекты религиозной жизни. И здесь мозаичные надписи дают много сведений о светских эвергетах, местной элите, низших клириках, которые часто составляли администрацию маленьких деревень. К этому разделу приложена полезная таблица датированных надписей.

Важную часть книги составляет каталог деревень, который построен в соответствии с принятой в работе классификацией: деревни, связанные с римскими крепостями, и деревни большие, средние и малые. В описаниях сообщается много интересных данных об отраслях сельского хозяйства – эта особенность не часто встречается в работах по христианской археологии. Книга завершается топографическим и ономастическим указателями. Она сопровождается иллюстрациями хорошего качества, многие фотографии выполнены автором.

ройства (престол и киворий, “второстепенные” столы, алтарная преграда, синтрон и боковые скамьи, амвон), реликвии и реликварии. Отдельный вопрос – различные дополнительные помещения: часовни, баптистерии.

А. Мишель очень внимательно терминов, к точности признаков классификаций, к деталям. Помимо тщательно собранных сведений, что само по себе очень ценно, встречаем множество интересных наблюдений, сопоставлений, подсчетов. Например, синтрон, который признается константинопольским элементом, в Иордании обнаружен в 46 церквях. Крипты же, напротив, явление исключительное. Что касается баптистериев, в этом регионе, как и в других местах, малая глубина купелей (от 0,6 до 1 м) не предполагала полного погружения; встречаются и монолитные купели. Говоря о местоположении и типологии реликвариев, автор обсуждает вопрос о природе культа мощей, о связи мощей и престола. Монументальные амвоны из камня (всего их выявлено 20) – принадлежность больших трехнефных базилик. Там, где удалось установить дату, это юстиниановская эпоха или более позднее время. Положение и конструкция амвонов стереотипны: они примыкают к алтарной преграде снаружи, вход в них только из алтаря, по единственной лестнице. Это значительно отличает их от константинопольских амвонов с двумя лестницами. Интересны наблюдения над трехапсидными базиликами. Всего в Иордании их 15 – как с выступающими апсидами, так и с апсидами, скрытыми прямой стеной. Первые характерны для церквей больших городов Десятиградия, их не так мало – 6; вторые встречаются преимущественно в южных районах.

Литургические устройства – приоритетная тема книги. Их особенности анализируются в связи с архитектурным типом церкви и с ее статусом; по возможности рассмотрен и трудный вопрос их эволюции. В частности, отмечается умножение различных вспомогательных ритуалов, специализация пространств внутри церковного здания и вокруг него, особенно связанных с мемориальными и маририальными культом. Одна из причин усложнения культовых комплексов – паломничество. Одни паломнические центры связаны с библейской историей, это известные святилища Моисея и Лота, другие являются важными епископскими церквями, таковы Гераса и Гадара.

Всегда актуальная проблема – связь между письменными источниками и памятниками. Известно, что епископы из Иордании участвовали в первом Вселенском соборе; паломница Эгерия в конце IV в. описывает святилище на горе Небо. Однако христианские сооружения IV в. пока не открыты. Наиболее ранние церкви относятся только к V в., их всего две, и обе – в Герасе, не очень большом по размерам, но важном и хорошо изученном городе Декаполиса.

Список церквей составляет вторую, большую часть книги (с. 106–408). Они сгруппированы по историческим провинциям, большинство их (свыше 120) находится на территории Аравии. От привычного каталога этот список отличается более детальным описанием памятников. Здесь находим полную и четкую информацию об архитектуре, результатах археологических исследований, литургических устройствах, захоронениях, функциях отдельных частей сооружения, хронологии. Полезными дополнениями являются корпус исчезнувших церквей и список епископов. Обширная библиография включает работы не только об Иордании, но также Израиле, Сирии и Ливане, Кипре, Балканах, Египте, Киренаике. Книга завершается топографическим указателем. Иллюстрации многочисленны и высокого качества. Кроме того, очень информативны таблицы литургических устройств.

Несомненно, книга А. Мишель будет весьма полезна археологам, искусствоведам и историкам раннехристианской эпохи на Востоке.

Таким образом, общая направленность работы Б. Хамарнех – историческая, хотя в основу ее положен хорошо изученный археологический материал. В этом смысле книга продолжает линию известных книг Ж. Лассюса и Г. Чаленко о ранне-византийской Сирии. Лассюс стремился, изучая церковные сооружения, глубже понять религиозную и социальную жизнь христианской общины (*Lassus J. Sanctuaires chrétiens de Syrie*. P., 1947. P. VIII). Что же касается Г. Чаленко, то уже название книги Б. Хамарнех отсылает нас к его монографиям (*Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord*. P., 1953; *Idem. Églises de village de Syrie du Nord*. P., 1979–1980). Для Иордании подобное исследование выполнено впервые, и это придает книге Б. Хамарнех пионерский характер.

Читатель неизбежно будет сравнивать книги А. Мишель и Б. Хамарнех. Независимо от принадлежности к тому или иному научному направлению и выбора метода, оба автора опираются на глубокое знание письменных и археологических источников, что обеспечивает убедительность их выводов. Обе книги будут необходимы тем, кто изучает ранневизантийскую эпоху в Палестине, и интересны всем, кто занимается раннехристианской и византийской археологией.

Л.Г. Хрушкова

Iacobini A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio. Un manoscritto bizantino da Costantinopoli a Messina. Roma: Agros, 1998. (“Milion. Studi e ricerche d’arte bizantina”, 4). 187 p.

Исследования в области византийской книжной миниатюры и греческой палеографии в конце XX в. достигли такого уровня и широты охвата материала, что открытие нового манускрипта, относящегося к началу периода македонского ренессанса, написанного и богато украшенного в Константинополе одними из лучших столичных мастеров, могло бы показаться почти невероятным.

Примерно с середины XVIII в. в составе Старого (или Древнего) фонда в университетской библиотеке в Мессине хранится рукопись (Messina, Biblioteca Regionale Universitaria, Fondo Vecchio 18), первоначально содержавшая текст четвероевангелия. Евангелия предваряли полностраничная заставка-фронтиспис, а также Послание Евсевия к Карпиану и Евсевиевы таблицы канонов в арочных обрамлениях, украшенных орнаментами одного и того же типа. Перед каждым евангелием был вставлен “диптих”, состоявший из пурпурного листа с написанной золотом эпиграммой в честь евангелиста и его полностраничного изображения на соседнем листе¹. Тексты Евангелий открывали орнаментальные заставки и инициалы. Более простые декоративные элементы были использованы при оформлении оглавлений². К 1886 г. от полного текста остались только Евангелия от Матфея и Марка³. Были утрачены изображения Марка Луки и Иоанна и листы с двумя эпиграммами – в честь Матфея и Иоанна; содержание первой из них известно по описаниям рукописи, сделанным ее первыми исследователями. В 1975 г. кодекс прошел реставрацию в монастыре Mezzojuoso в Палермо.

Рукопись не вошла ни в монографию Вайцмана о византийской книжной миниатюре IX–X вв.⁴, ни в его обобщающие публикации, посвященные македонскому ре-

нессансу⁵. До А. Якобини она оказалась в поле зрения только одного историка искусства – А. Данеу Латтанци, которая высказала три совершенно разные точки зрения на проблему ее датировки, все три – расходящиеся с результатами нынешнего исследования⁶. Из палеографов рукописи уделил внимание только Г. Кавалло, включивший ее в свой краткий обзор итало-греческой (sic!) книжной продукции и правильно датировавший ее X веком⁷. Таким образом, до исследования Лидии Перрья и Антонио Якобини рукопись фактически не была введена в научный оборот.

Несомненная удача рецензируемой книги состоит в том, что она плод сотрудничества двух специалистов смежных профессий – палеографа и историка искусства⁸. Она состоит из двух основных частей: *Кодекс* (Л. Перрья) и *Миниатюры* (А. Якобини); сводного каталога всего декора рукописи со схемами-рисунками и подробными описаниями (А. Якобини) и четырех приложений: *Системы и типы разлиновки, Структура тетрадей* (Л. Перрья); *Происхождение и состояние сохранности и Анализ пигментов, использованных для украшения рукописи* (М.Т. Родригес).

Л. Перрья пришла к выводу, что в написании кодекса принимали участие, по меньшей мере, три писца. Главного из них, исполнившего большую часть работы по переписыванию евангельских текстов, ей удалось идентифицировать с писцом группы рукописей конца IX – первых десятилетий X в. (Vat. gr. 681, Vallic. F 10, Vat. gr. 836 (f. 136–138), Scorial. T. III. 14, Scorial. Ψ. II. 10 (f. 70–109))⁹. Второму писцу принадлежат Послание Евсевия к Карпиану, таблицы канонов, оглавление, первый и последний листы Евангелия от Матфея (с орнаментальными заставками); третьему – первый и завершающий листы Евангелия от Марка и, вероятно, обе сохранившиеся эпиграммы и оглавление Евангелия от Луки. Исследовательница реконструировала метод работы писцов: главный писец оставлял первые листы Евангелий для своих помощников и художников, исполнивших орнаментальные заставки, прикидывая, с какой строки ему нужно начать; на нем же лежала ответственность за

⁵ Назовем здесь только две наиболее общего характера: Weitzmann K. Geistige Grundlagen und Wesen der Makedonischen Renaissance (Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Geisteswissenschaften fasc. 107). Köln; Opladen, 1963 (по-английски: The Character and Intellectual Origins of the Macedonian Renaissance // *Idem. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination*. Ed. by H.L. Kessler. Chicago; London, 1971. P. 176–223); *Idem. The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival?* // *Byzantina kai Metabyzantina I. The “Past” // Medieval and Modern Greek Culture* / Ed. by S. Vryonis. jr. Malibu, Cal., 1978. P. 71–85.

⁶ В 1966 г. Данеу Латтанци писала, что Евангелие представляет собой “образец взаимопроникновения греческой и латинской норманнской культуры” и датировала его XII веком (*Daneu Lattanzi A. Lineamenti di storia della miniatura in Sicilia*. Firenze, 1966. P. 117, 119). В переиздании книги 1968 года она приписала создание рукописи “византийскому скрипторию палеологовской эпохи” (р. 20). Согласно последнему высказанному исследовательницей мнению, манускрипт мог быть “копией ...исполненной греком в Сицилии” в XI в. (*Idem. I manoscritti ed incunaboli miniati della Sicilia*. Palermo, 1984. P. 144).

⁷ *Cavallo G. La cultura italo-greca nella produzione libraria // I Bizantini in Italia*. Milano, 1982. P. 525.

⁸ О пользе такого сотрудничества, дающей возможность более глубокого и всестороннего анализа манускрипта, написал и Мауро делла Валле, автор рецензии на книгу, опубликованной в журнале “Arte medievale” сразу после ее презентации (*Della Valle M. [rec. sul: Iacobini A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio... // Arte medievale. II Serie. Anno XI. 1997. N. 1–2. P. 222–224]*). Он приводит еще несколько примеров совместной плодотворной работы историков искусства и палеографов по изданию рукописей – практике, получившей распространение лишь сравнительно недавно. Изданию данной книги предшествовало сотрудничество ее авторов в работе над статьей, посвященной этой же рукописи: *Perria L., Iacobini A. Il codice F.V. 18 di Messina, l’Athos Stavronikita 43 e la produzione libraria costantinopolitana del primo periodo macedone // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici*. 1994. N.S. XXXI. P. 81–163.

⁹ *Iacobini A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio. Un manoscritto bizantino da Costantinopoli a Messina*. Roma, 1998 (“Milion. Studi e ricerche d’arte bizantina”, 4). P. 26.

¹ Эти “диптихи” располагались на отдельных, вставленных в рукопись листах, большинство тетрадей которой – кватернионы.

² Такой, включающей все четыре Евангелия и, по-видимому, перечисленные элементы декора, видел рукопись в 1786 г. датский профессор богословия Ф. Мюнтер (1761–1830), а затем в 1801 г. А. Бирч, занимавшийся сверкой евангельских текстов.

³ В таком виде манускрипт читал Каспар Рене Грегори, первым датировавший его X веком.

⁴ *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts*. B., 1935, переиздание с дополнениями и приложением: Wien, 1996.

окончательную сверку текстов. Причиной такого разделения труда при работе над рукописью, в создании которой помимо писцов принимали участие автор орнаментального декора и миниатюрист, был, как считает Л. Перрья, особый заказ. О его важности свидетельствует и использование пурпура и золота (не только для написания текста эпиграмм, но и для орнаментального декора) и включение в состав рукописи “диптихов”, не имеющие прецедентов в истории византийского книжного дела. Во всех эпиграммах, посвященных евангелистам, кроме традиционных восхвалений, содержались просьбы о заступничестве за некоего Дионисия. Раньше его считали писцом рукописи¹⁰; однако поскольку в период, предложенный обоими авторами книги для датировки мессинского кодекса (конец IX – первые два десятилетия X в.), неизвестно ни одного писца с таким именем, а также из-за традиционно скромного отношения писцов к своему труду, Л. Перрья и А. Якобини высказали предположение, что в эпиграммах все-таки идет речь о заказчике рукописи. Используя материал византийских печатей, им удалось найти возможного заказчика манускрипта: им мог быть Дионисий, императорский протоспафарий и судья фемы Опсикий, печать которого, датированная IX–X вв., хранится в Dumbarton Oaks. Человеку, занимавшему столь высокое положение, вполне могла принадлежать маленькая (172 × 124 мм), изящно украшенная рукопись, *livre de chevet*, которую легко и удобно было носить с собой. В последней главе палеографического раздела Л. Перрья рассматривает кодекс из Мессины в контексте столичной книжной продукции конца IX – первой половины X в. и выделяет среди наиболее близких ему три четвероевангелия – Marc. I, 18; Walters Art Gallery W 524 и РНБ, гр. 53, тоже созданные в первые десятилетия македонской эпохи.

А. Якобини последовательно анализирует иконографию и манеру исполнения фронтисписа, Послания Евсевия и таблиц канонных, и пребывающей в крайне плохом состоянии сохранности единственной миниатюры. Его анализ всегда внимательный, тонкий, аргументированный и осторожный. Для сопоставления с декором мессинского кодекса он привлекает не только произведения книжной миниатюры, но и декоративной скульптуры и прикладного искусства. Так, отдельные мотивы фронтисписа он сравнивает со скульптурным карнизом апсиды северной церкви Константина Липса и деталями керамического иконостаса, найденного в Преславе (ок. 890 г.). В целом, заключает А. Якобини, фронтиспис с колонками, поддерживающими архитрав с возвышающимся над ним большим ребристым куполом в центре и маленькими павильончиками, увенчанными крестами, по бокам, и большим, богато украшенным крестом, установленным на постаменте под куполом, соединяет в своей иконографии изображение часовни Воскресения, возведенной ок. 425 г. Феодосием II, и золотого Голгофского креста. Он приводит ряд ранних памятников, в которых можно видеть изображения каждой из иерусалимских святынь порознь, но отмечает, что нельзя указать конкретную модель фронтисписа: он является результатом целенаправленного отбора иконографических элементов и их свободной интерпретации¹¹. Орнаментальным элементам арочных обрамлений Евсевиева послания и таблиц канонных он находит аналогии в декоре рукописей Marc. I, 18 и Walters Art Gallery W 524, скульптуре южной церкви Константина Липса, мраморном рельефе из Археологического музея в Стамбуле и эмалях чаши из сокровищницы Сан Марко в Венеции. В отличие от более поздних рукописей, созданных около середины X в., орнаментальные мотивы, использованные для украшения мессинского кодекса, имеют преимущественно плоскостный и декоративный характер; классифицирующие же мотивы являются скорее исключением. Истоки нескольких элементов декора восходят к сасанидскому искусству. Единственная миниатюра мессинской рукописи, изображающая евангелиста Матфея как философа обнаруживает наибольшее

сходство с соответствующим образом из знаменитого афонского Четвероевангелия (Stavronikita 43), однако между ними есть и существенные различия, связанные с изменениями художественного вкуса и стиля, произошедшими к середине столетия: миниатюра “Евангелия Дионисия” написана более тонко и нюансированно, менее схематично; трактовка живописного пространства сближает ее с рукописью Гомиллий Григория Назианзина (Paris, BNF, gr. 510) 879–882 гг. На основании выявленных художественных особенностей мессинской рукописи А. Якобини предлагает датировать ее не позднее второго десятилетия X в. Тогда она приобретает особую значимость для истории византийской книжной миниатюры, поскольку в ней впервые после окончания эпохи иконоборчества появляется изображение сидящего евангелиста – одна из самых распространенных иконографических схем в миниатюре всего последующего времени¹².

При рассмотрении проблем, непосредственно связанных с кодексом из Мессины, авторы книги затрагивают и большой круг вопросов, касающихся палеографии рукописей и искусства македонской эпохи, уточняют датировки некоторых манускриптов. Представление о культуре македонского ренессанса, которое рождается в результате прочтения книги, более живое, глубокое и многогранное, чем по прочтении ставших хрестоматийными работ Вайцмана, что вполне закономерно, поскольку с момента публикации последней из них прошло уже больше 25 лет.

И.А. Орецакая

Kaldellis A. The Argument of Psellos' *Chronographia*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 223 p.

Книга Э. Калделлиса – лишь вторая работа, целиком посвященная “Хронографии” Пселла (первая – исследование А. Гадолин, получившее не слишком положительные отзывы в специальной литературе¹).

Э. Калделлис преподает в университете Огайо (США) и специализируется в области византийской историографии. Ему принадлежат перевод “Книги царей” Генесия, статьи об Агафии и других византийских историках. В настоящее время Калделлис занимается Прокопием и, как нам известно, собирается в будущем вновь вернуться к творчеству Пселла.

Подробно Калделлис рассматривает только первую часть “Хронографии”, завершающуюся отречением Исаака Комнина. Исследование базируется на итальянском издании Пселла 1984 года, текст “Хронографии” ученый цитирует в собственном переводе.

Исследование предваряют два эпиграфа – цитаты из сочинений Ницше и Кеавмена. В обеих речь идет о том, что читать следует внимательно, вдумчиво, по несколько раз возвращаясь назад. Именно внимательное чтение текста Пселла, по мысли Э. Калделлиса, позволило ему по-новому взглянуть на произведение великого византийца. Э. Калделлис видит в суждениях византийцев о Михаиле Пселле два больших недостатка. Во-первых, они слишком буквально понимают высказывания Пселла. Во-вторых, отказываются допустить, что мировоззрение средневекового человека могло быть вполне независимо от взглядов его современников.

Калделлис стремится оценить как личность Пселла, так и его философские, политические и иные взгляды, выраженные в “Хронографии”. По мнению ученого,

¹² От доиконоборческого периода до нас дошло лишь одно изображение сидящего евангелиста – в Россанском кодексе (Rossano, Museo dell'Arcivescovado), f. 121.

¹ См., например: *Безобразов П.В., Любирский Я.Н.* Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001. С. 199.

¹⁰ Ibid. P. 37. Not. 17.

¹¹ Ibid. P. 57.

Пселл был оригинальным философом, яркой, выдающейся личностью, но при этом всегда оставался величайшим лжецом, каждое высказывание которого может быть понято двояко, и, кроме того, “покровителем богохульников” – “patron of blasphemers” – такого название одной из глав книги.

Надо сказать, что вторая часть приведенной характеристики не отличается оригинальностью. Вопрос о моральном облике Пселла весьма занимал многих византистов. Оценки, которые византийскому писателю давали исследователи, очень часто были отнюдь не лестными. Одни ученые говорили о Пселле как о “человеке без принципов” (П. Безобразов), возмущались “низменным сервиллизмом” и “безмерным тщеславием” Пселла (К. Крумбахер) и т.д., другие, напротив, стремились освободить византийского писателя от обвинений в моральной нечистоплотности (П. Иоанну). Калделлис подобно своим предшественникам обнаруживает в тексте “Хронографии” свидетельства и беспринципности, и тщеславия ее автора. Но, в отличие от них, не пытается ни осудить, ни оправдать Пселла, а просто констатирует факты, хотя в ряде случаев явно не может скрыть симпатии к своему герою.

Рассмотрение тем и мотивов “Хронографии” приводит исследователя к выводу, на первый взгляд неожиданному и даже парадоксальному: Пселл – рационалист, реалист и антихристианский философ, человек, начисто отвергавший систему ценностей своих современников.

По мнению Э. Калделлиса, главная черта мировоззрения Пселла, выраженная в “Хронографии”, – “реализм”. Именно поэтому Пселл отбрасывает традиционную систему ценностей и интересуется только практической пользой, полагая, что добродетель в общепринятом смысле этого слова может стать лишь помехой для правителя. Это утверждение исследователь иллюстрирует анализом образа Василия II. Последний предстает у Пселла как человек нерелигиозный, крайне властолюбивый, ни перед чем не останавливающийся для достижения своих целей, но при всем том он остается образцовым правителем.

Калделлис уделяет внимание и отношению Пселла к религии. Он приводит ряд цитат, выдающих неприязнь Пселла к монахам, его сомнения во всеилии Провидения, насмешливое отношение к странным обрядам и т.п. Исследователь заключает, что Пселл был не просто больше привержен делам земным и светским, нежели божественным, но его мировоззрение представляет собой *серьезный вызов православию*. Более того, Калделлис утверждает, что Пселл вообще не был религиозен. Он, конечно, соблюдал обряды, как это было принято, но только притворялся верующим, поскольку вести себя иначе было невозможно.

Отказывая византийскому писателю в каком-либо религиозном чувстве, Калделлис настаивает на том, что Пселл не просто эрудит, а серьезный философ, создатель целостного учения. Исследователь называет Пселла “глашатаем новой философии”, основная идея которой освобождение от диктата христианства.

Однако Пселл, по Калделлису, не только философ, но и ритор, и его “Хронография” – риторический текст. Именно мастерство ритора позволяет автору скрывать свои истинные мысли.

С логикой многих рассуждений Э. Калделлиса трудно не согласиться, хотя выводы, которые он делает на их основании, зачастую вызывают недоумение и оставляют впечатление нарочитой экстравагантности. Вот один из ярких примеров. Михаил IV находится в монастыре. Пришло время молитвы. Далее Калделлис цитирует Пселла: “...(Михаил) тихо поднялся с ложа и хотел обуться, но кожаных монашеских сандалий ему не приготовили, а дали те, что остались от прежнего лицедейства; он огорчился такой оплошностью и босой отправился в храм...”. Исследователь усматривает здесь... упрек монахам в неблагодарности – они не обеспечили своего недавнего благодетеля самым необходимым.

Упрекая византийцев в излишней доверчивости и своего рода наивности, Э. Калделлис неоднократно говорит о необходимости крайней осторожности в

трактовке воззрений Пселла. Однако самому Калделлису эта осторожность свойственна отнюдь не всегда.

Как уже было упомянуто выше, ученые очень по-разному оценивали Пселла. Их оценка в значительной мере была связана со спецификой их собственных личностей и мировоззрения. Светские, “либеральные” исследователи видели в Пселле свободомыслящего эрудита, ученые религиозной направленности – благочестивого христианина. Не исключено, что и в данном случае на образ Пселла наложила свой отпечаток индивидуальность исследователя. Пселл действительно представляет собой из ряда вон выходящее явление для Византии XI века. Он опередил свою эпоху и занимает достойное место среди выдающихся деятелей мировой культуры. Э. Калделлис подобно некоторым своим предшественникам сравнивает Пселла с Вольтером, но при этом замечает, что такое сопоставление – комплимент не Пселлу, а скорее Вольтеру.

Как бы то ни было, книга Э. Калделлиса отражает наметившуюся в современной византистике тенденцию подчеркивать своеобразие и самобытность воззрений Пселла и рассматривать его творчество в контексте европейского гуманизма².

В. Чистякова

Otten - Froux C. (publ.) Une enquête à Chypre au XVe siècle. Le *sindicamentum de Napoleone Lomellini, capitaine génois de Famagouste (1459)*. Nicosia, 2000. 305 p.

В 2000 г. в Никосии вышла в свет книга французской исследовательницы Катрин Оттен-Фру. Это публикация “Sindicamentum” Наполеона Ломеллини, капитана генуэзской Фамагусты в 1457–1459 гг., который был избран Генуэзской республикой и Оффицией Банка св. Георгия управлять городом. Представляемый текст – протокол инспекции его деятельности на этом посту синдиками Генуэзской республики.

В Государственном архиве Генуи хранятся два текста о двух синдикатах. Один из них о синдикате Пьетро де Марко 1448–1449 гг. был опубликован Фоссати Райтери (Collana Storica, 41. 1984). Второй, долго считавшийся утраченным, был обнаружен в фонде Банка св. Георгия. Его издание взяла на себя А. Оттен-Фру. Именно эту работу мы с удовольствием готовы представить. Публикация важного и интересного манускрипта – явление само по себе примечательное в исторической науке. Тем большее значение приобретает работа, снабженная конкретным исследованием и подробными комментариями издателя.

К. Оттен-Фру справедливо отмечает, что интерес к истории Кипрского королевства существует в медиевистике очень давно. Не может пожаловаться исследователь, занимающийся историей Кипра XIII–XV вв., на скудость источников. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что большая часть известных источников была опубликована еще в XIX – начале XX в. Архивы Италии и Южной Франции по сей день хранят многочисленные документы по истории европейской колонизации и торговли на острове Кипр. Перелом в источниковедении Кипра наметился лишь в 80-е годы XX в., когда группа генуэзских и французских исследователей начала публикацию нотариальных актов из Государственного архива Генуи¹. Они дали первый массовый статистический материал и позволили приступить к детальному исследованию истории одного из важнейших торговых центров Восточного

² Любарский Я.Н. Михаил Пселл в византистике последнего двадцатилетия // Монография. Т. 1. М., 2001. С. 259–275.

¹ Lamberto di Sambuceto. Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Cipro / A cura di V. Polonio, R. Pavoni, M. Balard. Genova, 1981–1987. Collana Storia di fonti e studi. Vol. 31, 32, 39, 49.

Средиземноморья XIV–XV вв. – Фамагусты. Книга К. Оттен-Фру является логическим продолжением этой работы.

Благодаря публикации К. Оттен-Фру мы получаем возможность изучить аспекты повседневной жизни генуэзской колонии, торговли, состава населения, защиты города от внешних врагов и снабжения его продовольствием, оборонительной системы, административного управления, финансов, политического соперничества, злоупотреблений властей и нарушений ими законов. Многие из этих вопросов недостаточно освещаются в других типах источников. Публикуемый текст дает также богатый материал по топографии Фамагусты.

Книга Катрин Оттен-Фру состоит из двух частей. Первая, хотя и названа автором введением, на самом деле – реальное исследование. Вторая часть представлена оригинальным латинским текстом манускрипта с комментариями автора.

К. Оттен-Фру не только дает подробное описание публикуемого манускрипта, особенностей его структуры, языка, письма, орфографии, но и краткий очерк конкретной исторической ситуации и особенностей кипро-генуэзских отношений в XIII–XV вв., долговых проблем кипрского правительства по отношению к Генуе, роли и функционирования административных и финансовых институтов генуэзской Фамагусты, значения Банка св. Георгия в управлении городом и его защите, обеспечения безопасности города, защиты его от внешних врагов, в частности от мамлюков и каталонских пиратов. Автор показывает прекрасное знание вопросов юридико-административной системы генуэзских колоний, специфики генуэзского права и его функционирования в метрополии и колониях. Особое место занимает изучение института синдиков Генуэзской республики в колониях, прежде всего в Фамагусте: процедура их избрания на должность, их функции, деятельность, роль и значение в жизни колоний, приведение свидетельских показаний обвинения и защиты, вынесение окончательных приговоров. Автор показывает множество реалий судебной-административной системы Фамагусты, роль и деятельность в ней конкретных исторических лиц. Разъяснение названных проблем поможет в дальнейшем исследователям глубже понять смысл публикуемого текста.

После изучения института синдиков в целом и представления своеобразного теоретического очерка о проблеме (гл. 2 А), К. Оттен-Фру переходит к исследованию непосредственно дела Наполеона Ломеллини, с именем которого связан публикуемый манускрипт. Данная часть исследования (гл. 2 В, гл. 3) представляет собой разбор содержания манускрипта: дается характеристика обвиняемых и обвинителей, смысла выдвигаемых жалоб против капитана Фамагусты и его чиновников. Исследовательница постоянно сравнивает аналогичные ситуации в деле Ломеллини и Пьетро ди Марко, сопоставляет с другими фактами истории генуэзского присутствия и судопроизводства в Фамагусте. Данная глава исследования снабжена также таблицей, которая представляет собой хронологическое описание судебного процесса над Наполеоном Ломеллини (с. 49–51).

К. Оттен-Фру на примере своего “героя” рассуждает о генуэзской администрации Фамагусты в целом, о том, насколько она была честна или, наоборот, коррумпирована, насколько она соблюдала законы республики. Автор детально разбирает случаи нарушения статей статуты Фамагусты правительством Наполеона Ломеллини, которые часто были результатом недобросовестности, оплошностей и просчетов в руководстве городом. Исследовательница также ищет ответ на вопрос, насколько “Sindicamentum” отражает реалии истории середины Фамагусты XV в. и насколько его можно считать историческим документом. Чтобы ответить на поставленные вопросы, К. Оттен-Фру подробно анализирует не только публикуемый текст, но и привлекает другие источники и документы, также хранящиеся в Государственном архиве Генуи (письма Наполеона Ломеллини к протекторам Банка св. Георгия, массарии Фамагусты). Дополнительный материал, часть которого также

публикуется исследовательницей в приложениях, позволяет провести сопоставительный анализ и проверить достоверность данных “Sindicamentum”.
Невозможно не согласиться с точным наблюдением автора, что в XV в. содержание Фамагусты становится чрезвычайно экономически обременительным для Генуэзской республики. В связи с этим правительство Генуи было вынуждено передать управление городом Банку св. Георгия, тем самым переложив на Банк все его проблемы (с. 14). Тем не менее автор отмечает важнейшую роль Фамагусты в связях с сирийскими портами и рынками, которую она сохраняла и в середине XV в. Это обстоятельство заставляло Генуэзскую республику думать о защите города и сохранении его в своих владениях (с. 13–16). Говоря о каталонских пиратах и столкновении интересов каталонцев и генуэзцев на Кипре, исследовательница справедливо отмечает, что значение терминов “корсар” и “пират” в отношении представителей Иберийского полуострова, как правило, полностью совпадает (с. 60). Весьма интересным и важным представляется исследование оборонительной системы Фамагусты (с. 64–65) и глава о снабжении Фамагусты продовольствием (с. 67–70). В частности, автор отмечает своеобразную географию поставок зерна в город. На основании изучения массарий и текста “Sindicamentum” К. Оттен-Фру справедливо утверждает, что зерно в Фамагусту привозили главным образом с Сицилии или из Романии, что полностью подтверждается и другими документами, хранящимися в Секретном архиве Генуи. Наблюдение автора о распродаже импортируемой пшеницы за пределы генуэзской территории на Кипре, т.е. в землях короля (с. 67), является ценной исследовательской находкой.

Однако ряд категоричных утверждений автора нуждается в некоторых коррективах и пояснениях. 1. Исследовательница пишет, что ежегодное жалованье капитана Фамагусты составляло 22 000 белых безантов Кипра. Такое вполне возможно. Однако необходимо заметить, что эта цифра не была фиксированной и постоянно колебалась. Согласно массариям Фамагусты, жалованье капитана в разные годы могло составлять от 17 500 (1390 г.) до 21 000–22 000 белых безантов (1443, 1460 гг.)². Кроме того, согласно кипро-генуэзскому договору 1441 г., часть зарплаты капитана Фамагусты поступала от короля Кипра как оплата долга королевства Генуе. Эта часть составляла 1000 безантов (с. 17). То же самое касается и других должностных лиц генуэзской Фамагусты. К. Оттен-Фру отмечает, что викарий, помощник капитана, получал 800–1200 безантов ежегодно, массарий – 3400 (1447 г.), писец – 1500. В первый год правления Наполеона Ломеллини в Фамагусте содержание всей гвардии, занятой охраной городских стен, составляла 21 619 безантов в год (с. 64). Однако опять же массарии Фамагусты за разные годы дают неоднозначные цифры. В 1390 г., например, жалованье массария составляло 2600 белых безантов в год, нотариий и писец массарии получал 1400 безантов, генуэзский консул в Никосии – 960 безантов³. Невероятно увеличивается жалованье массариев Фамагусты в 1440-е годы и достигает 3400 безантов в год. Писец в то время получал обычно 1500 безантов, викарий – 1200 безантов в год⁴. В 1460-е годы массарии были просто заменены чиновниками более низкого ранга субмассариями, жалованье которых было несравнимо ниже – 840 белых безантов в год. Викарий капитана и нотариий массарии по-прежнему имели соответственно 1200 и 1500 безантов в год⁵.

2. Мы не можем согласиться с характеристикой короля Жана II Лузиньяна как “слабого короля” (с. 13). Такая оценка действительно часто встречается в историографии, и ее можно считать традиционной. Однако если более внимательно присмотреться к личности этого монарха, оказывается, что он был не столь прост. Жан II

² ASG. Sala 34, 590/1268, f. 186r (187r); 590/1276, f. 40; 590/1286, f. 97r.

³ ASG. Sala 34, 590/1268, f. 86r (87r).

⁴ ASG. Sala 34, 590/1276, f. 97v, 98v, 99v, 103v.

⁵ ASG/ Sala 34, 590/1286, f. 42–44.

получил в наследство разоренное после войны с мамлюками и опутанное долгами королевство, которое могло стать очень легкой добычей для любого завоевателя. Тем не менее во время правления Жана II его государство не было втянуто ни в одну войну. Его правление, пожалуй, было самым мирным, начиная с середины XIV в. Искусно политически лавируя между интересами Генуи, Венеции, Египта, идя им на уступки, предоставляя, с одной стороны, экономические привилегии, а с другой, умело их ограничивая, Жану II удалось самое главное – сохранить независимость своего королевства и трон для себя и своих преемников. Мирная передышка позволила королевству обрести какие-то жизненные силы, хотя бы немного наполнить королевскую казну, что дало возможность выплачивать ежегодную дань мамлюкам, а иногда и долги генуэзцам. Не менее осторожен и дипломатичен был этот монарх во внутренней политике. Думается, правления Жана II Лузиньяна нуждается в более детальном и всестороннем изучении и еще ждет своего исследователя.

3. Исследуя вопрос происхождения фамилии Ломеллини К. Оттен-Фру упоминает некоего Наполеона Ломеллини, который в конце XIV в. требует от правительства Генуи освобождения от налогов на том основании, что он является отцом более 12 живых детей. Далее исследовательница пишет, что “он сам и его сыновья инвестировали деньги в акции Банка св. Георгия” (т.е. *luoghi di comprare*) (с. 30). Однако в данном случае из лаконичных слов К. Оттен-Фру, когда она сравнивает события 1380 и 1455 гг., остается непонятным, о том ли самом человеке идет речь или о его потомке, носившем то же самое имя. Нам кажется, что здесь следует более четко сказать о преемственности поколений и что в 1455 г. в сделки и отношения с Банком св. Георгия вступают именно потомки Наполеона Ломеллини, жившего в конце XIV в.

4. Средневековая метрология является, пожалуй, одной из самых сложных тем средневековья. Безоговорочное указание автора, что 1 модий Кипра = 40 л, не бесспорно. Исследовательница ссылается и полностью полагается на мнение авторитетного ученого Ж. Ришара. Между тем в историографии нет единого мнения о содержании модия, и это, вероятно, следует отметить. Ж. Ришар писал, что 1 модий Кипра = 35–40 л; К. Десимони полагал, что 1 модий = 92,83 л (72 кг); Е. Шильбах считал, что 1 кипрский модий = 32,028 л, 1 модий соли = 24,9 л⁶. Однако точно известно, что 1 модий Романии = 10 модиям Кипра⁷. 10 сальмов Сицилии = 825 модиев Кипра⁸. Если 1 сальм Сицилии = 247 кг, то 1 модий Кипра = 29,9 кг (32 л)⁹.

В тексте исследования имеются некоторые повторы, которых, вероятно, можно было избежать. Например, читатель дважды встречает текстологически совпадающее объяснение процедуры избрания синдиков (с. 22 и 36). Хотя и в редких случаях, в тексте книги отсутствует отсылка к источнику. На с. 30 К. Оттен-Фру пишет, что синдик при Наполеоне Ломеллини не проявляли интереса к субмассариям, писцу и нотарию курии Фамагусты, как это было при Пьетро де Марко, и как это рекомендуется статутами. Указания на соответствующие статуты, несомненно, хорошо известные самой исследовательнице, мы однако не находим.

Помимо публикуемого текста, автор показал прекрасное знание и других фондов Государственного архива Генуи, касающихся истории Кипра. Вместе с тем не-

возможно не заметить некоторые ошибки при цитировании отдельных документов. Например, не совсем корректно указание типа: ASG. AS. Diversorum Communis Janue. 501 или ASG. AS. Diversorum, 511 (с. 33–34, примеч. 116, 117). Правильнее – ASG. AS. 501. Diversorum. Registri, потому что фонд *Diversorum Communis Janue* (или *Diversorum. Filze.*) является другой частью Секретного архива Генуи. Подобное разделение имеет место и в инвентарных книгах Государственного архива Генуи.

Текст сопровождается подробными комментариями, таблицами, индексом, планом Фамагусты.

В целом необходимо отметить, что работа К. Оттен-Фру – большой вклад в изучение истории средневекового Кипра. Лишь характер жанра рецензии, которую нам предстояло написать, заставил нас указать на некоторые незначительные недочеты и внести уточнения, которые ни в малейшей степени не умаляют достоинств и важности представляемой публикации.

С.В. Близнюк

C e r a n W. Historia i bibliografia rozumowana bizantynologii polskiej (1800–1998). T. 1–2. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2001 (Byzantina Lodziensia, VI).

Польская византистика хорошо известна за рубежом и в нашей стране. Имея таких корифеев науки, как О. Юревич и В. Вольска-Конус, не требуют особого представления. Вместе с тем за пределами Польши достижения польской византистики и в особенности те работы, которые издаются на польском языке, известны не достаточно. Исправить сложившуюся ситуацию, ознакомить научный мир с развитием польской византистики и призван новый двухтомник профессора Вальдемара Церана – замечательного польского византиста, специалиста по ранней Византии, основателя и руководителя школы византиноведческих исследований в университете Лодзи.

Большую часть томов составляет библиографический список публикаций польских исследователей XIX и XX вв. Первый том открывается очерком истории византиноведческой науки, написанный в жанре введения, предисловия к самой библиографии (“Возникновение и развитие византистики в мире и в Польше”. Т. 1. С. 5–58). В. Церан начинает свой обзор с самого начала византиноведческих исследований, с изысканий итальянских гуманистов XVI в., и вкратце проследживает всю историю науки, отмечая время создания и продолжительность основных серий изданий источников по истории Византии. Автор доводит свой очерк до конца XX в., давая короткие характеристики особенностям византистики в каждой из европейских стран и в США, перечисляет виднейших представителей науки с указанием сферы их исследований (с. 6–25). Этот историографический очерк сам по себе представляет большой интерес, однако наиболее важные для нас страницы его посвящены непосредственно польской византистике.

В. Церан возводит зарождение интереса к истории Византии в Польше к XVI в. Эта дата, как оговаривает автор, условна, потому что в XVI в. польских гуманистов привлекала скорее античная история и филология, они затрагивали византийские сюжеты лишь от случая к случаю, не занимаясь ими специально. Отдельно ученый упоминает издания источников в Польше, которые начинались с публикации текстов Св. Отцов и активно продолжают и поныне (с. 26 сл.). Обрисовав развитие науки в XVII–XIX вв. (с. 26–27), В. Церан более подробно останавливается на состоянии польской византистики в XX в. Зачинателем научного византиноведения в Польше он называет Л. Штернбаха (*Leon Stembach*), филолога, издателя византий-

⁶ *Desimoni C. Observations sur les monnaies, les poids et les mesures cités dans les actes du notaire génois Lamberto di Sambuceto // ROL. 1985. Vol. III. P. 23–24; Richard J. Chypre sous les Lusignans. Documents chypriots des archives du Vatican (XIV–XVe siècles). P., 1962. P. 20; Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 132–134.*

⁷ *Uzzano G. Pratica della mercatura. Lisbona; Lucca, 1765. P. 88.*

⁸ *Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Ed. A. Evans. Cambridge (Mas.), 1936; Capmany A. Memorias historicas sobre la marina comercio y actes de la antiqua ciudad de Barcelona. Vol. II. Barcelona, 1963. P. 983; Desimoni C. Op. cit. P. 24.*

⁹ *Близнюк С.В. Мир торговли и политики в государстве крестоносцев на Кипре. М., 1994. С. 88. Примеч. 150.*

ских источников. Первым историком, сделавшим историю Византии предметом своих исследований, является К. Закжевский (Kazimierz Zakrzewski) (с. 26–34).

Последний раздел Введения (ок. 20 с.) посвящен истории и деятельности современных польских византинистических центров – в Университете Лодзи, в Варшавском университете, в других исследовательских группах. Дано поименное перечисление их сотрудников с указанием сферы их занятий. Кроме того, указаны исследовательские серии и журналы, издающиеся в Польше по византинистике (с. 34–56).

Отдельная часть первого тома (с. 59–400) и весь второй (с. 401–737) представляют собой библиографическую опись изданий польских византинистов, опубликованных в 1800–1998 гг. Материал группируется по следующим разделам – том I: “История византинистических исследований, биографии ученых, энциклопедии, словари, конференции, библиографии” (с. 71–107), “Проблемы историко-литературные, проблемы языкознания. Историография” (с. 108–164), “Издания и переводы источников” (с. 165–233), “Политическая история” (с. 234–293), “История строя и администрации” (с. 294–304), “Крестьянско-социальная история, история города и военная история” (с. 305–331), “История культуры, науки, идей и образования” (с. 332–364), “Право” (с. 365–400). Разделам предпосланы указатель сокращений и указатель периодических изданий (с. 59–70); том II: “Нумизматика, сфрагистика и надписи” (с. 401–426), “Папирология” (с. 427–433), “Искусство и архитектура” (с. 434–487), “Археология” (с. 488–545), “Материальная культура и техника” (с. 546–563), “История Церкви, религии и религиозной жизни” (с. 564–644), “Монашество, мистика, аскеза” (с. 645–664), “Теология. Догматика” (с. 665–696), “Патрология” (с. 697–717), “Литургика” (с. 718–738). Второй том справочника заканчивается подробными указателями.

Особо следует отметить, что в справочнике зафиксированы также и рецензии польских коллег на зарубежные издания и в частности на русскую, советскую и российскую византинистическую литературу.

В целом рассматриваемый двухтомник, в силу своей полноты и высокопрофессионального исполнения, является весьма полезным библиографическим и историографическим справочником, ценным подспорьем для любого, имеющего интерес к истории Византии.

М.С. Меньшикова

Поляковская М.А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003 (Серия “Античная древность и средние века”. Т. 2). 432 с.

Начало XXI в. ознаменовалось для российского и мирового византинистического ряда значительных юбилеев. В 2002 г. отмечалось 80-летие Александра Петровича Каждана (1922–1997). В честь этого события в “Византийской библиотеке” издательства “Алетейя” вышел в свет долгожданный сборник статей и материалов, посвященный памяти ученого и включающий в себя наиболее обширную на сегодняшний день библиографию его трудов¹. Прошел год, и мы оказались участниками и свидетелями другого крупного юбилея, связанного с именем еще одного выдающегося ученого, “вечного оппонента” Александра Петровича в споре о прелестях “Прекрасной Дамы” (ἡ πόλις) – Михаила Яковлевича Сюзюмова (1893–1982). В честь этого события был выпущен в свет сборник избранных трудов Мастера² и

проведены XI научные Сюзюмовские чтения³, по материалам которых был издан очередной выпуск серийного издания “Античная древность и средние века” (АДСВ)⁴.

Но и на этом благосклонная Фортуна – τύχη – не перестала оказывать нам свою милости. В 2003 г. было отпраздновано 70-летие замечательного ученого и человека, прекрасного педагога и организатора науки, тонко чувствующий красоту в жизни и в людях, признанный глава Уральской школы византинистов с момента смерти М.Я. Сюзюмова – Маргарита Адольфовна Поляковская. Это событие было отмечено торжественной церемонией, состоявшейся в Уральском государственном университете, которому Маргарита Адольфовна отдала большую часть своей жизни, и – как когда-то 80-летие Сюзюмова⁵ – выходом в свет очередного выпуска сборника “Античная древность и средние века”, посвященного ей⁶. Но, пожалуй, самым щедрым подарком оказался тот, который преподнесла почитателям своего научного творчества сама Маргарита Адольфовна. В год своего юбилея она выпустила в свет свою новую книгу – “Византия, византийцы, византинисты”.

Книга состоит из двух частей. Она задумана как двуединое научно-мемуарное целое. По давней традиции составления такого рода изданий, в первую часть – “Византийский мир: человек, власть, общество” (с. 11–294) – автор включила 25 своих статей 1963–2001 гг., тогда как вторая часть – “Мир византинистов. Письма и воспоминания” (с. 297–428) – содержит публикации писем видных ученых, а также работы по истории науки. Открывает книгу удивительно проникновенно написанное “Слово от автора” (с. 5–7), а завершает Список сокращений и Содержание (с. 429–431).

Статьи, представленные в первой части, посвящены самой разнообразной проблематике: от истории города и городской жизни (при этом в центре внимания автора находится экономическая деятельность поздневизантийского монашества⁷) – до вопросов, связанных с развитием духовной культуры⁸, интеллектуальной среды⁹

³ Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI научных Сюзюмовских чтений / Отв. ред. М.А. Поляковская. Екатеринбург, 2003. 112 с.; *Еманов А.Г.* XI научные Сюзюмовские чтения “Кумуляция и трансляция византийской культуры” (Екатеринбург, 26–28 марта 2003) // *Европа: Международный альманах*. Вып. III. Тюмень, 2003. С. 237–242.

⁴ АДСВ. 2003. Вып. 34. 488 с. Сборник открывается проникновенно написанным предисловием А.С. Козлова, в котором осмысливается значимость трудов М.Я. Сюзюмова и основанного им направления исследований в целом: *Козлов А.С.* К 110-летию Учителя // Там же. С. 5–8. Из публикаций последних лет о Сюзюмове см. также: *Беседа юбиляра и редактора с издателем* // *ΑΝΤΙΣΤΡΟΝ*. К 75-летию академика РАН Геннадия Григорьевича Литаврина / Отв. ред. проф. И.С. Чичуров. СПб., 2003. (ВВ). С. 10–11, 22.

⁵ Юбилейный сборник в честь 80-летия М.Я. Сюзюмова см.: АДСВ. 1973. Вып. 10. Список трудов ученого за 1916–1983 гг. см.: ВВ. 1984. Т. 45. С. 285–288. Добавить: *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды.

⁶ АДСВ. 2002. Вып. 33. 344 с.

⁷ *Поляковская М.А.* Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // ВВ. 1964. Т. 24; *Она же.* Византия, византийцы, византинисты. С. 238–248 (далее при ссылках на эту книгу указываются только номера страниц. – *Д.М.*); *она же.* Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV – начале XV в. // АДСВ. 1965. Вып. 3.

⁸ *Она же.* Понятие нравственной нормы в византийской литературе XIV–XV в. (Алексей Макремволит) // АДСВ. 1973. Вып. 10; *Она же.* Этические проблемы “Слова против ростовщиков” Николая Кавасилы // АДСВ. 1977. Вып. 14; *Она же.* “Апология I” Димитрия Кидониса как памятник византийской общественной мысли XIV в. // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982.

⁹ *Она же.* К характеристике византийского образования: учителя и ученики // АДСВ. 1987. Вып. 23; *Она же, Чекалова А.А.* Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. 1996; *Она же.* Общество, власть, интеллектуальная элита: Поздняя Византия // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург. 2000.

¹ *Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения* / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб., 2003. 620 + II с. См.: *Курьшева М.А.* Опыт библиографии печатных трудов Александра Петровича Каждана // Там же. С. 538–617 (2811 №№).

² *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды / Отв. ред. М.А. Поляковская. Екатеринбург, 2002. (Серия “Античная древность и средние века”. Т. 1). 396 с.

и социальной психологии различных слоев византийского общества¹⁰: как простодов¹¹, так и интеллектуалов¹². В круг интересов М.А. Поляковской входят и вопросы этнопсихологии (восприятие византийскими интеллектуалами чужих народов)¹³ и проблемы тенденций социальной динамики отдельных знатных семей¹⁴ и целых групп знати (диахронический аспект анализа проблемы)¹⁵, и малоизученные сюжеты из истории науки¹⁶. Некоторые из статей знакомят нас с разработанными автором теорией и методикой источниковедческого анализа произведений высокой риторики¹⁷, иные же являются образцом нестандартного, эвристического подхода к, казалось бы, привычным темам¹⁸. Круг научных интересов М.А. Поляковской поистине широк, но, как уже отмечалось в посвященном ей сборнике¹⁹, в центре их неизменно остается Homo byzantinus – не как некая чисто умозрительная конструкция, но как реальный человек с его радостями и страданиями, томлениями и невзгодами, борениями и надеждой. (Быть может, еще и поэтому кажется уместным упоминание имени А.П. Каждана в начале этой рецензии...) “Без человека и всего человеческого, что ему присуще, нет истории”²⁰, – эти слова могут восприниматься сегодня как credo, которому ученый следует на протяжении всей своей жизни.

Кратко рассмотрим содержание вышеуказанных статей. На примере анализа писем и трактатов поздневизантийских интеллектуалов (в первую очередь Димитрия Кидониса и Алексея Макремволита, а также светских по жанру – но не по духу – сочинений св. Николая Кавасилы) Поляковская убедительно доказывает, что “византийская общественная жизнь накануне падения империи, отражая сложность политической, социальной, идейной ситуации в обществе, интегрирует наряду с ми-

стическим нравственным идеалом и те противоречивые нравственные нормы, которые порождены реальными жизненными условиями” (с. 23). Но если для Кавасилы за всеми разновидностями жизненных ситуаций просвечивает единство идеала жизни по Христу и обожения, то в случае Кидониса мы имеем дело как раз с тем примером, о котором говорит ученый: настроения светских мыслителей поздней Византии определялись отнюдь не только простым перечнем соответствующих мест из Писания, ведь разум, по Кидонису, “будучи свободным, может и делать, и находить различное” (подразумевается ли тут полемика со стоическим термином τὸ ἄβδύξφορο?)²¹. Как и Метохит²², Кидонис критикует с позиций трезвой логики и здравого смысла тот комплекс величия и самоупоения, который находит свое предельное выражение в доктрине ойкуменизма. В доктринальном плане это ведет его к восхвалению богословия Фомы Аквинского (с. 63–75)²³. По словам автора, “...Димитрий Кидонис скорее выступал как преклонявшийся перед итальянской культурой ученый, нежели как прозорливый политик” (с. 75). В отличие от паламитов, в учении которых ему виделось подавление разума слепой и недоказуемой верой, лишённой какой-либо логики, Кидонис пытается примирить веру и разум, примыкая, таким образом (если следовать типологии Педро Баденаса де ла Пенья²⁴), к “примиренческому” направлению в поздневизантийской общественной и философской мысли. Разумеется, он может быть назван гуманистом в традиционном смысле этого слова²⁵.

И вряд ли стоит специально акцентировать тот факт, что М.А. Поляковская свободна от какой-либо пристрастности в отношении паламитов. В другой работе ею подчеркивается широта духовного горизонта св. Григория Паламы, который, находясь в турецком плену, высказался в позитивном духе по поводу господствовавшей у турок веротерпимости и изъявил готовность вести с ними дискуссии по вероучительным вопросам (с. 96). В то же время в его письме своей Церкви присутствует и стереотип негативного отношения к иноверцам (с. 95), который, однако, не является абсолютно доминантным. А на материале четырех ранних (1346) писем Кидониса автор убедительно раскрывает охватившие их автора в ту пору одиночество, страх и неуверенность в себе (с. 36–41). Можно только согласиться с М.А. Поляковской в том, что письма и произведения малых риторических жанров “...позволяют исследователю рельефнее представить внутренний мир образованного византийца и его ощущение эпохи” (с. 42).

М.А. Поляковская вскрывает в изучаемых ею текстах тончайшие нюансы смысла, что позволяет ей проникать в такие оттенки настроения их авторов, которые вряд ли возможно уловить при беглом чтении. В качестве примера можно указать на анализ ученым аллюзии на восстание зилотов в Энкомии Анне Савойской, составленном Николаем Кавасилой, вероятно, до 1352 г. (с. 77, 84–85). Анализ Энкомии автократуры, вышедшего из-под пера того же автора (с. 86–90), позволяет ис-

¹⁰ Она же. Homo byzantinus в условиях византийской общественно-государственной структуры: нравственно-психологический аспект проблемы доклад 1990 г. в рецензируемой работе публикуется впервые).

¹¹ Она же. Эмоциональный мир византийца // АДСВ. 1992. Вып. 26.

¹² Она же. Фракийский дневник молодого интеллектуала (август–сентябрь 1346 г. // ВВ. 1998. Т. 57; Она же. Образ человека в византийском письме // XVIII Международный конгресс византинистов. Т. II. М., 1991; Она же. Freisinn oder Angst? Die moralischen Dominanten zweier Korporationsgruppen der byzantinischen Gesellschaft // Byzantium... Copenhagen, 1996).

¹³ Она же. Плен как экстремальная ситуация столкновения “своих” и “чужих” // Иностранцы в Византии... М., 1997 (о “Письме из азиатского плена к своей Церкви” св. Григория Паламы).

¹⁴ Она же. К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы // ВВ. 1999. Т. 58, где дается всесторонняя характеристика социально-политической, экономической и идеологической ориентации представителей этого клана при Палеологах; она же. Место семейного клана в структуре поздневизантийского общества: Тарханиоты // АДСВ. 1998. Вып. 29.

¹⁵ Она же. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // АДСВ. 2001. Вып. 32.

¹⁶ Она же. Интерпретация понятия “византизм” в русской научной литературе конца XIX – начала XX в. // Византия... Екатеринбург, 1997).

¹⁷ Она же. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // АДСВ. 1973. Вып. 9.

¹⁸ Сказанное относится прежде всего к статьям по истории культуры: Проблема городской культуры в контексте Средневековья // Византия и Крым... Екатеринбург, 1995; Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XV вв.) // АДСВ. 2000. Вып. 31; К спорам о скаранике // АДСВ. 1995. Вып. 27; Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // Византийское государство в IV–XV в. ... Барнаул, 1998. Также важны статьи по сравнительной медиавистике: Византия в контексте европейской средневековой государственности: проблема лидера и темпов развития // АДСВ. 1999. Вып. 30; Место города в исторической судьбе Византии // Античный и средневековой город... Екатеринбург; Севастополь. 1994.

¹⁹ Барабанов Н.Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 214.

²⁰ Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. 2-е изд. СПб., 1998.

²¹ Dem. Cyd. De contemnenda morte oratio. XI. Цит. в рус. пер. М.А. Поляковской: Портреты византийских интеллектуалов. С. 298.

²² Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 152–154; Ševčenko I. Théodore Métochites, Chora et les courants intellectuels de l'époque // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 33.

²³ См. также: Jugie M. Georges Scholarios et Saint Thomas d'Aquin // Mélanges Mandonnet. Vol. 1. P., 1930. P. 424–425; Kianka F. Demetrius Cydones and Thomas Aquinas // Byz. 1982. Vol. 52. P. 264–286, esp. 277–286; Подскальски Г. Запад и Восток // Страницы. 2000. № 5: 4. С. 561–563 (с программной цитатой).

²⁴ Bádenas de la Peña P. Corrientes conciliadoras de intelectuales griegos en la corte del Gran Turco // Мир Александра Каждана... С. 272.

²⁵ Попытку более точного определения термина “византийский гуманизм” см. в нашей работе: Макаров Д.И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003. С. 20–28.

торику прийти к выводу, что в мае 1354 г. Кавасила не был рьяным кантакузинистом, но принимал политическую платформу лидера “политического исихазма” (Г.М. Прохоров) с оговорками (с. 90). В написанном по-немецки докладе, прочитанном на Девятнадцатом международном конгрессе византинистов в Копенгагене, подчеркивается осознавший Кидонисом на собственном примере разрыв между интеллектуальной деятельностью и занятием государственных должностей (с. 134). Именно боязнь потерять место при дворе или в структуре государственного аппарата являлась, согласно А.П. Каждану, одной из доминирующих черт в мирозерцании *homo byzantinus*. Здесь уместно привести одно место из письма Каждана к Поляковской от марта 1973 г., публикуемого в рецензируемой книге: “...назовем ли это госсобственностью или нет, ничего не переменится – но что любой византийский аристократ (до XIV в.) жил под страхом императорской Willkür, что это определяло его ощущение нестабильности – это все существенно важно” (цит. по: с. 360)²⁶.

Соглашаясь с Александром Петровичем в отношении тех представителей поздневизантийской интеллектуальной элиты, которые служили при императорском дворе и в различного рода ведомствах, входивших в состав госаппарата, образуя, таким образом, высший слой сановной знати, М.А. Поляковская отстаивает в целом более оптимистичный, чем у Каждана, подход к проблеме, принимая во внимание и христианские аспекты осмысления византийцами социальной и политической жизни – такие, как присущее части интеллектуалов чувство ответственности за свои действия перед Богом и обществом (на примере трактата св. Николая Кавасилы “Слово против ростовщиков” – с. 25, 31, 190). М.А. Поляковская отмечает преобладание в византийском обществе “нравственно-эмоционального, а не рационального (как у Кидониса и схоластов. – Д.М.) мировосприятия” (с. 32), ярким выражением которого и является трактат Кавасилы. Нам кажется справедливым и ее представление о том, что именно позиция Кавасилы ближе к магистральной линии развития византийской общественной мысли, нежели “кекавменовы страхи”. Эта линия отнюдь не замыкалась на воззрениях представителей правящей элиты (взять хотя бы Алексея Макремволита). Оценка М.А. Поляковской²⁷ представляется более взве-

²⁶ Впрочем, к концу жизни автор не считал свои воззрения бесспорными, о чем и писал Поляковской: «Я не хотел бы пускаться в спор об “индивидуализме без свободы”. И индивидуализм, и свобода – это понятия, и в них можно вкладывать разный смысл» (Каждан А.П. Письмо М.А. Поляковской от 4.01.1997 // Мир Александра Каждана... С. 457). Подобные воззрения отразились и в печатных трудах Каждана: «Ни один термин не имеет “настоящего”, “органического” значения – но лишь то, на которое согласились люди, и “подтверждением” термина служит не его врожденное тождество самому себе, но лишь практическое удобство в пользовании... Мы можем сговориться называть средневековое общество феодальным или податным – ни один термин не изменит и не поставит под сомнение наше восприятие этого общества» (Каждан А. Марксизм и податной способ производства (размышления над книгой: Холден Дж. Марксизм и податной способ производства. Лондон: Нью-Йорк, 1993) / Пер. С.А. Иванова // GENNAΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 112). Отметим попутно, что эта публикация не учтена М.А. Курышевой в списке трудов Каждана (см.: Мир Александра Каждана... С. 617). Эта позиция находит одобрение и у М.А. Поляковской, по крайней мере в том, что касается неоднозначности понятия “феодализм” и вопроса о правомерности его приложения к истории Византии. См.: Поляковская М.А. Византия в контексте европейской средневековой государственности... С. 277 (первая публикация: АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 29). Возвращаясь к ситуации спора с А.П. Кажданом, стоит отметить, что Каждан относился к историкам, мыслящим скорее образно, чем схоластически. В чем он и признавался М.А. Поляковской в письме 1973 г.: “Но так получается именно Bild, образ, а не Formel, определение. А Bild, по-моему, куда емче, глубже, чем формула” (цит. по: с. 360). Последнее соображение имеет ряд аналогий – вплоть до О. Шпенглера.

²⁷ “Здесь начинается, – подчеркивает автор, – отличие в моем понимании структуры личности *homo byzantinus* от оценки ее А.П. Кажданом...” (с. 190). Как видим, спор между двумя историками длился около четверти века и, может быть, в недалеком будущем изложение и анализ этого спора займет подобающее ему место на страницах летописи византиноведения.

шенной, поскольку христианские мотивы и их ответвления в разного рода памятниках составляют стержень византийского мышления, мировосприятия и формируемой этим мировосприятием идеологии, а рассматриваемый Кажданом пессимизм в определенных эпохи наслаивается на данный комплекс представлений²⁸. Параллель же Каждана²⁹, в ряде отношений оборачивается скорее антитезой (в самой общей формулировке – монастыря и мира или, по словам о. Георгия Флоровского, Империи и Пустыни³⁰)...

Ряд статей сборника посвящен комплексному анализу тенденций социально-экономической и социально-психологической эволюции микрогрупп поздневизантийского общества – на примере семей Кавасил и Тарханиотов, а также – с опорой на Псевдо-Кодина – эволюции византийской сановной бюрократии при Палеологах (см. особенно с. 160–173, с указанием номеров персоналий по PLP³¹). Отметим анализ интеллектуальной деятельности представителей клана Кавасил и их отношения к паламизму (с. 212–215). В византийской интеллектуальной элите, как убедительно доказывается в другой работе, преобладало не заискивание перед властью, не примитивный сервиллизм, а тонкий, порой трудноуловимый скепсис и полускрытая оппозиционность (с. 131). Эта близость (в разных аспектах) духовного опыта уже отмечалась многими, в частности Я.Н. Любарским (вслед за А.П. Кажданом)³². Не стал исключением и автор рассматриваемой книги³³.

Вышеприведенный тезис о критической настроенности значительной части интеллектуалов по отношению к властным структурам обосновывается М.А. Поляковской со ссылкой как на процессы, происходившие в духовной жизни империи в 40–60-е годы XIV в. (паламизм и борьба вокруг него), так и на напряженность социальной борьбы, разворачивавшейся в Византии в это время (с. 60–61 сл.), а также на внешнеполитическую опасность (с. 179).

В некоторых (весьма, впрочем, малочисленных) случаях у читателя может возникнуть желание кое с чем поспорить в формулировках и оценках автора, всегда опирающихся на солидный источниковый материал. Например, колкости, высказываемые Николаем Кавасилой в адрес Никифора Григоры в псогосе “Против нелепостей Григоры”, во-первых, как кажется, не выходят за рамки византийского псогографического канона, а во-вторых, вызваны той серьезностью, с которой представители церковных кругов относились к захлестнувшему византийское общество

²⁸ Ср. в частности одно из возражений Г. Подскальского Х.-Г. Беку по сходному поводу: Подскальский Г. Смерть и воскресение в византийском богословии / Пер. с нем. Е. Беляевой // Страницы. 2001. № 6: 1. С. 48–50.

²⁹ Например, в письме М.Я. Сюзумову от 1965 г. (примерно): “Очень любопытный автор и очень близкий, по-моему, к Кекавмену” (цит. по: с. 329). Параллель со св. Феодором Студитом или, предположим, Житием Лазаря Галесиота выглядела бы обоснованнее...

³⁰ См.: Флоровский Г., прот. Империя и пустыня. Антиномии христианской истории / Пер. Г. Ястребова // Он же. Догмат и история. М., 1998. С. 256–291.

³¹ См. также недавние работы М.А. Поляковской, в которых исправляется одна неточность в статье Г.А. Острогорского: Поляковская М.А. Народ и власть в Поздней Византии // Кумуляция и трансляция византийской культуры... Екатеринбург, 2003. С. 82–84, особ. 83; она же. Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 314–321, особ. 315. Ср.: Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 38.

³² Ср.: Каждан А.П. Трудный путь в Византию // Мир Александра Каждана... С. 486–487; Ljubarskij Ja.N. The Fall of an Intellectual: The Intellectual and Moral Atmosphere in Eleventh-Century Byzantium // Byzantine Studies. Essays on the Slavic World and the Eleventh Century / Ed. Sp. Vryonias. New Rochelle; New York, 1992. P. 175.

³³ Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов... С. 247.

палеологовской поры всплеску астрологии, магии и гаданий³⁴. Поэтому можно усомниться в том, следует ли называть данный трактат “излишне субъективным и не делающим чести его автору” (с. 215)³⁵. Не сразу становится понятно, что имеется в виду под “истинно православными принципами – без добавлений паламизма” (с. 61) (но здесь, может быть, все дело в формулировке...).

В целом не вызывает никаких сомнений, что результаты и достижения автора, содержащиеся в републикуемых ныне работах, заслуживают того, чтобы новое поколение византинистов училось по ним читать византийские тексты и, размышляя над последними, проникать в сознание их авторов. Некоторые из этих работ, вероятно, можно назвать классическими; при этом сама публикация сборника – лучшее доказательство того, что большинство из них выдержало испытание временем.

Во второй его части собраны письма М.Я. Сюзюмова различным корреспондентам (с. 301–319), обширный пласт из переписки А.П. Каждана с Сюзюмовым и самой М.А. Поляковской (с. 326–406), куда включено также очень важное во всех отношениях автобиографическое письмо Каждана Э.Н. Хрущевой от 8.05.1992 (с. 335–340)³⁶, некоторые письма автору книги С.В. Поляковой³⁷, Е.Э. Гранстрем и Б.Т. Горянова (с. 407–418). Публикация сопровождается краткими введениями автора книги, посвященными каждому из корреспондентов. Ее органично дополняют две работы М.А. Поляковской по истории науки: “Херсонес в письмах М.Я. Сюзюмова” (с. 320–323)³⁸ и «Из истории новой серии “Византийского временника” (1947–1994)» (с. 419–428). Тематически к этому кругу публикаций примыкает недавняя статья М.А. Поляковской, посвященная переписке Сюзюмова и Каждана³⁹, которая продолжает давний цикл ее работ о Сюзюмове⁴⁰.

Предваряющее книгу “Слово от автора” вызывает в памяти длинный ряд ассоциаций – от романтиков, Пушкина и Ламартина до Хёйзинги... или, быть может, византийских сочинений эпохи “багряной осени” Палеологов, которым так много времени, внимания и сил уделила Маргарита Адольфовна. Хотя книга вышла в мягкой обложке, полиграфически она выполнена на высоком уровне, и держать ее в руках – удовольствие. Это “внешнее” удовольствие органически вытекает из удовольствия “внутреннего” и потому главного – из радости ознакомления как с хорошо уже известными, так и с новыми работами М.А. Поляковской, каждая из которых представляет собой соединение (говоря словами византийцев) Риторике с Философией, а потому – праздник мысли и слова.

Быть может, это послужит дополнительным поводом для того, чтобы сказать еще несколько слов о новой книге замечательного ученого. Идея издания представляется чрезвычайно актуальной. В наши дни, когда в византиноведении становится все более заметным процесс смены поколений, когда старые и опытные садовники

византийского сада (говоря словами М.А. Поляковской) уже возделали свой дяню и собрали богатый урожай, особенно уместно и необходимо почтить память тех, чьими трудами создавалось то великолепие, которое мы видим, вступая в этот сад в новых условиях.

Размышляя о публикуемых в издании письмах крупных ученых, признанных мастеров науки, поражаешься тому, с какой многогранностью и глубиной раскрывается в эпистолярном жанре человеческая индивидуальность автора. Так, письма М.Я. Сюзюмова впечатляют разнообразием сюжетов: среди них – и условия жизни и труда в послевоенном Свердловске (нынешний Екатеринбург; с. 301), и вопрос о полигамии в связи с историей средневековых ересей (с. 302–306, письмо А.Н. Чистозвонову от 9.09.1962), и спор германистов и романистов (с. 309)... Среди адресатов Михаила Яковлевича – как корифеи науки своего и нашего времени (А.Д. Люблинская, Е.Ч. Скржинская, З.В. Удальцова, Р.М. Бартикян⁴¹), так и молодые в 60-е годы ученые (М.М. Шитиков). Комплект писем читается с неослабным интересом.

Исполнены человеческим теплом письма автору С.В. Поляковой и Е.Э. Гранстрем (с. 409–411 и 413–414). Менторский тон чувствуется в письмах Б.Т. Горянова (с. 416–418). В предисловии к подборке его писем М.А. Поляковская сообщает (со слов Сюзюмова), что Горяновым был выполнен полный перевод “Истории” Иоанна Кантакузина (с. 415). Известно ли что-либо о его судьбе?

Но, конечно, центральное событие этого раздела – обширное собрание писем А.П. Каждана (с. 326–406). На сегодняшний день это – одна из двух наиболее полных публикаций такого рода в мировой византистике. Вторая содержится в “Мире Александра Каждана” (с. 413–485). Публикация писем крупнейших ученых – отрядное явление; не так давно в Москве вышел обширный том писем Ю.М. Лотмана под редакцией Б.Ф. Егорова⁴². Это последнее издание могло бы послужить образцом для могущей появиться в дальнейшем подборки писем А.П. Каждана – ведь они дают необычайно много для понимания путей развития отечественного и мирового византиноведения 1950–1990-х годов ушедшего столетия, а также для проникновения в творческие замыслы их автора. Мы уже имели случай убедиться в том, сколь важным оказался нашедший отражение в письмах спор А.П. Каждана с М.А. Поляковской относительно социальной психологии Homo byzantinus (не говоря уже о баталиях Каждана с Сюзюмовым по поводу теории континуитета). Кроме того, по чисто литературным и стилистическим достоинствам письма А.П. Каждана входят в золотой фонд “ученой эпистолографии”.

Итак, завершая рецензирование этой во всех отношениях содержательной, ярко написанной, исполненной гуманистического пафоса книги одного из видных современных ученых, следует признать, что процесс ее чтения увенчивается не только приобретением новых знаний, но и вдохновением. Хочется пожелать ее потенциальному читателю: в добрый путь!

Д.И. Макаров

Востоочнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: “Прогресс-Традиция”, 2003. 656 с., 238 ил.

Серия исследований по истории восточнохристианского искусства и духовной культуры, подготовленные в рамках научных программ Центра восточнохристианской культуры, пользуется заслуженным интересом в среде исследователей Визан-

³⁴ См., например: *Ciprari C. La magia a Bisanzio nel secolo XIV: azione e ragione. Dal Registro del Patriarcato costantinopolitano (1315–1402) // JOB. 1980. Bd. 29.*

³⁵ См. также: *Поляковская М.А. Портреты... С. 188–196*, где дается более нейтральная оценка.

³⁶ Его полезно читать параллельно с уже упоминавшейся (примеч. 32) работой историка: *Каждан А.П. Трудный путь в Византию...*

³⁷ О ней см.: *Ljubarskij Ja.N. Der byzantinische Roman in der Sicht der russischen Byzantinistik // Der Roman im Byzanz der Komnenenzeit / Hrsg. P.A. Agapitos, D.R. Reinsch. Frankfurt am Main, 2000 (Meletemata. Bd. 8). S. 20–24.*

³⁸ Первая публикация: *История Византии и византийская археология. Тезисы докладов X научных Сюзюмовских чтений, 25–27 марта 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 5–8.*

³⁹ *Поляковская М.А. Из истории отечественной византистики: М.Я. Сюзюмов и А.П. Каждан (по материалам эпистолярия) // Мир Александра Каждана... С. 69–83.*

⁴⁰ Важнейшие из более ранних публикаций указаны в итоговой биографии ученого: *Поляковская М.А. Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время // Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. С. 5–22. Работы Каждана о Сюзюмове: № 34, 748, 796 (по биографии М.А. Курьшевой в “Мире Александра Каждана”).*

⁴¹ О нем см.: *Жаворонков П.И. Бартикян Рач Михайлович // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 368–369.*

⁴² *Лотман Ю.М. Письма. 1940–1993 / М., 1997 (Язык. Семиотика. Культура).*

тии, Руси, Кавказа¹. Обсуждаемая книга является продолжением и развитием тех концептуальных подходов, которые были обозначены в предыдущих выпусках серии. Тема сборника находится в русле того всплеска интереса к реликвиям, который захватил в последние десятилетия мировую византистику и медиевистику². Вместе с тем книга является первым в мировой науке столь масштабным исследованием реликвий именно христианского Востока (Византии, Руси, Кавказа).

Сборник тематически делится на две части – в первую часть “Византия и Христианский Восток” включены византийские, балканские и армянские сюжеты, во второй части “Древняя Русь” собраны исследования, касающиеся русской культуры средневековья и раннего нового времени. Таким образом, тематически книга охватывает значительный ареал Христианского Востока, наиболее подробно описывая византийскую и русскую православные традиции. Однако более важной представляется не столько формальная, тематическая сторона книги, сколько ее методологический заряд, нацеленность на постановку серьезных проблем, вопросов общегуманитарного характера. В сборнике делается попытка сконструировать синтетический образ предмета исследования: оказывается задействованным широкий спектр традиционных гуманитарных дисциплин, как то искусствознание, филология, политическая и дипломатическая история, антропология. Столь же многообразны и методики участников проекта – от схематизма формального анализа до постмодернистских реконструкций средневековой ментальности, “прозрений” в глубины смыслов, порожденных религиозным сознанием, но не отраженных в источниках эксплицитно.

Сборник открывает статья известной болгарской исследовательницы Э. Бакаловой “Реликвии у истока культа святых”. Она подробно излагает саму сущность феномена реликвий, наиболее важные типы их почитания, функции реликвий в церковной, государственной и культурной жизни, подкрепляя отдельные положения исследования яркими примерами из византийской, болгарской и русской письменности. Особую ценность работе придаст пристальное внимание автора к греческой, латинской и славянской терминологии, относящейся к реликвиям и в особенности мощам (с. 19–44).

Ряд статей посвящен ключевым аспектам бытования реликвий в византийской и русской традициях. Н.Б. Тетерятникова (Вашингтон) исследует месторасположение реликвий в византийском храме (фундамент, апсида, стена, престол, колонна) и в особенности их помещение в основаниях византийских храмов. По мнению автора, возникновение традиции восходит ко времени Константина Великого (с. 77–92). Этот сюжет продолжает исследование Е.В. Ухановой (Москва), которая реконструирует чин обретения мощей (на примере св. Климента Римского). Если чин и не был зафиксирован письменно, приходит к выводу исследовательница, то несомненно существовал ряд обязательных правил, регламентирующих перенесение мощей в новый храм (вечерня накануне перенесения, панихида, утренняя, торжественная литания, несение священником мощей на голове, несение через царские врата в новый храм с особыми песнопениями, литургия) (с. 132–150). Работа дьякона А. Мусина (Петербург) посвящена эволюции чина омовения мощей на Руси (с. 363–386).

¹ Иерусалим в русской культуре / Сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994; Восточнохристианский храм: литургия и искусство / Ред.-сост. А.М. Лидов. СПб., 1994; Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996; Иконостас: происхождение – развитие – символика / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000.

² См., например: Les reliques. Objets, cultes, symboles. Actes du colloque international / Ed. E. Bozoky, A.-M. Helvétius. Brepols, 1999; *Angenendt A. Heilige und Reliquien. Die Geschichte ihres Kultes vom frühen Christentum bis zur Gegenwart.* München, 1997; *Legner A. Reliquien in Kunst und Kult: zwischen Antike und Aufklärung.* Darmschadt, 1995; *Gauthier M.-M. Les routes de la Foi: Reliques et reliquaires de Jérusalem à Compostelle.* Fribourg, 1983; *Brown P. The Cult of the Saints: its Raise and Function in Latin Christianity.* Chicago, 1981. Ссылки на каталоги выставок, касающихся темы реликвий, см. во введении к рецензируемому сборнику и в статье Е. Бакаловой (с. 19 сл.).

Яркое освещение получает в сборнике Мандилион и связанные с ним реликвии, как центральный, структурообразующий элемент храмовой сакральности. А.М. Лидов (Москва) показывает, что, путем воспроизведения Мандилиона и Керамиона на восточной и западной подпружной арке византийских храмов имитировался важный структурный элемент Фаросской церкви; тем самым создатели иконографических программ устанавливали символическую связь между конкретной церковью с Фаросской церковью императорским храмом-реликварием и далее – с Храмом Гроба Господня (с. 249–280). Г. Вольф (Флоренция) исследует Новгородский Мандилион (с. 281–290), а М. Эммануэль (Афины) – изображения Мандилиона в храмах Мистры (с. 291–304).

Следующая группа статей сосредотачивается на роли других значимых реликвий. А. Семогла (Фессалоники) пытается выявить семантические и символические связи между Честным Крестом и Главой Крестителя (с. 217–233). Фундаментальная работа М. Баччи (Сиена) устанавливает состав реликвий знаменитой Фаросской церкви в Большом Дворце (с. 234–248). Дж. Маджеска (Мэриленд) составил каталог константинопольских реликвий, зафиксированных в путевых заметках средневековых русских путешественников (с. 387–397). Работа Т. Царевской (Новгород) посвящена судьбам реликвий, привезенных из Константинополя Антонием Новгородским (с. 398–414).

Видное место в сборнике занимают исследования, посвященные отдельным иконам и иконографическим мотивам: И.А. Шалина (Петербург) дает новую и весьма убедительную интерпретацию происхождения иконографии “Христа во Гробе” (с. 305–336), Э.С. Смирнова анализирует киево-печерское “Успение”, Л.А. Беляев – древнерусские каменные иконки, М.Н. Бутырский (Москва) – происхождение и иконографические типы образа Христа Халкитиса (с. 337–350), Дж. Гарнетт, Дж. Россер (Оксфорд) – иконографию Христа с тремя головами на иконе Мадонны Монталлегро (с. 351–360), а работа И. Стерлиговой посвящена Покрову Богоматери в древнерусской иконографии.

Следует отметить также анализ влияния культа реликвий на храмовую архитектуру. Статья И. Цафира (Иерусалим) суммирует новейшие археологические материалы из Святой Земли, данные письменных источников о почитании реликвий Палестины в эпоху раннего средневековья, влияние культа реликвий на архитектуру, а также последние археологические находки древних реликвий, из которых удалось идентифицировать пока лишь только часть (с. 56–76). Армен Казарян (Москва) исследует способы хранения реликвий и их демонстрации, эволюцию форм реликвариев в средневековой Армении (с. 93–120). В фундаментальной статье В.В. Седова на примере княжеских усыпальниц дается детальная типология погребальных пространств в архитектуре Древней Руси (с. 447–481). Гробницам святых в русском храме XVI–XVII вв. посвящена работа А.Г. Мельник.

Как уже отмечалось, сборник отнюдь не ограничивается сугубо искусствоведческой тематикой. Проблема бытования реликвий в политической, дипломатической и бытовой жизни развивается целым рядом авторов, придавая всему проекту в целом необходимую междисциплинарную широту и рельефность. Так, Лиз Джеймс (Суссекс) приходит к выводу, что между почитанием реликвий и икон в Византии, возможно, существовала существенная разница: не исключено, что иконы были объектом, как правило, публичного поклонения, а реликвии служили по преимуществу частным нуждам (с. 45–55). Д. Попович (Белград) исследует место реликвий в политической жизни средневековой Сербии. Как она показывает, появление “политической программы” собирания мощей совпадает в Сербии с борьбой за государственную независимость (с. 161–180). Работа М. Евангелату (Афины) посвящена своего рода “заочной” полемике между иконопочитателями и иконоборцами на маргиналиях Псалтырей IX в. (с. 181–204). Э. Истмонд (Ворик) развивает идею ассоциативной связи между Честным Крестом и византийским императором как главным хранителем этой реликвии. Проанализировав использование частиц Креста в византийской дипломатии, автор приходит к выводу, что после 1204 г. монополия Византии на хранение Креста была разрушена (с. 205–216).

В сборнике читатель найдет также и антропологическое измерение проблемы: Ф.Б. Успенский (Москва) сравнивает отношения русской, скандинавской и византийской ментальности к нетленности тела святых (с. 151–160), а О.В. Белова рассуждает о восприятии человеческих останков в фольклорном сознании (с. 638–648).

Особо следует отметить богатый иллюстративный материал, выполненный на высоком профессиональном и полиграфическом уровне (последнее – несомненный успех издательства “Прогресс-Традиция”). Многие иллюстрации в силу своей уникальности обладают самостоятельной научной значимостью.

Оценивая сборник в целом, хотелось бы подчеркнуть следующее. Несмотря на то что в исследовательской программе Центра участвуют десятки отечественных и зарубежных ученых, в них явственно прослеживается определенное концептуальное единство или некая общая методологическая стратегия, задаваемая ее инициатором. Уже вышедшие выпуски, посвященные храму, чудотворной иконе и иконостасу в восточном христианстве, представляют собой не столько “коллективные монографии” (жанр – изживший себя уже в 1980-х годах), сколько некие “руководства” по объемным темам, которые, будучи совокупностью индивидуальных вкладов авторов сборника, превращены в осмысленное целое единым интерпретационным ракурсом. Этот новый и становящийся все более влиятельным в мировой гуманитарии способ писания коллективных трудов, на мой взгляд, и предопределяет научный успех проектов, инициируемых А.М. Лидовым. Они выглядят фундаментальными, фактологически насыщенными, методологически новаторскими. Обсуждаемый сборник статей о реликвиях вполне вписывается в обозначенную схему.

Более того, А.М. Лидов претендует на поиск нового научного языка. Старые языки гуманитарного дискурса все менее вняты для современного слуха. А.М. Лидов идет путем амальгамирования традиционного научного инструментария в некий новый гуманитарный метаязык, в котором непротиворечиво бы соседствовали почти мистическое “умное” видение исторических смыслов с педантичным формализмом традиционных исследовательских методик. Вот, например, как А.М. Лидов формулирует сущность вырабатываемого им метода в своем исследовании Мандилиона: «[Затронутая] тема указывает на необходимость обсуждать явление, которое можно было бы назвать “иконграфия вне изобразительных схем”. Путем сочетания изображений создавался иконный образ сакрального пространства, которое, в свою очередь, становилось образцом для воспроизведения... Эта пространственная образность не поддается формализации, поскольку она в принципе не является иллюстрацией конкретного текста [курсив мой – Р.Ш.]... Традиционная методология иконографических исследований так или иначе подчиняется основополагающему принципу “текст – иллюстрация”, что не позволяет выявить целый пласт важнейших сюжетов, для описания которых у нас до сих пор нет адекватного научного языка» (с. 267).

Другими словами, А.М. Лидов призывает пересмотреть привычные эпистемологические конфигурации, традиционные способы классификации объектов исследования, обнаружения в них тождества и различия. Сформируется ли в результате этих призывов новая гуманитарная методология – время покажет. Ясно одно – в современной гуманитарной науке отчетливо вырисовываются признаки системного кризиса, гуманитарная мысль не удовлетворена собственной разобщенностью, распыленностью, “архаичностью” собственного инструментария. В этом смысле по-настоящему современный гуманитарный текст не может не быть “философствующим”, концептуальным, эвристическим. Обсуждаемая книга как раз и говорит о насущной необходимости выработать такую методологию, которая бы позволила создавать синтезирующие тексты “нового поколения”, охватывающие человеческое во всех возможных его аспектах, без изъятий и умолчаний.

При всех своих достоинствах сборнику не удалось избежать мелких недосмотров. Приведем несколько примеров. Читатель с удивлением обнаруживает, что русское и английское предисловие к книге, написанные А.М. Лидовым, существенно

отличаются друг от друга по содержанию, причем, английский вариант является более пространственным (с. 5–15). Остается неясным, с каких все-таки пор в православной церкви появляется эксплицитное предписание помещать мощи в основываемых храмах (III–IV вв. – в статье Н.Б. Тетерятниковой, VIII в. – у Е.В. Ухановой). Редактор так и не определился с орфографией имени эдесского царя, традиционно именуемого в русской литературе Авгарем: Авгарь (с. 250–251, 288), Авгар (с. 251, 259). Еще одно существенное противоречие: Е. Бакалова считает, что “*благоухание* и соответственно *нетленность останков* – один из существенных признаков святости умершего и распространенный топос в христианской литературе”, ссылаясь при этом на специальное исследование византийской агиографии, выполненное М. Капланом³ (с. 27–28); в то же время Ф.Б. Успенский полагает, что для русской и скандинавской ментальности святость определяется нетленностью, неповрежденностью, целостностью тела, а вот для греков, напротив, скорее отсутствием плоти на костях.

Взыскательного читателя несколько разочаруют встречающиеся огрехи в наборе греческих текстов, в которых пропущены знаки придыхания и ударения. Небрежность в издании – болезнь не только отечественного книгоиздания, от нее страдают в последние годы и ведущие зарубежные научные издательства. Типографские огрехи – плата за попытки удешевить издательский процесс. При всем понимании трудностей книгоиздателей, нам тем не менее не следует смиряться с явными их недоработками. Так, в рецензируемом сборнике, в значительной своей части посвященном грекоязычному культурному пространству, огрехов в греческой орфографии предостаточно (см., например, с. 21, 122, примеч. 8; с. 127, примеч. 34–35; 218, примеч. 4; 292, примеч. 4 и т.д.

Однако замеченные погрешности в целом не влияют на общее благоприятное впечатление от книги.

В заключение хотелось бы поделиться и некоторыми соображениями о другой, скорее внешней, организационной стороне обсуждаемого научного проекта. Большинство работ иностранных коллег изданы в книге на языке оригинала (английском, французском, немецком) с русским резюме, как это иногда делается сейчас в подобных научных изданиях. Несомненно, это придает книге долю “конвертируемости”, доступности за рубежом, и, кроме того, извлекает иностранных авторов от необходимости переиздавать свои работы на языке оригинала. Однако мой собственный опыт показывает, что иностранные статьи все же предпочтительнее было бы переводить на русский. И дело не в том, что отечественные коллеги не смогут прочесть иностранную работу – для профессиональных ученых такой проблемы не существует, – а в том, что непереуведенный иностранный текст остается чуждым русской научной письменности, находится за пределами ее круга. Именно перевод – важнейшее средство обогащения отечественной научной традиции теми способами аргументации, языковым и логическим инструментарием, стилем научного нарратива, особым гуманитарным духом, которые являются специфическими для каждой из национальных школ. Именно перевод облегчает восприятие этой специфики, позволяет сделать *собственную* ткань исследования разнообразнее и сложнее. Именно поэтому традиция перевода иностранных работ существует издавна и продолжает развиваться во всем мире. Я сторонник того, чтобы переводить наших иностранных коллег, издающихся в отечественных изданиях.

Рецензируемый сборник представляется весьма ярким явлением в отечественной византистике и русистике последних лет и, несомненно, заслуживает читательской благосклонности. Помимо того, что книга ценна как фактографический и иллюстративный свод, она ставит серьезные методологические проблемы, от решения которых зависит будущий облик гуманитарной науки.

Р.М. Шукуров

³ Kaplan M. Les normes de la sainteté à Byzance // Mentalité. Т. 4. 1990. P. 15–34.

**К 70-ЛЕТИЮ
КСЕНИИ ВЛАДИМИРОВНЫ ХВОСТОВОЙ**

5 июня 2004 г. исполнилось 70 лет со дня рождения крупного историка-византиста – Ксении Владимировны Хвостовой. Ксения Владимировна родилась и выросла в семье, где наука и образование являлись главными человеческими ценностями. Ее дед, Михаил Михайлович Хвостов, был известным историком-античником. Брат деда, талантливый ученый Вениамин Михайлович Хвостов, был широко известным специалистом в области античного права. Наконец, отец Ксении Владимировны, Владимир Михайлович Хвостов, был крупным ученым-международником и наряду с наукой занимался важной государственной деятельностью в области внешней политики нашей страны. С 1959 по 1967 г. Владимир Михайлович – директор Института истории Академии наук СССР, академик-секретарь Отделения истории АН СССР.

Ксения Владимировна пошла по стопам своих замечательных предков и избрала своей деятельностью историю. В 1957 г. она закончила исторический факультет МГУ и начала работать в Ин-

ституте истории АН СССР. С этого времени вся ее трудовая деятельность связана с Академией наук. В 1965 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему “Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии”. В 1968 г. ею была издана монография под тем же названием.

Но идти традиционным путем Ксении Владимировне не хотелось. Ее всегда привлекали новые методы исследования. Она всерьез занялась математикой и в 1972 г. закончила заочно математическое отделение экономического факультета МГУ. Любовь к истории и точным методам исследования позволили ей создать в полном смысле слова новаторское исследование “Теоретико-количественный подход в средневековой социально-экономической истории”, которое явилось крупным научным достижением и стало классикой, получив самый широкий резонанс в византиноведении и медиевистике.

Следующий этап творческой биографии Ксении Владимировны связан с ее интересом к анализу византийской идеологии и менталитета. Эти проблемы получили свое раскрытие в монографии “Социально-экономические процессы в поздней Ви-

зантии и их понимании византийцами современниками”. В 1990-е годы Ксения Владимировна увлеклась методологическими проблемами и совместно с доктором технических наук В.К. Финном издала две монографии по этой проблематике.

Обширные знания, широта взглядов, неиссякаемая творческая энергия обусловили ее интерес к теоретическим проблемам истории Византии, которым посвящен ее нынешний период в науке. Ее увлекают проблемы, связанные с особенностями византийской цивилизации. На эту тему ею опубликован ряд статей и вышла монография “Особенности византийской цивилизации” (М., 2005). По мнению Ксении Владимировны, специфика византийской цивилизации в отличие от Запада проявлялась в сакрализации общества, в то время как в Западной Европе имело место его постепенное обмирщение, секуляризация.

Ксению Владимировну отличают глубокая любовь к науке, огромное трудолюбие, подлинный размах. Ей свойственен широкий взгляд на уникальную византийскую цивилизацию.

Ксения Владимировна принимала активное участие в работе многих международных конгрессов и конференций. Ее работы получили всеобщее признание, ее вклад в науку бесспорен.

Большая научно-организационная работа также снискала Ксении Владимировне заслуженное уважение ее коллег. Она является членом Ученого совета Института всеобщей истории РАН, ответственным редактором сборника “Проблемы исторического познания”, членом редколлегии “Византийского временника”.

Свое 70-летие Ксения Владимировна встречает в расцвете творческих сил, полная новых замыслов и начинаний. От души хочется пожелать ей здоровья, долгих лет жизни, новых творческих успехов.

А.А. Чекалова

К 70-ЛЕТИЮ ИГОРЯ ПАВЛОВИЧА МЕДВЕДЕВА

1 ноября 2005 г. исполняется 70 лет со дня рождения выдающегося ученого византиниста члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, главного специалиста Санкт-Петербургского института истории РАН, члена редколлегии “Византийского временника”, главы Санкт-Петербургской группы византинистов Игоря Павловича Медведова.

Игорь Павлович родился на Урале, учился в Екатеринбургском (Свердловском) государственном университете, где много лет занимался под руководством одного из крупнейших медиевистов XX в. профессора М.Я. Сюзюмова. По настоянию и рекомендации М.Я. Сюзюмова он был принят в 1963 г. в аспирантуру при СПб институте истории РАН (в то время Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР). Научным руководи-

телем И.П. Медведова была широко известная своими трудами по истории византийского права и культуры среди отечественных и зарубежных ученых д.и.н. Е.Э. Липшиц. Елену Эммануиловну связывали давние научные и дружеские отношения с М.Я. Сюзюмовым и в совместном участии в редколлегии “Византийского временника”, и в подготовке тогда Всесоюзных византийских сессий, и в подготовке фундаментального коллективного трехтомного труда “История Византии” (М., 1967). Поколение византинистов, от которых И.П. Медведов принял огонь немеркнущей свечи, невероятными усилиями сохраняли традиции византиноведческой науки, ее сложную проблематику, подчас с трудом укладывавшуюся, а иногда и совсем не укладывавшуюся в рамки марксистско-ленинской науки в системе тогдашней Академии наук СССР. Игорю Павловичу повезло застать цвет отечественной византистики второй половины XX в. еще в период их зрелого мастерства и физического благополучия. И Михаил Яковлевич, и Елена Эммануиловна увидели в Игоре Павловиче, в его природных способностях, работоспособности, увлеченности черты и характер академического ученого, все свое время отдающего познанию истины, то приближающегося к ней, то отдаляющегося, но ни на минуту не прекращающего погружаться в материалы источников, написанных и по-гречески, и по-латыни, и по-славянски, а также пробивавшегося сквозь обширные дебри историографии, представленной на различных европейских языках.

Известно, что многие ученые Петербурга (а тогда Ленинграда) повлияли на становление И.П. Медведова как ученого, на развитие его способностей и формирование научного фундамента его будущих исследований.

Позволим вспомнить и А.В. Банк, в те годы зав. Отделом византиноведения Государственного Эрмитажа, и зав. собранием греческих рукописей РНБ Е.Э. Гранстрем (у кого он постигал азы палеографии), сотрудников СПб института истории

РАН антиковедов М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура, византиниста Е.Ч. Скржинскую; а также медиевистов А.Д. Люблинскую, О.Л. Вайнштейна, член-корр. АН СССР В.И. Рутенбурга, профессора ЛГУ А.И. Зайцева. Когда Игорь Павлович держал экзамены в аспирантуру, то, согласно “византийской мифологии второй половины XX в.”, известно, что он представил сложный реферат по истории иконоборчества в Византии, а Е.Ч. Скржинская с пристрастием подготавливала его к вступительным экзаменам.

Темой своей кандидатской диссертации он выбрал историю средневековой Мистры и защитил ее в 1967 г., особо следует отметить его оппонентов, которые дали высокую оценку работе: член-корр. АН СССР Н.В. Пигулевскую (в те годы возглавлявшую ленинградских византинистов) и профессора кафедры Средних веков СПбГУ Г.Л. Курбатова. Н.В. Пигулевская сыграла еще одну важную роль в научном становлении И.П. Медведова. Двое из авторов настоящего поздравления помнят, как в конце 1960-х годов на филологическом факультете ЛГУ по инициативе Н.В. Пигулевской читался коллективный курс по истории Византии, в котором вместе с И.Н. Лебедевой, сотрудницей БАН, и Г.М. Прохоровым, сотрудником Пушкинского Дома, участвовал и И.П. Медведов. Он читал лекции о возникновении Византии и истории ее раннего периода до VII в. Естественно, проблемы иконоборческого движения были также отражены в его лекциях. В 1973 г. в издательстве “Наука” вышла и первая книга И.П. Медведова “Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города”. Отметим, что книга была написана с использованием фотоархивных материалов, хранящихся в Санкт-Петербурге, и автор никогда до 1976 г. не бывал в Мистре. Многих зарубежных коллег, кто был знаком с этим сочинением, удивляло, что его автор так точно изображал историческую действительность и топографию города.

Следует отметить, что спектр научных интересов И.П. Медведова и разрабатываемой им научной проблематики чрезвычайно широк: это и вопросы истории средневекового города (и в этом плане специфика византийского феномена), и проблемы византийского правового наследия. И.П. Медведов был ответственным редактором издания одного из самых интересных в истории становления законодательных норм хозяйственной жизни византийского общества постюстиниановской эпохи памятников — “Νόμος ὑεωρῆχῖος”. Он был также и одним из авторов этого труда вместе с Е.Э. Липшиц и Е.К. Пиотровской, выполнив задуманное еще до Великой Отечественной войны акад. Б.Д. Грековым. (Издание с переводами и комментариями вышло в издательстве “Наука” в 1984 г.) И проблемы интеллектуальной жизни византийского общества XIV–XV вв., особенности исихастских споров и влияние идей этого восточного христианского течения на духовное развитие славян и Древней Руси также неоднократно освещались в статьях и докладах И.П. Медведова. А в 1976 г. вышло исследование “Византийский гуманизм XIV–XV вв.” (“Наука”, 1976), которое было защищено в Москве на Ученом совете Института всеобщей истории АН СССР в 1978 г. в качестве докторской диссертации, оппонентами были член-корр. З.В. Удальцова, зав. каф. Средних веков ЛГУ, проф. Г.Л. Курбатов и акад. Г.Г. Лившиц. Эта книга нашла широкий отклик в среде византинистов России и Европы. Было опубликовано 11 рецензий! Не оставляет своим вниманием юбилар и проблемы средневековья, особенно греческой палеографии, кодикологии и дипломатики. В 1988 г. в “Науке” выходит его монография “Очерки византийской дипломатики: частноправовой акт”. Разносторонним обобщающим и проблемно-теоретическим аспектам науки посвящены и главы И.П. Медведова о развитии правовой науки в Византии в VII–XII вв., о развитии политических идей в поздней Византии (XIII–XV вв.), (в соавторстве с М.А. Поляковой), о дипломатии поздней Византии (XIII–XV вв.), в соавторстве с Г.Г. Литавриным, написанные для фундаментального коллективного трехтомного труда “Культура Византии” (М., 1984–1991). Участники этого капитального труда были удостоены Государственной премии Российской

Федерации в области науки и техники в 1996 г. И наконец, весь свой накопленный опыт, знания и идеи И.П. Медведеву удалось осуществить в трех томах грандиозного проекта, связанного с введением в оборот материалов архивов петербургских византистов XIX–XX вв. (Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999; Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004). Он выступает здесь и в качестве ответственного редактора, и автора ряда разделов.

Любовь к источнику, глубокие знания культурно-исторического фона позволили авторам этого проекта, поддержанного более 10 лет РГНФ и другими фондами, представить богатства личных фондов многих выдающихся ученых, работающих в дореволюционной России, выявить иконографические материалы византистов, ученых других, связанных с историей Византии, областей историко-филологического знания, например, антиковедов. Этот труд также уже получил положительные отклики исследователей.

Игорь Павлович придерживается традиций средневековых интеллектуалов-эрудитов. Он открыт к общению. На заседаниях византийской группы петербургских византистов можно видеть и ученых с мировыми именами, и начинающих студентов, и аспирантов, которые слушают доклады и сообщения, обсуждают диссертации всех желающих, обмениваются книгами и журналами. Как известна, византийская группа была создана еще в довоенные годы в Ленинграде, у ее истоков стояли М.В. Левченко, Е.Э. Липшиц, а в послевоенное время объединяла член-корр. Н.В. Пигулевская и позднее Г.Л. Курбатов. И по сей день актуальны проблемы византиноведения и смежных дисциплин обсуждаются на этих заседаниях. И нередко они посвящены памятным датам наших коллег. Игорь Павлович руководит аспирантами, часто выступает оппонентом на защитах диссертаций и пишет рецензии на книги и издания других исследователей.

Игорь Павлович корректен и доброжелателен, он умеет поддержать своих коллег и в трудные и в счастливые минуты. Его уважают и любят сотрудники Санкт-Петербургского института истории, ему легко работать в Отделе всеобщей истории, где он начинал свою научную карьеру, когда отделом руководил еще член-корр. В.И. Рутенбург, и теперь, когда его возглавляет академик РАН А.А. Фурсенко, где незыблемы традиции взаимного уважения и “историографического плюрализма”. Он знаменит не только в своем коллективе и “Византийской корпорации”, но и в научной среде Санкт-Петербурга. Он был одним из первых ученых-гуманитариев, кто в 2002 г. был удостоен премии имени акад. С.Ф. Ольденбурга, учрежденной Правительством Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским научным центром РАН в области гуманитарных и общественных наук.

Игорь Павлович – автор более 230 статей, докладов и книг. И у него есть любимые авторы, о которых он знает очень много, так как погружен в их труды, письма (Георгий Гемист Плифон, Лев Алляций, Владимир Николаевич Бенешевич и другие, удаленные от нас на десятки или сотни лет). Для него они одинаково близки и дороги, к какой бы исторической эпохе они ни принадлежали. Игорь Павлович в течение многих лет состоит в Международной Ассоциации византистов (является представителем Российского национального комитета в ее Исполкоме). Его доклады на международных конгрессах и коллоквиумах (нередко на пленарных заседаниях) встречают обычно отклик среди зарубежных и отечественных коллег. Открытий Вам, Игорь Павлович, εἰς πολλὰ ἔτη.

Л.А. Герд
Е.Н. Мещерская
Е.К. Пиотровская

XI НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ М.Я. СЮЗЮМОВА

26–28 марта 2003 г. в Екатеринбурге состоялись XI Научные Сюзюмовские чтения, посвященные 110-летию со дня рождения основателя уральской школы византистики и 45-летию юбилею Крымской археологической экспедиции, у истоков которой стоял М.Я. Сюзюмов. В рамках “Чтений” была обсуждена тема “Кумуляция и трансляция византийской культуры”.

Чтения собрали 36 участников из 6 городов: Барнаула (3), Волгограда (1), Екатеринбурга (21), Санкт-Петербурга (8), Симферополя (1), Тюмени (2). Самой многочисленной группой гостей (кроме екатеринбуржцев, являвшихся организаторами конференции) были ученые из Санкт-Петербурга: Государственного Эрмитажа (5), Санкт-Петербургского государственного университета (1), Санкт-Петербургского института истории РАН (2).

В “Научных чтениях” приняли участие именитые ученые, ведущие специалисты в области византиноведения, доктора исторических наук, представители различных университетов. Среди участников “Чтений” были кандидаты исторических наук, которые в ближайшее время готовятся к защите докторских диссертаций и для них “Научные чтения” служили апробацией научных тем. “Чтения” стали проверкой исследовательского уровня молодого поколения аспирантов и первым испытанием для студентов.

На утреннем заседании “Чтений” 26 марта были представлены доклады и выступления, посвященные профессору М.Я. Сюзюмову: доклад М.А. Поляковской “Михаил Яковлевич Сюзюмов: эффект личности”; Л.А. Омельковой «Авторский курс М. Я. Сюзюмова “Техническая хронология”»; А.И. Богатырева “Структурно-функциональная модель византийской педагогики”.

Неординарность личности Михаила Яковлевича проявлялась во всем, чего он касался. По словам М.А. Поляковской, успех М.Я. Сюзюмова – это три его славы. Во-первых, его уникальнейшая роль в связи старого и нового мира византистики. Во-вторых, его идеи, труды, концепции, полемика. И, наконец, его заслуга в том, что есть “школа”, центр, вокруг которого и в настоящее время собираются его ученики, последователи и молодое поколение, привлеченное в этот круг во многом благодаря незаурядной личности профессора М.Я. Сюзюмова. В докладе была еще раз отмечена ценность писем М.Я. Сюзюмова, которые показывают его как человека уникального мышления, носителя энциклопедических знаний.

Л.А. Омелькова, обратилась к учебному пособию – авторскому курсу М.Я. Сюзюмова “Техническая хронология”, рассмотрев его как показатель неразрывного единства научной и педагогической деятельности профессора. В докладе был отражен процесс совершенствования курса на основе новейших достижений и уникальных разработок самого М.Я. Сюзюмова. Пособие до настоящего времени остается лучшим для проведения практических занятий, что подтверждает продуктивность теоретической концепции курса.

Воспоминаниями о М.Я. Сюзюмове поделились в своих выступлениях А.Г. Герцен, Г.Е. Лебедева, В.С. Шандровская. Выступавшие особо отмечали присущие ему смелость и оригинальность высказываний, неповторимый педагогический дар. Много говорилось о М.Я. Сюзюмове как блестящем полемисте, интересном собеседнике.

Всего на “Научных чтениях” было заслушано 39 докладов. В организации конференции использовался сложившийся за 20 лет существования “Научных чтений” принцип, а именно: работа без секций с обязательным обсуждением каждого доклада.

В основу систематизации докладов был положен принцип хронологии объекта исследования – истории Византии. В отдельную группу объединены доклады по сигиллографии и нумизматике, проблемам религии.

Дневное заседание первого дня работы “Научных чтений” было посвящено ранней Византии (IV–VII вв.). На этом заседании большая часть докладов принадлежала представителям барнаульской школы византиноведения (Алтайский государственный университет).

В докладе Е.П. Глушанина «“Константинопольский” цезарат V в.» рассмотрена эволюция этого административного института позднеантичной государственности в сфере властепремства. После деформации Диоклетиановой модели имели место различные варианты цезарата. Достоинство цезаря уже не было гарантией властепремства, но ранг цезаря был, при отсутствии реальных властных полномочий, высшим почетным титулом в административной иерархии империи.

В.В. Серов обратился к образу иудея в ранневизантийских литературных памятниках, используя источники нерелигиозной направленности (Иешу Стилиит, Иоанн Малала и др.). Полученные сведения позволили скорректировать современную научную трактовку позднеантичного общественного образа иудеев. В частности, подтверждена обоснованность утверждения о причастности самих иудеев к их обособлению в позднеантичном и раннесредневековом обществе. Докладчик отметил феномен присущей этому времени ментальности, предполагавшей философско-религиозный плюрализм, веротерпимость, что опиралось на образованность широких слоев населения и устойчивость демократических институтов.

П.В. Рубцов в своем докладе “Стилихон в панегирических произведениях Клавдиана” выделил ряд новых моментов в трактовке этого образа.

К поднятым на ранневизантийском материале вопросам примыкали выступления по античной истории и раннему европейскому средневековью: это доклады А.В. Зайкова (Екатеринбург) “Поправка к Большой ретре и архаический концепт права”, А.В. Гончарова (Екатеринбург) “Роль и значение кавалерии в армиях Поздней Римской республики и Восточной Римской империи”, С.Ю. Колбина (Екатеринбург) «Композиция и текстовые особенности сочинения “Origo Constantini Imperatoris”», А.С. Козлова (Екатеринбург) “Rauperes в сочинениях Исидора Севильского”.

Доклад А.В. Зайкова был посвящен интерпретации текста архаического спартанского документа, известного как поправка к Большой ретре, в частности вопросу о смысле использования авторами документа одного из слов. Докладчиком было выделено три гипотезы и обоснована целесообразная трактовка. Предложенная в докладе интерпретация, существенно отличаясь от общепринятого подхода к тексту документа, сводится к признанию процедурного характера главного акцента поправки, что наиболее соответствует духу спартанской политики в архаическую эпоху.

А.С. Козлов, обратившись в своем докладе к термину rauperes в сочинениях Исидора, отметил, что в этимологических изысканиях Исидора отсутствует даже примитивная дефиниция термина. В докладе произведено толкование данного термина у Исидора на основе рассмотрения таких аспектов, как особенности образа жизни “бедняков по собственному выбору”, монахов, и светских бедняков, их преимущества перед богатыми и могущественными на пути христианских добродетелей. Вероятнее всего, у Исидора термином rauperes обозначается беднота из категории свободных.

В докладе А.В. Гончарова были рассмотрены характерные принципы формирования кавалерии и тенденции в области кавалерийской стратегии и тактики использования кавалерии в Поздней республике, которые получили свое логическое завершение в кавалерии Восточной Римской империи.

С.Ю. Колбин в своем докладе привел выводы по композиционному и смысловому анализу сочинения “Origo Constantini Imperatoris”. Докладчик выдвинул гипотезу

о происхождении сочинения как авторской выписки из более обширного произведения – “Императорской истории”.

Большая группа докладов поднимала проблематику Крыма, где в течение более чем сорока лет (с 1960 г.) кафедр истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета проводит археологические раскопки в Херсонесе и на Мангупе. Это доклады А.Г. Герцена (Симферополь) “Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу”, А.В. Заморяхина (Екатеринбург) “Проблема истории крымских готов в отечественной историографии конца XVIII – середины XIX в.”, А.Г. Еманова (Тюмень) “Греческая культура Кафы XII–XV вв.”, В.Е. Науменко «К вопросу о хазарском “тудуне” в Херсонесе в начале VIII в.», С.Б. Сорочан “У истоков мифов: С. Богуш-Сестренцевич о раннесредневековом Херсонесе”, Н.И. Барминой (Екатеринбург) “Вопросы и ответы: опыт источникововедческого анализа”, А.И. Романчук (Екатеринбург) “Образ города – одна из причин субъективизма Папы Мартина”.

А.Г. Герцен произвел реконструкцию основных этапов исторической эволюции Дороса-Мангупа, выделив четыре периода и этапы внутри них: докрепостной (IV – середина VI в.), предгородской (вторая половина VI – рубеж X–XI вв.), раннегородской (до третьей четверти XV в.) и позднегородской (1475–1774 гг.). Выделенные фазы отражают важнейшие исторические эпохи в жизни Северного Причерноморья на протяжении поздней античности, средневековья и начала Нового времени.

В докладе А.В. Заморяхина был рассмотрен ряд вопросов отечественной историографии конца XVIII – середины XIX в. по крымским готам. Были указаны такие направления в историографии, как изучение “пещерных городов”, время появления готов в Крыму, определение местоположения крымских готов; различные гипотезы историографов и наиболее значимые исследовательские работы, включая создание источников по крымскому средневековью.

А.Г. Еманов отметил несоответствие культурного воздействия греческого населения Кафы XII–XV вв. и его демографической значимости (греческое население Кафы было, если не доминирующим, то достаточно внушительным). Греческий язык признавался вторым официальным после латинского; существовала греческая система церковного и светского образования; действовали греческие скриптории, получила развитие собственная греческая литература Кафы.

В докладе С.Б. Сорочана были рассмотрены некоторые сюжеты первого научного изложения связной истории раннесредневекового Херсона, которое принадлежит Могилевскому архиепископу С. Богуш-Сестренцевичу. Сравнение некоторых пассажей из труда католического прелата и более поздних штудий позволяет заключить, что он заложил такое прочтение истории Херсона, которое сыграло роль шор для последующих исследователей.

В.Е. Науменко были освещены некоторые аспекты взаимоотношений Византии и хазар на Крымском полуострове, влившихся в реорганизацию в начале VIII в. верховного управления в Херсоне. В итоге было сделано заключение о кратковременности византийско-хазарского condominiuma в Херсоне.

Н.И. Бармина обратилась к дискуSSIONному вопросу о датировке Мангупской базилики на основе археологических данных. Опора только на конструктивные особенности базилики, фрагменты архитектурных деталей, выполненные из проконеского мрамора, и ряд эпиграфических находок не позволила точно определить время сооружения храма. Однако расширение источниковой базы способствовало уточнению истории существования памятника.

Еще одна из дискуссионных проблем была затронута в докладе А.И. Романчук. Это вопрос об особенностях развития и состояния византийского провинциального города в период “темных веков”, рассмотренный как “образ города” с позиции его жителей. Причина “субъективизма” такого источника о Херсоне середины VII в., как письма папы Мартина, состоит в сравнении “образов” столицы Равеннского

экзархата и Херсона в периоды, когда папа находился на вершине власти и в ссылке.

Группой екатеринбургских ученых представлен цикл исследований по проблемам Поздней Византии: доклады М.А. Поляковской “Народ и власть в поздней Византии”, С.В. Красикова “Военные задачи папской миссии 1334 г.”, Т.В. Куц “Природа в византийском письме”, Н.Г. Пашкина “О мотивах возможного прибытия Фердинанда I Арагонского на Пелопоннес в 1415 г.”, Т.А. Шамгуновой “Представители византийских фамильных кланов в Палеологовской дипломатии”, а также доклад тюменского исследователя М.С. Деминцева «Компьютерный анализ “Истории” Георгия Пахимера».

М.А. Поляковская рассмотрела проблему отношения власти к народу в позднем византийском времени на основе анализа “Трактата о должностях” Псевдо-Кодина, в котором в описании церемониала нашла отражение и роль народа как участника церемоний. В докладе особое внимание было уделено различному словесному выражению понятия “народ” и выявлены причины такого различия. В “Трактате о должностях” народу отведена декоративная, фоновая роль. Присутствие народа в отдельных церемониях является неперенным и традиционным, однако при всей его значимости в “идее императорской власти” народ – лишь объект действий власти.

С.В. Красиковым освещен вопрос о том, была ли миссия 1334 г. одним посольством с военными и религиозными целями или же имели место два различных посольства. На основе анализа письма папы Иоанна XXII к императору Франции Филиппу VI сделан вывод о существовании одного посольства, причем первоочередно его целью было требование исполнить военные обязательства по договорам, а вопрос об унии церквей являлся, возможно, средством давления на византийского императора.

Т.В. Куц обратилась к письму Мануила II Палеолога, адресованному Константину Иванку, во второй части которого содержится крайне редкое для византийского эпистолярного описания пейзажа, а именно весны и пробуждения природы. Назначение и жанровая специфика письма не предполагала особого внимания к природе, выделения ее в качестве “главного героя”, однако рассмотренный фрагмент письма является ценным исключением. Содержание этого эпизода и манера изложения четко характеризуют автора письма и позволяют проникнуть в его эмоциональный мир.

В докладе Н.Г. Пашкина предпринята интерпретация одного из посланий, адресованного Мануилом II Палеологом арагонскому королю. Определенные докладчиком мотивы прибытия арагонского короля на Пелопоннес в 1415 г. были сформулированы на основе семантического анализа текста и характеристики событий канвы, в частности такими мотивами могли стать экспедиция Фердинанда I (по договоренности с венгерским королем) в Морею против венецианцев, которая так и не была реализована по ряду причин.

Т.А. Шамгунова рассмотрела участие представителей аристократических кланов Палеологовского времени в дипломатии как один из аспектов просопографического анализа семейств. Из всех представителей кланов была выделена группа проявивших себя на дипломатической службе или связанных “дипломатическими браками”. Отмечено участие членов изученных ею кланов в различного рода посольствах, их роль в ключевых событиях изучаемого периода, выделены династии дипломатов, что явилось свидетельством существования в поздней Византии карьерной дипломатии.

М.С. Деминцевым был представлен метод компьютеризированного анализа “Истории” Георгия Пахимера, используемый для изучения политического сознания автора труда. Для осуществления задач предполагается оцифровывание текста источника, создание словника “Истории” с учетом частоты повторяемости каждой лексической единицы. Далее намечается специфический анализ политической терминологии Пахимера.

Заметной темой в работе XI Научных Сюзюмовских чтений были вопросы нумизматики и сигиллографии (доклады В.П. Степаненко (Екатеринбург) “К датировке монет севаста Никифора Вотаниата”, Е.В. Степановой (Санкт-Петербург) “Неизвестные факты истории фемы Сицилия: по памятникам сфрагистики”, В.С. Шандровской (Санкт-Петербург) “Несколько эрмитажных печатей с редкими сюжетами”).

В.П. Степаненко в своем докладе обратил внимание на серебряную монету севаста Никифора Вотаниата. На основе описания объекта была подтверждена справедливость определения его как монеты. В связи с рядом особенностей был рассмотрен вопрос о причинах и времени появления монеты, исходя из имевших место прецедентов. Датировка произведена на основании хода мятежа Никифора Вотаниата и характера его претензий на власть.

В докладе Е.В. Степановой рассмотрены некоторые аспекты из истории фемы Сицилия, которые были установлены на основании анализа сфрагистического материала.

В.С. Шандровской были представлены материалы сфрагистических изысканий по византийским печатям с редкими изображениями отдельных образов и сцен из коллекции Государственного Эрмитажа. Это моливдовулы, дающие представления об образах Христа Евергета, апостола Фомы, св. Мины и др. При описании изображений на лицевой стороне печати были приведены тексты легенд. Отдельно была рассмотрена редкая композиция Рождества.

Отдельным циклом на XI Научных Сюзюмовских чтениях были доклады, где поднимались вопросы религии.

Н.Д. Барабанов (Волгоград), продолжая давно разрабатываемую им тему народных верований, обратился к такому виду филактерии, как истера. В докладе изложены мнения по интерпретации магической формулы и функций истеры, а также соотношение суждений о ней античных и византийских ученых, богословов и народных представлений.

Д.И. Макаровым (Екатеринбург) на “Чтениях” были представлены сюжеты гомилетики св. Григория Паламы, связанные с концепцией социального мира. Отмечена сознательная ориентация и сходство высказываний Паламы об общественных раздорах и примирении с учениями апостольских мужей I – середины II в. (св. Климент и др.), и с призывами некоторых церковных историков IV – первой половины V в., в частности Сократа Схоластика.

К.И. Лобовикова (Екатеринбург), также обратившаяся к творчеству Паламы, рассмотрела его рассуждения о Коране. В качестве объекта взято письмо Григория Паламы, написанное им из турецкого плена в 1354 г. Терпимость автора письма представляется дипломатическим ходом, связанным с вышеобозначенными обстоятельствами. Взгляды Паламы на личность Мухаммада и Коран соответствуют византийской традиции полемики с исламом.

Х.-Ф. Байер (Екатеринбург–Вена) обратился к интерпретации Тайной Вечери как исторического события. Люди, которые знали Иисуса близко, не были склонны признать его Богом. Открытое обожествление Иисуса произошло от Павла, не знавшего его лично и, вероятно, приписывавшего ему многие чудеса. Его подтверждал его спутник Лука, а вслед за ним обожествил Иисуса и Матфей. В качестве подтверждения гипотезы докладчика были приведены соответствующие фрагменты Евангелия от Марка, выдержки из Сур.

Е.В. Ошарина (Санкт-Петербург), исходя из философского осмысления концепции образа, обратилась к искусствоведческому толкованию иконы Спаса Вседержителя с Синая VI–VII вв. В рассмотренной иконе сказывается влияние эллинистического искусства, идея воплощения Христа выявлена в монументальных формах. Икона представляет собой характерный памятник иконного реализма.

На «Чтениях» была затронута тематика крестовых походов. Это доклады Ф.С. Горохова (Екатеринбург) «Хроника Эрнуля» как источник по истории Четвертого крестового похода и Латинской империи» и О.И. Нуждина (Екатеринбург) «Крестоносная идея в отношениях между Англией и Францией середины XIV – первой половины XV в.».

В докладе Ф.С. Горохова были обозначены смысловые блоки «Хроники Эрнуля», содержащие значительный фактический материал по проблеме, выделены причины осторожного отношения исследователей к источнику. Сложная структура текста затрудняет определение близости автора к описываемым событиям, в некоторых местах хроника носит «развлекательный» характер.

О.И. Нуждин отметил, что крестоносная идея для Англии и Франции имела практический смысл. Крестовые походы рассматривались как средство урегулирования отношений между странами. Участие в них позволяло определить место государства в иерархии. Следовательно, отказы Англии участвовать в крестовых походах означали непризнание первенства Франции в христианском мире.

Как дань памяти предшественников и учителей прозвучали доклады И.П. Медведева (Санкт-Петербург) «Нумизматическое путешествие графа Н.П. Румянцева по Кавказу и Крыму (1823 г.)», В.В. Гурулевой (Санкт-Петербург) «Любовь Николаевна Белова: Севастополь – Свердловск – Ленинград. Этапы научной деятельности», Г.Е. Лебедевой, В.А. Якубского (Санкт-Петербург) «Т.Л. Курбатов – историограф».

Некоторые доклады послужили поводом для интересных обсуждений, в которых приняли активное участие докладчики и слушатели.

Молодое поколение аспирантов и студентов, участвовавших в XI Научных чтениях, получило уникальную возможность увидеть «исследовательскую кухню» старшего поколения учеников М.Я. Сюзюмова и ведущих представителей византистики нашей страны.

XI Научные чтения показали, что у специалистов уральской школы византистики на основе опыта четырех десятилетий имеется благоприятный фундамент для разработки проблемы кумуляции и трансляции культур. В рамках «Научных чтений» было проведено исследование «трансляции» идей М.Я. Сюзюмова, в значительной степени опередившего свое время, на историков Крыма и археологов Херсонесского заповедника, а также на специалистов высшей школы Урало-Сибирского региона.

Возобновление Научных Сюзюмовских чтений, которые не проводились четыре года, имело целью сохранение традиций, заложенных основателем Уральской школы византистики М.Я. Сюзюмовым в изучении различных сторон византийского общества на материале как письменных, так и археологических источников.

Т.А. Шамгунова

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД (950-ЛЕТИЕ СХИЗМЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ, 800-ЛЕТИЕ ЗАХВАТА КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ) XVII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ

Москва 26–27 мая 2004 года.

В апреле 2004 г. исполнилось 800 лет со дня захвата Константинополя крестоносцами Четвертого крестового похода и 950 лет схизмы христианской Церкви. Эти события способствовали углублению раскола между Западом и Востоком христианского мира и по своему значению далеко выходили за рамки истории собственно крестовых походов или внутрицерковной истории. Борьба за византийское имперское наследие расколола христианский мир на государства, претендующие именоваться империями (Латинская империя, Никейская империя, Трапезундская империя, государственные образования на территории Греции и Балкан), радикально изменила отношения стран восточнохристианского ареала к европейскому Западу, не в последнюю очередь сказавшись на формировании отношения к Западу на столетия вперед в Восточной Европе (Россия и православные страны византийского круга). Задача конференции состояла не только в том, чтобы на уровне современной исторической науки обозначить исторический масштаб событий 1054 г. и 1204 г., но и выявить характер, значение и направленность последствий, вызванных захватом Константинополя, для судеб христианских стран (особенно в Восточной Европе).

Хорошо известна тенденция современного международного византиноведения преуменьшать значение церковных событий 1054 г. и обозначать как действительную веху раскола западной и восточной частей христианского мира захват Константинополя крестоносцами Четвертого крестового похода в апреле 1204 г. Методологически важно было определить степень действительности конфессиональных факторов на разобщение Запада и Востока христианской ойкумены, истоки которого, как известно, много древнее, чем события 1054 г. Вместе с тем не меньший общеисторический интерес представляет вопрос о соотношении конфессиональных и политических моментов в формировании внешней политики средневековых государств средиземноморского ареала. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно и при изучении судеб западноевропейского крестоносного движения, причем не только на территории Византии, но и, позже, на территории Восточной Европы. Не в последнюю очередь тематика докладов, представленных на конференцию, касалась и судеб византийского культурного наследия, оказавшегося в ходе Четвертого крестового похода на западе Европы. Еще один важный аспект анализировавшейся на конференции проблематики касался вовлеченности близких Византии стран и народов в конфессиональное, а позднее и политическое противостояние Востока и Запада. В конечном счете анализ конкретно- и общеисторической проблематики подвиг участников конференции к сопоставлению цивилизационных параметров Византии и Запада (доклад К.В. Хвостовой).

Разумеется события как 1054, так и 1204 года имели свою длительную предысторию (в этническом, политическом, конфессиональном аспектах), чему были посвящены доклады А.С. Козлова, В.П. Будановой, А.А. Чекаловой. Немаловажной является и широко представленная на конференции тематика, касающаяся развития политической, социально-экономической, религиозной ситуации в регионах Визан-

тии после Четвертого крестового похода. Причерноморский регион в этой связи был обстоятельно проанализирован в докладе С.П. Карпова, этнический аспект отчетливо прозвучал в докладе Р.М. Шукурова о туркменских государях Романии, этноконфессиональный – в докладе Д.А. Коробейникова о султанах в Константинопле до и после 1204 г.

Разумеется, тематика конференции как в том, что касается 1054 г., так и относительно событий 1204 г., имеет давнюю богатую международную историографию, на развитии которой, естественно, сказывались конфессиональные и политические факторы. Неудивительно поэтому, что некоторые доклады были посвящены анализу именно историографии (доклад Г.Е. Лебедевой о О.А. Добиаш-Рождественской как историке крестовых походов и др.).

Естественно, что проблематика 1054 и 1204 гг. затрагивает проблему представлений противоборствующих сторон друг о друге. Развитию этой темы был посвящен также ряд докладов (например, С.И. Лучицкой “Византия и греки глазами западноевропейских средневековых хронистов”, и, напротив, доклад А.М. Крюкова, посвященный оценкам латинского владычества в письмах видного византийского писателя и церковного иерарха Михаила Хониата, а также доклад О.В. Лосевой “Латиняне в Проложном сказании 9 мая”). Немало внимания было уделено и судьбам греческих православных анклавов в инославной среде (доклад М.А. Курьшевой “Греки и греческая церковь в Сицилии и Южной Италии XI в.”).

Учитывая специфику средневекового христианского сознания, важно было проанализировать и метафизический пласт отношений современников к свершившимся событиям, чему был посвящен доклад М.В. Бибикова “Латинское завоевание Константинополя в свете пророческих текстов”. Конечно же, и конкретно-исторически и в общеисторическом плане необходимо было обратить внимание на осознание самими византийцами тех событий, которые стали поводом для проведения сессии. Этому был посвящен доклад К.И. Лобовиковой “Георгий Трапезундский о роли схизмы в истории Византийской империи”, что как бы предвосхищало рефлексии современной историографии на тему о релевантности 1054 г. как даты действительного раскола христианского мира. Отношение к схизме христианской церкви (будь то 1054 или 1204 гг.) естественно предполагало обращение участников конференции к анализу попыток преодоления церковного раскола (доклады Н.Г. Пашкина “К вопросу о дипломатической миссии Григория Цамблака на Констанцском соборе”, А.В. Занемонца “К дискурсу Ферраро-Флорентийского собора”). Разумеется, при анализе конфессионального противостояния Востока и Запада нельзя было обойтись без обращения к истории церковной полемики (доклад А.В. Бармина “Слово об опресноках Никиты Никейца”).

В научном форуме приняли участие византилисты, медиевисты и русисты крупнейших центров Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Волгограда, Барнаула. Была представлена как академическая (Институт всеобщей истории РАН, Институт востоковедения РАН, Институт славяноведения РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт искусствознания), так и университетская наука (Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Уральский государственный университет, Волгоградский государственный университет, Алтайский государственный университет, Коломенский государственный университет). В сессии также принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), Русского музея (Санкт-Петербург), Музея Востока (Москва), Церковно-научного центра Православная энциклопедия. На сессии были представлены все поколения отечественных византистов. Было заслушано и обсуждено 45 докладов, объединенных общей темой “Византия и Запад: 950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами”.

В целом тематика и аналитическая направленность докладов конференции бы-

ла predetermined общесторической постановкой проблемы Г.Г. Литавриным “От схизмы христианской церкви 1054 г. – к захвату Константинополя крестоносцами в 1204 г.”

Несмотря на привязанность тематики конференции к конкретным историческим датам, ее смысл и проблемы, затрагивавшиеся докладчиками, несомненно имеют и общеисторическое, в том числе злободневное, значение, поскольку предполагают анализ природы и развития межконфессиональных конфликтов в обществах с идентичными основными ценностями.

А.А. Войтенко, А.М. Крюков, М.А. Курьшева, И.С. Чичуров

И.П. Медведев

КОНСТАНТИНОПОЛЬ В СРАВНЕНИИ С РИМОМ: ВЗГЛЯД МАНУИЛА ХРИСОЛОРЫ

Автор текста письма, русский перевод которого впервые предлагается читателю, – Мануил Хрисолора (1350–1415), один из наиболее ярких представителей поздневизантийской гуманистической интеллигенции; близкий друг императора Мануила II Палеолога (1391–1425), объездивший с ним всю Европу в попытках заручиться помощью против наседавших на Константинополь турок; византийский посол в Италии, все больше и больше укоренявшийся на итальянской почве и фактически превратившийся в “невозвращенца”; униат, в конце концов перешедший в католичество; знаменитый педагог и учитель греческого языка и литературы в университетах Италии (1397–1400 – на специально для него основанной кафедре во Флоренции; 1400–1403 – в Павии и Милане); и т.д.¹

В 1411 г. Мануил Хрисолора прибывает в Рим, сопровождая сюда папу Иоанна XXIII в составе его свиты. Впечатление, которое оказал на него Рим, было ошеломляющим. Во время своих “археологических прогулок” по городу он, “влюбленными и жадными глазами” взирая на все эти следы античности, силою своего воображения пытается представить жизнь, кипевшую некогда на этих “маршрутах триумфальных шествий”, но все это – в сопоставлении с древностями Константинополя, а потом садится за стол и излагает все это в своем пространном письме к императору Мануилу II Палеологу (а не к его сыну, будущему императору Иоанну VIII Палеологу, как считалось раньше), обнаруживая при этом, по словам Ж. Дагрона, “перо греческого ратора, византийского эрудита и верноподданного по отношению к императору, а взгляды – гуманиста времен Возрождения, то есть двуликого Януса, который одновременно является еще действующим лицом (acteur) и уже наследником цивилизации, которую он олицетворяет собою”².

Письмо Мануила Хрисолоры, представляющее собою, на мой взгляд, своеобразный и талантливо написанный³ искусствоведческо-археологический обзор поданных в сравнительном сопоставлении древностей Рима и Константинополя (двух столиц одной, по мысли автора, империи), отражает “стандарты мышления” гуманистических кругов византийской интеллиген-

ции, пытавшихся в экстремальных условиях существования преодолеть политическую изоляцию Византии, обосновывая изначальную близость греков и римлян, и уникальную роль Константинополя как скрепы их единства, что явствовало уже из самого географического положения города, осознанно избранного ими уже при его основании.

Письмо Мануила Хрисолоры к императору Мануилу II Палеологу сохранилось в значительном количестве списков (более десяти), но главное – в автографе Хрисолоры, представленном флорентийской рукописью Cod. Laurent., Plut. 6. 20. На него и опираются все новейшие исследователи текста и его издатели⁴, а через них и переводчики⁵. К сожалению, наш перевод осуществлен еще по старому, более доступному для нас изданию (текст его, впрочем, практически идентичен новейшему)⁶, но не без “заглядывания” в указанный нами итальянский перевод памятника (из практических соображений мы придерживаемся предложенной в этом издании разбивки текста на параграфы, хотя и не всегда согласны с ней) и с использованием (хотя бы частичным) комментария к нему. Возможно, что нам еще придется обратиться к данному памятнику, чтобы предложить более обоснованную собственную интерпретацию.

Мануила Хрисолоры “Сравнение древнего и нового Рима”⁷

1. Благороднейший василевс!⁸ То, о чем твоей Царственности следовало бы сообщить уже много раз, я написал в другом письме, и надеюсь, что оно дошло вместе с настоящим. Более того, я и раньше много писал (тебе) отсюда [т.е. из Рима], а немало – как раз перед этим. Тем не менее мне показалось уместным добавить еще и это – ради удовольствия, а не пользы, каковое я немало испытал уже от того, что адресую твоей Божественности мои словеса. Материал же для сих словес я позаимствую из того самого города, которым раньше я восхищался на основании того, что о нем рассказывалось [другими]; теперь же, увидев его своими глазами, я считаю, что он еще больше достоин восхищения, чем если бы кто-то стал судить о нем просто по рассказам [других].

2. О нем ведь сказаны поистине великие слова, причем не только писавшими на родном [т.е. латинском] языке, но и уже почти всеми нашими из тех учнейших мужей, которые в нем побывали, с тем, чтобы оставить, как тебе известно, не только целые речи, но и книги с энкомиями ему⁹. А другие вот сказали о нем столь же великое в кратких словах, как, например, в случае с тем, столь тебе милом и родном, софистом¹⁰, который в письме к ко-

⁴ Критическое издание: *Billò C. Manuele Crisolora: “Confronto tra l’Antica e la Nuova Roma”*. Testo, traduzione, commento Tesi di laurea, Università degli studi di Torino, 1995–1996.

⁵ См., например, уже указанный нами в примеч. 1, снабженный обширным комментарием, исследованием и богатым иллюстративным аппаратом новейший итальянский перевод текста письма: *Roma parte del cielo...*

⁶ PG. T. 156. Col. 24–53.

⁷ Заглавие писано более поздним (конец XV в.?) почерком на рукописи автографа Мануила Хрисолоры (Cod. Laurent., Plut. 6. 20).

⁸ По мнению издателей итальянского перевода текста, письмо адресовано византийскому императору Мануилу II Палеологу (1391–1425), а не его сыну и будущему императору Иоанну VIII (1425–1448), как считалось до сих пор.

⁹ Скорее всего, имеется в виду Элий Аристид с его “Энкомием Риму” (ок. 154 г.).

¹⁰ Имеется в виду знаменитый ритор Либаний (314–393).

¹ О Мануиле Хрисолоре см.: PLP. № 339. Новейшая литература указана: *Roma parte del cielo. “Confronto tra l’Antica e la Nuova Roma” di Manuele Crisolora / Introd. E.V. Maltese, trad. e note di G. Cortassa. Torino, 2000. P. 47–55.*

² См.: *Dagrón G. Manuel Chrysolores: Constantinople ou Rome // Byz. Forsch., 1987. Bd. 12. S. 281.*

³ Разумеется, не без некоторых “банальностей”, присущих самому этому жанру. См., например: *Fenster E. Laudes Constantinopolitanae. München, 1968.*

му-то говорит о нем нечто великое совсем в немногих словах, а именно: в самом начале письма и, если я хорошо помню, в следующих выражениях: “Так не забывай нас, отправившись в Рим, осматривая все то, что раньше не видел, и убедившись, что это даже и не земля вовсе, а некая часть неба. То, что мы не забываем тебя, неудивительно, ибо у нас все одно и то же и нет ничего нового, что заставило бы нас пренебречь друзьями”¹¹.

3. Хотя он писал это как будто греку, а может быть, сирийцу, т.е. своему соотечественнику, я не помню хорошо имени его¹², а ведь мы слышим о красоте Антиохии от многих других, и от него самого, когда он в одноименной с ней речи воздает письменно хвалу родине¹³. Да и другой ее житель (ныне уже, конечно, небожитель) [имеется в виду Иоанн Златоуст], уста и язык которого неслучайно получили прозвище от золота¹⁴, во многих местах очень пространно говорит о ней¹⁵; или же [Либаний писал] к кому-то из тогдашних жителей Азии, на территории которой тогда были Родос и Смирна, краса и гордость всего мира. Там же появились храм Артемиды в Эфесе, колосс на Родосе и гробница Мавсола в Галикарнасе, остатки которых (всех или по крайней мере некоторых) еще видны до сих пор. Если же угодно, давайте предположим, что он [т.е. адресат письма Либания] был из Египта или Ливии, где, как известно, зародился город Александра, а из воспеваемых достопримечательностей – стовратные Фивы и пирамиды, тени которых, как говорят, – это, так сказать, путь протяженностью в несколько дней, когда солнце восходит и заходит. Говорят, что одна из них, и к тому же самая маленькая, используется в качестве каменоломни для всякого рода строительства в самом Мемфисе и во всех окрестных местечках с тех самых времен и вплоть до сегодняшнего дня, и никак не иссякнет. Более того, как говорят, строители, создавшие из нее целые города и деревни, едва лишь потратили какую-то незначительную часть ее.

4. Естественно, что тот [т.е. адресат письма Либания] кем бы он ни был, должен был, плывя в Рим, проехать через острова и через Элладу, причем первой он должен был, естественно, увидеть именно Элладу и тогдашнее око Эллады, – я имею в виду Афины. Или же он сам должен был быть выходцем из Эллады, причем не одним из тех многих, которые никогда не видели и не слышали о подобного рода вещах, а из образованных, т.е. одним из тех, к кому было естественно писать письма и который мог наслаждаться такого рода зрелищами и такого рода путешествиями. Но тогда что же было то, что должно было его потрясти до такой степени, что он забыл об Элладе и находящихся в ней достопримечательностях, обозревая какие-то ранее невиданные вещи, пренебрегши ею [т.е. Элладой] и оставшимися в ней его друзьями, и придя к убеждению, что этот город [т.е. Рим] есть даже не земля, а некая часть неба?

5. О нем ведь, как я уже сказал, и на том и на другом языке произнесены великие слова. Да и у самих варваров, как я полагаю, – по крайней мере у тех

из них, которые не совсем лишены грамоты, – есть немало о нем в их сочинениях. Но я думал, что все это говорится ими с преувеличением. Сейчас же вижу, что никакого преувеличения в сказанном нет: таково видимое.

6. Пусть даже почти ничего не сохранилось в нем в целости и вряд ли найдешь в нем что-то, совсем не претерпевшее ущерба: одни вещи разрушились сами собой от времени, другие пострадали от рук людей. Ибо в нем случилось то же, что и в нашем городе [т.е. в Константинополе]: он стал сам для себя и рудником и каменоломней, и, как об этом всем нами уже сказано, сам собой кормился и потреблялся. Он, так сказать, пришел в упадок во всем. И тем не менее в самих этих руинах и развалинах видно, каким он был изначально, каким величием и красотой своих построек он отличался. В самом деле, какое из его творений не было прекрасным? Прекрасными были не только строения, соединенные между собою [в некие ансамбли], но казались прекрасными и разрозненные, подобно тому, как во всем прекрасном теле прекрасны рука, нога или голова: каждый из членов великого тела тоже велик. Немало из них (и в значительной части) сохранилось.

7. Многие из тех [памятников], которые когда-то родились в Элладе, как это явствует из надписей на них, обнаруживаются теперь в нем [т.е. в Риме], а именно: колонны, замечательные камни, стелы, изваяния, статуи, множество греческих надписей прекраснейшего и древнейшего образца. Многие же в нем самом [т.е. в Риме] созданы эллинами, как можно видеть из надписей. Да и сами его жители, как мы знаем из историй, весьма увлекались всем эллинским, а многие из наших эллинов даже и жили в нем.

8. По всем этим остаткам статуй, колонн, надгробий и построек можно судить не только о богатстве, обилии рабочих рук, искусстве, если угодно, о величии и достоинстве, а также об образе мыслей, любви к прекрасному, изяществе и роскоши города, но также и о его религиозных воззрениях, великодушии, честолюбии, убеждениях, победах, о всяческом процветании, гегемонии, славе, военном опыте.

9. В нем ведь [т.е. в Риме] можно видеть не только акведуки, идущие по воздуху издалека, толщину стен, многочисленность, величие и красоту портиков, императорских дворцов, зданий сената, а также форумов, терм и театров, но и множество превосходных и прилегающих друг к другу храмов, названных каждый по своему, святилищ, изваяний [богов] и статуй, храмовых участков, мемориальных стел тем древним и знаменитым мужам, которым общество воздвигло их, если кто-то из них сделал для города нечто полезное; и далее: памятники за доблесть, триумфальные арки, воздвигнутые в память об их триумфальных победах, когда на них выгравированы сами битвы, пленники, военная добыча, штурм стен.

10. А еще на них [можно видеть] резные изображения жертвенных животных и церемоний жертвоприношения, алтарей и жертвенных даров, а кроме того – бои морские, пешие и конные, – так сказать, любой вид битвы, осадных машин и орудий, а также поработанных вождей, будь то мидийцы, персы, иберы, кельты или ассирийцы, причем каждого в своем снаряжении: поработанных народов и торжествующих над ними полководцев; далее – колесницу, квадриги, возниц, преторианцев, следующих за ними центурионов и предшествующую им военную добычу – и все это на изображениях предстает как живое, а из надписей на них можно узнать, что представляло каждое из них; так что можно ясно видеть, каким оружием и каким снаря-

¹¹ Точная цитата из письма Либания к Иовиану, см.: Libanii Opera / Rec. R. Foerster. Vol. 10. Lipsiae, 1921. P. 425 (Ep. 435).

¹² Речь идет о примикрии нотариев по имени Иоанн.

¹³ Ср.: Libanii Opera. Lipsiae, 1903. Vol. 1. Fasc. II. P. 437–535 (Oratio XI: Λόγος Ἀντιοχίως).

¹⁴ Иоанн Златоуст (347–407), уроженец Антиохии, патриарх Константинопольский (398–404).

¹⁵ Скорее всего, речь идет о De statu homilia, адресованной Иоанном Златоустом жителям Антиохии в 387 г.

жением пользовались в старину, какими были отличительные знаки представителей власти, боевые порядки, сражения, осады, устройства военных лагерей; какими убранствами или одежаниями пользовались на войне и дома, в народных собраниях, в сенате или на форуме, во время путешествий по суше и по морю, в процессе трудовой деятельности или занятий упражнениями, на зрелищах, на празднествах или в мастерских – и все это с учетом разных обычаев у разных народов. Занявшись изучением этого, Геродот и некоторые другие историки, как кажется, оказали всем большую услугу. Но у них все выглядит так, как если бы они существовали в те времена и бывали у разных народов, так что [их] история все объясняет очень упрощенно; скорее это даже не история, а, так сказать, видение собственными глазами всех тех явлений, которые повсюду тогда происходили как бы в присутствии [авторов].

11. Искусство подражаний действительно начинает соревноваться с природой вещей – [до такой степени], что начинает казаться, что ты видишь самого человека, коня, город, целое войско, щит, меч, полное вооружение [воинов], попавших в плен, обратившихся в бегство, людей хохочущих, взволнованных или негодующих. И на всем этом надписи крупными буквами, говорящие: “Сенат и Римский народ Юлию Цезарю, Титу или Веспасиану, за доблесть и мужество, за победы над грозным противником, за защиту Отечества, за изгнание варваров”¹⁶ или за что-то иное такого же рода из достойных похвалы деяний.

12. А что говорится о таких древних персонажах как Мелеагр, Амфион, Триполем, а также, если угодно, Пелоп, Амфиарай, Тантал и любой другой такого же рода из той мифической и древней эллинской истории? Ими переполнены улицы, переполнены памятники и гробницы древних, полны стены домов. Все это исполнено превосходного и совершенного искусства, являясь произведением какого-нибудь Фидия, Лисиппа, Праксителя и тому подобных, так что идущему по городу приходится притягиваться взором то к одному, то к другому – наподобие того, как это случается с влюбленными, которые, восхитившись какими-нибудь живыми красотками, не могут оторвать от них жадного взгляда¹⁷.

13. А тут еще окружность стен¹⁸, положение города, течение реки, прелесть полей и загородных поместий в них. Город еще не был лишен ни гаваней¹⁹, ни корабельных верфей или эллингов, из которых одни размещались внутри стен; другие – в самом устье реки, третьи – непосредственно перед стенами; остатки их видны еще и ныне. Их снос, как я полагаю, составит предмет забот для всех нынешних влиятельных лиц, если следует назвать трудным то, что кто-то, пожалуй, назовет невозможным.

14. Ради удовольствия и развлечения граждан, а также ради их упражнений, проводились как бы морские сражения внутри стен, т.е. в самом горо-

де, и (я утверждаю это) не на реке, но на своего рода море или озере внутри города, специально для этого подготовленном²⁰. А были (как бы опять же для упражнений) и зрелища с состязаниями, гладиаторскими боями, схватками с дикими зверями, конными скачками, а также и сражениями триер. Так что действительно можно сказать, как выразился некий из наших древних: здесь нет ничего иного, кроме Рима²¹.

15. Таковым было то, что шло от древности. А что сказать о более поздних вещах и о тех, что появились при нашей истинной вере? Каковы они, построенные при таком изобилии такого рода камней и других материалов, при тогдашнем расцвете искусства, а также в условиях подъема боголюбия и благочестия? Одни из древних памятников были перестроены, другие – из безбожных и неосвященных стали освященными и святыми, из языческих капищ – священными храмами. Сколько их, апостольских храмов? Сколько их, посвященных мученикам, святым и блаженным? Сколько их, посвященных святым женам и девам? А их тела и мощи (целиком или по частям); все то, что относится к их поминовению, а также вещи, служащие доказательством человечности нашего общего Господа, – кто сможет их перечислить? Пожалуй, можно сказать, что сей город – это просто погребальная урна святых мощей, сокровищница водосвятий. Так что то, о чем когда-то сказал упомянутый мною вначале автор, т.е. что город может быть назван “частью неба”²², с большим правом относится к тем временам и благодаря тем его обитателям.

16. Все это я оставляю без внимания. Но теми двумя светилами, солнцами, да даже целыми небесами, повествующими о славе Божьей (я имею в виду Петра и Павла, мощи которых покоятся тут и в память о которых я пишу все это), кто восхитится ими достойным образом? И почему весь мир обращается к ним за помощью, как будто они какие-то общие правители, властители или консулы?

17. А ведь действительно чудо – видеть, как сюда приезжают из Испании, Иберии, Галлии, с Британских островов, из еще более западных и северных стран, если есть таковые, а также из Германии, Сарматии [т.е. России], Паннонии [т.е. Венгрии], некоторые же из Эллады, Азии и из других мест (ибо кто, пожалуй, сможет всех перечислить), причем не только мужчины любого возраста и занятия, но и женщины, преодолев столько дорог, опасностей, тягот, столько холодов, грязи, пыли, душливого зноя и мучений, – и с тем только, чтобы благоговейно поклониться погребальной урне, гробу и могиле апостолов, и то издали, из-за оград и решеток; чтобы громким голосом воззвать к тем спасителям, господам и, как я уже сказал, солнцам всей вселенной, возложив свое чело и голову на пыльную почву, на каменные и железные ограждения; чтобы, наконец, после стольких лет провозглашения им истины, они выразили свою признательность за освобождение от заблуждений и потемок.

18. И все это в том городе и в той империи, в которой те [т.е. апостолы], проповедуя эти идеи, умерли. Здесь, ведь, царило такое суеверие по отноше-

¹⁶ По мнению Дагрона, Мануил Хрисолора здесь очень вольно воспроизводит на греческом надпись на арке Тита: *Senatus Populusque Romanus Tito Caesari Divi Vespasiani f. Vespasiano Augusto... quod... gentum Iudeorum domuit*. См.: *Dagron G. Manuel Chrysoloras... S. 287. Anm. 22.*

¹⁷ Эту тему Мануил Хрисолора развивает и в начале своего письма из Рима к Димитрию Хрисолоре.

¹⁸ По-видимому, стена, возведенная в 272 г. императором Аврелианом.

¹⁹ При императоре Клавдии началось строительство крупного Остийского порта и второго порта в устье Тибра, расширенного при Траяне.

²⁰ Действительно, специально для “морских сражений” (еще один вид развлечения жителей) было построено несколько бассейнов (с этой же целью наполнялись водой Колизей или амфитеатр Флавия).

²¹ Снова цитата из “Энкомия Риму” Элия Аристима (ог. 26. 8. Keil).

²² См. примеч. 5.

нию к истине, такое заблуждение; это явствует из их идолов, изваяний, храмов. Отсюда по всей вселенной разносились эдикты, направленные против христиан, и рассылались палачи. Здесь видны еще рухнувшие уже и разрушенные покои Нерона, того бесчестного убийцы. Здесь – Диоклетиана и Максимиана гонителей, их изуродованные и полуразбитые стелы.

19. Но мимо них [именно потому], что они принадлежали императорам, которые их [паломников] некогда покорили и поработили, те пробегают [без остановки]; да что я говорю – пробегают? Скорее награждают пинками, бьют кулаками, разбивают, как я уже говорил, оплевывают и опрокидывают. Ну, а перед теми [т.е. апостолами Петром и Павлом], бедняками и чужеземцами, более того, рабами и подданными тех по своему гражданству и роду, палаточными мастерами и рыбаками, они [т.е. паломники] склоняют головы даже с какой-то, так сказать, радостью и наслаждением, а если угодно, с биением себя в грудь, благоговением, в слезах, и, взывая к ним, как я говорил, как к спасителям, покровителям и не только господинам настоящих земных дел, но и привратникам небес, вымаливая у них спасение себе, друзьям, родным, да и всему миру. А те [т.е. апостолы] восседают, созерцая со своего возвышенного места, величественные, роскошно изваянные в своем древнем облики, с помощью мозаичных плиток, камней, красок, а также чистого серебра или золота, как какие-то короли, правители или общины для всех господины, с ключами в качестве символа власти связывать и развязывать²³, символа мощи и достоинства Того, кто дал их.

20. Деяния римского народа, Юлия Цезаря, Августа или кого-то другого канули в Лету и неизвестны большинству людей во всем мире, даже здесь, на их родине; деяния же апостолов цветут пышным цветом во всем мире. Помню, как два года назад в Лондоне, в Британии, я и мои спутники оказались свидетелями торжественного шествия и грандиозного празднества²⁴, которое тамошние жители устроили в честь их [т.е. апостолов] непосредственно на [островах?] самого внешнего моря и океана. Цезаря же, который первым покорил их и крепости которого еще и ныне существуют там (одна – у причала, другая – в самом городе)²⁵, они не знают. И я почему-то думаю, что все это – и Римская держава, и монархическая власть императоров, и покорение народов – существовало постольку, поскольку за этим должны были последовать те события [т.е. связанные с апостолами].

21. Так зачем же нужно с благоговением усматривать достоинство апостолов, воздаваемые им уважение и честь, в них самих, в их мощах и могилах? Ведь можно с благоговением смотреть на это, имея в виду и авторитет Церкви, и тех из многих, которые после них [т.е. апостолов] и сами по себе [что-то сделали]. Ибо я никоим образом не думаю, что в той Римской державе (я имею в виду древнюю) столько указов и тех императоров, и народа, и сената распространялось по стольким областям вселенной, сколько и в скольких районах [их распространяется] ныне Церковью. А то, что их [эдикты] санкционирует и делает действительными благодаря скреплению печатя-

²³ Мф. 16: 18–19.

²⁴ Мануил Хрисолора посетил Англию в 1409 г., во время своих дипломатических разъездов по Европе с целью организовать помощь Византии, находившейся под угрозой захвата турками.

²⁵ По мнению Гвидо Кортассы, Хрисолора ошибочно приписывает Цезарю укрепления, воздвигнутые в Лондоне и Довере Траяном.

ми, – это изображения и головы Петра и Павла, которые, таким образом, уже не могут больше говорить: “Серебра и золота нет у меня”²⁶.

22. Кто бы мог перечислить оказанные ими благодеяния? Кому-нибудь может показаться, что я преувеличиваю, но я действительно полагаю, что все известные нам державы [?], даже соединившись вместе и располагая по закону властью распределять то, что им даровано по обычаю, не могут дать столько. Дают это Петр и Павел. И им положено давать это: ведь раздающие такого рода благодеяния располагают ими не для себя. Так что последователям и наследникам Петра и Павла тоже положено распределять [благодеяния]: те, что получают, получают как бы от господ, а те, что дают, дают как господины. И нет никого, кто бы возразил на это; разве что некоторые могут расходиться во мнениях: что давать, стоит ли давать и кому давать. И как раз это самое они должны решать, так как они сами являются судьями и определителями того, что случается у них, а часто к ним переходит и право апелляции того, что случается у других.

23. Ну, а что с духовными дарами, что с судьями колен [Израилевых]?²⁷ Можно ведь видеть, как, при разнообразии языков в храме апостолов, сидящий здесь на троне [священник] выслушивает исповедующихся, прибывших с этой именно целью аж с Британских островов; здесь же еще один, [который выслушивает] прибывших из Иберии [=Испании] и Галатии [=Галлии, т.е. Франции]; в другом месте – то же с прибывшими из Далмации и Дакии [=Румынии], а эти, перемешавшись на улицах, в городе, или в какой-нибудь церкви, разговаривают каждый на своем языке.

24. Так что не когда-то на двенадцати только престолах будут восседать, согласно обещанию [Иисуса Христа], апостолы, судящие двенадцать колен Израилевых [Мф. 19: 28], но уже и сейчас они восседают на многих престолах в качестве неких судей, судящих всю вселенную, причем они совершенно понятно разговаривают с каждым на его собственном языке²⁸, и не только во времена древней Церкви, но и сейчас. Да и во внешнем мире, как я сказал, повсюду распространяются указы и постановления апостолов²⁹. И сюда отовсюду прибывают [паломники] после многодневного и даже многомесячного пути (и это при том, что их никто не гонит) с тем, чтобы обвинить самих себя, как советует Платон в “Горгии” жelaющим и намеревающимся стать праведными³⁰, а также с тем, чтобы принять их [апостолов] приговор и расплатиться за свои грехи. Я, правда, не имею в виду тех, которые приезжают издалека, с самых окраин ойкумены, будучи вынужденными поступать так в силу приказа.

25. Кто же не придет в изумление, слушая, как папа [Римский] в публичном консистории вершит дела и высказывает различного рода предсказания? Кто не поразится, видя все это? Но что еще нужно сказать по этому поводу?

26. То, что я говорил в отношении находящихся в этом городе мощей апостолов, можно увидеть, прочтя толкование [Иоанна] Златоуста к заключительной части письма Павла, если не ошибаюсь, к тем же самым римля-

²⁶ Деяния св. Апостолов. 3: 6.

²⁷ Ср.: Мф. 19:28.

²⁸ Речь идет, конечно же, о чуде Пятидесятницы, см.: Деяния св. Апостолов. 2: 4.

²⁹ По-видимому, через посредство понтификов, т.е. их наследников.

³⁰ Платон. Горгий (480 с.).

нам, — толкование, в котором сей муж, поистине золотой не только в своих устах, но и в глубине своей души, заключает всю речь в целом, и это золотое сочинение, восхищаясь которым, он дважды, трижды и даже чаще утверждает: “Я хотел увидеть этот город, — имеется в виду Рим, — в котором то-то и то-то”, и говорит об апостолах, об их могиле, о присутствии их мощей в ней. “Я хотел видеть их ноги, я хотел видеть их руки, я хотел видеть их головы”³¹. И он не может остановиться, словно одержимый любовной страстью, излагая материал по частям и без конца повторяя одно и то же.

27. Но хватит уже об этом. В письме ведь всего не скажешь, да если что-то и можно было бы сказать, не будет, пожалуй, ничего сказано о них по достоинству. Я, впрочем, начал с намерением говорить кратко, но, забывшись, сильно переборщил, выйдя за всякие рамки. Я хотел написать это скорее к своему удовольствию, попытавшись сделать этот опус своего рода прибавлением к ранее мною написанному, прежде всего потому, что в твоих, адресованных мне письмах нашел, помимо всего прочего, упрек в том, что пишу мало.

28. Спешу отдать письмо, чтобы триремы Венеции не отплыли [в Константинополь] раньше, чем оно (письмо) прибудет в этот город [т.е. в Венецию]. И действительно, в любом деле самым трудным является, как следует начать и надлежащим образом заключить. И все вообще определяется крайностями, принимая от этого форму. А многие как будто не знают, ни откуда следует начать, ни где следует поставить точку. Однажды начав говорить, они поневоле продолжают говорить всегда. Я же так долго хранил по отношению к Твоему Высочеству молчание, что едва начав, уже не могу быстро остановиться. Так что как раньше ты [с пониманием относился] к моему молчанию, которое иногда устанавливалось во время словоговора, так и сейчас прости мне мое многословие.

29. Впрочем, и говорящему тебе о такого рода вещах следует, наконец, остановиться. И тем не менее я не хочу этим обидеть наш город [т.е. Константинополь]. А ведь я бы обидел его, если бы остановился на этом. Ибо я, обозревая то, что, как я говорил, есть в строениях, в природных и рукотворных красотах, восхищаясь городом бывшего величия и мощи и особенно радуюсь, видя, насколько они похожи на наши. Да и одна эта схожесть каких-то вещей, как ты знаешь, обычно привлекает, когда мы видим, насколько они похожи, подобно тому, как сын похож на отца, дочь на мать, братья друг на друга, а тем более, если случится, что они каким-то образом с нами в родстве. Я считаю, что нахожусь в нашем городе, и не в последнюю очередь потому, что это может привлечь человека, особенно любящего свою родину и находящегося далеко от дома. Ибо я думаю, что никогда еще ни одна дочь не рождалась столь похожей на мать, как наш город [=Константинополь] на этот [=Рим]³². Но пусть даже все обстоит таким именно образом (ибо какая мать будет завидовать дочери, которую хвалят, и наоборот, разве справедливо, если дочь будет завидовать матери, которую прославляют), я все же считаю, что наш город [т.е. Константинополь] одерживает верх.

30. Сравню оба древних города, насколько возможно. Ибо что в этом городе [т.е. в Риме] сотворено природой или рукой человека, чего нет у нас?

³¹ PG. T. 60. Col. 680.

³² Напомним, на всякий случай, что Рим и Константинополь в греческом и итальянском женского рода, так что связка “мать — дочь” в устах грека вполне естественна.

Да даже сами реликвии [здесь] схожи с [нашими] реликвиями. Ибо если и кажется, что он [=Рим] в чем-то превосходит, то и у нас есть что-то другое для противопоставления. И у нас было и есть немало такого, чего нет у него, а многое даже и гораздо лучшего качества. Это естественно, ибо он [Рим], не оглядываясь на какой-то, так сказать, совершенно особый образец, довольствовался тем, чтобы просто превзойти всех. Наш же [Константинополь], рассматривая его [Рим] в качестве образца, а если попристальнее на него посмотреть, то и некоего архетипа, многое усовершенствовал и возвеличил.

31. Ведь произведения одних людей, находясь в соперничестве с другими, могут лишь выиграть, становясь более прекрасными, да и красота родителей еще больше содействует улучшению красоты детей, а статность (особенно матерей) — их статности, причем [это свойство встречается] не только у людей, но и у других живых существ. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что, будучи крупным и красивым [городом], он [Рим] произвел на свет еще более крупный и еще более красивый [город]; и это, в свою очередь, повод для похвалы матери: ведь красоты матери прибавляются затем к красотах дочери, причем сравнивать следует не одну через другую, а каждую некоторым образом через саму себя, то есть Новый Рим — через Древний.

32. Так что в такого рода конкурсах не должно быть плохих арбитров, особенно из числа нас, являющихся наследниками благ и того и другого, в одном случае оказываясь сыновьями, а в другом — внуками. Нужно скорее гордиться обоими [городами], как те, что имеют обязанность сообщать их благородство многим, имея также возможность перечислить не только больших красивых родителей, но и такого же рода или близких к этому прародителей. Родителям же в высшей степени желательно, как говорил некто³³, чтобы они уступали во всем детям; так что справедливо, если мы даем основание подозревать нас в такого рода вещах.

33. Так вот, я утверждаю, что мать была весьма красивой и цветущей, дочь же — еще прекраснее во многих отношениях; что ни этому [Риму] не подобало быть митрополией и матерью другого, ни тому [Константинополю] — колонией и дочерью другого; что, как было сказано, никогда еще ни у одной матери и ни у одной дочери не наблюдалось такого сходства, как у этих. Да и красота этого города [т.е. Рима], подобно вспышке какого-то огня или луча, у того [т.е. Константинополя] получила свое развитие.

34. Ведь даже если бы мы не могли сказать ничего иного, то достаточно уже положения [Константинополя] на обоих континентах (я имею в виду Европу и Азию) и соприкосновения здесь северного и южного морей³⁴, так что он [Константинополь], как бы стоя на вратах, соединяет вселенную и живущие в ней народы (здесь — через континенты, там — через моря, а скорее — через то и другое) наподобие некоей общей скрепы и в то же время отгораживает их друг от друга. По-моему, это не только полезно и прекрасно, но и выглядит по царски.

35. А что за гавань³⁵, побеждающая, на мой взгляд, всех, откуда бы они ни были, своей величиной и безопасностью и могущая принять все когда-либо и где-либо построенные триремы и олкады [= грузовые суда]; да и то, что

³³ Еще одна достаточно вольная цитата из Либания: Libanii Opera. Vol. 10. Ep. 369. 1–2.

³⁴ Т.е. соответственно Черного моря (=Понта Эвксинского) и Мраморного моря.

³⁵ Portus Prosporphianus в восточной оконечности бухты Золотой Рог.

он [Константинополь] полностью, со всех сторон окружен и морем, и сушей, так что он во всех отношениях и материк, и остров, в равной мере приближенный и к суше, и к морю.

36. И я не знаю, уступает ли действительно в чем-то могущественным вавилонянам³⁶ венки-кольца из стен, да и густота, размеры и высота башен на стенах (даже если бы каждая из них была единственной), как никакая другая сохранившаяся в целостности постройка, в состоянии сами по себе вызвать восхищение у зрителей. Достойны восхищения величина, объемы и искусное сооружение лестниц, ведущих на стены, а также ворота в стенах и великолепие окаймляющих их башен; наружный крепостной вал перед стеной, достаточный только для надежной защиты в другом каком-нибудь городе; прорытие здесь же и обустройство рвов, их ширина и глубина, а также обилие воды в них. Так что даже в той части [города], где [моря] не доставало, благодаря им [=водам] казалось, что город морской, и напротив, в той части, в которой казалось бы царит море, благодаря островам он континентален. И так же, как когда-то было сказано об Афинах³⁷, что их можно проплыть, обогнуть по морю, или пройти пешком, так и его [Константинополь] можно пересечь пополам пешком или проплыть через него по морю. Так кому можно отдать пальму первенства? Или скорее кому можно уступить право приблизиться к нему или сравниться с ним?

37. Да и то, что находилось внутри города, было действительно достойно стен и того образца, в соответствии с которым, как я уже сказал, и возник вначале; достойно, наконец, митрополии, матери, доблести, мощи его основателей.

38. Его [Константинополь] создали, объединившись, два могущественнейших и разумнейших народа (один из них царствовал в то время, второй – несколько раньше первого), выделявшихся всякого рода искусством, чувством собственного достоинства и утонченностью, а именно – Римляне и Эллины, воспользовавшиеся с этой целью услугами других народов и их ресурсами. Сперва они выбрали место для основания города, причем место, достойное того будущего города, который они задумали, и их державы, с тем, чтобы, обосновавшись в нем, они могли удобнее управлять всем миром. Они, стало быть, выбрали его не только для управления всем миром, но и, так сказать, исходя из интересов всей вселенной, как ее властители, и отдавая отчет в том, что не Риму и многим другим [городам] было предопределено судьбой стать знаменитыми.

39. Но, как уже бывало в силу тех или иных причин и превратностей, и другие [города], возникшие где-то в другом месте и в дальнейшем возвысившиеся, считая несправедливым то, что они приходили в упадок, старались улучшить среду своего обитания. Насколько было возможно, они старались утешиться искусством, ценили те достоинства, которые исходили от местности и пространственного положения. Некоторые, правда, до конца терпели те многие неприятные природные особенности, которые были присущи этому месту, ибо не во всем они хороши, а в большинстве случаев явно уступают, что имеет место быть даже и с теми постройками, которые мало-помалу приобрели внушительные размеры.

³⁶ Стены Вавилона – одно из семи чудес света.

³⁷ Еще одна цитата из Элия Аристиды: *Or. I (Panathinaicos)*, 10 Lenz.

40. Наш же город [т.е. Константинополь] получил саму эту территорию, как я уже сказал, в результате сознательного выбора со стороны мужей, компетентных в такого рода деле, как и подобало городу, которому предстояло управлять миром с целью предоставления ему всяческих удобств, всего необходимого и достойного. И то, что решение их было правильным, для нас, нынешних, доказывается самим опытом. Для украшения города они затем сосредоточили отовсюду заимствованные ремесла, сразу же начав строить с роскошью, ибо сами были богаты, с грандиозным размахом, ибо сами обладали величием, по царски, ибо сами были царями. Да и как бы могли сии мужи, явившись сюда из такого города [т.е. Рима] и таких дворцов, проживать скудно и жалко? Потомки же всегда подражали своим предкам, что особенно бывает видно по постройкам.

41. Природа сама заранее приготовила им для строительства расположенный перед самыми воротами мраморный остров [т.е. Проконнес в Пропонтиде, ныне Мармара] (как будто зная, какой город и какими людьми должен был там быть построен), предпослала материал и утварь для придания ему красоты и достоинства. Они же не довольствовались ни белым мрамором, ни разноцветными камнями Фессалии, Пароса и Пелопоннеса, а для строительства города стали добывать рытьем камень из Аравии, Египта, Ливии, Мармарики³⁸ и даже из самой выжженной пустыни, с тем, чтобы немедленно соорудить дома, которые по своим размерам были достаточными, чтобы уже быть городами, и возвести храмы, в отношении которых с трудом верилось, что они возникли как плод человеческого мастерства и труда людей; да и благочестивая вера в Бога содействовала этому. Так что такие люди делали все это совершенно правильно. Ведь если бы столько и такого качества было понастроено святотатцами и безбожниками, то сколько же и какого качества потребовалось бы, если бы за дело взялись почитающие истинного Бога? И если бы такого рода постройки были преподнесены и посвящены демонам их слугами, какие благодарственные дары следовало бы преподнести Спасителю за освобождение от них?

42. Но хватит об этом. Я оставляю без внимания крытые и снабженные ограждениями аллеи, некогда проложенные через весь город с тем, чтобы можно было пройти его весь без грязи и солнечных лучей. Оставляю и монолитные колонны, каждая из которых вполне могла бы быть башней или крепостью. Опускаю портики, основания стел, пирамиды. Обхожу молчаливо расположенные в разных частях города императорские дворцы³⁹, их многочисленность, величие, красоту, а также театры, претории, палестры, гимназии, ипподромы, а еще корабельные верфи, насыпи стен и пристаней, рвы, выдвинутые со стороны моря камни фундаментов и стен, эллинги для приема судов из любой части; башни среди моря, в том числе открытого моря, на глубине и в водовороте от прилива и отлива; пресные воды в них, а кроме того, акведуки подземные и подвешенные по стенам (так что их мож-

³⁸ Местность в Южной Африке, между Киренаикой и Египтом.

³⁹ В Константинополе насчитывалось около трех десятков роскошных императорских резиденций, включая Большой дворец в юго-восточной окраине города (первая официальная резиденция императоров Византии) и Влахернский дворец в северо-западной окраине города (именно сюда была перенесена резиденция императоров, начиная с эпохи Комнинов, с конца XI в.).

но назвать воздушными реками)⁴⁰, приходящие откуда-то издалека, притом, что самое большое расстояние, как говорят, требует пути в несколько дней; каналы, прорытые между гор, которые оказывались препятствием; цистерны⁴¹ для приема воды из акведуков, исполняющие для последних роль морей или озер, причем одни из них крытые и скрытые от глаз, другие – под открытым небом и видимые (на них даже могут плавать суда). Некоторые из них теперь внутри под сводами разводят крупные деревья, другие – прямо на крыше, принося их собственникам пользу в качестве полей или садов. Не говорю о множестве в них колонн и апсид, о других опять же подземных и вырытых в земле сооружениях, превращающих город в какой-то верхний этаж, находящийся в висячем положении над полым подвалом; об общественных канализационных стоках нечистот, которых и здесь [в Риме] немало.

43. А что сказать о банях, которых в нем [в Константинополе] описано такое великое множество, что даже поверить трудно?⁴² Об изобилии воды, которая льется из родников в каждый дом и по всему городу? Что сказать о загородных местах [= проастиях], по своим размерам столь протяженным, что потребуются немало дней, чтобы их обойти, а по своей красоте, удобствам и оснащенной разными устройствами соперничающих с любым видом аналогичных сооружений в городе? Ибо проастии у Константинополя простираются непрерывно от Абидоса, Сеста и Геллеспонта до Боспора Фракийского, Иерона и Кианей, будь то из Азии или Европы, вокруг Пропонтиды, окружающих сам город островов, бухты [Золотой] Рог (из внутренней части – до маяка)⁴³. Если бы кто-нибудь захотел перечислить все их храмы и строения, ему пришлось бы написать целую историю, причем отнюдь не краткую. Сами эти загородные места – проастии, а именно те, что занимали территорию в немалой мере вдоль так называемой “Длинной Стены” от нижнего моря до верхнего Понта Эвксинского⁴⁴, образовали город, могущий стать провинцией, ибо по своим размерам он заключал в себе столько, сколько может быть во всех остальных, вместе взятых, вряд ли можно было бы найти.

44. Что же касается самой этой “Длинной Стены”, то она могла бы называться не только “Длинной”, но с полным правом и “Широкой” и “Высокой Стеной”, будучи настолько мощной в результате применения при постройке обычных камней, гравия из рек и из бурных потоков, и просто булыжника, что способна вызывать восхищение. При этом использовались такие или, если угодно, такого возраста камни и такое изощренное строительное искусство, что скорее это возникла гора, чем стена, вызывая с полным правом изумление у зрителей, даже если она и измерялась несколькими оргиями. Так что, если бы она была отвесной, наподобие какой-то веревки или установленной вертикально балки, то тогда ее толщина соответствовала бы

⁴⁰ Ср. подобный же образ Константинополя, включающий и “аэриос потамос”, у Григория Назианзина (ог. 33.6).

⁴¹ Всего около полусотни, по большей части крытых, цистерн, которые могли содержать в себе огромные объемы воды (ок. 900 тыс. куб. м только в крытых). Разумеется, во времена Хрисолоры большая часть их находилась в состоянии деградации.

⁴² А именно: более сорока.

⁴³ Видимо, маяк на Золотом Роге; от него в частности получил свое название соответствующий квартал города – Фанарион.

⁴⁴ “Стена Анастасия”, перестроенная и усиленная при Юстиниане.

ее длине, как это требуется у них с той целью, чтобы они не рвались и не ломались.

45. Впрочем, сама эта городская стена или скорее прочие сооружения в городе, возникшие, как уже сказано, в эпоху столь могущественной тогда империи, возводились скорее из-за склонности к роскоши, чем по необходимости⁴⁵, как и некоторые другие достойные удивления памятники города. Ведь чем меньше тогда требовалось огромных стен, тем больше и по количеству и по размерам их возводилось; считалось, что город, как таковой, возникает и получает название прежде всего от стен, которые воздвигаются не только для нужд настоящего времени, но навсегда. У людей ведь с течением времени многое может случиться: и зависть [народных] масс из-за великих бед, и великие потрясения. Так что [стены] надолго останутся символом не только силы их строителей, но и их заботы о будущем, и их мудрости.

46. Пожалуй, я не окажусь в затруднении, желая напомнить о надгробных памятниках, могилах, стелах или статуях, которые существуют в нашем городе сейчас или были когда-то. Но, может быть, следовало сначала сказать, что хотя там [т.е. в Константинополе] их меньше, чем здесь [т.е. в Риме], зато некоторые из них гораздо более красивы и представительны. Что, например, за гробница того императора, который был основателем и охранителем города?⁴⁶ А гробницы других императоров, находящиеся вокруг нее на императорском кладбище? Просто чудом было даже увидеть их, причем многие из них сохранились, окружая и ныне храм Апостолов⁴⁷; немало других уже утрачено; третьи разрознены по другим местам города в преддвериях церквей. А что за статуя императора-законодателя?⁴⁸ В свою очередь, вокруг нее появились другие статуи, многие из которых, если мне не изменяет память, с востока поддерживаются изумительными колоннами⁴⁹.

47. Ну а то, что в городе [Константинополе] было множество и других такого же рода статуй, явствует с очевидностью из их, еще и ныне видимых, цоколей с надписями на них. Они разбросаны по разным местам, но больше всего – на ипподроме⁵⁰. Немало и других, ныне, насколько мне известно, уже снесенных, я сам видел раньше. Есть люди, которые утверждают, что существовали одна колонна на Ксиролофосе [“Сухом холме”], другая – напротив

⁴⁵ Гвидо Коргасса (см. примеч. 1) не без основания не согласен с подобным утверждением Мануила Хрисолоры, полагая, что мощные укрепления Константинополя были и необходимы и полезны (см. его примеч. 100 на с. 85).

⁴⁶ Внушительный мавзолей, увенчанный куполом и построенный Константином Великим для себя и членов своей фамилии.

⁴⁷ Храм начал строиться уже при Константине и завершён при его сыне Константе. Посвящён святым Андрею, Луке и Тимофею, мощи которых хранились здесь, но не исключено, что и всем апостолам.

⁴⁸ Конная бронзовая статуя Юстиниана Великого на высокой колонне, на площади Августейон.

⁴⁹ Из них известны: колонна Августы Елены, давшей имя всей площади; Константина с тремя его сыновьями; Лициния и Юлиана; императрицы Евдокии, супруги императора Аркадия; императора Льва I.

⁵⁰ Здесь известны: обелиски Феодосия и Константина VII Порфирородного; бронзовая колонна из трех сплетенных змей; бронзовые позолоченные скульптуры четырех коней над воротами, из которых выезжали участники конных скачек (ныне украшают портал Сан Марко в Венеции). В городе были и другие, меньшего размера, ипподромы, прилегавшие, как правило, к дворцам частных лиц.

него к востоку на другом холме под названием Forum Taugі, цоколи которых представляли собою кованные из серебра скульптуры, в одном случае – Феодосия Бóльшого, в другом – Феодосия Меньшого (ибо так их называют)⁵¹. А сколь величественными, почитаемыми и прекрасными они, должно быть, были, видно по красоте, высоте, великолепию и пышности оснований.

48. Размышляя об этом, я между тем вспомнил врата города, которые некогда появились на той же улице по направлению к западу и через которые могли бы пройти, если бы могли двигаться, целые башни и крепости; через них могли быть приняты грузовые суда с их парусами и мачтами; за ними издали светился портик со своими величественными мраморами, а также колонна перед ними, которая сама поддерживала статую [по-видимому, Константина]. И еще – так называемая “колонна” на другом холме, что возвышался над тем дворцом [Влахернским?], где ты сейчас живешь; еще несколько – на Стратегии⁵²; одна – справа от храма свв. Апостолов⁵³, и много других, цоколи которых были украшены скульптурами не хуже этих. А ведь что я, пожалуй, смогу сказать о порфировой колонне, что к востоку, на той же площади, поднимает ввысь величайший крест и что воздвигнута и установлена во дворе дворца Константина Великого, побеждая [своим величием] все статуи и все колонны?

49. У нас ведь [в Константинополе] есть множество такого рода изваянных произведений, исполненных, например, на тех украшенных резьбой колоннах именно в подражание здешних [т.е. римских]. Однако, среди них преобладают те скульптуры, которые исполнены в камне-порфире и которые на тризне изображают сидящих на креслах, имя которым определяется в соответствии с их должностью смотрителей рынков [агораномов]. И еще одна [статуя] из белого камня или мрамора установлена на той же самой улице, над устьем протекающего через город ручья, если не ошибаюсь, у излучины. Да есть немало и других подобного же рода [памятников], которые мне не пришлось лично видеть, но о которых я слышал, что они находятся в укромных местах. Я ведь опускаю те, что находятся перед Златыми Вратами, ибо кто, пожалуй, сможет достойным образом выразить восхищение и от них самих, и от встроженных в них мраморных башен с изображениями подвигов Геракла и мучений Прометея – произведений высочайшего и поразительнейшего искусства, а также от других такого же рода творений из мрамора?⁵⁴

50. Причиной того, что их [в Константинополе] не больше [чем в Риме], является тот факт, что тот город [т.е. Константинополь] был основан тогда, когда даже здесь [т.е. в Риме] подобного рода памятники уже находились в небрежении, так как люди, я думаю, избегали из-за религий подобия с изваяниями идолов. Как, стало быть, те [т.е. жители Констан-

тинополя] могли создавать то, что здесь [т.е. в Риме] уже было в прошлом и разрушалось?

51. Так что они [жители Константинополя] стали создавать и изобретать нечто иное, а именно: картины, иконы, рисунки, мозаики – произведения в высшей степени блестящего и надежного искусства, каковые (и особенно мозаики) здесь [в Риме] как будто редки, являясь действительно особенностью одной только Эллады или того города [т.е. Константинополя]. Ведь если какое-то произведение такого рода [т.е. мозаичное] и обнаруживается здесь [т.е. в Риме] или в другом месте, то ясно, что материал и мастерство – оттуда. То же самое, как я полагаю, относится и к скульптуре: там ее начало и оттуда она стала распространяться, чтобы чудесным образом сделать успехи и здесь [т.е. в Риме]. Кто-нибудь, пожалуй, то же самое скажет и в отношении многого другого. Но, как я уже сказал, я оставляю это без внимания. Я оставляю без внимания и прочее из того, что о том городе [т.е. Константинополе] смог бы, пожалуй, сказать кто-нибудь, не прибегая к вымыслам и преувеличениям.

52. Но тот храм, которому его создатель столь удачно дал имя Премудрости Божией⁵⁵ (ибо он и в самом деле не есть дело человеческой мудрости), неужели он позволит, чтобы видевший его стал впредь говорить о чем-то другом, восхищаться этим или обременять себя впредь воспоминаниями об этом другом? Ведь, как я полагаю, ничего подобного у людей ни раньше не существовало, ни когда-либо в будущем не будет существовать, по каковой причине и я, вспомнив о нем, воздержусь, стало быть, от всяких рассуждений по их поводу. Ибо невозможно сказать что-либо эквивалентное достоинству этого строения, а вспомнившему о нем и вообще ни о чем другом невозможно говорить что бы то ни было: ведь тот, у кого ум занят им, уже не может думать ни о чем другом. О чем, как я уже говорил, совершенно невозможно сказать что-либо сообразного с его достоинством, и начавшему высказываться потребуется потратить на него больше времени, чем на все прочие памятники вместе взятые, хотя результат будет тот же: не удастся сказать ничего, его достойного.

53. Поэтому я и спешу, как я уже сказал, отправить сие. Следовательно, нужно было [говорить об этом храме] не в конце речи, как о чем-то второстепенном, без обдумывания (как в тех случаях, о которых я уже упоминал). Но если бы мы смогли с самого начала, после тщательного обдумывания, не заслоняя ничем другим, показать хотя бы какую-то из достопримечательностей в том храме, мы бы остались очень довольны.

54. Ибо возвышенность и величие какой речи сравнится с возвышенностью и величием того храма? Какая краснота речи – с его красотой и какое достоинство – с его достоинством? Какая простота, так сказать, – с его простотой? Какое словесное мастерство и разнообразие сравнится с его разнообразием? Какая точность смысла слов – с основательностью и превосходными свойствами во всех его материалах? Какая структура речи – с гармоничностью его структуры? Ведь даже взяв какую-то одну его деталь или

⁵¹ Имеются в виду статуя Феодосия I на пьедестале (на Forum Taugі, воздвигнута в 394 г.) и, по-видимому, статуя Аркадия, а не Феодосия II (воздвигнута на Ксиролофосе в 402 г.).

⁵² В восточной части полуострова, в районе V. В античные времена здесь располагался театр для военных упражнений (отсюда и название). Здесь же находилась конная статуя Константина Великого, с крестом.

⁵³ Вероятно, речь идет о статуе св. Михаила, воздвигнутой Михаилом VIII Палеологом (1261–1282); у ног святого был изображен император, преподносящий ему город.

⁵⁴ Златые Врата – главные ворота Константинополя, через которые совершались триумфальные въезды императоров после их возвращения из военных экспедиций.

⁵⁵ Храм Святой Софии, торжественно освящен 15 февраля 360 г., разрушен пожаром во время восстания Ника 15 января 532 г., восстановлен Юстинианом по новому архитектурному проекту, включая расширение территории за счет участков соседних домов, и вновь освящен 27 декабря 537 г.

частицу (пусть самую малую), мы, пожалуй, не сможем достойно описать ее. Ибо мы не в состоянии точно описать не только врата и подъезды, но и полукрыльцо, украшения на вратах, колонны, мозаики, мраморную облицовку стен, витражи, использованные в них изделия из меди, серебра, сапфира, золота, а также стекло в мозаичных композициях, какую-то другую деталь.

55. А что сказать о камнях, о плане здания в целом, о здании, как таковом, его ширине, высоте, крыше? То, что у него есть, мы не только не в состоянии описать на словах, но и обозреть глазами, а увидев, не можем поверить, как оно могло выстоять. Ибо точно также, как мы изумляемся тому, что небесная сфера вращается сама по себе, мы с трудом представляем, как этот неподражаемый небесный купол и это перекрытие возникли и до сих пор держатся. И хотя высота по необходимости скрывает от смотрящего человека большую часть размеров здания (а скорее даже и саму эту высоту), кажется все же невозможным преувеличить ее. Так что приходится восхищаться не только столь необъятными размерами здания и такого качества конструкцией его, но и теми людьми, которые без всякого аналогичного образца задумали и спроектировали столь грандиозное творение, сочтя вполне возможным довести его до реализации, и осуществили это⁵⁶.

56. То, что я говорю об этом творении в целом, прежде всего относится к его куполу, каковой тот архитектор, должно быть, замыслил в его нынешнем виде, начиная прямо с фундамента, да скорее даже еще и до закладки самого фундамента, [а замыслив], был твердо уверен, что сможет возвести его. То, что мы сегодня видим, кажется невероятным. Видимо, этот архитектор очень верил в свое мастерство и в те пропорции, которые оно подсказывало ему, выдающемуся технологу и инженеру. Да что там говорить? Взирая на это творение, люди просто не могут не восторгаться изобретательностью и высоким искусством, причем, не только самого архитектора и других строителей, но и всего рода человеческого, да и просто этого живого существа [т.е. человека], и это от того, что у него [у человека?] от природы оказывается столько выдумки, высокого ума, достоинства и силы, сколько никто, пожалуй, раньше не предполагал.

57. Думаю, что у людей с их рукотворными произведениями и близко еще ничего подобного не появлялось. Немало в нем [в храме Св. Софии] обнаруживается чудес, идущих как от природы, так и от мыслительной мудрости [людской], а потому лучше молча восхищаться этим столь величественным и таким замечательным творением. Ведь его созерцание (да даже одно воспоминание о нем) может лишить рассудка и сделать немыми тех, кто на него смотрит и о нем думает, как, случается, слепнут те, кто смотрит на солнце или на что-либо сияющее.

⁵⁶ Архитекторами храма Св. Софии, этого величайшего достижения византийской архитектуры VI в., были Анфимий из Трал и Исидор из Милета. По их замыслу, "все великолепие церкви было сосредоточено внутри нее. Даже в те времена, когда здание не было искажено перестройками и загромождено пристроенными снаружи контрфорсами, его скромные кирпичные стены мало чем могли поразить воображение. Тем более удивляло оно зрителей, вступавших под своды, необыкновенной – при грандиозных размерах – легкостью конструкции. То, что купол здания словно парил над центральной его частью, современники были даже склонны приписывать сверхъестественным силам. Опоры казались невидимыми" (Банк А.В., Липшиц Е.Э. Византийское искусство IV–VII вв. // История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 448).

58. Думаю, что нет никого, кто бы вовсе не знал об останках святых и священных предметах в том городе [т.е. в Константинополе], множество которых возникло там с самого начала, некоторые в разные времена были собраны отовсюду рвением приснопамятных императоров; но множество, в свою очередь, оттуда [т.е. из Константинополя], как из какого-то общего источника, распространилось повсюду. Впрочем, немало еще и сейчас сохранилось.

59. Есть, однако, нечто, о чем я хотел бы сказать, говоря об обоих городах, а именно: рассматривая творения древних как в этом городе [т.е. в Риме], так и в нашем [т.е. Константинополе], можно получить не только наслаждение, но и пользу. Можно ведь восхищаться творениями рук человеческих, а можно и презирать их, не придавая им никакого значения. Ибо если кто-то, созерцая их, размышляет о господстве и мощи Рима, о достоинстве тех мужей, об их деяниях и заботах, и тут же видит, чем все это кончилось, когда не только они, но и все их могущество и господство, да и сами города практически умерли (а ведь, по словам одного автора, и города умирают)⁵⁷, то что он должен думать о людских делах? Как он сможет кичиться, преуспевая, и самоуничижаться, испытывая беды? Чем так уж сможет возгордиться? Короче, чему из дел людских вообще может придаваться важное значение?

60. Я часто, проходя по этим триумфальным улицам, думаю о том, как по ним вели правителей, властителей, других пленников, часто из армян, персов или каких-то других [иноземцев], склонившихся к отпадению [от Рима]. Думаю о полководцах, совершавших триумфальный въезд по ним, и о том, какое ликование было у этих на сердце, а что на душе у тех. Размышляю о толпе горожан, вылившихся на улицы и обступивших их или же смотрящих на все это сверху, из своих жилищ; о звучании музыкальных инструментов; о возгласах, восхвалениях и рукоплесканиях; о чувстве удовлетворения у одних в результате победы над неприятелем где-то в дальнем зарубежье и о скорби других (и их родных: у себя дома) из-за понесенного поражения и подобной помпы; о имевшей тогда место разнице в их судьбах, когда одни из них и себе, и другим казались ужасно несчастными и жалкими, другие же – счастливыми и благодатными.

61. Зато теперь все они равны, все – прах, и, пожалуй, уже не распознать судьбы Помпея, Лукулла, Митридата или Тиграна. Да и сами дома, стелы и постройки превратились в песок, сохранившись лишь в тех случаях, когда принявшая их под себя насыпь находится не вровень с остальной землей, а образует холм. Можно видеть немало статуй тех счастливых и блаженных победителей, брошенных и валяющихся в грязи и глине, вместе с их трофеями и венками. Одни из них обезображены и разбиты на куски, немало других превратилось в известь, песок, в строительный камень. А сколь многочисленны те, что удостоились лучшей доли, лишившись, согласно Аристотелю, присущего камням первоначального счастья⁵⁸ и исполняя роль ступеньки для посадки на коня, фундамента стены, яслей для осла или вола, будучи

⁵⁷ Ср.: Лукиан. Харонт 26.23 (II. P. 22.5 Macleod.).

⁵⁸ Ср.: Аристотель. Физика. Гл. 6 (197 в): Как, например, сказал Протарх: "Счастливы камни, из которых сложены жертвенники, потому что их чтят, а сотоварищи их попираются ногами".

по большей части, как я уже сказал, разбитыми и разломанными. В других случаях терновые кусты с шипами, которыми они заросли, цепляясь, не позволяют им быть видимыми.

62. Бесчисленны те, что под землей и что раньше стояли на возвышенных и освещенных местах (на Капитолии, на Акрополе, на Форуме), с тем, чтобы их видели многие. И те, которые сподобились этого (имею в виду владения или самим предметом или крупной привилегией на него), полагали, что им очень повезло в жизни. Мы знаем, что говорит Пиндар в своих одах о победителях на Истме, в Немее или в Олимпии, уподобляя их богам и прославляя как заслуживающих быть увенчанными после стольких трудов венком из сельдерея, листьями дуба или дикой маслиной. Но подвиги тех, что на стелах, не того свойства [что подвиги апостолов?], а потому будь то в городах или у отдельных граждан (официальных лиц, частных людей или самих царствующих особ), людские дела поистине тщетны, поскольку они не сопряжены с той истинной и божественной добродетелью. Одни из них ищут усад, другие – утешений, но немало и тех, что причиняют боль.

63. Порою мне кажется, что я нахожусь на родине и чтобы это впечатление стало еще осязаемее, я, насколько это возможно, пытаюсь восстановить в памяти то, что в ней для меня есть самого великого и приятного, а именно: смотреть на тебя и беседовать с тобой, и добиваюсь этого с помощью воспоминаний о тебе, писем к тебе и разговоров о тебе с другими людьми. Именно по этой причине я часто и по многу разглагольствовал в письмах к другим лицам, а в этом, как ты сам видишь, я столь долго беседую с Твоим Высочеством.

64. Я всегда полагал, что те граждане, которые хорошо потрудились на благо родины, причем не только добившись конкретных результатов, но и просто пострадав за что-то, должны иметь вечное воздаяние. Помни о таком воздаянии, о василевс! И ты сам, и твои близкие, спасая город, некогда бывший лучшим под солнцем, и снова ведя его к процветанию. Да будем и мы содействовать вам в делах и трудах на благо его, разумеется, насколько это возможно для нас, верных подданных по отношению к вам, человеческим и добрым нашим господам. Ибо для меня это – огромная радость, причем вне зависимости от того, присутствую я или отсутствую, вижу я [тебя] или слушаю, жив я или уже мертв. А пока что прости мне мою говорливость, о василевс. Будь здоров.

Я.Н. Шапов

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ “АВТОБИОГРАФИИ” В.Н. БЕНЕШЕВИЧА

Впервые публикуемая полностью автобиография выдающегося русско-го ученого, византиниста и слависта, историка права и археографа Владимира Николаевича Бенешевича (1871–1938) – подлинный документ страшной эпохи, пережитой отечественной наукой в 1920–1930 гг.

Пройдя школу лучших русских и немецких специалистов по истории церковного права, изучив рукописи в 49 библиотеках Европы и Ближнего Востока, он стал в начале XX в. крупнейшим научным авторитетом в своей области, определившим выработанной им методикой, охватом материала и важностью выводов современную ему науку. Это было признано коллегами в России, избравшими его в 1925 г. в Академию наук СССР, так и учеными трех академий в Германии и Греции и удостоивших его почетных титулов.

Однако в Советском государстве, стремившимся порвать все или почти все связи с наследием старой России (вспомним, что преподавание отечественной истории, хотя и по упрощенной социологизированной схеме, стало возможно только с 1934 г., а Александр Невский и Михаил Кутузов были названы нашими предками только в 1941 г., уже после гибели Бенешевича), в государстве, считавшем, что оно навсегда расправилось с Церковью, специалист по истории церковного права Византии и славянских стран был совсем не нужен.

В.Н. Бенешевич, располагавший обширными знаниями и опытом преподавания, полученными за 35 лет интенсивной работы над материалами, которых, как он писал, “хватило бы для работы целого института”, был готов отдать свои силы и умение становлению новых направлений советской исторической науки, подготовке квалифицированных специалистов в соответствующих областях. Однако то, что считалось высшим достижением человека в науке еще в середине 1920-х годов, к середине 1930-х годов пришло в трагическое столкновение с новыми ценностными критериями, установленными силой в науке, культуре, в организации власти. Труд Бенешевича, подготовка которого заняла 25 лет его работы, изданный наконец в 1937 г. в Германии, ставшей к этому времени гитлеровской, оказался последней каплей, которая вызвала безжалостную расправу и с самим ученым, и с его родными.

“Автобиография” Бенешевича оставалась недоступной в его архивном фонде в Ленинградском филиале Архива АН СССР. Занимаясь историей отечественного славяноведения и собирая соответствующие материалы, А.Н. Горяинов в 1963 г. посетил вдову В.Н. Бенешевича Людмилу Фаддеевну, продолжавшую жить в части его квартиры. От нее была получена копия его “Автобиографии”, которую я использовал при издании в Болгарии II тома его труда “Древнеславянская кормчая в XIV титулах”. К сожалению, цензурные условия не позволили издать документ полностью: все сведения о подвергавшихся им, его женой и сыновьями репрессиях были опущены, но заменены отточиями в скобках в соответствующих местах.

Этот усеченный текст (с сохранением отгочий) был переведен на немецкий язык моим коллегой франкфуртским византинистом Людвигом Бургманом, который дал также статью, посвященную деятельности русского ученого¹.

Условно, в квадратных скобках, но неверно мной была указана при публикации и дата этого документа: 6 октября 1937 г. (в подлиннике даты нет). На самом деле в этот день им была написана для отдела кадров Публичной библиотеки другая “Автобиография” в связи с готовящимся увольнением его со службы. Что касается даты публикуемого документа, то она может быть определена на основе двух указаний. Здесь он пишет о том, что с февраля 1937 г. читает в университете, что его книга еще не опубликована, она “выйдет в марте в свет”. Это позволяет относить написание “Автобиографии” к последнему довольно спокойному периоду жизни ученого, к марту 1937 г., скорее к первой половине месяца.

Последние месяцы жизни оказались страшными для В.Н. Бенешевича, за своими научными занятиями просмотревшего, что он живет уже в другом мире. Ученый не мог понять целей и неизбежности начавшейся вокруг него разрушительной для него и его творчества репрессивных и вынужденных им подчиняться академических органов. Новые и неожиданные удары следовали один за другим и насмерть поражали всех членов его семьи.

После получения из Мюнхена экземпляров долгожданной книги, 12 июня 1937 г., он представил ее на кафедре ЛГУ и с гордостью послал ее с сопроводительным письмом Президенту АН СССР В.Л. Комарову, с которым был связан еще с 1905 г. и получил благодарность за подписью акад. А.А. Борисяка. Неприятности начались 5 сентября, когда у Бенешевича был произведен обыск, опечатан шкаф с бумагами. 6 сентября 1937 г. был арестован (расстрелян 5 января 1938 г.) сын Георгий, 7 сентября арестован (расстрелян 6 октября 1937 г.) сын Дмитрий. 10 октября на заседании кафедры истории средних веков ЛГУ было принято решение за издание книги в фашистской Германии лишить его профессорского звания. На следующий день по требованию дирекции БАН, где он служил в Отделе рукописей, он пишет покаянное письмо, где признает издание книги в Мюнхене “грубой политической ошибкой”, отказывается от членства в германских академиях и просит уволить его от службы “т.к. я болен, ликвидирую всю свою научную работу и уеду из Ленинграда”. В Мюнхен, в историко-филологическое отделение Баварской Академии наук, 14 октября 1937 г. было послано письмо, в котором Бенешевич сообщает, что он больше не в состоянии продолжать издание Иоанна Схоластика².

26 октября в газете “Известия” была опубликована небольшая анонимная статья “Антисоветский поступок члена-корреспондента АН СССР В.Н. Бенешевича”, где сообщалось, что Президиум АН СССР решил применить к Бенешевичу 24 статью Устава и внести на Общее собрание предложение о лишении его звания члена-корреспондента. Связь с германским фашизмом и напечатание книги в Мюнхене в 1937 г. расценивалось как тяжкое преступление против Советской власти, говорилось о его “реакционной контрреволюционной общественно-политической физиономии”, доказанной всей прошлой “деятельностью на поприще укрепления церкви и поповщины в нашей стране”.

¹ B[urgmann] L. Hommage à Vladimir Nicolaevič Beneševič // Rechtshistorisches Journal. 1988. Bd. 7. S. 3–12.

² СПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 194.

Бенешевич пытается оправдаться в письмах к И.И. Славину³ и к В.М. Молотову⁴ 21 и 24 октября и 18 ноября 1937 г., директору Института истории АН СССР Б.Д. Грекову от 14 ноября 1937 г., В.Д. Бонч-Бруевичу, В.И. Вернадскому с просьбой передать Президенту АН СССР В.Л. Комарову 8 ноября 1937 г., но напрасно⁵. Решением Общего собрания АН СССР 8 ноября 1937 г. он был исключен из Академии, 27 ноября арестован. Был репрессирован и брат Владимира Николаевича – Дмитрий Николаевич, о котором он пишет в “Автобиографии”.

Дата смерти Владимира Николаевича долго не была известна. В Советской исторической энциклопедии была опубликована маленькая статья о нем, причем “точная” дата смерти была указана искаженной – 19 декабря 1943 г.⁶ Как говорил мне автор статьи – А.П. Каждан, искаженная дата была названа редакцией намеренно, по указанию органов МВД. О.В. Вайнштейн⁷ дает другую дату, 1939 г., также неверную, но более близкую к реальной. Дата расстрела В.Н. Бенешевича 27 января 1938 г. и даты расстрела его сыновей указаны в письме на мое имя Управления по Ленинградской области КГБ СССР от 23 марта 1989 г. Как рассказывала мне в Ленинграде соседка Бенешевича по квартире и невеста одного из его сыновей Н.Г. Бауэр, Владимира Николаевича при этом последнем, третьем, аресте выносили на носилках.

Список трудов В.Н. Бенешевича и работ, посвященных его жизни и деятельности, опубликован его ученицей Е.Э. Гранстрем⁸. С дополнениями списки его трудов и статей о нем изданы в приложении к II тому его труда “Древнеславянская кормчая XIV титулов”⁹. Библиография его трудов и статей о нем, вышедших позднее, дана в “Православной энциклопедии”¹⁰.

Следует назвать новые публикации работ Бенешевича, в том числе его “Лекции по истории византиноведения” (Ч. I. Введение в византиноведение; Ч. II. Научная обработка в России), выявленные в фонде ПФА РАН 3 192 и изданные И.П. Медведевым¹¹ и новые работы, посвященные ему, например, статью А.Н. Горяинова о репрессиях среди славистов¹², о работах Бенешевича на Синае и вообще в Египте: “Обзор церковно-литературных связей. В.Н. Бенешевич (1907, 1908, 1911 гг.)” в книге архимандрита Августина (Никитина)¹³.

³ Медведев И.П. Письма в защиту Бенешевича. Проблемы всемирной истории. СПб., 2000. С. 72–82. Копии писем В.Н. Бенешевича сохранились в фонде В.Д. Бонч-Бруевича в ОР РГБ.

⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1964. С. 330–331.

⁵ Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. С. 72–73.

⁶ Гранстрем Е.Э. В.Н. Бенешевич // ВВ. 1973. Т. 35. С. 239–243.

⁷ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В.Н. Бенешевича. Т. 2. София, 1987. С. 258–264.

⁸ Герд Л.А., Шапов Я.Н. Бенешевич В.Н. // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 619–621. библиография на с. 621.

⁹ Медведев И.П. Неопубликованные материалы В.Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 577–611.

¹⁰ Горяинов А.Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78–79.

¹¹ Августин (Никитин), архимандрит. Русские паломники у христианских святых Египта. СПб., 2003. С. 221–225.

АВТОБИОГРАФИЯ В.Н. БЕНЕШЕВИЧА¹

Я родился 9/21 августа 1874 г. в Друе Виленск(ой) губ(ернии), Дисненск(ого) уезда; отец мой – служащий, умер в 1909 г. в должности судебного пристава окружного суда. В 1893 г. я окончил с золотой медалью Виленскую I гимназию; 1897 г. – Юридический факультет СП(етер)б(ургского) университета, осенью 1897 г. поехал за границу на средства, данные мне в долг моим приятелем доктором В.В. Гомолицким, который сильно поддерживал меня и впоследствии, вместе с моим младшим братом, который стал горным инженером. Пришлось мне пробыть за границей три года, до 1900 г.; в Лейпцигском университете я слушал В. Вундта по философии, Р. Зома по истории права, К. Биндинга по государственному праву, и др(угих); в Берлине О. Гирке и Г. Бруннера по истории герм(анского) права, А. Гарнака по истории догматов и первобытного христианства и др(угих); в Гейдельберге меня увлекли лекции по истории права (Рих. Шредера, О. Карловы, Г. Еллинека), истории философии (Куно Фишера), истории и др(угие) предметы. В 1898 г., приехав на вакации в СП(етер)б(ург), я обратился к профессору церк(овного) права в СП(етер)б(ургском) университете М.И. Горчакову с просьбой оставить меня на его кафедре. Этот шаг был вызван давнишним интересом к вопросам церк(овного) устройства и к существованию церкви под влиянием Л.Н. Толстого и впечатлений от пребывания моего в качестве старосты гимназической церкви, а в СП(етер)б(ургском) университете от изучения церковного права я получил впечатление, что это – область науки, совершенно неразработанная в отношении греч(еской) и русск(ой) церквей и требующая как раз знания языков и истории, к чему я еще в гимназии особенно тяготел. С осени 1899 г. мне была назначена стипендия по 600 рублей в год, которую я и получал 2 1/2 года, т.е. до конца 1901 г.

Вернувшись из-за границы в 1900 г., я занялся изучением Кормчей книги по рукописи Публичной библиотеки 1284 г. и увидел, что необходимо поехать за границу для изучения хранящихся там греческих рукописей юридического содержания, кроме тех, которые были в Публичной библиотеке. При содействии Академии наук, где мне помогли акад. А.А. Шахматов и П.В. Никитин, начались поездки мои с указанной целью каждое лето в 1901–1908, 1911, 1912 гг., во время которых я изучал греческие, славянские, грузинские рукописи в библиотеках Берлина, Лейпцига, Мюнхена, Йены, Парижа, Милана, Флоренции, Венеции, Рима, Неаполя, Афин, Афона, Солуни, Константинополя, Смирны, Иерусалима, Патмоса, Синая, Александрии, Каира и, конечно, Москвы.

Во время этих поездок определился весь ход работы на всю мою жизнь, так как материал был собран громадный, и наметились не только основные мысли будущих работ, но и способы их осуществления, а самое главное, выяснилась увлекательность работы и в греческой части, и в славянской. Кроме того, завязаны были научные сношения с рядом молодых и старых ученых; из последних назову знаменитых И.В. Ягича в Вене, К. Крумбаха в

¹ ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 184. Л. 23–32. Ксерокопия с машинописи.

Мюнхене и Г. Омон в Париже (член Франц(узской) Акад(емии) наук); из более молодых Г. Миллэ (ныне член Франц(узской) АН), Дж. Меркати (ныне кардинал и библиотекарь Ватикана).

Результатом работы были магистерская и докторская диссертации, посвященные исследованию двух первостепенной важности юридических сборников в 14 титулов и в 50 титт. и длинный ряд разного объема статей.

Один учебный год, 1904–1905 (или 1903–1904?) г. я читал церковное право в Имп. Александр(овском) лицее, но был изгнан директором Лицея Л.П. Соломоном за вольномыслие. После защиты в 1905 г. магистерской диссертации по юридическому факультету СПб Университета я был приглашен на ист(орико)-филологический факультет в качестве прив(ат)-доцента и читал греческую палеографию и отдельные курсы по истории Византии.

В 1905 г. принимал деятельное участие в собраниях магистрантов, где особенно видную роль играл В.Л. Комаров, ныне президент Акад(емии) наук СССР.

Вышедшая в 1905 г. моя книга “Канон(ический) сборник 14 титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-вост. церкви” вызвала большой интерес к себе только в 1911 г., когда один из самых выдающихся исследователей древнейшей истории греко-вост(очной) церкви Эд. Шварц убедился, что изданная им в 1910 г. работа не имеет ценности из-за незнакомства его с моей книгой; отсюда завязалась у нас переписка и дружба. Шварц всячески побуждал меня не медлить с выпуском исследования и о сборнике 50 тит(улов) и ставит на вид возможность издания в Германии обоих сборников, а для начала хотя бы только древнейшего – в 50 тит(улах) – целиком в публикациях вновь возникшей в Страсбурге Акад(емии) наук (членом ее я был избран в 1912 г.).

Об издании обоих сборников я уже завел разговор до 1911 г. в нашей Акад(емии) наук, но мои попытки оказались тщетными, так как Отд(еление) Русск(ого) яз(ыка) и слов(есности) в 1911 г. кончило издание I тома моего труда “Древнеславянская Кормчая в 14 тит(улах) без толкований” (т(ак) наз(ываемая) Ефремовская Кормчая) и затруднялось взять на себя сразу другое большое издание, а в Ист(орико)-Фил. отд(елении) вопрос наткнулся на сопротивление акад. К.Г. Залемана и еще кого-то, а вернее, оставался без движения из-за инертности акад. П.В. Никитина. Поэтому, выяснив безнадежность своих хлопот в России, я обещал сделать издание в Страсбурге и приступил к исследованию сборника в 50 тит(улах), которое вышло в свет в 1914 г. под заглавием “Синагога в 50 тит(улах) и другие юридические сборники Иоанна Схоластика”. Немедленно же Страсбургская Акад(емия) н(аук) взяла на себя расходы по изготовлению необходимых для издания труда Схоластика снимков с рукописей, и предполагалось с 1915 или 1916 г. начать печатание сборника в 50 тит(улах). А я начал подготовку текста и одновременно начал составлять общий обзор всех греческих рукописей юридического содержания в библиотеках всего мира, так как у меня было уже описание 49 библиотек и большое количество снимков и выписок. Подобный обзор имел бы первостепенное значение для всей исследовательской работы по истории византийского права и позволил бы перевести ее на совсем новые рельсы.

Мировая война заставила отложить все большие работы на будущее мирное время и сосредоточиться на преподавательской работе в СПб(ургском) университете по юридическому факультету, где я с 1909 г., после смерти проф. М.И. Горчакова занял кафедру церковного права, и на Высш(их) Женск(их) Курсах, где я с 1907 г. читал тот же предмет. Кстати будет вспомнить, что с 1907 по 1909 г. я состоял профессором церковного права в Сп(етер)б(ургской) Духовной академии, но ревизором от Св(ятейшего) Синода не то архиеп. Антонием (Храповицким), не то архиеп. Дмитрием (Ковальницким) по настоянию ректора архим. Феофана был устранен за вольномыслие, под предлогом того, что женился на католичке. Еще в 1909 г. я был приглашен на кафедру церк(овного) права в Военно-юридическую академию и преподавал, кажется, до 1911 г., когда начальником ее был назначен генерал М.М. Бородин: он уволил меня за свободомыслие.

Во время революции я все время продолжал работу без перерыва, оставаясь в университете, где читал уже не церковное право, а историю греко-римск(ого) права. В 1917–1918 гг. был членом Московского церк(овного) собора и помощником секретаря на нем, причем на мне лежало ведение и печатание журналов заседаний собора; под моей редакцией вышло несколько томов.

В 1922 г. я был привлечен к процессу церковников по делу о сокрытии церковных ценностей и военно-революционным трибуналом оправдан безусловно.

В 1922–1928 гг. работа моя проходила в общении с акад. Ф.И. Успенским, сначала в качестве члена Комиссии А(кадемии) н(аук) “Константин Порфирородный”, потом товарищем председателя той же Комиссии, расширенной в “Русско-византийскую историко-словарную комиссию”, и, наконец, ученым секретарем ее же.

В 1927 г. я был командирован на три месяца за границу и работал в Берлине, Лейпциге, Мюнхене, Париже и Риме. Целью поездки было отыскание материалов для анализа “Греческого глоссария” Дюканжа, поиски следов оригинала издания Записки готского топарха и обследование работы установок П. Кегеля для фотографирования палимпсестов, ввиду желания Гос. Публ(ичной) библиотеки принять меры для фотографирования своих палимпсестов. Результаты командировки были очень удачны, но краткость времени не позволила довести все намерения до конца; особенно жаль, что не было возможности закончить планомерные поиски Записки готского топарха. Богатые материалы о “Глоссарии” Дюканжа и произведенный уже анализ его дали возможность приступить к составлению большого труда о нем, приурочивавшегося мною к 250-летию в 1938 г. появления “Глоссария” и смерти Дюканжа. Осенью 1925 г. я был избран в члены-корреспонденты Академии наук СССР, в 1928 г. была выставлена моя кандидатура для избрания в академики АН СССР (в 1912 г. я был избран почетным доктором прав Афинского университета, в 1927 г. – членом-корреспондентом Баварской Академии наук, а в 1929 г. – член.-корр. Берлинской Академии наук).

Но в 1928 г. 10 сентября умер Ф.И. Успенский, а 25 ноября я был неожиданно арестован органами ОГПУ по обвинению в работе над унией православной церкви с Римом и сослан на три года на Соловки, а в 1930 г. 28 февраля привезен в Ленинград, обвинен в желании быть министром исповеданий в кабинете академика С.Ф. Платонова и затем сослан на Ухту, откуда

новат и не способен был совершить преступление против моей родины: Даже эта вопиющая несправедливость ни на миг не поколебала моей неизменной готовности всеми силами служить на пользу и славу и науки. Горько видеть, что действиями ОГПУ нанесен непоправимый вред моей работе: пропали мои описания греческих рукописей 46 библиотек и более 2000 фотоконтий, разорена моя специально подобранная хорошая библиотека, погибли материалы для многих работ и почти готовые работы, от квартиры осталась одна комната, в которой я живу с женой и двумя сыновьями, научными работниками, в тяжелой для научной работы обстановке коммунальной квартиры.

По возвращении в Ленинград в 1933 г. я возобновил работу по подготовке к изданию текста сборника в 50 тит(улах) и, проработав всецело над ним с величайшей усидчивостью больше года, смог начать набор текста в 1934 г. в декабре; в настоящее время уже все листы (35) подписаны к печати, и книга (I том) выйдет и марте в свет. Таким образом, хоть часть моей 35-летней трудной, сложной и ответственной работы увидит свет. Очень мне жаль, что она появляется не в СССР, но нужно считать громадным успехом советского ученого то, что сила его научной заслуги спокойно признана одним из авторитетнейших научных учреждений Европы, и на долгое время издание советского ученого будет играть руководящую роль для исследования кардинальных вопросов как истории средневековья, так и современной жизни. Конечно, очень хочу и мечтаю о том, чтобы имеющиеся у меня планы еще более важных трудов были осуществлены в СССР.

С осени 1934 г. я приглашен на работу в Л(енинградском) Г(осударственном) у(ниверситете) по истории Византии на Истор(ическом) факультете и в ГПБ главным библиотекарем по рукописному отд(елению) на штатное место на полставки. С февраля 1937 г. приступил к чтению факультативного курса “Византия при Македонской династии”; в ГПБ готовлю описание греч(еских) рукописей.

О состоянии моего здоровья точные сведения может дать КСУ, где я состою на особом учете и пользуюсь тщательной медицинской помощью. Сам могу сказать, что переживания пяти лет тюрьмы (около 1½ лет одиночного заключения) и ссылки сильно отразились на моем здоровье, но не ослабили моей научной энергии.

Мои научные интересы сосредотачиваются в следующих главных направлениях:

- 1) Народы СССР в византийских памятниках.
- 2) Византия в отношении к южным славянам и Древней Руси.
- 3) История источников византийского права.
- 4) История источников древне-русского права.
- 5) История византиноведения в России.

Для работы по этим вопросам у меня были собраны громадные материалы, из которых осталось еще, к счастью, столько, что хватило бы для работы целого Института. Если удастся создать сколько-нибудь сносные квартирные условия для работы, в частности – перевезти к себе остатки моей библиотеки и материалов, хранящихся в Библиотеке Академии наук, то я смогу еще принести пользу для развития византийских штудий в СССР.

У меня два сына олизнеца, родившиеся в 1911 г. 23 дек: 1 сэр и 2 сэр
 в 1936 г. почв(енно)-географ(ический) факультет ЛГУ и состоит научн
 сотрудником Радиового Института НКП в Л(енин)гр(аде), совершил двух
 личную экспедицию на Крайний Север. Дмитрий учится на 2-м курсе Физ
 ческого факультета ЛГУ и состоит научным сотрудником в лаборатор
 эксперим(ентальной) физики Л(енин)гр(адского) Индустр(иального) Инста
 тута и в Научно-исслед(овательском) Институте радиоприема и акустик
 выпустил в свет несколько печатных работ.

Жена моя в настоящее время только домашняя хозяйка, но она оконч
 ла Высшие курсы Библиотековедения при ГПБ и несколько лет работала в
 Доме Плеханова и в Ботанич. Саду (в 1929–1930 гг.). В 1930 г. была аресто
 вана как свидетельница против меня, отпущена на свободу и в 1931 г. без
 всякого основания отправлена в ссылку на 5 лет с конфискацией имуще
 ва, но в 1934 г. возвращена из ссылки и ездила за границу на 4 месяца для
 свидания с отцом, которому уже 76 лет.

Единственный родственник, близкий мне остался у меня мой брат Дмит
 рий Николаевич, горный инженер, в настоящее время директор Института
 металлов в Днепропетровске; он был арестован в 1930 г. без всякого осно
 вания и в 1932 г. освобожден без всяких последствий.

Никто из родственников и я сам в войсках и учреждениях белых прави
 тельств не служил.

Жена моя Людмила Фаддеевна – дочь проф. Фаддея Францевича Зелин
 ского, уехавшего по оптации в 1922 г. в Польшу, где он состоит заслужен
 ным профессором Варшавского Университета, членом Польской Академии
 наук и пользуется всеобщим уважением, как краса и гордость польской на
 уки и литературы. Оба мы поддерживаем письменные сношения с ним*.

Проф. В. Бенешевич

АДСВ
 БАН
 ВДИ
 ЗНОИРАО

ЗРВИ
 ИАК
 ИИМК АН УССР
 ИИМК РАН
 ИПБ
 ИРАИК
 МАИЭТ

МИА
 НЗСК
 ОР
 ПС
 РГНФ
 РНБ
 СА
 СВ

ТКДА
 ТОДРЛ

VHG

Byz.

BZ

CA

CFHB

CSHB

DOP

DOS

DSAM

ÉO

GRBS

JAOS

JÖB

LThK I–X

NE

ODB I–III

PG

PL

PLP

RÉB

REG

RESEEE

SBS

TLG

TM

- Античная древность и средние века
- Библиотека Академии наук
- Вестник древней истории
- Записки Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества
- Сборник Радова византологического института. Београд
- Известия Императорской археологической комиссии
- Институт истории материальной культуры АН УССР
- Институт истории материальной культуры РАН (С.-Петербург)
- Императорская публичная библиотека
- Известия Русского археологического института в Константинополе
- Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
- Материалы и исследования по археологии СССР
- Национальный заповедник “София Киевская”
- Отдел рукописей
- Палестинский сборник
- Российский гуманитарный научный фонд
- Российская национальная библиотека
- Советская археология
- Средние века
- Труды Императорской Киевской духовной академии
- Труды Отдела древнерусской литературы
- Bibliotheca hagiographica Graeca
- Byzantion
- Byzantinische Zeitschrift
- Cahiers archéologiques
- Corpus fontium historiae byzantinae
- Corpus scriptorum historiae byzantinae
- Dumbarton Oaks Papers
- Dymbarton Oaks Studies
- Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. P.
- Échos d’Orient
- Greek, Roman and Byzantine Studies
- Journal of the American Oriental Society
- Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien
- Lexikon für Theologie und Kirche. Bd. I–X. Freiburg in Br., 1957–1967
- Νέος Ἑλληνομνημῶν
- The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. I–III. New York: Oxford, 1991
- Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. P.
- Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. P.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1995. Fasc. 1–12
- Revue des Études Byzantines. P.
- Revue des Études Grecques
- Revue des Études sud-est européennes
- Studies in Byzantine Sigillography
- Thesaurus Linguae Graecae
- Travaux et Mémoires. P.

* Публикация Я.Н. Шапова.

Научное издание

Византийский временник

BYZANTINA ХРОНИКА

Том 64 (89)

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Н.В. Барина*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 06.06.2005
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,0 + 2,1 вкл. Усл.кр.-отг. 30,4. Уч.-изд.л. 33,3
Тираж 650 экз. Тип. зак. 1140

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Научное издание

Византийский временник

BYZANTINA ХРОНИКА

Том 64 (89)

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Н.В. Барина*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 06.06.2005
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,0 + 2,1 вкл. Усл.кр.-отг. 30,4. Уч.-изд.л. 33,3
Тираж 650 экз. Тип. зак. 1140

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12